

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Е. А. Ерохина

**СИБИРСКИЙ ВЕКТОР
ВНУТРЕННЕЙ ГЕОПОЛИТИКИ РОССИИ**

Ответственный редактор
Ю. В. Попков

Новосибирск
2012

УДК 323(571.1/5)
ББК 66.3(2Рос).5
Е 785

Утверждено в печать
ученым советом Института философии и права СО РАН

Ерохина Е. А. Сибирский вектор внутренней геополитики России / Отв. ред. Ю. В. Попков / Ин-т философии и права СО РАН. Новосибирск, 2012. 418 с.

ISBN 978-5-4437-0117-2

В монографии раскрываются геополитические аспекты становления российской цивилизации, показывается роль этнического многообразия в ее развитии, освещается проблема влияния ментальных установок (географических образов, этнических стереотипов, европоцентристских ориентаций) на теоретические знания, определившие характер освоения и социально-экономической модернизации Сибирского региона и Азиатской России в целом. Сибирский макрорегион представлен как территория, развитие которой отражает специфику эволюции отношений между центром и периферийными частями геополитической платформы российской цивилизации.

Работа адресована всем, кто интересуется проблемами геополитики, цивилизационной компаративистики, этносоциологии, регионоведения.

The monograph reveals the geopolitical aspects of the becoming of Russian civilization; shows the role of ethnic diversity in its development; highlights the problem of the mutual influence of the mental attitudes (geographical images, ethnic stereotypes, Eurocentric orientations) and theoretical knowledge that defined the pattern of mastering and socio-economic modernization of Siberian region and Asian Russia as a whole.

Siberian macro-region is represented as a territory whose development reflects the specifics of the evolution of relationships between the central and peripheral parts of geopolitical platform of Russian civilization.

The book is addressed to anyone interested in issues of geopolitics, civilizational comparativistics, ethno-sociology and regional studies.

Рецензенты:

канд. филос. наук Е. В. Показова,
канд. филос. наук Л. Б. Сандакова,
канд. филос. наук И. В. Удалова

ISBN 978-5-4437-0117-2

© Ерохина Е. А., 2012
© Институт философии
и права СО РАН, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Раздел 1. Геополитика как академическая дисциплина и общественный феномен	11
Глава 1. Геополитика как академическая дисциплина	11
Глава 2. Геополитика как общественный феномен.....	21
Глава 3. Социокультурные предпосылки и современный контекст геополитического проектирования	29
Раздел 2. Этническая гетерогенность как проблема внутренней геополитики России	47
Глава 4. Культурное многообразие и внутреннее геополитическое пространство: теория, практика и опыт исследования	47
Глава 5. Основания региональной дифференциации и геополитическое пространство России	64
Глава 6. Проблема этнокультурного многообразия в контексте строительства российской государственности	76
Глава 7. Концепт «народность» в судьбе и наследии русской геополитики	90
Глава 8. Ментальная география и традиции конструирования геополитических образов России и ее регионов (на примере Азиатской России).....	98
Раздел 3. Цивилизационная специфика геополитического пространства России	107
Глава 9. Геополитика в оптике цивилизационного подхода	107
Глава 10. Великие географические открытия в Евразии и русская колонизация Сибири.....	111
Глава 11. Европа и Россия на пороге Нового времени: сравнительный анализ.....	121
Глава 12. От Московии к России	129
Глава 13. Геополитические факторы в динамике межкультурного синтеза народов Евразии (на примере взаимодействий этносов Сибири в XVII — начале XX в.).....	143

Раздел 4. Россия как объект геополитических проекций модерна (от русского Просвещения до евразийства).....	151
Глава 14. Идеи Просвещения и «европейский» образ России в географии модерна.....	152
Глава 15. Идеи романтизма и образ России как славянской страны.....	161
Глава 16. Цивилизационный дихотомизм и образ России в философии русской идеи	167
Глава 17. Знание и власть в геополитическом проектировании развития народов и регионов России.....	178
Глава 18. От ориентализма к посториентализму: евразийский поворот в геополитике.....	184
Раздел 5. Сибирский вектор в системе цивилизационных координат	191
Глава 19. После евразийства: образ России в постсоветских геополитических исследованиях	191
Глава 20. Структура внутреннего геополитического пространства России в концепции внутренней геополитики М. Ильина	207
Глава 21. Геополитическая формула России в «островной» концепции российской цивилизации В. Цымбурского	213
Раздел 6. Сибирь на карте России.....	229
Глава 22. «Сибирское» измерение образа России.....	229
Глава 23. «Другая Россия»: Сибирь и ее население в процессе социальной модернизации	235
Глава 24. Геополитические проекции Сибири: три этапа статусной трансформации региона в общественном сознании россиян.....	243
Раздел 7. Сибирь как пространство цивилизационного синтеза народов Евразии в компаративных исследованиях	253
Глава 25. Проблема этнокультурного многообразия в современном российском этнолого-антропологическом знании.....	253
Глава 26. Геополитическая и цивилизационная проблематика в опыте исследований новосибирской этносоциологической школы	267
Глава 27. Российская цивилизация: опыт сравнительного исследования ценностных ориентиров Востока и Запада	280
Глава 28. Сибирский вектор в теории и практике сравнительного изучения цивилизаций: исторические и социологические аспекты исследования российской цивилизации	288
Глава 29. Проблема цивилизационной идентичности и социокультурные ориентации народов Сибири и юга России: глобальный контекст	297

Раздел 8. Межэтнические взаимодействия народов Сибири как фактор развития геополитического пространства российской цивилизации	305
Глава 30. Этничность и межэтнические взаимодействия как факторы социокультурной и геополитической интеграции: теоретико-методологический анализ	305
Глава 31. Историко-региональная специфика межэтнических взаимодействий народов Сибири (на примере взаимодействия русских и народов Севера).....	315
Глава 32. Советская модель межэтнической интеграции в развитии сотрудничества и состязательности между этносами Сибири.....	321
Глава 33. Этнополитическое развитие народов России и формирование региональных моделей гражданской интеграции: опыт суверенизации (на примере Республики Саха (Якутия))	340
Глава 34. Этносоциальное развитие народов Сибири в постсоветский период (1990-е — первая половина 2000-х).....	359
Глава 35. Миграция и проблема этнического многообразия России: современное состояние (на примере межэтнических отношений в сибирском мегаполисе).....	372
Заключение.....	395
Список литературы	397

*Моим родителям Эльвире Павловне
и Анатолию Александровичу*

ВВЕДЕНИЕ

Мир стремительно меняется. Признаками этого изменения можно считать трансформацию геополитической структуры мира, рост активности и влияния на политические процессы так называемых «несистемных» политических сил, использование современных методов и средств коммуникации для широкой общественной мобилизации в ситуации дефицита каналов взаимодействия по линии «власть — общество». В условиях переходного состояния современной мировой системы возникает потребность в осмыслении кризиса той политической модели, в которой национальное государство играло определяющую роль. Одним из инструментов такого осмысления является геополитика.

Как научная дисциплина геополитика представляет собой междисциплинарную область, изучающую закономерности управления пространством участниками глобального процесса коммуникации на нашей планете. Ядро геополитики — политическая география, в центре внимания которой традиционно находятся сила и мощь государства, в том числе военная, выражающаяся в способности решать задачи внешней безопасности, а также территориального расширения. Политическая география традиционно ориентирована на анализ взаимосвязи между такими факторами, как власть, территория и ресурсы.

Интерес к ресурсным возможностям государства, с которыми связана его сила и мощь, обусловил выход геополитики за пределы политической географии. В XX в. произошло усиление экономической составляющей ее методологической матрицы благодаря трудам Н. Кондратьева, Ф. Броделя, И. Валлерстайна. Геоэкономика позволила объяснить, как при помощи экономической мощи государства достигаются внешнеполитических целей, перераспределяют в свою пользу мировые ресурсы и власть, обеспечивают собственное экономическое, технологическое и инновационное развитие.

Распад СССР и конец биполярной модели мира предопределили кризис традиционной геополитической модели исследования, базирующейся на представлении о том, что факторами, определяющими поведение государств в международных отношениях, являются пространственно-географические характеристики страны и способ организации государственной власти. Конец биполярной модели мира показал важность идеологии, влияние которой в условиях глобализации усилено за счет развития средств коммуникации и расширения индивидуального и национального информационного пространства.

Это «настраивает» геополитику на учет целого ряда социокультурных факторов, требует от нее обостренного внимания к взаимному наложению институциональных и сетевых отношений, к проблемам макро- и субрегионального

развития, к человеку как носителю геополитических установок и ментальным феноменам его сознания. В настоящее время, по мнению В. А. Дергачева, геополитика все больше ориентируется на учет целого ряда цивилизационных факторов, что предполагает совмещение на междисциплинарном, философском уровне географического, исторического и социологического анализов¹.

В современных исследованиях принято различать геостратегию и геополитику. Как полагает М. В. Ильин, геостратегические исследования нацелены на построение ресурсных моделей государств и отношений между ними в условных пространствах. Геополитика же, по его мнению, имеет дело с качественно определенными пространствами, объединяя информацию о характеристиках самого пространства с информацией о способах политической организации в данном пространстве. В фокусе геополитики оказывается специфика взаимодействия географических факторов, включая антропный фактор (население), с различными формами управления, возможности и ограничения, накладываемые географией и историей на организацию власти и управленческие практики².

Геополитика является не только наукой, но и формой политического участия, нацеленной на мобилизацию народов и элиты на решение актуальных задач, стоящих перед обществом, с помощью географических образов (моделей) с заложенным в них зарядом политических ориентаций и установок. Задачи геополитики, говоря словами В. Л. Цымбурского, заключаются в следующем:

- породить у элит и народа мысль об отождествлении с неким «географическим организмом», изображаемым моделью;
- увлечь их сознание некоей «жизненной проблемой» этого организма;
- направить их волю на решение этой проблемы³.

Источником геополитических образов, концепций и практик выступают цивилизации и составляющие их народы, в недрах коллективного сознания которых происходит формирование сложного комплекса внешне- и внутриполитических ориентаций. Не является исключением и российская многонациональная цивилизация⁴. Это побуждает учитывать значимые мировые тенденции, влияющие на ее развитие: полицентричность (многополярность) мира; конфликт между унифицирующим воздействием глобализации, интен-

¹ *Дергачев В. А.* Геополитика: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. URL: <http://dergachev.ru/book-geop-2004/3.html>

² *Ильин М. В.* Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3. С. 82–83.

³ *Цымбурский В. Л.* Дождались? Первая монография по истории российской геополитики. Рецензия на книгу: *Алексеева И. В., Зеленев Е. И., Якунин В. И.* Геополитика в России: Между Востоком и Западом. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2001. URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/review/wait>

⁴ *Тренавлов В. В.* Многонациональная цивилизация России: поиски закономерностей // Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия. М.: Наука, 2003. С. 342–377.

сифицирующим модернизацию отдельных стран и регионов, и реальной потребностью их населения в сохранении мироцелостности, заставляющей сопротивляться ее вестернизированным формам; повышение статуса внутренних регионов различных государств на международном политическом поле.

Последнее обстоятельство актуализирует проблему изучения внутренних регионов, в том числе и макрорегионов России, таких как Юг, Кавказ, Урал, Север, Сибирь, Дальний Восток, их влияния на мировую геополитическую ситуацию. С распадом СССР граница между внешней и внутренней геополитикой стала условной. Значительная доля русских и русскоязычных соотечественников, граждан бывшего СССР, осталась за пределами России. Сама Россия принимает миграционные потоки из стран ближнего зарубежья, выступая принимающим сообществом по отношению к бывшим соотечественникам. Многие из них, в том числе и этнические мигранты, учились в советской школе, владеют русским языком, испытывают симпатии к СССР и России и готовы принять гражданство РФ. В то же время с мигрантами приходят иные, нередко чуждые россиянам традиции и модели отношений, препятствующие их интеграции в российское общество.

Свободное перемещение людей, товаров, денег через национальные границы увеличило социальную сравнимость. В глобальном обществе, частью которого является современная Россия, средства коммуникации позволяют человеку выбирать объект для сравнения чрезвычайно произвольно. Результатом этого сравнения нередко оказывается депривация, восприятие собственного положения как незаслуженно ущемленного в сравнении с другими, что чревато социальными взрывами.

Проблемы возникают не только в межличностной или межгрупповой, но и в институциональной сфере. Современное национальное государство испытывает давление транснациональных корпораций (ТНК), с одной стороны, и подвергается воздействию межгосударственных союзов, в которые оно оказывается вовлеченным, — с другой. Влияние ТНК и межгосударственных союзов с их экономическими и политическими структурами обуславливает неоднородность и неравномерность развития регионов внутри государства, усиливает мощь одних и ограничивает возможности других.

Выходя на область практического применения, российская геополитика нарабатывает стратегии регионального развития. В этой связи в научных исследованиях появилось понятие региональной геополитики⁵. Однако внутренняя геополитика включает, на наш взгляд, не только управление определенной территорией (регионом), но и управление населением, что невозможно без учета его этнической составляющей. Как полагает А. В. Ремнев, внутреннее

⁵ *Нурыйшев Г. Н.* Внутренняя геополитика России: исторические основания и современные вызовы // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2005. № 5. Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, история, социология, экономика, право). С. 233.

геополитическое пространство вбирает в себя формируемый людьми социокультурный ландшафт, государственные и административные границы, этнические, конфессиональные и локальные идентичности, национальные проекты и миграционные процессы⁶. «...Пространство — реальность не только сегодняшняя, но и в очень большой степени вчерашняя», — заметил Ф. Бродель. «Таким образом, — заключил он, — история тяготеет к закреплению границ, которые словно превращаются в природные складки местности, неотъемлемо принадлежащие ландшафту и нелегко поддающиеся перемещению»⁷.

Субъектами геополитического управления принято считать государства. Однако носителями геополитических проекций (образов) являются люди, реализующие на практике геополитические акты. Конкретные управленческие и политические акции, равно как и научные теории, имеют своих авторов, индивидуальное поведение которых обладает качеством обусловленности коллективными представлениями народов и созданных ими цивилизаций, склонных рассматривать собственные представления как эталон.

Таким образом, цивилизация оказывается чрезвычайно важным для осмысления геополитики концептом. Под цивилизацией понимается локальная макросоциальная общность (локальная цивилизация), обладающая характеристиками устойчивости и способности к саморазвитию. Цивилизация представляет собой сложную систему, атрибутами которой выступают: а) связь населения с пространством (средой обитания и местом развития, конкретным регионом планеты); б) общность исторических судеб (совместное участие народов и государств в событиях, имеющих политический, военный, культурный характер, — войнах, миграциях и т. п.); в) наличие общих базовых черт в экономике, социальной организации, культуре, религии, ментальности; г) осознание народов своей принадлежности к данной цивилизации; д) общий язык коммуникации.

Формула цивилизации заключается в единстве базовых черт социальной организации и культуры. Это позволяет рассматривать цивилизацию как систему институционально-нормативной и ментальной (ценностной) самоорганизации общества на макроуровне социальной дифференциации человечества. Фундаментом цивилизации является мир-экономика в том смысле, какое значение этому понятию придают Ф. Бродель и И. Валлерстайн. Интеграционным механизмом выступает коммуникативное пространство одного или нескольких языков межэтнического общения.

Данная монография является продолжением исследований специфики российской цивилизации Новосибирской этносоциологической школы. Созданная на базе Института философии и права СО РАН, она объединяет исследовате-

⁶ Ремнев А. В. Внутренняя геополитика азиатской России конца XIX — начала XX в. // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 184.

⁷ Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1994. Кн. 1. Пространство и история. С. 19, 274.

лей, осуществляющих экспертную деятельность в сфере социологического анализа теоретико-методологических и прикладных проблем, касающихся состояния и регулирования современных этносоциальных процессов в Сибири и сопредельных территориях (в том числе на Дальнем Востоке, Крайнем Севере и в Монголии), в контексте социальных трансформаций и глобализации, усиливающих межцивилизационных и межэтнических взаимодействий.

Методологическими приоритетами Новосибирской этносоциологической школы являются ориентация на системно-генетический и цивилизационный подходы к анализу российской реальности, выявление социокультурных факторов, обусловивших характер современных трансформаций⁸. В настоящее время в связи с нарастанием глобализации и регионализации возрастает степень рефлексивности индивидов — представителей этнических, региональных, субцивилизационных общностей, что предполагает учет активности человеческого сознания. Поэтому востребованным оказывается междисциплинарный синтез цивилизационного, системно-генетического и феноменологического подходов. Феноменологический подход открывает для социального субъекта, будь то индивид, сообщество или социальная группа, возможность моделирования таких структурных условий, которые были бы желаемыми для него, а для исследователя — возможность изучения структур сознания и их влияния на социальное поведение и деятельность. Понятие ментальности уже доказало свою высокую эффективность в гуманитарных исследованиях. Перенесение данного понятия в социальное знание позволит глубже понять взаимную обусловленность социальных явлений и идей.

Научные идеи, проникнув в сознание людей, порождают ощущение того, что они есть отражение подлинной реальности. На основании этих идей люди делают выбор, строят планы, осуществляют социальные акты. Понимание механизма «обратного действия» идей на социальные институты и культурные образцы становится насущной задачей.

С этой точки зрения геополитика вызывает одновременно теоретический и практический интерес. Опирируя ментальными образами, геополитика нацеливает на достижение реального политического результата. Такое соединение воображения и политического акционизма открывает перспективы пересмотра «догоняющей» модели модернизации, создания научного базиса для формулировки положений «опережающей» модели развития страны и составляющих ее регионов. Возможно, пересмотр некоторых положений модернистской парадигмы послужит прологом «возвращения» человека в социальные науки в качестве творца истории и субъекта социального и политического действия.

⁸ Попков Ю. В. Роль академика А. П. Окладникова в формировании и развитии новосибирской школы этносоциологии // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. С. 8–10; *Он же*. Академик А. П. Окладников и сибирская этносоциология // «*Nomo Eurasicus*» у врат искусства: Сб. науч. тр. / Под ред. Е. А. Окладниковой. СПб.: Астерион, 2009. С. 29–34.

РАЗДЕЛ 1. ГЕОПОЛИТИКА КАК АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН

Глава 1. Геополитика как академическая дисциплина

Геополитика является одним из крупнейших интеллектуальных трендов, порожденных усилиями преодолеть кризис классической рациональности с ее историческим оптимизмом, верой в прогресс и познаваемость мира, социальную справедливость. География модерна, постулировавшая существование мира как единого целого, была вдохновлена Великими географическими открытиями и успехами в астрономии и физической географии. Своим когнитивным усилием она создавала его картину, подчиненную принципам универсальности познания, взаимной дополнительности рационально-логического и эмпирического методов, адекватности картографических проекций географическим реалиям.

Кризис механицизма изменил дисциплинарную матрицу географии. Как и всякая научная революция, геополитический поворот в географии имеет двоякий корень: с одной стороны, внутринаучный, обусловленный развитием самого научного знания, с другой стороны, общественный, детерминированный характером социальных изменений. В числе последних — становление империализма и завершение формирования мировой колониальной системы. Наметившийся во второй половине XIX — начале XX в. **передел мира** побуждал «старые» европейские государства, прежде всего Англию и Францию, «зарезервировать» свое место в системе условных международных координат. «Новые» акторы международной политики, в частности США и Германия, стремились к переделу уже «поделенного». Экспансия отдельных стран и даже цивилизаций за пределы их исторических ареалов привели к образному «захвату» в реальном пространстве иных частей света, как, например, в ситуации с США, которые, располагаясь в Новом Свете, осмысливались как часть «западного» мира. В отличие от них, например, страны Латинской Америки, располагающиеся в той же части света, к образному «Западу» отношения не имели. Процессы, происходившие в международных отношениях, нуждались в научном осмыслении.

Отцом-основателем геополитики принято считать немецкого географа Фридриха Ратцеля, который, отталкиваясь от популярной в конце XIX в. эво-

люционистской доктрины, сформулировал основы «пространственного» подхода к изучению политики. Принципиально важным в этом подходе оказалось положение о взаимосвязи территории («почвы») и населения («народа»), из которой рождаются государства. Сам термин «геополитика» был введен шведским географом Рудольфом Челленом, который подчеркнул обусловленность политических процессов географическими факторами. Опираясь на идею Ратцеля о государстве как живом организме, Челлен предложил динамический подход к государству и его географическим атрибутам, заложив основы новой академической дисциплины, предметом которой стали технология управления и контроль над пространством¹.

В современном развитии геополитической мысли выделяются следующие крупные направления: атлантизм, континентализм и прикладная геополитика. Атлантистские теории представлены работами Х. Маккиндера, А. Т. Мэхена, Н. Спайкмена и их современных последователей Г. Киссинджера, С. Хантингтона, З. Бжезинского. Эта англосаксонская традиция, исходя из функциональной ориентации населения, делит мир на народы Суши и народы Моря. Ее теории отстаивают постулат о доминировании народов и стран, тяготеющих к морю, над народами континента. Это обусловлено, с их точки зрения, ведущей ролью прибрежных цивилизаций, которые продуцируют культурные импульсы, расходящиеся далее вглубь континентов. Данное направление обосновывает мировое лидерство народов Моря, прежде всего представителей англосаксонской культуры, развитием прогресса в научно-технической революции, позволившем добиться стратегического приоритета благодаря развитию технических средств. Ценностное содержание атлантистской доктрины базируется на догмате соперничества Запада и Востока, необходимости доминирования Запада в целях повсеместного распространения идеалов прогресса — конституционной демократии и прав человека в их либеральном понимании, как в наибольшей степени соответствующих идее гуманизма. Инструментом этой стратегии видится интеграция в западную цивилизацию всех обществ в Латинской Америке и Восточной Европе, чьи культуры близки западным ценностям в такой «прогрессорской» интерпретации.

Противоположностью атлантизма является континентализм, геополитическая традиция, обосновывающая экономическую и политическую гегемонию одной страны или группы господствующих на континенте стран. Континенталистские школы возникали и развивались в России (Н. Я. Данилевский, В. И. Ламанский, А. Е. Вандам), Германии (Ф. Ратцель, К. Хаусхофер, К. Шмит) и по определению невозможны в англосаксонском мире. В практическом плане реализацией континенталистских устремлений был советский геополитический проект. Его опыт был обобщен за пределами СССР, русскими интеллек-

¹ Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. М.: ЛИБРОКОМ, 2011; Челлен Р. О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства // Полис. 2005. № 2. С. 115–126.

туалами в эмиграции (евразийцами), что, однако, не снижает ценности этого осмысления. В постсоветский период континентализм реализуется в тесном экономическом и политическом сотрудничестве России и Европейского союза, в частности в партнерских отношениях двух континентальных стран — России и Германии, ответственных за стабильность на европейском континенте после распада биполярной модели мира.

В 1970-е гг. в геополитике формируются предпосылки для отказа от географического дуализма и деглобализации геополитического мышления. Существенным моментом указанного тренда является феноменологизация пространства в географических исследованиях. Разнообразие регионов, стран, континентов затрудняет возможность формирования единого и при этом достаточно корректного географического образа мирового развития². Между тем появилась потребность ментально освоить не только обитаемое, но и необитаемое пространство. Свой вклад внесли массовые миграции и развитие туризма, стремление людей путешествовать по миру. Желание визуализировать представления о странах и регионах, сделать их более рельефными входит в противоречие с необходимостью дистанцирования, отвлечения от политических, экономических и культурных деталей ради создания компактного, легко манипулируемого образа. На этом пути возникает осознание культурной опосредованности географических образов и стремление постичь закономерности формирования коллективных пространственных представлений.

В этом интеллектуальном контексте в европейской геополитической науке формируется так называемая прикладная геополитика, которая ставит в центр анализа конкретное региональное пространство. Наиболее известной школой, представляющей это направление, является школа Ива Лакоста, объединившая широкую группу географов, историков, социологов и политологов вокруг журнала «Геродот». Она получила название «внутренней геополитики». В целом это направление может восприниматься как противоположность традиционной геополитике, так как в центре внимания здесь оказывается не государство, а человек. Идейное обоснование «внутренней геополитики» находит в трудах французского геополитика В. де ля Блаша, полагавшего человека основным субъектом геополитического действия³.

В центре анализа «внутренней геополитики» — феномен внутреннего геополитического пространства как важного звена внешнеполитической стратегии государства. Применяя геополитический анализ для объяснения региональных явлений, современные французские авторы рассматривают пространство как элемент развития человека, который может актуализироваться как политиче-

² *Замятин Д. Н.* Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004. С. 67.

³ *Моро-Дефарж Ф.* Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996. С. 142.

ский фактор, а может и не актуализироваться как таковой⁴. Закрепляя антропологический подход в исследованиях, представители этой школы уходят от жесткого географического детерминизма, уделяя значительное внимание анализу исторических факторов, коммуникации людей, денег, товаров и символов. Геополитическое пространство региона в этом подходе предстает как географическое и символическое единство, результат истории проживания населения на данной территории. Геополитическое пространство исследуется как феномен, порожденный творческой деятельностью человека и «артикулированный» им посредством символов и образных презентаций.

В российской науке внутренняя геополитика как отдельная концепция со своими научными школами не сложилась, однако ее методология активно используется философами, историками, культурологами и географами. Наиболее интересные образцы ее применения представлены в трудах В. Цымбурского, М. Ильина, Г. Нурышева, Д. Замятина, А. Ремнева⁵.

Как интеллектуальное движение, рожденное на стыке академической науки и практической политики, геополитика пытается «усидеть на двух стульях», сохраняя известную двойственность: с одной стороны, обладание статусом академической научной дисциплины, с другой стороны, принадлежность к политике вне зависимости от того, сознательно ли она формируется или осуществляется стихийно. Среди самих геополитиков не утихают споры о том, что можно считать ее предметом, является ли она наукой в строгом смысле этого слова, можно ли ее выводы использовать в качестве научных аргументов. Бесспорно одно: геополитические исследования не являются политическими текстами в прямом смысле этого слова.

В самом общем виде геополитика как область научного знания изучает влияние географических факторов и географического положения на политическое развитие государства и его «пространственное (в терминологии Ф. Ратцеля) поведение». Она рассматривает пространство, содержащее некий потенциал саморазвития, как фактор политического развития государств, народов, индивидов. Полагая самоопределение в конкретном географическом пространстве

⁴ *Бабков А.* Иконографический подход в работах французских геополитиков // *Власть*. 2010. № 7. С. 70.

⁵ *Ильин М. В.* Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // *Полис*. 1998. № 3. С. 82–94; *Замятин Д. Н.* Указ. соч.; *Нурышев Г. Н.* Внутренняя геополитика России: исторические основания и современные вызовы // *Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки*. № 5. СПб., 2005. С. 233–240; *Ремнев А. В.* Внутренняя геополитика Азиатской России конца XIX — начала XX в. // *Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего: Сб. материалов Междунар. науч. конф.* Новосибирск: Параллель, 2011. С. 184–203; *Цымбурский В. Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5–28.

необходимым актом установления властных отношений⁶, геополитика целиком привязана к географической карте мира в том ее виде, в каком она сложилась после эпохи Великих географических открытий. Геополитика помещает вновь открываемое в уже сформированную Великими географическими открытиями картину мира, выполняя общезначимую культурную функцию: сохранение, несмотря на увеличивающийся объем информации, целостности картины мира.

Строго академические геополитические исследования связывают карту с письменной интерпретацией. Таковы, например, исследования Х. Маккин-дера и К. Хаусхофера, накладывающие текст (смысловую интерпретацию) на географическое изображение. Географические образы в этом случае формулируются в смысловом поле взаимодействия картографических изображений и смысловых интерпретаций⁷.

Однако геополитика всегда сохраняет возможность отделения языка от картографической основы. Попадая в систему особых языковых концептов, например, идеологических (колониализм, империализм, перманентная революция или построение социализма в одной отдельно взятой стране), географические понятия (Европа, Азия, Америка, Россия, Китай) могут вообще утрачивать связь с традиционной географией. Аналогичный механизм наблюдается, например, в процессе художественного творчества: литературного, музыкального, изобразительного⁸.

Примером такого отделения может служить долгая жизнь биполярной модели мира, рожденной эффектом идеологизации географического пространства. Так, в период противостояния западного и восточного блоков образ СССР ассоциировался на Западе с империей зла, а дихотомия либерализм — коммунизм из идеологической постепенно трансформировалась в морально-этическую. Оформленная в соответствующую идеологическую оболочку, эта модель стала инструментом политического действия западных государств в идеологической войне против СССР.

Как и всякая дискурсивная деятельность, геополитика является порождением той культуры или цивилизации, в интересах которой она артикулирует свои цели и стратегии, в социокультурный контекст которой она включена как часть политической жизни соответствующего общества, на языке которой она продуцирует геополитические интерпретации. Взаимосвязь пространства и языка прослеживается в различного рода текстах: от письменных до изобразительных. Эти тексты, порожденные культурой, имеют весьма значительный потенциал влияния на геополитическое действие.

Механика геополитического действия заключается в последовательности следующих шагов: 1) зарождение образной проекции в социокультурном контексте соответствующей культуры / цивилизации, включающая идеологию

⁶ *Замятин Д. Н.* Власть пространства и пространство власти... С. 57.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Там же. С. 52.

ческое наполнение образного содержания; 2) артикулирование государством или группой элит программы действий; 3) геополитический акт. Следует отметить, что осуществленный акт предполагает рождение новых образных проекций, и сам механизм, таким образом, начинает работать по принципу обратной связи.

В своей дискурсивной ипостаси геополитика опирается на концепты, которые либо заимствованы, либо синтезированы из понятий смежных с ней областей знания, географии и политологии: геополитическое пространство, центр, периферия, граница, образная проекция (образ). К геополитическим концептам также относится целая серия научных по содержанию и мифологических по структуре конкретных образов стран и регионов, содержащих в свернутом виде географическое пространство: «Запад», «Восток», «Евразия», «Россия», «Китай» и проч. Миф предлагает экономичные с точки зрения мышления механизмы восприятия, переработки, хранения, трансляции и воспроизводства информации. Позитивной стороной мифологического мышления является также его процедурный характер, содержащий алгоритм действий в определенном контексте.

С точки зрения дефиниции геополитических категорий и понятий весьма интересен словарь геополитических терминов, разработанный Д. Н. Замятиным. Опыт работы с ним позволил определить базовое для понимания геополитики понятие географического образа как устойчивого представления, которое формируется в результате человеческой деятельности и является моделью определенного географического пространства, созданной для достижения определенной цели. В этом определении содержатся такие важные черты, как максимальное сближение идеального образа с реальностью, функциональная направленность на цель, определенный консерватизм образа⁹.

Разновидностью географического образа является геополитический образ — целенаправленное и структурированное представление о географическом пространстве, включающее характеристики, маркирующие его с политической точки зрения¹⁰. Например, геополитический образ России в начале 1990-х гг. содержал характеристики большой по территории и весу в мировой политике страны, с военной мощью, высокой культурой, серьезным человеческим потенциалом, однако с инертной социально-экономической структурой и дистанцированной от народа властью. Этот образ провоцировал ассоциативную связь с компрадорскими режимами в развивающихся странах и побуждал международных партнеров России к манипулятивным стратегиям по отношению к действующей на тот момент власти.

После распада СССР он дополнился характеристикой непредсказуемости в отношениях с другими государствами — столь непоследовательна

⁹ Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти... С. 324.

¹⁰ Там же. С. 328.

и противоречива была внешняя и внутренняя политика России. Так, правление Б. Н. Ельцина, начинавшего свою постсоветскую карьеру Президента России в качестве демократа и реформатора, отметилось весьма неожиданными действиями, противоречащими заявленной им либеральной линии. Один из таких актов — въезд российских миротворцев из корпуса ООН по поддержанию мира в бывшей Югославии в Приштину (Косово). Россия никак не воспользовалась в дальнейшем этим актом. Однако обострение ситуации укрепило многих европейских политиков во мнении о ней как о весьма своенравном и непоследовательном партнере. Не случайно в эти годы широкое хождение приобрели примитивные, даже архаические стереотипы, например, образ медведя, подчеркивающий непредсказуемость в геополитическом образе России. Имеющий этнические, финно-угорские по преимуществу, корни, широко разрекламированный в партийных целях «Единой Россией» как символ мощи, мудрости и доброты, на Западе этот образ насыщен чрезвычайно негативными по содержанию чертами агрессивности, неуклюжести, карикатурности.

Образы различных пространств, стран, регионов не равнозначны друг другу. Словарь Замятина содержит определения ядерного и периферийного географических образов. Ядерным именуется развивающийся географический образ, взаимодействующий с другими географическими образами и способствующий формированию новых образов. При этом под развитием понимается детализация составляющих образ элементов, его смысловое уплотнение, насыщение «рельефными» очертаниями. Периферийным же называется образ, формируемый в зоне ядерного географического образа и способствующий его быстрому развитию¹¹. При сохранении неизменного места объекта на географической карте может меняться содержание образов конкретных стран и регионов и их место в образной иерархии.

Наиболее показательным примером взаимодействия ядерного и периферийного образов является выделенный Замятиным в традициях когнитивной географии периферийный образ Восточной Европы, построенный на контрасте с Западной Европой. Восточная Европа, смещенная на край образной карты Европы, выглядит сомнительным, лишенным качественного своеобразия регионом в силу этнической лоскутности. Историческая память ее народов отсылает к различным по происхождению «местам памяти»: с одной стороны, к Риму, с другой стороны, к преемственной Риму Византии, с третьей стороны, к варварской варяжской Скандинавии. Бывшая периферия больших империй — Римской империи, Византии, Золотой Орды, она предстает как субстрат, который окультурируется величественными соседями¹².

¹¹ Замятин Д. Н. Географические образы: Словарь // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 687.

¹² Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 103–105.

Такой образ формируется в эпоху становления капиталистической мировой системы с западноевропейским финансовым и политическим центром, когда восточноевропейские страны приобретают качество полупериферии по мере усиления экономической зависимости от западных соседей. При этом Восточная Европа выступает периферией Западной Европы не только в геополитике, но также и в цивилизационной компаративистике, социальной философии, социологии, если, например, вспомнить концепт «Другой» Европы, который служит для обозначения стран Центрально-Восточной Европы как стран «второго эшелона» модернизации¹³.

Еще одним значимым концептом геополитики является понятие ментальной карты. В англосаксонской традиции ментальная карта определяется как «карта окружающего мира в сознании личности, отражающая ее знания и предубеждения. Такая карта отражает индивидуальные восприятия и предпочтения в отношении различных мест и представляет собой результат процесса получения, классификации, хранения, воспроизведения и распознавания информации о пространственном расположении»¹⁴. В континентальной традиции понятие ментальной карты интерпретируется как репрезентация пространства в коллективном сознании, порожденная культурой и отражающая групповые представления о географических объектах, размещенных в нем. В качестве примера ментального картографирования можно привести феномен границы между Европой и Азией.

Если границы других материков очерчены береговой линией соприкосновения суши и моря, то разделение Евразии на две части света представляет собой довольно умозрительную операцию. В древности граница проходила по Эгейскому морю, Дарданеллам, Мраморному морю, Босфору и Черному морю. Но далее, начиная с Кавказа, граница не считалась точной и по сей день проводится условно. С древности и до наших дней она несколько раз смещалась с запада на восток. В Античности и Средневековье граница проводилась по Керчи и р. Дон. С середины XVIII в. границу проводили по Дону, затем по Волге и далее по Каме, Чусовой, а от 55-й параллели по водоразделу Уральских гор до самого Ледовитого океана. В природе между Европой и Азией нет резкого перехода: климат, почвы, растительный и животный мир вдоль сухопутной границы Европы с Азией такие же, как и у границы Азии с Европой.

Основание границы было найдено в XVIII в. В.Н. Татищевым в геологической истории Земли, и с тех пор граница проводится по водоразделу рек Уральского хребта. Разделение единого Уральского региона на «европейскую» и «азиатскую» создавало географам неудобство, так как разрывало целостный горный массив, показывая пол-Урала на географической карте Европы, а дру-

¹³ Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФРАН, 1997.

¹⁴ Улуян А. А. Новая политическая география: переформатируя Евразию. М.: ИВИ, 2009. С. 16–17. Цит. по: Mental map // Mayhew S. A. Dictionary of geography. Oxford, 2004.

гую половину — на карте Азии. Еще более сложной, почти неразрешимой, выглядит проблема проведения такой границы по Кавказу.

Граница между Европой и Азией не раз становилась предметом спора географов. Уже в середине XIX в. А. Гумбольдт предложил вовсе отказаться от попыток внести ясность в эту проблему, так как границы между Европой и Азией, по его мнению, не существует. Немногим позже Н. Я. Данилевским и В. И. Ламанским была высказана идея об искусственности выделения Европы и Азии. Точку в этом споре попытались было поставить уже в XX в. П. Гуру («Азия», 1956) и У. Паркер («Европа: как далеко?», 1960), предлагая устранить разделение Евразии на Европу и Азию и рассматривать Европу как субконтинент Евразии¹⁵.

Однако инерцию традиционных геоисторических понятий «Европы» и «Азии», ставших достоянием культур многих народов, преодолеть не удалось. Повышают ли географы статус Европы до самостоятельного континента или понижают до азиатского полуострова, исторические и культурные образные репрезентации оказываются весомее научных аргументов и географических реалий. В действительности же ментальная граница между Европой и Азией имеет основанием не географические, а культурно-исторические и идеологические реалии, структурирующие пространство с целью разделения его на сферы символического, политического и технологического влияния.

В словаре Замятина структурированное посредством взаимосвязанных геополитических образов конкретное пространство именуется геополитическим пространством. В таком определении геополитическое пространство представит как упаковка международных отношений, а его структура — как отражение комплекса исторических, экономических и культурных факторов. Совокупное влияние таких факторов рождает геополитическую ситуацию — результат развития данного пространства¹⁶. В качестве примера, поясняющего взаимосвязь выделенных понятий, он ссылается на итоги Второй мировой войны в результате переговоров СССР, США и Великобритании на Ялтинской и Потсдамской конференциях 1945 г. Так, на структуру раздела геополитического пространства Восточной Европы повлияли не только послевоенные реалии, но и обстоятельства довоенного, даже досоветского исторического периода. Образ СССР в глазах союзников включал в себя две линии восприятия. Первая линия восходила к образу Российской империи, могущественной в военном и политическом смысле европейской державы. Вторая линия восходила к образу режима личной власти И. Сталина и усиливала «азиатские», т. е. отсылающие к депотическим, агрессивным, нацеленным на конфронтацию элементам образа

¹⁵ Чибилев А. А. Евро-Азиатская граница: история вопроса и современные представления // Информационный портал всероссийской общественной организации Русское географическое общество. URL: <http://www.rgo.ru/2011/02/evro-aziatskaya-granica-istoriya-voprosa-i-sovremennye-predstavleniya>.

¹⁶ Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти... С. 328–329.

России / СССР. Это обстоятельство одновременно расширяло и в то же время делало неопределенным геополитическое пространство Восточной Европы, в котором территориальные претензии СССР (Прибалтика и Кенигсберг), слабо терпимые для Великобритании, в глазах США выглядели естественными и обоснованными¹⁷.

Концептуальный каркас геополитического анализа базируется, как мы увидели, на фундаменте взаимосвязанных пространственно-образных репрезентаций, генетически восходящих к мифу и родственному ему искусству. Образы пространства создаются культурой или цивилизацией, которая живет ими. Изменяются обстоятельства жизнедеятельности людей — трансформируются и сами образы, и их сочетания в зависимости от изменения целей деятельности¹⁸. Географические образы формируются вместе со становлением культуры как часть идентификационной матрицы соответствующих ей коллективных сообществ.

Геополитические же образы выделяются в качестве специфических пространственных моделей из общей среды пространственных репрезентаций лишь после Великих географических открытий и утверждения гелиоцентрической картины мира, т. е. с конца XV в. Этот пространственный переворот в сознании человечества открыл возможность помыслить земной шар как единое целое. Глобус как мысленная проекция Земли послужил инструментальной моделью для образных манипуляций с мировым пространством и его отдельными сегментами. Пространственное мышление в эпоху модерна выходит на новый уровень, уровень пространственного проектирования, который мы сегодня и называем геополитическим.

Поэтому представляется правомерным выделять два толкования геополитики. Первое, дисциплинарное толкование, открывает возможность отождествить геополитику с наукой и видом специализированной деятельности, рожденным на стыке теории и политики в конце XIX в. Оно позволяет дать определение геополитики как области междисциплинарного научного знания, предметом которой является изучение взаимосвязи между географическим положением стран и регионов, с одной стороны, и их внешней и внутренней политикой, с другой стороны¹⁹. Второе, более широкое толкование, помогает увидеть геополитику как формирующийся в социокультурной атмосфере XVI–XVIII вв. тип пространственного проектирования, нацеленный на достижение желаемого для субъекта состояния географического объекта и связанных с ним реалий (ресурсов, населения, государственного состояния). Развитие такого типа

¹⁷ *Замятин Д. Н.* Власть пространства и пространство власти... С. 44–45.

¹⁸ *Костинский Г. Д.* Географическая матрица пространственности // Изв. РАН. Сер. геогр. 1997. № 5. С. 16–32.

¹⁹ *Замятин Д. Н.* Основные политико-географические и геополитические термины и понятия // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. С. 688.

пространственного мышления и обусловило становление в XIX в. геополитики как академической дисциплины.

Глава 2. Геополитика как общественный феномен

Становление геополитики как типа пространственного проектирования обусловлено Великими географическими открытиями и выходом европейцев за пределы традиционной средиземноморской колыбели европейской цивилизации. До середины XV в. знания европейцев об азиатских землях за пределами Византии ограничивались отрывочными, обросшими легендами сведениями. Не лучше обстояло дело и в отношении регионов за пределами Северной Африки.

Интерес к Востоку был вызван коммерческими потребностями. Падение Византии ограничило торговые возможности европейцев. Особенно это коснулось возможности доставки товаров из Индии и Китая. Это переориентировало морские маршруты европейцев со средиземноморских на атлантические. К середине XV в. европейцы располагали достаточно надежными судами и средствами навигации. Кроме того, к этому времени они обрели совершенно новые инструменты: печатную книгу, географическую карту и огнестрельное оружие. Это стало их преимуществом в освоении мира за пределами Европы. Открытие Америки и других новых земель и маршрутов обеспечило приток драгоценных металлов и дешевого труда, в том числе рабского, в экономику европейских стран. Последствия Великих географических открытий изменили представления европейцев о пространстве и своем месте в нем.

Показательным примером такого изменения может служить ориентализм как система колониального господства над Востоком, установленная европейскими державами в Новое время. Для того, чтобы сохранить выгодные условия товарного обмена, ими были взяты под политический контроль территории далеко за пределами европейского континента. Значимую роль в установлении западной гегемонии, по мнению Э. Саида, автора теории ориентализма, сыграли европейские наука и искусство. В концепции Саида они предстают как орудия колониального дискурса, репрезентирующие Восток предвзято. Европа желала увидеть Восток как инертный, неспособный к саморазвитию, лишенный «западных» атрибутов свободы, прогресса и развития²⁰. Ориентализм открыл перед европейскими странами и их народами возможность с позиции своего «морального» лидерства утверждать такой мировой порядок, который оказывался наиболее выгодным для нее. Подкрепленный военной и экономической мощью дискурс ориентализма становился основой европейской гегемонии, колониальной эксплуатации и империализма XVIII–XIX вв. **Пример ориента-**

²⁰ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. С. 170

лизма демонстрирует действенность образного манипулирования концептами «Запад» и «Восток».

Оперирование образами — визуальными и вербальными — составляет в широком, социокультурном понимании геополитики ее метод. Целью его применения является освоение и присвоение пространства посредством географических образов как инструментов управления. Это позволяет выделить методический аспект геополитики. Суть геополитики как метода заключается в замене исходного громоздкого представления о географическом объекте компактным и экономным, удобным для манипуляции. При этом следует отметить схематизм и нацеленность на достижение результата — трансформацию геополитического пространства в интересах субъекта. Преследуется достижение перспективного, ранее не достигавшегося, другого состояния географических объектов и связанных с ними реалий с принципиально отличными от прежних параметрами. Пространство здесь выступает лишь в роли субстрата, будущая форма которого задается программой трансформации, заложенной в образе. Отсюда возникает не один, но множество образов одного и того же объекта, даже целый веер образных модификаций, так как каждая из них нагружена задачами «своего» проекта²¹.

Создание образа одного из сегментов пространства неизбежно влечет за собой создание других, смежных или связанных с ним. Так, в период Московского царства и последующей за ним Смуты формирование образа России как ядерного связано с формированием периферийного по отношению к ней образа Украины (у-крайны, о-крайны). Таким образом, моделирование географической реальности порождает цепь новых образов.

На образной карте имеются плотные сгустки и разреженные участки, вызывающие интерес и требующие заполнения. Как правило, такие участки находятся на периферии, противостоящей центру не только пространственно, но и семиотически. Центр и периферия также являются значимыми геополитическими концептами. Периферия, в научной традиции московско-тартусской семиотической школы, является условием возможности символического ядра социального целого. Данное положение распространяется в полной мере и на пространственные образы²².

Периферия маркирует границу между «своим» и «чужим». Вне зависимости от того, насколько выражена сама граница, ее функциональное назначение заключается в конституировании порядка и целостности ядра. При этом, как утверждают социальные психологи, сдвиг в восприятии от центра к периферии происходит на основе перехода от тонкой к грубой настройке²³.

²¹ *Замятин Д. Н.* Власть пространства и пространство власти... С. 14.

²² *Лотман Ю. М.* От редакции: К проблеме пространственной семиотики // Труды по знаковым системам. 19. Семиотика пространства и пространство семиотики. Тарту: Изд-во ТГУ, 1986. Учен. записки Тартус. гос. ун-та. Вып. 720. С. 3–6.

²³ *Агеев В. С.* Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. М.: МГУ, 1990. С. 215–220.

Это означает, что центральные элементы структуры образа воспринимаются в индивидуально-типологической совокупности, тогда как периферия почти всегда типизирована, т. е. огрублена.

Граница остается символом неизвестного, неизведанного, непонятого. Это зона, где действие привычных для «центра» норм ограничено, неполно, искажено. Законы, «нормальные» для центра, здесь не действуют. Зона за пределами границы важна для существования целого еще и потому, что это территория «Другого», без сопоставления с которым невозможно никакое «Мы». Наличие «Других» подчеркивает те положительные характеристики, которыми обладают «Свои». В результате противопоставления «Своих» «Другим» растет групповая солидарность и чувство принадлежности, т. е. формируется новое коллективное качество. Так пространственная граница, прочерченная в воображении, становится условием формирования нового качества социального субъекта, например, нации.

Убедительным примером такого формирования является американский фронтир. Понятие фронтаира буквально означает границу между освоенными и неосвоенными землями. Свойством фронтаира является изменчивость и подвижность границы. Иначе говоря, фронтир есть граница, движущаяся по воле субъекта. В истории и литературоведении этот термин обозначал эпоху освоения американскими пионерами Дикого Запада. Значительный вклад в формирование данного концепта внесла теория американского историка Ф. Дж. Тернера, предложившего теорию фронтаира (1890) в качестве концепции, объясняющей особенности исторического процесса развития США. Тернер полагал, что фронтир стал фактором, сформировавшим национальный характер американцев, самобытные социальные институты, дух предпринимательства и индивидуализма. Фронтир стал американским мифом, в ментальном пространстве которого американская душа находила и находит свои социокультурные истоки. Преклонением перед романтическим в идеале и агрессивным на практике историческим наследием создавалась американская идея.

История противостояния ковбоев и индейцев вышла далеко за пределы одной культуры. В XX в. победившая американская мечта распространила идею фронтаира на весь остальной, неамериканский мир. Вместе с тем история фронтаира примечательна тем, что показывает, как внешняя, пространственная граница преобразалась во внутреннюю границу между действительным и желаемым, идеальным качеством личности. История ее преодоления — это история становления личности в художественных произведениях и становления национального характера целого народа.

Неопределенность фронтирных пространств потенциально содержит угрозу ядерным структурам, как образным, так и вполне реальным. Импульсы, поступающие извне, бросают вызов центру, требуя от него определенных мобилизационных усилий. Если от модели перейти к реальности, то обнаружится необходимость применения технологий власти для интеграции фронтирных зон в режим внутренней периферии.

Ментальные образы пространств развиваются с некоторой хронологической задержкой. Это обстоятельство делает различие между внутренней и внешней геополитикой весьма неопределенным. Можно сказать, что граница между внешней и внутренней геополитикой в таких фронтальных зонах долгое время остается условной. Так, весьма сложно дать качественное определение характеру геополитических действий России в Сибири в XVI–XVIII вв. В этот период территории данного макрорегиона оставались, по сути, буферной между Россией и Китаем зоной. Если Китай и Джунгарию можно считать самостоятельными геополитическими субъектами, то статус подавляющего большинства небольших государств на территории Сибири, то объявлявших себя подданными России, то разрывающих эти отношения, а порой и находящихся в отношениях двоеданничества, весьма трудно определить. Каждый конкретный случай требует особого разбора. Следовательно, и определение геополитики России как внешней либо внутренней в этом регионе должно определяться целой совокупностью конкретных исторических и политических факторов.

Наконец, необходимо отметить, что ключевыми в оппозиции «центр — периферия» являются властные отношения. Если центр символизирует управляющее начало, то периферия практически всегда означает зависимость, подчинение. Граница отсекает пространства, находящиеся под контролем власти от пространств, находящихся за его пределами. Это побуждает обратить внимание на второй, практический, или технологический аспект геополитики как общественного феномена.

В этом аспекте ключевым понятием геополитики выступает население — совокупность проживающих на определенной территории людей. Через свою сопричастность с пространством население вступает в политические отношения с властью. Население — чрезвычайно многомерное понятие. В контексте геополитики наиболее интересны те его характеристики, которые связаны с опосредующей ролью во взаимоотношениях пространства и власти: модель локализации населения (расселение) и тип организации власти (управление).

Тип организации власти отражает характер связи населения с властью. Рассматривая геополитическое пространство как пространство технологий власти, В. А. Подорога и С. А. Королев осмыслили опыт исследования перехода от практик прямого к практикам опосредованного воздействия на подданных, предпринятый Ф. Ницше и М. Фуко. Это позволило выделить две матрицы организации власти. Первая, наиболее архаичная, в качестве технологического инструмента управления пространством рассматривает наказание, включающее как непосредственное, болевое воздействие на тело подданного, так и его страх. Неограниченное право распоряжаться жизнью и смертью подданных, техническая изощренность телесной пытки, презумпция виновности, необходимость признания подозреваемого — таковы базис-

ные черты данного типа технологической организации власти, выделенные Фуко²⁴.

Вторая матрица связана с превентивным ограничением деятельности индивида, постоянным контролем и замещающей страх наказания регуляцией. Объектом манипуляции власти становится уже не тело, но душа человека, по отношению к которой дублируются те методы воздействия, которые ранее продуцировались на тело²⁵. Общая тенденция перехода от одного типа к другому заключается в смягчении репрессивной составляющей и усилении «нормализующей», исправляющей и педагогизирующей стороны воздействия на индивида. В концепции М. Фуко такой тип власти предстает как дисциплинарный, присущий обществу модерна²⁶.

Смена режимов власти обусловлена вычленением личности индивида из общественного монолита и переходом к новой социальной структуре в Новое время. Новый тип власти опирается на право, закон и принцип всеобщего равенства. Его первоисток в процессе перехода от феодальной к капиталистической модели общественной структуры послужил новый критерий эффективности власти: способность власти в короткие сроки мобилизовать большие массы людей для решения поставленных ею задач, организовывать и согласовывать их действия, подобно единому механизму. Власть, персонафицированная ранее фигурой монарха, князя, палача, выступает в новом формате от имени анонимной и безличной нормы. Она требует отказа от поддержания сословных перегородок и социальных барьеров, массового перемещения индивидов в пространстве, нового качества их полезности и управляемости. Для этих целей разрабатываются специальные техники и методики превращения людей в хорошо управляемые инструменты, создаются специализированные, легко локализуемые в пространстве институты: армия, тюрьма, школа, больница (клиника). Фуко показывает, что конечной целью действия этих безличных, формально рациональных структур является послушание индивидов.

Новую, рационально организованную модель власти отличают следующие черты: принцип централизованного управления, бюрократический характер принятия и реализации управленческих решений, унификация законодательства, тенденция к усилению равной ответственности всех перед законом, оформление стандартизированных государственных систем — образования, единой системы налогообложения, всеобщей воинской повинности и т. д.

²⁴ Подорога В. А. Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) // Власть. Очерки современной политической философии Запада. М.: Прогресс, 1989. С. 253; Королев С. А. Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России. М.: ИФРАН, 1997. С. 19–20.

²⁵ Королев С. А. Указ. соч. С. 21.

²⁶ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 уч. г. СПб.: Наука, 2005. 312 с.

Модель локализации отражает мотивы «связи» индивидов с обитаемым пространством. Правомерным представляется выделение двух типов локализации, которое предпринято С. А. Королевым при анализе технологии власти в России: естественное расселение и переселение²⁷. Первый, естественный тип связан со свободным расселением населения по территории²⁸. Он открывает возможность вступать в отношения с властью через свою сопричастность к местности. Еще в древних манускриптах формулировка «земля того или иного народа» давала право на владение землей и возможность вести диалог с центральной властью, ссылаясь на эту связь²⁹. Этот тип локализации основан на интересах индивидов, избирающих место и способ поселения исходя из собственных интересов и возможностей, а также традиций той культуры, к которой они принадлежат. Второй, принудительный тип — локализация под давлением власти. Он ориентирован на интересы государства, которое, будучи неспособным осуществить локализацию естественным путем, прибегает к мерам принудительного прикрепления населения к территории: депортации, тюремной (каторжной) изоляции, институтам крепостного права или паспортной прописки³⁰. Два типа локализации отражают два основания власти: ее назначение служить средством самоорганизации сообщества и тенденцию превращения в орудие самовоспроизводства. В первом случае власть определяется целями, которые лежат вне ее, т. е. общезначимыми целями. Во втором случае власть превращается в технологию собственного расширения³¹.

Осмысленное как пространство образного моделирования и технологическое пространство власти географическое пространство способно выступать и еще в одном своем качестве — в качестве формы политического участия коллективных субъектов в истории. Оно становится таковым по мере освоения народами и их элитами навыков геополитического проектирования. Можно выделить самые существенные из этих навыков. Это, во-первых, распознавание географических реалий как политических, во-вторых, ментальное структурирование пространства на основе пространственных моделей, «подсказывающих» своей образной структурой ту проблему, на решение которой должны быть направлены усилия общества. Наконец, это мобилизация народов и элит на решение общезначимых проблем³².

Классическими образцами такого политического участия могут послужить антиколониальные движения, получившие широкий размах после Второй мировой войны в странах третьего мира. Перенесение образной модели

²⁷ *Королев С. А.* Бесконечное пространство... С. 48.

²⁸ Там же.

²⁹ *Замятин Д. Н.* Амальгама // Империя пространства... С. 411–412.

³⁰ *Королев С. А.* Бесконечное пространство... С. 49, 160, 175, 181, 197.

³¹ Там же. С. 19.

³² *Цымбурский В. Л.* Дождались? Первая монография по истории российской геополитики... URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/review/wait>

«центр — периферия» на политические отношения между колониями и метрополиями позволило осмыслить их как отношения зависимости, что положило начало деколонизации и распаду империй. Следующим шагом в освоении этой модели стало экономическое осмысление отношений между «центром» (так называемыми развитыми странами) и «периферией» (так называемыми развивающимися странами) как отношений неравенства. Это дало возможность политическим элитам развивающихся стран объединять широкие массы населения, увлечь их волю необходимостью решения внутренних (здравоохранение, образование, равный доступ к социальным благам) и внешних (преодоление дистанции неравенства) задач.

Такое видение показывает исторически обусловленное представление о допустимости / недопустимости неравенства, о какой бы его социальной форме — политической, экономической или иной — не шла речь. В эпохи, предшествующие модерну, социальное неравенство рассматривалось как естественный и необходимый феномен, допустимость и признанность которого служила основой сословной системы структурирования общества. Эпоха модерна утвердила новые ценности, в системе которых равенство стало смыслообразующим, первым их числа определивших перспективу социальной трансформации идей: свободы, осознаваемой, прежде всего, как экономическая свобода, прогресса, понимаемого как развитие, и рациональности, отождествляемой с полезностью и эффективностью.

Повсеместное утверждение этих ценностей породило определенную унификацию культурных ориентаций вне зависимости от социокультурного контекста, на который они ложились. Победное шествие идей модерна, в том числе и за пределами Европы, породившей их, вызывало к жизни политические режимы, утверждение которых сопровождалось конфликтами, введением технологий авторитарной власти, в некоторых случаях депортацией и даже геноцидом (ярким примером является режим Пол Пота в Камбодже). Несмотря на противоречие между идеологией и технологией, дух модерна дал невиданные прежде образцы социальной мобилизации широких слоев населения с целью преодоления неравенства.

Такое видение позволяет выделить третий, акционистский аспект геополитики. Он позволяет увидеть ее как форму политического участия широких народных масс, осознающих свою связь с пространством и нацеленных на преодоление обусловленного ею политического или экономического неравенства. В качестве конкретных требований люди могут добиваться решения гуманитарных (роста качества и уровня жизни), социальных (совершенствования социальной инфраструктуры) и экологических проблем. В то же время сохранение и увеличение дистанции между «центром» и «периферией» приобретает в современном мире характер «столкновения цивилизаций», которое в крайних формах выражается в явлениях терроризма и экстремизма, с одной стороны, и массовой мигрантофобии, с другой стороны. Это делает проблему глобаль-

ного неравенства в ближайшей перспективе трудноразрешимой, что, однако, не снимает мобилизационного накала общественных движений, так как здесь большую роль играют чувства: переживание обиды, ощущение несправедливости, возбуждение, вызванное эффектом эмоциональной вовлеченности.

Осмысленное через призму трех указанных аспектов геополитическое пространство предстает как диалектическая система, элементами которой выступают следующие противоречия:

– между реальным географическим пространством и его символически-образной репрезентацией;

– между географическим пространством, на которое распространяется власть, и эффективностью ее техноструктуры на всех участках этого пространства;

– между тенденцией унитарности, укрепляющей власть, и индивидуализацией земель и населяющих их народов, сопротивляющихся унификации;

– между образным континуумом, мобилизующим общество на решение жизненно важных для него задач, и прагматикой власти, озабоченной эффективностью обеспечивающих ее самовоспроизводство механизмов.

Исходя из этого можно охарактеризовать геополитику как способ образной репрезентации реального географического пространства и проектирования его развития с целью достижения желаемого для субъекта состояния. Субъектами в методическом аспекте проектной деятельности выступают индивиды, носители воли, сознания и творческой инициативы. Субъектами в акционистском аспекте являются народы и их элиты, носители коллективной идентичности и групповых интересов, действующие от имени культурных, этносоциальных, цивилизационных общностей и иных социальных групп внутри общества. Субъектом в технологическом смысле всегда является государство, носитель суверенной власти.

Как тип пространственного проектирования геополитика рождается в специфических социокультурных условиях, исторический контекст которых обусловлен следующими обстоятельствами.

1. Великие географические открытия XV–XVII вв. ускорили прогресс научного знания и развитие новых технологий в Новое время (XVII–XIX вв.). Технология книгопечатания позволила наладить производство карт и книг по географии массовыми тиражами. Это обусловило переход от «чертежных» к «картографическим» моделям пространственного проектирования. Чертежная репрезентация пространства как дискретного, качественно разнородного, сжатого до «точечных» структур отдельных поселений, «разорванных» локусами пустоты, дополнилась, а в научно-географическом описании сменилась непрерывным, масштабированным, объективизированным картографическим моделированием.

2. Формирование дисциплинарной матрицы, основанной на подчинении анонимным, обезличенным структурам власти (XVII–XIX вв.). «Клиниче-

ским симптомом» этого процесса можно считать зарождение в недрах монархического абсолютизма модели рациональной организации государственного управления. С конца XVIII в. она утверждает себя в принципе народного суверенитета и традициях светской легитимации государственной власти, которые дополняют, а со временем и потеснят из политической практики династийный монархический принцип организации власти и религиозное обоснование природы государства.

3. Подъем активности социальных «низов» общества и коллективная мобилизация широких слоев народа во второй половине XVII—XVIII в. в странах «первого» эшелона модернизации, в конце XVIII — начале XX в. — в Новом Свете и странах Восточной Европы, во второй половине XIX—XX в. — в странах Азии и Африки. Эти изменения сопровождались в общественном сознании утверждением идеи социального равенства и горизонтального товарищества, становлением наций современного типа как политических единиц, утверждением приоритета национальной независимости над прочими ценностями и интересами.

Понимание широты и неоднозначности научных категорий, рожденных необходимостью интерпретации глубинных изменений в обществе, требует уточнения их содержания. В первую очередь это касается категорий модерна и модернизации. Под модернизацией в дальнейшем будет пониматься вектор социальных изменений, действующий в направлении перехода от распределительной модели экономики к рыночной модели, от сословной системы социальной организации к утверждению формального принципа всеобщего равенства прав, от династийно-монархического к национально-гражданскому способу легитимации государственной власти, от ориентации на модели поведения, задаваемые традиционными образцами, к моделированию поведения на основе индивидуальных потребностей, ценностей и интересов. Модерн же представляет собой характеристику научного типа рациональности и связанной с ним модели воспроизводства культуры, атрибутами которой являются книгопечатание на родном (национальном) языке, изменившаяся пространственно-временная картина мира, обновленный ориентацией на светскую культуру союз знания и власти.

Глава 3. Социокультурные предпосылки и современный контекст геополитического проектирования

Память и письмо

В настоящее время существует множество концепций, претендующих на объяснение феномена культуры, без которого невозможно осмыслить ментальный «переворот» в сознании людей в эпоху Нового времени. Несмотря на

многообразии научных парадигм, они легко укладываются в классификацию, построенную на основе выделения базовых концептов: деятельности, мотивации, ценностей и т. д. Среди них наиболее популярной и узнаваемой является концепция культуры московско-тартусской семиотической школы. Она является одной из немногих, возникших в Советском Союзе и переживших «научную революцию» после его распада.

Не останавливаясь на содержательной характеристике составляющих ее теорий («вторичных моделирующих систем», «семиосферы», «культурной личности» и т. д.), отметим одно существенное достоинство семиотической концепции культуры. Оно заключается в возможности легко обнаружить системные сходства между продуктами духовной деятельности, с одной стороны, и феноменами социальной реальности, с другой стороны. Будучи структурным элементом широкой социокультурной системы Нового времени, именуемой модерном, геополитическое проектирование как духовный феномен своего времени требует для анализа совмещения структурно-типологического и исторического методов. Этим обстоятельством и обусловлен интерес к структурно-исторической методологии московско-тартусской школы. Структуралистский подход позволяет конвертировать некоторые теоретические результаты, полученные в логике ее рефлексии, в другие функционирующие в структуралистском ключе «методологические поля», и наоборот. Исторический подход открывает возможность проводить корреляцию между структурными типами и историческими феноменами.

Основатель московско-тартусской школы Ю. М. Лотман предложил структурно-историческую методологию применительно к семиотическим объектам. В качестве таковых он рассматривал не только художественные произведения, но и культурные эпохи. Определяя культуру как механизм коллективной памяти, превосходящей по своему объему объем памяти одного индивида, он подчеркивал, что ее мнемоническая функция не исчерпывает весь потенциал полезности для человека.

Не менее важны ее коммуникативная и креативная функции³³. Креативная, или инновационная, функция заключается в том, что культура способна не только накапливать, хранить и передавать существующие смыслы, ценности и образцы (в виде своих текстов), но и генерировать новые. У Лотмана, взгляды которого представляют определенный интерес в контексте данной работы, можно найти ряд высказываний, позволяющих рассматривать культуру как генератор, некое устройство, превращающее не-информацию в информацию. Информация вырабатывается в процессе знаковой коммуникации, взаимодействия между автономными единицами, обладающими собственной структурой

³³ Лотман М. Ю. Семиотика культуры в тартусско-московской семиотической школе. Предварительные замечания // Ю. М. Лотман. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002. URL: <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/mlotman02>

памяти и иерархией кодов. В качестве такой единицы может выступать как индивидуальная личность, так и отдельная культура (коллективная общность).

Суть процесса коммуникации, по мнению Лотмана, заключается в том, что некоторое сообщение в результате кодирования — декодирования передается от адресанта к адресату. При этом нарушение адекватности передачи выступает не как дефект коммуникативной цепи, а как необходимое условие развития человеческой культуры. Сфера пересечения кодов адресата и адресанта обеспечивает необходимый уровень взаимопонимания. Сфера их непересечения порождает ситуацию, в которой при переводе с одного кода на другой сообщение перестает быть тождественным самому себе. Так возникает новая информация³⁴.

Обращение к адресату как элементу внетекстовой реальности предполагает учет контекста. Одно дело, когда обращаются к собеседнику, который не только присутствует налицо, но и с которым лично знаком. Это обуславливает наличие у всех участников коммуникации общей детализированной памяти, позволяющей опускать в коммуникации то, что уже известно собеседнику. Другое дело, когда адресат дистанцирован от адресанта, неизвестен ему, абстрактен или контекст коммуникации не вполне очевиден для обоих. Тогда в сообщение включается то общее, что известно всем представителям данной культуры или социальной группы. Поэтому такая коммуникация нуждается в детализации, строгости, последовательности³⁵.

В первом случае речь идет об устной коммуникации, во втором случае говорится о письменном способе сообщения. Опираясь на концепцию Лотмана о взаимосвязи типа памяти с письменностью, можно выделить три типа общества по способу хранения, передачи и порождения информации. Первым известным нам типом является бесписьменное, или традиционное, общество. Вторым, письменным по типу памяти обществом, можно считать аграрное доиндустриальное сообщество, воспроизводящее себя на основе так называемой «рукописной» культуры. Наконец, третьим, также письменным по типу памяти обществом, является общество модерна.

Разворачивая данную логику, можно проследить корреляцию между типами памяти и своего рода культурными «формациями»: традиционной, досовременной и современной. Традиционное общество опирается на бесписьменный тип памяти. Высоким цивилизациям древности и средневековья соответствует «рукописный» тип коллективной памяти, который сосуществовал, находясь в отношениях взаимной дополнительности, с устной традицией. Письменной речью в обществах такого типа владел лишь тонкий слой элиты. Наконец, книгопечатание и распространение грамотности среди широких слоев населения

³⁴ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Ю. М. Лотман. Избр. ст.: В 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 328–329.

³⁵ Лотман Ю. М. Устная речь в историко-культурной перспективе // Там же. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 187.

позволяют говорить о «гуттенберговом», ориентированном на модерн и инновации типе коллективной памяти.

В бесписьменном обществе целью диахронной коммуникации (передачи информации от поколения к поколению) было стремление сохранить сведения о порядке, норме, а не об эксцессах. Отсюда возникает мифическое «вечное возвращение» к одному и тому же истоку, вызванное потребностью общества в воспроизводстве одних и тех же текстов. Общества, ориентированные на письменные механизмы коллективной памяти, испытывают потребность в регистрации событий, что невозможно без датировки. В таких обществах передача информации, имеющей исключительный, событийный характер становится системным явлением. Ориентация на синхронную коммуникацию, на диалог с современниками, обуславливает заинтересованность в умножении числа текстов³⁶.

Ключевым для понимания современных социальных трансформаций является переход от высокостратифицированного общества второго типа, исторически соответствующего конкретным обществам Средневековья, к обществу третьего типа. В парадигме модернизации модель этого перехода описывается с опорой на выделенные британским исследователем Э. Геллнером три типа культуры: дописьменный, агрописьменный и тип «высокой» культуры индустриального общества. В его концепции модернизационный переход представлен как движение от агрописьменного к индустриальному обществу. Высокостратифицированные агрописьменные общества отличаются, как утверждал Геллнер, способом передачи знаний внутри элиты, отделенной от основной страты этого общества, крестьянского населения, серьезными социальными барьерами. Организованные в горизонтальные страты военные, бюрократы, аристократы и священнослужители используют культуру владения письменной речью для поддержания иерархии и статусных различий, которые никто в этом обществе не предполагает оспаривать. «Высокая» письменная культура элиты, овладение которой требует серьезной и длительной подготовки, противопоставлено «низким» культурам простонародья, основанным на устной традиции³⁷. В качестве примера языков «высокой» культуры Средневековья можно привести латынь, чуждую для большинства простого населения в Европе, или язык книжной мудрости образованных конфуцианских ученых в средневековом Китае. «Низкие» же культуры бытуют на уровне локальных диалектов местных крестьянских общин. В силу определенной замкнутости их голос долго оставался не услышанным, что дало медиэвистам повод охарактеризовать «низовые» культуры как культуры «безмолвствующего большинства».

³⁶ Лотман Ю. М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 346–347.

³⁷ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 151–153.

Социальные барьеры, препятствующие коммуникации, культивируют культурные различия. Вследствие этого сохраняющаяся гетерогенность препятствует образованию общих символов и смыслов для всех членов такого общества. Иной тип коммуникации отличает общество современного типа. Развитие средств коммуникации открывает широкие перспективы для обмена информацией. Однако оно же повышает требования и к качеству человеческого материала, которое зависит от образования. Власть больше не видит ценности в поддержании культурных перегородок. Напротив, обмен сообщениями затруднен, если смысл посланий зависит от местного диалекта или определяется каким-либо сложным смысловым контекстом. Следовательно, универсальная система коммуникации требует только таких знаков, которые отвечают ее стандартам и не зависят от контекста³⁸.

Естественно, подчеркивал Геллнер, что люди должны уметь вычленять необходимые смысловые элементы и абстрагироваться от специфического контекста. Эти способности требуют длительного обучения и достигаются дисциплинарным воздействием. Источником этого воздействия выступает государство, поддерживающее «высокую» письменную культуру. Однако это уже совсем другая «высокая» культура, отличная от средневековой. «Высокая» культура модерна представляет собой упорядоченную и стандартизированную систему идей, которую формирует и обслуживает отряд чиновников, учителей и других государственных служащих. Требование единого стандарта коммуникации ограничивает «буйное произрастание» разнообразных субкультур³⁹. Первым шагом на пути к культурной гомогенизации является институционализация одного или нескольких языков в качестве государственных. При этом такие языки приобретают статус «национальных» и становятся инструментами администрирования и делопроизводства. На них же ведется обучение в массовой школе.

Стандартизация образования невозможна без его обеспечения таким средством коммуникации, как книга. С развитием книгопечатания она стала первым товаром, легко воспроизводимым и массово распространяемым. В концепции другого британского социолога, Б. Андерсона, книгопечатание оказывается следующей предпосылкой перехода к национальным языкам, вытесняющим постепенно языки, чуждые большинству населения, в частности, языки интеллектуалов, подобные латыни.

Андерсон использует понятие печатного капитализма для того, чтобы показать мотивы книгоиздателей, задумавших расширить свое производство через торговлю дешевыми изданиями на родных языках. Как только насытился небольшой рынок читающих на латыни, книготорговцы нацелились на освоение новых рынков, тем более что языковая разнородность Европы открывала

³⁸ Там же. С. 155–156.

³⁹ Там же. С. 159.

для этого широкие возможности. Свой вклад внесла также Реформация. До наступления эпохи книгопечатания Рим легко выигрывал идеологические войны против любой ереси, поскольку внутренняя коммуникация, языком которой выступала латынь, у него всегда была лучше организована. Однако, отмечает Андерсон, цитируя исследование Л. Февра и А.-Ж. Мартэна «Появление книги», как только Мартин Лютер вывесил на церковных воротах в Виттенберге свои тезисы, они увидели свет на немецком языке во всех уголках страны в течение 15 дней. За два десятилетия, с 1520 по 1540 г., книг на немецком языке было опубликовано втрое больше, чем в период с 1500 по 1520 г.⁴⁰ Соединение рыночного капитализма с техникой книгопечатания сделали возможной новую форму воспроизводства культуры, основанную на родном языке. Каждый из печатных языков собирал вокруг себя те диалекты, которые были ему ближе. Они и определили конечные формы современных национальных языков. Остальные подверглись ассимиляции и оказались утраченными. Таким образом, более удачливые языки (например, верхненемецкий, парижский, центральный тайский диалекты) были подняты на уровень политико-культурной значимости⁴¹.

В своих истоках статусная дифференциация языков представляла собой стихийный процесс, направляемый интересами книготорговцев. Однако со временем она становится моделью сознательной эксплуатации. В доказательство этого Андерсон приводит пример реформы турецкого языка, осуществленной М.К. Ататюрком, который, с целью возвышения турецкого языка в ущерб исламизации, провел его принудительную латинизацию⁴². Утверждение единого языка «высокой» культуры, образования, военной и государственной службы, администрирования оказывается еще и инструментом, при помощи которого национальные государства очерчивают свои культурные границы.

Это наводит на мысль о том, что ключ к пониманию геополитики как духовного феномена, связанного происхождением с историческим контекстом модерна, следует искать в трансформации базисных форм культуры, в том числе языковых механизмов ее воспроизводства, восприятия обыденным сознанием времени и пространства.

В том, что совпадение между масштабным распространением «печатного капитализма» и возникновением новых феноменов духовной культуры не случайно, убеждает и обращение к культурологической концепции канадского социолога М. Маклюэна, который постулирует существование в истории человечества двух информационных революций: буржуазной, связанной с развитием книгопечатания, и современной глобальной, порожденной развитием электричества и электронных средств коммуникации.

⁴⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 62.

⁴¹ Там же. С. 68.

⁴² Там же. С. 69.

Обращаясь к истории первой революции, Маклюэн подчеркивает, что именно пришествие книги (XV–XVI вв.) обусловило становление капитализма и национального государства как экономической и политической систем в XVII–XIX вв. Капитализм является порождением национальных рынков, а национализм своим становлением обязан развитию средств коммуникации. «Галактика Гуттенберга», названная так Маклюэном по имени изобретателя печатного пресса, заменила письменным индивидуализмом устный, племенной, по его выражению, коллективизм.

До изобретения письменности, утверждает Маклюэн, человека окружала устная речь. Он находился в визуально-тактильном контакте с окружающим миром. Были задействованы все его пять или шесть чувств, и это позволяло ему воспринимать мир гармонически. Последовательно три события — изобретение письменности, фонетического алфавита и создание типографского станка — подготовили человека к переживанию вещей как следующих линейно и последовательно друг за другом, подобно буквам в тексте. Это переключило центр восприятия со слуха на зрение, способствовало полной атрофии всех иных каналов сенсорного восприятия, расширив лишь один, зрительный канал. Печатное слово позволило познавать мир индивидуально, вне коллективного сознания⁴³. Унифицированные и стандартизированные на основе печатного слова политико-административные системы обусловили взаимную заменимость людей и документов.

В то же самое время книгопечатание породило новый, национальный тип коллективности, основанный на общности языка и доверии к незнакомым людям лишь на основании совпадений жизненных траекторий, ассоциированных с общностью судеб. Буржуазные революции и книгопечатание на национальных языках мобилизовали представление о групповой общности с такой скоростью, которую не может обеспечить устное слово. Национальные языки стали средством массовой коммуникации, а печать, прежде всего газеты и художественная литература, — средством мобилизации вокруг национальных проектов⁴⁴.

Несмотря на социальную обусловленность сконструированного взаимными усилиями печатного капитализма и государственного администрирования национализма Нового времени, феномены, порожденные им, такие как, например, патриотизм, готовность умереть за Родину, жертвенность во имя гражданских, светских, идеалов, которая не уступает по силе религиозному чувству, необъяснимы в теориях «рационального выбора». И здесь вновь необходимо вернуться к анализу национального языка как функциональной модели современного общества.

В этом смысле перспективным может быть обращение к концепции «воображаемого сообщества» Андерсон, подчеркивающей изначальную, априор-

⁴³ Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. С. 19.

⁴⁴ Там же. С. 22–25.

ную данность языка для человека, даже если этот язык знаком ему как современный. Ничто, кроме языка, не связывает человека так эмоционально с его предками. «Когда люди, говорящие по-английски, слышат слова “Earth to earth, ashes to ashes, dust to dust”⁴⁵, сказанные почти четыре с половиной столетия назад, они получают призрачное ощущение одновременности наперекор гомогенному, пустому времени. Весомость этих слов лишь частично вытекает из их возвышенного смысла; она также вытекает из их как бы прототипической “английскости”»⁴⁶.

Есть также особый род общности современников, создаваемый одним только языком в форме поэзии и песен. Если взять, для примера, исполнение государственных гимнов, несложно убедиться в переживаемом поющими чувстве единения, как бы ни были банальны слова и зауядна мелодия⁴⁷.

Язык укореняет человека в пространстве истории. Человек стремится жить в изменчивом мире, ощущая себя константным. Это стремление достигается через приписывание фактам личной биографии такого смысла, который превращает их в события, наполненные значением не только для него, но и для коллективной общности, к которой он принадлежит. «Чем для любящего является глаз, его собственный, обыкновенный глаз, с которым он родился, — тем же для патриота является язык, и при этом совершенно неважно, какой язык история сделала для него родным. Посредством этого языка, с которым знакомишься младенцем на руках у матери, а расстаешься в могиле, воссоздается прошлое, воображаются общности и грезится будущее»⁴⁸. Особенно важно, что принадлежностью к такой общности приобретает чувство родства, аналогичное тому, что дает ощущение семейных уз⁴⁹.

Таким образом, семиотическая, социологическая и культурологическая интерпретации культурной трансформации, обусловившей переход к современности, оказываются одинаково убедительными в обосновании взаимосвязи между типом памяти, обусловленным «печатным» характером знаковой коммуникации, и моделью воспроизводства культуры в Новое время (XVII–XIX вв.), ориентированной на национальный (родной) язык в качестве средства коммуникации, высокой культуры и образования. Унифицированная система образования через язык связывает индивидуальную судьбу человека с судьбой нации. Однако для того, чтобы эта связь оказалась сквозной, пронизывающей все сферы культуры, потребовались ментальные изменения, трансформировавшие пространственно-временные структуры обыденной картины мира.

⁴⁵ «Земля к земле, прах к праху, тлен к тлену» (слова из «Книги общей молитвы»).

⁴⁶ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества... С. 163.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 172.

⁴⁹ Там же. С. 162.

Время

Каждой из обозначенных выше моделей воспроизводства культуры (устной, «рукописной», «книгопечатной») присущи свои способы восприятия пространства и времени. Понятие пространства выражает множественный, неоднородный характер существования мира как порядка одновременно существующих протяженных объектов. Понятие времени описывает длительность и необратимость бытия, последовательность и характер его качественных изменений.

Общества традиционного типа, использующие устные способы передачи и хранения информации, опирались на циклическую (мифологическую) модель восприятия времени. Циклическая модель восприятия времени основана на оппозиции мирского и священного, на противопоставлении мимолетной временной протяженности и «череды вечностей», периодически восстанавливаемой во время празднеств, составляющих священный календарь. Все, что «осквернено» мирским временем, подлежит уничтожению в ритуале, имитирующем первотворение⁵⁰.

Усилия работы этой модели сводятся к сохранению сведений о норме, порядке, образце. Экспертами в бесписьменном обществе выступали шаманы или сказители — люди, обладающие особыми возможностями общения со сверхъестественными сущностями, от которых зависело благополучие родового коллектива. Элементарной единицей структуры коллективной памяти здесь выступают архетип и образец.

Само по себе событие, каким бы важным оно не было, удерживается в народной памяти лишь в той мере, в какой оно приближено к мифологической модели. Народная память с трудом удерживает «индивидуальные» события и «подлинные» лица. В своем функционировании она опирается на отличные от истории структуры: историческое лицо ассимилируется своей мифологической моделью, событие интегрируется в категорию мифологического действия. Процесс превращения исторического прототипа в героя народных легенд осуществляется по образцовой модели: индивидуальное отторгается, образцовое сохраняется. Подлинные события биографии вытесняются вымышленными сюжетами, «отсылающими» к божественному провидению, историческая достоверность облика героя сводится на нет⁵¹.

Стратифицированные письменные общества древности и средневековья, использующие письменный «рукописный» способ хранения и передачи информации, опирались на линейную трансперсональную модель восприятия времени, в которой история становилась средством «спасения» мира. В историю допускается личность, имеющая сакральный статус (Моисей, Христос,

⁵⁰ Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 56.

⁵¹ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб.: Алейтейя, 1998. С. 69–70.

Будда, Мухаммед). Условием «допуска» личности становится сам смысл ее деятельности, оправдывающий страдание перспективой воздаяния. Трансперсональность в данном случае выступает характеристикой, указывающей на обращение к «запредельным» по отношению к границам индивидуального существования конкретного человека экзистенциальным смыслам.

Новизна этой модели в сравнении с циклической концепцией мифа заключается в признании истории в настоящем при условии упразднения в будущем. История когда-нибудь завершится, но ее конец совпадет с уничтожением грешников, воскрешением мертвых, победой вечности над временем. Именно в связи с этим обстоятельством история и становится ценной.

Однако она обретала значение не сама по себе, а лишь в той мере, в какой была определена божественной волей. Бог уже не архетип, но личность, вмещающаяся в историю и раскрывающая свою волю при помощи событий. История не воспринимается более как бесконечный цикл. Она имеет цель и смысл — спасение мира. Необратимость истории компенсируется ее ограниченностью во времени. История становится выносимой потому, что она перестает быть абсурдной⁵².

Наиболее полно данная модель реализуется в религиях спасения (иудаизме, христианстве, исламе), ориентирующих верующего на индивидуальную свободу и ответственность, моральный выбор, готовность совершить поступок во имя целей, которые превосходят пределы индивидуального существования. Элементарной единицей структуры коллективной памяти здесь выступают уже личность и событие.

Структуры этой религиозной по своему происхождению модели формируют историческое сознание, форму групповой рефлексии по поводу экзистенциальных вопросов существования. Допуская «личность» во время, историческое сознание само становится способом группового самосознания.

При переходе от циклических к линейным моделям восприятия времени появляется тенденция рассматривать происшествие (независимо от того, станет оно «историческим событием» или нет) не как «исключение», а, скорее, как «норму». Запоминанию в этой модели времени подлежат не только «архетипические» (воспроизводимые в ритуале), но и «исключительные» события, т. е. единичные или в первый раз случившиеся. Для линейного типа восприятия времени ориентация на сохранение эксцессов и происшествий необходима: право обрастает прецедентами, юридические акты фиксируют отдельные случаи — продажи, наследства, решения споров и т. д. Этому же закону подчиняется и художественная литература. Появляется частная переписка и мемуарно-дневниковая литература, также фиксирующая «случаи» и «происшествия»⁵³.

⁵² Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. С. 217.

⁵³ Лотман Ю. М. Альтернативный вариант... С. 346.

В эпоху модерна возникает интерес к необратимости и новизне истории человечества. Человеческая индивидуальность, ее спонтанная творческая деятельность становится неотъемлемой частью воспоминаний. «Исторические» подробности биографий героев, детали костюмов, второстепенные обстоятельства «исторических» событий становятся предметом пристального внимания и изучения. «Личные» воспоминания, которые для архаического сознания не имели ценности, приобретают значимость по мере того, как нарастает ощущение «человеческого», персонального присутствия в истории.

Появление человека, осознающего себя «творцом истории», породило рационализм как способ оптимизации взаимоотношений человека со временем. Кризисы стало возможно прогнозировать, вычислять, предупреждать при помощи научного знания. Возникает историческая наука, объясняющая закономерности исторических процессов, не прибегая к помощи сверхъестественной сущности, и линейная персональная модель восприятия времени и истории.

Линейная персональная модель восприятия истории является элементом письменно-печатного механизма воспроизводства культуры в эпоху модерна. Данная модель стремится к сохранению сведений о событиях, эксцессах, «новинках», что невозможно без датировки и рационализации причинно-следственных связей. События и персонажи могут становиться «историческими» при жизни одного поколения. Однако умножение числа текстов требует «совершенства» механизмов отбора и забвения: проблемой становится сохранение «избыточного» числа текстов. Экспертами в таких обществах выступают профессионалы — носители классической рациональности: ученые, адвокаты, врачи, учителя, чиновники.

В структуры памяти входят события и персоналии не только «исторических» личностей, повлиявших на ход исторического события, но и простые очевидцы — современники событий. Их воспоминания оказываются нередко столь же значимыми, что и воспоминания «исторических деятелей». История становится персональной и осмысливаемой уже в пределах жизни одного человека. «Человеческое» измерение истории становится «нормальным».

Линейное персональное восприятие времени сосуществует в модерне с генетически первичными моделями: циклической и линейной трансперсональной. Оно обращено к интересам и потребностям индивида, «жизненный мир» которого включает практики как индивидуального, так и группового решения проблемных ситуаций.

История приобретает статус научной дисциплины. Это дифференцирует структуру исторического сознания. В ней выделяются историческая память и историческое научное знание, две взаимосвязанных и в то же время альтернативных формы отношения к истории. Как духовные феномены историческая память и историческое знание соотносимы с определенными социальными явлениями в культурной эпохе модерна. Историческая память является атрибутом конкретных, национальных или этнических, сообществ, продуктом

деятельности массового сознания и национального (либо этнического) самосознания. Историческое же знание вырабатывается в среде научного сообщества как результат специализированной, основанной на рациональном методе деятельности.

Из этого вытекают различия в функциях исторической памяти и исторического знания. Функция исторического знания заключается в получении достоверного знания, оценке исторических альтернатив прошлого и выборе перспектив развития будущего, системной рационализации информации об исторических фактах. Что касается исторической памяти, то она выполняет в обществе консолидирующую функцию, решает задачи сохранения ценностного и символического ядра культуры, поддержания солидарных начал общественной жизни.

Ситуация с осмыслением прошлого усугубляется в модерне принципиально разным отношением к нему эксперта-историка и обывателя. Если для исторического знания искажение является трудностью, нуждающейся в устранении, то для коллективной памяти искажение — необходимость, без которой невозможно общее понимание событий и групповое самоопределение⁵⁴.

Векторное совпадение печатного капитализма с новой моделью восприятия времени неслучайно. Групповая мобилизация побуждает высвечивать в прошлом актуальные для настоящего факты в ущерб другим. Групповая солидарность требует такой картины исторического прошлого, которая служила бы объяснению и оправданию действий в настоящем даже в ущерб исторической достоверности. Такова прагматика коллективного действия: чтобы группа обрела коллективную идентичность, ей необходимо общее, доступное для каждого, независимо от уровня образования, понимание событий, сформировавших ее. Это невозможно без упрощения и огрубления фактов исторического прошлого⁵⁵.

Аналогичное совпадение между вектором развития печатного капитализма и ментальными трансформациями прослеживается и в отношении восприятия пространства.

Пространство

Общества традиционного типа, использующие устные способы передачи и хранения информации, опирались на понимание пространства как совокупности иерархически организованных, замкнутых миров, располагающихся на отдельных этажах сакральной вертикали (мирового дерева, коновязи и проч.).

⁵⁴ Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. С. 11–13.

⁵⁵ Репина Л. П. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2003. С. 10.

Этнографы и фольклористы выделяют, как правило три уровня такой реальности: верхний (небесный) уровень, срединный мир, населенный ныне живущими людьми и духами, хозяевами местности, и нижний мир. Соединенные сакральной вертикалью и животными-посредниками три уровня образуют целостную, замкнутую систему, где души людей (предков, ныне живущих и потомков) являются одновременно и средствами коммуникации, и сообщениями между ее отдельными структурами.

Наличие сакральной вертикали само по себе открывает возможность для путешествия в иные миры: верхние, которые служат обиталищем небесных богов, и нижние, где живут боги «темного», подземного мира и находят свое пристанище души умерших людей. Способность к такого рода путешествиям доступна не всякому человеку, а только специалисту в области тайного знания: шаману, жрецу, сказителю. Она давалась таким людям, как сверхъестественный дар, который требует от экспертов традиционного общества служения на благо коллектива. Формой служения оказывались предсказания, обращения к божествам верхнего и нижнего миров с определенными просьбами, удовлетворение которых должно было послужить благу просящих.

Основной разновидностью карты в традиционном обществе оставалась карта-космография. Традиционное сознание, обращенное к объектам сакральной географии в иных, «запредельных» срединному мирах, оставалось равнодушным к пространству за границами родовой территории коллектива. Реальные путешествия были связаны с риском. Сведения о внешнем мире были крайне скудны, отрывочны и противоречивы. Человек судил о внешнем мире по той его локальной части, с которой был хорошо знаком. Недостаток знаний с лихвой компенсировался избыточностью воображения. Сакральная вертикаль — это не только маршрут движения душ и шаманских паломничеств, восходящих и нисходящих. Это еще и напоминание об обратимости времени, ориентировавшей на «вечное возвращение» к первоистокам.

В стратифицированных обществах древности и Средневековья сакральная вертикальная география, обозначающая маршруты движения в рай или в ад, дополнилась горизонтальной моделью пространства. Можно говорить о своеобразной иерархии в его восприятии: для христианина лучшим был мир, освященный светом христианской веры, для мусульманина таковым оказывался мир, освященный верой пророка. В религиозные центры, связанные с деятельностью основателей веры, ее пророков и святых, устремлялись паломники, которые нуждались в подробном описании маршрута. Средневековая география строила модели географических объектов на языке чертежа, содержащего схематические ориентиры с вписанными от руки примечаниями-комментариями, касавшимися продолжительности сухопутного или морского пути. У чертежников не было представления о масштабе. Условность взгляда им была чужда.

Чертежи имели локальный характер, не соотносимый с более широким географическим контекстом. На них наносились не только хорошо известные объ-

екты освоенного пространства, но и полуфантастические объекты на «землях неизвестных», где живут полулюди, полужвери. Экспертом мог стать любой путешественник, лично прошедший маршрут: паломник, воин, монах, купец. Особым престижем пользовалась профессия чертежника. Манускрипты, исполненные мастерами Средневековья, сродни искусству восточной каллиграфии, так как средневековые карты содержали не только географическую, но и разнообразную информацию морально-этического, символического, религиозного характера и, что немаловажно, эстетические эталоны Средневековья.

Пространственное мышление является развитой структурой пространственно-временной картины мира высокостратифицированных агрописьменных обществ древности и Средневековья, в недрах которой вызревают элементы научной картины мира. На этом фундаменте в эпоху модерна формируется наука как социальный институт и индивидуализированная форма общественного сознания, рациональная по характеру познавательной деятельности.

Хорографическое пространство средневекового чертежа связывало географическое описание с движением, прочерчивающим направления от одной «точечной» структуры до другой через локусы пустынного пространства, в различные стороны от центра, занимаемого наблюдателем. Чертеж отражал географическое пространство в сознании универсального наблюдателя. Картографирование же как элемент науки Нового времени позволило это пространство моделировать, исходя из актуальных потребностей наблюдателя.

По мере того как география приобретает статус научной дисциплины, меняется язык изображения и функции репрезентации земной поверхности. Пространственная структура карты предполагает условность наблюдателя, рассекающего земную поверхность на параллели и меридианы. Пространство карты объективизирует географическое описание, вводит масштаб и ориентацию по сторонам света, не содержит локусов «пустоты». Земля оказывается упрятанной в координатную сетку, расчерчивающую территорию на измеримые ячейки.

Если география как наука использовала глобус и карту в качестве моделей реальности, то пространственное мышление модерна обращается к ним как к инструментам конкретизации проекций национальной «самости» на земную поверхность. Карта становится необходимым государству инструментом административного размежевания и подкрепления территориальных притязаний в спорах с соседями. Картография оказывается поставленной на службу целям политического и административного управления.

Здесь вновь прослеживается связь между распространением продуктов печатного капитализма — карт и учебников по географии — и новой концепцией пространственной реальности, охарактеризованной в работе тайского историка Тхонгчая Виничакула (на примере появления на политической карте Юго-Восточной Азии страны с названием «Сиам») следующим образом: «...карта была не моделью той реальности, которую она намеревалась представить, а образцом для сотворения самой этой реальности... Дискурс картографирования

был той парадигмой, в рамках которой осуществлялись административные и военные действия и которую эти действия фактически обслуживали»⁵⁶. Этот исторический пример, заимствованный из диссертационного исследования тайского историка, пересказан Б. Андерсон в качестве иллюстрации значимости нового типа географического описания в наполнении территориальных границ политическим содержанием.

Как и в случае с историческим сознанием, пространственное мышление обнаруживает тенденцию к выделению взаимосвязанных и в то же время альтернативных форм отношения к пространству: географическое (научное) знание и геопрограммирование. При этом последнее мобилизует групповую идентичность, опираясь на мгновенно узнаваемые образные стереотипы. Некоторые из них (гербы, неофициальные символы стран, логотипы) глубоко внедрились в массовое сознание благодаря бесконечному типографскому переносу на плакаты, обложки учебников и журналов, официальные печати и т. д. Особое место в этом ряду занимают карты-логотипы государств.

Происхождение карты-логотипа связано с привычкой имперских государств окрашивать свои колонии на карте в имперский цвет. Окрашенная таким образом каждая колония представляла как отдельный кусочек составной картинки-загадки. Когда такой эффект вошел в моду, «кусочек» мог быть отделен от своего географического контекста: линий широты и долготы, названий мест, условных знаков, обозначающих реки, моря и горы, и, наконец, соседей. Логотип карты предстает перед воображением, по мнению Андерсона, как чистый символ зарождающегося национализма⁵⁷.

Наконец, самый значимый переворот в пространственном воображении, произведенном географией модерна, связан с десакрализацией языка географических описаний. В пространственно-временной картине мира древности и Средневековья образ государства предстал в сакральных терминах, например, «Священной Римской империи», или «Третьего Рима». В географии модерна этот образ заменяется образом «страны» как категории, замыкающей государство в границах определенной территории⁵⁸. Для населения, идентифицирующего себя со «страной» на основании связи с территорией и принадлежности к государству, это географическое понятие наполняется силой эмоционального чувства, проистекающего из осознания связи между личной биографией и судьбой «Родины». География смыкается с историей, а личная судьба — с судьбой страны.

Знание и власть

Противоречие, возникающее между исторической памятью и геопрограммированием воображением как формами групповой саморефлексии,

⁵⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 192.

⁵⁷ Там же. С. 193.

⁵⁸ Там же. С. 191.

с одной стороны, и научным знанием, историческим и географическим, с другой стороны, оказывается еще одним симптомом, обозначающим разрыв с предшествующими культурными эпохами. В эпохи, предшествующие Новому времени, немислимо было представить какие-либо способы самоидентификации группы вне религиозного обоснования ее происхождения и за пределами опекающего контроля светской власти. Примерно то же самое можно сказать и о научном знании в тех формах, в которых оно существовало до Нового времени.

Еще одно противоречие намечается между ориентированной на идеал достижения объективного (рационального и достоверного) знания наукой и утилитарно-прагматичным отношением власти к извлекаемым ею результатам. Оно редко удостоивается исследовательского внимания. Это неудивительно, если учесть парадигмальный контекст современных исследований по философии и социологии таких идеологически ангажированных «полей» жизни общества, как наука, образование, СМИ. Наибольшей популярностью в этом контексте пользуется концепция «власти-знания» М. Фуко, обосновывающая взаимосвязь между типом знания и формой отправления власти. Наиболее полно она изложена в его работах «Надзирать и наказывать», «Микрофизика власти», «Воля к истине». В предельно обобщенном виде можно кратко выразить ее суть в следующих положениях:

- власть не является нейтральной по отношению к знанию;
- власть и знание взаимно предполагают друг друга и вместе образуют отношения господства и / или дискриминации;
- дискурсивные, в том числе и научные практики выступают как составная часть господствующего общественного порядка.

В определенной мере методология, предложенная Фуко, позволяет объяснить целенаправленное формирование внутри- и внешнеполитических доктрин с опорой на научные — географические и исторические — нарративы при помощи обращения к категории нация, или, по-другому говоря, народность. В XIX в. нация (народность) как принцип выделения самостоятельных политических единиц утверждается сначала в европейской политике, а в XX в. национальный принцип политического самоопределения становится ведущим в мировых международных отношениях. Этому предшествовали три столетия (XVI–XVIII вв.) **неторопливой работы культурных механизмов: распространения печатного капитализма, формирования национальных языков, трансформации пространственно-временных структур сознания.**

В такой методологической парадигме находит объяснение и феномен геополитической науки. Среди предпосылок ее возникновения в XIX в. можно назвать следующие тенденции:

- стремление государств обосновать свое центральное географическое положение в системе международных координат историко-географическими и культурно-политическими аргументами;

– обращение к пространственно-территориальным реалиям древней и средневековой истории, в рамках которых происходило формирование полиэтничных государственных образований и мегагосударств (империй), к фактам их существования, обусловленное как реальными потребностями стран, так и мифологизированными историческими представлениями и географическими образами соответствующих пространств;

– выделение регионов в гипертрофированных масштабах, влияющих на идентификацию населения и позиционирование стран;

– возрастание благодаря СМИ интенсивности присутствия регионов в информационном поле, усиливающим их стереотипизацию;

– рост региональной иерархизации как средства идеологического воздействия на отдельные страны⁵⁹.

Переход к индустриальному обществу, растянувшийся на четыре столетия (XVI–XIX вв.), в XX в. потребовал новых инструментов внутривнутриполитической мобилизации, усиливающих роль исторических аргументов в процессе выработки и реализации политических курсов государств. Решающую роль в формировании геопропространственного концепта «страны» («великой страны», «большой страны») сыграло представление о нации как политическом (гражданском) сообществе. По мере утверждения национального принципа легитимации формирование образов стран приобретает целенаправленный характер, ориентирующий на создание такой системы образных проекций, которая бы выступала как матрица идентичности для граждан соответствующих государств. Историческая память становится в этом случае важнейшим инструментом идеологического влияния на оценку геополитических процессов.

Объективной причиной повышения роли исторических концепций является необходимость обоснования территориальных притязаний современного государства. Использование факта существования в древний период истории его народов государственных образований, имеющих признанный с точки зрения исторической науки статус, открывает вполне определенные политические выгоды для доказательства правомочности или необходимости переопределения существующих территориальных границ. Древность сообществ, сформировавшихся на территориях современных государств, позволяет поставить вопрос о «сохранении исторического наследия». Имперский характер прежних государственных образований, включавших в свой состав не только население титульных этносов, позволяет подчеркнуть прогрессивную роль империй для всего региона и обосновать претензии их «национальных преемников» на статус региональных лидеров⁶⁰.

Наконец, особого упоминания заслуживает аргумент об историческом праве на первенствующее заселение на определенных территориях или об

⁵⁹ Улунян А. А. Новая политическая география: переформируя Евразию. М.: ИВИ, 2009. С. 16–17.

⁶⁰ Там же. С. 52–54.

исторически прослеживаемом континуитете «автохтонных» территорий с положительной оценкой их последующего развития. Такие аргументы открывают возможность реформативного геополитического пространства, апеллируя к необходимости объединения этноса в рамках единой государственной системы (несмотря на этническую «чересполосицу») и логике признания за ним права на территорию, где проживают представители разных народов на основании «исторического права» принадлежности этих земель этносу в прошлом⁶¹.

Сочетание историко-событийной канвы с мифологизированными элементами народного сознания создает идеализированную картину этноисторической эволюции. Метод удревнения культурно-политической исключительности одного народа в контексте межэтнических отношений формирует поле «войн памяти», в котором собственно научная аргументация оказывается поглощенной политическими целями.

Между тем концепция «знания-власти» оставляет вне интерпретации многочисленные примеры интеллектуальной оппозиции и гражданского несогласия ученых с доминирующим в конкретной области дискурсом, поддерживаемым властью. В той же степени без внимания она оставляет причины, по которым власть игнорирует консолидированное мнение экспертов по соображениям, логика которых обусловлена действием «сберегающих» ее от общественной критики механизмов. Возможна ли критика власти, автономность науки и независимость научной экспертизы? Эти вопросы побуждают проблематизировать актуальную с точки зрения общественной значимости научную проблему: возможна ли критика геополитики как идеологии и политической практики средствами геополитики как науки?

Представляется, что на эти вопросы можно ответить положительно. Союз знания и власти, опирающийся на целенаправленный нарратив господства и порядка, понимаемого как единообразие, другим основанием имеет стремление к истине, пути достижения которой чрезвычайно многообразны. В этом движении рождается конкуренция научных парадигм. Критический пафос творчества Фуко и близких ему по духу мыслителей изменили, без сомнения, интеллектуальный ландшафт и контекст политической жизни Европы после 1968 г. Это не оставляет сомнений в том, что «знание» способно выступать активной, преобразующей характер партнерского взаимодействия в союзе «власть-знание» стороной. Обращение в последующих разделах к наследию двух европейских школ геополитики — французской и российской — позволит доказать правомерность данного тезиса. Это дает надежду на то, что союз знания и власти, в котором наука должна играть «первую скрипку», способен принести пользу гражданским сообществам, служение которым вменяется власти в обязанность.

⁶¹ Улунян А. А. Новая политическая география: реформатируя Евразию. С. 16–17.

РАЗДЕЛ 2. ЭТНИЧЕСКАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ВНУТРЕННЕЙ ГЕОПОЛИТИКИ РОССИИ

Глава 4. Культурное многообразие и внутреннее геополитическое пространство: теория, практика и опыт исследования

Внутренняя геополитика национальных государств Европы в Новое и Новейшее время

Культурное разнообразие является одной из базовых социологических категорий описания общества, наряду с неравенством. Если неравенство позволяет описывать социальную структуру исходя из сравнения социальных позиций в статусной иерархии, т. е. по вертикали, то многообразие (гетерогенность) представляет собой совокупность показателей, отражающих такие различия в позициях, которые невозможно ранжировать. Иными словами, культурное разнообразие демонстрирует горизонтальную дифференциацию общества, основанную на номинальных различиях. Среди них можно выделить особую категорию различий, обусловленную связью с землей как с обитаемым пространством, представленным конкретной территорией.

Во-первых, это многообразие хозяйственных укладов (кочевого, аграрного, индустриального), возникающее из различных способов адаптации к вмещающему ландшафту. Во-вторых, это языковое разнообразие, происхождение которого связано с генезисом конкретных человеческих сообществ, локализованных на определенных территориях. В-третьих, это этническая разнородность, первоначально обусловленная характером взаимодействия человеческого коллектива со средой обитания. Эти различия прямо влияют на образцы социализации, жизненные стили, доступ к материальным и социальным благам, власти, образованию, информации и культурным образцам, ориентированным на современность.

Кроме того, существуют культурные различия, косвенно обусловленные связью с пространством обитания. Прежде всего, необходимо сказать о региональном многообразии, вызванном неповторимым для каждой страны сочетанием областей (территорий), каждая из которых уникальна по своим этническим, демографическим и географическим показателям. Наконец, необходимо отметить национальные различия, так как последние прямо обусловлены связью населения с территорией внутриполитических границ суверенных государств.

Связь населения с пространством становится геополитическим, а не просто географическим или каким-либо иным, фактором в тот момент, когда оно вступает в отношения с властью. Самой показательной иллюстрацией является установление суверенитета государства над территорией, которую населяет та или иная этническая общность. Это побуждает власть определиться в своем отношении к ней. Спектр возможного отношения чрезвычайно широк. В предельно общем виде можно выделить три способа выражения этого отношения: включить данный народ в число своих подданных, депортировать его, подвергнуть геноциду. Последние два способа нередки даже в современной истории, хотя они и противоречат международному законодательству в области прав человека.

Существует множество способов «включения» разнородного в этнокультурном отношении населения в политико-административную систему государства и, что еще более важно, в единое социокультурное пространство страны. Веер возможностей расположен между двумя условными полюсами: с одной стороны, культурной унификацией и ассимиляцией, с другой стороны, признанием разнообразия в пределах, допустимых для управления. С наступлением Нового времени все государства в различных исторических обстоятельствах и разными способами решали одну и ту же задачу: как гомогенизировать разнородное в культурном отношении население. Типичными для государств в эпоху модерна оказывались меры, направленные на снижение гетерогенности для того, чтобы обеспечить управляемость. Некоторые из них уже были упомянуты: введение стандартизированных национальных языков, систем управления, образования.

Государство эпохи модерна обосновывало свою легитимность «национальными» аргументами: необходимостью защищать определенный народ и его культуру, от имени которых оно действовало. По глубине «вторжения» в приватную сферу людей его влияние можно сравнить разве что с влиянием религиозных институтов. Через повседневные практики, включающие личность в систему образования, трудового найма, во взаимодействие с административными и политическими институтами, СМИ, национализм трансформировал простые и естественные привязанности, такие как любовь к семье, малой родине, обычаям среды, в приверженность абстрактным идеалам, таким, например, как служение отчизне.

Каждое государство, исходя из условий и собственных возможностей, использовало разные способы национального строительства. Наиболее последовательно ассимиляторскую стратегию проводили власти Франции. Более гибкой была стратегия Великобритании, которая сочетала меры военного подавления (в Ирландии, горных районах Шотландии) с признанием (в отдельных случаях) отличных от английской идентичностей в качестве региональных тогда, когда не отрицалась общебританская и не выдвигались сепаратистские требования.

С другой стороны, пробуждающийся национализм недоминантных этнических групп также обращался к ценностям культуры, языка и необходимости их

политической защиты и поддержки. Когда значительная часть населения национальных окраин больших европейских империй начала придавать особое значение своей этничности, социальная мобилизация привела к созданию национальных сообществ и соответствующих им государств: Греции, Италии, Сербии, Болгарии и проч. Региональный сепаратизм национальных окраин и реакция на него больших империй регулярно приводили к военным конфликтам, в том числе и за пределами Европы, еще до начала Первой мировой войны. В этой связи можно вспомнить войны за независимость Италии (1848–1849, 1859–1860, 1866), англо-бурские (1880–1881, 1899–1902) и балканские (1912–1913, 1913) войны, приведшие к созданию новых национальных государств.

Особого упоминания заслуживает объединение Германии, которая хотя и мыслилась как государство немцев на основе единства «земли» и «крови», тем не менее создавалась не только дипломатией, но и «огнем и мечом» О. Бисмарка. Политический интеграционный процесс, начатый совместно Пруссией и Австрией, завершился их конфликтом внутри межгосударственного Германского союза. Он сопровождался серией войн, инициированных Пруссией на протяжении 1864–1870 гг. против Дании, Австрии и Франции. Результатом стало провозглашение Германской империи (1871), которое сопровождалось аннексией у Франции двух восточных провинций — Эльзаса и Лотарингии, жители которых говорили преимущественно на диалекте немецкого языка. Эти территории впоследствии не раз становились объектом геополитического соперничества между Францией и Германией, поводом для начала двух мировых войн.

Отношение к культурному многообразию подвергается пересмотру во второй половине XX в. Оно становится ценностью современного мира по мере того, как европейские страны переходят от нацистроительства, ориентированного на логику внутренней «борьбы с сепаратизмом», к межгосударственной интеграции в рамках образующихся после Второй мировой войны политических союзов. Самыми известными из них являются Бенилюкс, объединивший Бельгию, Нидерланды и Люксембург, Северный совет в составе Дании, Исландии, Финляндии, Швеции, Норвегии и, наконец, Европейский союз. Составной частью накопленного Европой опыта интеграции является осознание значимости ее региональной составляющей. Этот опыт, отраженный в декларации Ассамблеи регионов Европы «О регионализме в Европе» 1996 г., устанавливает прямую связь между региональным развитием и внешнеполитической стабильностью государств, указывает на рост регионального влияния в международных отношениях.

Концепт «пространство» в трудах французских геополитиков

В контексте осмысления этого опыта оправданным представляется интерес к одной из самых авторитетных европейских школ, французской школе ге-

ополитики. Фундамент этой школы был заложен в конце XIX — начале XX в. А. Деманжоном, П. Видалем де ля Блашем и Ж. Анселем, которые поставили в центр геополитического исследования не государства с их военной и экономической мощью, а человека как базовую единицу анализа. Они предложили рассматривать пространственное положение как потенциальность, возможность, актуализируемые волей и активностью населения. В этой традиции человек оказывается ведущим субъектом геополитического действия, определяющим, каким быть данному пространству.

На фоне популярности немецких и англо-американских геополитиков до Второй мировой войны французская школа не была столь заметна. Глубокий интерес к французским исследованиям оказался обусловлен влиянием европейской региональной политики на международные отношения во второй половине XX в. Яркой иллюстрацией европейской региональной геополитики сегодня является сотрудничество Франции и Германии в составе Евросоюза, неофициальной столицей которого является Страсбург, административный центр Эльзаса и Лотарингии. На рубеже XIX и XX столетий П. Видал де ля Блаш выдвинул смелую для своего времени, мыслящего категориями «экспансии» и «борьбы», идею сотрудничества двух государств в этом регионе. Эта идея нашла свое воплощение в современном сотрудничестве двух европейских держав на поприще европейской интеграции. Сегодня Страсбург стал символом примирения двух государств, основателей Евросоюза.

В отличие от немецких и англосаксонских коллег французские геополитики отказались от противопоставления «народов Моря» и «народов Суши», выступив за преодоление географического детерминизма и политической ангажированности. Следствием этого стал перенос интереса с физико-географических и ресурсных аспектов исследования на социальные взаимодействия людей, каналы этих взаимодействий и их символические аспекты¹.

После Второй мировой войны идеи Ансея, Видаля де ля Блаша и Деманжона были восприняты представителями «среднего» поколения французской геополитики. В исследованиях Ж. Готтманна 1950-х гг. в качестве центрального понятия выступает «циркуляция», которую следует понимать как коммуникацию — перемещение людей, денег, товаров, идей. Маршруты и характер этих перемещений способны выводить из запустения одни территории и вводить в забвение другие. Коммуникационные потоки могут усиливаться, пересекаться, ослабевать. Это может приводить к перемещению людей и организованных групп, к образованию новых и смешению старых сообществ².

Все это позволило говорить о дифференциации геополитического пространства в зависимости от центров активности общества, что снижает роль государств как главных действующих акторов международной жизни. Хотя

¹ Бабков А. Иконографический подход в работах французских геополитиков // Власть. 2010. № 7. С. 71–72.

² Там же. С. 72.

Готтманн не стремился перенести акцент в геополитическом анализе с государственного на региональный уровень, тем не менее его работы оставили возможность для такого переноса³.

В 1970-е гг. во Франции формируется направление так называемой «прикладной» или «внутренней» геополитики, позиционирующее эту науку как политически неангажированную дисциплину. Вот как определил понимание геополитики в современном смысле этого слова один из ее основателей Ив Лакост: «...Слово “геополитика” — это не просто новое обозначение для территориальных споров, которые продолжаются уже в течение многих веков...; появление и широкое распространение этого термина означает, что с недавнего времени стало действовать множество новых факторов, способствующих обострению соперничества между различными властями за контроль над той или иной территорией... Теперь это соперничество протекает в несколько иных формах, чем раньше, что связано, в частности, с возросшей ролью общественности... Специфические геополитические явления связаны не с любым соперничеством властных структур в территориальных вопросах, а — что является новым фактором — только с теми его формами, которые находят широкий отклик в средствах массовой информации и вызывают оживленные дискуссии в обществе, при условии, что в данной стране существует свобода слова. Таким образом, речь идет о принципиально новом феномене, который оказывает существенное влияние на международные отношения и на осуществление властных функций государства во многих странах»⁴.

Это определение фиксирует исследовательский акцент на глобальных процессах. Специфический социокультурный контекст, в котором возникла региональная геополитика как направление геополитической науки, связан с развитием глобализации. Мир вступил в эпоху глобальной коммуникации. Она вывела на авансцену истории новых субъектов политического процесса, новые идентичности и новые лояльности, подвергая испытанию на прочность уже сложившиеся национальные идентичности. Национальные государства оказались перед необходимостью отстаивать свой суверенитет уже не только в единборстве с другими государствами, но и в конкуренции с сетевыми структурами — международными и неправительственными организациями, транснациональными корпорациями, политическими структурами межгосударственных интеграционных союзов, этническими диаспорами.

В 1976 г. Ив Лакост начинает издавать во Франции журнал «Геродот», сплотивший вокруг себя ведущих геополитиков страны. Уже само название журнала, носящее имя отца истории и географии, указывает на синтез этих наук. Идеология «Геродота» базируется на положении об укоренении людей и социальных групп (этносов, наций), к которым они принадлежат, на той

³ Там же.

⁴ Лакост И. Геополитический словарь, 1993. Цит по: Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996. С. 138.

или иной территории. Это ставит в центр геополитики региональные проблемы⁵.

Французские исследователи немало сделали для того, чтобы вернуть престиж геополитической науке, пошатнувшийся после двух мировых войн. Однако главным направлением их деятельности стало наполнение ее новым методологическим содержанием. Новизна их подхода заключалась в том, чтобы представить геополитику как метод анализа локальных (региональных) ситуаций. Введенная Лакостом в научный оборот категория «геополитическое представление» предполагает обращение к предыстории конфликтов, уделяя самое пристальное внимание пространственным представлениям людей, идеологии политической элиты, духовным ценностям цивилизаций и культур. Все эти «духовные продукты» играют важную роль в порождении его причин. Так, идеология «этнической чистоты», целью которой является достижение точного соответствия между народами и территориями, рассматривается школой «внутренней геополитики» как инструмент оправдания территориальных споров⁶.

«Геродот» обратил особое внимание на образные представления, связанные с той или иной страной, тем или иным пространством, играющим важную роль в мировой политике. Каждый номер ежеквартального журнала «Геродот» являлся результатом коллективного труда, посвященного геополитической проблематике того или иного региона (например, «Американское Средиземноморье», «Проблема границ в Африке», «Балканы и балканизация») или страны («Немецкие геополитики», «Пограничные районы России», «Сербский вопрос»)⁷.

«Историю делают люди. Любое пространство формируется и преобразуется людьми, которые через него проходят, захватывают его, живут там, уходят оттуда. Чтобы понять ценность данного пространства для данных людей, нужно знать всё, что происходило раньше между этими людьми в этом пространстве: набеги, распространение религии, влияние империй, национальное строительство... История имеет огромное значение, ибо она является источником геополитических представлений, которые — в процессе кристаллизации — связывают территорию с её прошлым. Так, например, множество конфликтов между группами людей вызваны тем, что каждая из них считает, что именно она первая поселилась на данной территории (евреи и арабы в Палестине; негры и белые в Южной Африке; сербы и албанцы в Косово...)»⁸. Это сблизило внутреннюю геополитику с историей и социологией.

Люди стремятся укорениться в то пространство, в котором они живут. В то же время человек живет в движении. Пространство потоков, зависимое от средств электронной коммуникации, транспортной и энергетической ин-

⁵ *Моро-Дефарж Ф.* Указ. соч. С. 142.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 140.

⁸ Там же. С. 141.

фраструктуры, играет такое же существенное значение в глобальном мире, как и пространство национального суверенитета. «Как подчеркивает геополитика, повинувшись инстинкту собственника, люди отождествляют себя с территориями, ведут непрерывную борьбу за право определять границы этих территорий. Но в то же время люди постоянно находятся в движении, самые разные потоки захватывают и несут их (от идеологических течений до товаропотоков). Причём эти потоки, созданные самими людьми, очень часто выходят из-под контроля своих творцов.

Какая же тенденция является доминирующей в конце XX в.? Старый территориальный инстинкт, унаследованный от многовекового земледелия, как считает “Геродот”? Или же возникновение новых отношений между человеком и землёй, которые характеризуются тем, что человек постепенно освобождается от власти земли, но земля по-прежнему липнет к его ногам? Кочевой или оседлый образ жизни одержит, в конечном счёте, победу? Какова будет роль государства-нации: останется ли оно высшей целью Истории и самой совершенной территориально-политической конструкцией или же превратится в единицу пространства, стоящую в одном ряду с более мелкими (регион, город) и более крупными (континенты, весь мир) территориальными образованиями? К какому равновесию может привести сочетание территориального деления мира с ростом мировых потоков?»⁹

Этническое разнообразие и внутреннее геополитическое пространство России

Поскольку в современных отечественных исследованиях, посвященных проблеме внутренней геополитики России, проблема культурной гетерогенности специально не рассматривалась как самостоятельная, для оценки ее степени имеет смысл обратиться к политико-правовой и этнолого-антропологической областям знания в структуре социогуманитарных наук. Конституция РФ фиксирует правовой статус Российской Федерации в качестве федеративного и демократического, многонационального (полиэтничного) государства. Население России состоит из представителей более чем 170 народов. Однако самым многочисленным народом РФ являются русские. Их доля в этнической структуре населения страны составляет около 80%. Русский народ сыграл ведущую роль в становлении российской многонациональной цивилизации и российской государственности, которая последовательно была реализована в Новое и Новейшее время в таких государственных образованиях, как Российская Империя, Советский Союз (СССР) и Российская Федерация.

Российское государство изначально формировалось как многонациональное. В древнерусский период в этих процессах приняли активное участие представители славянских, тюркских, балтских и финно-угорских народов. Конец

⁹ Там же. С. 143.

Средневековья — начало Нового времени ознаменовалось интенсивным контактом с монгольским кочевым миром.

В Российской империи национальный признак не имел решающего значения в организации территориального деления. Особый статус, обеспечивавший значительную степень самостоятельности, имели те провинции, которые вошли в состав российского государства, будучи уже сложившимися самостоятельными государствами: Польша, Грузия, Финляндия, Хивинское ханство и Бухарский эмират. Все остальные территории входили в состав государства «на общих основаниях» и национальный признак не играл решающей роли в организации властных структур на их территории¹⁰.

В целом, можно выявить определенное типологическое сходство в процессах национального строительства в России и в Европе. Однако следует отметить, что процесс нациестроительства в Российской империи обладал определенной самобытностью, которая проявлялась, в частности, в гибком решении проблемы культурной гомогенизации. Несмотря на то, что имперская власть мыслила Россию в качестве централизованного, унитарного государства, она в целом проводила осторожную национальную политику, целью которой оставалось сохранение целостности и стабильности империи. Эта цель была важнее, нежели превращение России в национальное русское государство. В силу этого отношение власти к русификации и обращению в православие было прагматичным: ими пользовались, если они способствовали интеграции этнических групп, и от них отказывались, если это создавало угрозу внутренней стабильности¹¹.

Первая мировая война, кризис власти и гражданская война усилили процессы этнической мобилизации среди ее народов. Восстановление единства централизованного государства, осуществлявшееся с середины 20-х до начала 40-х гг. XX в., опиралось и на естественное желание народов сохранять свою принадлежность к российской государственности, и на прямое насилие. Единство страны удалось сохранить при помощи системы национально-государственных образований на территории СССР. На общесоюзном уровне она объединяла союзные республики. На республиканском уровне дифференциации выделялись автономные республики, края и области.

Основываясь на формальной декларации принципа, согласно которому каждая нация имеет право на самоопределение, были выделены территории компактного проживания определенной этнической группы, на которых эта группа получала определенные преимущества, по крайней мере, формально.

¹⁰ Сусоколов А. А. Социально-демографическое и этнополитическое развитие этносов // Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998. Гл. 3. С. 57–59.

¹¹ Лаллукка Сеппо. Предпосылки формирования национального самосознания финно-угорских народов в XIX начале — XX в. // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. Петрозаводск, 2011. С. 8.

Такая группа получала статус «коренной», или «титულიной», нации. В ряде случаев «коренным» признавался народ, который не составлял этнического большинства на данной территории. В других случаях так называемая «уко-ренность» народа на территории являлась весьма условной. Нередко единый этнический массив разделялся границами, на базе чего формировались несколько самостоятельных народов. Это деление, поначалу формальное, со временем закреплялось в самосознании и культуре¹². Следствием этих процессов явилось формирование особого рода коллективного правосознания, получившего название этнической правосубъектности.

В то же время этническая правосубъектность была интегрирована в советскую идентичность и коммунистическую идеологию, содержащую представление о советском народе как новой исторической общности, что дало определенные плоды с точки зрения межэтнической интеграции¹³.

Этнический ренессанс на рубеже 80–90-х гг. XX в. поставил под вопрос советскую форму гражданской идентичности. Оказалось, что если одним народам для поддержания этнической идентификации достаточно сохранения своего языка и культуры, то притязания других носят политический характер. Этнополитическая мотивация состояла в стремлении оформить свою этническую идентичность до уровня государственного образования. В связи с тем, что народы, стремящиеся к политической самостоятельности, уже входили в состав сложившихся после распада СССР государств, возникла проблема поиска универсального и общепризнанного критерия, в соответствии с которым можно было бы определить, кто имеет право на государственность, а кто — нет. Международное право в одинаковой степени признает и право наций на самоопределение, и принцип территориальной целостности и нерушимости государственных границ, выработанный Хельсинкской конференцией (1975). В связи с этим встала проблема их совместимости.

Между тем выход из ста двадцати конфликтных ситуаций с этническим подтекстом на постсоветском пространстве, в которые была вовлечена Россия, происходил, при всех издержках, преимущественно посредством переговорных процессов¹⁴. В наследство от СССР России досталась не только многоуровневая, иерархически выстроенная система федеративных отношений, содержащая в своей структуре национально-территориальные и административно-территориальные субъекты РФ, но и идея надэтнической гражданской солидарности. В начале 1990-х гг. преобладала негативная однозначность в оценке

¹² Сусоколов А. А. Указ. соч. С. 61–62.

¹³ Авксентьев В. А. Этнополитическая идентичность в постсоветской России как фактор конфликтогенности // Вестн. Сев.-Кав. гос. техн. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 1 (11).

¹⁴ Дробижьева Л. М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 18.

феномена советской исторической общности. Однако уже к середине 1990-х гг. в отечественной и зарубежной науке, в массовом сознании россиян происходит переосмысление советской идентичности. Такая форма надэтнической гражданской идентичности стала восприниматься как естественное преимущество в полиэтничном мире. В СССР этническое самосознание было настолько тесно связано с надэтнической идеей, что крах общесоветской культуры оставил многие народы без ясного ответа на вопрос об их социокультурной определенности. Когда в середине 1990-х гг. этнический ренессанс пошел на спад, в массовом сознании и в среде элиты возник запрос на отвечающую новым реалиям форму надэтнической идентичности.

В настоящее время проблема выбора надэтнической идентичности остается в обществе дискуссионной. Она является одной из острых внутригеополитических проблем в ряду проблем, связанных с этнокультурной разнородностью России. Двумя другими значимыми проблемами являются, во-первых, проблема диаспоры и культурной адаптации мигрантов в российское принимающее сообщество, усилившаяся по мере вхождения России в процессы глобализации, во-вторых, нерешенная в практике государственного управления проблема реализации принципов федерализма, осложняющая этнополитические процессы в национальных республиках и региональное развитие субъектов РФ в целом.

В настоящее время Россия включает в свой состав 83 равноправных субъекта, в том числе 21 республику, 9 краев, 46 областей, 2 города федерального значения, 1 автономную область, 4 автономных округа. Русский язык является государственным на всей территории РФ. В ряде субъектов РФ наряду с ним используется 23 других языка. Ныне Российская Федерация формально выступает исторической преемницей предшествующих форм российской государственности с 862 г., т. е. с эпохи древнерусской государственности, по настоящий момент.

Оценивать отечественные исследования, посвященные внутренней геополитике (в работах М. В. Ильина, В. Л. Цымбурского, Г. В. Нурышева, Д. Н. Замятина, А. В. Ремнева), крайне сложно ввиду того, что это направление не сложилось как самостоятельное в отечественных исследованиях. С одной стороны, появление таких работ, хотя и с некоторой хронологической задержкой, совпадает с общим направлением развития геополитической мысли. С другой стороны, обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди обилия геополитических исследований, количество которых лавинообразно увеличивается с начала 1990-х гг., исследований по внутренней геополитике оказывается не так уж и много. Поэтому, учитывая его маргинальность в общем потоке публикаций по геополитической тематике, самого пристального внимания заслуживают все более или менее значимые научные результаты, особенно те, которые продолжают развивать наследие русской геополитической школы.

В развитии русской геополитической школы прослеживается 3 этапа: славнофильский, позитивистский и евразийский. В соответствии с этим можно выделить три направления ее развития. Первое направление связано с развитием идей цивилизационной компаративистики и историософии в трудах Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. И. Ламанского и их последователей. Второе направление связано с развитием русской науки в конкретных дисциплинарных областях, прежде всего географии, этнографии, востоковедения, истории, экономики, в работах С. М. Соловьева, П. П. Семенова-Тян-Шанского, Г. Н. Потанина, В. О. Ключевского, В. П. Семенова-Тян-Шанского, В. А. Обручева и других, оказавших самое серьезное влияние на развитие геополитики как академической дисциплины. Третье направление связано с развитием философского течения русских эмигрантов (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой и проч.), выработавших систему геополитических взглядов и применивших ее в разработке конкретных научных дисциплин. Евразийство в современном научном дискурсе также имеет своих последователей не только в науке, но и в политике. Все указанные направления являются континенталистскими, т. е. нацеленными на обоснование особого положения одной страны, России, на евразийском континенте.

В исследованиях современных российских исследователей внутренней геополитики России М. Ильина и Г. Нурышева инерция континентализма ощущается весьма заметно, несмотря на то, что явного влияния какой-либо из указанных школ не прослеживается. Публикации обоих авторов выполнены в рамках сугубо научного подхода и ориентированы на строгое соблюдение принципов системности. В публикациях Ильина, о которых пойдет речь в данной главе, представлен преимущественно политико-географический подход к внутренней геополитике, в работах же Нурышева, анализ которых будет осуществлен в одной из следующих глав, — политологический. Оба автора свои работы по данной тематике опубликовали в постсоветский период и на этом основании результаты их научной деятельности отнесены к современным исследованиям, что не исключает вероятности формулировки некоторых положений авторами в более ранний период. В контексте фиксации специфики внутреннего геополитического пространства России обращение к этим работам позволит пролить свет не только на некоторые особенности изучаемого объекта, но и на специфику научного подхода русской геополитической школы.

Концепт «месторазвитие» в трудах российских геополитиков

Концепция Ильина появилась в 1990-х гг. Ее положения автор опубликовал в серии статей в отечественных политологических журналах и на страницах интернет-ресурса «Русский Архипелаг». Работы Ильина базируются на представлении о влиянии географических факторов на историю. Трудно однозначно говорить о прямом влиянии русской географической школы или,

скажем, о влиянии школы В. О. Ключевского на его концепцию внутренней геополитики. В его публикациях прямых ссылок на работы историков и географов досоветского или, скажем, эмигрантского периодов нет. Тем не менее не заметить влияния отдельных идей русской геополитической школы, пусть и в опосредованной форме, невозможно. Показателем является ориентация автора на географическую аргументацию в обосновании исторической специфики внутренней геополитики России, исследовательский акцент на взаимозависимости управления и расселения, использование концепта «месторазвитие», введенного теоретиком евразийской школы П. Н. Савицким.

Ильин исходит из достаточно традиционного взгляда на понимание геополитики как учения о роли влияния географической среды, имеющей как природное, так и антропогенное происхождение, на характер и структуру политической организации. Он вычленяет ряд факторов, качественно определяющих условия управления: геоморфологический, бассейновый, природно-климатический, популяционный, инфраструктурный, политический, геостратегический¹⁵.

Все группы факторов, а не только геостратегические, по мнению Ильина, должны быть учтены при анализе структуры внутреннего геополитического пространства. Для обустройства и эффективного функционирования политической системы недостаточно общих навыков «технократического» мышления и геополитического менеджмента. Необходимо понимать, насколько будут ограничивать или благоприятствовать управлению факторы природной и антропогенной среды, воздействующие на конфигурацию политической системы.

Собственно, эта конфигурация и является основным предметом его анализа. Истоки ее формирования Ильин связывает с восточно-славянскими традициями расселения и управления. Обозревая бесконечные широтные просторы природных зон Евразии, он обращает внимание на срединную между лесом и степью лесостепную полосу. Она четко делится на сегменты речных бассейнов, расчленяющих ее на горизонтальные и вертикальные последовательности малых и больших пространств. Каждое из них почти ничем не отличается от соседних, но в совокупности они дают необычайное разнообразие ландшафтов.

Еще более пристальный взгляд позволил исследователю увидеть точечные «оазисы» благоприятных для жизни малых месторазвитий вблизи озер, излучин или слияний рек. На этом фоне выделяется днепровский сектор лесостепи, который уже с VI–VII вв. стал перекрестьем вертикальной днепровской речной

¹⁵ *Ильин М. В.* Российский Дальний Восток в геополитической системе координат азиатско-тихоокеанского региона // Россия и Корея в меняющемся мире: Материалы Науч.-практ. конф. Серия: Науч. докл. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1997. № 48. С. 33–47; *Он же.* Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3. С. 82–94.

магистральной и горизонтально протяженной природно-климатической зоны лесостепи. Этот сектор стал, по мнению Ильина, культурным очагом и центром консолидации политической общности восточных славян¹⁶.

Ильин обосновывает свое видение киевского региона в качестве очага древнерусской культуры ссылками на данные археологических и топонимических исследований¹⁷. Освоение новых урочищ, сначала более благоприятных, потом менее, шло по принципу перевернутой Т-образной перекладки на пересечении лесостепной полосы и реки. Воспроизведение этой конструкции на дальних окраинах свидетельствует, по мнению Ильина, о значении Киева как источника социокультурной радиации: «...именно приднепровский Киев двинулся в путь и пришел в незапамятные времена в Псковскую и Новгородскую земли, в Верхнее Поволжье, чтобы раствориться там добрым десятком малых — безвестных и “неперспективных” “киевов”»¹⁸.

Миграционную тактику продвижения восточных славян по территории Ильин характеризует как «островную», пользуясь метафорой, предложенной В. Цымбурским. Ее еще можно определить как очаговую: переселенцы занимали неосвоенные балтами и финно-уграми, по преимуществу рыболовами, охотниками и собирателями, «оазисы» у рек и озер, осваивая волоки¹⁹. Таким образом, еще до начала формирования политий на территории будущей России определился полиэтничный характер населения страны. Несмотря на то, что восточные славяне селились попеременно с автохтонами, те и другие жили «особе».

По мнению Ильина, природа внутренней геополитики России связана своим происхождением с двумя структурными механизмами управления, один из которых имел полисное содержание, тогда как другой — деспотическое. Полисный механизм порожден племенной тактикой медленного просачивания восточных славян в пространства лесостепной Евразии. Создание все новых обитаемых «островов» у речных урочищ завершилось образованием племенных «архипелагов», связанных друг с другом сетью не только экономических, но и политических контактов. Возникали союзы племен, а там, где были благоприятные условия, появлялись города, служащие убежищем в условиях войны, а в условиях мира — центрами торговли, административного и политического влияния. Деспотический же механизм появляется как результат «собираания» «разбежавшихся» в процессе земледельческой экспансии «островов» «вышед-

¹⁶ Ильин М. В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/iljin/making

¹⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1993; Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005.

¹⁸ Трубачев О. Н. Откуда есть пошел Киев... и другие вопросы // Трубачев О. Н. В поисках единства... С. 48.

¹⁹ Ильин М. В. Этапы становления...

шей из себя Руси». Обратное завоевание земель опиралось на экс-политарную дружину великого князя, его войско, которое выступало не только военной, но и политической, дисциплинирующей по отношению к отдельным племенам, силой.

Баланс этих двух начал в политической истории России обусловлен, по мнению Ильина, «островным» типом восточно-славянской колонизации земель, что задавало продуцирование новых ее очагов, а также многовекторный (в пространственном отношении) характер ее развития. Это позволило восточным славянам довольно быстро распространиться по всей территории Восточно-Европейской равнины.

Важно подчеркнуть привлекательность лесостепной зоны для восточно-славянской колонизации в концепции Ильина. В описываемый им древнерусский период, к которому относятся начальные этапы формирования государственности восточно-славянских народов, подсечно-огневая хозяйственная практика этих лесных земледельцев была связана с освоением лесной и лесостепной широтных зон Восточной Европы. Подсечно-огневая практика требовала время от времени менять место поселения, что многое объясняет в причинах земледельческой экспансии восточных славян.

Для объяснения же характера связи между населением и пространством Древней Руси Ильин прибегает к понятию месторазвития. Этот термин был предложен П. Н. Савицким в 1920-х гг. Данным понятием евразийцы обозначали тесную связь между историей какого-либо народа и географической средой его обитания.

«Что же такое есть “месторазвитие”? Подойдем к этому понятию от ряда ему подобных:

- месторождение полезных ископаемых;
- местоформование почв;
- местопроизрастание растительных сообществ;
- местообитание животных сообществ;
- месторазвитие человеческих обществ».

«... “Взаимное приспособление живых существ друг к другу... в тесной связи с внешними географическими условиями, создает... свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость...” “Такое широкое общежитие живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей среде” и ее к себе приспособивших, понимается нами под выдвигаемой в этих строках категорией “месторазвития”²⁰. Социально-историческая среда и ее территория “должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт”. Не только, конечно, социально-историческая среда без территории немислима, в чисто внешнем смысле этого слова, но действительно, не зная свойств

²⁰ В этих ссылках П. Савицкий пользуется выражениями В.В. Докучаева и Г.Ф. Морозова.

территории, совершенно немыслимо хоть сколько-нибудь понять явления того или иного состава, особенностей и "образа жизни" социально-исторической среды»²¹.

«Месторазвитие» и его синонимы — «ландшафт» и «географический индивидуум» — в теории Савицкого служат для обозначения связи между людьми, насельниками территории с их историей и культурой, средой их обитания, включающей минеральные и почвенные ресурсы, растительное и животное царства, природно-климатическую и естественно-географическую специфику.

«...Можно привести целую бездну примеров, которые показали бы всю бесплодность обобщения данных исторического опыта, если не принимать во внимание географических начал, игнорировать принцип порайонности и вообще обусловленности социально-исторических явлений той совокупностью обстоятельств, которую охватываем понятием "месторазвития..." Необходим синтез. Необходимо умение сразу смотреть на социально-историческую среду и на занятую ею территорию»²². В приведенных из сочинения Савицкого отрывках можно найти положения, без которых не обходится ни одна современная геополитическая теория:

1) о необходимости учета приспособления людей к среде обитания, внешним географическим условиям, задающим устойчивый природно-биологический цикл или ритм их жизни в длительной временной перспективе;

2) о возможности из соединения географии с историей научно обоснованным способом выводить не только особенности культурно-хозяйственных и бытовых ориентаций, но и специфику политического устройства.

При этом в один ландшафт нередко оказываются помещены народы, далеко не родственные по своему этническому происхождению. Это сближает взгляды Савицкого с идеями, высказанными П. Видалем де ла Блашем о культурном единстве Франции независимо от этнической принадлежности населения ее регионов. Конституируя культурную и политическую общность народов на основании признака принадлежности к одному месторазвитию, даже если в иных отношениях (расовом, этническом, лингвистическом, конфессиональном) они могут быть далеки друг от друга, оба исследователя, Савицкий применительно к России, а Видал де ла Блаш — в отношении Франции, приходят к выводу о том, что обитаемый ландшафт, или месторазвитие, есть пространство культурной интеграции населения, даже если оно этнически разнородно.

В евразийстве тезис о месторазвитии обосновывал специфику российского мира как отдельного и от судьбы стран Запада (Европы), и от народов юга и востока (Азии). Народы этого мира, восточные славяне, а также тюрки и угрофинны, населявшие с ними общее «месторазвитие», представляют со-

²¹ Савицкий П. Н. Географический обзор России-Евразии // Мир России — Евразия: Антология / Сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Высш. шк., 1995. С. 219–232.

²² Там же.

бой многонародную нацию евразийцев, объединяющую разноязычные этносы в единое государство, Россию²³. Эта идея другого евразийца, Н. Трубецкого, открывает возможность не-механистического, органицистского, «соборного» (в духе евразийских интерпретаций) подхода к решению проблемы культурной гетерогенности обществ, переживающих переход к модерну. В то же время трудно не заметить отождествления России с Евразией, что делает проблематичным само ее существование как самобытного геополитического субъекта, автономного по отношению к огромному цивилизационному пространству.

Сопоставление позиций Савицкого и Ильина по проблеме месторазвития дает возможность нового прочтения российской геополитики. По-разному оценивая роль «туранского» элемента и монгольского периода в развитии политической системы России, оба исследователя сходятся в признании ее отличности от подобных систем в Европе. Рассматривая геополитическую систему России как преемственную по отношению к традициям расселения и управления, принятым у восточных славян, и общую с Украиной, Ильин тем не менее проводит различие между древнерусскими и постмонгольскими геополитическими стереотипами восточных славян. По его мнению, определяющими в этой трансформации оказались раскол некогда единого в своих геополитических ориентациях на Киев восточно-славянского этнического массива и неоднородность новых ориентиров восстановления единства. Часть земель сделали выбор в пользу Великого княжества Литовского («запада»), войдя в его состав в качестве периферийных областей, тогда как другая часть — в пользу Великого княжества Московского («востока»), от которого современная Россия восприняла свою государственность.

Характеризуя лесостепное месторазвитие восточных славян в древнерусскую эпоху в бассейне Днепра, Ильин использует прилагательное «срединное» в понимании его промежуточности между двумя широтными зонами: леса и степи. И хотя никакого специального концептуального наполнения в словах «срединное» и «месторазвитие» у Ильина не содержится, осведомленного читателя их употребление отсылает к наследию Савицкого.

Основные положения концепции М. Ильина будут изложены в последующих разделах, где речь пойдет о геополитической структуре России. Здесь же важно отметить еще один момент, конституирующий связь между способом культурно-хозяйственного освоения пространства и процессами этногенеза. В связи с этим на память приходит концепция еще одного нашего современника, позиционировавшего себя как евразийца. Речь идет о Л. Н. Гумилеве. Если абстрагироваться от метафизических оснований теории этнической пассионарности, предложенной им для объяснения процессов этногенеза, и обратиться к идее о связи населения с обитаемым ландшафтом, то некоторые

²³ Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 95.

аргументы Гумилева относительно «молодости» русских по сравнению с их более «зрелыми» соседями (например, европейцами или китайцами), останутся не лишены смысла. Гумилев проводит прямую корреляцию между сменой этнического стереотипа адаптации к ландшафту и изменением этнического самосознания и в связи с этим настаивает на этногенетическом родстве, но нетождественности древних русичей и современных русских²⁴.

В самом деле, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в древнерусский период восточные славяне осваивали преимущественно лес и лесостепь. Земли за пределами этих природно-климатических зон восточных славян не интересовали. Все меняется в постмонгольский период, когда восточные славяне, будущие русские, выходят за пределы исторического месторазвития широтных зон леса и лесостепи Восточной Европы. С этого момента начинается новый, российский этап их геополитического существования, связанный с освоением иных зон за ее пределами, в том числе степных (южных) и тундровых (северных) поясов. На наш взгляд, этот этап связан со становлением нового геополитического субъекта, России, и новой, российской цивилизации, выделившейся из христианской средневековой цивилизации, периферией которой оставались Киевская Русь и русские княжества периода феодальной раздробленности вплоть до падения Византии и начала эпохи Великих географических открытий.

В этом свете Россия предстает как самобытная в цивилизационном отношении страна, чьи геополитические традиции восходят к «очаговому» типу расселения восточных славян в IX–XII в. Из этой этнической среды в позднемонгольскую эпоху выделяется русский этнический компонент, в практиках которого сохраняется указанный тип расселения, экстенсивный по преимуществу. В этот период русские, выделившись из состава древнерусской народности, начинают освоение зон, выходящих за пределы традиционной среды обитания на Восточно-Европейской равнине.

Расселяясь за пределы широтных зон леса и лесостепи Восточной Европы, русские делили пространство с финно-угорскими и тюрко-монгольскими этносами. Восточная Европа и Северная Азия стали пространством, общим для развития всех этих народов. С учетом этого обстоятельства внутренняя геополитика России должна исходить из признания многонациональности страны.

В традициях организации управления пространством и населением нет единственной доминанты. Конфигурация политической системы представляет собой единство двух начал: полисного и деспотического. Их сочетание обусловлено структурой указанной конфигурации, которая характеризуется ориентацией на поддержание «очагов», соединенных между собой неразвитой инфраструктурой коммуникаций. При этом если в развитии «очагов» востребованы полисные, т. е. демократические начала самоорганизации, то для под-

²⁴ Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Айрис-пресс, 2002.

держания системы коммуникаций необходимы элементы централизации, которая при определенных условиях тяготеет к авторитаризму²⁵.

Важным научным вкладом концепции Ильина являются его публикации как образец отказа от «внешнего», основанного на оценке возможностей воздействия политической системы на территорию взгляда. Такой подход предполагает смещение исследовательского акцента к географическому устройству пространства, от которого производны принципы его политической организации. Вектор исследования «снизу», от горизонтальных структур расселения, «вверх», к специфике властной вертикали, позволяет компенсировать чрезмерную увлеченность геостратегическими моделями в геополитике. Использование же терминов «срединность» и «месторазвитие» вводит его концепцию в дискурсивное пространство русской геополитической школы.

Глава 5. Основания региональной дифференциации и геополитическое пространство России

Внутренняя геополитика России: регионоведческий аспект

В начале XXI в. практически не осталось стран, не охваченных глобализацией. В их числе и Российская Федерация. Распад СССР существенно изменил не только ее статус, но и статус российских регионов. Каждый из них приобрел больше прав и полномочий. Вместе с тем большинство из них стали приграничными. Это сделало весьма ощутимым влияние на них со стороны других государств и цивилизаций: западно-европейской, ближневосточной, центральноазиатской, китайской.

Адаптация к воздействию глобализации требует от России лидерства в широкой сети международных политических, военных и экономических организаций и интеграционных союзов на евразийском пространстве, в числе которых ЕврАзЭС, ЕЭП, Таможенный союз, ОДКБ, ШОС, АТЭС и др. Если определить в качестве объекта геополитического анализа страну как единство населения, пространства и власти (государства), то первым аналитическим шагом станет выделение элементов ее системы. В качестве таковых и выступают регионы. На макрорегиональном уровне имеет смысл выделить целостные геопространственные объекты (например, Поволжье, Кавказ, Юг, Урал, Сибирь, Дальний Восток). На субрегиональном уровне допустимо выделение конкретных административных субъектов РФ.

Между тем региональная структура внутреннего геополитического пространства России имеет свою специфику, достаточно глубоко осмысленную еще основателем отечественной политической географии В. П. Семеновым-

²⁵ Ильин М. В. Этапы становления...

Тянь-Шанским в очерке «О могущественном территориальном владении применительно к России» (1915). В этой работе поднимался вопрос о геополитической структуре России, в то время — Российской империи, государства, западный фланг которого опирался на балто-черноморский географический регион Восточной Европы, а восточный — на азиатско-тихоокеанский.

«Главным недостатком системы “от моря до моря”, — указывает Семенов-Тянь-Шанский, — является следующий. При громадной протяженности такой системы в широтном направлении, всегда с того конца, откуда началась колонизация, находится гораздо более густо населенная и экономически более развитая территория, чем на противоположном конце... В наших же условиях колонизация имеет вид постепенно суживающегося, зазубренного меча, тончающего и слабеющего на своем восточном конце, вклинившегося между суровыми в климатическом отношении территориями севера Азии и исконными землями самого обширного государства желтой расы. При всяком столкновении с внешними врагами ... очень легко обрубить конец такого меча»²⁶. Ущербность российской геополитической системы, полагал он, определяется истончением «меча» имперской колонизации на востоке к его тихоокеанскому концу, зажатому между Севером и Китаем²⁷.

Другим проблемным местом внутригеополитической структуры территории России является вынесенность административного, коммуникационного и символического ядра страны на запад от ее географического центра. Семенов-Тянь-Шанский одним из первых высказал идею необходимости равномерного заселения и экономического развития территорий за пределами исторического ядра России, ибо существующее «представление о Российской Империи, искусственно делящейся Уральским хребтом на совершенно неравные по площади Европейскую и Азиатскую части», должно быть изменено. «Нам, более чем кому-либо на свете, не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединять ее в одно географическое целое... Следует выделить, на пространстве между Волгой и Енисеем от Ледовитого океана до самых южных граней государства, особую культурно-экономическую единицу в виде Русской Евразии, не считать ее никоим образом за окраину, а говорить о ней уже как о коренной и равноправной во всем русской земле, как мы привыкли говорить об Европейской России»²⁸. Выделение такой единицы должно было, по

²⁶ Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк по политической географии // Рождение нации (Серия альманахов «Арабески» истории) / Сост. А. И. Куркчи. М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 593–616. Вып. 7.

²⁷ Цымбурский В. Л. Дважды рожденная «Евразия» и геостратегические циклы России // Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 446.

²⁸ Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России... С. 593–616.

его мысли, компенсировать геополитический дисбаланс, обусловленный пространственной удаленностью столиц империи (Санкт-Петербурга и Москвы) от большинства регионов страны.

Не только пространственная, но также иерархическая выделенность столичных анклавов по отношению к остальной России на протяжении столетий создавала трудность в осознании геополитического пространства страны как единого целого. Взаимное отторжение столиц и провинции влекло за собой разрыв интересов, а вслед за этим и связей между центром страны и остальной ее территорией. На протяжении истории XX в. это отторжение случалось дважды и дважды сопровождалось геополитической катастрофой. Между тем об этой угрозе еще в XIX в. предупреждали сибирские областники: «Чем обширнее территория, тяготеющая к одному центру, тем остальное пространство обездоленнее и пустынное в культурном и духовном отношениях»²⁹.

Наконец, еще одна серьезная проблема внутренней геополитики России заключается в дефиците осознания правящей элитой страны того обстоятельства, что сами управляемые регионы являются самоорганизующимися системами. В технократических моделях управления регионы представлены чаще всего как объекты администрирования, лишённые качеств саморганизации. Не умаляя значения региона как структуры административно-территориального управления, рассмотрим его, прежде всего, как результат социальной самоорганизации, процесса, относительно автономного от государственного регулирования.

В современных российских исследованиях региональный аспект управления представлен преимущественно регионоведением, научной дисциплиной в рамках географической области знаний, изучающей внутренние и внешние факторы развития территориальных сообществ. В регионоведении сформированы два основных подхода к пониманию категории «регион». По мнению Н. Н. Миллера, следует остановиться на одном важном для понимания сущности этой категории дискуссионном моменте, который он иллюстрирует следующими цитатами:

– «Регион — это территория, по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта целостность — объективное условие и закономерный результат развития данной территории»³⁰;

– «Регион есть средство отбора и изучения пространственных сочетаний сложных комплексов явлений, встречающихся на земном шаре. Любой участок или часть земной поверхности можно считать регионом, если они однородны

²⁹ Потанин Г. Н. Областная тенденция в Сибири // Отечество. Краеведческий альманах. Сибирский краеведческий выпуск. М., 1995. Вып. 6. С. 98.

³⁰ Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. С. 198.

с точки зрения условий данного пространственного сочетания... Регион не является объектом ни независимо существующим, ни данным от природы. Это интеллектуальная концепция, созданная мышлением, использующая определенные признаки, характерные для данной территории, и отбрасывающая все те признаки, которые рассматриваются как не имеющие отношения к анализируемому вопросу»³¹.

С точки зрения Н. Миллера, смысл различий данных определений и развиваемых на их основе теоретических построений заключается в понимании региона либо как онтологической, либо как сугубо эпистемологической конструкции³². Синтез двух позиций в конструктивистском ключе возможен на основе приоритета антропологизма, признания человеческого ресурса как наиболее значимого в сравнении с другими ресурсами развития (природными, финансовыми, геополитическими). Акцент на участие населения региона в процессе внутривнутриполитического проектирования ориентирует на совмещение двух проекций пространства: физической и символической. Дальнейшее развитие темы регионального пространства предполагает выделение в его структуре трех взаимосвязанных элементов: идентичности населения, социальных сетей и границ.

Использование понятия «идентичность» позволяет выявить и описать смысловые связи между сознанием индивида и наблюдаемыми артефактами. Если рассматривать пространство как пересечение среды обитания и индивидуально-жизненного мира человека, то в этой трактовке регион перестает быть просто географическим фактом. В сознании его жителей он приобретает черты символически освоенного, маркированного в определенных границах «своего» места, «родины», «родной земли», объекта патриотических чувств. Формирование региональной идентичности самым непосредственным образом связано с присвоением пространства в воображаемой (символической) географии, под которым понимается сложный комплекс дискурсивных практик, включающих идеологическое обоснование, топонимическое, научное, художественно-эстетическое освоение определенного пространства таким образом, чтобы общественное сознание осмысливало его как часть «своей» территории³³.

³¹ Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: Учебник. М.: Гардарики, 2000. С. 22.

³² Миллер Н. Н. Понятие «регион» в международно-политических исследованиях // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Материалы Междунар. конф. Пятигорск, 21–24 сент. 2004 г. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004. С. 71–74.

³³ Миллер А. И. Империя и нация в воображении русского национализма: Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое издательство, 2004. С. 270; Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. С. 42.

Основанием для солидарности членов регионального сообщества являются особенности индивидуальной биографии жителей региона: их жизненных историй, любви к родной земле, сходных практик поиска и обретения доступа к ограниченным ресурсам — доходам, образованию, профессиональной карьере. Сходные условия жизни формируют стандартизированные повседневные практики и близкий на уровне предметов освоения обыденной реальности жизненный опыт. Включенность в те или иные социальные сети, определяемая принадлежностью к различным культурным (этническим, локальным, конфессиональным) и социальным (профессиональным, субкультурным, партийным) группам внутри регионального сообщества, обуславливает различия в возможностях вертикальной мобильности человека: чем в большее количество социальных сетей включен индивид, тем шире оказывается круг его связей и отношений.

Однако несовпадение культурных и политико-административных границ региона нередко становится источником межгосударственных конфликтов. Если политические границы, в том числе административные границы региона, имеют довольно четкие очертания, то о культурных границах, определяемых принадлежностью, например, к языковой общности, этого сказать нельзя. Это обусловило необходимость решения еще одной методологической проблемы, проблемы границы, которая нашла свое разрешение в рамках французской школы прикладной геополитики М. Фуше в конце 1980-х гг.

Фуше выступил с утверждением, что границы — это не только межгосударственное явление. Границы также пролегают между социальными и культурными группами. Ключ к решению проблемы был им найден в разделении понятия «граница» на два составных элемента: граница-фронт и граница-фронтир³⁴. Если первое понятие отсылает к межгосударственному и политико-административному разграничению территории, подчеркивает статичность рубежей, внутри которых, как предполагается, равномерно размещён национальный суверенитет, то второе связано с символической дифференциацией, ментальным картографированием и подвижностью границы.

В итоге территориальным границам между государствами, отмеченным водоразделами рек или горными хребтами, а также необитаемыми пространствами, Фуше справедливо, на наш взгляд, присвоил номинацию *front*. Что касается разграничения культурного пространства, то тут четкой границы быть не может. Культурные взаимопроникновения могут быть настолько сложными, что между ними в лучшем случае можно определить некую рассеянную пограничную линию, которая хорошо укладывается в понятие *frontier* или фронтир³⁵.

У понятия «регион» есть еще один смысл, связанный с противопоставлением понятию «центр». Методологическая оппозиция «центр» — «периферия»

³⁴ Бабков А. Иконографический подход в работах французских геополитиков // Власть. 2010. № 7. С. 73.

³⁵ Там же.

как модель, объясняющая специфику региональных процессов, представляется весьма плодотворной для анализа внутренней геополитики такой сверхцентрализованной страны, как Россия. Она позволяет взглянуть на субъекты РФ как политически и финансово зависимые от «центра» фрагменты внутригеополитического пространства России, вынужденные конкурировать друг с другом за финансовые потоки и место в государственных программах, идущих с самого верхнего уровня государственной власти на места. Наложение на неравномерное экономическое развитие региональное неравенство превращает регионализм в политическую силу, так как открывает возможность интерпретировать региональное многообразие уже в плоскости социальной сравнимости, предполагающей ранжированность и дистанцию между статусными позициями регионов. Первый уровень такой ранжированности заключается в выделении регионов-доноров и так называемых дотационных регионов.

Таким образом, налицо еще одно противоречие. Это противоречие между региональными субъектами, население которых вносит свой вклад в совокупное общественное богатство страны, и национальным уровнем управления, концентрирующим это богатство в столичных анклавах благодаря несовершенству ориентированных на сверхцентрализацию политических институтов.

В теоретической географии отношения между регионами, основанные на статусном, политическом и экономическом неравенстве, принято описывать в следующих терминах: ядро, провинция / внутренняя периферия, периферия, граница / буфер. Ядром или центром принято именовать репрезентатор системы в целом; властное, смысловое, хозяйственное ядро. Центр является единственным незаменимым компонентом системы. Традиционно его функция осмысливается как интегрирующая. Центр является источником зависимости для остальных структурных элементов системы³⁶. В этой логике провинция выступает как прицентральная периферия, или срединная зона, удаленная от краев системы. Провинция обладает относительной самостоятельностью. Ее связь с центром осуществляется без сродства и без противостояния с ним³⁷.

Под периферией принято подразумевать приграничную провинцию, политический и символический статус которой задается удаленностью от центра и близостью к границе. Этот зависимый статус подразумевает несамодостаточность, вторичность, производность от центра. Периферия противопоставляется центру без сродства с ним. Связи одной периферии с другой помимо центра затруднены или отсутствуют вовсе³⁸. В приведенном выше примере роль центра или ядра играет финансовая столица страны, Москва, тогда как роль периферии — большинство регионов России, статус которых определяется как дотационный, т. е. экономически (бюджетно) зависимый.

³⁶ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. ст. М.: НЛЮ, 2001. С. 327.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Наконец, административная граница и буферно-фронтирная зона — это почти всегда контрцентр. Они являются одновременно и символическими антитезами, и продолжениями центра. Их существование обусловлено логикой взаимного притяжения и отталкивания в отношениях с центром.

Целостные геополитические объекты, выделяемые на макроуровне внутригеополитической дифференциации, принято условно разделять на две категории: геополитические ядра и фланги. К ядрам относятся макрорегионы, находящиеся на осях стратегической коммуникации, выполняющие функцию интеграции пространств, экономик, потоков капиталов, ресурсов и, конечно же, людей. К таковым в геополитическом пространстве России относятся области, именуемые традиционно в исторической и географической науке как Великороссия или Средняя полоса России, а также Поволжье. К этим территориям относятся субъекты РФ Центрального и Приволжского федеральных округов.

Великороссия является историческим ядром страны. В настоящее время Центральный федеральный округ является не только крупнейшим административным и транспортным центром страны, учитывая то обстоятельство, что здесь находится столица страны, но также крупнейшим финансово-информационным, образовательным и научным центром. Поволжье примыкает к геополитическому ядру во главе с Москвой. Функционально оно является промышленным и сельскохозяйственным макрорегионом — провинцией Великороссии. Оба макрорегиона расположены в европейской части страны.

Второе геополитическое ядро России составляют Урал и Сибирь. Урал расположен на границе европейской и азиатской частей страны, Сибирь — целиком в ее азиатской части. Именно их имел в виду В. П. Семенов-Тянь-Шанский, когда говорил о необходимости выделения Русской Евразии как области, равноценной Великороссии. При этом он имел в виду не только символическую выделенность, учитывая влияние ментальной географии, разделяющей страну на Европейскую и Азиатскую Россию, но и реальную экономическую. Осознание ее необходимости в советский период способствовало индустриализации Сибири. Что касается Урала, то этот регион традиционно функционировал как промышленная кузница России.

В последние годы довольно часто подчеркивается ресурсно-сырьевая (энергетическая) и транспортная функции Уральского и Сибирского федеральных округов. При всей их важности стоит все же на первый план выдвинуть экологическую и инновационную функции. В своей экологической функции эти макрорегионы обеспечивают сохранение стратегического резерва биосферы планеты, выступающего барьером глобального загрязнения. В своей инновационной функции указанные регионы сохраняют свой «ядерный» статус благодаря населению с высоким индексом развития человеческого потенциала и сохранению созданных в советский период наукоемких отраслей промышленности. Это закрепляет за урало-сибирским геополитическим звеном функ-

ции образовательного, научного и инновационного центра, в том числе и благодаря Уральскому и Сибирскому отделениям РАН, РАНХ, РАСХН.

Уникальность уральского и сибирского регионов заключается в том, что, оставаясь, по сути, ядерными, они берут на себя, в силу трансграничного статуса, часть задач фланговых макрорегионов, отвечая за «выход» к странам Средней и Центральной Азии. К фланговым макрорегионам относятся регионы, чьи территории обеспечивают выход к иным народам и цивилизациям, а также, в случае с Россией, к незамерзающим морям. Приграничный статус этих территорий может содействовать как объединению, так и разъединению страны. Фланговые макрорегионы выполняют функцию взаимодействия между Россией и окружающими странами, каждая из которых тяготеет к тому или иному цивилизационному кругу, связанному с конкретной приморской цивилизацией. Так, Северо-Запад имеет «тяготение» к европейской цивилизации, Юг и Северный Кавказ — к восточно-европейской (православной) ветви европейской цивилизации и цивилизациям Ближнего Востока, Дальний Восток — к Китаю и странам АСЕАН.

Сохранение территориальной целостности страны в условиях редющего населения может стать реально выполнимой задачей, если на ближайшие годы будет поставлена цель развития регионов, наращивания их человеческого и инновационного потенциала. Сочетание огромного пространства страны при наличии культурного многообразия ее регионов является, безусловно, богатством страны, которое можно сохранить и приумножить, лишь избегая инерционного сценария развития геополитического пространства России, в своем разнообразии сочетающего несколько геополитических векторов, направленных вовне: восточно-европейский, южно-европейский, ближневосточный, центрально-азиатский, китайский, азиатско-тихоокеанский, циркумполярный и проч.

Концепт «геополитическое пространство» в современных исследованиях внутренней геополитики

В контексте фиксации специфики внутреннего геополитического пространства России обратимся к работам, выполненным в политологическом ключе. Как уже отмечалось, одним из наиболее активно работающих в этом направлении авторов является Г. Н. Нурышев. В его исследованиях реализован отличный от политико-географического, горизонтального подхода М. В. Ильина, вертикальный, политологический подход, акцентирующий внимание на необходимости внешних, контролирующих пространство властных инстанций. Так же как и Ильин, Нурышев разделяет озабоченность, высказанную русскими геополитиками на рубеже XIX и XX в. по поводу неразвитости инфраструктуры и коммуникаций по мере продвижения на восток. Однако он считает, что в современных условиях появились не менее, а, возможно, и более серьезные вызовы геополитическому единству страны.

Самая серьезная угроза исходит, по его мнению, со стороны глобализации. Он разделяет позицию тех исследователей, которые полагают глобализацию разновидностью культурного империализма и колониализма, в частности, Дж. Томплинсона. Обширная цитата из очерка Томплинсона «Интернационализм, глобализация и империализм» приводится в статье Нурышева, посвященной регионам современной России: «Наиболее четко мы можем сказать, — пишет Дж. Томплинсон, — что глобализация не только идет с Запада, но и по своей сути является западным проектом. Это означает, что глобализация является продолжением длительного исторического процесса западной империалистической экспансии и представляет историческую модель развивающейся глобальной гегемонии»³⁹.

Солидаризируясь с этим высказыванием, Нурышев интерпретирует регионализацию как результат кризиса национального государства, что отчасти, на наш взгляд, является верным. Действительно, представление о политическом суверенитете государства признается в постмодерне устаревшим. Национальные государства долгое время оставались главными субъектами политического процесса. В эпоху глобализации они повсеместно сталкиваются с ограничением своего суверенитета со стороны международных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций и политических структур межгосударственных интеграционных союзов. Кроме того, глобализация вывела «из тени» конкурентные национальной идентичности лояльности, утвердила сетевой принцип воспроизводства идентичности в качестве альтернативы национально-государственным институтам. Это повысило престиж региональных, этнических и локальных типов социальной идентификации.

В эпоху глобализации национальное государство оказалось в большой зависимости от стихийно складывающейся конфигурации международного миропорядка, усиливающего позиции одних стран и регионов и ослабляющего других. Глобализация противоречива, и, наряду с усовершенствованием технологий и форм организации, она несет свою противоположность — демодернизацию, в том числе возврат к архаическим формам социальных сетей (семейным, родственным, земляческим отношениям). Демодернизация порождена огромной социальной дистанцией между теми, кто живет в странах «первого эшелона» модернизации, и остальным миром. Это означает, что в условиях дефицита институциональных способов обретения жизненных благ, субъекту проще «двигаться» по семейным, земляческим, этническим сетям.

Обычно человек склонен сравнивать себя с теми, кто находится рядом, близко, а не с любыми другими людьми вообще. Однако свободное перемещение людей, товаров, денег через национальные границы усилило социальную сравнимость. В «глобальной деревне» объект сравнения может быть избран

³⁹ Томплинсо Д. Интернационализм, глобализация и империализм. Цит. по: Нурышев Г. Н. Регионы современной России в геополитическом измерении // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена: Общественные гуманитарные науки. 2005. № 5. С. 252.

произвольно. Результатом такого сравнения нередко оказывается депривация, восприятие собственного положения как неза заслуженно ущемленного в сравнении с другими. Эта ситуация может восприниматься как вызов и, если она не переведена в режим общественного диалога, вызвать социальный взрыв. Энергия, канализованная по социальным сетям, дает эффект, несравнимый с движением по традиционным вертикальным структурам социальной мобильности.

Глобальную революцию, возвращающую человека к племенным связям, к архаическим формам социальных сетей отношений, канадский социолог М. Маклюэн именовал ретрайбализацией. Печатное слово и национальные языки как средства массовой коммуникации более не справляются с задачей массовой мобилизации граждан вокруг национальной идеи. Галактика Гуттенберга разрушается перед лицом нашествия электронной культуры и не визуальных средств коммуникации.

В то же время трудно согласиться с тем, что глобализация подвергает угрозам безопасность только наименее защищенных, действуя в интересах сильных государств. Государства Европы, раньше других включившиеся в контур глобализации, в настоящее время испытывают риски, связанные в том числе и с угрозой утраты национального суверенитета в ряде стратегических для любого государства областей управления: валютного регулирования, бюджетных и налоговых отношений и т. п. Принимая политические решения, направленные на сохранение общеевропейского единства, элиты европейских государств ставят своих граждан перед необходимостью пожертвовать успехами, достигнутыми в области социальной политики, уступить приоритет в вопросах, регулировавшихся ранее национальными институтами, наднациональным органам Евросоюза. Все это не может не вызывать кризиса европейской и национальных идентичностей граждан европейских стран, не активизировать рост вне-национальных идентичностей.

Кризис идеи национальной государственности задевает ныне все государства без исключения, в том числе и Россию. Ключевыми внешними по отношению к России силами, определяющими контур внутреннего геополитического пространства страны, выступают факторы идеологического влияния или, пользуясь термином Дж. Ная, «мягкой мощи». В их числе международные неправительственные организации, транснациональные корпорации, земляческие союзы и этнические диаспоры. Они действуют в сочетании с факторами военного, экономического и символического влияния международных субъектов: государств и интеграционных межгосударственных союзов, международных организаций типа ООН. «Мягкая власть» альтернативных по отношению к национальной идентичности типов социальной солидарности — до-национальных, вне-национальных, инонациональных — усиливается по мере реабилитации сетевых форм социального взаимодействия.

В качестве инструментов такого влияния выступают как сами геополитические субъекты, так и отдельные качества этих субъектов: во-первых, сети

военно-стратегических блоков и экономических союзов, определяющие международный баланс сил (НАТО, Евросоюз и т. п.), во-вторых, традиционные геополитические конкуренты, национальные государства — соседи России (например, Китай), в-третьих, пояс нестабильных государств ближнего зарубежья, в-четвертых, сам сырьевой характер российской экономики в международном разделении труда. Последнее, будучи качеством, воспроизводимым самим российским геополитическим субъектом через действия его элит, усиливает зависимость России от внешних по отношению к ней субъектов.

Возвращаясь к наиболее вероятным рискам и угрозам национальной безопасности России, рассмотренным в работах Нурышева, следует признать в числе таковых, например, проблему несuverенного импортозамещения, чреватую транснациональной монополизацией внутреннего рынка международными корпорациями. Потенциально угрожает финансовой самостоятельности страны и неблагоприятная ситуация с ценами на нефть, аналогичная той, что случилась накануне распада СССР. Она может повториться и в том, например, случае, если Евросоюз перестанет закупать у России энергоресурсы.

В числе внутренних проблем, отягощающих развитие суверенного российского государства, им называется эрозия единого экономического пространства страны, породившая серьезные диспропорции между российскими регионами в экономической сфере, деградация территорий, распад систем жизнеобеспечения, натурализация микроэкономики и архаизация социальной жизни. Наибольшей угрозой, исходящей из внутренних причин саморазвития внутреннего геополитического пространства России, является, как считает Нурышев, самодестабилизация.

Таким образом, регионализация отражает все противоречия глобальной эпохи. Вместе с тем Нурышев настаивает на том, что следует отличать региональную политику и внутреннюю геополитику. Если первая базируется на решении тактических задач социально-экономического развития регионов, то вторая мыслится им шире, в контексте решения задач национальной безопасности страны: военной, энергетической, информационной, продовольственной, демографической и проч. Такая интерпретация обусловлена его методологической позицией, утверждающей государствоцентричный взгляд на проблему геополитического пространства, имеющего сетевую по своей природе структуру⁴⁰.

Геопространство в концепции Нурышева появляется в качестве концепта, характеризующего состояние сопряженности многоуровневых систем, складывающихся, развивающихся и функционирующих в рамках единой территории, государства и составляющих его регионов: политико-правовых, экономических, духовных и проч. Каждый из этих уровней выступает в качестве структурного элемента российского геопространства⁴¹.

⁴⁰ Нурышев Г. Н. Регионы России в ее геополитическом пространстве: Автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. СПб., 2006. С. 15.

⁴¹ Там же.

В целом эти утверждения не вызывают возражения. Однако когда речь заходит о геопространстве регионов и России в целом, оказывается, что они рассматриваются лишь в качестве элемента политической культуры и политической истории. «Региональная структура в России в конкретный момент политического времени является некоей результирующей целенаправленных усилий по изменению геополитического пространства. Источником сложных силовых взаимодействий могут быть Центр, сами регионы, а также внешние геополитические силы, определяющие глобальные процессы»⁴².

Таким образом, налицо противоречие между утверждаемой автором, самодостаточностью страны и ее регионов как субъектов геополитического развития, с одной стороны, и их зависимостью от внешних геополитических сил, с другой стороны. Удовлетворительного решения проблемы баланса внешних и внутренних по отношению к стране и региону сил в концепции Нурышева не найдено, на наш взгляд, в силу увлеченности исключительно политическим измерением геополитического пространства России и отождествления понятий «страна» и «государство». Если на уровне объекта исследования геополитическое пространство России может быть отождествлено с геополитическим пространством РФ как государства, то на уровне предмета должно присутствовать понимание того, что понятие «геопространство страны» является более общим понятием по отношению к понятию «геопространство государства».

Геопространство РФ как государства представляет собой сложную систему сопряжения территории, ресурсов и власти. Геополитическое пространство России как страны включает, помимо указанных элементов, еще и население, человеческий фактор, влияющий как на среду обитания, так и на само государство. Человеческий фактор может быть отнесен к ресурсным элементам в рамках политологического подхода, в том числе в его технократических вариациях. Однако с точки зрения социокультурного подхода, признающего человека, население и общество в целом главным источником изменения и развития социальных систем, в числе которых и само государство как институт общества, такая редукция невозможна.

Нурышев рекомендует признать за управляемыми регионами свойства самоорганизации и на этом основании проводить по отношению к ним такую политику, которая соответствовала бы их собственным тенденциям развития. Единственный эффективный метод такой политики заключается, по его мнению, в совершенствовании системы российского федерализма, который позволит позитивно сочетать административные меры государственного строительства с идеологическими. Он разделяет мнение другого российского геополитика, Д. Н. Замятина, в оценке федерализма как геополитической идеологии стремящейся к самоорганизации страны⁴³.

⁴² Там же.

⁴³ Нурышев Г. Н. Регионы России в геополитическом измерении... С. 251.

Особым образом Нурышев выделяет факторы самодетерминации внутреннего геополитического пространства России: территориальная организация общества, биосферные резерваты, топливно-энергетический потенциал, генофонд и проч. В этом ряду он говорит и о значимости этносоциальной детерминанты⁴⁴.

Они очень важны, учитывая постсоветский контекст развития национальной государственности стран, некогда составлявших единый Советский Союз. В настоящее время развитие наиболее динамичных из них, несмотря на межгосударственные противоречия, обусловленные стремительной национализацией всех политических институтов этих стран в 1990-е гг., проходит под знаком межгосударственной интеграции. Среди межгосударственных союзов на постсоветском пространстве наиболее мощным по потенциалу своего влияния является, как уже отмечалось, Евразийский союз. Его формирование подтверждает тезис о том, что первостепенными факторами, определяющими становление и развитие геополитического пространства стран и регионов, являются далеко не политические, а иные, экономические и ментальные причины интеграции: экономические связи, сложившиеся в досоветский и советский периоды, общий язык межэтнической коммуникации (русский язык), историческая память народов бывшей Российской империи / СССР, наличие единого интересубъективного смыслового пространства повседневной культуры. Такое понимание выводит на первый план цивилизации, народы и людей, творцов геополитики больших пространств.

Глава 6. Проблема этнокультурного многообразия в контексте строительства российской государственности

«Человеческое» измерение внутреннего геополитического пространства России требует привлечения социологии, этнологии и культурологии в дополнение к традиционным для геополитики методам географического и политологического анализа. При этом под «человеческим» измерением понимается учет совокупности культурных и социальных характеристик населения России, в числе которых этнические характеристики являются одними из самых значимых. На наш взгляд, такая методологическая позиция является наиболее адекватной с точки зрения необходимости оценки влияния фактора народонаселения на специфику развития геополитических пространств.

При таком подходе исследование проблемы этнического многообразия в контексте государственного строительства предполагает выделение моделей сотрудничества коллективных акторов, этносов, друг с другом и с государством в российском историческом процессе с момента возникновения российской государственности. В этой связи можно выделить три модели. Каждая из них

⁴⁴ Нурышев Г. Н. Регионы России в ее геополитическом пространстве. С. 17.

возникает в определенный период развития России как страны и государства, существовавшего в разных формах, начиная с Новгородской республики и Киевской Руси. Первая модель возникает в традициях древнерусской государственности, вторая — в середине XVI в., с началом становления российской цивилизации, третья — в эпоху модернизационных преобразований. В качестве самостоятельной можно также выделить четвертую, советскую модель.

Первая из указанных моделей, восточнославянская геополитическая модель, стихийно сложилась в межэтнических отношениях между славянскими, балто-финно-угорскими и некоторыми из народов Севера в древнерусский период. Изменяясь, она эволюционировала от отдельного к совместному проживанию этих народов по мере расширения славянской колонизации на земли финно-угров и функционирует сегодня на уровне локальных сообществ в сельских поселениях. Характерной чертой этой модели на протяжении столетий оставалась ориентация на экономическую выгоду от натурального обмена, впоследствии трансформировавшегося в товарный обмен. Культурно-хозяйственной доминантой восточных славян, земледельцев по преимуществу, оставалась природо-производящая деятельность, в то время как хозяйство финно-угров и народов Севера, охотников и рыболовов, оставалось присваивающим и в основном не вело к преобразованию природного ландшафта в антропогенный. Это обусловило хозяйственную специализацию народов в разделении труда, создало формат межэтнических взаимодействий, которые привели к этнокультурному симбиозу, а со временем и к межкультурному синтезу народов⁴⁵.

Вторая, имперская модель ориентирована на традиции евразийской степной политики, которые сложились в отношениях между славянами, тюрками и монголами. Эта модель начала формироваться в эпоху борьбы за наследие Золотой Орды на евразийском пространстве и предполагала использование традиционных для народов Степи способов легитимации политической власти. Она укрепляется по мере становления в XVI в. **российской многонациональной цивилизации**, которая формировалась на основе межкультурного синтеза народов, с одной стороны, бывшего древнерусского государства, с другой стороны, народов бывших Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Использование этой модели в государственном управлении по отношению к широкому кругу подданных сначала Московского царства, а впоследствии и Российской империи позволяет говорить о том, что именно в указанный исторический период межэтнические отношения начинают подвергаться регулированию со стороны государства и, таким образом, впервые приобретают институциональный характер.

Эволюция этой модели совпадала с эволюцией империи, которая в определенный исторический период служила институционально-политическим вы-

⁴⁵ *Ерохина Е. А.* Влияние мировоззренческих ценностей русского этнического сознания на характер восприятия иноэтнических культур Западной Сибири: XVII — середина XIX в. // *Русские Сибири: культура, обычаи, обряды.* Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 6; 13.

ражением становящейся российской цивилизации. Ее экономической основой долгое время оставалась хозяйственная специализация и основанный на ней обмен между славянами, земледельцами, с одной стороны, и тюрками, а также монголами, скотоводами по преимуществу, с другой стороны. Ее развитие закончилось в 1917 г. вместе с распадом Российской империи, однако она сохранилась как фрагмент исторической памяти народов тюрко-монгольского мира.

Наконец, третья модель является национальной моделью. Она начинает формироваться в начале XVIII в., по мере внедрения элементов форсированной модернизации «сверху», осуществлявшейся в формах, с одной стороны, конкуренции с национальными движениями этнических групп, у которых на момент присоединения к России сложились собственные элиты, традиции государственности и высокие культуры, с другой стороны, русификации либо поддержки особой идентичности по отношению к тем национальным движениям, которые к началу Нового времени еще не сформировали или уже утратили средневековые традиции государственности и элиты с высокими культурами. Эта модель предполагает включение «национального вопроса» целиком в компетенцию государства. Ее целью, в конечном счете, являлось снижение культурной гомогенности до уровня, доступного управлению при помощи унифицированных механизмов бюрократического национального государства, утверждающегося по мере перехода от традиционных к юридическо-правовым формам регулирования социальных отношений.

Восточнославянская модель формируется в Средневековье вместе со становлением политического союза восточнославянских племен. Со времен Новгородской республики и Киевской Руси существенной чертой этой модели интеграции является сочетание элементов экономического, в отдельных случаях даже административного, принуждения с признанием внутренней автономии в вопросах родовых, социальных, религиозных отношений, а также в вопросах местного самоуправления населения, независимо от его этнической принадлежности. Лояльные центральной власти племенные вожди сохраняли за собой все права и привилегии при условии ответственности за сбор дани с податного населения. Дань (налог) собирался либо в денежной, либо в натуральной форме, как правило, мехами, за которыми русские, заинтересованные в их европейском экспорте, устремлялись по рекам вплоть до Северного Урала. Еще в раннем Средневековье складывается славяно-финно-угорский симбиоз, который заключался в своеобразном земледельческо-промысловом разделении труда между земледельцами славянами и финно-уграми, преимущественно охотниками и рыбаками. Основной функцией такой интеграции была экономическая выгода.

Как полагает А. Каппелер, структура интеграции финно-угорского населения в состав древнерусской государственности включала два пояса периферии: внешней и внутренней. Народы внутренней периферии — карелы, воль, ижора, вепсы — вместе со своими территориями напрямую, т. е. административно подчинялись сначала Новгородской республике, а позднее — Великому

княжеству Московскому. Эти народы, относительно немногочисленные, отличается высокая степень интегрированности в структуры восточнославянской государственности. Их элиты уже в средневековый период ассимилировались с русскими, а в более поздний период русификации и ассимиляции оказались подвержены и рядовые массы этих народов. Тем не менее эти этносы и по настоящее время сохраняют свою этническую идентичность⁴⁶.

Столь высокая степень интеграции и аккультурации этих народов объясняется, по мнению Каппелера, ранней включенностью их земель в орбиту восточнославянской, а впоследствии и русской колонизации. Народы же внешней периферии, чьи территории находились вне пределов зоны восточнославянской средневековой земледельческой колонизации, испытывали на себе лишь экономическую зависимость, проявлявшуюся, опять-таки, в даннических отношениях, не затрагивающих их внутренних отношений. Экономическая функция отношений восточных славян с ненцами, саамами, хантами, манси оставалась ведущей так же, как и с народами внутреннего пояса периферии. Русских интересовали меха, рыба, клыки моржа. Народы внешней периферии можно охарактеризовать как низкоинтегрированные в государственные структуры восточнославянских этносов в силу того, что восточные славяне не осваивали северных и северо-восточных окраин⁴⁷.

Помимо этих двух групп, Каппелер также выделяет промежуточную по степени интеграции группу народов Севера и Поволжья — коми-зырян и коми-пермяков, мордвы, мари-йцев, удмуртов, населявших буферные между Московским княжеством, восприемником древнерусской государственности, и Казанским ханством земли. Лесной промысел и земледелие открывали для них путь к экономической и частично административно-политической интеграции с русскими. На их земли в XIV–XV вв. началось русское переселение. Несмотря на ассимиляционные процессы, они сохраняли свою нерусскую элиту и языческие верования⁴⁸.

Наконец, последняя из выделенных Каппелером групп именуется в административных документах Великого княжества Московского «иноземцами». К ним относились, помимо состоящих на службе у великого князя европейцев, также и татары. «Иноземцы» выполняли на государственной службе специфические функции: экспертные, военные и бюрократические. Например, татары состояли в основном на военной службе, что открывало им путь в элиту, в дворянское сословие русского государства. Это предвосхитило дальнейшую практику кооптации иноземных элит и передачи им престижных функций в государственном аппарате⁴⁹.

⁴⁶ Каппелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 17–18.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 19.

⁴⁹ Там же. С. 19–20.

Традиции раннего многонационального Московского государства и его еще более ранних предшественников, сформированные в Средневековье, стали предпосылками формирования полиэтничного российского государства, возникшего в середине XVI в. В этот период восточнославянская модель регулирования межэтнических отношений дополняется моделью имперского строительства, восходящей к традициям евразийской степной политики.

Имперский универсализм базируется на признании принципа культурного (этнического) плюрализма при условии безоговорочной лояльности некоей абсолютной системе ценностей. В традициях евразийской степной политики это означало безусловное признание верховной власти самодержца. Традиции евразийской степной политики становятся частью геополитической системы управления пространством с середины XVI в., периода, именуемого в истории как период борьбы за ордынское наследство.

Этот период связан с завоеванием Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. В этих государствах существовала своя элита с исламскими традициями высокой письменной культуры. Помимо религиозной границы, между славянами и тюрками существовала также и граница оседлости / кочевания. Исключение составляли сами татары, значительная часть которых к тому времени уже вела оседлый образ жизни. Многие представители этого этноса еще до взятия Казани находились в вассальных отношениях с великим князем московским. Совместное пребывание русских и тюрков в составе Золотой Орды к этому времени привело эти народы к определенному культурному симбиозу. Поэтому сотрудничество и соперничество русской и татарской элит на службе у русского царя воспринимались как естественный элемент сословно-корпоративных практик в данный исторический период.

Хотя российское государство официально обозначило свой имперский статус лишь в период петровской модернизации, т. е. полтора века спустя, все же следует отметить, что фактически оно стало империей с момента вхождения в его состав Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Под империей в данном случае понимается тип государственного устройства, основанный на принципах авторитарной самодержавной власти и ориентированный на территориальное расширение.

По мнению Ю. М. Аксютин и Л. В. Анжигановой, империя является институционально-политическим выражением сложной социокультурной системы, характер которой обусловлен ценностями этноса, начинающего строительство имперского государства, ядро которых образует, как правило, некая мессианская идея. При этом полагается естественным, что без комплементарности других этносов, входящих в орбиту империи, без их готовности перестроиться самим и перестроить ее под свои потребности объяснение социокультурной устойчивости империи будет неполным⁵⁰.

⁵⁰ Аксютин Ю. М., Анжиганова Л. В. Имперская культура: система ценностей, символы, ритуалы. Абакан: ХГУ им. Н. Катанова, 2011. С. 32, 75.

Имперская модель, ориентированная на традиции евразийской степной политики, учитывала этнокультурную специфику вновь присоединенных народов, которые прежде входили в государственные образования иного, кочевого цивилизационного круга. При этом идеологический базис Московского царства был оформлен в религиозно-политическую доктрину «Москва — Третий Рим», сформированную на мессианской идее вселенской церкви. Таким образом, формально декларировалась преемственность Московского царства христианскому Риму через посредничество второго Рима, Константинополя, а вовсе не Золотой Орде, геополитическим наследником которой Москва фактически стала после ее распада. Степь для русских и их восточнославянских предков долгое время оставалась чуждым, нетипичным жизненным пространством. Взаимодействия славян с тюрками и монголами до XVI в. выражались либо в набегах кочевников, доминировавших в степной зоне благодаря высокому военному искусству, либо в развитии интенсивных экономических и дипломатических взаимосвязей⁵¹.

С выходом за пределы территории, традиционной для государственности восточных славян, понадобились новые, нетипичные для восточнославянской модели расселения и управления практики государственного строительства. Как отмечают многие исследователи, на первоначальном этапе завоевания межэтнические отношения почти всегда носили неприязненный, напряженный характер отношений победителей и побежденных⁵². На новоприсоединенных землях в XVI–XVIII вв. почти сразу появлялись причины для конфликтов: взаимная порча имущества, злоупотребления при ясачном налогообложении, жестокое обращение русских начальников, захват земель, похищение людей⁵³. Однако ситуация диктовала всем сторонам необходимость тесного общения и большего узнавания чуждых первоначально культур⁵⁴. По истечении нескольких поколений чуждые друг другу народы превращались из Чужих просто в Других, т. е. воспринимались со все меньшей оппозиционностью и все большей толерантностью⁵⁵.

С точки зрения Трепавлова, важнейшей характеристикой правительственной административной политики в отношении нерусских народов оставался этатизм, т. е. подчинение «национальной» политики интересам государства, понимаемым как обеспечение внешней и внутренней безопасности. В проводимой по отношению к новым подданным после включения Казанского, Астраханского и Сибирского ханств политике использовались евразийские традиции

⁵¹ *Капеллер А.* Россия — многонациональная империя... С. 35.

⁵² Там же. С. 34–35; *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. С. 117.

⁵³ *Трепавлов В. В.* Указ. соч. С. 117.

⁵⁴ Там же. С. 132.

⁵⁵ *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 316.

степной политики, преследующие прежде всего безопасность и стабильность границ. Ее краеугольными камнями оставались аманатство (наличие заложников), шерть (принесение присяги самодержцу) и ясак⁵⁶. Когда военная безопасность была обеспечена, Россия переходила к следующим мерам. Во-первых, сохранялся статус-кво, гарантирующий личную свободу плательщикам ясака, которые не могли быть закрепощены, как русские крестьяне. Во-вторых, устанавливалось сотрудничество с нерусскими элитами, подтверждались их привилегии в обмен на лояльность рядовых народных масс. Элита могла делать карьеру на государственной или военной службе. Аристократия оседлых народов признавалась равной русской аристократии⁵⁷.

С основной массой тяглого населения отношения строились по ордынскому образцу, предполагающему сбор дани в тех же, что и прежде, объемах. Эта задача решалась через объясачивание. Сохранялся и статус местного населения. Так, вплоть до петровских реформ крестьяне бывшего Казанского ханства оставались в особой категории «ясачных людей». Регулярной практикой оказывалось подтверждение коллективных прав на родовые земли. В число преференций входило также и освобождение от воинской повинности, и сохранение элементов местной самобытности.

В отношении элиты завоеванных народов сохранялись и статус, и привилегии. Для обеспечения лояльности местного населения власть проводила гибкую линию сотрудничества с нерусской элитой. Татарско-мусульманская элита кооптировалась в среду русского наследственного дворянства, т. е. признавалась как равная с русской. Элита народов, исповедующих язычество и ведущих кочевой образ жизни, хоть и не вошла в дворянское сословие, также была выделена особым образом русской властью. Все статусные права и привилегии элит присоединенных народов сохранились за ними после того, как произошло их вхождение в состав русского государства⁵⁸.

Такая прагматическая направленность доминировала до конца XVII в., что и засвидетельствовано в московских наказах местным воеводам «держать ласку, и привет, и бережение». В качестве иллюстрации имперской гибкости российской власти Каппелер приводит следующий пример. Татары-мусульмане могли иметь в крепостной зависимости православных русских, тогда как русские дворяне держать у себя в крепостной зависимости нерусских крестьян не могли⁵⁹.

Чрезвычайно быстрый по историческим меркам территориальный рост российского государства довольно скоро привел к осознанию того, что для

⁵⁶ См., например: *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005.

⁵⁷ *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя... С. 47.

⁵⁸ Там же. С. 48.

⁵⁹ Там же. С. 29.

полноценного управления огромным пространством какого-то одного общего алгоритма нет. Сочетание оседлого и кочевого укладов населения империи требовало неоднозначных форм управления пространством, сочетания унификации с сохранением специфических правовых форм, возникших на основе родоплеменных норм обычного права у некоторых народов России⁶⁰.

В целом можно согласиться с мнением авторов коллективной монографии «Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия» в том, что кочевники представляли собой особый анклав в российском государственном организме⁶¹. Со временем традиции номадизма стали входить в противоречие с тенденциями этнической интеграции в общеимперскую систему. Учет этнокультурного и этнополитического разнообразия предполагал включение локальных юридических норм в общий корпус государственного законодательства, как правило, в масштабах отдельных регионов⁶². Управление окраинами требовало иных, нежели во внутренних губерниях, форм взаимодействия местных сообществ с центральной властью. Некоторые регионы выделялись в особые административные структуры, координировавшие управление с действиями военного характера. Таковыми были, например, наместничества и генерал-губернаторства⁶³.

Каждый присоединенный регион проходил несколько этапов интеграции: собственно присоединения, т. е. установления российского подданства; постепенной инкорпорации в структуру государства⁶⁴. Модель имперского управления предполагала значительные региональные различия в принципах управления, постепенное приспособление новых подданных к политико-административной системе, включала разграничение юрисдикции между центром и периферией, известную самостоятельность промежуточных центров власти (в генерал-губернаторствах и наместничествах), сотрудничество центрального правительства с местными элитами⁶⁵. На всех этапах сотрудничество с этническими элитами оставалось залогом стабильности⁶⁶. Этнические элиты выступали проводниками интеграционных процессов.

⁶⁰ *Исмаил-Заде Д. И.* Система управления и российская бюрократия // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М.: Наука, 2003. С. 110; *Бекмаханова Н. Е.* Государственное законодательство и народы России // Там же. С. 21.

⁶¹ *Исмаил-Заде Д. И.* Указ. соч. С. 110.

⁶² *Трепавлов В. В.* «Белый царь»... С. 203.

⁶³ *Исмаил-Заде Д. И.* Указ. соч. С. 110–111.

⁶⁴ *Трепавлов В. В.* «Белый царь»... С. 201.

⁶⁵ *Трепавлов В. В.* Многонациональная цивилизация России: поиски закономерностей // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М.: Наука, 2003. С. 356

⁶⁶ *Трепавлов В. В.* «Белый царь»... С. 203.

У целого ряда этносов удельный вес потомственных дворян был существенно выше, чем у русских⁶⁷. По подсчетам Б. Миронова, к середине XIX в. доля нерусских чиновников равнялась 16%, в высшей бюрократии она составляла 32,7% в 1853 г., доля инославных офицеров в российской армии доходила до 23% в 1867–1868 гг. Предпринятый им расчет индекса человеческого развития народов Российской империи на основе Переписи 1897 г. показал, что положение русских соответствует среднему уровню по России, в то время как целый ряд нерусских этносов довольно существенно превосходил державную нацию⁶⁸.

А. Щербина полагает, что такая ситуация явилась следствием создания экономических преференций для окраин, что также следует оценивать как часть имперской политики в национальном вопросе. Экономическая политика имперского правительства вела к перераспределению ресурсов и развитию национальных окраин, которые дотягивались до уровня имперского центра. По мнению этого автора, с помощью налоговой системы правительство намеренно поддерживало такое положение дел, при котором материальный уровень жизни нерусских, проживающих в национальных окраинах, был, по возможности, более высоким. По уровню жизни и степени урбанизации отдельные этносы, например, поляки и евреи, были далеко впереди русских⁶⁹.

Сами русские, творцы империи, отнюдь не благоденствовали, так как оставались основным источником изъятия прибавочного продукта⁷⁰. Они же были главной тягловой категорией населения. Часто их экономическое и правовое положение было тяжелее, чем у нерусских⁷¹.

В структуре империи были и другие народы, чей правовой статус был ущемлен. В первую очередь это относилось к еврейскому населению, жившему в пределах черты оседлости по причине приверженности инославной конфессии. Начальное образование подданные империи могли получать только в пределах церковно-приходских школ с обучением на русском языке. Действительно, в полиэтничном государстве этническая принадлежность не играла особой роли. Однако совсем по-иному власть относилась к конфессиональной принадлежности своих подданных. В этом смысле можно говорить об определенной дискриминации в отношении евреев и мусульман, за исключением отдельных периодов существования государства, например, после принятия Екатериной II декрета о веротерпимости.

⁶⁷ Щербина А. Влияние интеграционных и модернизационных процессов на российскую империю // Логос. 2004. № 5. С. 202–207.

⁶⁸ Миронов Б. Н. Кому на Руси жилось хорошо? // Родина. 2003. № 7. С. 16.

⁶⁹ Щербина А. Указ. соч. С. 207–208.

⁷⁰ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2006. С. 566–567.

⁷¹ Каппелер А. Россия — многонациональная империя... С. 121, 123.

По мере нарастания модернизационных процессов и утраты патриархальных норм социальных отношений в самом русском обществе стала усиливаться тенденция унификации стандарта подданства и управления⁷². Свою роль сыграло и продолжившееся в XIX в. расширение империи за счет включения в ее состав народов Закавказья, Польши и Финляндии, уровень общественного развития которых либо был сопоставим, либо превосходил соответствующий уровень у русских, которые на всем протяжении XIX в. оставались преимущественно аграрным, слабо урбанизированным этносом.

А. Каппелер, исследуя возникновение, историю и распад Российской империи, приходит к выводу, что к России имперского периода, по крайней мере до момента ее вторжения в Среднюю Азию, неприменим штамп колониальной державы. В пользу этого говорит толерантное отношение к другим народам и культурам, сохранение этнического многообразия, прагматическое отношение к решению задач этнокультурной интеграции. Каппелер характеризует Россию как многонациональную империю, чертами которой являются отсутствие превосходства в развитии метрополии по сравнению с периферией, частичная дискриминация имперского русского этноса, приоритет политических установок над экономическими⁷³.

К тому же в течение всего XIX в. географический центр тяжести смещался на восток, в то время как экспансия в западном направлении была остановлена в 1815 г. Это, по его мнению, сделало актуальной проблему присутствия России в Азии. Азия долгое время оставалась в геополитическом сознании россиян второстепенной ареной. Россия относилась к числу европейских держав, что и предопределяло прозападные ориентации российской элиты. В то же время сознание собственной отсталости в сравнении с Западной Европой придавало ее цивилизаторской миссии в Азии определенные компенсаторные функции⁷⁴.

Внедрение элементов национальной модели государственного строительства явилось следствием европеизации государственных институтов. Национальный принцип является в некоторой степени альтернативой принципу империостроительства. Отдельные его элементы внедряются в период петровской модернизации, на рубеже XVII–XVIII вв. **Национальная модель государственного устройства** в своем классическом, западноевропейском понимании предполагает ориентацию на культурную унификацию и социальную гомогенизацию населения. Историческая ирония заключается как раз в том, что именно Петр I, проводивший курс на культурную гомогенизацию по образцу абсолютистского, полицейского, бюрократического государства Нового времени, провозгласил Россию империей.

Признаками, позволяющими утверждать, что именно с петровской модернизации начинается первый этап национального строительства Российской

⁷² *Трепавлов В. В.* «Белый царь»... С. 199–200, 202.

⁷³ *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя... С. 122–123.

⁷⁴ Там же. С. 155.

империи как государства, где русская культура стала доминирующей, являются, во-первых, унификация языка, во-вторых, придание государственной власти светского характера, в-третьих, становление российской науки, в том числе истории и географии, без которых невозможно возникновение геополитики как нововременного типа пространственного проектирования.

Петровская реформа русского языка упразднила в русском алфавите буквы, которые давно утратили свое звучание. Петр I стремился приблизить русское письмо к европейским стандартам, придав кириллическим буквам латинское начертание. Результатом ее осуществления стало разграничение сфер влияния церковнославянского языка, который на протяжении семи столетий выполнял роль языка высокой культуры Средневековья, и светского языка гражданской власти. Данная реформа стала предпосылкой формирования в течение XVIII столетия русского литературного языка.

Целью ее осуществления была попытка инкорпорации образцов европейской науки в России. Эту попытку следует признать удачной, так как именно усилиями «птенцов гнезда Петрова», в числе которых был и Василий Татищев, возникает российская географическая и историческая науки. В течение 1710–1720-х гг. происходит окончательный переход от чертежа к карте. Российская историческая наука овладевает концептуальным аппаратом западно-европейской исторической науки и социально-философской традиции Просвещения. Это прослеживается не только в проблематике исследований, но и в лексике трудов первых русских ученых, например, того же Татищева, первого российского историка и географа.

Национальная модель нацеливала на административную унификацию государственного управления. Татарские, чувашские, удмуртские и марийские крестьяне Европейской России, пользовавшиеся ясачным статусом, согласно указам 1718 и 1724 г., были переведены в категорию государственных крестьян и перешли в непосредственное подчинение административным органам империи. Курс на форсированную интеграцию этносов бывшего Казанского ханства существенно сократил веер прав и возможностей этих народов. Расторжение сотрудничества с мусульманской элитой татарской знати привело к утрате дворянства тех ее представителей, которые отказались переходить в православие. Их имения были отобраны, а сами они стали мещанами (горожанами), купцами и предпринимателями, что, несомненно, является понижением статуса. Меры экономического давления применялись и по отношению к рядовым представителям этих народов, остававшимся некрещеными. В первой половине XVIII в. наблюдается рост волнений на национальных окраинах, требующих использования военной силы для их подавления⁷⁵. Внедрение элементов нациестроительства обусловило временный отход, вплоть до воцарения Екатерины II, от прагматичной политики в отношении нерусских народов империи.

⁷⁵ Кантелер А. Россия — многонациональная империя... С. 29–30, 177.

Во времена правления Екатерины II наблюдается отказ от унификации и частичное возвращение к гибкой политике административного регулирования социальной жизни нерусских народов. Эта политика продолжается усилиями Александра I, проводившего либеральные по отношению к указанной категории подданных реформы. Наиболее сильно они коснулись западных окраин империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского, получивших права автономий в составе Российской империи.

Однако уже со второй трети XIX в. правительство вновь берет курс на ускоренную унификацию и даже русификацию. Российская империя оказалась вовлеченной в процессы национальной мобилизации, затронувшей в том числе и великорусское население. «В верхах» рост русского национального самосознания проявился в патриотических настроениях знати. Русское образованное общество стало проявлять интерес к русской истории, о чем свидетельствует появление литературных произведений на исторические темы и исторических сочинений А. С. Пушкина, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и др. Появилась даже бюрократическая формула национального патриотизма, введенная в оборот усилиями министра просвещения, графа С. С. Уварова. В соответствии с ней имперские принципы самодержавия и православия дополнились принципом народности. На низовом уровне указанная тенденция проявилась в особом феномене народничества, ориентированного на «сближение» образованных слоев общества с «народом» в поиске утраченных национальных корней.

В национальные движения оказались вовлечены и другие народы империи. Современная социология рассматривает национальные движения как продукт модернизации, симптом распада феодально-сословной системы институтов и ценностей. В целом, соглашаясь с такой оценкой, необходимо отметить, что связь модернизации и национализма является взаимообусловленной. В исследовании А. Каппелера противоречивые отношения между модернизацией и национализмом показаны на примере выделения двух идеальных типов, позволяющих относить тот или иной народ Российской империи к одной из двух моделей национальной мобилизации. Первая модель национальной мобилизации описывает этот процесс у народов, чья высокая культура складывается при поддержке государства и одновременно со становлением национальной государственности. Вторая модель описывает мобилизацию у тех народов, у которых формирование высокой культуры предшествует самостоятельной национальной государственности⁷⁶.

Данные модели заимствованы Каппелером у чешского историка М. Хроха, который создал и применил их для описания роста этнической активности славянских народов Восточной Европы, входивших на правах меньшинств в империи Габсбургов, Османов, Романовых. Если в рамках первой модели импульс национальной мобилизации задается усилием «сверху», от политиче-

⁷⁶ Там же. С. 156–158.

ской власти, элит, армии и бюрократии «вниз», к культуре простонародья, то в рамках второй модели политической мобилизации предшествуют культурная и общественная мобилизация социальных «низов»⁷⁷.

В группу народов, описываемых первой моделью, можно отнести так называемые «старые» европейские народы со сложившимися еще к началу модерна традициями государственности и высокой культурой элит: англичан, французов, испанцев, португальцев. Группу народов, описываемых второй моделью, составляют так называемые недоминантные в рамках имперских образований этносы: чехи, словаки, словенцы, сербы. Хрох именует их «молодыми» нациями.

К «молодым» нациям в Российской империи можно отнести большинство ее народов: украинцев, белорусов, литовцев, эстонцев, латышей, финнов и проч. Эти народы имели незавершенную социальную структуру ввиду отсутствия собственных элит и / или средних (городских) слоев. При социальном выдвижении из низов представители этих народов подвергались ассимиляции господствующих этносов. Они не имели собственных политических структур либо утратили их, а традиции средневековой государственности оказались разрушены в начале Нового времени. Соответственно, они не располагали ни литературным языком, ни высокой культурой. Они испытывали господство иных этнических элит, и национальные движения стали для них способом социальной борьбы за права, необходимость отстаивать которые осознавалась по мере освобождения от крепостной зависимости, индустриализации и урбанизации, распространения грамотности, развития школьного образования и печати⁷⁸.

«Старыми» нациями в Российской империи, помимо русских, были также поляки, грузины, армяне, крымские татары, остзейские немцы, евреи. С некоторыми ограничениями в эту категорию можно отнести и татар, потерявших свои государства, где доминировала их собственная элита, но сохранивших высокую культуру⁷⁹. Взаимодействие русских с другими «старыми» нациями тех этносов, которые входили в состав Российской империи, некоторые историки, в частности А. Миллер, предлагает рассматривать как ситуацию конкуренции национальных проектов за доминирование над «молодыми» нациями. Примером такой конкуренции в истории стало, например, соперничество проекта «общерусской нации», стремящегося к объединению великороссов, малороссов и белорусов, и польского национального проекта, стремящегося привлечь на свою сторону украинцев, белорусов и литовцев⁸⁰.

⁷⁷ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.

⁷⁸ Канпелер А. Россия — многонациональная империя... С. 156–157.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина // *Российская империя в сравнительной перспективе*. М.: Новое издательство, 2004. С. 272.

Другой пример, приводимый Миллером, иллюстрирует ситуацию конкуренции русского и татарского национальных проектов в борьбе за влияние на народы Поволжья. Отмечая структурное сходство ситуации в Поволжье с аналогичными конфликтами в западном и остзейском крае, где русский проект столкнулся с польским и немецким в борьбе за влияние в одном случае на «молодые» восточнославянские народы и литовцев и в другом случае на латышей и эстонцев, он указывает на то, что во всех этих случаях русские власти были озабочены соперничеством с этническими группами, обладающими мощным ассимиляторским потенциалом и способными осуществить альтернативные проекты государственного строительства ⁸¹.

Следует отметить, что такая конкуренция во многом способствовала развитию этнической мобилизации «молодых» наций. Из этой логики вытекало поощрение российскими властями особых идентичностей «молодых» наций: финской, эстонской, латышской, литовской, белорусской, украинской, чувашской, мордовской и т. п.

Культурная революция советского периода, продолжением которой на национальных окраинах стала поддержка национальных языков и литератур, создание системы школьного образования на национальных языках, конструирование алфавитов у прежде бесписьменных народов, продолжила линию на формирование высоких культур недоминантных этнических общностей в период культурной революции, т. е. в 20–30-х гг. XX в. Тогда был создан целый ряд младописьменных языков, в том числе и языков народов Сибири, возникла профессиональная культура, основанная на владении данными языками.

Поддержка национальных культур возобновляется после XX съезда КПСС. Политика «расцвета и сближения наций» в советский период наряду с повышением социальных ролей всех народов, а в известной мере и в связи со стимулированием данного процесса благодаря мобильности и сближению по ряду социально-структурных параметров, активизировала «социальную состязательность» между русскими и титульными народами в национальных республиках.

В целом, можно согласиться с позицией исследователей, которые полагают, что если не все, то огромное количество народов России, вошедших в состав российского государства, включая тех, кто позже вышел из него, выиграло от процесса интеграции в его структуры. Всем им Россия обеспечила безопасность, а нерусским даже в большей степени, помогая, во всяком случае не препятствуя, развиваться. Под крышей России многие создали свою письменность, интеллигенцию, профессиональную науку и искусство, государственность со значительно меньшими издержками, чем они могли бы это сделать вне России ⁸².

⁸¹ Там же. С. 278.

⁸² Щербина А. Влияние интеграционных и модернизационных процессов на российскую империю. С. 211.

Русская культура приходила к нерусским народам, при всем ее локальном многообразии, приблизительно в одинаковой форме. Ее унификации на окраинах способствовали значительная роль государственного влияния, единство православия и господство единого литературного языка⁸³. И если в отношении народов, уровень общественного развития которых был сопоставим с соответствующим уровнем у русских, она выступала в качестве образца, вызывающего одновременно притяжение и отталкивание, то в отношении многих «молодых» народов она выступала проводником в пространство европейской культуры, усвоение образцов которой открывало доступ к образованию и возможность повышения статуса для молодых и амбициозных выходцев из этих этнических групп.

Этническая гетерогенность как характеристика «человеческого измерения» внутреннего геополитического пространства России обусловила интерес и внимание российской геополитической науки к центральному звену геополитической триады «пространство — человек — власть». В своем наиболее законченном выражении этот интерес представлен в концепции народности, которая послужила отправной точкой ряда философских, научных и политико-практических моделей индикации этнического развития и межэтнической интеграции народов России.

Глава 7. Концепт «народность» в судьбе и наследии русской геополитики

Наиболее авторитетными в настоящее время принято считать четыре геополитические школы: англо-американскую, французскую, немецкую и русскую. Триада «пространство — население — государство» разрабатывалась каждой из национальных традиций геополитики с учетом значимости антропоного фактора. В каждой из этих школ при подходе к проблеме этнического многообразия ученые и политические деятели использовали практики, порожденные историческим опытом конкретной культуры и цивилизации. Собственным опытом обладала и Россия, окончательно вступившая на путь модернизации в XVIII в.

В административном управлении Российской империи модернизация проявилась, как уже отмечалось, в переориентации на национальный тип государственного строительства по европейскому образцу. По мере усиления европоцентристских тенденций в сфере государственного строительства социальная дистанция между русскими и нерусскими, прежде всего финно-угорскими и тюрко-монгольскими народами России, начинает увеличиваться. Эта дистанция в Российской империи оказывается большей, нежели в Московском царстве. На это указывает и смена лексики. Так, «иноземцы», как именовались все без различия иностранцы в России, в том числе и аборигенные народы Сибири,

⁸³ *Трепавлов В. В.* Многонациональная цивилизация России... С. 361.

превращаются за два века в «инородцев», статус которых в европеизирующем русском самосознании приобрел черты неполноценности⁸⁴.

В то же время переориентация на национальный принцип, проявившаяся в усилении унификации административного управления и социальной гомогенизации разнородного в культурном отношении населения, в общественном сознании россиян породила идею народности, представления о самобытном историческом пути, которым идет каждый народ в соответствии с особенностями своей психологии и народного духа.

Представление о народе как о коллективной личности, обладающей «душой», сознанием и набором определенных психологических характеристик, уходит корнями во французское Просвещение, представители которого рассматривали народ как целостный организм, составляющий единую личность. Немецкое Просвещение в лице И. Гердера выдвинуло понятие «национального склада каждого народа», который он связал с традицией, культурой и образованием. В философии немецкого идеализма содержание исторической эпохи соединялось с содержанием определенного народного духа, в котором наиболее полно была выражена вершина культуры данного времени. В романтизме это понятие оказалось связанным с идеей свободы в политическом смысле. На русской почве идеи Просвещения, романтизма и немецкой классической философии оказали влияние на весь спектр политико-идеологических взглядов и представлений, от либеральных до консервативно-охранительных. В этом спектре они породили особую, народническую идеологию, в рамках которой со временем возникает и социалистическая идея.

В каждом из направлений русской геополитической мысли — славянофильстве, позитивизме, евразийстве — идея народности имела свое особое звучание. Наиболее сильно она звучала в славянофильстве, идейном течении, связанном с традицией критического отношения к власти. Славянофильство сформировалось как оппозиционное власти интеллектуальное движение либеральной дворянской интеллигенции в условиях николаевского режима. Опираясь на идеи немецкой классической философии об особом «народном духе», присущем каждому народу, славянофилы представляли русский народ в качестве своего рода нравственного объединения, близкого по духу другим славянским народам. Духовной сердцевиной такого объединения были, по мнению славянофилов, православные ценности русского народа. Из этого вытекало сущностное противопоставление России Западной Европе с ее традициями латинской культуры и католицизма. Именно в среде славянофилов появляется первая русская геополитическая теория, подвергающая ревизии идею универсализма в истории. Ее автор, Н. Я. Данилевский, с позиции абсолютизации этнокультурных особенностей народов сделал вывод о существовании особых

⁸⁴ Люцидарская А. А. От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // *Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур*: Тез. Междунар. науч. конф. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 165–169.

культурно-исторических типов. Славянофилы развивали идею некапиталистического пути исторического развития России, связывая демократию и модернизацию российского общества с развитием русской крестьянской общины.

В контексте проблемы отношений между знанием и властью можно констатировать, что наиболее интегрированными в союз с властью оказались представители позитивистского направления в геополитике, ученые: историки, географы, востоковеды. С властью их объединяла общность взглядов на исторический прогресс в духе эволюционистских теорий, господствовавших в науке конца XIX в., со свойственным им представлением об иерархии культур⁸⁵. В этой эволюционистской парадигме культуры многих народов, в том числе финно-угорских и тюрко-монгольских народов Азиатской России, переживающих в XIX в. возврат к архаике, оказывались поставленными на ступень ниже культур народов европейской части России. Это обстоятельство открыло для некоторых исследователей возможность рассматривать практики управления неевропейскими народами России в оптике теоретической парадигмы ориентализма, предложенной Э. Саидом⁸⁶.

С другой стороны, следует согласиться с мнением тех исследователей, которые склонны рассматривать дискурс российской власти и российских ученых в отношении неевропейских народов не столько с позиций ориентализма, сколько с позиций «инаковости»⁸⁷. В этой связи полезно сослаться на мнение авторитетного исследователя Н. Найта и привести цитаты из его статьи, посвященной специфике взаимодействия знания и власти в процессе государственного регулирования интеграции нерусских народов в структуры Российской империи.

«Инородцы» в России жили не далеко за океанами, не в чуждых и невыносимых климатических условиях, как это было в европейских колониальных империях. Это были те же самые народы, с которыми россияне существовали в более или менее близком общении в течение веков. Их названия постоянно встречаются в исторических документах со времен «Повести временных лет». Их отношения с Российским государством часто восходят еще к московскому периоду, и в некоторых случаях они больше напоминают средневековые феодальные отношения, чем империалистические, характерные для девятнадцатого века. Более того, представители элиты «инородцев» легко вливались

⁸⁵ *Ерохина Е. А.* О некоторых особенностях межэтнических взаимоотношений русских с аборигенами Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 1. С. 74.

⁸⁶ *Халид А.* Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 315–318; *Родигина Н. Н.* «Другая Россия»... С. 48–49.

⁸⁷ *Найт Н.* О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии: Антология. С. 329–330; *Родигина Н. Н.* «Другая Россия»... С. 48–49.

в состав русского дворянства. Имена таких известных дворян, как Карамзин, Черкасский, Кочубей и Багратион, красноречиво напоминали об их предках-инородцах. Если рассматривать отношения русских с их неславянскими соседями, по крайней мере с теми, кто жил к западу от Урала, то больший смысл имела бы параллель с процессами внутренней интеграции национальных меньшинств, которые шли в Великобритании, Франции и Испании, чем с колониальной экспансией этих стран»⁸⁸.

Свою позицию Найт аргументирует обращением к биографиям русских востоковедов, усилиями которых проводилась политика российского государства в национальных регионах. Несмотря на их официальный статус в качестве чиновников, в котором они пребывали в определенные периоды своей профессиональной биографии, их деятельность выходила далеко за пределы бюрократических предписаний и нередко входила в противоречие с нормами «правильно понимаемого» бюрократического действия. В их числе Николай Надеждин, редактор «Журнала министерства внутренних дел», выступавший за формирование новых, «народнических» параметров этнографии как научной дисциплины, и Василий Григорьев, востоковед и чиновник, управляющий Областью оренбургских киргизов (казахов), впоследствии профессор Санкт-Петербургского университета⁸⁹.

Для людей, подобных им, неприемлема была идея природной ограниченности отдельных народов к развитию⁹⁰. Скорее, напротив, они придерживались представления о «народности как органическом целом», из которой вытекало, что индивид может духовно развиваться только как часть своей нации, а нация может продвигаться вперед лишь при условии сохранения своей культурной самобытности. Это убеждение в равной мере применялось как к нерусским (например, к казахам, в среде которых работал Григорьев), так и к русским⁹¹. Оно послужило аксиологическим ядром российской этнографии и российского востоковедения.

Еще одним фактором, удерживающим от однозначной оценки политики российского государства в отношении нерусских народов как ориенталистской, является, по мнению Найта, отношение России к Западу. «“Имперский” подход к этнографии во Франции, Германии и Британии основывался, прежде всего, на строгой и жесткой иерархии наций и рас. Для России, оказавшейся в узах болезненно амбивалентных отношений с западноевропейской культурой, такое представление об “иерархии бытия” могло быть изначально неприемлемым. Ведь если Россия еще не достигла такого же уровня развития, как Запад, этот

⁸⁸ Найт Н. Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии: Антология. С. 188.

⁸⁹ Там же. С. 167–168.

⁹⁰ Он же. О русском ориентализме... С. 333.

⁹¹ Там же. С. 333–334.

факт необходимо было объяснить — задача, которая ничуть не могла прельстить патриотически настроенных русских (таких как Надеждин), особенно если такое объяснение должно было опираться на риторику и методологию расового и географического детерминизма западной этнологии. Гораздо более привлекательной была возможность выстроить свое понимание науки вокруг понятия “народность”... Принимая эту ориентацию, русские этнографы выразили стремление всего образованного общества к идеалу самобытности...»⁹².

В пользу этой точки зрения свидетельствует и наличие в структуре российской культуры такого феномена, как русская интеллигенция с ее ориентацией на народность, понимаемую как воплощение некоей уникальной коллективной личности. В статье российского этнолога С. Абашина, героем которой стал другой русский исследователь, туркестанский генерал В.П. Наливкин, такая гражданская позиция находящихся на службе государства имперских чиновников-этнографов рассматривается уже не как аномалия, которая не вписывается в ориенталистскую парадигму, а как типичный для русского интеллигента случай⁹³.

Имеет смысл согласиться с Абашиним в неоспоримости того факта, что цивилизаторская миссия, которой империя оправдывала свое завоевание азиатских регионов, основывалась не столько на идеологии господства над «низшими» восточными народами, сколько в значительной степени на идеологии «просвещения» «отсталых» обществ. В XIX в. идея прогресса не только не вступала в противоречие с имперской политикой, но оставалась ее составной частью, что открывало широкие карьерные перспективы для честолюбивых людей с либеральными и даже народническими взглядами⁹⁴.

По мере усиления кризиса европоцентризма в самом российском обществе поднятая на самый высокий уровень мера осознания цивилизаторской миссии России обнаружила противоречия ориентализма как идеи и практики. Это с неизбежностью привело к отказу от европоцентризма и к замене его альтернативной идеологией. Для Наливкина, биографию которого проанализировал Абашин, такой альтернативой стал социализм⁹⁵. Другой, несоциалистической, альтернативной ориентализму идеологией стало евразийство, которое продолжило традиции критического отношения к власти и западному пути развития.

Становление евразийства как геополитической школы прочно вписано в контекст драматичных событий распада российской государственности после Октябрьской революции 1917 г. и последовавших за этим гражданской вой-

⁹² Он же. Наука, империя и народность. С. 188–189.

⁹³ *Абашин С. Н.* В.П. Наливкин: «...будь то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». Кризис ориентализма в Российской империи? // *Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. Г. Суворовой.* Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 92.

⁹⁴ Там же. С. 94.

⁹⁵ Там же. С. 95.

ны и иностранной интервенции. Евразийцам, участникам Белого движения в 1918–1920-х гг., пришлось наблюдать, как, по воспоминаниям А. И. Деникина, «шло неприкрытое расхищение или балканизация российской территории и тяжёлая экономическая эксплуатация ее». Деникин делился в своих воспоминаниях разочарованием, связанным с деятельностью англичан и французов, действовавших в Закавказье в ущерб интересам России под маской союзнического долга. Отвергая социалистическую перспективу, евразийцы в то же время своеобразно продолжили в своей философии те традиции, которые восходили к славянофильству и почвенничеству: идеалы социальной справедливости и служения народу, нестяжательства, отрицания обогащения и приоритета духовных начал над материальными, ориентацию на самобытный путь развития.

Общность духовных истоков социализма и евразийства тем не менее не смогла сгладить тех противоречий, которые обусловили распад Российской империи, Октябрьскую революцию и гражданскую войну 1918–1921 гг. В XX в. русская геополитическая мысль переживает спад на своей родине. У этого обстоятельства есть свои причины, как институциональные, так и ситуативные. Предпосылкой такого изменения стало искоренение геополитики и обсуждаемых ею тем из пространства советской науки как реакционных.

Советская политическая система подвергла коренному изменению многие социальные институты, в том числе и институт науки. Например, до революции главным научным центром страны по изучению культурного разнообразия было Императорское русское географическое общество, которое координировало работу исследователей по всей России. Соответственно, этнография как наука о культурном многообразии оставалась частью географии.

В советский период ее институциональный статус изменился. Этнография стала частью большого поля исторических наук, дисциплин, занимающихся изучением человека в прошлом. В соответствии с доминирующей на тот момент сталинской интерпретацией национального вопроса все элементы культуры, имеющие выраженную этническую специфику (включая язык и предметы материальной культуры), должны были быть отнесены к этнографической «архаике», что автоматически предполагало их классификацию как исторических артефактов и помещало в один ряд с археологическими находками и письменными источниками древности или средневековья. Считалось, что с развитием прогресса элементы архаики уйдут из жизни и их место окажется в музее. Поэтому в первые годы советской власти, вплоть до создания в 1933 г. Института антропологии и этнографии в составе Академии наук СССР, центр этнографических исследований перемещается в музей, самыми крупными из которых на тот момент были музеи Ленинграда: Кунсткамера и Музей религии и атеизма в Казанском соборе.

Нельзя сказать, что этнографическая тема вообще ушла из географических исследований. Скорее, она постепенно поглощалась экономической и политической тематикой. В этой области наиболее заметен вклад В. П. Семенова-

Тян-Шанского, который проводил большую работу по районированию страны с использованием разработанных им дазиметрических методов картографирования. Когда появились первые результаты его работы, карты плотности населения Европейской России, стали очевидны демографические последствия гражданской войны и коллективизации. Семенову-Тян-Шанскому поставили в вину связь антропогеографического метода с геополитикой, набиравшей силу в Германии, с которой у СССР с начала 1930-х гг. стали усиливаться противоречия. Он был вынужден уйти в отставку, не успев закончить работу по описанию территории России, начатую еще вместе с отцом, П. П. Семеновым-Тян-Шанским, и В. И. Ламанским.

Этнографическая же наука пошла по пути исследования до-современных способов взаимодействия человека со средой обитания. В рамках интереса к локальным этнографическим группам она сфокусировала свой интерес на традиционной культуре их жизнеобеспечения. Во второй половине XX в. от сбора и описания артефактов этнографы переходят к теоретическому осмыслению их происхождения. Наиболее интересным результатом этого процесса стала теория хозяйственно-культурных типов (ХКТ) М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, которая постулировала возможность общего комплекса хозяйственно-культурных особенностей у разных по своему этническому происхождению народов, если они близки по уровню социально-экономического развития и живут в сходных естественно-географических условиях.

Несмотря на запрет занятиями геополитикой в СССР, российская геополитическая школа продолжала свое развитие за рубежом. Один из ее видных представителей, евразиец П. Н. Савицкий, ушел из жизни лишь в 1968 г. Его идейным преемником стал Л. Н. Гумилев, с которым он был знаком лично и с которым находился в переписке в последние годы жизни.

Хрущевская «оттепель» на короткий период приоткрыла «железный занавес». Этого оказалось достаточно для того, чтобы отдельные идеи русской геополитической школы обогатили отечественную науку, пусть и не напрямую, ввиду официального отсутствия таковой в СССР, а через географию, историю, лингвистику, этнографию, социологию, экономику. В целом, влияние наследия русских ученых, оказавшихся после революции и гражданской войны в эмиграции, на советскую науку 1960-х гг. оказалось весьма значимым. Становление советской семиотической школы невозможно представить без влияния идей евразийцев Н. Трубецкого и Р. Якобсона. Значительная часть теоретических разработок в этнографии оказалась подготовленной работами С. Широкогова. Современная экономическая наука получила импульс от идей расстрелянного в годы сталинских репрессий Н. Кондратьева и другого нашего соотечественника с более счастливой судьбой, лауреата Нобелевской премии В. Леонтьева.

Народнические идеи трансформировались в советской науке, в частности в этнографии, в представление об этносе как носителе особой культуры, содер-

жащей материальную и духовную составляющие. Так был найден компромисс между народнической интенцией, ориентированной на приоритет духовного начала, и материалистическим пониманием, заложенным в идеях марксизма. Он открыл возможность уподобления отдельной культуры уникальной личности со своим набором самобытных характеристик. Признание самобытности этнических культур, унаследованное советской наукой от российского дореволюционного этапа своего развития, стало основой национальной политики СССР в послевоенный период, нацеленной на выравнивание социально-структурных параметров развития народов Советского Союза.

Обостренным вниманием к самобытности народов и регионов, к локальной ситуации в совокупности составляющих ее уникальность обстоятельств и индивидуальной судьбе конкретного деятеля в ущерб исследовательской «увлеченности» политическими и идеологическими структурами государств, к человеку как носителю геополитических установок и ментальным феноменам его сознания отечественная геополитика во многом обязана философии. Пространство, человек и власть являются не только геополитическими концептами, но и базовыми понятиями философии. В этой связи очень важным оказывается обращение к ее идеям, конституирующим принадлежность человека к миру культуры благодаря его способности к деятельности, мышлению, речевой коммуникации.

Деятельность как творческая способность к преобразованию окружающей среды при помощи орудий и средств труда выводит человека из мира природной необходимости, обуславливающей развитие только лишь одних поведенческих адаптивных комплексов, как у животных. Язык как система знаковой коммуникации обеспечивает передачу информации небиологическим способом в пространстве и во времени. Сознание как способность к мышлению и воображению позволяет использовать понятия, символы и образы в качестве посредников между мирами реального и возможного, без чего невозможны проекции желаемого для субъекта состояния на реальность.

Нет сомнения в том, что своей способности воспринимать импульсы из окружающей среды и возвращать их обратно в среду человек обязан культуре, своей второй, «не-биологической» природе. Эта способность онтологизирует его существование, укореняя его в природном и социальном мире, и одновременно вводит его в мир феноменов, продуктов «чистого сознания», пользуясь терминологией Э. Гуссерля. Это позволяет взглянуть на человека как носителя коллективных пространственных представлений и субъекта геополитического проектирования одновременно в двух проекциях: ментальной и деятельностной.

Соединение онтологического и феноменологического профилей его бытия открывает возможность логичного совмещения пространственных и временных координат объекта геополитического проектирования, коллективной обусловленности и индивидуальной устремленности установок его субъекта, образности и рациональности самих геополитических представлений.

Повышение степени академической свободы и расширение информационных горизонтов открыло на рубеже 1980–1990-х гг. возможность интеграции социальной и ментальной истории. Это обусловило рост интереса к отечественным семиотическим исследованиям и проблеме ментальности в истории, внимания к идеям школы «Анналов», генезис которых проходил в том же культурном и интеллектуальном пространстве, что и развитие идей французской школы внутренней геополитики, к эпистемологии социального конструктивизма в географии.

Глава 8. Ментальная география и традиции конструирования геополитических образов России и ее регионов (на примере Азиатской России)

Ментальная география как новая тенденция в современных геополитических исследованиях

Социальный конструктивизм представляет собой часть методологического направления социальных и гуманитарных наук, истоки формирования которого связаны с творчеством советского психолога Л. С. Выготского. В его теории социальная реальность и сознательная активность индивида возникают одновременно: по мере вовлечения в социальные отношения личность создает качества и характеристики социального мира. Как парадигма социогуманитарного знания социальный конструктивизм возникает на рубеже 1960–1970-х гг. Некоторые исследователи отождествляют социальный конструктивизм с постмодернизмом, что представляется не вполне корректным в силу разной оценки статуса человека как носителя социальной активности в каждой из этих интеллектуальных традиций. Если в постмодернизме личность подчинена структуре, то в социальном конструктивизме, напротив, именно личность является источником социальной активности.

Теории социального конструирования (Дж. Мид, П. Бурдьё, П. Бергер и Т. Лукман) базируются на двух положениях: 1) социальный мир существует как пространство смыслов и интерпретаций думающих и действующих индивидов; 2) человек предстает как коммуникативный агент, активно создающий социальный мир. Они позволили рассматривать геополитику как часть социального знания, структуры которого формируются под воздействием определенных, доминирующих в конкретную историческую эпоху эпистемологических и онтологических положений. В целом ряде исследований ментальные практики, обусловленные этими положениями, именуются дискурсивными, что, на наш взгляд, вполне оправдано, если под дискурсом понимать процесс трансформации смыслов и значений понятий в зависимости от контекста (условий) их употребления.

Востребованность конструктивизма в гносеологическом отношении определяется следующими обстоятельствами: 1) необходимостью теоретической фиксации сложной взаимосвязи между реальностью и «знанием о реальности»; 2) практической ориентацией на использование символических ресурсов как наиболее эффективных механизмов влияния. Задача познания видится конструктивистами в интерпретации смыслов и значений социальных действий. Однако характер этой интерпретации является не произвольным, а исторически обусловленным. Всякое событие, всякий документ, равно как и всякое высказывание имеет под собой глубокие мировоззренческие, политические, идеологические, социально-психологические и, наконец, экономические корни.

Базовым в геополитических исследованиях конструктивистского толка является понятие ментального картографирования. В отличие от изучения этого процесса в социальной психологии, историки, культурологи и социологи направляют свой взгляд не на формы репрезентации пространства в индивидуальном сознании, а на изучение представлений всего общества о данном пространстве. Если социальная психология изучает ориентации людей в пространственных микроструктурах, доступных индивидуальному познанию, то история и социология — воображаемое разделение территорий, с которыми лишь малая часть членов данного сообщества знакома по личным наблюдениям⁹⁶. Проблемы, которые находятся в центре внимания геополитики при таком подходе, можно определить следующим образом:

- взаимосвязь между картографированием и осуществлением власти;
- взаимосвязь между географическими номинациями, геополитическими представлениями и практиками управления;
- взаимосвязь между реальным и символическим освоением пространства.

В статье, посвященной проблеме конструирования ментальных карт в Европе, Ф. Б. Шенк связывает становление этого направления с развитием истории картографирования, с одной стороны, и семиологии, с другой стороны. Первой стороной света, которая, по его мнению, потеряла «ореол объективности», стал Восток. Книга Э. В. Саида «Ориентализм», продолжившая дебаты о колониализме и постколониализме, породила интерес к другим территориям и способам их репрезентации в общественном сознании: Балканам (М. Тодорова), Восточной Европе (Л. Вольф), России (Х. Лемберг).

В анализируемой Шенком статье Лемберга, опубликованной на немецком языке, показано образное перемещение России с севера на восток Европы. Античная и средневековая картина мира исходила из разделения на «цивилизированный Юг» и «варварский Север». Идея «дикого Севера» в европейской культуре изживает себя на протяжении XIX в. и даже, возможно, ранее. В представлении о мире к Северной Европе причислялись страны, расположенные севернее

⁹⁶ Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней: Обзор литературы: Пер. с нем. // Новое литературное обозрение. 2001. № 6 (52). С. 42–61.

Черного моря и Дуная и восточнее Эльбы. Эти территории принято было обозначать как «полуночные страны», или просто Северные страны. Даже поединок Наполеона с Россией воспринимался как конфликт Севера и Юга. Однако со временем название территории «Север» стало синонимом географического понятия Скандинавия⁹⁷.

Под влиянием ориентализма ось дифференциации трансформируется. Не только мир, но и Европа разделяется на символические Запад и Восток. Шенк, сопоставляя результаты исследования ментального картографирования Восточной Европы британского исследователя Л. Вольфа и немецкого ученого Х. Лемберга, подчеркивает, что и Вольф, и Лемберг солидарны в том, что эта трансформация была не просто сменой терминологии, но отражением переменны политико-идеологического мировоззрения. Правда, их мнения расходятся в датировке смены оснований географической дифференциации. Если Вольф относит эту трансформацию к XVIII в., то Лемберг связывает ее с Венским конгрессом и Крымской войной⁹⁸.

На ментальной карте Европы Россия оказалась помещена в разряд стран «Восточной Европы». Дикость, которая прежде связывалась с Севером, теперь стала относиться к Востоку. По этой причине Россию именовали «полуазиатской» страной, что вошло в лексикон Третьего рейха и идеологию Запада времен «холодной войны». Как русское отражение того, что Россия оказалась помещена Западом на Восток, Шенк предлагает рассматривать дискуссию западников и славянофилов, а также становление евразийской школы в эмиграции⁹⁹.

По мнению Шенка, «перемещение» России на образный Восток начинается довольно рано, в XVIII в. **Начало этого процесса запускается дискуссией в географии** вокруг проблемы границы между двумя континентами Евразии: Европой и Азией. В этой связи Шенк обращается к исследованию М. Бассина, посвященного тому, как эта граница, проложенная поперек России, осмысливается общественным сознанием россиян (в русской географической литературе) в XVIII в.

Любопытна интерпретация Бассина географической дихотомизации России на европейскую и азиатскую части, которую он понимает как часть вестернизации, предпринятой Петром Первым. До этого момента Россия выводила свои культурные истоки из Византии и испытывала безразличие по отношению к Западу¹⁰⁰. По мнению Бассина, как только страна из Московского царства превратилась в Российскую империю, у правящего класса России возникла мысль, что ее, как и другие империи, можно разделить на европейскую метрополию

⁹⁷ Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства... С. 42–61.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии: антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 280–282.

и азиатскую колонию. Впервые разделение было проведено В. Н. Татищевым, который добился того, чтобы оно было принято в географии и в разделении государства на Европейскую Россию и Азиатскую Россию, что сохраняет свою силу и в настоящее время¹⁰¹. «Как Испания или Англия, Нидерланды или Португалия, по самому большому счету Россия также могла быть разделена на два важнейших компонента: с одной стороны — коренные земли или метрополия, которая принадлежит европейской цивилизации, и с другой — обширная, но чужая, внеевропейская колониальная периферия¹⁰².

Европейско-азиатский дихотомизм в образных автостереотипах был порожден, по Бассину, трансформацией политической идентичности России. «Вслед за победой над Швецией в 1721 году было формально отвергнуто архаичное наименование Московии как *царства* или *царствия*. Взамен этого Россия с огромной помпой и соответствующими церемониями была провозглашена колониальной *империей* в соответствии с европейской моделью, во главе с правителем, который теперь был *императором*, а не царем... В свете этой цели тот факт, что российское государство частично покрывало два континента, приобретал беспрецедентное значение. Он подчеркивал основную дихотомию российского физического тела, которая, по крайней мере, внешним образом, казалось, воспроизводила такую же дихотомию западных империй и могла представляться дополнительным доказательством естественного родства с ними»¹⁰³.

В целом соглашаясь с такой характеристикой петровского периода российской истории, важно подчеркнуть, что этот дихотомизм, введший Россию в элитный клуб европейских колониальных держав, впоследствии доставлял российской имперской власти известную головную боль. В XIX в. имперскость постепенно начинает утрачивать ореол привлекательности под напором национальных движений. Российские интеллектуалы и власть надеялись на то, что им удастся избежать оценок собственных действий как эксплуататорских и несправедливых. Существовало ожидание, что отказ от «колониальности» снизит потенциал сепаратизма¹⁰⁴. Как отмечает А. Ремнев, идеология российского продвижения на восток черпала свою аргументацию из разных источников, в том числе предевразийских идей, призванных обосновать особую миссию России в Азии, кардинально отличную от западного колониализма. В числе этих идей он выделяет и областнический проект, и идею особого русского пути, развиваемую в среде российских интеллектуалов и политиков¹⁰⁵.

¹⁰¹ Там же. С. 283–284, 300.

¹⁰² Там же. С. 283.

¹⁰³ Там же. С. 282–283.

¹⁰⁴ Ремнев А. В. Внутренняя геополитика азиатской России конца XIX — начала XX в. // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 203.

¹⁰⁵ Там же. С. 192.

Вместе с тем трудно согласиться с выводом Ремнева о решающей роли имперского запроса в «научном завоевании» Азии. Скорее можно согласиться со следующим его утверждением: «Это был сложный дискурс ученых (обосновавших идеальные геополитические конструкции и пугавших мир возможными глобальными цивилизационными конфликтами) и политических и административных прагматиков, которые хотя и скептически относились к интеллектуальным писаниям, но не могли не использовать их в управленческой практике»¹⁰⁶.

Исследования геополитического конструирования пространства страны осуществлялись и в рамках советской научной традиции, в частности, в семиотических исследованиях московско-тартусской школы Ю. М. Лотмана. Коллективные представления о регионах России, их границах, статусе, месте в геополитических стратегиях государства, привлекли в постсоветский период внимание не только географов и регионоведов (Б. Б. Родоман, В. Л. Каганский), но также историков (А. В. Ремнев, Н. Н. Родигина) и культурологов (Д. Н. Замятин). В социальной антропологии исследование пространства представлено в работах Т. Б. Щепаньской. Ярко и выпукло образы стран и народов представлены в эссеистике Г. Д. Гачева. В настоящее время наиболее последовательно как научное направление ментальная география развивается в рамках двух российских школ гуманитарной географии — Ю. Н. Гладкого и Д. Н. Замятина.

Ментальная география России в философии пространства Д. Н. Замятина

Актуальность исследования образов России и ее региональных пространств Д. Н. Замятин обосновывает необходимостью выработки региональной политики в практике государственного управления страной. Между тем уникальностью географического разнообразия России и различием исторически судеб ее регионов обусловлена специфика освоения пространства России: слабая структурированность ее регионов, неоднозначность региональных границ, развитие «вширь», «размытость» и «рыхлость» образных структур российских регионов. Серьезные колебания размеров территории, затрудняющие создание базовых геополитических образов страны, создают контраст с Европой, где структурированность регионов оказалась унаследованной еще от феодализма¹⁰⁷.

Другая, не менее значимая проблема философии пространства России заключается, по его мнению, в инерции старых образно-географических комплексов, «удерживающих» страну западнее Урала. Это тормозит процесс ментального дистанцирования от Европы. Для того чтобы преодолеть «периферийность» российского геополитического мышления, его зависимость от

¹⁰⁶ Ремнев А. В. Внутренняя геополитика азиатской России конца XIX — начала XX в. С. 192–195.

¹⁰⁷ Замятин Д. Н. Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России // Регионоведение. 1999. № 1. С. 163–173.

европейских образов, необходимо развивать цивилизационное видение и цивилизационную интерпретацию. В качестве базовых цивилизационных установок в отношении России он обозначает следующее:

1) Россия является автономной цивилизацией;

2) Россия видится цивилизацией — спутником европейской цивилизации, многим ей обязанной;

3) Россия есть цивилизация — государство, в рамках которого большинство возможных дискурсов осмысляется посредством перевода в доминирующий государственный дискурс¹⁰⁸.

Как Россия может обеспечить автономные дискурсы, дистанцирующие ее от других, а также легитимирующие ее коммуникативную целостность в мировом цивилизационном пространстве? Какая ментальная метка может помочь обнаружить ее в географическом пространстве? С точки зрения Замятина, это может быть лишь образ Северной Евразии. «Как понятие, Северная Евразия “узаконена” традиционными географическими схемами и картографическими проекциями видения мира. Как географический образ, она до сих пор является полупустым отображением вполне европеизированных и односторонних, однонаправленных знаково-символических конструкций, призванных хоть как-то описать *tabula rasa* малочисленных коренных народов, чьи географические образы практически либо вообще не поддаются репрезентации, либо еще не репрезентированы в рамках внешних по отношению к ним коммуникативных дискурсов»¹⁰⁹. «Озабоченность» Северной Евразией должна стать ментальным контекстом, сочетающим, по его мнению, «северность» и «евразийскость» России.

Между тем российское пространство страдает от поляризации, роста столичной ренты, недоосвоенности как в прямом, так и в феноменологическом смысле, особенно в отношении зауральских территорий. Обретение общественным сознанием россиян привлекательных образов Зауралья способно, по его мнению, развернуть страну в сторону Сибири и Дальнего Востока. При этом накопленный во взаимодействии с Европой потенциал никуда не денется. Освоение же Сибири и Дальнего Востока он считает индикатором административно-территориальных и геоэкономических изменений внутренней политики России, всякий раз идущим ей на пользу.

Обращаясь к геополитическим образам Сибири, функционировавшим до середины XIX в., Замятин оценивает их как результаты ретрансляций сначала восточнохристианских, унаследованных от Византии, а позже — европейских

¹⁰⁸ Замятин Д. Н. Вообразить Россию: Географические образы и пространственная идентичность в Северной Евразии // Россия: воображение пространства / пространство воображения (Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Спец. вып.) / Отв. ред. И. И. Митин; сост. Д. Н. Замятин, И. И. Митин. М.: Аграф, 2009. С. 13–23.

¹⁰⁹ Там же.

ландшафтных образов на первичное восприятие местных пейзажей. Трансляция европейских образов в эпоху Великих географических открытий, частью которых стала русская колонизация Сибири, осуществлялась с определенным запозданием. Например, «Сибирские летописи» XVII в. **продолжали традицию восточнохристианского церковного дискурса с библейским сакральным контекстом.** Первым же известным нам такого рода текстом, повествующем о сибирском крае, является источник конца XV в. «Сказание о человецех незнаемых»¹¹⁰.

Затянувшийся до конца XVII в. **средневековый этап функционирования** подобных образов обусловлен, по мнению Замятина, промежуточным цивилизационным положением страны, которая с момента падения Византии, т. е. с конца XV в., переживала смену цивилизационного статуса. В XVI–XVII вв. страна оставалась Московским царством, ориентированным на византийские культурные образцы сакрального содержания. Образом региона, работающим в российском социокультурном пространстве этого периода, является «Сибирская Тартария», дальняя окраина на европейской географической картине мира¹¹¹.

В конце XVII — начале XVIII в. происходит переориентация на Европу: проникают новые культурные образцы, начинается трансляция европейских образов места на Сибирь. Недостаток собственных образов вызывает к жизни механическое копирование «колониальных» образов сибирских регионов, что к середине XIX в. **перестает давать идеологические дивиденды.** В результате параллельно европоцентристскому колониальному дискурсу происходит, благодаря усилиям сибирских областников, становление «фронтирного» дискурса, в котором Сибирь семантически сближается с американским «Диким Западом», страной с неограниченной для индивида степенью свободы и новых возможностей¹¹².

Социокультурным основанием такого феноменологического рывка стала активная деятельность государства в направлении освоения Дальневосточного Приморья. Расширение территорий на Дальнем Востоке способствовало формированию образа Сибири, который до этого не был актуализирован. Этот процесс начинается в 1850–1860-е гг. и заканчивается в 1913-х гг. уничтожением Челябинского тарифного (хлебно-ценового) перелома. Население сибирского макрорегиона, оживленное энергичными мерами правительства по строительству Транссиба и КВЖД, начинает образно расширять свою территорию¹¹³.

Имея четко выраженную дальневосточную политику, российское правительство вынужденно влияло и на развитие сибирских инициатив. В своей аргументации Замятин прибегает к оценкам современников этого процесса.

¹¹⁰ Замятин Д. Н. Метагеографические образы Сибири // Независимая газета. 2010. 22 сент. URL: http://www.ng.ru/science/2010-09-22/14_sibiria.html

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Замятин Д. Н. Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России... С. 163–173.

В частности, он приводит запись, датированную 1863 г., из дневника П. А. Кропоткина, который принимал деятельное участие в первоначальном освоении Приамурья. «Особенно же извозничают крестьяне кабанские, по своему удобному положению между Байкалом, Кяхтой и Читой. При этом, ворча на Амур за те тягости, которые он на них взваливает, особенно же за проходящие команды, они признаются, что Амур принес также громадную пользу; прежде Чита была чем-то совершенно неизвестным в Ильинской волости; чтобы съездить туда, нужно было поднимать образа, служить молебны; теперь Чита сделалась близко, говорят они. Наконец, и сбыт хлеба должен был до некоторой степени обогатить их. Но главная заслуга Амура в том, что он расшевелил их»¹¹⁴.

Во 2-й половине XIX в. Россия начинает вырабатывать собственные образы региональных пространств. Вместе с этим постепенно повышается самооценка жителей Сибири. Понятие «сибиряк» практически ничего не означало для жителей Забайкалья в 1860-е гг.: «Слово это само по себе слишком неопределенно и ничего не означает именно по своей неопределенности. Можно говорить: крестьянин Верхнеудинского округа и то означая, какой волости, или можно говорить: казак такой-то бригады или батальона и т. п., но не сибиряк, даже не забайкалец. Местные различия слишком велики»¹¹⁵. В последней же трети XIX в. стараниями областников формируется представление об особом областном типе русских, или, иначе говоря, русско-сибирской народности, обладающей специфическими чертами.

Некоторые дореволюционные исследователи, в частности, А. А. Кауфман, полагали, что «сибиряк» — это всего лишь собирательное понятие, учитывающая разнородность самого русского населения в Сибири, как локальную, так и социальную, подразумевая включение в его состав категорий каторжных и ссыльных. Другие же представляли себе русского сибиряка как реальный тип, пытаясь объединить разнообразные штрихи русского населения Сибири в единый социальный портрет. Исследователи Сибири и писатели (Н. М. Астырев, А. Н. Пыпин, А. П. Щапов, Н. М. Ядринцев) отмечали, не всегда, правда, только в позитивном смысле, прагматизм, смекалку, склонность к свободе и равенству. Обращали внимание на определенную психологическую близость и общность интересов русских старожилов-сибиряков и аборигенных народов Сибири. А. Кауфман в конце XIX — начале XX в. писал о восприятии сибиряка в российском образованном обществе как «энергичного колонизатора-пионера, способного преодолевать совершенно непосильные для “российского” крестьянина препятствия и трудности, интенсивного работника, не связанного рутиной и умеющего приспособляться ко всяким естественным и хозяйственным условиям»¹¹⁶. Этими чертами сибиряк, так же как и американский пионер,

¹¹⁴ Кропоткин П. А. Дневники разных лет. М.: Советская Россия, 1992. С. 289.

¹¹⁵ Там же. С. 301.

¹¹⁶ Кауфман А. А. Население // Сибирь // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/39520/Сибирь

полагали публицисты, обязан климату, развившему в нем интерес к предпринимательству.

Начатая во 2-й половине XIX в. выработка собственных образов, позитивно репрезентирующих Россию как страну регионов, осталась незавершенной по настоящее время. С одной стороны, Россия регионов предстает как ресурсно-периферийная окраина Запада, с другой стороны, она все еще «манит» фронтальными возможностями, открывающими перед человеком возможность творческой инициативы и самореализации.

Незавершенность региональных образов России является, по мнению Замятина, фирменным знаком российских пространств. Эта незавершенность представляет для нее серьезную цивилизационную проблему, порожденную государственно-интенционными ее самосознания, тяготеющего к западным образцам. Он полагает, что современная ситуация открывает возможность для обретения собственной цивилизационной идентичности. Существующие геополитические образы-самоописания являются, считает он, достаточными свидетельствами для признания России как цивилизации¹¹⁷.

С этим выводом трудно не согласиться. Феноменологические опыты, всякий раз «ускользающая» за пределы сознания, в сторону «телесных», физических онтологий¹¹⁸, или, пользуясь термином, предложенным П. Бурдьё, в сторону практик, в процессе реального и символического расширения пространства создают новые социальные связи и отношения, в том числе и цивилизационного порядка. Необходимость признания единства онтологических и феноменологических оснований российской цивилизации побуждает предпринять оценку ее качественной специфики в двух направлениях. Первое направление предполагает обращение к социальной истории в поиске внешних геополитических предпосылок и внутренних факторов ее становления. Второе — нацелено на выявление закономерностей ментальной эволюции геополитических образов, репрезентирующих Россию в пространстве отечественных философских концепций. Совмещение двух проекций позволит выявить геополитическую результирующую генезиса российской цивилизации — сдвиг ее платформы на восток и формирование сибирского вектора развития.

¹¹⁷ Замятин Д. Н. Вообразить Россию... С. 13–23.

¹¹⁸ Там же.

РАЗДЕЛ 3. ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Глава 9. Геополитика в оптике цивилизационного подхода

Научный конструкт «цивилизация» чрезвычайно многомерен. Как отмечает Л. Февр, впервые слово «цивилизация» в 1757 г. употребил маркиз В. Р. де Мирабо в трактате «Друг законов» в смысле изменения общества в сторону большей учтивости, вежливости, смягчения нравов, развития наук и искусств. Постепенно оно приобретает смысл гармоничности общества, целью которого является достижение счастья отдельного человека, немислимое без просвещения. В XIX в. слово становится понятием, означающим определенную, весьма высокую стадию общественного развития, следующую за дикостью и варварством.

По мере нарастания кризиса универсалистских моделей понимания истории в конце XIX — начале XX в. данное понятие превращается в концепт, отражающий признание многолинейности и поливариативности исторического процесса. Начало этому процессу положено трудами Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби¹. Их усилиями было сформировано представление о многообразии человечества, структурной единицей которого на уровне макродифференциации сегодня принято считать цивилизацию². Наиболее устойчивое применение получила интерпретация цивилизации как социокультурной общности, формируемой на основе универсальных ценностей (религии, системы права, морали и проч.).

Вторая половина XX в. обогатила это понимание благодаря миросистемному подходу, преодолевшему абсолютизацию «отдельного» в теории цивилизации. Проблема снятия противоречия между универсальным и самобытным в теории локальных цивилизаций была снята подведением методологического

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М.: Ин-т рос. цивилизации, Благословение, 2011; Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1998. Т. 1. Образ и действительность; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 2.; Тойнби А. Постигание истории: Сб. / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001.

² Костюк В. Г. Славяно-тюрко-монгольский синтез в евразийской цивилизации // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск, 2003. С. 18–19.

базиса марксизма с его ориентацией на роль экономических факторов в развитии общества. Цивилизация как форма социальной самоорганизации общества на макроуровне «приобрела» усилиями Ф. Броделя и И. Валлерстайна экономический базис, или, иначе говоря, мир-экономику, понятие, в которое они вложили смысл самодостаточности и экономической независимости от других подобных образований³.

Экономический базис цивилизации неразрывно связан, условно говоря, с «надстройкой», специфичными для нее институтами (нормами) и системой ценностей (аксиологическим ядром). Единство экономики, институтов и ценностей воспроизводится благодаря знаковой коммуникации, в основании которой лежит один из естественных языков, доминирующий в рамках данной цивилизации как язык межэтнического (межнационального) общения.

Понимание цивилизации как локальной социокультурной системы, порожденной конкретными условиями деятельности (материально-технической средой и институтами) и мировоззрения (ценностями) людей, населяющих данный регион и взаимодействующих между собой, невозможно без утверждения институционального и феноменологического подходов в цивилизационной компаративистике. Основатель институционального подхода, экономист и антрополог К. Поланьи обосновал существование в истории двух равнозначных институциональных комплексов: обменных и распределительных. Отмечая их одновременное сосуществование во времени и в пространстве, Поланьи полагал, что в том или ином обществе доминирующее положение может занимать только один институциональный комплекс, тогда как другой является альтернативным, дополняющим⁴. На основании этого положения российские исследователи О.Э. Бессонова и С.Г. Кирдина разработали теорию институциональных матриц, которая позволила использовать базовые положения институционального подхода применительно к сравнительному исследованию европейской и российской цивилизаций⁵.

Весомый вклад в развитие сравнительного изучения цивилизаций внесли представители экзистенциально-феноменологического направления в философии. Один из них, К. Ясперс, выдвинул положение, согласно которому цивилизация появляется одновременно с формированием рефлексивного мышления⁶. Это позволило включить в набор общих для определения цивилизации признаков осознание принадлежности к данной цивилизационной общности при противопоставлении другим подобным общностям в качестве одного из главных ее признаков. Большой вклад в утверждение феноменологического

³ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 87–88.

⁴ Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2002.

⁵ См., например: Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП, 2001.

⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991.

подхода в изучении цивилизаций как систем, базирующихся на единой универсальной системе ценностей, сыграла школа «Анналов» с ее интересом к проблеме ментальности. Благодаря распространению идей «анналистов» и институционалистов утвердился взгляд на цивилизацию как на единство, связываемое сходством базовых черт культуры, социальной организации, образа жизни, религии, установок и психологии.

Таким образом, можно констатировать, что каждый из указанных подходов внес в развитие цивилизационной компаративистики значительный вклад в определение понимания того, что такое цивилизация. Это позволяет выделить набор неких общих для все определений пунктов. Цивилизация есть: 1) самостоятельная мир-экономика; 2) единство, связываемое универсальной системой ценностей и сходством базовых черт культуры, социальной организации, образа жизни, религии, установок и психологии; 3) целостность, связываемая общим языком коммуникации; 4) общность, осознающая свое единство.

Указанный набор сам по себе является ориентиром, но не алгоритмом для выделения локальных цивилизаций. Для того чтобы определить территориально-пространственные рамки отдельных цивилизаций, необходимо локализовать цивилизационную общность в пределах определенного ареала. И здесь чрезвычайную важность приобретает геополитический подход.

В отечественной науке указанный подход, в силу запрета на занятия геополитикой в СССР, начал развиваться после значительного перерыва в конце 1990-х — начале 2000-х гг. под влиянием западных теорий. Это, впрочем, не означает вторичности отечественных разработок по отношению к западным исследованиям. Замечательным примером использования геополитического подхода в цивилизационных исследованиях является концепция геоэтнокультурных систем (ГЭКС). Ее авторы, С. Я. Суций и А. Г. Дружинин, постулируют тезис, согласно которому ГЭКС являются территориальными структурами цивилизаций. В концепции ГЭКС четко прослеживается связь между этносом как субстратом цивилизации и ГЭКС как суперэтнической системой. Принадлежность этноса к той или иной ГЭКС предполагает выявление особенностей расселения этноса, определение ареала его воздействия на территорию и характера этого воздействия, эксклюзивность, доминантность либо субдоминантность данного процесса, влияние иных этнических образований на территорию⁷.

Однако ГЭКС не просто результат взаимодействия этносов друг с другом и с природой. Эти территориальные структуры есть результат триединства, во-первых, природы, во-вторых, людей, населяющих территорию с их культурой, языком и хозяйственными практиками, в-третьих, социальных институтов. Как полагал Б. С. Ерасов, ГЭКС совпадает с локальной цивилизацией, если под последней понимать не просто исторически сложившуюся группу

⁷ Дружинин А. Г., Суций С. Я. Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 1994. С. 17–18; 22–25.

людей, объединенных общностью истории, культуры, самосознания, психики и общих черт общественного строя, религии, мировоззрения⁸. В концепции Сушего и Дружинина под цивилизацией понимается общность людей, сформировавшаяся в пределах определенного пространственного ареала в результате взаимодействия этнических общностей, антропогенезированных природных ландшафтов и общественных систем⁹.

Ерасов подчеркнул значимость «сетей отношений» — торговых, хозяйственных, политических, дипломатических, военных, культурных — в формировании и функционировании указанных систем. «Важная характеристика всякого сложного общества состоит в разделении труда. И именно сеть взаимодействия обеспечивает возможность специализации индивидов и групп. А сеть взаимодействия, поддерживающая такую специализацию, включает хозяйственные связи, классовые или статусные системы, государство и бюрократическую систему, налаженный социокультурный обмен между городами и инфраструктуру, обеспечивающую все эти функции. Именно из этого и состоит цивилизация»¹⁰.

В нашей работе введенное Ерасовым в оборот понятие «сети отношений» является ключевым, определяющим онтологический статус концепта цивилизация. Под цивилизацией в этом смысле понимается локальная цивилизация, в том числе и рассматриваемая далее российская цивилизация. Однако цивилизация представляет собой еще и ценностный ориентир для составляющих ее народов и индивидов, а также их соседей. Поэтому правомерно утверждать, что в своем феноменологическом статусе цивилизация есть некий символ, культурный образец, вызывающий либо притяжение, либо отталкивание у людей, народов, государств. Такой методологический прием открывает возможность рассматривать социальную и ментальную стороны исторического процесса цивилизационного развития в совокупности.

Это особенно важно для изучения геополитики, которая существует в единстве социальных актов и их ментальных проекций. Применяя этот прием в отношении истории становления российской цивилизации и векторов выбора ее развития, следует отметить, что процесс их изучения в исторической науке начался недавно. Существует множество точек зрения на природу, генезис, хронологические этапы становления российской цивилизации. Однако, поскольку все существенные черты российской цивилизации в одном исследовании охватить невозможно, в качестве методологического приоритета в данном случае

⁸ Ерасов Б. С. Комментарий к «Геоэтнокультурной системе» С. Я. Сушего и А. Г. Дружинина // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов. Изд. 3-е, доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 184.

⁹ Суций С. Я., Дружинин А. Г. Геоэтнокультурная система // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. С. 182–184.

¹⁰ Ерасов Б. С. Цивилизация как сеть отношений. Обзор // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. С. 115.

была избрана ориентация на этническую гетерогенность как одну из важнейших ее характеристик. Поэтому, разделяя позицию историков, авторов коллективной монографии «Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия» (отв. ред. В.В. Трепавлов), постулируем ряд существенных положений, которые определяют и данное исследование¹¹.

Во-первых, полиэтничный (многонациональный в Новейшее время) характер российской цивилизации, корни генезиса которой восходят к Древней Руси. Межэтнический синтез народов древнерусского государства осуществлялся на основе тесного взаимодействия восточнославянских и финно-угорских народов с вкраплениями других этнических компонентов. Во-вторых, фиксация в качестве нижней хронологической границы существования российской многонациональной цивилизации рубежа XV и XVI в., когда началось широкое колонизационное движение русских, а впоследствии и планомерное присоединение к Московскому царству народов и территорий вне пределов Восточно-Европейской равнины. В этот период формируются основания для последующего синтеза народов тюрко-монгольского мира с этносами, входившими в структуру древнерусских государств (восточными славянами и финно-уграми).

В качестве внешней предпосылки формирования российской многонациональной цивилизации следует считать кризис христианской цивилизации средневековой Европы. Проявлениями этого кризиса стали следующие геополитические процессы: 1) распад Византийской империи и необходимость выбора новых идейных, понимаемых в эпоху позднего средневековья как исключительно религиозных, ориентиров; 2) становление капиталистической миросистемы и формирование ее мировоззренческой квинтэссенции в виде протестантской этики; 3) Великие географические открытия. В числе внутренних факторов становления российской цивилизации пристального внимания заслуживают естественно-географический, природно-климатический, религиозный, этнокультурный факторы и фактор социальной организации.

Цивилизационный подход в истории, социологии, философии делает первые шаги. В его оптике геополитика предстает как весьма мощное средство анализа истоков формирования и факторов становления российской цивилизации.

Глава 10. Великие географические открытия в Евразии и русская колонизация Сибири

Великими географическими открытиями называется период в истории человечества, начавшийся с XV и продолжавшийся до XVII в., в ходе которого европейцы в поисках новых торговых партнеров, источников товаров, ресур-

¹¹ *Трепавлов В.В.* Введение // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М.: Наука, 2003. С. 5.

сов и рынков сбыта открывали новые земли и маршруты. Принято считать, что исключительным мотивом Великих географических открытий был коммерческий интерес. Менее очевидной, однако, представляется связь между Великими географическими открытиями в Евразии и стремлением людей в позднем Средневековье повысить свой социальный статус, удовлетворить житейское и интеллектуальное любопытство, воплотить христианскую утопию в жизнь. Эти возможности широко открывались перед русскими людьми, осваивавшими южные и восточные рубежи своей страны в XVI в.

Великие географические открытия — индикатор заката христианской цивилизации Средневековья, частью которой (в составе византийского культурного круга) Русь-Россия оставалась и в период монгольского владычества. Среди характеристик, определяющих лицо христианского Средневековья, историки и социологи отмечают не только институциональные особенности феодализма — систему землепользования со специфичными отношениями землевладельцев и зависимых крестьян, вассально-ленной иерархией, доминированием форм натурального и простого (нерыночного) товарного хозяйства, определенными общественными и политическими институтами (вотчина, община, город), но и, что немаловажно, ментальные характеристики эпохи. Исследования европейских и отечественных медиевистов позволили пролить свет на некоторые из этих специфических черт¹². Особо выделяется ими значительное влияние религии на духовную жизнь людей.

Единство христианского мира обеспечивалось взаимным притяжением и одновременно отталкиванием двух культурных полюсов христианства: латинского и греческого. Исповедуя одну религию, Западная Европа и Византия образовали христианскую цивилизационную общность. Эта общность не была однородной. В XI в. произошел раскол церквей, разделивший католические и православные страны. Каждая страна, входившая в эту цивилизацию, сохраняла свои культурные особенности, свое направление исторического развития. Тем не менее они имели много общего и в социально-экономической жизни, и, особенно, в системе ценностей, существенно отличаясь в этом смысле от средневековых цивилизаций Востока¹³.

Поскольку христианская цивилизация Средневековья была по преимуществу аграрной, постольку земля почиталась как главная ценность, а труд на ней рассматривался как *служение*. К служению перед Богом приравнивался

¹² *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997; *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993; *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984; *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991; *Хейзинга Й.* Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах. М.: Айрис-пресс, 2002.

¹³ *Хачатурян В. М.* Христианские средневековые цивилизации. Византия // В. М. Хачатурян. История мировых цивилизаций / Преподавание истории в школе. 1994. № 8. С. 66.

не только труд крестьянина, но и воина, князя, ремесленника и, в особенной степени, молитва монаха. Справедливо охарактеризовать это общество как преимущественно традиционное.

Средневековое общество оставалось на протяжении тысячелетия обществом сословным. Это означает, что в социальном плане личность существовала лишь как часть некоего сословия, встроенного в структуру общества. Членство в такой социальной (цеховой, поселенческой, религиозной) группе основывалось на сетевых принципах и взаимных обязательствах по отношению к внешним структурам: феодальной сеньории, церкви, государству. Это справедливо и в отношении крестьян, определявших себя через принадлежность к общине. Каждое сословие имело свое «служение» и свое «достоинство» перед Богом.

Религиозное мировоззрение носителей средневекового сознания отражало черты целостности, универсальности и оптимизма. Средневековая всемирная история человечества от рода Адама и до грядущего конца света имела провиденциальный смысл, а цель индивидуального, земного существования человека — вполне определенное значение. Спасение зависело не только от божьей воли, но и от выбора самого человека в пользу благодати или греха. Мир представлялся как законченное и обозримое творение Бога, а человек — как его образ и подобие.

В этом мире все имело свое место, в том числе и иноверцы, образующие полярную пару христианам. Вот что говорит, например, Погодинский летописец — рукописный список из собрания русского историка М. П. Погодина, содержащий официальную версию деяний дружины Ермака, «о вере царя Кучюма»: *«Вера же и закон бысть у царя Кучюма Маометя проклятого, святы же апостоли написаша во своих святых правилех: аще кто прилежит маометевы заповеди и внемлет ученью его, анафема да будет, сиречь проклет»*¹⁴.

Остается открытым, однако, вопрос о том, в какой мере мотивы русского продвижения на восток обусловлены средневековыми ментальными установками, а в какой мере — совсем иными. К моменту начальных этапов колонизации Сибири христианская средневековая цивилизация уже пережила свою «осень». В XVI в. складываются первые колониальные империи: испанская и португальская в Центральной и Южной Америке. В борьбу за неевропейский мир включаются Англия, Голландия, Россия. Начинается расширение экономики Европы за счет притока драгоценных металлов из колоний, включения их в структуры торгового обмена, в совершенствование экономических институтов и инструментов: бирж, ценных бумаг, различных форм кредита.

Принято считать, что аналогичные процессы коснулись и Сибири, ставшей объектом русской колонизации. Менее очевидной, однако, представляется связь между Великими географическими открытиями в Евразии и становлени-

¹⁴ Погодинский летописец // Летописи сибирские / Под общ. ред. Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. С. 66–67.

ем самобытной российской цивилизации, специфика развития которой с трудом укладывается в любую из предложенных линейных моделей.

Успех Великих географических открытий предопределен во многом прогрессом научного знания и развитием новых технологий, особенно книгопечатания, что позволило наладить производство карт и книг по географии массовыми тиражами, и усовершенствования огнестрельного оружия, что позволило обеспечить военное доминирование в торговых отношениях и наладить выгодный для европейцев обмен. Это верно и в отношении русского освоения Сибири.

Несмотря на общую логику процесса, сближающую колонизацию Сибири русскими с движением европейцев в заокеанские земли, есть существенные отличия в ее последствиях для «коренных» территориях, исторических ядер метрополий. Необходимо отметить, что характер классических европейских империй определяется направлением притока материальных ресурсов от окраин к центру, к метрополии. Характер отношений Сибири и России было бы неправомерно рассматривать в терминах «колониальной эксплуатации»: сибирский регион до конца XIX в. не стал ни источником сырья для российской промышленности, ни рынком сбыта для мануфактур и фабрик центральной части России¹⁵.

Характеризуя специфику цивилизационной трансформации, в которые вступила Европа с началом Великих географических открытий, заслуживает внимания указание на одновекторность всех базовых процессов — экономических, политических, социальных, — действующих в направлении перехода от феодализма к буржуазной системе социальных отношений, или, иначе говоря, к модерну — к частной собственности в экономике, к формальному равенству прав в политико-правовой сфере, к утверждению индивидуализма в общественной жизни. На этом фоне укрепляется атеистическое мировоззрение, общественная жизнь приобретает секулярный, автономный от единого религиозного основания характер.

Общеввропейские процессы в конце XV–XVI вв. резко контрастируют с российскими. Переход от распределительной, или редистрибутивной, модели экономики (в терминологии К. Поланьи)¹⁶, базовой для феодальной Европы,

¹⁵ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Сибири XVIII — начала XX веков: империи- и нациостроительство на восточной окраине Российской империи // История. Антропология. Культурология: Программы и избр. лекции. Омск: Наука, 2004. Ч. 2. Избр. лекции. С. 52.

¹⁶ Капелюшников Р. И. Деконструируя Поланьи (заметки на полях «Великой трансформации»). М.: ГУ ВШЭ, 2005. Согласно Карлу Поланьи, все существующие экономики можно разделить на три типа в зависимости от характера распределения материальных благ в соответствующем обществе: 1) реципрокный (*reciprocity*) — добровольный обмен без разделения труда, симметричный или асимметричный в зависимости от того, каков социальный статус его участников; 2) редистрибутивный

к рыночной модели Нового времени в России откладывается, как минимум, на два столетия в силу действия природно-климатических, геополитических, социально-институциональных факторов. Сословный принцип, идеал коллективистского бытия и религиозная доминанта в мировоззрении сохраняют свое значение вплоть до XX в., что позволяет охарактеризовать складывающуюся российскую цивилизацию как традиционалистскую в своих социокультурных основаниях.

В продвижении русских в Сибирь значительную роль сыграло сопряжение трех факторов. Во-первых, коммерческие интересы купцов и промышленников, движимых стимулами первоначального накопления. Таковы были, например, мотивы Строгановых, снарядивших поход Ермака на Сибирское ханство. Во-вторых, заинтересованность московских правителей в «собрании земель» и создании стабильной геополитической обстановки вокруг вновь создаваемого ими централизованного государства. Таковыми были, например, интересы Ивана Грозного, ощутившего себя полноправным наследником Золотой Орды после овладения Казанью и Астраханью. В-третьих, мобилизационные ожидания населения русских земель, которое после падения Византии осознало себя последним оплотом православия и потому восприняло ликвидацию ордынского ига как справедливую компенсацию за понесенные тяготы и лишения.

Переселение на новое место оставалось одним из немногих каналов социальной мобильности, предохраняющих от перегрева социальной ситуации в центре в результате «повторного закрепощения» крестьян начиная с XVI в. Оно открывало возможность сохранить или в среднесрочной перспективе повысить собственный социальный статус за счет перехода из «тяглового» в казачье сословие. Так в российском обществе возникает новый социальный слой — казачество. Казак — вольный человек на государственной службе. Этот статус был более престижен, нежели статус крепостного. Думается, неслучайно тюркские народы Сибири присвоили русским экзоэтноним «казах», «казах-тар».

Путь за Урал, служивший естественной границей между Европой и Азией, начали разведывать еще в XI в. поморские промышленники и новгородские купцы. От устья Северной Двины они выходили в Белое море и плыли по Северному Ледовитому океану до устьев Оби и Енисея. Сплавливались также по рекам, преодолевая Урал «каменным волоком». Основной целью торговых промысловых экспедиций была пушнина.

Не всегда эти экспедиции носили мирный характер, принимая во внимание близкое соседство Новгорода с варягами и норманнами. Так, новгородские летописные книги упоминают о походе в 1363 г. воевод Александра Абакуновича и Степана Ляпы в Западную Сибирь, на реку Обь. В летописях также упомина-

(redistribution) — централизованное принудительное перераспределение, организуемое в рамках вертикального разделения труда между неравными членами социума; 3) рыночный (*market*) — добровольный симметричный обмен, основанный на горизонтальном разделении труда.

ются и более ранние походы новгородцев в «югорскую землю»: в 1187, 1193, 1264, 1323, 1325, 1329 гг.¹⁷ Определенная часть жителей Северо-Западной Руси тяготела к участию в торгово-разбойничьих операциях на территории соседних регионов и даже других стран, как показывает история походов русских князей на Византию, в Поволжскую степь и за «Камень», как в то время называли Урал.

После того как под ударами Тимура Золотая Орда распалась на множество враждовавших друг с другом ханств, начинается конкуренция за контроль над торговыми путями, идущими с востока на запад. В нее включается и подданные русского царя. На этот раз инициатива принадлежит Москве. Поход москвичей на Югорскую землю под предводительством Василия Скрыбы в 1465 г. к установлению даннических отношений не привел. Следующий поход, организованный в 1483 г., завершился принятием вассальных обязательств некоторыми югорскими князьями. Хотя эти отношения до конца XV в. оставались номинальными, это не мешало московскому государю именовать себя «великим князем югорским».

В 1495 г. Магмет убивает Ибака, правителя Тюменского ханства, и переносит столицу в городок Сибирь на правом берегу Иртыша, которую он переименовал в Кашлык. Происхождение угорского слова «себер», от которого городок получил свое название, остается до сих пор неясным и спорным. По одной из версий, так называлось одно из угорских племен, населявших этот регион. Новый властитель переименовывает и само государство. Отныне оно становится Сибирским ханством.

Попытки привести новых данников в подчинение московского царя приводят лишь к временным успехам. В 1499 г. в поход против неверных вассалов выдвинулось войско С. Ф. Курбского и П. Ф. Ушатого, которым удалось не только добиться подтверждения вассальных отношений со стороны знати, но и привести к присяге рядовых хантов и манси. Хотя Курбским и его сподвижниками были воздвигнуты первые русские крепости за Уралом, а к титулу московского государя были добавлены слова «князь Обдорский и Кондинский», отношения подданства остаются, скорее, формально-символическими. Московские государи не имеют возможности влиять на сибирские дела¹⁸.

После падения Казани и Астрахани Московское царство утверждает в своих геополитических притязаниях уже не только как преемница Византии, но и как наследница Золотой Орды. В 1555 г. в Москву прибывают послы правившего в Кашлыке Едигера, которые просят Ивана IV **взять Сибирское ханство под свою руку**. Через год Едигер присылает присяжную грамоту за своей печатью. Отныне московский царь именуется еще и повелителем сибирской земли.

¹⁷ Миненко Н. А. Хождение за «Камень» // Родина. 2000. № 5. URL: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php.

¹⁸ Там же.

Однако у царской администрации нет казенных ресурсов на освоение края. Государство жалуется земли купцам и предпринимателям, которые оказываются вынужденными строить не только заводы, но и крепости, а также создавать свою армию, ставить таможи, вести собственную политику. Так рождается империя Строгановых, аналог британской Ост-индской компании — государство в государстве¹⁹. Во второй половине XVI в. Зауралье было уже хорошо знакомо им. С этого времени определяющую роль в знакомстве европейцев с Сибирью играет Россия.

В период Средневековья вплоть до XIV в., а в Европе даже до XIX в., территорию Северной Азии именовали Тартарией. Именно под этим названием она приобретает известность в сообщениях европейских и арабских путешественников, посещавших владения монголов в XIII–XIV вв. и оставивших отрывочные сведения о народах, живших на территориях, входивших в состав империи Чингисхана.

Этнический массив населения Северо-Азиатского макрорегиона составляли преимущественно финно-угорские и тюрко-многольские народы леса и степи. Этот массив также содержал и другие этнические элементы: самодийские, тунгусские, маньчжурские и проч. Политическим доминированием обладали тюрко-монгольские кочевники, так как именно они становились инициаторами создания средневековых государств, последовательно сменяющих друг друга: Тюркского каганата и его Западно-тюркского и Восточно-тюркского наследников, Уйгурского каганата, Кыргызского каганата, Монгольской империи. От самоназвания общности народов тюрко-монгольского мира — тадар — произошел термин «Тартария», или, по-русски, Татария.

К моменту появления русских большинство коренных народов Сибири в той или иной мере переживали разложение первобытно-патриархальных связей. У одних народов (например, у южно-сибирских тюрков) прогресс в общественных отношениях был более значителен, нежели у других (например, у обских угров). Подобная разница объясняется, видимо, тем, что хозяйство кочевников имело в значительной мере производящий (скотоводческий) характер, а в хозяйстве народов таежной зоны в большей мере преобладали присваивающие (охота, рыболовство, собирательство) элементы. Хозяйственная деятельность аборигенных этносов Сибири в основном не вела к преобразованию природного ландшафта в антропогенный. Охотники и рыболовы входили в биоценозы как верхнее завершающее звено, приспособившись к природному равновесию, и были заинтересованы в его сохранении. Скотоводческая деятельность кочевников вела к преобразованию ландшафта, ничтожному в количественном отношении в сравнении с воздействием на природу земледельческих народов.

Основу мировоззренческого ядра коренных народов Сибири составляло признание своего «младшинства» по отношению к окружающему природному

¹⁹ Иванов А. Хребет России. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 27.

миру. Согласно их представлениям, все существа природного мира выступали по отношению к коллективу людей в качестве старших родственников. Это родство означало, что человек не отделял себя от природы подобно тому, как род не отделял себя от занимаемой территории²⁰.

В противоположность этим народам русский этнос формировался в процессе земледельческих миграций и преобразования природного ландшафта. Заселение русскими свободных земель еще на территории Европейской России носило характер естественного расселения. Русские люди, по преимуществу земледельцы, искали нетронутые земли. Пространства, осваиваемые переселенцами, превращались в земледельческие области. Завоевание и правительственная колонизация шли, как правило, позади естественного расселения. Появление в Сибири русских — результат экстенсивного характера их хозяйственной деятельности, для которой здесь существовали самые благоприятные условия. Ориентация на земледельческое преобразование экосферы проявилась в стереотипе Хозяина, получившем библейскую санкцию: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владеют он над рыбами морскими, и птицами небесными, и над скотом, и над всею землею»²¹.

В 1563 г. в борьбу за главный ресурс северной Евразии — пушнину — вступают бухарцы, отправляя на «княжение» в Сибирское ханство своего ставленника, хана Кучума, наследственного чингисида, который захватывает столицу Сибирского ханства Кашлык и переименовывает ее в Искер, казнит Едигера, принявшего подданство Москвы, насаждает ислам. За этим следует разрыв вассальных отношений с Русью и начало военных действий, что воспринимается русскими как вызов не только коммерческим интересам и геополитическим амбициям, но и сакральным основаниям своего государства. Казаки Ермака, привлекаемые уральскими промышленниками и поощряемые царской властью, получают добро и от церкви, уповающей на обращение новых верующих. Колонизация сибирских земель становится прологом ее христианизации.

В представлении о пространстве средневековое мировоззрение исходило из деления мира на христиан и язычников. Отметим, что антропологические представления в христианстве были развернуты до всечеловеческих словами апостола Павла, утвердившего идею равенства всех людей перед Христом. Тем не менее можно говорить о своеобразной иерархии: лучшим был мир, украшенный христианской верой. За его пределами начиналось пространство, на которое не распространялись божьи установления²².

В ту эпоху путешествия были связаны с риском. Человек судил о внешнем мире по той его части, с которой был хорошо знаком. Рассказы обрастали вы-

²⁰ Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. С. 18.

²¹ Библия. Книга первая Моисеева. Бытие. Гл. 1. Стих 28.

²² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 79.

мыслями и включали, наряду с отрывками реальных географических сведений и исторических событий, библейские и мифологические представления²³. Например, Румянцевский летописец, содержащий важные сведения о событиях «сибирского взятия», начинается баснословным рассказом о расселении скифских народов словена и руса²⁴.

Сведения о внешнем мире были крайне скудны, отрывочны и противоречивы. Однако, как полагал А. Я. Гуревич, эти противоречия игнорировались обыденным сознанием не случайно: реальное знание насыщалось морально-символическим содержанием. Далекie земли описываются как край, где не действуют христианские обычаи и запреты, где дозволено многоженство и людоедство, где приносят человеческие жертвоприношения, где живут диковинные существа, полузвери-полулюди²⁵.

Хронографическая повесть «О победе над бусурманским сибирским царем Кучумом» рассказывает о разноязыких людях «в том великопространном Сибирском царстве» так: *«люди хотя человеческий облик имеют, но нравом и образом жизни подобны диким животным, ибо не имеют вероучения подобающего»*²⁶. Автор повести «О Земле Сибирской и о взятии Сибири Ермаком» пишет о местных, населяющих этот край, народах, следующим образом: *«Пегая же орда, и остяки, и самоеды закона не имеют, а поклоняются идолам и жертвоприношения совершают, звериное и гадов мясо едят, и кровь пьют, как воду, и коренья едят»*²⁷.

Вот как через призму собственной религии оцениваются духовные воззрения других народов: *«вогуличи поклоняются идолам бездушным», «татарове держат закон Бахметьев», «остяки и самоеды... закона не имеют», «калмыцкие племена... живут по ложным заповедям»*²⁸. Религиозные воззрения местного населения оценивались русскими как «легкомысленные», так как в них не содержалось понятия о «должности человека перед Создателем». Те проявления культуры, которые русские находили необычными, они объясняли суровыми условиями окружающей природы, которая наложила отпечаток «дикости» на образ жизни их соседей²⁹. В общем, заключают сибирские летописания,

²³ Там же. С. 71.

²⁴ Румянцевский летописец // Летописи сибирские / Под общ. ред. Е. И. Дергачевой-Скоп. С. 7.

²⁵ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 76.

²⁶ Хронографическая повесть // Летописи Сибирские... С. 44–45.

²⁷ Румянцевский летописец // Летописи Сибирские... С. 11.

²⁸ Погодинский летописец. С. 60–61; Румянцевский летописец. С. 10–11; Хронографическая повесть. С. 50–51.

²⁹ Ерохина Е. А. Влияние мировоззренческих ценностей русского этнического сознания на характер восприятия иноэтнических культур Западной Сибири: XVII — середина XIX в. // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 12–13.

«Бог позволил поручить христианам Сибирское царство» и «искупить грех идолопоклонства»³⁰.

Ориентируясь на сакрально-мифологические образцы колонизации Сибири с библейско-христианским подтекстом, русские воспроизводили, по сути, средневековые ментальные образы³¹. Погодинский летописец в XVII в., как и другие летописные источники того времени, опирается на религиозную версию «взятия» Сибири, объясняя успех казачьего похода божьим промыслом: «Оттоле же солнце Евангилия землю Сибирскую осия и псаломский гром огласи, а егда не было в Сибири веры христианския, тогда же не было во всей Сибирской стране (псаломского) гromу, и никто отнюдь слыша. И Божиим повелением на мнозех местех поставишася гради и села, веси, в них же множество внутрения жителя православных пребывания быша...»³².

Образно говоря, в Сибири в последний раз сошлись Орда и Русь. Можно согласиться с метафорой «растворения» Московской Руси в России, предложенной авторами документального сериала «Хребет России»: «Миссия Руси завершилась. Орда была добита. Но вместе с Ордой растаяла и сама Русь, как вместе с Челубеем погиб и Пересвет»³³.

С русскими в Сибирь пришло православие. В 1621 г. открывается Тобольская епархия во главе с архиепископом Киприаном, которому приписывается начало сибирского летописания, разворачивается миссионерская деятельность. С православием в Сибири связано начало книгопечатания, просвещения, народного образования, медицины, благотворительности. Появляются народные легенды, связанные с покорением Сибири, героическими персонажами которых являются реальные личности. Среди них были личности Ермака и его товарищей — Ивана Кольцо, Матвея Мещеряка и проч. В памяти сибиряков запечатлелись и подвиги святых Русской православной церкви на этой земле: Трифона Вятского, Симеона Верхотурского и многих других.

К концу XVI в. русские овладели бассейном Оби и Иртыша. В 1601–1619 гг. они достигли Енисея и присоединили Восточную Сибирь. В 1618–1619 гг. русское посольство проложило путь в Китай через Монголию. В течение первой половины XVII в. открыты с суши и исследованы устья северных рек — Лены, Яны, Индигирки. В 1639 г. русские первыми из европейцев достигли Охотского моря. Русскими открыты наиболее крупные географические объекты в северо-восточной части Евразии: оз. Байкал, р. Амур, п-ов Камчатка и др. Русские первыми в 1648 г. обогнули северо-восточную оконечность Азии и обнаружили, что Америка — это отдельный материк.

³⁰ Хронографическая повесть. С. 43; Погодинский летописец. С. 69.

³¹ *Замятин Д. Н.* Метагеографические образы Сибири. Независимая газета. 2010. 22 сент. URL: http://www.ng.ru/science/2010-09-22/14_sibiria.html

³² Погодинский летописец. С. 96–97.

³³ *Иванов А.* Хребет России. С. 25.

С приобретением Сибири изменился статус самой России. Парадоксально, но период Смуты не притормозил ее расширения на восток. Удачи на востоке расценивались как своеобразная компенсация за поражения на западном направлении.

Великие географические открытия и колонизация неевропейских территорий расширили границы Старого Света. Невозможность удержать его в прежних границах надломила геополитическое единство средневековой Европы. На месте ее разлома возникают современные цивилизации: европейско-североамериканская, латиноамериканская и российская.

Расширение русских границ на восток послужило прологом создания нового геополитического формата, в котором Сибирь стала восприниматься одновременно и как часть русского мира, и как часть мира восточного³⁴. Параллельно этому процессу со временем происходит русское преобразование Северной Азии. Современные геополитики нашли удачное название для этих краев: «вторая Великороссия»³⁵. В отличие от «первой Великороссии», основное население Сибири (за исключением каторжных и ссыльных) пребывало в свободном, т. е. некрепостном, состоянии, не испытывало малоземелья, от которого страдало население в историческом ядре России, не питалось патерналистскими ожиданиями. Выбирая свободу, русское население несло новый для своего времени стиль отношений, письменную традицию и «высокую» профессиональную культуру. Тартария становилась Сибирью, превращаясь из периферии цивилизационных миров — христианского средневекового, китайского, кочевого тюрко-монгольского, переднеазиатского — в урало-сибирское звено российской цивилизации. Однако это преобразование произошло не в одночасье.

Глава 11. Европа и Россия на пороге Нового времени: сравнительный анализ

XVI в., открывающий систематическое знакомство европейцев с далекими землями, это еще и начало Нового времени. С этого момента начинается отсчет современной западноевропейской цивилизации. Можно по-разному смотреть на проблему ее преемственности цивилизации средневековой Европы, но одно несомненно. Неоспорима резкая трансформация, которая вывела Западную Ев-

³⁴ Ремнев А. В. Внутренняя геополитика Азиатской России конца XIX — начала XX в. // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего: Сб. материалов Междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 185.

³⁵ Ильин М. В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3. С. 91; Цымбурский В. А. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4. С. 154.

ропу вперед, подчинив ее экономическому и политическому доминированию страны и народы, доселе ее превосходившие.

Великие географические открытия оказались прологом европейской гегемонии. Колониальные ресурсы становятся основой первоначального накопления, становления структур торгового обмена, совершенствования экономических институтов и инструментов: бирж, ценных бумаг, различных форм кредита. Несмотря на то, что почти все без исключения европейские рыночные механизмы можно обнаружить задолго до этого и за пределами Европы, лишь в Европе рынок становится экономической основой капитализма³⁶.

В социологической концепции К. Маркса капитализм определяется как стадийная формация, основу которой составляют частная собственность буржуазии на средства производства и эксплуатация наемных рабочих, вынужденных продавать рабочую силу. Он же впервые разработал экономическую теорию, рассматривающую капитализм как систему последовательного и непрерывного включения капитала — ресурсов, используемых в производстве товаров и услуг, в процесс производства с целью извлечения прибыли.

Сам Маркс в своих трудах предпочитал использовать термины «капитал» и «капиталист». Понятие «капитализм» в современной исторической науке активно начал использовать Ф. Бродель. Капитализмом он назвал верхнюю ступеньку в иерархии рыночной экономики в своем фундаментальном труде «Материальная цивилизация, экономика и капитализм», где показал неспешную работу структур повседневной материальной жизни, медленно изменяющихся экономические и социальные основы европейского общества. В этом процессе, по его мнению, все имело значение. На многочисленных примерах из исторических документов он демонстрирует, как относительно благоприятные природно-климатические и естественно-географические условия Западной Европы, позволяющие вести хозяйство силами индивидуальных хозяйствующих субъектов (семей), в совокупности с неуклонным ростом населения способствуют, начиная с середины XV в., росту продуктивности сельского хозяйства и переселению в города. Это, в свою очередь, увеличивает емкость внутреннего рынка, стимулирует накопление капитала и организацию широкой сети товарных обменов.

Однако подлинная судьба капитализма, по Броделю, разыгрывалась в сфере социальной иерархии³⁷. В каждом обществе есть несколько иерархий, своего рода социальных лестниц, позволяющих подняться с первого этажа на более высокие: религиозная иерархия, политическая, военная, денежная иерархия. В каждом обществе существуют свои пути удовлетворения личного честолюбия. Новые социальные ориентиры — индивидуализм, ориентация на достигательную мотивацию, свобода хозяйственной деятель-

³⁶ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 39–40.

³⁷ Там же. С. 71.

ности — способствовали росту социальной мобильности в Европе XVI — первой половине XVII в.

Страны за пределами Европы также показывали высокий уровень социальной мобильности, например, Китай. Конкурсы на должность открывали путь «наверх» честолюбивым образованным китайцам. Экзамены в принципе были доступны для всех слоев, во всяком случае, не менее, чем в европейские университеты. Однако высокий статус давался временно, в лучшем случае пожизненно, и не передавался по наследству. Это не позволяло складываться крупным буржуазным династиям. Между тем, как утверждает Бродель, «история постоянно твердит один и тот же урок: личный успех почти всегда следует относить за счет семей, бдительно, настойчиво и постепенно увеличивающих свое состояние и свое влияние. Их честолюбие уживается с терпением и растягивается на долгий период времени»³⁸. Именно с собственностью и привилегиями семейных кланов он связывает успех капитализма, невозможный без определенных условий, сопутствующих ему: уважения к собственности, поддержки государства, ощущения определенности в будущем³⁹.

Стремление к определенности во всем, включая вопросы спасения и посмертного воздаяния, открывает двери самому яркому европейскому событию XVI в. — Реформации. Реформация приносит с собой новую идею — идею *призвания*. Идея призвания в протестантизме придавала, по М. Веберу, мирской деятельности религиозный смысл. В отличие от средневековой идеи служения, она имела вполне отчетливое индивидуалистическое содержание. С точки зрения протестанта не столько молитва, сколько честность, добросовестность, дисциплина и самоограничение в повседневных делах будут иметь значение в час, когда будет решаться вопрос о посмертном воздаянии.

В отличие от средневекового христианина, протестант не был столь оптимистичен относительно перспективы своего спасения. Рано или поздно перед ним вставала проблема: как мне удостовериться в своем избранничестве? Трудности преодолевались в основном двумя типами душеспасительных наставлений. В одном случае верующему вменяется в обязанность считать себя избранником Божиим и прогонять сомнения как дьявольское искушение, ибо недостаточная уверенность в избранничестве свидетельствует о неполноте веры и благодати. Второй способ обретения внутренней уверенности в собственном спасении заключается в неутомимой деятельности в рамках своей профессии, прогоняющей сомнения. В том и в другом случае спасение, или, вернее, уверенность в собственном спасении, становилась делом рук самого человека. Спасение более не зависело от посредничества католической церкви. Ее роль важнейшего института средневекового общества начала неуклонно снижаться.

³⁸ Там же. С. 73.

³⁹ Там же. С. 74–75, 79.

Представление о мирской деятельности как средстве, снимающем религиозный страх, является, по Веберу, чертой, свидетельствующей о глубоком своеобразии религиозного чувства, свойственного протестантизму. Последний исключал возможность проникновения Бога в душу человека: Бог был недоступен в силу абсолютной трансцендентности всему существу. Устранение мистической стороны религиозности усилило рационализм Реформации. Освобождение человека от иррациональных инстинктов и превращение его жизни в некое планомерное стремление, подчинение его действий постоянному самоконтролю и этической проверке их значимости объективно превращала верующего в работника на ниве Господней, а субъективно утверждала его в мысли о собственном спасении. Рациональная аскеза, сдержанность и самообладание, методическая регламентация всех сторон жизненного уклада — вот черты, которые, по мнению Вебера, составили ядро протестантской этики⁴⁰.

В обладании милостью Божьей и Божьим благословением буржуазный предприниматель, чья нравственность не вызывала сомнения у его братьев по общине, а то, как он распоряжался своим богатством, не встречало порицания с их стороны, мог и даже обязан был соблюдать свои деловые интересы. Более того, религиозная аскеза предоставляла в его распоряжение трезвых, добросовестных, чрезвычайно трудолюбивых рабочих, рассматривавших свою деятельность как угодную Богу цель жизни. Это создавало уверенность в том, что неравное распределение земных благ, так же как и предназначение к спасению лишь немногих, — дело божественного провидения.

Как ни странно, божественная милость, дарованная избранным, требовала не снисхождения к грешнику и готовности помочь ближнему в сознании его собственной слабости, а презрения к нему как к врагу Господню, отмеченному к тому же клеймом вечного осуждения. Другая сторона этого мироощущения — отстраненность от мира и полагание только на собственные усилия. Это создавало в европейском обществе XVI–XVIII вв. определенное социальное напряжение, порождало межконфессиональную конфронтацию, выливавшуюся в религиозных войнах, фактах массовых убийств, гонениях и дискриминации на религиозной почве.

Связав благочестие с трудолюбием и бережливостью, а последние, в свою очередь, с богатством, протестантизм связал идею посмертного воздаяния с материальным успехом. Утверждение избранности специфичным по своему характеру поведением возводило в правило его рациональное контролирование. На этой основе в XVI в. начинает утверждаться буржуазный индивидуализм как идеология среднего класса в городской среде.

Реформация сорвала ореол святости с социальных институтов Средневековья. Благодаря возросшей роли городов, денежного обмена и новой трудовой

⁴⁰ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 44–271.

этики прежние институты Средневековья заменяются новыми. Происходит падение роли католической церкви в жизни общества, важнейшего института политической легитимации светской власти феодальных государей. Институт феодальной собственности, прежде всего на землю, которую вассал получал от сеньора (князя, государя) в обмен на лояльность и готовность служить, постепенно вытесняется институтом частной собственности. Иерархическая вертикаль раздачи прав, привилегий и материальных благ для личного потребления от сеньора вассалу, от феодала к зависимому крестьянину, уступает место купле и продаже как формам экономического обмена. Формируется новый тип личности, мотивационным ядром которой становится рациональный личный интерес.

Все это позволяет связать мировоззренческие и экономические изменения, связанные с переходом от распределительной экономики феодальной Европы к ее рыночной модели, начиная с XVI в. Как отмечалось, понятие распределительной (редистрибутивной) и рыночной форм экономической интеграции было введено К. Поланьи. В его концепции социальные отношения рыночной экономики, основанные на обмене, в качестве основного содержания предполагают две взаимосвязанные стороны: куплю и продажу. В нерыночных, редистрибутивных экономиках преобладает движение благ и услуг к центру и от центра. Сбор, распределение и раздача благ и услуг в совокупности представляют собой стороны редистрибуции. Редистрибуция и рынок в теории институциональных матриц С. Г. Кирдиной выступают как два альтернативных и одновременно комплиментарных способа воспроизводства материальных благ⁴¹.

Таким образом, можно зафиксировать следующие тенденции цивилизационной динамики на пути перехода от традиционного сословного общества феодальной Европы к капитализму Нового времени. Во-первых, важно обратить внимание на изменение модели европейской экономики. Распределительная модель экономики феодальной средневековой Европы была ориентирована на потребление, пусть и минимальное в условиях ограниченной материально-технической среды. В отличие от нее рыночная экономика, складывающаяся в XVI–XVII вв., нацелена, в конечном счете, на извлечение прибыли. Это обусловило доминирование капиталистического уклада в рамках вновь образующейся цивилизации. Во-вторых, отметим завершение централизации и рост бюрократии, которые сделали неизбежным расширение функций государства во всех областях общественной жизни. Эти процессы являются предпосылкой национализма — идеологии, в экономике нацеленной на протекционизм хозяйствующих субъектов собственного государства, а в политике — на утверждение нового, национально-принципа легитимации политической власти, альтернативного династийно-монархическому. Итогом его утверждения в массовом сознании стала серия бур-

⁴¹ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.

жуазных революций, окончательно утвердивших принцип народного суверенитета как базовый в политической жизни современной Европы.

В-третьих, невозможно упустить из внимания изменение моделей поведения людей или, в определении М. Вебера, типов социального действия. Построенная им типология, включающая аффективное, традиционное, ценностно-рациональное, целе-рациональное действия, содержит модель общественной эволюции, вектор которой задается движением от традиционного общества к обществу модерна. Если в основе поведения членов традиционного социума лежит следование образцу, то в основе поведения членов современного социума наблюдаемо рациональное конструирование модели собственного поведения исходя из актуальных потребностей.

Индивидуализированное и рационалистичное присвоение собственности, власти, престижа, духовных ценностей не смогло бы стать важнейшей ценностью новой цивилизации, если бы не было сделано главного философского открытия, открытия автономной природы личности, несводимой ни к природному, ни к божественному началу. Это открытие, принадлежащее ренессансному гуманизму, потребовало пересмотра всех основ европейской культуры.

Ценностным ядром европейской цивилизации Нового времени стал синтез протестантской этики и ренессансного гуманизма с последующей трансформацией в светскую этику. Культурная основа современной европейской цивилизации базируется в своих сакральных истоках на двух конфессиональных системах — протестантской и католической, дополненных в XVIII в. атеизмом Просвещения. Основу этнической структуры составляет синтез двух элементов — англо-санксонского, послужившего субстратом для образования Великобритании и США, и романо-германского, ставшего основой для европейских наций континентальной Европы. Европейский культурный массив содержит также и другие этнические компоненты: славянские, финно-угорские, балтийские и проч.

Указанные процессы объясняют логику развития европейских стран Старого Света в тех дисциплинарных парадигмах, которые выступают сегодня общепринятыми: марксистской и миросистемной в экономической науке, модернизационной — в политологии, институциональной и конструктивистской — в социологии. Однако когда мы покидаем пределы западно-европейского цивилизационного круга, возникает проблема их адаптации к конкретному материалу. И далеко не всегда их объяснительного потенциала оказывается достаточно для того, чтобы объяснить реальные процессы без корректировки некоторых весьма существенных положений этих теорий.

* * *

Исторический контекст социокультурных трансформаций в Западной Европе оттеняет цивилизационные процессы на ее периферии. Изучая осколки христианского Средневековья, можно обнаружить начало жизни еще двух

«дочерних»), а следовательно в какой-то степени преемственных ей цивилизаций — российской и латино-американской.

Латино-американская цивилизация географически удалена от Европы. В культурном отношении она далека от протестантизма и имеет мало общего как с доколумбовыми цивилизациями Центральной и Южной Америки, так и с европейским Средневековьем. В Латинской Америке европейский, точнее говоря, иберийский компонент столкнулся с индейскими культурами. За короткий срок произошел их синтез, дополненный сильным африканским влиянием. Европейская составляющая выступила основой этого процесса, в то время как культуры индейцев стремились, скорее, к анклавизации. Результатом стало параллельное сосуществование индейского уклада сельских общин и европейской культуры городского типа.

Взаимодействие европейской культуры с местными народами прошло три стадии: конфронтацию, симбиоз и синтез. Примечательно, что более глубокое погружение в историческое прошлое свидетельствует об остроте и силе противостояния индейцев и конкистадоров, негативно воспринимавших местных жителей как примитивных, а их культуру как подлежащую искоренению. Последующая интеграция уцелевших после конкисты локальных индейских культур в европейские структуры породили новый, креольский тип культуры. Однако осталась недобрая память о жестокостях конкистадоров.

Еще более травматичным оказался результат контакта северо-американских индейцев с европейцами. Переход их земель в руки американцев сопровождался войной и насильственным отторжением и завершился в XIX в. становлением системы резерваций в США.

Появление европейцев прервало естественный процесс развития индейских культур. В первые века европейской колонизации Америка — периферия европейского мира. По мере того как европейская колонизация распространялась по американскому континенту, численность коренного населения уменьшалась. Болезни и войны забирали свои жертвы. Геноцид и изгнание индейцев с наиболее выгодных для ведения сельского хозяйства угодий сопровождается становлением института рабства ввозимого из Африки населения. Западная Европа в Новое время вновь «изобрела» античное рабство и экспортировала его в Новый Свет. Существование капитализма в Европе нуждалось в эксплуатации окраин.

Формирующаяся колониальная система находит свое идеологическое обоснование в европоцентризме — политической и научной доктрине, обосновывающей превосходство европейских народов и западноевропейской цивилизации над другими народами и цивилизациями в культурной сфере, а также их особую роль в мировой истории. Исторический путь, пройденный западными странами, объявляется универсальным для остального мира, а логика закономерностей его развития приобретает всемирно-историческое значение.

В обыденном сознании складывается мифологический архетип «преодоления» «дикости» и «варварства» в борьбе с силами природы, тузем-

цами, друг с другом, что в реальных социальных практиках сопровождалось актами насилия, зачастую невынужденного. Христианское осуждение порочности и моральной неполноценности местных нравов, производимых от самих климата и почвы Нового Света, превращающих даже европейца в «дикого зверя», вполне непротиворечиво уживалось с представлением об Америке как новом Иерусалиме, который Бог решил оставить для тех, «кого он наметил избавить от Своей всеобщей кары»⁴².

Культуртрегерский импульс Запада был порожден его изменившимся экономическим и геополитическим статусом. В орбиту его торгово-промышленных интересов втягивается и Восточная Европа, включая Польшу и земли, восточнее от нее. Капитализм не может развиваться без эксплуатации чужого труда на периферии. Именно его экономические нужды вызывают повторное закрепощение восточноевропейских крестьян в XVI в.

В этой связи усиление крепостничества в России вполне можно рассматривать как следствие расслоения становящейся капиталистической общевойсковой системы на центральную, западноевропейскую, и периферийные зоны, куда входил весь остальной мир, включая Россию. Пытаясь компенсировать отставание от Запада, российская власть форсирует процесс разделения труда и, прежде всего, процесс отделения промышленности от сельского хозяйства. Опираясь на принудительный труд сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, государство возводит города и оборонительные укрепления, строит заводы, фабрики, верфи, на которых работали приписанные к ним крепостные крестьяне⁴³. Государство создает металлургические заводы, предприятия по добыче меди, служившей сырьем для монетных дворов. Эти работы велись либо на средства казны, либо в форме барщины, т. е. в порядке феодальной повинности⁴⁴, что исключало заинтересованность неиностранного частного капитала. Эксплуатация труда населения, централизованный сбор его результатов и последующее распределение феодального налога превращаются в главный экономический ресурс развития России⁴⁵. Доминирование государственной формы собственности над частной затормозило процесс становления капитала и эксплуатации труда на частнособственнической основе вплоть до отмены крепостного права.

Наконец, необходимость устойчивой государственной целостности обусловила хронологическую синхронность имперского, терпимого к культурным

⁴² Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 21, 22, 29–30.

⁴³ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2006. С. 548–549.

⁴⁴ Милов Л. В. О российском типе генезиса капитализма. По следам ушедших эпох: статьи и заметки / Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: Наука, 2006. С. 558–559.

⁴⁵ Милов Л. В. Великорусский пахарь... С. 537.

различиям и индифферентного к этничности, и национального, настаивающего на культурной унификации и гомогенизации подвластного населения, этапов государственного строительства Российской империи. Вооруженная идеями христианского просвещения, а впоследствии и теориями «прогресса», российская элита стремилась в своих «цивилизаторских» устремлениях уйти от жесткого противопоставления Запада и Востока и оценок собственных действий как несправедливых, надеясь на то, что отказ от «колониализма» позволит снизить сепаратизм⁴⁶.

Данные обстоятельства, специфичные для исторического процесса России, резко контрастируют с аналогичным общеевропейским процессом. Однако географическая близость к Европе и европейские корни русской культуры создавали напряженное переживание социальных контрастов и порождали мобилизационные настроения в российском обществе.

Становление новой культуры заставляет ее говорить от собственного имени. На смену хроникам, вписывающим событийный ряд в контекст всемирно-исторического движения от Сотворения мира к Страшному суду, приходит национальная история. XVI в. — это также и время рождения доктрины инока Филофея «Москва — III Рим», посредством которой Россия пыталась осмыслить свое геополитическое место в мире после падения Византии. Падение Византии и образовавшаяся на ее месте геополитическая пустота настоятельно требовали идейной рефлексии дальнейшей траектории развития: следовать ли такту движения западных соседей или увидеть новые горизонты, связи, отношения?

Таким образом, необходимо сказать и о третьей в ряду важнейших событийных цепочек, обозначающих границу между Старым, средневековым, и Новым временем. Речь идет о падении Византии, рождении независимого российского государства и нового самосознания русской культуры. Великие географические открытия и европейская колонизация неевропейских территорий расширили границы Старого Света. Невозможность удержать его в прежних границах надломила геополитическое единство средневековой Европы. Реформация указывает на наиболее значимые процессы внутренней трансформации складывающейся европейской цивилизации Нового времени. Изменение самого геополитического формата в связи с падением Византии и распадом Золотой орды стало предпосылкой становления современной российской цивилизации.

Глава 12. От Московии к России

Итак, три события — падение Византии (1453), Великие географические открытия (XV–XVII в.) и европейская Реформация (XVI–XVII вв.) — необратимо изменили судьбу цивилизации средневековой христианской Европы. Они

⁴⁶ Ремнев А. В. Внутренняя геополитика Азиатской России конца XIX — начала XX в. С. 203.

способствовали ее распаду и возникновению преемственных или дочерних ей современных цивилизаций: европейско-североамериканской, латиноамериканской и российской.

Российская цивилизация, третья «наследница» европейского средневекового мира, в цивилизационной компаративистике репрезентирована Россией и государствами, последовательно ее оформлявшими в суверенных границах, начиная с Московского государства. Речь идет о Российской империи, Советском Союзе, Российской Федерации.

Следуя общепринятой логике, выделим факторы, обусловившие самобытность российской цивилизации: религиозный и геополитический факторы, фактор социальной организации, естественно-географический и природно-климатический, а также этнокультурный факторы.

Религиозный фактор. Существует точка зрения, согласно которой ничто не играет такой значимой роли в процессе становления цивилизации, как религия, создающая новую систему ценностей. Обратившись к России, можно констатировать, что ценности и традиции русской культуры, ядерной для российской цивилизации, были воспитаны через восточное христианство, которое Русь получила от Византии.

Вхождение Руси в византийский культурный круг повлияло не только на религиозные установки, но и в целом на ее духовную культуру. Византийская культура оказывала глубокое воздействие на все страны, где утвердилось православие. Наиболее сильно оно коснулось религии, философии и общественной мысли. Опираясь на достижения византийской культуры, на Руси появляется письменность, образование и право. Через Византию античное и эллинистическое культурное наследие воспринимается в искусстве Древней Руси: архитектуре и живописи, литературе и музыке.

Формальное разделение христианства на католическое и православное вероисповедание произошло в 1054 г. Говоря о различиях между ними, обычно останавливаются на трех существенных моментах: догматических, организационных и обрядовых. Одним из главных догматических отличий является введение католиками в восьмой член Символа Веры добавления об исхождении Духа Святого не только от Отца, но и от Сына. Принятие этого положения в качестве догмата папой Бенедиктом VIII в 1014 г. выступило официально зафиксированным поводом для разделения. Другим, более поздним, но не менее значимым положением является католический догмат о непогрешимости Римского папы — единого наместника Христа на земле. Православие же приписывает непогрешимость всей церкви в целом как собранию верующих. Из этого вытекает организационное различие между двумя направлениями христианства. Православные считают наиболее правильным поместный, или территориальный, принцип организации самостоятельных (автокефальных и автономных) церквей, в отличие от католиков, признающих над собой единую власть Римского папы.

Не вдаваясь в подробности множества обрядовых различий, отметим роль и статус мирян в церковной жизни. Она выше в православии по сравнению с католичеством. Например, в католичестве до недавнего времени существовало два способа причастия: под одним видом (Хлебом) для мирян и под двумя видами (Хлебом и Вином) для священников. Это и другие ограничения мирского сословия дополнялись строгой регламентацией всех сторон их жизни. Средневековое католичество утвердило свою абсолютную власть во всех вопросах, касающихся спасения человека: от религиозных до повседневных. Это касалось всех без исключения слоев западноевропейского общества, включая господствующие классы и сословия.

В Средние века само понятие католической церкви сводилось только к пределам ее иерархии. На протяжении столетий католическая церковь оставалась замкнутой корпорацией. «Мирской» статус верующего предполагал несамостоятельность мирянина в вопросах веры, самых значимых, с точки зрения Средневековья, вопросах бытия человека. Не все истины церкви могли быть открыты профану. Мирян рассматривали как пассивную паству («овец»), которая нуждается в удержании и управлении клиром («пастырями»). Предполагалось, что главное достоинство пасты — это послушание. Богослужение происходило на чуждом для большинства мирян латинском языке, а чтение Библии до наступления Реформации оставалось недоступным для большинства верующих.

Православие отличалось более высокой оценкой роли мирян в делах церкви и ее общин. Сама церковь понималась как единство архипастырей, клира и мирян. Православие допускало путь к спасению без непосредственного участия институтов церкви как посредницы между Богом и человеком. Православная церковь оставляла человеку достаточно большое пространство внутренней свободы, что сформировало особый идеал личности, ориентированный на ценности самоуглубления, мистического единства с Богом, аскезы и отрешенности от всего земного. Восточное христианство поощряло интерес мирян к Библии. Так, в IX в. **братьями Кириллом и Мефодием была изобретена славянская азбука**, которая послужила основой для перевода Библии с греческого на церковнославянский язык. Это сделало тексты Священного Писания доступными для прочтения и интерпретации простых верующих.

Спецификой указанных различий порождены особенности политической и духовной жизни тех народов, которые унаследовали православие и католичество. Например, общее для христианства представление о сакральной державе, или «священном царстве», реализованное в Византии (324 г. н. э.) и несколько позже в империи Карла Великого (800 г. н. э.), на практике породило разные политические традиции. В одном случае проявила себя традиция доминирования государства над церковью в политической жизни, в другом — напротив, главенство церкви над феодальными властителями, так как папство, помимо духовной, обладало еще и светской властью, что не раз приводило к продолжительной борьбе королей и пап.

Различался и способ богословского мышления. Вот как характеризует богословие католическое и православное И. Киреевский, сравнивая его влияние на жизнь Запада и России. Богословие «на Западе приняло характер рассудочной отвлеченности — в православном мире оно сохранило внутреннюю цельность духа; там раздвоение сил разума — здесь стремление к их живой совокупности; там движение ума к истине посредством логического сцепления понятий — здесь стремление к ней посредством внутреннего возвышения самосознания к сердечной цельности и средоточению разума; ...там церковь смешалась с государством, соединив духовную власть со светскою и сливая церковное и мирское значение в одно устройство смешанного характера, — в России она оставалась не смешанною с мирскими целями и устройством; там схоластические и юридические университеты — в древней России молитвенные монастыри, сосредоточивавшие в себе целостное знание; там рассудочное и школьное изучение высших истин — здесь стремление к их живому и цельному познанию... одним словом, там раздвоение духа, раздвоение мыслей, раздвоение наук, раздвоение государства, раздвоение общества, раздвоение семейных прав и обязанностей, раздвоение нравственного и сердечного состояния, раздвоение всей совокупности и всех отдельных видов бытия человеческого, общественного и частного; в России, напротив того, преимущественное стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего, общественного и частного, умозрительного и житейского, искусственного и нравственного... раздвоение и цельность, рассудочность и разумность будут последним выражением западноевропейской и древнерусской образованности»⁴⁷.

Высказывание Киреевского, воспринятое вне оценочного контекста, может послужить основой для характеристики двух типов христианской духовности, на которых были воспитаны народы, входившие в латинский и византийский круги средневековой цивилизации. В первом случае это универсализм (католический в переводе с латинского языка означает вселенский), разворачивающийся в рационализации, в склонности к отвлеченному мышлению, в интересе к политической деятельности и аналитическим процедурам в мышлении. Во втором случае это мироцелостность, раскрывающаяся в таких сторонах русской духовной культуры, как интуитивизм, склонность к живому, конкретному участию в общественной жизни, дистанцированность от власти, склонность к синтетическому стилю мышления. Именно этот тип духовности унаследовала Россия от Византии вместе с политическими традициями.

Геополитический фактор. В основе политических традиций, унаследованных от Византии, лежит теория религиозного обоснования государственности, разработанная сподвижником императора Константина Евсевием. Им было сформулировано положение о симфонии духовной и светской власти,

⁴⁷ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И. В. Избр. ст. М.: Современник, 1984. С. 234–235.

действующей во имя единой цели — спасения христианского народа. Из этого следовал статус императора не только как мирского властителя, но и как верховного покровителя христианской церкви. Византийская церковь имела огромное нравственное влияние на общество. Однако от участия в административной деятельности духовенство было отстранено, так как в Византии действовал запрет на сочетание духовной и светской службы. Это делало византийскую церковь более зависимой от светской власти, и прежде всего от власти императора, в сравнении с католической церковью.

Подобно тому, как римский император был обязан подчиняться законам, так и в Византии принцип монархии оказывался выше каждого отдельного императора. Император считался смертным человеком. Властителем его делало не рождение, а «божественное избрание». Не случайно, кроме державы, символа мирской власти, у императора в руках был мешочек с пылью как напоминание о бренности всего земного, в том числе и его величия⁴⁸.

В Византии, в отличие от Западной Европы, не был реализован принцип наследственной монархии. Поэтому, несмотря на традиции единодержавия и сильной централизации, исходящей из Константинополя, Византия не раз переживала потрясения, ставившие ее на грань распада. Здесь сказывались как внутренние противоречия, сопутствовавшие развитию византийского общества, так и внешние обстоятельства. Противоречия с католическим миром приобрели особенно острый характер в эпоху крестовых походов. Крестоносцы и венецианцы, желавшие превратить Константинополь в центр своего господства в Восточном Средиземноморье, в 1204 г. без труда овладели столицей Византии. От этого удара она не смогла оправиться. Несмотря на то, что в 1261 г. император Михаил XIII отвоевал Константинополь и восстановил империю, она уже не смогла вернуть себе былого величия. В 1453 г. Византия пала под натиском турок-осман, перестав существовать как самостоятельное государство.

Единственным православным государством, способным отстаивать свою независимость, оставалась Московская Русь. Иван III, заключивший брак с племянницей последнего византийского императора, стал символическим преемником византийских монархов.

Катастрофа 1453 г. повергла мир в ужас. Ее падение сочли возмездием. На Западе папа Николай V увидел в ней наказание за отказ от унии, заключенной во Флоренции между католиками и православными (1438–1439). В Москве, напротив, митрополит Иона в 1458 г. связал его именно с унией, ибо пока Константинополь придерживался истинной веры, он противостоял всем вторжениям, а предав ее и объединившись с латинянами, он пал под ударом

⁴⁸ Хачатурян В. М. Христианские средневековые цивилизации. Византия // Хачатурян В. М. История мировых цивилизаций / Преподавание истории в школе. 1994. № 8. С. 69.

неверных⁴⁹. Падение Константинополя повергло души восточных христиан в уныние. Церковь не может существовать без империи, без своего «священного града». Каким теперь будет место Руси в истории? Этот вопрос возникает в завершающий период централизации русских земель, осуществляемый правителями Великого княжества Московского.

В этой связи представляется необходимым прибегнуть к результатам исследований специалистов по отечественной истории данного периода. В частности, Д. Стремоухов в своем исследовании, посвященном истокам религиозно-политической доктрины «Москва — Третий Рим», показал, как в XV в. московское летописание утрачивает локальный характер и становится общерусским, развивая идею национального единства. Чтобы сохранить традиционную структуру христианской истории, включавшую христианскую империю и место Руси, нужно было выбрать один из трех сюжетов, доступных для включения в хронологию. Во-первых, можно было допустить, что падение Константинополя не окончательно и Великий город, наследник Рима, будет освобожден. Во-вторых, можно было признать результаты Флорентийской унии и верховенство Священной Римской империи. В-третьих, можно было представить Московское царство как империю, преемственную Византии⁵⁰.

Именно к третьей возможности склоняются русские. Первые наброски этого решения, как полагает Стремоухов, очевидны в грамоте московского митрополита Зосимы (1492) «Изложении пасхалии» на начало наступающего восьмого тысячелетия, в котором он приводит краткое перечисление событий христианской истории: Константин Великий основал Новый Рим, Владимир Святой крестил Русь, теперь же Иван III является «новым царем Константином новому граду Константину — Москве». Насколько известно, это первый текст, в котором Москва объявляется имперским царствующим городом⁵¹.

Однако окончательную формулу роли Москвы во вселенской истории предложил монах псковского Елеазарова монастыря Филофей в годы правления Василия III и Ивана IV. В послании на звездочетцев и латинян, написанном в 1524 г., Филофей резюмирует 12-ю главу Апокалипсиса о «жене, облаченной в солнце». Последняя, согласно толкованиям св. Андрея Кесарийского, широко распространенным на Руси, представляет церковь. Этот образ развивается далее в послании Ивану IV, в котором Филофей утверждает, что «жена, облаченная в солнце», т. е. церковь, бежит из древнего Рима, поскольку он впал в ересь, бежит из нового Рима, Константинополя, поскольку он впал в ересь унии с латинянами. Она бежит в «третий Рим», в «новую Великую Русию». *«И единая ныне святая соборная апостольская Церковь восточная пуще солнца во всем*

⁴⁹ Стремоухов Д. Москва — Третий Рим: источник доктрины // Из истории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. Кн. 1. Московская и Киевская Русь. С. 425–441.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

поднебесье светится, подобно Нюю, спасенному в ковчеге от потопа, правя и окормляя Христову Церковь и православную веру».

Таким образом, делает обоснованный вывод Стремоухов, уже в конце XV в. идея единой христианской монархии становится фактором, сплачивающим русское государство вокруг Москвы. Теория Третьего Рима идеологически обосновывает действия властей по созданию централизованного государства. В сфере внешней политики его создание влекло за собой поддержку восточного христианства, дальнейшую христианизацию и колонизацию восточных земель. В сфере внутренней политики оно открывало самодержцу возможность вмешиваться в дела церкви. Это позволяет согласиться со сделанным им заключением о возвеличивании, несмотря на вселенский характер доктрины «Москва — Третий Рим», собственно русского благочестия, подпитывающего национальные чувства русских, что отвечало потребностям русской политики того времени⁵².

Имперская культура Византии не оставила правовых документов, где были бы закреплены ее основные политические идеалы. Однако идеи государственной церкви, империи как особой формы государственного устройства и вселенского мессианизма оказались усвоенными Московским государством, осознавшим себя ее геополитической восприемницей. Наряду с политическими идеями был унаследован и символ византийской государственности, двуглавый орел. Лик первой головы был устремлен на Запад, а лик второй — на Восток.

Фактор социальной организации. Специфической особенностью, определяющей характер социальной организации в России, является лидирующая позиция государства в его диалоге с обществом. При этом государство нередко выступало одновременно в двух, казалось бы, взаимоисключающих ролях: эксплуататора и реформатора. Ведущая роль государства обусловила устойчивость принципов административной системы, некоторые черты которой, например, ясак как форма признания подданства, оказались унаследованы еще со времен монгольского владычества.

Эта система, весьма прогрессивная для своего времени, насаждалась во всех завоеванных монголами странах. Ее основными элементами стали, во-первых, дуальность управления военных и гражданских властей подвластных территорий, во-вторых, переписи податного населения и основанная на этом система сбора налогов⁵³. В каждом улусе (волости) была своя канцелярия («столец»), где велись налоговые списки. Существенным элементом управления была также сеть почтово-транспортных станций — «ям».

Русские князья вполне освоили эту технологию власти. Дмитрий Донской, подчинив в 1377 г. Булгар, назначил в этот город гражданского чинов-

⁵² Там же.

⁵³ *Нефедов С. А.* Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 113–123.

ника «дорогу» и «таможенника», собиравшего «тамгу» (торговую пошлину), подобно тому, как монголы назначали чиновников в русские города. В 1555 г. сибирские беки Ядгар и Бек-Пулад, предчувствуя приближение войны с Кучумом, обратились в Москву с просьбой о покровительстве. Следуя золотоордынским канонам, привычным для новоявленных партнеров, Иван IV выдал им ярлык на княжение (бекство), обложив их «юрт» данью, и назначил своего наместника-даругу, в пользу которого взималась «дорожная пошлина». Когда Кучум в 1563 г. одержал победу над беками, он подтвердил вассальные обязательства сибирских татар и готовность платить дань. Тогда царь послал «своего дорогу» Добычу Лачинова в Сибирь, что, впрочем, не помешало Кучуму вскоре разорвать свои отношения с Москвой. Таким образом, во всех этих случаях московское правительство в отношении нерусских народов объективно наследовало административным ориентациям на ордынские образцы⁵⁴.

Насколько сами российские монархи соотносили себя с ханской властью? Для Москвы как для Третьего Рима более актуальным было подчеркивание своей преемственности от Византии, нежели от завоеванных татарских ханств. Однако как ни старались русские самодержцы утвердиться в сознании своей преемственности от Византии и равноправии с европейскими монархами, в глазах огромной массы своих подданных к востоку от Волги они заняли место прежних правителей. Даже после того, как Петр I стал императором, ордынское геополитическое наследие угадывалось в титульных формулах «царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский»⁵⁵.

Следы монгольской системы управления по сей день прослеживаются в русском языке. В терминологии русских канцелярий сохранились следы уйгурской («ярлык», «тамга», «товар», «ясак»), китайской («книга»), персидской («деньги», «печать», «папирус», «папка») терминологии. Так же, как и в Персии, основным правительственным учреждением была «казна», где хранились налоговые списки. Китайское происхождение имеет и принятый на Руси обычай подачи прошения, так называемое «челобитье» — коленопреклонение, принесенное монголами из Китая в другие страны⁵⁶.

Отличительной чертой управления на протяжении столетий оставалась высокая степень государственного участия в экономике: высокая доля государственной собственности, государственных мастерских, государственных закупок. Московское государство, освободившись от ига Золотой Орды, сохранило за собой хозяйственно-экономические функции, нехарактерные для западноевропейских государств: патернализм по отношению к городу, покровительство ремесла и промышленности и т. д. В обмен на это общество жестко привязы-

⁵⁴ *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. С. 82–83.

⁵⁵ Там же. С. 99–100.

⁵⁶ *Нефедов С. А.* Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации. С. 113–123.

валось к государственным структурам. В постмонгольский период происходит усиление объема эксплуатации и увеличение роли насилия в сборе налогов и ренты. Подобное положение способствовало сосредоточению в руках государства огромной власти в организации механизма изъятия и централизованного перераспределения материальных благ⁵⁷.

Ярким примером действия этих механизмов можно считать трудовую повинность, которую великие князья вводили для исполнения государственных и даже домениальных нужд — веление «сохам своим» (т. е. по поземельной разрядке) производить в своих государствах и полугосударствах самые разнообразные работы. Как утверждал историк Л. В. Милов, посредством «посохи» осуществлялась мобилизация не только посадских и черных людей, но также и боярских, поместных крестьян и крестьян из селений церковных иерархов и монастырей. Нередко объекты казны и княжеского домена были неразличимы. Местный аппарат вплоть до середины XVI в. находился на «кормлении» у населения. В число государственных повинностей входило кормление «княжеских коней», кошение «княжеского сена», становление на ночлег и кормление наместников, волостелей и приказных людей. Наказания за нерадивое выполнение повинностей могло быть жесточайшим. В XVI в. и позднее тяжким избиениям подвергали и служилых детей боярских, не явившихся к походу или на иную службу⁵⁸.

Вхождение России в общемировую капиталистическую систему в качестве ее периферии породило феномен крепостничества. Появилась масса рабочих, «навечно» прикрепленных к фабрикам и заводам. Главным мерилем богатства становится не земля, а количество душ. В результате долгого и сложного процесса развития феодализма статус земельного владения дворянина так и не дорос до уровня частной собственности⁵⁹. Усиление эксплуатации в историческом ядре России породило тенденцию массового исхода из центра на окраины, на юг и за Урал.

Таким образом, можно заключить, что из двух политических традиций — полисной, ограничивающей власть князя, и самодержавной, усиливающей ее до абсолютной, в России в большей мере реализовалась вторая. Чтобы понять истоки формирования традиционалистской, в период смут неэффективной социальной организации, сохраняющей ориентацию на патернализм и этатизм, обратимся к анализу влияния естественной среды обитания, в которой существовал российский социум.

Естественно-географический и природно-климатический факторы. Историческое ядро формирования русской культуры — Восточно-Европейская равнина — открытая территория, состоящая из серии плавно переходящих

⁵⁷ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 535.

⁵⁸ Там же. С. 541.

⁵⁹ Милов Л. В. Особенности исторического процесса в России. С. 712.

друг в друга континентальных равнин, лишенных внутренних высокогорных и морских преград, способных препятствовать миграциям. Ввиду удаленности от моря для нее характерен резкоконтинентальный климат, сочетание длинной зимы и короткого лета, большие суточные и месячные колебания температур, глубокое промерзание почв зимой.

Влияние географических и природных факторов на историю развития России отмечали практически все исследователи. В современной историографии наиболее разработанной по этой проблеме считается концепция Л. В. Милова. Он обращает внимание на то обстоятельство, что выраженной границы, разделяющей Западную и Восточную Европу, не существует. Однако климатологи находят невыраженную границу, идущую от Балтики до Черного моря изотерму, линию равных температур января в 0% по Цельсию, разделяющую европейскую область морского климата с теплой сырой зимой даже в высоких широтах (под влиянием теплого течения Гольфстрим) и континентального климата с сухой морозной зимой.

Географическая зона Западной Европы характеризуется устойчивостью и мягкостью климата, достаточной увлажненностью, большим количеством солнечных и теплых дней в году, практическим отсутствием засушливых периодов, большой продолжительностью сельскохозяйственного года, высоким почвенным плодородием, позволяющим вести интенсивное хозяйство. Если же говорить об историческом ядре России, то здесь, по мнению Милова, крестьянину приходилось иметь дело с более суровым климатом и чрезвычайно коротким периодом сельскохозяйственных работ. На севере, в районах Пскова и Новгорода, он длился всего 4 месяца в году, в центральных областях 5,5 месяцев. Для сравнения, у западно-европейского крестьянина этот период охватывал 8–9 месяцев в году. Кратковременность цикла земледельческих работ усугублялась преобладанием малопригодных почв. В таких условиях для получения даже минимального прибавочного продукта сил индивидуального крестьянского хозяйства явно не хватало.

Как правило, с посеянного зерна при сборе урожая удавалось собрать не более 3 зерен («сам-третей»), тогда как в Европе XVI–XVII вв. урожайность достигала «сам-пят», «сам-шест»⁶⁰. Следствием низкого объема совокупного прибавочного продукта стало развитие российского общества по пути слабо выраженного процесса разделения труда, неизбежного сохранения общинных порядков, консервации, в терминологии К. Поланьи, распределительной модели экономики, в которой государство сохраняло за собой роль верховного собственника. Ему же принадлежали и ведущие позиции в эксплуатации труда, изъятии его результатов и последующем распределении материальных благ между членами общества в зависимости от их социального положения.

⁶⁰ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Милов Л. В. По следам ушедших эпох: статьи и заметки. С. 639.

В земледельческой стране с ничтожной долей городского населения господствующий класс и неподатное население в целом на протяжении XVIII столетия составляли не более 6–7% от населения страны. В этих условиях государство было вынуждено форсировать устройство специальных «служебных» структур, призванных компенсировать недостаток необходимых для нужд государства институтов. Такими структурами были Пушечный двор, Оружейная палата, Приказ каменных дел, собиравший людей для государевыхстроек по всей стране, казенные тульские оружейные заводы и т. п. Принципы организации этих «служб» были аналогичны раннефеодальной мобилизации: освобождение горожан от налогов и повинностей для исправного несения «службы», насильственное прикрепление к ней, принудительные наборы специалистов по всему государству. Такие организации со временем распространялись по всей территории государства. Их техническая оснащенность усложнялась, росло внутривидовое подетальное разделение труда. Со временем эти мобилизационные структуры феодальной экономики трансформировались в формы казенного промышленного производства и предпринимательства раннего Нового времени⁶¹.

Своеобразие развития государственной власти как «власти-собственности» в России обнаруживается в синкретизме категории «князь». С одной стороны, князь является главой государства. С другой стороны, в контексте исторических источников четко проступает, что князь — это и есть государство. В ряде случаев очевидной становится еще одна ипостась князя — государственная казна⁶².

Наличие этих особенностей обусловило парадоксы существования российской государственности. С одной стороны, развитие социума в относительно неблагоприятных в сравнении с западными соседями природно-климатических условиях толкали власть на создание обширной по территории державы с единым централизованным управлением. С другой стороны, зависимость общества от функционирования институтов «власти — собственности» нередко вела к саморазрушению государства на ряд уделов, где у власти становились овладевшие их механизмами суверенные главы мини-государств⁶³.

Этнокультурный фактор. Русский этнос — ядро российской цивилизации — сформировался в позднемонгольскую эпоху, выделившись из состава древнерусской народности. Его этногенез протекал в условиях земледельческой колонизации русских, которая носила преимущественно вольнонародный характер. Хозяйственный уклад русских был основан на экстенсивном земледелии. Именно это предопределило русское отношение к земле как к «божьей» собственности и самозахватному объекту хозяйственной деятельности: земли

⁶¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 542–543.

⁶² Там же. С. 536.

⁶³ Там же. С. 537–538.

можно брать столько, сколько сможешь освоить, сколько хватит рабочих рук, сил, короткого лета. Заселение русскими свободных земель носило характер естественного расселения. Завоевание и правительственная колонизация шли, как правило, позади.

Параллельно этим процессам происходило включение в культурную орбиту иноэтнических элементов. Русские «обтекали» этнические территории других народов, не меняя ни характера их культурно-хозяйственной деятельности, ни норм обычного права, ни религиозных ориентаций. Русское государство, наследуя принцип средневековых кочевых империй на евразийском пространстве, при условии политической лояльности русскому царю оставляло нетронутыми те порядки, которые были укоренены в сообществах на данной территории. При этом этнической элите открывалась возможность интегрироваться в социокультурное пространство Российской империи. Такие возможности, хотя и не так широко, открывались и перед другими слоями иноэтничного населения, представители которых, будучи формально свободными, имели ряд преимуществ перед социальными «низшими» русского крестьянства — крепостными, остающимися основным «тягловым» сословием русского государства.

Начиная с доктрины «Москва — Третий Рим», согласно которой Русь сохранила в первозданности и чистоте свет истинного учения Христа, базовым автостереотипом в процедурах самоописания русской культуры остается представление о собственной первородности, нравственном здоровье, неиспорченности, т. е. близости к идеалу. Собственно, одним из мотивов, движущих вольнонародную колонизацию, было стремление воплотить утопию, мечту о легендарном Беловодье, в жизнь.

Это не исключало вполне прагматических мотивов продвижения русского населения на южные и восточные рубежи империи. Увеличение мобилизационной нагрузки на население в связи с бесконечными войнами и формированием абсолютистского государства, превращение некогда «вольных хлебопашцев» в бесправных крепостных и многие другие процессы «перегревали» социальную атмосферу в историческом ядре России. Несмотря на частный и правительственный сыск, год от года усиливалась массовая «утечка» крестьян на новые земли (на Дон, за Урал). Переселение на новое место оставалось одним из немногих каналов социальной мобильности, открывало возможность сохранить или в среднесрочной перспективе повысить собственный социальный статус за счет перехода в казачье сословие.

Хотя сам процесс включения территорий и народов в состав России был далек от идиллического, тем не менее в ряде случаев имеет смысл говорить о «добровольном вхождении» под угрозой геноцида со стороны более воинственных соседей. Однако некоторые исследователи, например, А. Д. Агеев, предлагают отказаться от этого термина, равно как и от терминов «завоевание», «присоединение» или «покорение», полагая, что следует рассматривать

эти процессы как продолжение политики «собираания земель» и формирования национального государства. Включение пограничных областей в состав Российского государства было задано, по его мнению, логикой «собираания земель», создания и конституирования централизованного государства, одним из атрибутов которого являются четкие и безопасные границы⁶⁴.

Российское государство изначально формировалось как полиэтничное. В древнерусский период в этих процессах приняли активное участие представители славянских, балтских и финно-угорских народов. Конец Средневековья — начало Нового времени ознаменовались интенсивным контактом с тюрко-монгольским кочевым миром.

Специфика национально-государственного устройства Российской империи в общих чертах напоминает византийскую модель. Во-первых, это языковая общность народов, входящих в ее состав. В Византии основой выступал греческий язык, в России — русский. Во-вторых, существенной чертой обоих государств была многоэтничность при наличии этнического ядра: в первом случае — греческого, во втором — русского. Наконец, следует отметить цементирующую роль доминирующей религии. В Византии и в России такой религией выступало православное христианство.

Через православие Россия унаследовала общую для всех народов христианского мира традицию обоснования духовной автономии человеческой личности. Именно на ее основе в Новое время формируется идея индивидуальной свободы, приобретшая в эпоху Просвещения вполне светский характер, позволяющий трансформировать ее в политико-правовые системы национальных государств Нового времени.

Если, образно говоря, свой «дух», идеологию власти Россия унаследовала от Византии, то технология власти досталась ей в наследство от Монгольской империи. Во-первых, это традиции тюрко-монгольской государственности, при помощи которых Россия интегрировала неславянские народы в свое социокультурное пространство (ясаки, наделение землей за новые заслуги или подтверждение родовых прав на исконные территории, жалование особыми царскими грамотами, аналогами прежних ордынских ярлыков, почетных титулов и владельческих должностей)⁶⁵. Во-вторых, это социальные институты (фиск, «казенные» предприятия, система «ям») и управленческие механизмы (механизмы «власти-собственности»), при помощи которых государство закрепляло свои лидирующие функции в обществе.

Все это позволяет зафиксировать транзитивный между Западом и Востоком, промежуточный характер российской цивилизации, органично сочетающей черты обоих миров. Конституируемое благодаря общему коммуникативному пространству русского языка единство российской цивилизации оказыва-

⁶⁴ Агеев А. Д. Сибирь и американский запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005. С. 107.

⁶⁵ Трепавлов В. В. «Белый царь». С. 100.

ется сформированным стихийным расселением русского населения и централизаторскими усилиями русского государства по «собираанию земель».

Внешними факторами, оконтурившими ее, стали падение Византии и империи Чингизидов, Великие географические открытия, Реформация и становление капиталистической миросистемы. Роль внутренних факторов сыграли доминирование лесостепи, специфичные природно-климатические условия, наличие огромных пространств свободной земли, которое открыло движение в сторону экстенсивного земледелия и колонизации, в то же время затрудняя возможности государства осуществлять контроль за населением на таких огромных территориях; отсутствие естественных границ, которое сделало население в историческом ядре России уязвимым по отношению к внешнему воздействию, требование особых мобилизационных усилий со стороны государства, направленных на защиту от внешних вызовов и развитие внутренних ресурсов; конфликты между обществом и государством, которое перекладывало мобилизационную нагрузку на население, при этом распределяя ее далеко не равномерно, маятниковое движение от авторитарных к либеральным началам в политическом управлении и обратно; православный фундамент религиозной культуры.

Особое значение в развитии российского исторического процесса сыграл русский этнокультурный фактор. Он позволил определить Россию как целостную геополитическую нишу русского этноса, лежащую к востоку от романо-германской этноцивилизационной платформы, отделенную от нее территориями, которые российский геополитик В. Л. Цымбурский охарактеризовал как «проливные» между «островом Россия» и коренной европейской платформой⁶⁶. Русские делили эту нишу с другими народами, включенными в структуру его государственности. В ряде случаев правомерно говорить о славяно-тюркском этническом синтезе даже в «ядерных» для России регионах, в том числе в ее историческом ядре, включающем татаро-башкирское Поволжье, и в Сибири. В отдельных российских регионах, таких как, например, Северный Кавказ, Тува, Якутия, циркумполярные регионы, можно говорить о доминировании иноэтничных влияний.

«Островная» метафора Цымбурского, вызывающая изоляционистские, на первый взгляд, коннотации, позволяет понять сложившиеся между XVI и XIX в. геополитические реалии. Маргинализация Восточной Европы в системе западной мир-экономики обозначила «западную» границу российской цивилизации. Падение Византии и установление на ее территории владычества Османской империи очертили с юга границу по конфессиональному признаку. На востоке же Россия создавалась Сибирью⁶⁷, которая вплоть до середины XIX в. играла роль буферной с Китаем территории.

⁶⁶ Цымбурский В. Л. Остров Россия // Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5–28. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia

⁶⁷ Там же.

Глава 13. Геополитические факторы в динамике межкультурного синтеза народов Евразии (на примере взаимодействий этносов Сибири в XVII — начале XX в.)

Процессы межэтнических взаимодействий имели существенное влияние на становление российской цивилизации. История взаимоотношений народов Сибири — азиатской части ее культурного круга — полна как примерами конфронтации, так и благоприятного для всех сторон взаимодействия сотрудничества. Геополитические детерминанты, определившие динамику взаимодействия народов Сибири, обозначились в конце XVII — начале XX в. Этот период, как имеющий особенное значение для истории России, выделен не случайно. В это время произошло переопределение геополитического статуса России, наметилась ее трансформация от имперского к национальному государству, занимающему центральное положение в культурной ойкумене Евразии. К числу таких геополитических детерминант следует отнести мотивы колонизации Сибири русскими и представителями других народов Европейской России, специфику модернизационных процессов в самой России и геополитическую ситуацию в указанный исторический период.

Исторический контекст межэтнических отношений в Сибири в конце XVII — первой половине XVIII в. определялся геополитическим соперничеством Российской империи, Цинского Китая и Джунгарского ханства. Если Россия и Китай были феодальными государствами, экономика, социальная структура и политический строй которых опиралась на эксплуатацию крестьянской (земледельческой) общины, то Джунгария представляла собой государство кочевников-скотоводов с сильными пережитками военной демократии. Когда в 1758 г. Цинская империя разгромила Джунгарское ханство, Россия активизировала свою политику в Южной Сибири, добилась военного и торгового присутствия на Алтае, в Забайкалье, в Приамурье и Приморье. Параллельно с этим делались попытки наладить дипломатические отношения с Китаем, который с конца XVIII в. вступил в полосу глубокого социально-экономического кризиса. Потерпев поражение в опиумных войнах (1839–1842, 1856–1860 гг.), сотрясаемый народными восстаниями, он попал в зависимость от Англии и Франции. Со второй половины XIX в. Китай испытывает нажим со стороны «молодых капиталистических хищников»: Соединенных Штатов Америки и Японии. Именно эти государства становятся геополитическими соперниками России в борьбе за влияние на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в.⁶⁸

⁶⁸ *Зверев В. А., Зуев А. С., Кузнецова Ф. С.* История Сибири: Учеб. пособие для 8-го класса общеобразовательных учреждений. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1999. Ч. 2. Сибирь в составе Российской империи. С. 11–17, 36.

Появление русских в Сибири и на Дальнем Востоке — продолжение параллельных процессов государственного «собирания» земель (формирования национального государства) и колониационного освоения свободных (малозаселенных и привлекательных для земледелия) пространств. В эти процессы оказались вовлечены не только представители русского этноса, но и родственных по культуре славянских этнических групп (малороссы, белорусы), хозяйственная практика которых ориентировалась на экстенсивное земледелие, а значит, и на земледельческие миграции.

В Российской империи представителей коренных народов Сибири, называемых «инородцами», относили к податной категории плательщиков ясака. Они отличались от русских следующими признаками:

1) расовые отличия, европеоидный (у русских) и монголоидный (у аборигенов Сибири) внешний облик;

2) земледельческий (у русских) и неземледельческий, ориентированный на охоту, рыболовство и скотоводство (у народов Сибири) типы культурно-хозяйственной деятельности.

Довольно значимыми оказывались и конфессиональные различия между русскими, православными христианами в своем большинстве, приверженцами монотеистической религии и ее священной книги Библии, и народами Сибири, которые в основном, за исключением мусульман и буддистов, оставались приверженцами шаманизма («язычниками»), многобожия и устного способа передачи сакральных знаний.

Термин «инородец» впервые появился в «Уставе об управлении инородцев» (22 июля 1822 г.) по отношению к тем подданным, которые к моменту перехода под власть Российской империи находились в составе раннеклассовых обществ. Этот термин заменил ранее существовавший — ясачные народы. Устав определил их положение («оседлые», «кочевые» или «бродячие») с учетом уровня социально-экономического развития и порядка постепенного вхождения в состав России⁶⁹.

Вместе с тем следует понимать, что в конструкт «коренные народы Сибири» в исследовательских целях включены различные в культурном и языковом отношении этнические группы, находившиеся в XVII–XIX вв. на разных этапах этногенеза. Основанием для подобного рода конструирования являются и доминирующие в сибирской среде этнонимы, обозначающие русских и коренные сибирские народы: «казах», «орос», «русский» употреблялись для обозначения русских, украинцев, белорусов; «тадар», «татары» — для обозначения многих (в основном тюркских) этносов Сибири.

Процессы этнической интеграции в каждой из этнических групп коренного сибирского населения были в различной степени далеки от завершения.

⁶⁹ Зверев В. А., Кузнецова Ф. С. История Сибири: Хрестоматия по истории Сибири: Учеб. пособие для общеобразовательных учреждений. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2003. Ч. 1: XVII — начало XX в. С. 199–203.

Да и сам указанный хронологический промежуток весьма длителен. Тем не менее именно этот временной отрезок позволяет увидеть, что с появлением русского населения, отличного в антропологическом и культурном отношении, ускорились процессы внутриэтнической консолидации в среде коренных народов региона. Русские власти, облагая коренное население пушным налогом, присваивали его отдельным территориальным и родовым группам общую «национальную» номинацию.

Согласно Уставу 1822 г., коренные народы Сибири зачислялись в сословие инородцев, неполноправное, но располагающее определенными привилегиями. Инородцы освобождались от поставки рекрутов в армию, пользовались отсрочками при уплате налогов и отбывании повинностей. За инородцами закреплялись земли, находящиеся в их пользовании. Ясачные люди имели право на свободный и беспошлинный сбыт своей продукции. Инородцы могли отдавать детей учиться в государственные учебные заведения и открывать свои училища. Провозглашалось право исповедовать традиционную религию и выполнять соответствующие обряды. Для своего времени эти меры являлись прогрессивными⁷⁰.

Не следует игнорировать тот факт, что движение русских в Сибирь совпало с эпохой Великих географических открытий и последующей европейской экспансией на вновь открытые земли, как правило, с целью наживы. Процесс первоначального накопления сопровождался эксплуатацией территорий или труда коренного населения, неравноценным (с точки зрения оценки рыночной стоимости сбываемых аборигенами товаров) торговым обменом. Каждая уважающая себя европейская держава стремилась к приобретению колоний. Цели колонизации могли различаться⁷¹. Однако престижностью обладал сам статус колониальной державы. Принадлежность к «клубу» колониальных держав выводила Российскую империю из категории «варварских» в категорию «цивилизованных» стран.

Не обольщаясь «колониальной» атрибутикой, отметим все же, что русская культура стала для многих народов Российской империи посредником в мир письменной традиции и «высокой» профессиональной культуры. Русская культура сыграла в Северной Азии ту же цивилизационную роль, что китайская — в Юго-Восточной Азии, испанская — на большей части Латинской Америки, арабская — в Юго-Западной Азии и Северной Африке. Она несла с собой в провинции все, что предлагал современный мир: и хорошее, и плохое⁷².

Колонизационные процессы в Сибири не ограничивались культурным влиянием и военным присутствием, присоединением территории. Не совпадали они и с вольным переселением. Если правительственную колонизацию

⁷⁰ Зверев В. А., Зувев А. С., Кузнецова Ф. С. Указ. соч. С. 264–265.

⁷¹ Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири. М.: Новое изд-во, 2004. С. 16.

⁷² Плешаков К. Сквозь заросли мифов // Pro et contra. Весна 1997. С. 64–65.

можно рассматривать как процесс оформления государственного, символически и политически освоенного пространства, то стихийное переселение — как вольнонародное, выгодное государству, но в значительной мере самостоятельное движение.

Многие исследователи пишут о двух течениях колонизации — правительственном и стихийном. «Если правительственное течение шло определенным руслом, то народное течение, никем не управляемое, разбивалось на мелкие ручейки. В первые же годы после Ермака в Сибирь двинулось много “гулящих” людей, а также промышленников, охотников, звероловов. Это стихийное переселенческое движение не прекращалось на протяжении всего XVII века: в состав переселенцев входили крестьяне, недовольные усиливавшимся закрепощением, укрывавшиеся от рекрутчины и платежа повинностей, непойманные преступники»⁷³.

Различались не только характер, но и цели народной и правительственной колонизации. Мотивом земледельческого переселения русского населения, как правило, выступало стремление избежать аграрного перенаселения и деспотического давления со стороны государства в историческом центре России. «Вольную» колонизацию двигала также возможность приобретения мехов: либо путем торговли, либо посредством охоты. Еще одним стимулом продвижения русских в Сибирь был золотодобывающий промысел как потенциальный источник первоначального накопления. Правительственная же колонизация подразумевала совсем иную цель: включение новых земель в «имперское» пространство. В этом случае взимание «пушного» налога выступало инструментом привидения «под высокую государеву руку» «иноземцев», а согласие платить ясак — признанием легитимности власти «русского царя»⁷⁴.

Как полагают историки А. В. Ремнев и Н. Г. Суворова, наиболее продуктивным в вопросе о характере продвижения Российской империи на восток в этот исторический период является взгляд на эту проблему через призму превращения Сибири («Внутренней Азии») во внутреннюю периферию российского государства, включения ее территории и населения в политическое и смысловое пространство России. Они предлагают разобраться в вопросе о роли и месте Сибири при помощи категории «мир — империя» (в определении Ф. Броделя и И. Валлерстайна), которая подразумевает наличие «центра» и «периферий»,

⁷³ Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайцлер П. Указ. соч. С. 24.

⁷⁴ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Сибири XVIII — начала XX века: империи- и нациостроительство на восточной окраине Российской империи // История. Антропология. Культурология: Программы и избр. лекции. Омск: Наука, 2004. Ч. 2. Избр. лекции. С. 8–9; Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайцлер П. Указ. соч. С. 16; Бродников А. А. Сбор ясака: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 121.

различных видов динамического неравенства периферийных регионов по отношению к центру. Главное в восточном продвижении России заключается, по их мнению, в своеобразном «земледельческом империализме», который, в отличие от европейского империализма, искал не коммерческого успеха, а стремился ликвидировать опасность нового нашествия кочевников, приобщая их к оседлости и земледелию⁷⁵.

Специфика российской правительственной колонизации заключалась не столько в желании эксплуатировать вновь приобретенные территории и коренное население, сколько в стремлении обеспечить геополитическую стабильность на своих границах. За пределами климатических зон, доступных для земледелия, ни земли, ни рабский труд не интересовали ни российское правительство, ни русских переселенцев. В отношении «инородцев» архаичный принцип уплаты дани (ясака) действовал до конца дореволюционной эпохи. Размер ясака зависел от политической ситуации в конкретном регионе и определялся реальными возможностями государства по его взиманию, зачастую весьма скромными. Русское же население Сибири приравнивалось к податным категориям Центральной России⁷⁶.

В этом смысле правомерным будет определить Российскую империю как «неклассическую» империю. Основанием для имперского статуса здесь служит не только номинальный статус, зафиксированный в названии государства, но и, во-первых, характер государственного строя, во-вторых, отношение к вновь вошедшему в состав государства населению, которое облагалось данью (ясаком), что служило главным показателем имперского отношения⁷⁷.

«Неклассический» же статус Российской империи раскрывается в отношении центра России к Сибири, развитие которой осуществлялось благодаря притоку материальных ресурсов и человеческого капитала из «центра» на «окраину». Характер этого отношения было бы неправомерно рассматривать в терминах «колониальной эксплуатации»: до XX в. Сибирь оставалась всего лишь транзитным коридором, ведущим к Великому океану⁷⁸.

В то же время осуществление колонизационной политики требовало мобилизации ресурсов государства и увеличения налогового бремени на население «центра». Мобилизационное напряжение возрастало не только по мере продвижения России на восток, но и по мере осознания себя «другой Европой», страной, ставшей, начиная с эпохи петровских реформ, на путь догоняющей модернизации.

⁷⁵ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Сибири XVIII — начала XX века: империо- и нациостроительство на восточной окраине Российской империи. С. 5–6, 25.

⁷⁶ Агеев А. Д. Сибирь и американский запад: движение фронтиров. С. 107; Бродников А. А. Указ. соч. С. 122; Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайтцер П. Указ. соч. С. 16.

⁷⁷ Агеев А. Д. Сибирь и американский запад: движение фронтиров. С. 92.

⁷⁸ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Указ. соч. С. 52.

Думается, что использование концепта «другой» или «второй» Европы, который В. Г. Федотова предложила как идеально-типическую конструкцию для характеристики особенностей развития европейских стран, модернизирующихся с преобладанием мобилизационных, а не инновационных усилий, можно признать эвристически ценным для объяснения специфики геополитической ситуации в указанный период. Общими, по ее мнению, для стран «второй» Европы (Австро-Венгрии, Османской империи, Российской империи) являются следующие характеристики:

– они расположены рядом с Западной Европой, но не являются «Западом» (в географическом, экономическом, политическом смысле);

– они ориентированы на «Запад» и воспринимают контакты с «Востоком» как вынужденные;

– во многих из них религия является источником легитимации деятельности и гарантом единства нации;

– многие из них «расколоты» на прозападную «элику» и «народ» (большинство)⁷⁹.

Отнесение Российской империи к категории стран «второй» или «другой» Европы позволяет по-новому взглянуть на проблему культурной самоидентификации России и значение «Запада» как «значимого другого» для России и русской культуры. Отношения сначала Руси, а потом и России, со своими западными соседями влияли весьма существенно на процесс культурного и, шире, цивилизационного самоопределения России. Однако с эпохой петровских реформ образы «Запада», «Европы» и ее народов (особенно немцев, французов, англичан) приобрели в русской (российской) культуре новый смысл, смысл вызова. Именно с этого времени вопрос о цивилизационной определенности России (западничество, почвенничество или евразийство) поставлен в непосредственную зависимость от отношений России с европейскими народами и государствами.

Россия долгое время не могла ответить на этот вызов ни прогрессом в технологических достижениях, ни рыночными успехами, ни политическими свободами подданных, многие из которых до середины XIX в. оставались в крепостной зависимости. Россия стала великой державой благодаря осуществлению геополитических притязаний, колониционному движению в Сибирь и на Дальний Восток. Эти регионы рассматривались не только в Санкт-Петербурге, но и в столицах других европейских государств как цивилизационная окраина.

Поддержание статуса империи, великой державы в глазах международного сообщества (прежде всего европейских государств) зависело, в том числе, и от успехов в восточном направлении. Однако их достижение требовало существенных экономических издержек, которые в условиях феодально-абсолютистского государства компенсировались усилением внеэкономического принужде-

⁷⁹ Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы / Ин-т философии РАН. М.: ИФРАН, 1997. URL: www.auditorium.ru/books/4269.

ния, закрепощением крестьянского населения России. Ужесточение контроля в отношении населения империи сковывало его социальную инициативу. Естественно, что это не могло не тормозить развития и в центре, и на окраинах. Таким образом, развитие геополитического успеха России оказывалось проблематичным в силу противоречивого характера развития модернизационных процессов внутри страны.

Россия стала великой державой благодаря высокому потенциалу социальной активности и инициативности россиян, представителей славянских, тюркских, финно-угорских народов. Цивилизационную роль России в культурной ойкумене Евразии трудно игнорировать. Однако доминирование европоцентристской позиции в сознании правящей элиты в отношении народов Евразии порождало иллюзию превосходства, в то время как геополитические соперники России, вступившие на путь модернизации позже, чем она, уже к началу XX в. демонстрировали существенный прогресс. Успех Японии и поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг., положившие начало череде социальных революций в начале XX в., являются тому подтверждением.

Своеобразие развития России как «другой» Европы ярко проявилось и в специфике империи- и нациостроительства на ее окраинах. Исторически формируясь в процессе «собираания земель» как национальное государство, после падения ордынского владычества Россия заняла ту геополитическую нишу, которой располагала Золотая Орда. В новых условиях принцип «нации-государства» оказался потеснен имперским принципом, не предполагавшим этнических предпочтений. Доступ в российскую элиту был открыт для многих представителей правящих слоев и сословий нерусских народов. Русское население, особенно его непривилегированные сословия, не имело особых преимуществ, связанных со своим этническим статусом. Успех межэтнического сотрудничества определялся не столько этническими предпочтениями русских, сколько степенью политической лояльности и династической преданности государю. Этническая принадлежность в многонациональной империи имела меньшее значение в сравнении с сословным фактором.

В то же время мировоззренческой доминантой в процессах конструирования империи оставалось православное христианство. Православие обладало статусом государственной религии. Конфессиональный признак надежно фиксировал этническую границу. Переход в другое вероисповедание нередко оказывался напрямую связанным со сменой этнической идентичности и сословной принадлежности. Принятие православия имело в ряде случаев не столько мировоззренческое, сколько политическое значение, т. е. служило способом демонстрации лояльности к власти. В ряде случаев насаждение православия наносило ущерб решению колониционных задач, вступая в противоречие с общеимперской установкой расширительного толкования русскости⁸⁰.

⁸⁰ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Указ. соч. С. 45–46.

Таким образом, можно зафиксировать некоторые существенные характеристики геополитического контекста межэтнических взаимодействий в Сибири конца XVII — начала XX в. **Специфика этого контекста наиболее ярко проявляется** в противоречивых тенденциях геополитического развития России, тесно связанного с цивилизационной и социокультурной спецификой страны. Во-первых, это противоречие между целями народной и правительственной колонизации. Если земледельческое и промысловое освоение Сибири русскими мотивировалось потребностью реализовать социальную инициативу, то правительственная колонизация направлялась стремлением закрепить за империей новые территории и усилить геополитическое влияние⁸¹. Во-вторых, это противоречие между модернизационным вызовом, который Россия приняла как великая — в геополитическом смысле — держава, и неэффективным управлением, издержки которого компенсировались, в терминологии Р. Коллинза и Т. Скочполл, увеличением груза контроля в отношении населения и территории исторического ядра России⁸². В-третьих, это противоречие между принципом имперского универсализма, терпимого к культурным различиям и индифферентного к этничности, и принципом национального государства, настаивающим на культурной унификации и гомогенизации населения.

Это обусловило противоречивое отношение власти к процессу включения аборигенного населения Сибири в социокультурное и политико-правовое пространство России. Такое отношение можно охарактеризовать как колебание между ассимиляторскими тенденциями, с одной стороны, и стремлением обезопасить рубежи государства, обеспечив себе легитимность со стороны «иностранцев», с другой стороны. Тем не менее в общественном сознании россиян, несмотря на колебания власти, уже в XIX в. **намечается тенденция рассматривать Сибирь как часть России.** Это дает основания рассматривать образ Сибири и как репрезентацию самой России, и как структурную единицу ее образа.

⁸¹ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Указ. соч. С. 23.

⁸² Изгарская А. А. Методы объяснения и предсказания в геополитических теориях // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 60–61.

РАЗДЕЛ 4. РОССИЯ КАК ОБЪЕКТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКЦИЙ МОДЕРНА (ОТ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ДО ЕВРАЗИЙСТВА)

Образ России как целостное представление страны в совокупности ее территории, населения и государства обременен целым рядом сложностей, главной из которых является изменение размеров территории, что обусловило дефицит сознательно сформированных геополитических образов России. Существующие образы страны и ее регионов тем или иным образом «спекулируют» либо на очевидных физико-географических особенностях России, либо на их поверхностной идеологической упаковке. В этом случае речь чаще всего идет о дилемме Восток — Запад, Азия — Европа, славянофильство / евразийство — западничество / евроатлантизм¹.

Тем не менее на протяжении последних 300 лет Россия, так же как и большинство других стран, переживающих модернизационный переход, неоднократно становилась объектом геополитических проекций, каждая из которых формировалась под влиянием доминирующей в определенный момент времени философской традиции. Можно выявить целую сеть образных репрезентаций России в пространстве философских концепций, начиная с русского Просвещения и заканчивая евразийством: а) образ России как европейской страны; б) образ России как восточноевропейской славянской страны; в) образ России как православной страны; г) образ России как Евразии. Каждый из выявленных образов был сформирован под влиянием доминирующей в определенный момент времени философской традиции: а) Просвещения; б) романтизма; в) христианского провиденциализма философии русской идеи, частично подвергшегося влиянию эволюционизма и европоцентризма; г) культурного релятивизма.

Между геополитическими проекциями не прослеживается какой-либо иерархии. В то же время налицо направленность ментальной трансформации образа России от интерпретации его в характеристиках, подчеркивающих «универсальность» и «европейское» качество геополитических атрибутов страны, к последующему их ослаблению в связи с нарастанием черт уникальности и самобытности. Ниже будут рассмотрены некоторые из них, оказавшие наибольшее влияние на развитие геополитики Российской империи / СССР / России. Каждый из них оказывался определяющим в свое историческое время. Исторически первичным из этих образов является образ России как части Европы, который складывается в XVIII в.

¹ *Замятин Д. Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 207–208.

Глава 14. Идеи Просвещения и «европейский» образ России в географии модерна

Образ России как европейской державы возникает в XVIII в. Его происхождение связано с двумя, на первый взгляд далекими друг от друга, смысловыми полями. Первое из них имеет христианское происхождение. Оно отсылает нас к доктрине «Москва — Третий Рим», связывает образ России с византийско-православным наследием, а через него и с античной колыбелью европейской цивилизации. Образ Византии играл важную роль в формировании внешней политики России в XVIII — начале XX в., включая «Греческий проект» Екатерины II и планы захвата Константинополя, которые вынашивались в военных компаниях с Османской империей вплоть до Первой мировой войны². Внутренняя политика Российской империи актуализировала историческую память, напрямую отсылая к Киевской Руси и Московскому государству как земным проекциям небесного града — Святой Руси, что позволяло достаточно ясно осознавать свое положение в рамках Восточной Европы³.

Другое смысловое поле, породившее образ России как Европы, хотя и с «восточной» географической оговоркой, имеет светскую природу и, в известном смысле, «иноземное» происхождение. На протяжении всего XVIII в. русская культура активно имитирует западные культурные и политические формы. Светский гуманизм Просвещения, весьма быстро адаптированный на российской почве, внутри русской культуры находился в конфликтных отношениях с традиционной православной культурой. Тем не менее их симбиоз, усиленный романтизмом, породил в XIX в. достаточно мощную историософскую традицию русской идеи, что побуждает пристально отнестись к развитию идей Просвещения в России.

Социально-культурными предпосылками Просвещения, как известно, стали промышленная революция в Европе, утверждение буржуазных отношений, становление науки как независимого от религии института. Родиной Просвещения принято считать Францию, хотя философские основания этого интеллектуального движения французский рационализм по справедливости делит с британским эмпиризмом. В основании интеллектуального каркаса Просвещения находилась конструкция, состоящая из ряда элементов: идеи общего блага, рациональности, веры в исторический прогресс, союз разума и природы⁴. В понимании просветителей деятельность человеческого разума не знала пределов и ограничений. Весь пафос Просвещения был направлен

² Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. С. 210.

³ Там же.

⁴ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум. Ювента, 1997. С. 16–60.

на убеждение в том, что в разуме существуют начала, которые, будучи сами по себе истинными, не нуждаются ни в каком обосновании и могут служить отправной точкой для прочных знаний. Человек оказывался в состоянии представить в мышлении достаточно объективно и адекватно сложную картину мира. Познание мыслилось как индивидуальный процесс очищения разума от предрассудков.

«Естественный» свет разума — это единственное средство, способное разогнать мрак суеверий, предрассудков и невежества, очистить сознание от ложных «идолов» и поставить под контроль «страсти», препятствующие главной цели существования человека — достижению счастья. Познание стало рассматриваться как природное стремление человека, а наука — как инструмент преобразования мира и господства человека над природой, понимаемой как весь универсум, включающей самую большую загадку, вершину лестницы эволюции, самого человека.

В России наука появляется вместе с петровскими реформами. Петр I проявил чрезвычайную заинтересованность в составлении карт своих владений, для чего снарядил в Сибирь, на Дальний Восток и в Америку несколько экспедиций, в том числе и знаменитую экспедицию В. Беринга. В 1719 г. на Урал был направлен В. Татищев, ставший впоследствии первым русским историком. Одним из его поручений было географическое описание, которое, однако, превратилось в первое исследование российской истории. Петром была учреждена Академия наук — Высшее научное учреждение Российской империи. С этого времени в Россию приглашаются многие известные европейские ученые, в их числе и Г. Ф. Миллер, ставший первым исследователем Сибири. Исследование Сибири продолжают экспедиции И. Г. Гмелина и С. П. Крашенинникова. Императрица Елизавета открывает Московский университет, старейший университет в России, деятельное участие в создании и работе которого принимает М. В. Ломоносов.

Екатерина Великая, сторонница идей просвещенного абсолютизма, находящаяся в переписке с Д. Дидро и Ф. Вольтером, основывает музей Эрмитаж, Вольное экономическое общество и Российскую национальную библиотеку. При ее правлении начинаются систематические научные исследования геологических, растительных и животных ресурсов Российской империи, исторических, этнографических и экономических особенностей ее отдельных частей (экспедиции И. И. Лепехина, П. С. Палласа, исследование И. Г. Георги). Применительно к практике изучения регионов и народов в XVIII в. это означало необходимость картографировать, а также описывать и классифицировать все без исключения территории, этносы и артефакты, имеющие касательство к ним, а не только те, что вызывают курьезное любопытство⁵.

⁵ Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII в. и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии: Антология. М.: Новое изд-во, 2005. С. 122.

К XVIII в. картографический принцип описания земного пространства вытесняет средневековый, хорографический. Хорографический принцип связан, главным образом, с описанием путей в различные стороны, причем сам описывающий как бы находился в центре мира. Географическое пространство центрировалось и структурировалось по тому, кто описывает путешествие сквозь незнакомое пространство, представление о котором складывается из пунктирных маршрутов. Картографический же принцип «объективизировал» географическое описание, вводя строгую ориентацию по сторонам света и термины, которые связаны с самой ориентацией по карте⁶. «Земная сфера» оказалась разграничена на широты, долготы и «климатические зоны»; естественная география разделила «поверхность Земли» на четко очерченные континенты, острова, океаны, моря, реки, горы, озера⁷.

Территория часто использовалась как первый принцип классификации населения. Главным его достоинством оказывались простота и удобство, которые позволяли находить определенные народы в определенных местах наряду с минералами, растениями, животными, историческими артефактами. Англичане жили в Англии, русские находились в России, а камчадалы населяли Камчатку. Англия, Россия и Камчатка становились географическими понятиями, которые формировали образ людей, живших в их пределах⁸.

Люди, населяющие территории, также нуждались в упорядочении. В классификации и описании населения осваиваемой человечеством ойкумены Просвещение использовало принцип деления на народы. В основании философии Просвещения лежали концепция «естественных прав» человека и теории общественного договора со свойственным им представлением о народе (нации) как коллективной личности, обладающей «душой», сознанием и набором определенных психологических характеристик. По мысли Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и Ф. Вольтера, характер законов и государственной власти определяется нравами и обычаями народов. Последние есть концентрированное выражение «универсальной души» или «общего духа народов». В «Этюде о причинах, определяющих дух и характер народов» в числе внешних причин Ш. Монтескье называл климат, почвы, ландшафт, географическое положение, а в числе внутренних — моральные законы⁹.

Рассуждения о климате были самым распространенным ответом на вопрос о том, почему, если весь человеческий род одинаков благодаря общему свойству «разумности», одни народы более изысканны и цивилизованны, а дру-

⁶ Подосинов А. В. Картографический принцип в структуре географического описания древности (Постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22–45; Замятин Д. Н. Указ. соч. С. 164–165.

⁷ Слезкин Ю. Указ. соч. С. 122.

⁸ Там же. С. 125.

⁹ Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избр. произв. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 424–432.

гие — грубы и невежественны. Нравы и обычаи, в свою очередь, выступали, наряду с территорией, еще одним основанием для этнической классификации¹⁰. Сведения о том, «какое понятие имеют о божестве, о должности человека к Создателю и к ближнему, в чем полагают добродетель...», и другие вопросы, касающиеся законов и веры, были вложены в перечень важных для изучения пунктов этнографического исследования¹¹. Почти каждое описание сопровождалось индивидуальными характеристиками, вытекающими из «духа» народов. В «Описании о жизни и упражнениях обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных иноверцев» (1783 г.), самом раннем описании хантов, ненцев и якутов Туруханского края, представители царской администрации в ответах на вопросы, разосланные во все «округи» Тобольского наместничества Кабинетом Императрицы по поводу сбора сведений о ясачных Сибири, высказывались следующим образом: «люди эти страннолюбивы и ласковы», «никакого вреда не делают», «правдивы», «их вид человеческий, токмо они всякую стержу», зверей, не только охотой добытых, но и «морем изверженных, гнилых, без разбору ядят и сырую жрут»¹².

Хотя «Березовский округи некрещеные остяки и самоедцы-идолопоклонники добродетельны, пришедших в бедность снабдевают»¹³, составители описаний оценивали их как людей «диковатых»¹⁴. Это проявлялось в необычной манере одеваться, в образе жизни («порядочного домоводства... не имеют»), в обычае употреблять сырую пищу¹⁵, в легкости развода и возможности иметь несколько жен¹⁶. Все это воспринималось просвещенным сознанием, по меньшей мере, как легкомыслие¹⁷. Те проявления культуры, которые находились необычными, объясняли суровыми условиями окружающей среды, которая наложила отпечаток «дикости» на образ жизни сибирских народов¹⁸.

Следует понимать, что «дикость» того или иного народа означала определенную стадию его развития, понимаемого как закономерное и неизбежное движение от нижних стадий к высшим, от простых состояний и форм «общезития, наук и искусств» — к более сложным и комплексным. Мышление этой эпохи пронизано историческим оптимизмом, сознанием культурного миссионерства, заманчивыми перспективами восхождения к свободе и счастью на

¹⁰ Слезкин Ю. Указ. соч. С. 138–139.

¹¹ Андреев А. И. Описания о жизни и упражнениях обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных иноверцев // Советская этнография. 1947. № 1. С. 90.

¹² Там же. С. 100.

¹³ Описание Тобольского наместничества. Новосибирск: Наука, 1982. С. 30.

¹⁴ Там же. С. 33.

¹⁵ Андреев А. И. Указ. соч. С. 93.

¹⁶ Там же. С. 97.

¹⁷ Описание Тобольского наместничества. С. 26, 160, 206.

¹⁸ Андреев А. И. Указ. соч. С. 94.

основе прогресса науки, техники и просветительской деятельности. Задача философии и науки как рациональных инструментов постижения и преобразования мира заключалась в необходимости объяснить людям их способность к познанию и, как следствие, к господству не только над природой, но и над своими «страстями». Воспитание себя должно привести к преобразованию общества. Преодолевая собственное невежество, можно ликвидировать социальную несправедливость, тиранию, нищету.

На пути достижения идеального состояния каждый народ проходит определенные стадии. С середины XVIII в. под влиянием идеи А. Фергюсона о стадийной периодизации мировой истории популярностью стала пользоваться трехчленная структура, вводящая подразделение на «дикость», «варварство» и «цивилизованное» состояние. Каждый народ занимал на лестнице этой иерархии определенное место в соответствии с выделенными критериями. Число критериев, по которым сравнивали народы, в течение XVIII в. неуклонно росло. Так как большинство этнографических анкет считали цивилизованное состояние нормой и соответствующим образом формулировали свои вопросы («Есть ли у них...?»), то значительное число атрибутов цивилизации в этнографических описаниях фиксировались в терминах отсутствия: отсутствия христианства, письменности, просвещенности и т. д. Следствием этого стало описание через отрицание и значительно пополнившаяся коллекция пробелов: молдаване *«из наук и художество ничего не разумеют»*; жители Курильских островов *«о преевечном существе никакого понятия не имеют»*; народы Среднего Поволжья — *«черемисы (совр. марийцы), чувашаи и вотяки (совр. удмурты)»* — *«не имеют никакого понятия о честности и добродетели»*¹⁹.

Подобно тому, как человек, одно из самых несовершенных с биологической точки зрения существ, объявлялся венцом эволюции, так и культура европейских народов в идеологии Просвещения представляла образцом цивилизованности. Не только «естественная» природа призвана была стать объектом воздействия просвещенного человечества. В этой роли видели также и социальные низы, и неевропейское человечество. Европа, ее исторический путь и наука становились универсальным эталоном для неевропейских обществ и неевропейской науки.

Эпоха Просвещения сформировала идеологию европоцентризма. Миссия Европы, «бремя Белого человека», по меткому выражению Р. Киплинга, представлялась как помощь «отсталым» странам в достижении цивилизованного уровня: промышленного развития, жизненных стандартов, «смягчения нравов». При всей привлекательности цивилизационной миссии европейского человека в отношении остального мира это открыло возможность практикам колониализма.

¹⁹ Слезкин Ю. Указ. соч. С. 137–138.

Сами русские — творцы великой империи — оказались в этой иерархии между «просвещенными» французами и «непросвещенными» народами Поволжья: на ступеньку ниже первых и на ступеньку выше вторых. Географическая модель ойкумены, порожденная модерном, ориентировалась на Западную Европу в качестве своего семантического центра. Это предопределило смещение образа Восточной Европы на периферию образно-географической карты Европы. Восточная Европа как целостность оказывалась сомнительной в ментальной географии модерна в силу ее производности от Западной²⁰.

Проблема византийского наследия не упрощала, но, скорее, напротив, усложняла восприятие образа России как Восточной Европы. Восточно-Средиземноморский по преимуществу образ Византии сдвигал весь образ Восточной Европы к югу, и она становилась более южной, более причерноморской, отдаляясь от скандинавских, балтийских, приволжских элементов. Между тем Причерноморье большую часть просвещенного XVIII в. оставалось во владении Османской империи. Кроме того, возникал вопрос, а является ли Восточной Европой, например, Башкирия²¹?

Проблема этнического, языкового и религиозного разнообразия народов восточноевропейского макрорегиона усиливала неопределенность и расплывчатость образа России как Восточной Европы, делая его малопривлекательным. Стандартный учебник географии, характеризовавший государства и народы мира, описывал русских в разделе «Россия», а татар, например, в разделе «Азия»²². Определенная сложность состояла и в воображении единства русских, расселившихся далеко за пределы Европы. Перед русскими, так же как и перед другими народами, переживавшими переход от «этнографического» к «национально-государственному» состоянию, стояла проблема преодоления локальных и субэтнических различий.

Ситуация усугублялась восприятием самой России в глазах европейцев как полуазиатской страны. Это весьма болезненно переживалось российской элитой. Оставаясь для русских значимым «другим», Европа вызывала честолюбивые амбиции. Привлекательный образ Европы порождал стремление отождествить себя с ней. Желание стать Европой, слиться с Европой побуждало реформаторскую деятельность правителей России. Можно согласиться с Д. Н. Замятиным в его констатации особого чувства, связывающего Россию с Европой так, как ни с какой другой цивилизацией. «Возьмем два геополитических мира — арабский и китайский, с которыми Россия связана своими геополитическими интересами. Китай — крупнейший сосед России, но разве можно утверждать, что у России есть особое чувство Китая. Нет. А самое главное: у китайцев, тем более у арабов, нет такого чувства не только к Рос-

²⁰ Замятин Д. Н. Указ. соч. С. 105.

²¹ Там же. С. 105–106.

²² Клевецкий М. Я. Руководство к географии с употреблением земного шара и ландкарт. СПб., 1773. С. 108.

сии, но и к Европе. Чувственная геополитика — особенность исключительно российско-европейских отношений...

Странное это чувство — чувство Европы. И вряд ли его можно свести к цивилизованности Европы и бытовой неустроенности России. Многие другие страны живут не лучше. Но ни у арабов, ни у турок, ни тем более у китайцев нет такого сакрального, бережного отношения к Европе. Более того. Оказавшись в Европе, они создают свой маленький Китай, Турцию, Пакистан. Россию заново не создать»²³.

В петровскую эпоху Россия — огромная, могущественная страна — добровольно принимает на себя роль европейской провинции. Как полагает Замятин, здесь вполне уместна историческая аналогия с Византией. «Когда-то те же чувства Русь испытывала к Византии. С исчезновением Византии она перенесла свою любовь на Европу. Отсюда и сакральность чувства Европы, ведь Европа родилась со смертью Византии»²⁴.

«Русскому Европа так же драгоценна, как и Россия: каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же была отечеством нашим, как и Россия. О, более! Нельзя более любить Россию, чем люблю ее я, но я никогда не упрекал себя за то, что Венеция, Рим, Париж, сокровища их наук и искусств, вся история их — мне милее, чем Россия. О, русским дороги эти старые, чужие камни, эти чудеса старого божьего мира, эти осколки святых чудес; и это нам дороже, чем им самим»²⁵.

«Как здоровый деревенский парень, оказавшийся на вечеринке “золотой молодежи”, Россия смотрит на Европу с любовью и желанием быть нужной, но остается непонятой и не принимается в круг»²⁶. Чувство Европы проявилось не только в стилевой имитации европейских форм русской культурой. Российская империя на протяжении XVIII–XIX вв. последовательно стремилась к силовому присутствию на европейском континенте, земле цивилизации — образца. Когда элита России, государства, геополитически и цивилизационно сложившегося вне европейского круга, объявила себя частью Европы, а свою страну европейским государством, она пожелала получить признание своих претензий. Кратчайший путь к удовлетворению этого желания лежал в закреплении за Россией постоянного места в европейской политике. «Вестернизация» России, усвоение западных ценностей и силовое включение в европейскую политику, в том числе через серию акций, направленных на ликвидацию пространственной обособленности от коренной территории Европы, являются, по мнению российского геополитика В. Цымбурского, явля-

²³ *Замятин Д. Н.* Чувство Европы // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 45–46.

²⁴ Там же. С. 46.

²⁵ *Достоевский Ф. М.* Подросток. Цит. по: Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 46.

²⁶ *Замятин Д. Н.* Чувство Европы. С. 45.

ниями одного порядка. Для России «быть в Европе» прагматически значило быть силой в Европе²⁷.

Динамика образа России как европейского государства, порожденного просвещенным российским европеизмом, обнаруживает последовательность геополитических циклов: от актуализации претензий на европейское признание («бросок на Запад») через последующее затухание («евразийская» фаза-интермедия) к новой «вспышке», обусловленной стремлением России присутствовать и играть определенную роль на геополитической карте Европы. Цымбурский нашел удачное определение для цикла «бросок на Запад», назвав его «похищением Европы». Он выделил в российской истории три «европохитительских» цикла (1710–1856, 1906–1921 / 1923, 1939–1990), построенных по однотипной схеме: 1) «Россия включается в борьбу западных держав за гегемонию на стороне какого-либо или каких-то из них»; 2) «западная(-ые) армия(-ии) вторгается(-ются) на земли России»; 3) «Россия отбивает агрессию и наступает на Европу в качестве ее потенциального гегемона»; 4) «российский натиск надломлен сопротивлением Запада и Россия откатывается на свою платформу». Каждый такой цикл разделен «евразийскими интермедиями» (1857–1905, 1921 / 1923–1939)²⁸.

Цымбурский находит прямую корреляцию между геополитическим циклом и идеями, которые им порождаются. Так, на пике «европохитительства», как правило, на его третьей фазе, пользуются популярностью панконтиненталистские концепции, в которых Россия играет роль творца в перспективе создания европейско-российского союза, мыслится ли он имперским, как «Священный Союз» европейских государств, созданный по инициативе России на Венском конгрессе (1815), или квазифедеративным, как Соединенные Штаты Европы Л. Трощаго. Напротив, идеи, возникающие в «евразийских интермедиях», пропагандируют «собрание» вокруг России земель и территорий, не вполне подвластных Западу²⁹.

Необходимо отметить, что вплоть до 1830-х гг. российские элиты не готовы были признать свое неевропейское происхождение. Между тем Просвещение внутри России, в отличие от Запада, не привело к усилению либерализма в общественной и политической жизни. Скорее, наоборот. Именно при Екатерине II, более всех других правителей России в XVIII в. совершившей полезных деяний на ниве российского просвещения, завершается оформление крепостного права. Парадоксально, что это тоже воспринималось как плод ев-

²⁷ Цымбурский В. Л. Циклы «похищения Европы» (Большое примечание к статье «Остров Россия» // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1995. Т. 2. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/comment

²⁸ Цымбурский В. «Остров Россия» за семь лет. Приключения одной геополитической концепции. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/67.

²⁹ Там же.

ропеизации, в то время как в Западной Европе от крепостного права в этот период в обществе почти ничего не осталось³⁰.

Как писал Ю. М. Лотман, «своеобразие русского переживания западноевропейских идей отчасти состоит в том, что одни и те же слова и, казалось бы, полностью совпадающие концепции коренным образом меняют свой смысл в зависимости от того, пишутся и воспринимаются они в Западной Европе или в России. В этом смысле русский “европеец” (западник) — лицо, чрезвычайно далекое от реального носителя европейских идей и даже во многом ему противоположное»³¹.

«Отношение к западному миру было одним из основных вопросов русской культуры на всем протяжении послепетровской эпохи. Можно сказать, что чужая цивилизация выступает для русской культуры как своеобразное зеркало и точка отсчёта, и основной смысл интереса к “чужому” в России традиционно является методом самопознания»³². В гораздо меньшей степени интересовал вопрос о том, в какой, собственно, мере «русскими» являются окраины Российской империи. Мешает ли ее разделение на европейскую и азиатскую половины осознать Россию как целостность? Российское правительство не имело четко выраженной политики, направленной на освоение азиатских окраин. Усилия центра в этом направлении оставались незначительными.

В этих обстоятельствах образ Азиатской России, несмотря на впечатляющий размах ее территорий, оставался расплывчатым и неопределенным. «Азия» и «Восток» оставались не только географической, но и семиотической периферией на ментальной карте России начала XIX в. **Неравносность географических образов Востока и Запада** — «легковесность» Азии и «плотность» Европы — отражала образно-географические стандарты эпохи³³. Сказывался также дефицит собственных, незаимствованных у европейцев, моделей ментального освоения пространств. В первую очередь этот дефицит касался географических образов регионов России, в том числе Сибири.

«Дихотомия Востока и Запада в русской культуре то расширяется до пределов самой широкой географии, то сужается до субъективной позиции отдельного человека. Г. Гейне однажды написал: “Когда мир раскалывается надвое, трещина проходит через сердце поэта”. Мы можем сказать, что, когда мир раскалывается на Восток и Запад, трещина проходит через сердце русской культуры»³⁴.

³⁰ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре // Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб.: Искусство-СПб., 2003. С. 353.

³¹ Лотман Ю. М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9. С. 157–162.

³² Там же.

³³ Замятин Д. Н. Культура и пространство... С. 92.

³⁴ Лотман Ю. М. Современность между Востоком и Западом. С. 157–162.

Дихотомии Европы и Азии, Запада и Востока постепенно утрачивают чисто географическое содержание. Сами эти географические понятия приобретают характер культурно-исторических или, если угодно, социокультурных понятий, подвергаясь осмыслению в русской культуре через публицистику, литературу и философию. В то же время озабоченность собственным европейским имиджем требовала решительности во всем, что касается придания образу России «европейскости», пусть и с «собственным лицом», а значит, определенности и основательности. Это предопределило, в соответствии с контекстом века «пробуждающегося национализма», рождение концепции, центрированной на собственных исторических и географических корнях. В первой трети XIX в. активно формируются идейные основания славянофильства, интеллектуального и общественного движения, порожденного европейским романтизмом.

Глава 15. Идеи романтизма и образ России как славянской страны

Рубеж XVIII–XIX вв. оказался ознаменован целым рядом исторических событий, меняющих политический и духовный контекст эпохи модерна. Наиболее значимым из них стала Великая Французская революция. Великая Французская революция — индикатор утверждения нового — национального, секулярного, гражданского принципа внешней и внутренней геополитики, пришедшего на смену династийному, религиозному, монархическому. Национализм родился из новой, капиталистической, социальной организации, основанной на зависящих от образования «высоких» культурах, каждая из которых защищается и защищена собственным государством. Христианская религия, цементирувавшая единство средневековых государств, после Реформации и религиозных войн в Европе не справлялась с задачей интеграции европейских обществ в единое целое. Ей на смену пришла секулярная гражданская религия — национализм, призванная смягчить остроту социальных антагонизмов капитализма, уменьшить этнические и региональные различия внутри европейских стран.

Гражданская светская лояльность была немислима в эпоху Средневековья, на всем протяжении которой власть утверждала себя через атрибуты божественного избранничества и наследовалась в соответствии с династическим принципом. Это означало, что носители власти обосновывали свое право на нее ссылками на божественный авторитет. Право на применение власти в секулярную эпоху потребовало от государств, независимо от их республиканских или монархических ориентаций, апелляции к инстанции не менее высокого порядка, чем божественная инстанция, к «народу».

Предпосылками национализма в Европе стали секуляризация сознания, подрыв традиционных основ экономической жизни, подъем «третьего» сословия. Все это обусловило тенденцию изменения практики государственного управления. Европейские государства, кто раньше, с конца XVII в., кто позже,

с середины или конца XVIII в., на протяжении XIX в. переходили от поддержки словесных, локальных и этнических барьеров как ресурса манипуляции лояльностью подданных к поддержке универсалистских систем — стандартных политико-административных институтов, единого языка коммуникации, общей лояльности.

Мировоззренческим основанием национализма «старых» европейских наций, англичан и французов, вышедших на политическую арену со своими национальными государствами в XVII–XVIII вв., послужила концепция народного суверенитета, возникшая в недрах Просвещения. Политический же национализм «молодых» (греков, итальянцев, немцев, славян) наций оказался связан с идеями романтизма. Романтизм как мировоззрение, по ряду смысловых позиций противостоящее Просвещению, на место человека как общественного существа поставило одиночку, на место общественной добродетели — индивидуальное самоутверждение, на место разума — чувства. Оставаясь равнодушным к идеалам исторического оптимизма, веры в прогресс, притязаниям науки на универсальность познания, романтизм сосредоточился на внутреннем мире человека. Он поставил под сомнение идеал общественной гармонии, к которому стремилось Просвещение. Поскольку идеал романтика — бескомпромиссность, романтический герой оказывается страдающей стороной в противостоянии с обществом, конфликт с которым неизбежен в сюжетной канве романтического произведения. Романтизм как мировоззрение оказался чрезвычайно привлекателен для лозунгов социальной борьбы, в том числе народов Южной и Восточной Европы, стремящихся к объединению или борющихся за обретение политической независимости.

Романтизм, проникнув взором на периферию Европы, утвердил новую, более разнообразную ее культурную географию. В литературе первой половины XIX в. чрезвычайно востребованы оказались «испанские», «балканские», «кавказские» мотивы, что прослеживается в произведениях И. В. Гете, Ф. Шиллера, П. Мериме, Дж. Г. Байрона, М. Ю. Лермонтова. Свой вклад романтизм внес в музыкальное и изобразительное искусства. Народные обычаи и традиции, отвергаемые Просвещением как источник «предрассудков» и «предубеждений», в романтизме становятся предметом пристального интереса и сочувственного внимания образованной части общества. «Страсти» заменяются «тьмой» «преданий старины глубокой», «обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу», которые, по словам А. С. Пушкина, делают ему «особенную физиономию»³⁵. В этот период исследователи переходят от «собираательства» образцов фольклора и этнографических описаний к формированию новых научных дисциплин — фольклористики и этнографии — со своим предметным полем и арсеналом методов.

³⁵ Пушкин А. С. О народности и литературе // Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 7. С. 28.

Хотя романтизм, так же как и Просвещение, общеевропейское течение, однако именно немецкий романтизм оказал наиболее сильное влияние на становление идеологии славянофильского движения. Русские и немцы — два народа, претензии которых на европейское «признание» оставались под сомнением в начале XIX в.: в одном случае ввиду «запаздывания» на фоне более развитых западных соседей, в другом случае, из-за отсутствия политического единства. Начало XIX столетия прошло под знаком наполеоновских войн, иностранной оккупации немецких земель, Отечественной войны 1812 г. Россия и Пруссия пострадали от французской оккупации, и это сближало их геополитические позиции. Франция же с ее богатой культурой оказывалась своеобразной точкой отсчета для формирования национальных идеологий этих двух народов. От Франции русские и немцы отталкивались как от «недостойного хранителя» культурных ценностей, но к ней в то же время притягивались как к обладателю культурного образца.

Другим сближающим моментом оказались философские интенции немецкой и зарождающейся русской философии: идеализм и интуитивизм. Материализм и прагматизм не стали плодоносящими деревьями на философской почве России и Германии. Что касается самих плодов, то они в России долго оставались неоригинальными, заимствованными, слабыми копиями «западных» оригиналов.

Хотя учение о «народном духе» в философии немецкого идеализма разрабатывалось не как самостоятельная концепция, а как часть более общей философской системы И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, невозможно не заметить субъективного стремления немецких интеллектуалов к процветанию своей страны, призыва к ее объединению. Если Германия нуждалась в объединении, то в случае с Россией остро стояла проблема внутренней интеграции: слишком велика была дистанция между социальными верхами (дворянством) и низами (народом, подавляющее большинство которого составляло крестьянство). Ориентация на сближение с «народом» в поиске своих корней обусловила усиление интереса к «низовым» течениям собственной культуры, что породило самобытные ориентации в развитии русской общественной мысли. В русле самобытничества развивалась вся великая русская литература «золотого века».

Сторонниками идеи самобытности России оказывались люди самых разных политических ориентаций, в том числе консерваторы и монархисты. Национальная идеология проникает в официальную сферу. Повсеместное утверждение национализма как политического принципа потребовало соединения «народности» с правящей династией и «натурализации» Романовых в качестве «великороссов». В 1832 г. граф С. Уваров предлагает Николаю I к утверждению теорию «официальной народности», где «народность» появляется как новый, соответствующий требованиям времени принцип, наряду с «православием» и «самодержавием».

В 1840-х гг. формируется славянофильство, философское направление, обосновывающее существование особого, православного типа культуры и отождествляющее его духовно-нравственные основания с содержанием русской национальной идеи. Выступая с позиции критики западного либерализма как идейной традиции «материалистического» толка, славянофилы настаивали на самобытности исторического, отмеченного печатью «божественного избранничества», опыта России.

Ю.М. Лотман писал о славянофилах следующее: «По своей природе классическое славянофильство — одно из течений европейского романтизма — порождено страстным порывом “найти себя”. Такая постановка вопроса уже подразумевала исходную потерю себя, потерю связи с народом и его глубинной культурой, тем, что ещё предстоит обрести и положить во главу угла»³⁶.

Публичными площадками, на которых вызревало национальное самосознание России в XIX в., стали публицистика и литература, а главной темой — отношение к простому человеку из народа и противоречие между идеалом русского крестьянина, с одной стороны, и реальным и непонятым для представителя образованного сословия «мужиком», с другой стороны. Элементами национальной идеологии стали идеализация русского крестьянина как воплощения «народного» начала, критическое отношение к западным заимствованиям на русской почве, геополитические притязания России на духовное лидерство среди славянских народов.

Идея славянского единства под эгидой России была сформулирована еще в XVII в. хорватским писателем Юрием Крижаничем. Но обрела она «вторую» жизнь лишь после успешных войн против Турции в конце XVIII в. и освобождения от наполеоновской оккупации. «...В одно прекрасное утро Россия проснулась первым лицом на европейской сцене, сознавая свое грозное, подавляющее всех вокруг могущество и — не без ужаса и отвращения — воспринимаясь европейцами как величина не просто равная, но явно превосходящая их своей не знающей снисхождения силой.

Для истории идей в России победа над Наполеоном и вступление в Париж — события не меньшей жизненной важности, чем реформы Петра. Они породили у русских сознание национального единства, самоощущение великой европейской страны, признанной в этом качестве и другими...»³⁷.

Европа жаждала доказательств правомерности стремлений России занять свое место на ее геополитическом поле. России же было необходимо найти свою нишу, где она имела бы право голоса. Так возникает славянская тема, охватывающая буквально все стороны общественной жизни России: и право-

³⁶ Лотман Ю. М. Современность между Востоком и Западом. С. 157–162.

³⁷ Берлин И. Великая европейская страна // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 512.

славие, и византийство, и отношения с соседними восточно-европейскими государствами³⁸.

Путь в Европу должен был проходить через Балканы. Балканы — единственный в мире регион за российскими пределами, где внешняя политика России прямо делала ставку на этнический и религиозный фактор. Политическая мобилизация южных славянских этносов, находившихся под властью Османской и Австро-Венгерской империй, была неразрывно связана с их борьбой за политическую независимость, которую Российская империя всячески поддерживала. Будучи одной из крупнейших империй, Россия также существовала и как единственное суверенное славянское национальное государство. Противоречие между имперским и национальным принципом государственного строительства составляло известную проблему с точки зрения внутренней геополитики России. Однако во внешней геополитике это позволяло ей играть исключительную роль в процессах этнического возрождения славянских народов. Частью этой «игры» являлись и активная позиция России на Балканах, и дипломатическое противоборство с Австро-Венгрией, и открытая борьба за собственные интересы в Причерноморье с Османской империей.

В русском национальном самосознании доминировало представление о том, что именно Россия находится в центре славянского православного мира, призвана ему покровительствовать и его защищать. В славянофильстве К. и И. Аксаковых, А. Хомякова, И. Киреевского, Н. Данилевского, В. Ламанского отразились мечты части русского общества о реализации исторического призвания России возродить славянский мир и через эту деятельность занять достойное положение среди других европейских стран. Такой геополитический альтруизм подкреплялся весьма честолюбивыми намерениями отвоевать черноморские проливы у Турции и в будущем, как предполагал Н. Я. Данилевский, сделать Константинополь столицей Славянской Федерации.

Хотя политика официального Петербурга в восточном вопросе не отличалась определенностью и постоянством, идея славянского братства, популярная в российском общественном сознании XIX в., не могла не влиять на внешнюю политику России. Многие россияне отправлялись добровольцами на Балканы, в Грецию и Италию сражаться за независимость народов этих регионов от иностранного владычества. Готовность жертвовать своей жизнью, стремление посвятить себя борьбе за свободу и счастье другого народа (коль скоро российская действительность XIX в. оставляла мало места для социального творчества людей определенного социального типа, известного русской литературе как тип «лишнего человека») составляют мотивацию героев литературных произведений А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, В. М. Гаршина.

Свободолюбие и патриотизм славянофилов не мешали российскому правительству преследовать более узкие интересы в отношении славянских народов,

³⁸ Замятин Д. Н. Славия // Там же. С. 482.

вошедших в состав Российской империи. Данное обстоятельство делало уязвимым ее внутреннюю и внешнюю геополитику. Наиболее остро в этом ряду стоял польский вопрос. Речь Посполитая, исчезнувшая с политической карты после трех разделов ее территории между Россией, Австро-Венгрией и Пруссией (1772–1795), продолжала существовать в XIX в. как миф, объединяющий поляков. Его структурными компонентами оставались те элементы идеологии, которые акцентировали мессианские — религиозные и геополитические — представления о поляках как об избранном народе на католической земле, а о самой Польше как последнем форпосте Запада на крайнем востоке Европы.

С момента своего возникновения Польша выступала в славянском мире как двойник Руси, претендуя на земли, отошедшие к Великому княжеству Литовскому после ордынского нашествия. С образованием Речи Посполитой (1569 г.) ее элиты позиционировали польское государство, во-первых, как посредника между Западом и Востоком, во-вторых, как объединителя славян под знаменем католицизма, что встречало известное сопротивление православных подданных Речи Посполитой. Многочисленные войны с Московским государством, Швецией, Пруссией, а также внутренние проблемы привели ее к поражению, в результате которого она лишилась государственности.

Польский народ тяжело переживал эту утрату. Утрата государственности, однако, не уменьшила геополитических амбиций польской элиты. Приобретая в результате разделов Царство Польское, Российская империя, казалось бы, добилась желаемого: ее земли обрели, наконец, границу с землями «коренной» Европы. В действительности же мятежная Польша (если вспомнить восстания 1794, 1830–1831, 1846, 1848, 1863–1864 гг.) стала своеобразным «барьером» для России на пути в Европу.

В период после разделов и до восстания 1930-х гг. образованная часть российского общества рассматривала «польский вопрос» как внутреннее дело, «семейную вражду», спор славян между собой. Однако после восстания 1830–1831 гг. даже оппозиционно настроенные к официальной российской власти славянофилы стали относиться к Польше с недоверием. В свою очередь поляки успешно противостояли русификации, сохраняя свой язык, обычаи, культурное наследие, реконструировав и переосмыслив их применительно к новым условиям. Польша стала «камнем преткновения» в идейной экспансии России на Запад, претендуя на роль лидера славянской интеграции в Европе.

В 1850–1860 гг. формируется польский, антироссийский по духу вариант панславянской идеологии, начало которому кладет теория неславянского происхождения великороссов Ф.-Г. Духинского. Теория Духинского нашла множество почитателей среди польской образованной публики. Критические высказывания профессионалов (Н. И. Костомарова, И. А. Бодуэна де Куртене, А. Н. Пыпина) не могли поколебать восторженного отношения к ней поляков, число ее последователей множилось. Она пропагандировалась среди украинского и белорусского населения, получила широкое хождение за пределами

Польши. Представители польской аристократии, эмигрировавшие на Запад, распространяли ее в салонах Парижа и Лондона, формируя в глазах европейцев, прежде всего французов и англичан, образ Польши как «европейской» страны, а польской культуры как культуры «свободы». Смысловым антиподом Польши в этой оппозиции представляла Россия как «полуазиатская» страна и «деспотичная» держава.

Таким образом, можно констатировать, что у России в XIX в. была возможность обрести свое европейское, «славянское» лицо. Однако эта возможность в полной мере не реализовалась. Нерешенный польский вопрос, поддержка, оказываемая Османской империи европейскими державами, а также внутренние причины не привели к желаемому политическому единению славян под главенством России. На этом фоне набирала силу и в полный голос заявила о себе тенденция поиска самобытного, собственно «русского» лица. Это не противоречило общему настрою романтического XIX в., утвердившего национализм как принцип внутренней геополитики.

Глава 16. Цивилизационный дихотомизм и образ России в философии русской идеи

В 30–40-х гг. XIX в., в период рождения национальной философии, проблема самобытности России становится предметом философской рефлексии: Россия — это Восток, Запад или особый мир, не сводимый ни к тому, ни к другому? С этого времени споры вокруг русской идеи определяют дальнейшее развитие русской философской и общественной мысли.

Вхождение русской национальной философии в пространство мировой философии немислимо без освоения тех понятий и представлений, которые являлись наиболее влиятельными для своего времени. В их числе оказались и представления о «западном» и «незападном» типах общества как несводимых друг к другу способах общественного бытия. Уже в XVIII в., начиная с «Персидских писем» Ш. Монтескье, в научной литературе, а затем и в общественном сознании формальное признание приобретают категории «Запад» и «Восток». Это становится условием производства дискурса ориентализма, стиля мышления, который оправдывает доминирование над «Востоком», выстраивая его образ как образ «другого», отличного от «Запада».

Если «Западу» приписывались атрибуты активности, субъектности, власти, то категория «Восток» фиксировалась через понятие «отсутствия» — отсутствие изменений, прогресса, свободы, разума, всех тех свойств, которые традиционно определяют и характеризуют Запад³⁹. Условием возможности ориентализма в науке и практик колониализма в политике стало техническое,

³⁹ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. С. 170.

в том числе и военное, преимущество европейцев на рубеже XVIII и XIX в. Именно это обстоятельство является одним из объективных оснований глобального неравенства и производства дискурсов, нацеленных на оправдание несправедливого мирового порядка.

Вопрос о социокультурной идентичности России — это именно та проблема, вокруг которой происходит становление национальной философской традиции. Вместе с тем задача самоописания уникальности российского мира перестает быть частным, внутренним делом только тогда, когда для ее решения привлекаются универсальные категории. Такими категориями являются, на наш взгляд, категории «Восток» и «Запад». Всякая репрезентация в некотором смысле искажает реальность. Не являются исключением и указанные категории в силу неустрашимости их нагруженности ориенталистскими коннотациями наличия / отсутствия субъектности, власти, прогресса.

П. Я. Чаадаев так писал об этом: «Мир искони делился на две части — Восток и Запад. Это не только географическое деление, но также и порядок вещей, обусловленный самой природой разумного существа: это — два принципа, соответствующие двум динамическим силам природы, две идеи, обнимающие весь жизненный строй человеческого рода. Сосредотачиваясь, углубляясь, замыкаясь на самом себе, созидался человеческий ум на Востоке; раскрываясь вовне, излучаясь во все стороны, борясь со всеми препятствиями, развивался он на Западе. По этим первоначальным данным естественно сложилось общество»⁴⁰.

Поскольку различные варианты русской идеи разрабатывались как историко-философские концепции, т. е. с позиций поиска целей и смысла всемирной истории, Восток и Запад предстают не столько как географические, сколько культурно-исторические категории: Востоку приписывалось значение наиболее древнего культурного пространства, Западу — более молодого и современного. Оценивая с позиций христианского провиденциализма прошлое России, ее перспективы и историческую миссию в будущем, отечественные мыслители (П. Я. Чаадаев, А. С. Хомяков, К. Н. Леонтьев, Вл. С. Соловьев, Л. П. Карсавин, Н. А. Бердяев и др.), при всем различии их позиций, связывали генезис российского мира с общим, христианским генезисом, который, по их мнению, был первоначально единым с Европой.

«Мы живем на востоке Европы — это верно, и тем не менее мы никогда не принадлежали к Востоку. У Востока — своя история, не имеющая ничего общего с нашей. Ему присуща, как мы только что видели, плодотворная идея, которая в свое время обусловила громадное развитие разума, которая исполнила свое назначение с удивительной силой, но которой уже не суждено снова проявиться на мировой сцене... Мы... очень далеки от благоуханной долины

⁴⁰ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 146.

Кашмира и от священных берегов Ганга. Некоторые из наших областей, правда, граничат с государствами Востока, но наши центры не там, не там наша жизнь, и она никогда там не будет»⁴¹.

П. Чаадаев недвусмысленно дает понять, что азиатский Восток и Восток Европы (т. е. Россия) — это два разных Востока. При этом он вполне в духе немецкой классической философии развивает представление об исторических народах, т. е. народах, участвующих в мировом процессе (народы Запада), в то время как другие народы в этот отрезок времени либо еще не приступили к своей миссии (Россия), либо уже выполнили ее (восточные народы). Предметом беспокойства Чаадаева является не только отчуждение России от Западной Европы, разделение христианского мира и впадение в «грех» византизма, но отсутствие у России качественной определенности, присущей Востоку и Западу: «Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы, так сказать, чужды самим себе»⁴². «Стоя между двумя частями мира, Востоком и Западом, мы должны были бы соединить в себе оба державных начала, воображение и рассудок. Этого не случилось: исторический опыт для нас не существует, поколения и века протекли без пользы»⁴³.

Вместе с тем Чаадаев полагал, что не бывает народов напрасных, и если нельзя объяснить их существование «нормальными законами нашего разума», значит, должна быть какая-то иная логика. «Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, их заблуждения и суеверия... Больше того: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество»⁴⁴.

Определенное созвучие этим идеям можно найти у Вл. С. Соловьева. Отрицая идеалы византизма, Соловьев утверждал интернациональное значение миссии России как миссии возвращения к первоначальному христианству, к духовному примирению Востока и Запада в богочеловеческом единстве вселенского христианства⁴⁵. «Россия не призвана быть только Востоком, ... в великом споре Востока и Запада она не должна стоять на одной стороне, представлять одну из спорящих партий, ... она имеет в этом деле обязанность посредническую и примирительную, должна быть в высшей степени третьей стороной этого спора»⁴⁶.

⁴¹ Там же. С. 147–148.

⁴² Чаадаев П. Я. Философические письма // Там же. С. 25.

⁴³ Там же. С. 29.

⁴⁴ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. С. 150.

⁴⁵ Замалеев А. Ф. Три лика России // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 15.

⁴⁶ Соловьев В. С. Нравственность и политика. Исторические обязанности России // Соловьев В. С. Соч. в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 276–277.

Задача России как задача воплощения христианского идеала во всемирной истории наиболее полно выражена им в «Русской идее». Отталкиваясь от тезиса о том, что человечество представляет собой единый социальный организм, а отдельные нации — его члены, Соловьев определяет национальную идею следующим образом: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»⁴⁷. «Русская идея, мы знаем это, не может быть ничем иным, как некоторым определенным аспектом идеи христианской, и миссия нашего народа может стать для нас ясна, лишь когда мы проникнем в истинный смысл христианства»⁴⁸.

Однако на пути осуществления этой миссии, по мнению Соловьева, лежит национальный эгоизм. Принеся его в жертву, отказавшись от политики русификации и признав религиозную свободу единоверцев (речь в данном случае идет о поляках-католиках), Россия сможет дать пример истинно христианского братства и приступить к реализации своей исторической миссии, которая одновременно является миссией для других, общемировой миссией.

Идея всеединства, выраженная в философском творчестве П. Я. Чаадаева и В. С. Соловьева, несмотря на прозападные симпатии обоих авторов, несет в себе совершенно определенные черты мессианства. Во-первых, русская идея — это идея не только для себя, но и для «других», «для мира». Во-вторых, горечь по поводу несовершенного исторического прошлого сочетается с верой в высокий смысл будущих задач, главная из которых заключается в установлении такого мирового порядка, который был бы справедливым и соответствовал высоким христианским идеалам. Запад в их суждениях предстает как целое, единство которого, на наш, выглядит несколько гипертрофированным в силу того, что и Чаадаев, и Соловьев недооценивали значимость раскола между католичеством и протестантизмом. Восток же дифференцирован на два «востока»: Восток, от которого отталкиваются как от чуждой в культурном отношении реальности (азиатский восток), и православный Восток (Россия), с которым Запад имеет общие христианские корни. В то же время оба мыслителя полагают, что промежуточное положение России между Востоком и Западом является ее преимуществом и залогом в успешном выполнении грядущей миссии.

В концепциях славянофилов и К. Н. Леонтьева также присутствуют мессианские мотивы, хотя они и выражаются иначе. Мессианизм славянофилов вырастает из их представления о том, что Запад (Европа) снимает с себя историческую миссию под натиском формальных, материальных начал и их торжества над духовными. По мере отказа от христианских ценностей право начинает доминировать над правдой, индивидуализм и эгоизм над любовью к ближнему, рассудок над цельностью живого знания. Европа, пренебрегши христианскими началами своего устройства, движется к закату. Ее место духовного лидера

⁴⁷ Соловьев В. С. Русская идея // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 312.

⁴⁸ Там же. С. 331.

должна занять Россия, которая является не только оплотом правой веры, но и сосредоточием славянского единства, способного примирить Восток и Запад на православно-христианской основе⁴⁹.

По ряду моментов позиция Леонтьева близка славянофильским концепциям. Запад, по его мнению, уже миновал пору своего расцвета: «Запад, стремительно упрощаясь, систематически смешиваясь, бессознательно подчинился космическому духу разложения»⁵⁰. В то же время он не питает славянофильских иллюзий и полагает, что славянские народы на пути от «цветущей сложности» к «мертвящему» упрощению идут едва ли не впереди остальных европейцев.

Связывая унификацию с началом разложения и гибели, Леонтьев тем не менее далек от мысли, что все европейские народы следуют по этому пути. Примером сохранения традиций, монархического начала в противовес уравнивающему, демократическому, Леонтьев полагает Англию.

Что следует делать России в этом так называемом «прогрессе»? «И при этой мысли относительно России представляются немедленно два исхода: или 1) она должна и в этом *прогрессе* подчиниться Европе, или 2) она должна устоять в своей отдельности. Если ответ русских людей... будет в пользу отдельности, ... надо крепить себя, меньше думать о *благ*е и больше о *силе*»⁵¹. В любом случае, будет ли Европа сильной, или она станет слабой, России необходима самодисциплина: в первом случае для того, чтобы защищать себя, во втором — для того, чтобы помочь Западу спасти то, что достойно спасения⁵².

Важно подчеркнуть, что славянофилы и Леонтьев видели Россию в роли мирового лидера, который должен прийти на смену Европе в эпоху «восстания масс». Занимая в вопросе о генезисе российского мира позицию, общую с Чаадаевым и Соловьевым, они тем не менее не оценивали отчуждение России от Европы как однозначно отрицательное явление. Скорее отношение славянофилов и Леонтьева к расколу внутри христианства было двойственным: с одной стороны, единству христианского мира был нанесен ущерб, с другой стороны, именно византийская традиция в первозданности сохранила раннехристианские идеалы и оказала решающее влияние на формирование государственных и общекультурных начал православной России («Святой Руси»).

Дистанцируясь от однобокого толкования взглядов тех и других как однозначно «почвеннических» или «прозападных», в определенном отношении все же следует признать уместность таких характеристик. Для Чаадаева и Соловьева современная им Европа была идеалом, а достигнутые ею успехи —

⁴⁹ Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Введение // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 6.

⁵⁰ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 287.

⁵¹ Там же. С. 289.

⁵² Там же. С. 290.

в каком-то смысле символом будущего процветания России. Для славянофилов и Леонтьева Европа как идеал осталась в прошлом. Славянофилы выделяли православно-славянский культурный мир Восточной и Южной Европы из общего массива европейской культуры. Будущее России они связывали с внутренней силой, заключенной в первоизданной чистоте христианско-православного Востока, которую Россия унаследовала от Византии.

Идейная позиция поздних славянофилов и К. Леонтьева намечает интеллектуальный тренд в осмыслении проблемы социокультурной идентичности России во второй половине XIX — XX в., который заключается в переходе от христианского провиденциализма русской идеи к геополитике. Его истоком стал отказ от европоцентризма и появление концепций, в которых роль Востока и Запада как значимых конструктов резко падает. На рубеже XIX и XX в. «эпоха Колумба» в географии заканчивается. Все значимые географические объекты уже открыты и описаны. Наступает пора осмысливать существенные связи между географией и историей.

Первым, кто бросил вызов европоцентризму, оказался Н. Я. Данилевский (1869). Он подхватывает признанную уже в первые десятилетия XIX в. идею единства евразийского материка, разделяющуюся немецкими и французскими учеными. Пересматривая правомочность физико-географического определения Европы как континента, он замечает, что первоначальным критерием для отделения континентов было противопоставление суши и моря. Допуская, что географические знания, доступные географам античности, делали правомочным разделение мира на три обособленных континента (Европу, Азию и Африку), он настаивает, что уже в Средние века такое разделение было несостоятельным. Оспаривая предположение о том, что Урал является частью границы между Европой и Азией, Данилевский настаивал на том, что разделение территории России на европейскую и азиатскую может быть поставлено под сомнение⁵³.

Данилевский начинает свою аргументацию с географических доводов. «Но может ли быть признано за Европой значение части света — даже в смысле искусственного деления, основанного единственно на расчленении моря и суши, — на взаимно ограничивающих друг друга очертаниях жидкого и твердого? Америка есть остров; Австралия — остров; Африка — почти остров; Азия вместе с Европой также будет почти островом. С какой же стати это цельное тело, этот огромный кусок суши, как и все прочие куски, окруженный со всех или почти со всех сторон водой, разделять на две части на основании совершенно иного принципа? Положена ли тут природой какая-нибудь граница? Уральский хребет занимает около половины этой границы. Но какие же имеет он особые качества для того, чтобы изо всех хребтов земного шара

⁵³ *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // *Российская империя в зарубежной историографии: Антология.* М.: Новое изд-во, 2005. С. 288–289.

одному ему присвоивать честь служить границею между двумя частями света, честь, которая во всех прочих случаях признается только за океанами и редко за морями? Хребет этот по высоте своей — один из ничтожнейших, по переходимости — один из удобнейших; в средней его части, около Екатеринбурга, переваливают через него, как через знаменитую Алаунскую плоскую возвышенность и Валдайские горы, спрашивая у ямщика: да где же, братец, горы? Если Урал отделяет две части света, то что же отделять после того Альпам, Кавказу или Гималаю? Ежели Урал обращает Европу в часть света, то почему же не считать за часть света Индию? Ведь и она с двух сторон окружена морем, а с третьей горами — не Уралу чета; да и всяких физических отличий (от сопредельной части Азии) в Индии гораздо больше, чем в Европе. Но хребет Уральский, по крайней мере, — нечто; далее же честь служить границей двух миров падает на реку Урал, которая уже совершенное ничто. Узенькая речка, при устье в четверть Невы шириной, с совершенно одинаковыми по ту и по другую сторону берегами. Особенно известно за ней только то, что она очень рыбна, но трудно понять, что общего в рыбности с честью разграничивать две части света. Где нет действительной границы, там можно выбирать их тысячу. Так и тут, обязанность служить границею Азии с Европой возлагалась, вместо Урала, то на Волгу, то на Волгу, Сарпу и Маныч, то на Волгу с Доном; почему же не Западную Двину и Днепр, как бы желали поляки, или на Вислу и Днестр, как поляки бы не желали? Можно ухитриться и на Обь перенести границу. На это можно сказать только то, что настоящей границы нет; а, впрочем, как кому угодно: ни в том, ни в другом, ни в третьем, ни в четвертом, ни в пятом — нет никакого основания, но также нет никому никакой обиды. Говорят, что природа Европы имеет свой отдельный, даже противоположный азиатскому, тип. Да как же части разнородного целого и не иметь своих особенностей? Разве у Индии и у Сибири одинаковый тип? Вот если б Азия имела общий однородный характер, а из всех ее многочисленных членов только одна Европа — другой, от него отличный, тогда бы другое дело; возражение имело бы смысл»⁵⁴.

Однако выводы, к которым он приходит, в конечном счете, носят уже не географический, а историсофский характер. Будучи «почвенником», Данилевский разделял общее для поздних славянофилов представление об отдельной культуре как единой целостности, обладающей чертами самобытности. Абсолютизируя эту отдельность, Данилевский тем не менее следовал логике общей для европейской науки методологической парадигмы эволюционизма, предполагающей выделение и систематизацию из многообразия изучаемых объектов отдельных типов, что ему и удалось сделать применительно к от-

⁵⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому / Сост. и комментарии А. В. Белова / Отв. ред. О. А. Платонов. 2-е изд. М.: Ин-т рос. цивилизации, Благословение, 2011. С. 71–73.

дельным культурам. Результатом работы Данилевского стала теория особых культурно-исторических типов, прямо входящая в противоречие с эволюционизмом в толковании им идеи прогресса как неизбежного восхождения от простого к сложному, от низшего к высшему.

Концепция Данилевского была воспринята и послужила основой для формирования геополитических воззрений его последователей. Среди них особый интерес вызывают идея славяно-азиатской цивилизации К. Н. Леонтьева и концепция В. И. Ламанского, в соответствии с которой Россия предстает как Средний мир, отличный от Европы и от Азии.

Уже у Леонтьева образ Европы (Запада) то дробится на множество национальных образов, то сливается в один в рассуждениях о миссии России. В то же время у поздних славянофилов и Леонтьева более выраженные очертания приобретает Восток азиатский. Последний рассматривается Леонтьевым уже не только как нечто чуждое, но и как источник творческой энергии, которым может прирастать Россия, правда, после некоторой культурной обработки. Приведем для сравнения вполне ориенталистское по духу высказывание славянофила более раннего поколения А. С. Хомякова: «Россия приняла в свое лоно много разных племен: финнов прибалтийских, приволжских татар, сибирских тунгузов, бурят и др.; но имя, бытие и значение получила она от русского народа... Остальные должны с ним слиться вполне: разумные, если поймут эту необходимость; великие, если соединяться с этой великой личностью; ничтожные, если вздумают удерживать свою мелкую самобытность»⁵⁵.

Для Леонтьева же назначение России не является «односторонне славянским». Ей суждена миссия создать новую, славяно-азиатскую цивилизацию, что вытекает из самого положения России, в судьбах которой слились славянские и азиатские корни. В самом характере русского народа выработались, по мнению Леонтьева, черты, которые гораздо больше напоминают «турок, татар и других азиатов», нежели южных и западных славян. Оттого в этом характере можно найти много чего такого, что не свойственно ни Западу, ни Востоку. Резюмируя свои обобщения, Леонтьев констатирует, что Россия есть мир особой жизни, правда, не нашедший пока себе своеобразного стиля⁵⁶.

Еще более заостренно проблема «отдельности» России возникает в творчестве другого последователя Данилевского, географа Ламанского. Он делает следующий шаг в направлении деконструкции оппозиции между Азией и Европой в работе «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Ламанский утверждает, что Европа представляет собой полуостров Азии, с которой она составляет одно целое, одну часть света — Азийско-Европейский материк. «Отправляемся ли мы с крайнего запада так называемой Европы на восток или с юга собственной Азии на север и запад, по мере удаления нашего от центров

⁵⁵ Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А. С. О старом и новом. М.: Современник, 1988. С. 102.

⁵⁶ Замалеев А. Ф. Три лика России. С. 11–12.

чисто-европейской или чисто-азиатской жизни и образованности мы приближаемся к тем странам Европы и Азии, которые, включая в себя много элементов чисто-европейских и чисто-азиатских, имеют однако в общем свой особый тип, носят на себе особый характер. Этот тип или характер довольно резко отличает эти страны от собственной Европы и от собственной Азии.

Предполагаем на первый раз хорошо известным и достаточно определенным понятие историко-культурных характеров: 1) обственной или так называемой западной, т. е. романо-германской или католическо-протестантской Европы, и 2) собственной Азии, с древними и средневековыми цивилизациями ее исторических племен и народов и с варварством и полудикостью ее разнообразных племен и народов неисторических или полуисторических. Мы таким образом можем в обозначении указанных разновидностей или главных отделов Азийско-Европейского материка ограничиться пока следующими терминами: 1) собственная Европа, 2) собственная Азия и 3) Средний мир, т. е. не настоящая Европа и не настоящая Азия. Вступая в пределы этого Среднего мира из Азии, мы должны сказать, что тут Азия кончается, но Европа еще не начинается; точно так же вступая в него из Европы, мы в праве сказать: здесь кончается Европа, и еще не начинается Азия. Ближайшее обозначение границ и внутренних признаков этого Среднего мира, между собственно Европою и собственно Азией, этого Востока для Европы и Севера и Запада для Азии, может помочь нам найти более подходящее и меткое для него название, точнее определить давно отыскиваемые и вообще трудно находимые границы между настоящими Европой и Азией»⁵⁷.

В основе этой дифференциации, по Ламанскому, лежат не только климат и география, но также и культурные критерии, среди которых он выделяет религию, язык, нравы, политическое и общественное устройство. Европейский и азиатский миры не рассматриваются им как абсолютные целостности в силу, прежде всего, отсутствия преобладания одной веры, одного языка, одного народа. Когда же Ламанский рассуждает о Среднем мире, т. е. о России, он подчеркивает именно его целостность. Основание этой целостности лежит в доминировании восточно-славянского этнического элемента и православного христианства, которые играют роль объединяющих культурных элементов, несмотря на культурное многообразие России. Фактором, облегчающим интеграцию, является отсутствие серьезных географических барьеров, которые могли бы послужить препятствием для перемещения масс людей.

Однако специфическое единство российского мира кроется не столько в географии, религии и этническом доминировании восточных славян, которые есть лишь факторы или предпосылки его самобытности, сколько в социальном характере населяющих этот мир народов. В этом характере заключено «безгра-

⁵⁷ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. М.: Книга по требованию, 2011. С. 3.

ническое стремление к свободе духа во всех проявлениях человеческой деятельности, полнейшее уважение к достоинству и правам человеческой личности, без различия полов, званий и состояний, сознание внутренней обязательности для каждой, без исключения, личности самоосуждения, раскаяния, самопожертвования и братского благоговения к людям»⁵⁸.

Споры вокруг социокультурного самоопределения России не замыкались рамками философской или научной дискуссии. На рубеже XIX и XX в. оппозиции «Россия — Восток» и «Россия — Запад» осваиваются массовым сознанием внутри России. Наш «Запад» — это, прежде всего, европейская часть Российской империи (в том числе Финляндия и Польша), наш «Восток» — это Сибирь, Дальний Восток и другие ее восточные регионы⁵⁹. Социокультурная идентичность России в этот период осмысливалась в понятиях «народности» как единства восточнославянского этнического субстрата, «православия» как культурного фундамента этого единства и формообразующей роли «монархии» — власти русского царя как легитимной основы российской государственности. Выстроенная таким образом идентичность становится ориентиром не только внутренней, но и внешней геополитики России с середины XIX в. до 1914 г., т. е. до начала Первой мировой войны. Представление об особой исторической миссии России по отношению к православным единоверцам является важной составной частью этой идентичности.

В то же время набирают силу геополитические концепции, в которых место категорий «Азия» и «Европа», «Восток» и «Запад» занимают понятия центра и периферии. Одной из таких теорий, получивших со временем широкое признание, является «теория Хартленда» Х. Маккиндера, предложенная им в работе «Географическая ось истории» (1904). С его точки зрения субъектами истории выступают: 1) народы осевого региона, или Хартленда (центральной Евразии, совпадающей с территорией Российской империи / СССР); 2) страны «внутреннего полумесяца», территория которых выходит на приморские окраины Евразии вдоль всего ее периметра (Северная и Западная Европа, Средиземноморье, Ближний Восток и Передняя Азия, Индия, Индокитай, Китай); 3) народы «внешнего полумесяца» (обеих Америк, Африки, Австралии).

Другой популярной для своего времени теорией является предложенный К. Хаусхофером немецкий вариант евразийства, военно-политической доктрины «Континентального блока» Германии, России и ряда европейских и азиатских стран, призванного объединить континентальные государства в альтернативный западному англосаксонскому миру блок. Доктрины Ламанского, Маккиндера и Хаусхофера внимательно изучали военные и ученые, в том числе и географы. Один из них, П. Савицкий, предложил в качестве концепта, определяющего специфику этого «срединного» мира, понятие Евразии. Обь-

⁵⁸ Ламанский В. И. Указ. соч. С. 51.

⁵⁹ Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск: НГПУ, 2006. С. 48–49.

единившееся вокруг него интеллектуальное течение русской мысли, известное как евразийское, продолжило развитие русской геополитической мысли за пределами ставшей советской России.

В Советском Союзе социокультурная идентичность осмысливалась в понятиях надэтнической гражданской общности «советский народ», межклассовой гармонии как основания солидарности в социалистическом обществе, «коммунизма» как перспективы развития общества, его идеологии и ведущей политической партии советского общества. Разумеется, формулы коммунизма, советскости и межклассового мира, попадая из мира идеологии в мир повседневности, приобретали причудливые очертания, весьма своеобразно трансформируясь в противоречивые, порой весьма амбивалентные образы, наиболее выпукло представленные в фольклоре (например, в анекдотах). Однако принципиальными и для «высокой» идеологии, и для фольклорного нарратива остаются оппозиции «СССР — империалистический мир во главе с США и странами Запада», с одной стороны, и «СССР — страны третьего мира (или неблоковые государства)», с другой стороны. Представления об особой миссии советского государства по отношению к развивающимся странам, народам, угнетенным практикой колониализма и неоколониализма, претерпевают определенную трансформацию: от призывов экспорта мировой революции в 1920-е гг. к риторике «помощи братским народам» в 60–80-х гг. XX в.

Существенной стороной в дискуссиях, осмысляющих идентичность России (Российской империи / СССР) в оппозициях «Россия — Восток» и «Россия — Запад», является момент связи идеи «для себя» с идеей «для других», что нашло отражение и в массовом сознании, и в идеологии. Представление об особом месте России в мировой истории доктринально прослеживается еще со времен инока Филофея и его доктрины «Москва — Третий Рим» (XVI в.). Однако только после «Философических писем» П. Я. Чаадаева русская идея предстает в новом качестве: как снятое во всемирно-историческом процессе противоречие между универсальным и самобытным, всеобщим и особенным. Русская идея как национальная идея, включающая представление об особой исторической миссии России, несмотря на разногласия в оценке ее характера, получает философское обоснование в трудах отечественных философов, мыслящих в категориях универсализма (П. Я. Чаадаева, Вл. С. Соловьева, К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева).

Параллельно с развитием идей универсализма набирает силу ориентация на полицентризм и плюрализм. Ее проявлением в социогуманитарном знании на рубеже XIX–XX вв. стало появление геополитики. Кризис европоцентризма, начало которого положила работа Данилевского «Россия и Европа», протекал в острой конкуренции ориентализма и геополитики. Серьезной вехой на этом пути можно считать евразийство.

Евразийцы, несмотря на наличие в своих рядах религиозно ориентированных философов и историков (Г. В. Флоровского, Л. П. Карсавина), которые

в разное время становились участниками этого движения, решали проблему своеобразия российского мира вполне материалистично, за что подвергались критике со стороны того же Флоровского, Н. А. Бердяева и других идеологов философии русской идеи. Новым в позиции евразийцев было следующее:

- заострение антитезы Запад — Россия;
- отказ от признания общих с Европой христианских корней;
- слияние двух Востоков — русского православного и азиатского, находящегося на периферии российского мира, — в один «великий востокозапад» — «Россию-Евразию»⁶⁰.

И если Леонтьев «растворил» Восток в России, то евразийцы попытались растворить Россию в «туранстве». Они поменяли полюса в дихотомии «Восток» — «Запад» на прямо противоположные, связав с тюрко-монгольским элементом («Востоком») в развитии российского мира позитивные начала социальной жизни, а с «западным» — негативные.

Таким образом, можно зафиксировать определенные этапы ментальной трансформации геополитического образа России в пространстве философских концепций. Усилиями Просвещения в XVIII в. произошло становление образа России-как-Европы, первого в сети образных представлений о единстве страны в совокупности ее территории, населения и государства. Под влиянием романтизма в XIX в. возникает образ России как восточноевропейской страны, покровительницы и защитницы православных народов славянского мира. Родившаяся в этом интеллектуальном тренде философия русской идеи формирует представление о России как вполне самобытной стране.

Представление о России как о самобытной стране сохраняет свое звучание и в евразийстве. Вместе с тем евразийство порывает с христианским провиденциализмом философии русской идеи. Идеи евразийцев вырастают на фундаменте позитивистской науки как рациональной формы познания, отрицающей религиозное мессианство. Частью «позитивного» знания до 1917 г. оставались и география, и этнография, и история народов Востока, в том числе и Востока России.

Глава 17. Знание и власть в геополитическом проектировании развития народов и регионов России

В Российской империи изучение культуры и истории народов восточных областей страны осуществлялось в рамках географической науки. Координатором этих исследований на протяжении долгого времени оставался этнографический отдел Императорского русского географического общества (ИРГО),

⁶⁰ *Флоровский Г. В.* Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 237–266; *Бердяев Н. А.* Евразийцы // Там же. С. 292–300.

созданного в 1845 г. Важными направлениями его деятельности на протяжении десятилетий оставались экспедиционный сбор научных сведений, собственно исследовательская деятельность и распространение достоверных научных знаний.

Поражение в Крымской войне обусловило переориентацию геополитической активности России с европейско-ближневосточного направления на восточное направление, т. е. на Сибирь и Среднюю Азию. Как отмечал российский геополитик В. Л. Цымбурский, в российской истории выделяется три «европохитительских» цикла (1710–1856, 1906–1921 / 1923, 1939–1990), разделенных двумя «евразийскими интермедиями» (1857–1905, 1921 / 1923–1939).

В ходе «евразийских интермедий» при снижении активности России на европейском и средиземноморском направлениях росла ее вовлеченность в дела Средней и Центральной Азии, Дальнего Востока. Первая евразийская интермедия охватывает срок с 1857 по 1905 г., время покорения Средней Азии и продвижения к Афганистану, экспедиций Русского географического общества в Центральную Азию, освоение Дальнего Востока и Маньчжурии. Первая евразийская интермедия начинается с поражения России в Крымской войне и заканчивается русско-японской войной и поворотом к Антанте. Об этом времени О. Мандельштам писал как о «домашнем периоде русской культуры», который «прошел под знаком интеллигенции и народничества», о поре «отпадения от великих европейских интересов»⁶¹.

Как отмечает в своем исследовании историк Т. А. Кузнецова, примечательно изменение отношения исследователей, сотрудничавших с ИРГО, к восточным окраинам Российской империи. Если до 1890-х гг. в текстах авторов, публиковавшихся на страницах периодических изданий ИРГО, регулярными были сочетания с топонимом «Сибирь» слов «колония», «колонизация» («сподручная колония России», «земледельческая колония», «отдаленная колония» и др.), то в 1890-х гг. колониальная риторика уступает место признанию за восточными областями, такими как, например, Сибирь и Дальний Восток, регионального статуса. «В публикациях этого времени исследователи начали чаще упоминать слова «окраина», «провинция». Показательно усиление приближенности Сибири к России при помощи местоимений «наша», «наши»: наша Сибирь, наш Дальний Восток, наша восточная окраина и др.»⁶². Наследуя имперской идее, провозглашенной в эпоху петровской модернизации, российская геополитика

⁶¹ Цымбурский В. Л. Циклы «похищения Европы» (Большое примечание к статье «Остров Россия» // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1995. Т. 2. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/comment; Мандельштам О. Э. Барсучья нора // Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4 т. М., 1991. С. 271. Т. 2.

⁶² Кузнецова Т. А. Тема Сибири в периодических изданиях Императорского Русского географического общества второй половины XIX — начала XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. С. 15.

литика вплоть до рубежа XIX и XX в. ориентировалась на ориенталистский дихотомизм, предполагавший противопоставление европейской метрополии и азиатской периферии. Однако, оставаясь в глазах Запада Востоком, Россия вынуждена была искать различные варианты незападного политического и социокультурного опыта управления территориями и народами за пределами исторического ядра России. Проявлением этой ориентации является тенденция на интеграцию нерусского населения в политико-административные и социокультурные структуры российского общества на равноправных основаниях с другими его членами.

Эта черта, как отмечает другой историк, Е. П. Ковалышкина, оставалась одним из очевидных отличий позиции российской власти, несмотря на трансформацию ее представлений о задачах государственного строительства, от политики западноевропейских государств, основанной на представлении о «внешнем» статусе туземцев колоний. **Этнокультурная гетерогенность России, вошедшая к XVI в. в политическое сознание Московского царства как должное, исключала вопрос о человеческой неполноценности «иноземцев».** Переориентация на западноевропейскую культурную модель хотя и изменила отношение к культурным особенностям неевропейских народов, сохранила традицию признания за ними социального равенства⁶³.

Вместе с тем снисходительно-покровительственное отношение к ним как к требующим опеки, заметное в правовых актах XVI–XVII вв., в сочинениях авторов XVIII–XIX вв. **получает оценочную окраску в соответствии с просветительским монолинейным взглядом на историю.** Идеология Просвещения, воспринятая в том числе и через концепцию «просвещенного абсолютизма», давала моральное и рациональное обоснование государственного патернализма. Представление об универсальности культурного прогресса оставляло мало места для признания права на самобытное развитие⁶⁴. Это открывало перед государством самые широкие возможности произвольного вмешательства в исторически сложившиеся формы жизнедеятельности народов России⁶⁵.

Право полновластного вмешательства в жизнь своих подданных является частным проявлением традиции доминирования российского государства над обществом. Под принуждающей опекой оказывались все сословия и народы. В отношении же нерусских народов патернализм проявился с наибольшей отчетливостью вследствие представления об их эволюционной отсталости. Иной подход к проблеме культурной гетерогенности России отличал российское научное сообщество. Наиболее полно он обнаружился в воззрениях географов, этнографов, востоковедов, в том числе сибиряков — деятелей областнического

⁶³ *Ковалышкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях государственной политики и областнической мысли: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 13–14.

⁶⁴ Там же. С. 14.

⁶⁵ Там же. С. 16.

движения, Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева, предложивших идею устойчивого партнерства власти и народов, сохраняющих традиционные формы своего жизнеустройства, а в качестве альтернативы эволюционизму — идею сотворчества народов Востока и Запада⁶⁶.

Накопленный в последней трети XIX в. этнографический материал свидетельствовал о сходстве элементов культур народов Востока и Запада. Наиболее полно это сходство прослеживалось в сюжетах мифов, сказок и легенд. По мнению Г. Н. Потанина, который сам собирал полевой фольклорно-этнографический материал в своих экспедициях по Центральной Азии и использовал его для сравнительных сопоставлений, это обстоятельство объясняется единством законов человеческого мышления и заимствованиями. Исследовательская работа позволила ему сформулировать тезис о глубоком влиянии культур народов Азии на западноевропейскую культуру, что пришло в противоречие с господствующим на тот момент времени европоцентристским взглядом на историю.

Суть методологической позиции областников, как полагает Ковалышкина, определялась формулой «единство в многообразии»⁶⁷, призванной снять противоречия между тенденциями нарастания универсализма и утверждения самобытности. Отмечая вклад областников в утверждение этой формулы как ценностной основы современного представления о правах человека и социальной гармонии, она приходит к выводу о том, что их взгляды сыграли определенную роль в утверждении идеи многополярности и культурного плюрализма. «Аксиологическую платформу областничества Потанин формулировал, обращаясь к постулату абсолютности человека как высшей социальной ценности, в основу развития которого должны быть положены его собственные устремления, но не внешние соображения. Позиции демиурга, характерной для социально-политических экспериментов, предпочиталась идея изменения общества путем внутренней эволюции на основе осознания необходимости перемен самим социумом. Эти установки, ставшие в конце XX в. основой прав человека и гражданина, определили отношение областников к проблемам существования «частного» в «общем», под категории чего можно отнести содержание «инородческого вопроса» и концепцию автономии областей в поли-

⁶⁶ См. также: *Шиловский М. В.* Сибирские корни евразийства // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 1: Культурный космос Евразии. С. 102–111; *Пелих Г. И.* Историческая концепция Г. Н. Потанина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006; *Селиверстов С. В.* Г. Н. Потанин: Сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 3. С. 107–115; *Шерстова Л. И.* Этнографическая проблематика в труде Г. Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии». Непреходящая актуальность и современное восприятие // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 2 (14). С. 15–18.

⁶⁷ Слова В. Лесевича. Цит. по: *Козьмин Н. Г.* Потанин. Биографический очерк // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 140.

тически едином государстве»⁶⁸. В целом, справедливо определить вклад областничества в развитие российского федерализма как существенный.

В творчестве областников очевидна аналогия между признанием за неевропейскими народами права на собственное понимание прогресса и неприятием «центризма», сковывающего социальную инициативу. Настаивая на необходимости смягчения диспропорций между центром и регионами, они добились признания от власти принципа упреждающего уважения, безусловного равенства народов, культур, территорий, возможности развития последних на принципах автономности и самостоятельного целеполагания. Выступая за развитие регионализма и форм гражданского самоуправления, они выступали против колониального статуса Сибири, пусть и существовавшего лишь в своей дискурсивной форме. Почву для формирования представления о Сибири как о колонии давали каторга и ссылка, а также практики злоупотребления власти, связанные с ними.

Следует признать, что сибирский областнический проект обнажил общероссийские политические и социально-экономические проблемы. В их числе можно выделить отсутствие уважения к достоинству личности, произвол власти, диспропорции в развитии регионов. Совокупность всех этих обстоятельств, как полагает А. В. Ремнев, помноженная на обиду сибиряков, вызванную несправедливым, как казалось, отношением к ним столичных властей, остро поставила вопрос о необходимости выживания страны как единого целого, что, как оказалось, невозможно без создания необходимых для этого условий⁶⁹. В числе этих условий можно выделить реализацию проектов по созданию единой системы транспортной коммуникации, способной связать отдельные части страны, и среды доступного образования.

Личный пример лидеров областнического движения стал для многих образцом социального поведения, а активная гражданская позиция, в конечном итоге, привлекла внимание власти, которая оказалась вынужденной реализовывать за Уралом социально-значимые проекты. В их числе — проекты по созданию первого за Уралом Томского университета и Транссибирской железнодорожной магистрали, связавшей центр России с ее восточными окраинами.

Обеспокоенность сибиряков исключенностью региона из жизни страны перестает быть региональной озабоченностью по мере выхода России из периода «евразийской интермедии» и втягивания в новый «европохитительский» цикл, с очевидностью обнаруживший не только технологическое, но и управленческое отставание России от своих геополитических конкурентов, старых (Англии и Франции) и новых (США и Японии). Примечательным в этой связи предстает идея пересмотра оснований региональной дифференциации. Призыв

⁶⁸ Ковалышкина Е. П. Указ. соч. С. 17.

⁶⁹ Ремнев А. В. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX — начало XX века // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А. И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004. С. 313.

перестать делить Россию на европейскую и азиатскую части исходит на этот раз из уст и из-под пера В. П. Семенова-Тян-Шанского в его докладе «О могущественном территориальном владении применительно к России» (1912) и в последующей статье (1915).

Имея в виду истонченность «меча» имперской колонизации на востоке страны, он предложил покончить с географическим представлением, делящим страну на неравные части, ибо оно делает ее уязвимой. В качестве особой «культурно-экономической единицы», Русской Евразии, он выделяет территорию между Волгой и Енисеем от Северного Ледовитого океана до южных границ империи⁷⁰. Автор концепции Русской Евразии призывает перестать считать эту территорию окраиной. Он полагал, что о ней нужно говорить как о «коренной» и равноправной Европейской России земле.

Для осуществления проекта Русской Евразии, по мнению Семенова-Тян-Шанского, необходимо было создавать культурно-экономические базы на востоке страны⁷¹. Идея сдвига экономического и культурного центра государства к его географическому центру открыла возможность сформулировать на десятилетия стратегическую задачу, вытекавшую из необходимости выживания и укрепления страны в новых геополитических реалиях наступившего XX в. В отличие от будущих евразийцев, автор проекта Русской Евразии видел ее именно как проект, а не как географическую данность.

Как полагал В. Л. Цымбурский, осуществивший анализ статьи В. П. Семенова-Тян-Шанского, ее текст состоит из двух слоев: первоначального и последующего. Первоначальный, который можно охарактеризовать как «восточнический», был создан между 1910 и 1912 г. Он выдержан в традициях первой «евразийской» интермедии (периода между крымской и русско-японской войнами) и оставляет основания полагать его близость докладу, сделанному в 1912 г. на заседании Отделения физической географии Академии наук. Другой слой относится к 1915 г., когда статья была впервые опубликована «с поправками и дополнениями». Этот слой Цымбурский характеризует как соответствующий новому циклу активности России в балто-черноморском направлении, обесценившему «евразийские смыслы» предыдущего исторического этапа⁷². Цымбурский полагал, что содержание этой статьи, без сомнения, было известно другому географу, П. Н. Савицкому, который стал в 1920-х гг. одним из идейных лидеров евразийства.

⁷⁰ *Семенов-Тян-Шанский В. П.* О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк по политической географии // Рождение нации. Серия альманахов «Арабески» истории / Сост. А. И. Куркчи. М.: ДИ-ДИК, 1996. Вып. 7. С. 593–616.

⁷¹ Там же.

⁷² *Цымбурский В. Л.* Дважды рожденная «Евразия» и геостратегические циклы России // Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 441–463.

По мнению Цымбурского, обе «Евразии», и Семенова-Тян-Шанского, и Савицкого, порождены «евразийскими» этапами российской истории. Евразия Семенова-Тян-Шанского возникла на излете первого этапа, Евразия же евразийцев — на заре второго (1921 / 1923–1939). Обесцененная к середине 1910-х гг. как геополитическая заявка, «Евразия» сохранилась в репертуаре российской геополитики и дождалась второго рождения после смены геополитической конъюнктуры⁷³.

Вторая евразийская интермедия охватывает окончание гражданской войны и эпоху строительства социализма в одной, отдельно взятой стране, включение в СССР Средней Азии, превращение Тувы и Монголии в советские протектораты, ангажированность в Китае и противостояние с Японией на Дальнем Востоке⁷⁴. В практике социалистического строительства повторное рождение евразийской идеи ознаменовалось реализацией плана ГОЭЛРО, с которого началась полномасштабная индустриализация Урала, Сибири и Дальнего Востока. В теории же оно связано с рождением евразийства, интеллектуального течения русской эмиграции, видным деятелем которого был географ П. Н. Савицкий. Разрабатываемая им и его единомышленниками теория опиралась на идеи русских географов. От Ламанского евразийство унаследовало идею срединности российского мира, несводимого ни к Европе, ни к Азии. Из арсенала сибирского областничества была воспринята идея равноправного сотворчества народов Востока и Запада. Сам же концепт «Евразия» был заимствован у В. П. Семенова-Тян-Шанского, с трудами которого П. Н. Савицкий, без сомнения, был знаком, хотя ссылок на работу «О могущественном территориальном владении применительно к России» у евразийцев не найдено.

Глава 18. От ориентализма к посториентализму: евразийский поворот в геополитике

Концепт «Евразия» возникает позже в сравнении с концептами «Восток» и «Запад». Им активно пользовались русские ученые — эмигранты, вынужденные в силу идеологического расхождения с большевиками покинуть Советскую Россию в начале 20-х гг. XX в. В географическом смысле «Евразия» — континентальный сектор материка Евразия, целостный субконтинентальный макрорегион, отделенный с севера и востока мировыми океанами, с юга — горами и пустынями: Кавказом, степями и пустынями Туркмении, Памира, Тянь-Шаня, пустыней Гоби, Большим Хинганским хребтом. С запада и юго-востока естественные границы менее выражены. С Запада это идущая от Балтики до

⁷³ Цымбурский В. Л. Дважды рожденная «Евразия» и геостратегические циклы России. С. 441–463.

⁷⁴ Цымбурский В. Л. Циклы «похищения Европы» (Большое примечание к статье «Остров Россия»...)

Черного моря изотерма (линия равных температур) января в 0° по Цельсию, граница, разделяющая область морского климата с теплой сырой зимой и континентального климата с сухой морозной зимой. С юго-востока эта граница задается субтропиками.

Однако само содержание концепта «Евразия» в доктринах евразийцев гораздо более глубоко и несводимо только к географии. «Евразия» евразийцев является символом закономерного, целостного, реально существующего природно-культурного единства. Евразия — это «месторазвитие» народов, которые не есть ни европейцы, ни азиаты. Авторы новой концепции (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев, Л. П. Карсавин) называли их евразийскими, усматривая их культурное единство в географической и этнографической целостности России как особого «евразийского» мира. Хотя тексты евразийцев не всегда выдерживают научной критики с точки зрения идеологической пристрастности, присущей геополитическим текстам вообще, тем не менее они вполне соответствуют духу позитивистской науки, которая в 1920–1930-е гг. переживала кризис эволюционизма.

На волне этого кризиса утверждается самостоятельность этнологии как науки, ориентированной на приоритет культурного плюрализма в противовес идее иерархии культур. Философской предпосылкой указанного кризиса стали труды Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера, в которых постулировалась идея многообразия путей исторического развития отдельных стран и народов. В эти годы формируется теоретический каркас цивилизационной теории А. Дж. Тойнби. В этнологических исследованиях 1920–1930-х утверждается авторитет школы Ф. Боаса, выступающего за признание равноценности и самодостаточности отдельных культур, прежде всего неевропейских. Приметы кризиса колониальной системы отражались в смене аксиологических и методологических приоритетов научного сообщества.

Н. С. Трубецкой так описывает признаки этого кризиса и изменившуюся после Первой мировой войны роль России. «Вступление России в семью колониальных стран происходит при довольно благоприятных auspiciis. Престиж романо-германцев в колониях за последнее время заметно падает. Презренные “туземцы” всюду постепенно начинают поднимать головы и относиться критически к своим господам...

...В сознании значительной части “азиатов” большевики, а с ними вместе и Россия прочно ассоциировались с идеями национального освобождения, с протестом против романо-германцев и европейской цивилизации. Так смотрят на Россию в Турции, Персии, в Афганистане и в Индии, отчасти в Китае и в некоторых других странах Восточной Азии. И этот взгляд подготавливает будущую роль России, России уже не великой европейской державы, а огромной колониальной страны, стоящей во главе своих азиатских сестер в их совместной борьбе против романо-германцев и европейской цивилизации... В прежнее время, когда Россия еще была великой европейской державой, мож-

но было говорить о том, что интересы России сходятся или расходятся с интересами того или иного европейского государства. Теперь такие разговоры бессмысленны»⁷⁵.

Антиколониальный тренд оказался плодотворным для развития русской геополитической мысли. Он позволил выделить Россию как самостоятельный объект геополитических исследований, с одной стороны, и заявить о ее субъектности в историческом процессе языком науки, с другой стороны. Вне зависимости от оценки научной значимости евразийского наследия само существование евразийской концепции можно считать серьезным вкладом в развитие отечественной геополитики.

Главным положением евразийства можно считать тезис о России как «сердцевине» материка Евразия. «Положение России в окружающем ее мире можно рассматривать с разных точек зрения, — пишет Савицкий в своей работе “Степь и оседлость”. — На этих страницах мы хотим привести некоторые замечания — исторические и хозяйственно-географические — предполагающие рассмотрение исторических судеб и географической природы Старого Света именно как целостного единства. В порядке такого восприятия устанавливается противоположение “окраинно-приморских” областей Старого Света — восточных (Китай), южных (Индия и Иран) и западных (“Средиземье” и Западная Европа), с одной стороны, и “центрального” мира с другой, мира, заполненного “эластической массой” кочующих степняков, “турок” или “монголов”»⁷⁶.

Концепции евразийцев, так же как и история самого движения, не раз становились объектом научного анализа. Наиболее принципиальные тезисы их учения, сформулированные оценочно-нейтрально, заключаются в следующем.

Во-первых, в представлении об особом пути развития России как Евразии. Самобытность этого пути связана со спецификой «месторазвития» ее народов, находящихся в постоянном взаимодействии. Перспектива исторического развития России связывалась евразийцами с реализацией на разных исторических отрезках альтернативных ориентаций — западной и восточной.

Во-вторых, в представлении об особой роли православия в рамках евразийской цивилизации. Православие, с одной стороны, сформировало особый, «симфонический» тип личности, с другой стороны, делегировало государству часть своих полномочий. Это позволило государству, по мнению евразийцев, занять позицию духовного лидерства во взаимоотношениях человека и общества. Данное представление явилось следствием определенной идеализации государственного начала в истории России и стало основой учения об идеократическом государстве.

В-третьих, в представлении об особой роли в становлении российской государственности московских князей как восприимчивых монгольских ханов.

⁷⁵ *Трубецкой Н. С.* «Русская проблема» // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 53–54.

⁷⁶ *Савицкий П. Н.* Степь и оседлость // Там же. С. 123.

Свержение татарского ига, по мнению евразийцев, свелось к перенесению ставки из Сарая в Москву. По настоящему мощной державой Россия стала, как считали евразийцы, тогда, когда восприняла в свою культурную и политическую традицию «туранский элемент», влияние которого оценивалось как положительное и на национальную психологию русских⁷⁷.

Наиболее емким наброском евразийской концепции всемирной истории является статья Г. В. Вернадского «Монгольское иго в русской истории». Отстаивая в противовес европоцентризму цивилизационный подход, историк вводит понятие «мировых империй» для характеристики политических образований, объединяющих разнородные цивилизации. Так, Римская и Византийская империи состоялись, по его мнению, как мировые именно потому, что обеспечивали взаимодействие культуры земледельческой и культуры кочевнической степи, в отличие, скажем, от Священной Римской империи германского народа Карла Великого, имеющей провинциальный статус. Как мировую определил Вернадский и Монгольскую империю. Это позволило ему по-новому взглянуть на значение монгольского периода русской истории. Включение восточнорусских земель в ее состав означало, по его мнению, перемещение их из маргинального положения, которое они занимали в системе взаимоотношений с Византией, в самую стремнину исторического потока⁷⁸.

Исторические и географические штудии евразийцев требуют профессиональной оценки с учетом критериев, предъявляемых соответствующими науками к критике научных выводов и тех фактов и источников, на которые опирались исследователи евразийского направления. Однако их анализ происходящих на родине социальных изменений, в том числе и в области национальной политики, заслуживает самого пристального социологического взгляда.

Прежде всего, отмечается изменение статуса русских после революции. Вот как пишет об этом Трубецкой. «Та Россия, в которой единственным хозяином всей государственной территории был русский народ, — эта Россия отныне отошла в историческое прошлое. Отныне русский народ есть и будет только одним из равноправных народов, населяющих государственную территорию и принимающих участие в управлении ею»⁷⁹. Падение роли русского фактора как интеграционной доминанты российской государственности востребовало иные объединяющие факторы. В качестве такового временно, по мнению Трубецкого, был востребован социальный идеал пролетарской революции. Однако, полагал Трубецкой, он может быть только временным, а не постоянным

⁷⁷ Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Введение // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 15–21.

⁷⁸ Антошенко А. В. Россия в контексте всемирной истории (Евразийский проект Г. В. Вернадского) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 33.

⁷⁹ Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 91.

в силу того, что пролетариат как таковой отсутствует в качестве классового элемента у многих народов на евразийском пространстве. Из этого вытекает, что класс, каковым является пролетариат, не может претендовать на роль «единого субстрата государственности» России. «Следовательно, национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом»⁸⁰.

Следует отметить наследование элементов народничества в мировоззренческих исканиях евразийцев, тогда как само народничество, понимаемое евразийцами как социалистическое, т. е. атеистическое течение, отвергается ими как стоящими на почве православия. Политические же расхождения между народниками и евразийцами справедливо признаются последними как несущественные⁸¹.

«Работая над своим собственным, индивидуальным самопознанием, каждый человек познает себя, между прочим, и как представителя данного народа. Душевная жизнь каждого человека включает в себе всегда известные элементы национальной психики, и духовный облик каждого человека включает в себе известные элементы национальной психики, и духовный облик каждого отдельного представителя данного народа непременно имеет в себе черты национального характера в различных, смотря по индивидууму, соединениях друг с другом и с чертами более частными... Если этот человек занимается творческой культурной работой, его творчество, неся на себе отпечаток его личности, неизбежно будет окрашено в тон национального характера, во всяком случае, не будет противоречить этому характеру...

Но и обратно, самобытная национальная культура сама способствует индивидуальному самопознанию отдельных представителей данного народа. Она облегчает им понимание и познание тех черт их индивидуальной психической природы, которые служат проявлениями общего национального характера... Гармоничная самобытная национальная культура позволяет всякому члену данного национального целого быть и оставаться самим собой, пребывая в то же время в постоянном общении со своими соплеменниками»⁸².

Идейное народничество проявляется и в понимании сущности евразийского национализма. Например, Трубецкой, признающий, что всякий национализм утверждает органическое единство и своеобразие данной этнической единицы, осознает наличие сепаратистских, обособляющих ее от более широких единиц, тенденций. Для того чтобы решить противоречие между утверждением един-

⁸⁰ Трубецкой Н. С. *Общевразийский национализм*. С. 95.

⁸¹ Трубецкой Н. С. *Мы и другие // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн*. Антология. М.: Наука, 1993. С. 83.

⁸² Трубецкой Н. С. *Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн*. Антология. М.: Наука, 1993. С. 39–40.

ства этноса и стремлением его обособления от более широких общностей, «необходимо, чтобы он комбинировался с национализмом более широкой этнической единицы, в которую данная этническая единица “входит”. В применении к Евразии это означает, что национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общеевразийским, т. е. евразийством»⁸³.

Что же давало евразийцам основание рассматривать мир России как единство, а не конгломерат близких по типу, но не интегрированных в целое совокупность этносов? Первый приблизительный, пусть и весьма частичный, ответ может быть получен через обращение к геополитическим реалиям эпохи, породившей евразийство. Евразийцы не принимали Октябрьскую революцию и не разделяли положения учения о классовой борьбе, так как связывали их с марксизмом, учением, постулировавшим приоритет материальных факторов над идеологическими. В статье «Русская проблема» (1922) Трубецкой прямо провозглашает: «Социализм и коммунизм есть порождения романо-германской цивилизации»⁸⁴. Неприятие материализма как западного, мещанского в негативном смысле этого слова, умонастроения присуще в целом всей русской общественной мысли XIX — начала XX в. Между тем социальная революция стала реальностью. В результате первой мировой войны и революции вместо одной страны — Российской империи — возникло множество независимых государств. Россия перестала существовать как единое государство, что принесло неисчислимые бедствия ее населению.

Противники большевиков, особенно монархисты, выступали идеологами «единой и неделимой» страны. Сами большевики до Октябрьской революции говорили о необходимости поражения России в Первой мировой войне, ибо полагали это благом для нее, в перспективе ведущим «одну отдельно взятую страну» к социалистической революции. Не только идеология, но и практика большевиков (например, призыв к братанию с немецкими солдатами летом и осенью 1917 г.) имела определенные деструктивные последствия, которые поставили под сомнение дальнейшее существование российской государственности. Тем не менее, когда власть большевиков официально утвердилась в большинстве регионов бывшей Российской империи (за исключением Польши, Финляндии и Прибалтики), советские республики объединились в 1922 г. в Союз Советских Социалистических Республик. Определенную роль в этом процессе сыграла и утрата надежды на мировую революцию, что и обусловило переход ко второй «евразийской интермедии», продолжавшейся до начала Второй мировой войны.

Оставаясь в оппозиции советскому режиму, евразийцы приветствовали возникновение СССР и его первые шаги в мировой политике. Некоторые из них испытали определенные иллюзии относительно опыта государственного

⁸³ Трубецкой Н. С. *Общеевразийский национализм*. С. С. 96.

⁸⁴ Трубецкой Н. С. «Русская проблема». С. 51.

строительства в СССР, усматривая в большевистской партии «испорченный» идеей коммунизма прообраз идеократической партии нового типа. Идеализации подвергались Советы и советская модель межнационального государственного устройства. Это и стало началом конца евразийства как политического движения. За этим последовали внутренний раскол, отъезд части евразийцев в советскую Россию и репрессии, которым те подверглись в сталинских лагерях.

Между тем евразийство как интеллектуальное течение русской эмиграции пережило свое время. Восприимчиком П.Н. Савицкого в СССР стал Л.Н. Гумилев, отбывавший с ним срок в ГУЛАГе и находившийся с ним впоследствии в переписке. Не делал секрета из своих евразийских ориентаций и известный лингвист Р.О. Якобсон, научный единомышленник Трубецкого, в 1960–1980-х гг. активно сотрудничавший в области науки с советскими учеными: литературоведами и семиологами.

«Второе дыхание» евразийство набирает в начале 1990-х гг., когда наследие эмигрантской мысли становится предметом интереса не только потому, что это знание дотеле было неизвестным широким кругам научного сообщества на родине евразийцев, но еще и потому, что распад СССР актуализировал опыт исторического наследия Российской империи. Наследию евразийцев была уготована счастливая участь, так как идеи, которые ими предлагались, были созвучны их соотечественникам на территории бывшего СССР, пространство которого вновь стало конгломератом независимых государств. Противоречия, которые раздирали бывшие советские республики, вплоть до вооруженных региональных конфликтов, выступали факторами дезинтеграции некогда единого социокультурного пространства СССР. И хотя положения этого учения имеют явно выраженный утопический характер, тем не менее они содержат некое рациональное зерно, которое придает живучесть евразийскому наследию. Это, прежде всего, привлекательность идеи органического единства народов российской многонациональной цивилизации.

Образ России-как-Евразии является последним в сети образных репрезентаций страны в философских концепциях досоветского и внесоветского пространства. С распадом СССР появляются новые философские и научные концепции, которые на новом историческом этапе развития страны востребуют арсенал русской философии в конструировании теорий, объясняющих цивилизационную специфику России. Однако изменившийся с глобализацией социокультурный контекст трансформировал интерьер пространства научных теорий, что потребовало «встраивания» цивилизационной геополитики в доминирующие научные тренды: теорию модернизации, глобалистику, мирсистемный подход.

РАЗДЕЛ 5. СИБИРСКИЙ ВЕКТОР В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КООРДИНАТ

Глава 19. После евразийства: образ России в постсоветских геополитических исследованиях

Осмысление парадокса российской модернизации в постсоветских цивилизационных исследованиях

В пространстве современной геополитики после распада СССР представлен целый репертуар образных репрезентаций России. Их спектр чрезвычайно широк. Между тем пространство выбора в настоящее время задается двумя полюсами: европейским как либеральным и евразийским как почвенническим. Это обстоятельство, а также целый ряд других причин, в числе которых — неприятие вестернизаторской модели модернизации основной массой российского населения, подтолкнули социологов подвергнуть коррекции некоторые положения формационной и модернизационной парадигм, базовым подходом для которых является системно-генетический, или, иначе говоря, системно-исторический, подход. Кратко напомним его принципы.

Каждая система рассматривается как внутренне противоречивая и развивающаяся во времени, линейном и необратимом. Исторический процесс понимается как последовательное и неизбежное восхождение от низших форм развития к высшим, от простых — к сложным, от несовершенных — к совершенным. Ключевыми категориями системно-генетического подхода, унаследованными от диалектических систем Г. Гегеля и К. Маркса, являются понятия прогресса и снятия, или диалектического отрицания предшествующей стадии последующей, более развитой стадией, в творческом синтезе, результатом которого становится новое качество. При этом исходное состояние, или предыдущая ступень исторического развития, включается в более развитое состояние как момент связи пройденных ступеней.

Первыми ощутили необходимость уточнения и коррекции некоторых положений системно-генетического подхода историки. Требовали объяснения временная растянутасть и незавершенность модернизации российского общества. В рамках концепции «прогрессивного развития» не удалось найти убедительной интерпретации асинхронности социальных изменений в различных сферах общественной жизни. Так, научный тип рациональности и ин-

дивидуализированная модель поведения в российской культуре формируются в XVIII в. на петровском этапе преобразований, задолго до промышленного переворота и становления индустриального производства. Еще позже наступает черед политической модернизации. Всеобщая грамотность становится достоянием народа лишь в XX в. Фазы политической модернизации обычно чередуются в российском историческом процессе с антимодернизационными откатами. Не нашел объяснения и парадокс разнонаправленности социальных изменений государства и общества: чем более «насильственными» меры государственной модернизации, тем более «архаичным» оказывается общественный ответ на них. В результате такого противоречивого развития более поздние уклады жизни сосуществуют в российском обществе с более ранними, традиционными укладами.

Каждая последующая фаза модернизации усиливала различия между частями общества. Петровские реформы породили контраст между модернизированными столичными анклавами и консервативной российской провинцией. Советская модернизация привела к огромной социальной дистанции между городом и селом. Постсоветскую фазу модернизационного перехода сопровождал рост бедности подавляющего большинства россиян на фоне утраты обретенных в 1990-е гг. политических свобод.

Оказалось, что в рамках одного общества сосуществуют типологически различные его сегменты, каждый из которых имеет свою «хронологическую» привязку ко времени своего становления. В случае принятия аксиомы линейно-стадиального развития истории это означает, что каждый из таких сегментов общества хронологически «относится» к определенному, отстоящему далеко от современности историческому периоду¹. Парадокс одновременности типологически разнородных и хронологически одновременных явлений в структуре российского общества не ослабляется, а, напротив, усиливается по мере развертывания глобализации. Она вовсе не ведет к поглощению исторически более «прогрессивным» укладом менее «прогрессивного». Напротив, социальное разнообразие только нарастает.

Стало очевидно, что линейно-стадиальная модель нуждается в корректировке, что и показал опыт России 1990-х гг. В постсоветский период отечественные исследователи активно начали осваивать миросистемный подход, в основе которого лежат модель «центр — периферия», предложенная А.Г. Франком, и концепт «неравномерного развития» И. Валлерстайна.

Миросистемный подход сформировался как критика концепта «недоразвитие», предложенного У. Ростоу для характеристики обществ, распрощавшихся с традиционной культурой, но не перешедших к зрелому модерну. В практике

¹ *Корель Л.В.* Адаптация в меняющемся мире: от традиции к рациональности // Россия и россияне в новом столетии: Вызовы времени и горизонты развития. Исследования новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. С. 165.

миросистемного подхода «недоразвитие» понимается как следствие эксплуатации ныне «недоразвитых» стран ныне «развитыми» странами. Поскольку «развитые» страны никогда не были «недоразвитыми», а были лишь «неразвитыми», недоразвитость не есть ни их первоначальное, ни их прошлое состояние. По Франку, недоразвитость является источником капитализации ныне развитых стран. По этой логике следует согласиться с Франком в том, что для того, чтобы «недоразвитая» страна прошла все стадии экономического роста ныне «развитых» стран, она должна найти народы, которые можно эксплуатировать и довести до «недоразвитого» состояния, как это делали в прошлом ныне «развитые» страны.

Эта концепция ставит в центр анализа производство качественных различий, обусловленных функционированием капиталистической миросистемы как системы разделения труда. Именно она, по мнению Валлерстайна, вызвала к жизни национальные рынки и национальные государства Европы, сложившиеся к концу XVII столетия. Выигрыш, который они получили в результате неравноценного обмена, позволил им занять «ядерную» позицию в структуре становящейся в Новое время мировой экономики, оставив цивилизациям и регионам, включившимся туда позже, в Новейшее время, место в ее периферии и периферии. Это противоречит представлению об «отсталости» «недоразвитых» стран и возможности «догоняющего» развития, способного вывести их в разряд развитых стран. «Специфические» черты «отстающих» стран являются результатом их включенности в мир-экономику и закрепления за ними их «догоняющего» места в миросистеме. «Великая иллюзия теории модернизации состояла в обещании сделать всю систему “ядром” без периферии. Сегодня вполне очевидно, что это невыполнимо»². Основываясь на марксистском подходе в понимании центра и периферии как частей системы присвоения прибавочной стоимости буржуазией, Валлерстайн рассматривает их отношения в категориях классового конфликта. Миросистемный подход позволяет увидеть российскую периферию не только как удаленную от столицы, крупного города или районного центра «глубинку», но и как пространство, испытывающее благодаря своему зависимому от центра положению ресурсное ограничение в развитии. Однако отказ от анализа отдельного общества и связей между его членами оставил за пределами миросистемного исследования комплекс образующих общество неэкономических (исторических и культурных) отношений. Что представляет собой тот социальный клей, который скрепляет конкретное общество, несмотря на экономический антагонизм?

В этих специфических исторических условиях в российской науке на рубеже 1980–1990-х гг. происходит становление цивилизационного подхода. Среди множества теорий, возникших в этот период, одной из самых авторитетных

² Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 42.

была теория «расколотого общества». Ее автор, А. С. Ахиезер, рассматривал раскол как существенную характеристику российской цивилизации. Введя различие понятий конфликта и раскола, он определил раскол как конфликт особого рода, при котором в обществе ценность племенных (традиционных, архаических, этнических) границ оказывается существенно выше ценности человеческой жизни. В концепции Ахиезера Россия предстает «расколотой» страной, страной, где неизбежен конфликт между этническими и национальными ценностями, архаикой и модерном, Востоком и Западом. Раскол является состоянием общества, испытывающего дефицит культурных программ, способных преодолеть конфликт сторон на общенациональной основе путем корректировки целей, отношений, переосмысления смыслов, включенных в этот процесс. Такое состояние общества чревато этническими конфликтами.

Среди причин неспособности преодолеть раскол Ахиезер указывал две наиболее существенные: отсутствие общего культурно-смыслового поля и ограниченность возможностей, которыми обладает российская культура на наличном этапе своего исторического развития³.

Концепция «расколотого общества» стала своего рода интеллектуальным вызовом. Среди «ответов», порожденных дискуссией вокруг нее, наиболее показательными в контексте обращения к образам России на пороге XXI в. можно считать неоконсервативную теорию А. С. Панарина и герменевтическую концепцию В. Л. Каганского. Оба автора в своей аксиоматике разделяют тезис Ахиезера о «внутреннем расколе» социокультурного пространства России. В то же время на вопрос о его интеграции они дали противоположные ответы: евразийский и анти-евразийский.

Россия между атлантизмом и евразийством в неоконсервативной концепции А. С. Панарина

Концепция А. С. Панарина опирается на «охранительную» интенцию в поиске модели цивилизационного развития России. Такая модель не дана ей изначально в силу промежуточного между Востоком и Западом положения в цивилизационном процессе⁴. «Для страны, занимающей промежуточное цивилизационное положение, решающее значение приобретает соотношение местной — малой народной — традиции и великой цивилизационной. В странах, чья национальная жизнь протекает под сводами собственной цивилизации, имеет место существенное совпадение великой и малой традиций — их отношение выступает как отношение частного к общему. Россия не имеет под собой этого

³ Ахиезер А. С. Архаичные ценности в современном этническом конфликте // Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ. Ежегодник. М.: РНИСиН, 1994. С. 36–38.

⁴ Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФ РАН, 1995. С. 27.

благодатного свода. Изначально она, в качестве промежуточной страны, пребывала вне большой традиции Запада и Востока. Поэтому между ее малой (или малыми, если принимать во внимание многонациональный состав) народной традицией и великой цивилизационной традицией возникают острые конфликты, которые и образуют всю драматургию ее периодических модернизаций»⁵.

Эти высказывания удивительным образом напоминают тезисы П. Я. Чаадаева. По своему смыслу они подчеркивают характеристику промежуточности, даже маргинальности России в цивилизационном процессе. В силу этого обстоятельства Россия периодически вынуждена пересматривать свой цивилизационный статус, воспроизводить себя в истории посредством смены социокультурных ориентаций — поисков нового баланса между западными и восточными импульсами. Именно поэтому всякая реформа, по мнению Панарина, ослабляет скрепы, фиксирующие положение страны на оси «Запад — Восток», и поэтому чревата тотальной дестабилизацией⁶.

«В отличие от других, «нормальных» стран, отличающихся относительной устойчивостью и цельностью своего культурного архетипа, Россия с самого начала формировалась как гетерогенное западно-восточное образование, сознательно решая проблему творческого синтеза различных цивилизационных начал... Неустойчивость России как социокультурного типа связана, таким образом, не столько с промежуточным геополитическим положением как таковым, сколько с проблематичностью тех синтезов, которые российское общество создавало в разные моменты своей истории»⁷.

Современный цивилизационный процесс уподобляется Панариным неэквивалентному информационному обмену между разными культурами, одни из которых выступают «донорами», а другие — реципиентами, готовыми пренебречь собственными нормами в пользу престижных «цивилизационных универсалий». В этой дихотомии он относит Россию к культурам второго типа⁸. Решающую роль в этом играет не уровень или качество российской культуры, а направленность массовых устремлений, сориентированных на глобализацию и общество потребления. В ситуации проигрыша в «соревновании двух систем» произошла мобилизация политически активного населения России в форме двух противостоящих проектов: вестернизаторского («атлантического») и евразийского, опирающегося на собственную культурную традицию.

Атлантический сценарий, по мнению Панарина, России не подходит. «Не раз приходилось слышать от наших западников, что лучше отступить до центральных областей страны (уж не до Садового ли кольца Москвы?), но избавиться от гирь “азиатского наследия”». Однако тем, кто готов отступить так

⁵ Там же. С. 131–132.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Там же. С. 47.

⁸ Там же. С. 54.

далеко, пора понять, что им не дадут остановиться там, где они пожелают»⁹. Поскольку у России, в отличие от Запада, нет своего устойчивого ареала, устойчивость ей необходимо обрести внутри себя самой.

Высказывая скепсис в отношении атлантического проекта, Панарин выдвигает контраргументы против него. Первый из них заключается в том, что либерализм на русской почве приобретает черты своего антипода, тоталитаризма. Во-вторых, героический пафос, в котором так нуждается Россия, ныне на Западе в дефиците с уходом протестантской аскезы. Права человека и гражданина невозможно отстаивать без крайних усилий. Однако не они, а пафос потребительского эмансипаторства движет сегодня русским человеком¹⁰. Поэтому следует обратиться к другой стратегии.

Именно ее Панарин именует евразийской. В его работах сложно встретить ссылки на евразийцев первой, эмигрантской волны. Мировоззренчески близкой ему оказывается позиция их оппонентов, православно ориентированных мыслителей, в частности, Г. Федотова и Г. Флоровского. «Создатели русской идеи прекрасно осознавали цивилизационную специфику России и ее историческое призвание, назвав ее «третьим Римом». Россия — Рим, сохраняющий великие интенции европейской цивилизации с ее прометеевским духом, с ее творческим беспокойством, обращенностью не в прошлое, а в будущее. Но она — особый, третий Рим, умеющий творчески распорядиться специфическим евразийским наследием и творчески освоить опыт двух «предыдущих Римов». Мне представляется, что русская идея, в отличие от идей эпигонствующего западничества, содержит особый тип откровения, обращенный к опыту современности, включая продуктивную критику современности»¹¹.

Несмотря на это, в области практических мер он настроен на одну «волну» именно с евразийцами, а не с православными мыслителями. Специфика евразийского сценария для России заключается, по его мнению, в необходимости усиления авторитарных тенденций, дистанцирования от Запада, возрастания роли государства в экономике, повышения значимости идеологического фактора¹².

Панарин определяет цивилизацию как надэтническую общность, имеющую своим основанием неформальную духовную связь этносов и регионов, разнородное население которых имеет общие смыслообразующие принципы, единые представления о достойном. Чем более гетерогенно население в этническом и политическом отношении, тем больше нагрузка на духовные факторы этого единства. Его опорой, по Панарину, является цивилизационная традиция,

⁹ Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе... С. 122.

¹⁰ Там же. С. 126–127.

¹¹ Панарин А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»: парадоксы европеизма в современной России // Панарин А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»: избранная социально-философская публицистика. М.: ИФ РАН, 1996. С. 143–144.

¹² Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе... С. 128–129.

которая несводима ни к этническим устным традициям, ни к государственным идеологемам, рождающимся в рамках «высокой» письменной культуры.

В качестве духовно-мировоззренческого стержня в неоконсервативной концепции выступает религия, которая создает тот тип духовной общности, который преодолевает локализм, этноцентризм и детерминизм природной среды. Даже специфика политического режима может быть в какой-то степени преодолена им.

«Где же лежат основания действительной духовной власти — той способности вызывать подлинную веру, а вместе с нею и готовность к жертвенности и подвижничеству во имя целей, признанных великими? Только прояснив их, мы сможем взвесить перспективы евразийского проекта в России.

Речь идет об идеалах, обладающих достаточной интегрирующей силой для того, чтобы скрепить эмпирически столь разнородные, а сегодня нередко и прямо противопоставленные друг другу этносы, регионы, конфессии. Властвующий национализм и сепаратизм, используя в своих целях местное националистическое жречество, в лучшем случае представляет “малую” традицию, обращенную к племенному прошлому. Однако как только в ответ на это “имперский центр” центр пытается организовать акции полицейского умиротворения, так сразу же обнаруживается бессилие силы. Следовательно, племенным божествам архаичного национализма надо противопоставить нечто большее, чем голая сила. В рамках атлантического проекта им противостояла ниспровергающая цивилизационная “ирония” деидеологизации. В рамках евразийского проекта им должна противостоять более высокая и напряженная вера»¹³.

Концепция Панарина представляет собой умеренный, адаптированный к современным реалиям вариант евразийства. При этом с самим евразийством в ней оказывается не так много общего. Скорее, ее можно охарактеризовать как православно ориентированную модель модернизации. В этой модели образ России предстает нагруженным смыслами жертвенности и аскетизма, даже самоотказа в пользу верховной власти. При этом в оценке компетентности и заинтересованности представителей самой верховной власти у автора модели нет никаких иллюзий. «Трагедия современной российской элиты в целом и гуманитарной в частности состоит в том, что она оказалась из рук вон плохим хранителем цивилизационного наследия “Третьего Рима”»¹⁴. «Мы видим, как номенклатура советского образца, точь-в-точь так же, как боярская номенклатура давних времен, стремясь к безраздельному удельному владычеству, не останавливается перед тем, чтобы разорвать громадную страну по клочкам»¹⁵.

«Одно надо признать: нынешняя правящая элита не годится на роль элиты. Ее творческого потенциала явно не хватает на то, чтобы освоить пространство постсоветской Евразии как единое духовное пространство, содер-

¹³ Там же. С. 134–135.

¹⁴ Там же. С. 229.

¹⁵ Там же. С. 89.

жащее общие принципы жизнестроения и общие вдохновительные цели. Экономикоцентризм ее мышления основан на социокультурном недоразумении: на неумении разгадать в послевоенном экономическом чуде Западной Германии, Европы, Японии скрытой энергетики больших целей — национального и цивилизационного самоутверждения народов, встретивших опасный вызов истории и мобилизовавшихся для достойного ответа»¹⁶. В этой логике остается неопределенность: кто же будет реализовывать проекты государственного строительства, если российская элита и в имперский, и в советский, и в постсоветский периоды традиционно «играла на понижение» цивилизационного статуса своей страны в сравнении с европейскими элитами¹⁷?

Автор неоконсервативной теории обрушивается на принцип национализма с критикой, порой весьма справедливой в контексте тех этнополитических процессов, которые происходили в странах СНГ после распада СССР. Его аргумент заключается в том, что в Западной Европе национализм совпадает с идеей цивилизационной интеграции, тогда как в России он оказался союзником этноцентризма и сепаратизма¹⁸. В силу этого национальная риторика должна быть заменена нейтральной региональной риторикой для того, чтобы остановить логику суверенизации этносов. Что же предлагается взамен принципа национального суверенитета?

Панарин видел будущее России в СНГ, который должен со временем трансформироваться в полноценную федерацию, где вместо «парада суверенитетов» утвердятся принцип «нераздельной коллективной судьбы», а западнический гедонистический комплекс в качестве социокультурного основания уступит место большой государственной идее. «Любая партия в России рано или поздно обнаруживает, что для того, чтобы удержаться у власти, ей надо взять на вооружение государственническую и даже мессианскую идею, связанную с провозглашением мирового величия и мирового призвания России»¹⁹. По его мнению, наиболее адекватной формой государственности для России является не национальное «государство-минимум», а «служилое государство», основанное на существенной доле ратного и административно-политического компонента. Это обстоятельство проистекает из логики духовного по своей природе евразийского цивилизационного процесса, образуемого взаимоотношениями между сакральными фигурами Жреца, Воина и Пахаря в индоевропейской мифологии: Жрец (идеолог) блюдет «идейную монолитность» страны, Воин строит империю, дополняя единство духа единством, скрепленным силой, Пахарь

¹⁶ Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе... С. 240.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Панарин А. С. Расколы и синтезы: конкурс цивилизационных проектов в Евразии // А. С. Панарин. «Вторая Европа» или «Третий Рим»... С. 110.

¹⁹ Панарин А. С. Юбилей Победы: итоги трех мировых войн для России // Там же. С. 78.

держит этот свод на своих натруженных плечах общего кормильца страны²⁰. «В нашем пространстве требуется существенно иной баланс общественно-необходимого времени..., чем в стабильном западном пространстве, доля производительного (экономического) времени, соответственно, ниже»²¹. Панарин настаивает на том, что геополитика без учета цивилизационного фактора остается грубой силой. Возвращение же в цивилизационное пространство как пространство религиозного напряжения, насыщенного смыслами, поднимает ратный труд Воина до уровня мистического подвига.

Концепция Панарина являет собой образец не только консервативно-охранительного взгляда на Россию, но также и современный инвариант философии русской идеи с ее характерными атрибутами утопизма, идеализма и мессианства. Проповедуемая идея авторитарной верховной власти компрометируется им же самым справедливой во многом критикой либерального режима постперестроечной России, отождествляемого с большевизмом. И если последняя аналогия вполне допустима, учитывая вполне «большевистские» методы шоковой терапии гайдаровского периода, то трудно согласиться с отождествлением большевизма с марксизмом только лишь на основе «западной» принадлежности обоих исторических феноменов. Критикуя марксизм за экономоцентризм, автор неоконсервативной теории тем не менее настаивает на приоритете экономической эффективности в выстраивании новой цивилизационной модели.

В концепции Панарина «гетерогенность» России, противопоставляемая им «гомогенности» Европы, выглядит преувеличенной. Однако, если обратиться к истории и культуры, окажется, что Европа как цивилизация далеко не монолитна ни в этническом, ни в конфессиональном, ни в каких-либо иных отношениях. Полагая, что опасность исходит именно со стороны так называемой «малой» традиции, определяемой им как племенная, Панарин фактически отождествляет национальные элиты и высокую письменную культуру, на которую те опираются в процессах нациестроительства, с устной традиционной культурой, что неверно методологически и эмпирически, по факту, не соответствует реальности. Приписывание всей вины за распад СССР одной стороне, местным элитам, ответственным за производство привлекательной эстетики «малых форм» государственности, явным образом противоречит пропагандируемому импульсу самоорганизации. Культурный плюрализм, реабилитация ценностей укоренения, реванш провинций и другие источники творческого саморазвития на локальном и региональном уровне, определяемые автором евразийской неоконсервативной концепции как условия аскезы и героической мобилизации, в конце концов оказываются в подчинении у абстрактного государства, идеализируемого как воплощение некоего евразийского архетипа.

²⁰ Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе... С. 132.

²¹ Панарин А. С. Расколы и синтезы... С. 107.

«В противовес мифу о неуклонной концентрации и централизации, о решающих преимуществах крупных форм, в современной мировой культуре создается мифология «прекрасного малого», более соответствующего человеческим измерениям социального бытия. Можно вообразить себе, какой силой, какой убедительностью должна обладать евразийская идея, чтобы нейтрализовать все эти враждебные импульсы»²².

Пафос мессианства, предложенный в евразийском неоконсерватизме, входил в явное противоречие с социокультурными реалиями первой половины 1990-х гг., когда страна переживала системный кризис. Но самым значимым ограничением евразийской концепции Панарина является ее дуализм применительно к оценке цивилизационной сущности России. Что же такое Россия: самостоятельная цивилизация или страна на стыке цивилизаций? Концепция Панарина оставляет возможность получить оба ответа. Подчеркивая этнокультурную гетерогенность России, он приходит к выводу о ее маргинальном статусе в цивилизационной структуре мира. Но если Россия маргинальна, значит, ее место может занять любая другая страна.

Пафос свободного выбора цивилизационного проекта нивелируется фатальной неизбежностью «служилого государства», структура которого напоминает кастовый строй индоариев, и в этом смысле трехчастная модель (Жрец, Воин, Пахарь) служит не источником мотивации, а, скорее, напротив, вызывает в сознании ассоциацию барьера-ограничителя, накладываемого структурой на социальную мобильность индивида. Таким образом, оказывается, что, по существу, выбора нет.

Откуда же взять источник творческой энергии, способный интегрировать мессианский консерватизм? Панарин полагал, что ее неисчерпаемые ресурсы находятся в Сибири и на Дальнем Востоке. «Можно ли утверждать, например, что сибирское и дальневосточное население России еще сохранило признаки немотовствующего народа, связанные, в частности, с наследием старообрядчества: традиционное трудолюбие, аскезу и мораль, патриархальные предпосылки дисциплины и законопослушания, жажду духовной веры? Именно этими признаками современная тихоокеанская цивилизация отличается от атлантической. Если эти признаки у нашего сибирского населения еще сохранились, ... то цивилизационный маневр, связанный с некоторым смещением центра тяжести с Запада на Восток нашей страны сегодня возможен»²³.

Таким образом, в этой концепции азиатский вектор развития России напрямую соотносится с тихоокеанской цивилизацией, а население Сибири и Дальнего Востока противопоставляется соотечественникам, живущим в ее европейской части, как носитель патриархальных, трудовых, не испорченных гедонизмом ценностей. Россия оказывается «распяленной» между двумя ци-

²² *Панарин А. С.* Россия в цивилизационном процессе... С. 154.

²³ Там же.

визациями, западноевропейской (атлантической) и азиатско-тихоокеанской, а основание ее единства опирается на мессианский утопизм русской идеи.

Евразийский образ пространства России в теории культурного ландшафта

Еще более радикальный ответ на вопрос о единстве России как цивилизации дает концепция В.Л. Каганского. Она опирается на либеральную интенцию и функциональную деконструкцию постсоветского геополитического пространства в духе постмодернистской методологии. Ее автор позиционирует себя не как геополитика, а как представителя отечественной теоретико-географической школы и автора концепции культурного ландшафта. Этим обусловлен и специфический фокус герменевтической географии, преодолевающий контрверзу «западничество — почвенничество». «Россия — страна самобытная, но это стоит понимать и как самобытность почвы исследовательских проблем»²⁴.

С предельной заостренностью Каганский ставит вопрос о соответствии государства РФ стране России. Если РФ является преемственной СССР (и ранее) Российской империи, то страна Россия такой преемственности с прошлым не имеет. Пространство страны представляет собой, по его мнению, конгломерат территорий, тождество которых с Россией проблематично хотя бы потому, что многие из входящих в ее состав ныне ранее никогда не были частями России.

«Да и какой России — ведь в Россию “в максимальном варианте” включаются части Ближнего Востока и Балкан (Афон, Иерусалим, Константинополь), Восточной Европы, кусочки северной Америки (Аляска и русская Калифорния), Китая (Маньчжурия — несостоявшаяся или состоявшаяся “Желтороссия”); Монголия etc.; отождествляют Россию и с Евразией евразийцев. Кроме того, Россия — государство (государства), русская (российская) культура и даже русская литература, святая Русь (“Небесная Русь”), Россия мистиков и визионеров (Д. Андреев и др.), исторические Руси = России: Киевская (Киево-Новгородская), Владимиро-Суздальская, московская, императорская петербургская... Сюда включается (исключается) и Россия советская. А кроме того, и образы Россий»²⁵.

В теории культурного ландшафта Россия как объект исследователю не дана. Есть много разных России. Пространство РФ включает фрагменты и части, каждая из которых имеет собственную определенность. В настоящий момент, по мнению Каганского, РФ включила в себя помимо собственно России (Москвы и номинальных регионов РФ), еще и фрагменты СССР, фактически не вошедшие в состав ставших независимыми государствами союзных республик

²⁴ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. ст. М.: НЛЮ, 2001. С. 508.

²⁵ Там же. С. 380.

(Приднестровье, Абхазия и т. д.). Все эти России, полагает автор концепции культурного ландшафта, реальны, но существуют они по-разному. Правильнее будет сказать, что они сосуществуют как мифологемы и идентификаторы различных социальных групп (слоев российского общества). «Камнем преткновения для российского культурного пространства является то обстоятельство, что любая из этих парадигм претендует на тотальность и единственность»²⁶.

Это делает проблематичным существование самой страны. При этом Каганским вполне справедливо проводится принципиальное отличие страны и государства. Как государство Россия, по его мнению, представляет собой несколько наложенных друг на друга обручей границ: старых, доставшихся в наследство от СССР, и новых. Как страна Россия определена в пространстве слабо и противоречиво: внутренние различия выражены в ней сильнее, чем внешние, а внешние связи прочнее, чем внутренние. «Пространство поляризовано, почти распалось. Главные активные экономико-политические ресурсы сконцентрированы в немногих точках; подавляющее большинство регионов всех рангов финансово несостоятельны и несамостоятельны... В предельном огрублении страна — это огромный груз на ресурсной (нефтегазовой) трубе»²⁷.

Но труба экстерриториальна, не является магистралью, транспортной артерией, базой расселения, не оживляет ландшафт, главные города с ней не связаны, «зарытые в землю трубы — не каркас ландшафта, не основа расселения, в отличие от железных дорог и даже автомагистралей»²⁸.

Представляющееся цельным новое российское пространство есть, по мнению автора концепции культурного ландшафта, Великая Периферия, несинтезированные окраины разных природных и этнокультурных миров: Фенноскандии, христианского и мусульманского Ближнего Востока, китайско-маньчжурского Дальнего Востока, особого буддистского мира и циркумполярной цивилизации палеоазиатских народов.

«С положением России между Востоком и Западом связывают ее судьбу, историческую миссию, функцию в мире, особость исторического существования. Выведение особенностей и судеб предмета из его положения, семантического места вполне оправданно. Но далеко не для всех мест / стран осмысленно выделять особую позицию “между”. Между Арктикой и Антарктикой — остальная поверхность Земли; нет никаких оснований выделить в ней некую часть и приписать особые свойства»²⁹.

Восток как совокупность цивилизаций очень обширен. Поэтому между Востоком и Западом нет единой области как целого, но есть множество регионов. Среди них и РФ. Для того чтобы тезис об особом месте России в мировой

²⁶ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. С. 380.

²⁷ Там же. С. 385.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. 405–406.

цивилизационной структуре имел смысл, необходимо, считает Каганский, доказать, что она занимает существенное положение в промежуточной зоне между Европой и иными, неевропейскими цивилизациями. Таких доказательств, по его мнению, нет. «Включенность в мировую глобальную экономику очень мала, мировые экономические интересы тоже, военные базы — реликт советской мировой экспансии. У страны нет внутренней и внешней политики. Страна-государство пребывает в переходном состоянии; что будет после его окончания на месте РФ — еще неясно. Может ли быть великой державой страна в состоянии самораспада?», — вопрошает автор³⁰.

Распад СССР — это не только распад государственного пространства. Он обнажил огромную проблему единства территории страны. Встал вопрос об основаниях связности огромной территории России, в том числе идейно-смысловой в условиях, когда прежние идеологии не работают. Технократические доктрины сами по себе не создают единого пространства, а либеральная идеология (в отечественной версии) к пространству безразлична. «Территория бывшего СССР, как в целом, так и в пределах РФ, сохраняет многие черты единства и сильные хозяйственные и иные связи. Существуют и мощные группы, заинтересованные в ее единстве, вплоть до реставрации державы типа СССР и / или Российской империи»³¹.

Страх сепаратизма, опасения распада и повторения судьбы СССР побуждают элиты и общественность к поиску такого образа, который бы позволил решить проблему пространственной идентичности и самоопределения страны. По мнению Каганского, от этого образа ожидается «почвенность», культурно-историческая укорененность в прошлом российского государства и, одновременно, объективность, содержательность, концептуальность. Отсюда возникает огромный запрос не только на научные теории и объяснительные схемы, но и на мифологемы, среди которых, по его мнению, наиболее востребованным оказалось еще недавно малоизвестное евразийство³².

Сам евразийский проект видится ему мнимым, несуществующим. Труды евразийцев, по его мнению, опираются на сомнительные предпосылки, отдельные суждения в них аргументируются ссылкой на отдельные факты и никогда — на большие массивы фактов. Евразийство ставится им в один ряд с другими концепциями, центрированными на определенном месте, например, с тем же европоцентризмом. «Российская школа географии категорически настаивает на том, что выделить для всей Земли универсальные вечные макрорегионы таким образом, чтобы включить в их содержание и природу и человека, практически невозможно»³³. Такое абсолютизированное, вне научно обоснованных критериев, выделение регионов в научной географии неизвестно, а потому

³⁰ Там же. С. 409.

³¹ Там же. С. 411.

³² Там же. С. 412.

³³ Там же. С. 428.

и ведущиеся вне географии попытки «выделения таких регионов нередко следуют евразийским идеям и потому не могут рассматриваться как независимое подтверждение»³⁴.

Каганский категорично настаивает на том, что естественные границы (моря, горы и т. д.) вовсе не обязательны в качестве критериев выделения регионов. В действительности, в его рассуждениях много справедливого: всякая граница в то же время может служить ядром обширного макрорегиона, каковым, например, для Европы, Северной Африки и Передней Азии является Средиземноморье, географически разделяющее их. С другой стороны, сам Каганский не готов отказаться от дихотомии «Европа — Азия», «виновной», по его мнению, в производстве небесспорных с научной точки зрения дискурсов, центрированных на определенном месте, в том числе европоцентризма и евразийства. Дихотомия «Европа — Азия» видится ему лишенной строгого смысла и требующей пересмотра. Тем не менее ее он не торопится называть «мнимой и навязанной».

Во многом справедливой видится и оценка евразийства как геополитического мифа, преодолевающего пропасть между почвенничеством и западничеством. Каганский соглашается с тем, что у него есть серьезные основания для существования. «Евразийство должно быть понято как источник культурно значимых вопросов, по-видимому, выражающих существенные черты если не самого пространства России, то его осмысления, привычного образа. Реконструкция евразийской модели необходима независимо от статуса ее содержания»³⁵.

Источник тех вопросов, на которые дает ответ евразийство, заключается в характеристиках определенной промежуточности, пограничности пространства России. Однако, рассуждает далее Каганский, такова характеристика любого пространства вообще, а не только российского.

Выведение свойств объекта из особенностей его пространственного положения является эвристическим приемом и законным методологическим ходом географии. Вместе с тем научный подход, предостерегает Каганский, не допускает редукции сущностей к пространству. Россия — Евразия как не-Европа и не-Азия представляет собой, по его мнению, «пространство промежуточно-пограничное и, значит, относительное и соотносительное». У евразийцев эта относительность становится абсолютной и онтологизируется. Другая логическая подмена заключается, по его мнению, в отождествлении культурного и природного ландшафта и приписывание тому и другому неизменности на протяжении столетий³⁶.

Наконец, Каганский обращает внимание на то, что при наложении территорий России и державы Чингисхана тезис об их структурном единстве не вы-

³⁴ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. С. 428.

³⁵ Там же. С. 416.

³⁶ Там же. С. 430.

держивает критики. «Совпадать должны не площади, а ядра, основные центры, главные части — и направления связей периферии с ними»³⁷. Историческая же конкретика показывает, что ядра этих государств находятся в противоположных концах географической Евразии. «Разве ядрами державы Чингисхана были нынешняя Европейская Россия, Урал, Север Сибири? Разве основой России было Забайкалье и Монголия? Россия и держава Чингисхана близки только на карте, и то если включать в державу монголов весь север Сибири до Ледовитого океана. При близости территорий эти две евразийские державы базировались на разных полюсах географической Евразии»³⁸.

Для того чтобы решить проблему выбора цивилизационной модели, необходимо, с его точки зрения, уйти от характеристики промежуточности и неопределенности. Иначе проблема выбора становится неразрешимой. Ставя Россию дискурсивно в центр, евразийцы, считает он, обращаются с ней как с периферией. И такой произвол по-своему закономерен. «Для Периферии (в терминологическом смысле) характерна фрагментированность, отсутствие единства своего пространства, его несамостоятельность и несостоятельность; пространство периферии замкнуто на центр и дано в отношении с центром, для него нет иных единых оснований самоопределения, кроме внешних. Пространству Периферии присуща недооформленность, дефицит и внешний источник определенности, упорядоченности, формы; периферия “живет и мыслит” в отнесенности к центру, постоянно колеблясь по оси “центростремительность — центробежность” (таков и маятник культурно-политического самоопределения большинства регионов РФ). Внешнее определение и даже задание единства, сопровождающееся насилием над материалом и игнорированием в нем внутренних форм и различий — атрибут именно Периферии. Ей также присущи радикальные инверсии, сводящиеся в конечном итоге к задающей оппозиции “центр — периферия”. Евразийство правомерно и осмысленно трактовать в контексте идеологической ситуации развивающихся стран (классических периферий на уровне стран), тем более что Россия и была “первой развивающейся страной” (по мнению Т. Шанина) именно в период становления евразийства»³⁹.

Между тем, полагает Каганский, в настоящее время переходно-пограничное состояние страны замещает ценностное самоопределение. Евразийское самоопределение подлинно *Пограничной Периферии* лишь подчеркивает то, чем Россия оказывается «на самом деле»⁴⁰. Каганского не смущает статус России в качестве периферийной «окраины разных природных и этнокультурных миров». В конце концов «Пиренейский полуостров, ограниченный и отграниченный океаном, морями и мощными Пиренеями, мозаика конфликтующих частей,

³⁷ Там же. С. 431.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 443.

⁴⁰ Там же.

многократные попытки объединения полуострова срывались; Пиренеи — не только граница, но и ось Басконии (аналогичная по положению страна — Швейцария). Полуостровная Италия объединена (после Рима) лишь полтора столетия и тоже переживает сепаратизм. Ни разу ни один из четырех материков (Америка Северная, Америка Южная, Африка, Евразия) не был объединен одним государством, хотя ряд империй превосходил площадью материка»⁴¹.

Его больше беспокоит обязательность евразийского пути России: сохранение империи как властной формы большого пространства, жесткая предопределенность будущей истории России, отбрасывающая иллюзию выбора, перспектива тотального огосударствления⁴². Эта обусловленность в учении евразийцев задается самим пространством. Именно это обстоятельство является для страны пугающим, так как, полагает Каганский, любое тотальное государство обречено на тотальный распад.

Евразийский проект отражает, по мнению автора теории культурного ландшафта, периферийность России, что и проявляется в трудности ее цивилизационного самоопределения. Евразийство видится Каганскому как одно из многих потенциальных самоопределений России, в числе которых могут оказаться и иные, не имперские и не периферийные. «Преодолеть евразийство — значит актуализировать спектр самоопределений России; обществу должны быть предъявлены **все ответы** на евразийские вопросы, а оно (общество) «должно захотеть» услышать эти ответы на евразийские вопросы»⁴³.

Сам автор концепции культурного ландшафта останавливается лишь на деконструкции существующих идейных и методологических оснований единства страны, не предлагая никакой позитивной программы. Такая задача им не ставится. Автор не предъявляет своего ответа на евразийские вопросы.

Являясь сторонником регионального самоопределения и противником мер тотального государственного регулирования региональной политики, он справедливо оценивает ее современное состояние как «откат» назад, к советским временам сверхцентрализации. «Оказалось, что именно сверхгосударство не может быть государством. Сама правящая группа (язык не повернулся назвать ее элитой) обнаружила поразительное сочетание корысти с государственной недальновидностью и, по сути, приватизировала это государство. Произошла инверсия номенклатуры. Теоретики школы административного рынка, чей реализм всегда не ко двору, описывают этот эффект как втягивания в государство неизбежных функций отрицаемого им рынка и превращения самих институтов государства в своеобразные рыночные. Тотальное государство оказалось синонимом тотального рынка. После чего государство и было “продано” на этом рынке»⁴⁴.

⁴¹ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. С. 429.

⁴² Там же. С. 422–423.

⁴³ Там же. С. 447.

⁴⁴ Там же. С. 509–510.

Методологически и идейно Каганский противопоставляет свою позицию евразийству. Однако он, так же как и современные «евразийцы», абсолютизирует гетерогенность России, полагая единство страны несуществующим. «Пространственно поляризованы, находятся на противоположных краях страны и две опоры экономики — финансовый и ресурсный секторы. Территориальное единство страны формально и экстенсивно, основано на ресурсах, деньгах, власти, силе. Деньги и нефтегазовый комплекс поляризуют, но не организуют страну; потоки статусов-ресурсов-денег не создают комплексных осей»⁴⁵. И если его оппоненты, позиционирующие себя в качестве евразийцев, А. С. Панарин, А. Г. Дугин и др., предлагают некое видение будущего, желаемого для России, то автор герменевтической концепции культурного ландшафта остается сугубо в рамках теоретической географии постмодернистского толка, отказываясь от геополитического «приближения» к обсуждаемым им на страницах своих публикаций вопросам.

Глава 20. Структура внутреннего геополитического пространства России в концепции внутренней геополитики М. Ильина

Роль географических факторов в структурировании внутреннего геополитического пространства России

Проблема единства России как страны, остро стоявшая перед обществом и государством в 1990-е гг., не могла быть проигнорирована научным сообществом. Реакцией на распад СССР стало активное использование геополитических методов в исследовании структуры внутреннего пространства новых независимых государств на постсоветском пространстве: России, Украины и др.

Отказ от «внешнего», основанного на оценке возможностей воздействия политической системы на территорию взгляда предполагал смещение исследовательского акцента к анализу взаимодействия между принципами политической организации и географического устройства пространства. Такой подход основан на учете специфических качеств пространства, во взаимодействие с которым вступает политическая система. Территория в силу своих специфических качеств создает и ограничивает определенные условия для функционирования политической системы.

Наивно было полагать, как отмечали некоторые исследователи, что нормы демократического управления, пригодные для использования в стране с умеренным климатом и развитыми системами коммуникации, окажутся эффективными, например, для представителей африканских племен, проживающих в поселениях, удаленных друг от друга на значительные расстояния в условиях экстремаль-

⁴⁵ Там же. С. 385.

ной среды обитания⁴⁶. С точки зрения такого понимания определенный интерес представляет концепция М. В. Ильина, которая является в настоящее время одной из немногих серьезных теорий внутренней геополитики России.

Ильин вычленил ряд факторов, качественно определяющих условия управления⁴⁷. Во-первых, это геоморфологический фактор, предполагающий учет влияния крупных геологических структур континентальных плит, горных цепей, островных дуг и т. п. На этом уровне конституируются основные геополитические области глобального уровня. Их конфигурация задается соотношением основных континентальных плит земной коры, платформ, и так называемых «окраин»: зон складчатости и океанических блоков земной коры. Во-вторых, это бассейновые разграничения, связанные с геоморфологией и рельефом местности. Бассейны крупных рек разграничивают пространства между океанами на сегменты, каждый из которых «привязан» к «своей» реке. Водораздельная граница связывает население, живущее в верховьях рек, с населением, обитающим вблизи океанического стока, потенциально вовлекая людей одной «большой» реки в политические объединения. В-третьих, это природно-климатический фактор, связанный с логикой широтного расположения полос тундры, тайги, леса, лесостепи и степи, а также с климатическим влиянием океана, обуславливающим баланс температур и влажности. Этот фактор обеспечивает большую вариативность условий жизнедеятельности людей, а с ней и политических практик⁴⁸.

В-четвертых, это популяционные ареалы, конфигурация расселения, когда, помимо антропобиологических качеств (расы, конституции и т. п.), обусловленных характером приспособления человека к окружающей среде, важное значение приобретают социальные качества: язык, этническая и цивилизационная принадлежность, демографический потенциал и плотность расселения и т. д. В-пятых, это хозяйственная и транспортная инфраструктура, искусственная среда, использующая естественные предпосылки и природные ресурсы для наращивания экономического потенциала, концентрации финансов и рабочей силы, в том числе высококвалифицированной. В-шестых, это конфигурация политических систем государств, опирающихся на инфраструктуры коммуникаций, институтов и организационных взаимодействий, обеспечивающих технологический процесс управления пространством. Наконец, это геостратегический фактор, учитывающий ресурсы силового воздействия и конфигурацию их размещений⁴⁹.

⁴⁶ *Ильин М. В.* Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3. С. 82–94.

⁴⁷ *Ильин М. В.* Российский Дальний Восток в геополитической системе координат азиатско-тихоокеанского региона // Россия и Корея в меняющемся мире: Материалы науч.-практ. конф. Серия: Научные доклады. № 48. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1997. С. 33–47.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

По мнению Ильина, конфигурация внутреннего геополитического устройства России и Украины, восходящих к Киевской Руси, имеет своим основанием перекрестие вертикальной речной магистрали с горизонтально протяженной широтной зоной. Т-образный алгоритм умножения Руси задал первый уровень политической дифференциации на внутреннюю, Малую Русь, очаг расселения, и внешнюю, Великую Русь, пространство экспансии. Одно из первых упоминаний о различии средоточия русских земель и пространства миграционных устремлений содержится, как считает Ильин, в сочинении византийского императора Константина Багрянородного об управлении империей⁵⁰.

Эта дифференциация предопределила две политические тенденции: усиления местных политий и политической централизации «выходящей из себя» Руси. Если первая тенденция была продиктована стремлением к усложнению и, посредством этого, упрочению управления, то вторая тенденция отражала потребность повторного внутреннего завоевания. Ильин предупреждает от преувеличения значимости традиции централизации. До начала имперского периода ни одна из этих традиций не доминировала над другой в политической жизни. Каждая из земель становилась центром консолидации тяготеющих друг к другу пространств в нишах речных бассейнов.

Структурным каркасом Руси в теории Ильина являются холмистые водораздельные гряды, отделяющие друг от друга бассейны стоков рек: континентального (Волги и Урала) и балто-черноморского (Днепр, Северная Двина, Северский Донец). Ордынское завоевание обнажило эту ситуацию и остро поставило вопрос о единстве геополитической традиции. Разгром Киева и маргинализация Новгорода способствовали возвышению новых, прикрытых лесом и мало достигаемых для ордынцев центров: Великого княжества Московского, привязанного к верхнее-волжско-окскому бассейну, и Великого княжества Литовского, связанного с балтийским бассейном.

После ликвидации ордынского владычества Россия оказалась перед необходимостью выбора развития. Русский Запад тяготел к Польше и, через нее, к еще более дальнему Западу. С падением значения старого центра Великого княжества Литовского в Тракае и прилегающих к нему периферий, киевские, смоленские, брянские земли становились еще более далекой периферией вновь формируемого малопольского ядра. Русский же Восток сделал свой выбор в пользу идеологической версии Третьего Рима. Это способствовало оформлению нового ядра с центром в Москве и новых периферий: Поволжья, Урала, Сибири, области казачьего войска.

Днепровские же земли становятся в XVI в. средоточием противоборства России, Польши и Османской империи. По мере усиления России в XVII в.

⁵⁰ Ильин М. В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины...

Польша ослабевает. В имперский период киевское «наследство» вместе с польским «ядром» достается Российской империи.

В предлагаемой Ильиным версии генезиса внутреннего геополитического устройства России можно выделить механизм воспроизводства политической конфигурации, состоящий в последовательности двух тактов. Первый такт представляет собой бросок вовне, выход за пределы очага формирования и освоение «не своих» территорий. Второй такт воспроизводит логику «обратного» завоевания, централизации, граничащей нередко с деспотизацией⁵¹.

Сравнивая внутреннее устройство Российской империи и СССР, Ильин заключает, что первое было более сложным, сочетавшим развитие новых (Петербург) с ростом традиционных (Москва, Киев) центров, совмещавшим освоение фланговых, обращенных к Европе, зон Прибалтики и черноморской Новороссии, а также различных периферий. В целом, по мнению Ильина, в имперский период произошло усиление централизма как внутривнутриполитической тенденции в ущерб развитию местных традиций политической самоорганизации. В советский период сверхцентрализация продолжала оставаться главенствующей тенденцией. Вместе с тем проявились себя и еще две, сугубо «советские» тенденции: упрощение структуры политико-административного управления и стремление к этнокультурной гомогенизации⁵².

Во-первых, признание независимости Польши и Финляндии позволило привести в соответствие западные рубежи государства с естественными границами древнерусского политического пространства. Перенос же столицы из Петербурга в Москву ознаменовал смену тактов и переход от «броска вовне» к «обратному завоеванию». Во-вторых, был создан Союз Советских Социалистических Республик. В управлении союзными республиками установились принципы автономии и областного деления. В отношении же населения действовал принцип культурной унификации. Исключениями в этом отношении были первые десятилетия советской власти и период хрущевской «оттепели». В-третьих, произошла дифференциация традиционных центров: развитие одних игнорировалось, другим же присваивались имперские функции (общесоюзная — Москве, республиканско-украинская — Киеву).

Результат советского и постсоветского этапов развития внутренней геополитики Ильин оценивает следующим образом. Советский подход к освоению пространства отличался сочетанием мер стимулирующего к переселению характера с мерами принудительного по отношению к репрессированным узникам ГУЛАГа и ссыльнопоселенцам переселения. Унаследованный от империи приоритет сверхцентрализации и советская установка на упрощение и гомогенизацию в уменьшенном масштабе оказались воспроизведены в конфигурации политических структур новых независимых, образовавшихся после распада СССР государств.

⁵¹ *Ильин М. В.* Этапы становления внутренней геополитики России и Украины...

⁵² Там же.

Внутренняя геополитическая структура Российской Федерации

Анализ современной внутригеополитической структуры РФ Ильин строит на основе выделенных им групп факторов. Рассматривая геоморфологическую структуру территории РФ, он констатирует, что Российская Федерация занимает большую часть Восточно-Европейской платформы и продолжающих ее за Уралом структур Западной Сибири. К этому массиву примыкают структуры Сибирской платформы, совпадающей с территорией Красноярского края и Якутии, а также зоны складчатости от Алтая до Тихого океана. Основная часть ее пространств тяготеет к зонам континентального или функционально сходного арктического стока. Собственно океанический сток затрагивает лишь крайне западные и крайне восточные зоны страны.

Западные области РФ тяготеют к верховьям рек балто-черноморского стока, что обуславливает логику отношений между Россией и странами балто-черноморского бассейна по принципу «верховья — низовья». Из этого обстоятельства, по мнению Ильина, напрашивается вывод о недопустимости политической изоляции. Это противоречит геополитическим императивам: геоморфологическому, бассейновому, климатическому.

Широтное продолжение природно-климатических полос тундры, тайги, лесостепи, степи охватывает все пространство России от западных рубежей до Тихого океана. В то же время оно дробится геоморфологическими и бассейновыми разграничениями, образуя сегменты различных по продуктивности и условиям жизни полос. Популяционные ареалы и конфигурация расселения сохраняют воздействие исходных геополитических формул расселения: во-первых, «островного» характера организации; во-вторых, разграничения на внутренние и внешние зоны. Это, по мнению Ильина, особенно наглядно проявляется при выявлении структуры расселения населения, базовая матрица которого представляет собой тип «ядро — оболочка»⁵³.

В этой структуре он выделяет два ядра. Первое, великорусское ядро, образовано плотно заселенным ареалом Центральной России с московским мегаполисом в его сердцевине. Оболочка формируется чередой менее заселенных, нередко «островных», великорусских областей, а затем краев смешанного, еще более «островного» расселения русских и автохтонных этносов. С севера «кольцо» оболочки простирается от Карелии через автономии ненцев и коми к национальным республикам Поволжья и русским областям. От Поволжья кольцо поворачивает к западу через Мордовию и воронежское ответвление Слободской Украины. С запада «кольцо» продолжается новыми независимыми государствами. В данном кольце присутствуют «разрывы», самый заметный из которых — Петербург.

Южным «довеском» великорусского ядра является Новороссия от низовьев Дона и Кубани до Нижней Волги и Урала. В ней, на взгляд Ильина, ошутимы

⁵³ Там же.

элементы не столько «островной» модели, сколько «плавильного котла», хотя и здесь выделяется северо-кавказское обрамление сначала из казачьих краев, затем из горских республик.

Второе ядро внутреннего геополитического пространства России образуют, согласно его концепции, русскоязычные области Урала и Западной Сибири, которые выступают «Второй Великороссией». Это ядро не монолитно. Оно возникает из соединения «островов» тонкими нитями путей. Его структурную основу составляют мегаполисы, действующие как «плавильные котлы»: Екатеринбург, Омск, Новосибирск, Кемерово, Красноярск. Здесь «островитянство» становится более очевидным, чем в собственно Великороссии.

Второе ядро также имеет свое обрамление. С запада это печерско-волжская полоса национальных республик от Республики Коми и Ямало-Ненецкого АО на севере до Башкортостана на юге. С юга его окаймляет Казахстан, затем Алтай, Тува, Бурятия. На востоке «кольцо» продолжается автономными округами Красноярского края, уже в самом названии которого подчеркнута приграничность, и Якутией⁵⁴.

Своеобразным «двойником» Урало-Сибири в этой логике выступает ее Восточно-Сибирское продолжение. Образование «ядра» здесь осложнено, во-первых, суровыми климатическими условиями, во-вторых, геоморфологической дробностью. Тем не менее здесь выделяется свое «малое» сибирское ядро, Байкальская Сибирь, со своими обрамлениями — Тувой, Бурятией и Якутией.

На Дальнем Востоке «островитянство» российской внутренней геополитики выражено еще сильнее в силу слабой развитости коммуникаций, связывающих регион с другими частями страны, недоразвитости хозяйственно-транспортной инфраструктуры, истончающейся к северу и востоку. На крайнем Востоке также бросается в глаза еще одна очевидная черта: асимметрия между ядрами и оболочками, а также между регионами в рамках больших региональных блоков. Консолидация таких блоков и их институциональное оформление в 1990-х гг. (в рамках, например, «Сибирского соглашения») свидетельствует о том, что оформление внутригеополитических ядер является, по мнению Ильина, важной, хотя и не зафиксированной законодательно проблемой. Это приводит автора концепции внутренней геополитики России к заключению, что управление страной по-прежнему основано на имперских, сверхцентрализованных установках⁵⁵.

Основные положения теории внутренней геополитики ее автор предложил в середине 1990-х гг. Последующие в 2000-х гг. реформы управления — создание властной вертикали, отмена губернаторских выборов, утверждение принципа назначения на высшие региональные должности из центра, передача части значимых полномочий с регионального на федеральный уровень вла-

⁵⁴ Ильин М. В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины...

⁵⁵ Там же.

сти — подтвердили практический вывод о доминировании в высшем управлении страны ориентаций на сверхцентрализацию.

Вместе с тем необходимо отметить, что изучение внутреннего геополитического пространства России содержало не только политико-географические, но и культурно-исторические аспекты. Итогом этого процесса стала «островная» концепция российской цивилизации, существенно расширившая представления о цивилизационных основаниях внутренней геополитики России. Ее автором стал В. Цымбурский, коллега М. Ильина по геополитическому цеху и соавтор концепции «Острова России»⁵⁶.

Глава 21. Геополитическая формула России в «островной» концепции российской цивилизации В. Цымбурского

Распад СССР и проблема поиска оснований российской идентичности

Идея «островной» геополитики уходит корнями в англосаксонский мир и связана с историей британской экспансии в мировую экономику и политику. Поэтому нет ничего удивительного в том, что идея «островного» характера российской цивилизации, которая была предложена В. Цымбурским и М. Ильиным применительно к сугубо континентальной державе, каковой является Россия, первоначально вызвала удивление и непонимание среди исследователей⁵⁷.

«Островная» концепция цивилизационной идентичности России нетипична для прерванной в 1917 г. отечественной философской и геополитической традиции, ориентированной на идеологическую поляризацию «западничества» и «антизападничества». Она предполагает признание самобытного характера российской цивилизации и ее геополитики. Почва для этого была подготовлена исторической наукой позднего советского периода. Идея самобытности исторического процесса России имела множество сторонников среди историков. Достаточно вспомнить концепцию генезиса капитализма в России Л. В. Милова. Интерес же к цивилизационным основаниям геополитики возвращается в отечественную науку на исходе советской эпохи.

В конце 1989-х — начале 1990-х гг., когда геополитика стала утверждаться в своем институциональном статусе в российской науке, наибольшей популярностью пользовались идеи Х. Маккиндера, К. Хаусхофера и русских ев-

⁵⁶ Ильин М. В. Проблемы формирования «Острова России» и контуры его внутренней геополитики // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 1. С. 37–53.

⁵⁷ Межуев Б. В. «Остров Россия»: время и место одной историософской концепции // Российское экспертное обозрение. 2006. № 5 (19). URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/ostrov.

разийцев. Определенный интерес вызывали идеи современных американских геополитиков: Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, З. Бжезинского. Общим лейтмотивом большинства геополитических исследований было положение об особом, центральном, положении России в Евразии и в мире. Х. Маккиндер описал его в характеристиках пространственной «сердцевины» земли (Heartland) и неподвижной «оси коловращения» истории (Pivot of History). На свой лад, по мнению Ильина, эту же идею выразил Н. В. Гоголь, когда нарисовал в посвященных Руси строках «Мертвых душ» эмблему застывшего вихря: «Спицы в колесах смешались в один гладкий круг». «История летит навстречу, вокруг и мимо птицы-тройки. До Руси доносятся лишь ее порывы. Здесь история как бы и не начиналась вовсе. Чтобы приобщиться к ней, Русь снова и снова пытается “выйти из себя”, устремиться на Запад или на Юг. Не стремление ли обрести себя и свою историю заставляет птицу-тройку Русь нестись в наводящем ужас движении?»⁵⁸.

С объединением Германии стало очевидно, что ялтинско-потсдамская система международных отношений исчерпала свой ресурс. Отказ СССР от вмешательства во внутренние дела стран Восточной Европы в 1989–1991 гг. совпал с набирающими силу сепаратистскими тенденциями внутри самого СССР, в его союзных и автономных республиках. Последовавший за Беловежскими соглашениями распад СССР остро поставил вопрос о геополитическом статусе России как государства и критериях ее самоопределения как страны наряду с другими такими же новыми странами: Украиной, Белоруссией, Молдавией, странами Прибалтики, Закавказья, Центральной Азии. На повестке дня остро встал вопрос о критериях геополитической идентичности России. В этих условиях общественное сознание россиян вновь разделилось, в соответствии с еще дореволюционными традициями, на «западников» и «державников».

Структурное преобразование советского режима в новый геополитический формат поставило вопрос об исторической преемственности РФ и новых независимых государств предшествующим. Являются ли новые государства совершенно «новыми» образованиями, никак не продолжающими судьбы советской державы, смененной ими, или все же ядро прежнего государства сохраняется и в новой форме продолжает свою историческую и геополитическую роль? По мнению Цымбурского, именно по пути «сохранения» ядра пошли после демонтажа колониальной системы Великобритания и Франция, а еще ранее Испания и Португалия, отделенные от своих колоний морем. По этому пути двинулась и Россия в период постсоветского демонтажа геополитических структур СССР⁵⁹.

⁵⁸ Ильин М. В. Проблемы формирования «Острова России» и контуры его внутренней геополитики. С. 37.

⁵⁹ Цымбурский В. Л. Остров Россия // Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5–6.

Либералы видели причину распада СССР в неспособности одного, отдельно взятого государства построить экономику, альтернативную капитализму. «Почвенники» усматривали причину распада в сопряжении двух обстоятельств: сговоре внутренних элит, заинтересованных в расширении своих властных полномочий, и активизации геополитических оппонентов СССР, деятельность которых была направлена, при фактическом участии политических и финансовых элит западных стран, на «обрушение» цены на нефть, что привело и без того испытывающую кризис экономику СССР к коллапсу. В соответствии с этими идеологическими представлениями каждая из сторон стремилась предложить свои рецепты государственного строительства новой России и борьбы с волнами мирового кризиса. Концепция же «Острова России», которую Цымбурский начал разрабатывать в середине 1990-х гг. совместно с М. Ильиным, не придавала идеологическому фактору самостоятельного веса. Распад СССР требовал для своего анализа привлечения не одного, а нескольких уровней научного объяснения⁶⁰.

Первый из них, наиболее поверхностный, является политологическим. Он обращен к самоочевидным для каждого здравомыслящего человека тенденциям развития позднего советского режима. Он предлагает «номенклатурное» объяснение: бюрократическая структура, достигшая некоторого предела в своем росте, тяготеет к делению. Свою роль сыграл и ситуативный фактор. Подхваченный новыми российскими элитами для устранения М. Горбачева проект «независимости» России от СССР получил конкурентные преимущества по сравнению с проектом сохранения СССР, за который высказалось большинство его граждан на мартовском референдуме 1991 г.

Второй, более глубокий уровень интерпретации опирался, по Цымбурскому, на миросистемные принципы анализа в духе Ф. Броделя и И. Валлерстайна. Используя инструментарий моделирования циклов развития мировой экономики, И. Валлерстайн предсказал глубокий кризис, в который вошла либеральная модель экономики в конце 1960-х гг. В 1990-е гг. мир находился, по его мнению, в конце «понижающей» фазы «Б» очередного кондратьевского цикла и оказался перед необходимостью вступать в завершающую, наиболее драматичную его фазу, сопровождающуюся неустойчивым ростом экономики, затяжными экономическими депрессиями, необходимостью стран платить по государственным долгам, величина которых уже на тот момент была огромной.

По мнению Валлерстайна, Горбачев первым из мировых лидеров понял, что возможности «залатать» долговые дыры у советской экономики не осталось. СССР был сверхдержавой прежде всего в силу своих особых отношений с Соединенными Штатами, вошедших в историю под названием «холодной войны». Если Соединенные Штаты не могли больше играть роль господствующей державы, холодная война теряла смысл. СССР рисковал оказаться в по-

⁶⁰ Там же. С. 21.

ложении, когда его начнут рассматривать как еще одно полу-периферийное государство мировой капиталистической экономической системы. Горбачев, по предположению Валлерстайна, стремился сохранить за Россией / СССР возможность остаться мировой державой (или, по крайней мере, сильной региональной державой) за счет триединой программы: одностороннего прекращения холодной войны (в высшей степени успешного); освобождения СССР от ставшей теперь ненужной и чрезвычайно обременительной квазиимперии в Восточной Европе (в высшей степени успешного); и перестройки советского государства с таким расчетом, чтобы оно могло эффективно функционировать в постгегемонистскую эпоху. Последний пункт этой программы завершился провалом⁶¹. Близорукость же ориентированной на запад политической элиты, перехватившей у Горбачева политическую инициативу, не позволила увидеть самоочевидной тенденции нарастания мировой понижающей волны, воздействующей своим влиянием на экономики национальных государств, в том числе и советскую экономику.

Возвращаясь к тезису «добровольного отказа» от груза контроля над Восточной Европой в концепции «Острова России», обратим внимание на аргументацию Цымбурского, которую он приводит для обоснования необходимости более глубокого подхода, нежели чисто политологический, и даже миросистемный, в объяснении причин распада СССР. Она формулируется в тойнбианских категориях «вызова» — «ответа»: в условиях нового вызова Россия как самоорганизующаяся система оказалась вынужденной среагировать моментальным сжатием, вернувшись к доимперскому уровню своей памяти⁶². На этом третьем уровне анализа и проявился цивилизационный паттерн России — «остров», который в тот момент не был воспринят как серьезный конструкт ни «имперцами», ни «западниками»⁶³.

И те, и другие видели в РСФСР некую «химеру». С распадом же СССР Россия предстала как самостоятельная геополитическая константа. Переключение на «островной» паттерн удержало Россию от «соблазна» глубокого «погружения» в технологические проблемы Европы. Однако не является ли такое «отступление» на «остров» шагом, продиктованным требованием текущего момента и поэтому не имеющим ничего общего с глубинными цивилизационными процессами? К тому же сами российские элиты постперестроечного периода видели ситуацию совсем иначе, полагая, что именно после распада СССР наступил настоящий момент единения России с Европой.

В этой связи Б. Межуев, глубоко анализирувавший идеи Цымбурского, напоминает о том, что реконструкция геополитической стратегии России базируется в «островной» концепции на следующих положениях:

⁶¹ Валлерстайн И. После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 22.

⁶² Цымбурский В. Л. Остров Россия. С. 21.

⁶³ Межуев Б. В. Указ. соч.

1) геополитика государства производна от цивилизационного выбора страны. Этот выбор — ориентация на Европу — сделан Россией в XVIII в. В настоящее время она переживает его кризис. Сегодня совершенно очевидно, что Россия не стала органичной частью Европы и отторгается в этом качестве последней;

2) парадоксальным образом «имперскость» России связана с ее европеизмом. Отказ от европейских ориентаций повлек за собой отказ от «имперства» и вернул Россию в ту геополитическую нишу, которая является «коренной» для нее и которую она занимала в момент своего возникновения в XVI в.⁶⁴

Это побуждает отвлечься от политических и обратиться к культурно-историческим аргументам в духе сравнительного изучения цивилизаций и культурфилософского подхода, на которые опирается концепция «Острова России».

«Остров Россия» и «Великий Лимитроф»

Философско-методологическая аксиома «островной» концепции цивилизационной специфики России строится на оппозиции теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, приобретшей в 1990-х гг. известность и популярность. По версии Хантингтона, платформами для новых политических союзов в образовавшемся после распада СССР геополитическом раскладе должны стать существующие цивилизации, мыслимые как монолиты, скрепленные единой религией. Линии будущих фронтов локальных войн должны, по его мысли, проходить как раз по границам межцивилизационных платформ. На основе религиозного признака Хантингтон выделяет конкретные цивилизации, что, собственно, дает повод критически настроенному читателю задуматься о том, насколько правомерно отождествление религиозных сообществ с цивилизациями.

Цымбурский вызывает в сознании читателя иные метафоры цивилизационных пространств, нежели те, что связаны с тектоникой «плит» и «разломов». Он предлагает образ «туманности», которая возникает из космической пыли, собравшейся вокруг звездного ядра. В центре плотного ядра находится народ или группа народов, выступающих главными носителями цивилизации. Вокруг ядра располагается цивилизационная периферия, состоящая из народов, которые в большей или меньшей степени приближаются к ядру. На достаточной удаленности периферия может переходить во внецивилизационную область или периферию другой цивилизации. Такая картина заставляет задуматься над строением межцивилизационных ареалов и отношением их народов к «ядрам» цивилизаций⁶⁵.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями // Pro et contra. 1997. Т. 2. № 3. С. 155.

Цымбурский предлагает несколько критериев выделения цивилизации: этнический, конфессиональный, языковой. Опираясь на географическое распределение языковых, этнических и конфессиональных признаков, он проводит индикацию различных областей Восточной Европы по степени их близости романо-германскому ядру Запада. Так, этнический критерий (принадлежность к славянской, финно-угорской, балтийской этнокультурной общности) мотивирует особенности судеб стран западнохристианской Восточной Европы — Польши, Венгрии, Прибалтики, которые прослеживаются от «второго издания крепостничества» до встраивания этих государств в структуры Евросоюза в качестве «бедных кузин» других европейских государств⁶⁶.

Конфессиональный критерий определяет положение некоторых народов, в частности румын-валахов, в отношениях с ближайшими соседями. Румыны, будучи лингвистически близки родной им романской Европе, исторически не попали в сферу влияния «римского» христианства. Поэтому в отношениях, например, с угрозязычными венграми-католиками, претендующими на роль поборников «истинно европейского духа», им пришлось столкнуться с восприятием себя как представителей «азиатского» православия⁶⁷. Особого упоминания заслуживают культурные формы и в их числе графика письменности: латинская либо кириллическая.

К востоку от опорного ареала «коренной» Европы, где романо-германская этнокультурная основа, западное христианство и латинское письмо выступают вместе, простирается пространство, на котором отдельные признаки этого комплекса отщепляются друг от друга и порознь сходят на нет. Чем восточнее, тем более расплывчатыми и спорными становятся признаки цивилизационной идентификации при том, что элиты восточноевропейских стран повсеместно пытаются сблизить народы своих стран с «коренной» Европой. Убывание указанных признаков с запада на восток можно рассматривать как меру приближения к России. Географическим же рубежом между Европой и Россией являются Карпаты: неслучайно именно к этому региону тяготеет феномен унитарства, нейтрализующий пороговость региона в межцивилизационном пространстве⁶⁸.

Двигаясь вдоль границ России с запада на восток, можно обнаружить иные пространства, вызывающие в сознании метафору «туманности». Следующим после восточноевропейского цивилизационного междурия возникает вклинившийся между Россией и Ближним Востоком Кавказ. Двигаясь через тюркский Азербайджан, наблюдатель оказывается в центрально-азиатском пограничье России, Среднего Востока и Китая. При движении вдоль границ тер-

⁶⁶ Там же. С. 158. Цит по: *Амсен А., Тейлор Л.* Рынок встретил достойного противника: реалии экономического перехода на востоке Европы // *Рубежи.* 1995. № 4. С. 130.

⁶⁷ *Цымбурский В. Л.* Народы между цивилизациями. С. 158.

⁶⁸ Там же. С. 160.

ритории России повсеместно обнаруживается межцивилизационный характер населяющих их народов, чья цивилизационная идентичность нередко оказывается под влиянием конкурирующих цивилизационных «ядер». Это промежуточное пространство, отделяющее Россию от цивилизаций, лежащих у теплых морей, Цымбурский и называет «Великим Лимитрофом».

В такой культурной географии метафора «расселины», цивилизационного «разлома», прочерчивающего линии будущих фронтов, утрачивает эвристичность. На ее месте проступает ступенчатый континуум, сетка перекрещивающихся признаков, умножающих репертуар ролей, из которых могут выбирать народы, населяющие окраины больших цивилизаций. С политической же точки зрения эти территории, пролегающие вдоль сухопутных границ России и континентальных тылов «приморских» цивилизаций, представляют собой поле геостратегической и геоэкономической борьбы за контроль над ресурсами. После того, как Россия «отхлынула» с некоторых его участков, возвращение к имперской стратегии в отношениях с соседями уже невозможно. Это обстоятельство требует переступить рамки парадигмы «столкновения цивилизаций» и сделать паузу в споре о том, что такое Россия: Европа или Евразия.

При таком подходе Россия как геополитический объект описывается в концепции Цымбурского тремя признаками. Во-первых, это целостная геополитическая ниша русского этноса, которую он делит с финно-угорскими и тюркомонгольскими народами Поволжья, Урала и Сибири. Она лежит к востоку от романо-германской платформы и уже в пору своего становления в XVI в. превзошла ее площадью, а в XVII в. образовавшаяся платформа заполнила собой пространство между Европой и Китаем. Вторым признаком является трудность для освоения пространств на севере и востоке страны. В то же самое время за 400 лет своего существования Россия не знала ни одного крупного соперника с этой стороны. Наконец, третьей конститутивной для российской цивилизации чертой является ее отделенность от Европы, родины либеральной цивилизации, поясом народов, примыкающих, но не входящих ни в одну из цивилизаций. На этих землях, присоединившихся к мир-экономике Запада (в терминологии Ф. Броделя) как его внешние аграрные провинции, идущая на Западе модернизация оборачивалась рефеодализацией и контрмодернистским присоединением Восточной Европы к рыночному хозяйству социально обновленного западноевропейского мира⁶⁹.

«Земли Лимитрофа» в совокупности с единством геополитической ниши русского этноса в определении паттерна России отождествлены у Цымбурского с границами острова, которые одновременно включены в его тело и вместе с тем замыкают его в ядре, служа защитой от иных «цивилизационных» влияний, исходящих от образных «континентов» («Европы», «Ближнего Вос-

⁶⁹ Цымбурский В. Л. Остров Россия. С. 8.

тока», «Китая»). «Остров» то включает эти воды в свое геополитическое пространство, подступая к тому или иному «континенту», то отступает от него, защищаясь «морем». При этом «островное» прочтение цивилизационной специфики России вовсе не исключает, но предполагает совмещение с паттерном России — «Хартленда», безгранично разомкнутой «сердцевины» земли⁷⁰, переживающей, ввиду отсутствия ясных границ, постоянный переход России в не-Россию и наоборот. Отсюда возникает сочетание размытости границ с неприступностью⁷¹.

Метафора острова возвращает нас к отождествлению Лимитрофа с проливом, омывающим «Остров Русь». Националистическая реакция внутрисююзных «территорий-проливов» на отход России из Европы, получив поддержку российских «демократов», привела к сжатию пространства России и обнажила геополитическую нишу русского этноса в ее дистанцированности от иных цивилизационных платформ⁷². Это изменило самовосприятие россиян, побудив их к отказу от претензий на реализацию некоей всемирно исторической миссии и обратив их к необходимости прагматично отстаивать собственные национальные интересы.

Если признать за геополитикой не только форму выражения страны как географической данности, но и претворение ее в историческом опыте народа, то в этой логике «островной» характер российского континентализма может быть проинтерпретирован как результат органического пребывания России вне Европы с момента ее становления как коллективного геополитического субъекта, т. е. с XVI в. При всем ее стремлении обрести доступ к морям, который в терминах концепции Х. Маккиндера может быть проинтерпретирован как «тяжба» «Хартленда» с приморьем, страна «втягивала» в себя континентальные части Евразии: Сибирь, Степной край и Дальний Восток. Заполняя собой эти пространства, русские имели дело с народами того же «острова», а не с народами других цивилизационных платформ. Более того, по мере расширения пределов «острова», Россия включала в свое цивилизационное пространство народы Лимитрофа и земли его окраин в качестве структурных элементов своего пространства (например, в качестве союзных республик СССР).

Цымбурский неоднократно проводит аналогию между Россией и Англией, воспринимавшей себя до XVI в. в качестве континентальной силы в Европе до тех пор, пока ее окончательное выдворение с континента не выразилось в островном самоопределении англичан. В этом психологическом повороте он

⁷⁰ Страда В. Хронотоп России // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 5–8.

⁷¹ Цымбурский В. Л. Остров Россия. С. 10.

⁷² Цымбурский В. Л. Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения // Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 30–31.

увидел начало классической британской политики XVIII–XIX вв. с ее озабоченностью судьбой определенных, стратегически важных для островного государства участков приморья⁷³. Также и российский напор на Европу и Среднюю Азию в XVIII–XX вв. завершился «отслоением» «территорий-проливов», интегрированных за 300-летний имперский цикл. В настоящее время, по мнению Цымбурского, необходимо выбрать наиболее значимые, стратегические с точки зрения национальных интересов России локусы на пространстве Лимитрофа и развивать сотрудничество с их странами и народами. При этом следует всеми силами избегать «имперского» искушения, которому Россия подвергалась в течение предыдущих 300 лет.

В этой связи приоритетами на десятилетия должны стать, по мнению авторов «островной» концепции, три основных геополитических интереса: принятие сегодняшних контуров государства, приоритет внутренней геополитики, приоритет русского востока с его этническими автономиями. Наступило время решать задачи на востоке, отложенные на века имперским, прозападным курсом. Вменяя России континенталистские миссии, можно потерять время, предназначенное для ответа на основной, не «китайский», а собственно российский внутренний геополитический вызов⁷⁴.

Цымбурский полагал, что не Россия-Европа и не Россия-Евразия как цивилизационные векторы вхождения страны в глобальный мир отвечают адекватно на вопрос о ее цивилизационной принадлежности. Таким ответом может быть в настоящий момент лишь «Россия-в-Евразии». Паттерн (модель) острова вовсе не означает «эмиграции» России из Евразии. Напротив, это предполагает, что собственно геополитические интересы России привязаны к Великому Лимитрофу в максимальной степени, тогда как проблемы других цивилизационных платформ — Европы, Ближнего и Среднего Востока, Индии и Китая — должны иметь для нее скорее миросистемный, нежели собственно геополитический смысл⁷⁵. Это предполагает совсем иной взгляд на геополитику, нежели существовавшие ранее.

Урал и Сибирь в геополитической формуле России

Таким образом, ситуация 1990-х гг. вполне может быть описана в категориях экстерииоризации Великого Лимитрофа и утверждения модели «России-в-Евразии» впервые с момента возникновения российской цивилизации, т. е. с XVI в. По логике такая ситуация должна обернуться для России идеологическим обесцениванием иллюзорной принадлежности западному цивилиза-

⁷³ Там же. С. 31–32.

⁷⁴ Там же. С. 39.

⁷⁵ *Цымбурский В.Л.* Земля за Великим Лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» // *Цымбурский В.Л.* Россия — земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 22.

ционному клубу и отказом от прямого присутствия в геополитике соседних государств. Что касается внутренней геополитики, то из нее должны вытекать федерализация политического устройства России и подъем местного самоуправления.

Общепринятый взгляд на Россию как на великую европейскую державу, подкрепленную с востока «азиатским» тылом, должен быть изменен. Конец 1991 г. был временем счастливого недоразумения: Россия радовалась, что вернулась в «общеевропейский дом», а Европа начала осознавать, что избавилась от нее. Наконец недоразумение рассеялось и, по утверждению Цымбурского, не в нашу пользу⁷⁶.

Отодвинувшись от Европы, Россия не стала из-за этого азиатским государством, уравновесив отход из Европы отступлением от Ближнего и Среднего Востока. Ныне Россия меньше, чем когда-либо за последние три века, принадлежит как мирам Европы, так и мирам Азии. Россию окружает пояс государств, несравнимых с ней по военной мощи, за исключением Китая. Как следствие, российская геополитика должна стать геополитикой внутренней, нацеленной на оптимизацию использования российских пространств. Главный внешний вызов, идущий со стороны Китая, обусловлен внутренней недоосвоенностью сибирских и дальневосточных земель. Такая ситуация требует переоценки приоритетов государственного строительства⁷⁷.

Если исходить из логики необходимости сохранить то, что осталось после распада СССР, следует обратить самое пристальное внимание на базисную геополитическую структуру РФ, которая в прошлом была защищена евразийскими наращиваниями, а в постсоветские годы была наглядно проявлена как в своей уязвимости, так и в своей жизнеспособности⁷⁸. Она, по мнению Цымбурского, делится на две фланговые части — европейскую (до Урала) и дальневосточную — и третью, срединную, урало-сибирскую часть.

На флангах основные коммуникации проходят меридионально: так текут реки, так проходят железные и автодороги. Легко обнаружить, что очерченное таким образом геополитическое строение приобретает вид рамки. В нем исключительное значение получают «угловые» регионы, где фланговое разворачивание встречается с широтным. Во-первых, это балтийский северо-запад с Санкт-Петербургом и Калининградской областью, где Россия непосредственно граничит с государствами Евросоюза; во-вторых, это Северный Кавказ и Нижнее Поволжье с выходом к Черному и Каспийскому морям; в-третьих, это дальневосточное приморье с выходом на Японию, США и страны азиатско-тихоокеанского региона и, далее, Австралию и Новую Зеландию. Четвертый

⁷⁶ *Цымбурский В. Л.* Зауральский Петербург: альтернатива для российской цивилизации // В. Л. Цымбурский. Остров Россия. С. 280.

⁷⁷ Там же. С. 281.

⁷⁸ *Цымбурский В. Л.* А знамений времени не различаете... // В. Л. Цымбурский. Россия — земля за Великим Лимитрофом. С. 123.

фланг (северо-восток Якутии, Чукотка, Камчатка, Магаданская область) выходит к Берингову проливу⁷⁹.

Значимость «фланговых» регионов традиционно осмысливается российскими элитами как первоочередная. Здесь есть несколько причин. Это и выход соответствующих регионов к морям, и определение целостности коммуникационного контура. Собственно, в определении Цымбурского эти «скрепы» и есть «Россия морей», каждая из которых завязана на экстравертивные проекты. Эти регионы оказываются чрезвычайно привлекательными с точки зрения очагового привлечения инвестиций и развития интеграционных проектов, ориентированных на зарубежье. В то же время они представляют весьма лакомый кусочек для «обкусывания России с краев»⁸⁰.

На фоне такой функциональной неоднозначности регионов-«скреп» совсем иначе проявляется роль пятой скрепы, региона, который по своей композиционной роли сближается с указанными регионами, но лежит, в отличие от них, в глубине континента и «обкусыванию» не подлежит. Это восточный Урал и Юго-Западная Сибирь, где уральский долготный клин «врезается» в широтные полосы сибирской тайги и степи, а нить Транссиба разворачивается широким веером дорог в Европейской России⁸¹.

Урало-сибирское звено геополитически связывает два фланга — Европейскую Россию и Дальний Восток, обращенные соответственно к Восточной Европе и Тихому океану. Этот регион, пребывающий между двумя образными «тупиками», оказывается стержнем, обеспечивающим коммуникационную целостность России. Благодаря урало-сибирскому посредничеству регионы-фланги включаются в систему, каждому из них придающую новое геополитическое качество.

Развертывание регионов-флангов является долготным. В организации Европейской России определенная роль принадлежит Волге и Дону, транспортным магистралям, идущим с севера на юг. На Дальнем Востоке ту же роль играет побережье Тихого океана и течение рек, например, Лены, с юга на север. Развертывание же Урало-Сибири является по преимуществу широтным. В нем основная роль принадлежит Транссибу и Северному морскому пути.

Помимо своего стержневого, коммуникационного значения, урало-сибирский регион выполняют еще две значимые функции. Этот макрорегион соседствует с юга с Казахстаном, прилегая к южным «территориям-проливам». С северной же стороны он выходит на территории Северной Сибири, очаговое освоение которых является основным (сырьевым) ресурсом поступления средств в российский бюджет.

⁷⁹ Цымбурский В. Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4. С. 153.

⁸⁰ Там же. С. 154.

⁸¹ Там же. С. 157.

В этой ситуации не столько курьезом, сколько симптомом необходимости нового геополитического видения выглядит идея переноса столицы за Урал, которая активно обсуждалась в начале 1990-х гг. Цымбурский приводит примеры того, как переносом столиц закреплялись изменения в геополитике народов. В 1920-е гг. сдвигом турецкой столицы из Стамбула в Анкару отмечилось возникновение турецкой национальной государственности. В 1960-е гг. переезд столицы Бразилии с Атлантики вглубь континента стал началом наступления бразильцев на огромные пространства в центре страны. В наши дни проекты переноса столиц Германии и Казахстана нацелены на интеграцию слабо вписанных в целостность этих государств регионов⁸².

В то же время, разбирая материалы дискуссии о перемещении столицы в Новосибирск, состоявшейся в июне 1995 г., Цымбурский обращает внимание на то, что эта идея вызвала неприятие у сибирских ученых, участников дискуссии⁸³. В условиях кризиса начала 1990-х гг. она была проинтерпретирована как попытка подмены насущных для государственного строительства мер федеративного переустройства России пересадкой Центра с сохранением его управленческих «повадок» на новые земли за деньги регионов.

Идея сдвига федерального центра на восток предстает в этом свете как инобытие подлинной проблемы: Россия, если она стремится к сохранению себя как целостной страны, должна переопределить себя геополитически. Самоопределяясь в качестве европейского довеска, ей придется все время сталкиваться с проблемой территориального единства. Единственно возможный выход заключается в пересмотре представлений о геополитической структуре страны.

Следуя этой логике, имеет смысл говорить о смене геостратегической парадигмы, предусматривающей отказ от прежних притязаний и постановку новой цели: отстаивание собственного экономического, политического, социокультурного пространства перед лицом растягивания России между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Частью этой перестройки должна быть работа на федерализм, децентрализацию страны, развитие ее зауральских регионов. Анализируя аргументы участников дискуссии, сторонников и противников идеи переноса столицы за Урал, Цымбурский приходит к убеждению о взаимосвязи между сверхцентрализацией, вынуждающей промышленно-аграрные регионы Урала и Южной Сибири выпрашивать у Москвы средства на развитие территорий, и внешнеполитической ориентацией России на вывоз сырья и топлива, что с необходимостью вводит компрадорский элемент в ее экономику. Такая ситуация порождает притягательную иллюзию у части местных элит относительно возмож-

⁸² Цымбурский В. Л. Зауральский Петербург... С. 284.

⁸³ Шиловский М. Областники были бы против // Вечерний Новосибирск. 1995. 9 февр.

ности избавиться от «избыточных» посредников, переместив компрадорство с федерального уровня на региональный⁸⁴.

В силу этого концепция новой «зауральской столицы», третьей после Москвы и Петербурга, если ей будет уготована счастливая судьба, должна быть ориентирована не на номенклатурные цели, а на новую геополитическую сборку исходя из понимания мирового расклада и места России в нем. Это предполагает совсем иную внешнюю и внутреннюю, в том числе экономическую и демографическую, геополитику, нацеленную на отказ от обязательств, связанных с имиджем «европейской» державы⁸⁵. «Пока мы исходим из естественности пребывания российского центра на крайнем западе нашей платформы, а также из ориентированности большей части наших хозяйственных связей на Европу как из данности навечной, у нас нет никакой возможности свести три вызова — китайский, мирохозяйственный и созданный внутренними диспропорциями — в единый блок с комплексным решением. “Китайскую опасность” приходится рассматривать изолированно, что неизбежно приводит к выводу о необходимости для ослабленной России покровителя-союзника. А потребность в союзнике при наличном состоянии нашей армии и экономики на практике оборачивается поиском того, кому бы нам лучше сдать...»

Наоборот, концепция “новой Срединной России” позволяет спаять все три вызова и на первое место поставить двуединую задачу: развивая инфраструктуру востока, резко нарастить значимость урало-сибирского пространства (в том числе его глубинной “ядровой” части, недоступной для непосредственного китайского натиска) в транзите тихоокеанских товаров и, далее, вообще в функционировании экономик этого ареала и в проецировании их на Восточную Европу»⁸⁶.

Возвращаясь к обсуждению возможности создания такой стратегии чуть позже, летом 1998 г., Цымбурский говорит о необходимости дополнить проект «возвышения» урало-сибирского ядра с укрепленным дальневосточным флангом определенной идеологией, содействующей формированию в массовом сознании россиян представления об Урало-Сибири как об опорном регионе России. Такая комплексная «переоценка составляющих» в пользу «парадоксальной российской сердцевины» могла бы послужить на благо развития России, связав ее разнонаправленные фланги.

Однако такая перспектива в формате режима правления Б.Н. Ельцина, унаследованного В.В. Путиным, не была реализована. Напротив, продолжился курс на встраивание России как экспортно-сырьевой страны в систему мировой экономики, что усилило и без того зависимое положение сибирского макрорегиона и России в целом от колебаний мировой конъюнктуры цен на нефть. Продолжился и передел постсоветских ресурсов в условиях сложившегося между «властью» и «народом» консенсуса невмешательства.

⁸⁴ Цымбурский В. Л. А знамений времени не различаете... С. 131–132.

⁸⁵ Там же. С. 133.

⁸⁶ Там же. С. 134–135.

«Власти даже не нужно, чтобы народ *присутствовал* при ее деяниях, состоящих в утилизации ресурсов. Самое интересное, однако, в том, что наступает момент, когда ресурсов становится достаточно мало, остается все меньше того, что еще можно утилизировать. И тогда ресурсом, подлежащим утилизации, становится само население»⁸⁷. Сложившийся режим правления Цымбурский едко назвал ЗАО «Россия», «The Great Russia Utilization Inc», «компания по утилизации предыдущих накоплений», оставшихся от некогда большой и сильной страны, в формах, санкционированных мировой экономикой и глобальным распределением власти⁸⁸.

В 2000-е гг. идея централизации взяла верх над процессами федерализации и развитием самоорганизации местных сообществ. Несмотря на некоторые позитивные инновации, принятие законов о местном самоуправлении и разделении компетенций между уровнями власти, принципы межбюджетных (межуровневых) отношений сохраняются неизменными, не оставляя большинству регионов России возможности опираться на потенциал саморазвития⁸⁹. Дефицит региональных средств, необходимых для социально-экономической и политической модернизации территорий, обнаруживается повсеместно, за исключением тех российских регионов, которые являются нефтедобывающими.

Что же касается конкретно Сибири, то в настоящее время нет никаких оснований считать, что она входит в разряд регионов первоочередных государственных интересов. Сибирь (за исключением Забайкалья и Иркутской области) не вошла в число геополитически важных для России территорий, для развития которых были приняты федеральные целевые программы, таких как, например, те, что нацелены на развитие Южных Курил, Дальнего Востока, Северного Кавказа, Калининградской области⁹⁰. Такой выбор обусловлен традиционной для России геополитической логикой флангового развертывания к морским бассейнам, ориентированного на экстравертивные амбициозные проекты в азиатско-тихоокеанском, китайском и восточноевропейском направлении: например, саммит АТЭС (2012) и Олимпийские игры в Сочи (2014).

Понятна обеспокоенность верховной власти наращиванием сил НАТО на западе и демографическим давлением Китая на востоке. Вместе с тем сохраняющаяся ориентация на энергосырьевой сценарий развития страны оставляет не решенными ключевые для России важнейшие проблемы: региональной диспропорции, китайского «давления», смены технологического уклада. В этом смысле Сибирь репрезентирует типичный российский макрорегион, институциональные условия развития которого не эволюционируют в на-

⁸⁷ Цымбурский В.Л. ЗАО «Россия» // Русский журнал. URL: <http://old.russ.ru/politics/20020508-tzim>

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Суспицын С.А. Реалии и альтернативы развития Сибири // ЭКО. 2011. № 9. С. 30–31.

⁹⁰ Там же. С. 31.

правлении технологических и социальных преобразований структуры экономики и общества⁹¹.

Ориентация на сбыт ресурсов на запад консервирует статус России как полупериферийной державы, несмотря на ее амбиции евразийского лидера. Для того чтобы реализовать модернизационный и инновационный потенциал, России необходимо опереться на человеческий ресурс. Это обстоятельство делает Сибирь уникальным регионом, так как она располагает, помимо индустриально-сырьевой базы, еще и населением с высоким уровнем образования.

В своих последних работах Цымбурский сравнивает 2000-е гг. со смутным временем, понимая под Смутой приватизацию власти, превращающую национальный интерес в частное дело представителей групп элит. Ключевой, по его мнению, проблемой для России оказалась слишком тесная связь между правящей элитой и внешними центрами силы, что оставляет за скобками большое количество «лишних людей», чья деятельность не связана с обслуживанием нефтяных и газовых трубопроводов, финансовых потоков и «силовым» обеспечением ресурсных и финансовых транзакций. Это выбрасывает в «зону неудачников» критическую массу находящихся на нижних социальных этажах людей, блокирует социальные лифты, усиливает недовольство и напряженность⁹².

Диагноз, который В. Цымбурский поставил правящему классу России еще в 2002–2003 гг., подтвердился и в современной политической истории России. В ближайшем будущем российские регионы, в том числе и Сибирь, будут находиться в зависимости от мировых процессов и воли геополитических субъектов, чьи интересы никак не связаны с благополучием живущих на данных территориях людей. Таким образом, налицо проблема поиска и реализации оптимальной модели внутренней геополитики, нацеленной на удовлетворение интересов максимально большего числа россиян, такой модели, которая позволила бы решить проблему единства страны в совокупности с назревшими институциональными преобразованиями. Инновационная модель развития предпочтительнее «охранительной» не только с позиции интересов самих сибиряков, но и для национальных интересов России, если понимать под ними в первую очередь интересы граждан страны.

Такая модель в совокупности составляющих ее элементов идеологии, методологии и технологии сделает Сибирь привлекательным с демографической точки зрения регионом, отодвинув угрозу исхода населения в европейскую часть, позволит нарастить экономический потенциал, снизив масштаб региональных диспропорций, укрепит позиции России в мировой геоэкономике, подтвердив ее роль надежного международного партнера в налаживании:

⁹¹ Там же. С. 32–33.

⁹² Цымбурский В. Л. Откуда подует ветер? // Русский журнал. URL: <http://old.russ.ru/politics/20030410-tzim>.

- а) торгового транзита по «Великому Транссибирскому пути»;
- б) политического диалога в отношениях между модернистским Западом и традиционным Востоком, реагирующим на контрмодернистские импульсы;
- в) диалога культур народов и цивилизаций на евразийском материке.

В такой новой модели у Сибири, не попадающей в настоящее время в зону геополитических приоритетов современной российской власти, может появиться шанс на то, что она станет, исходя из своего интеллектуального потенциала, центром роста инноваций, ориентированных на «внутреннее» потребление, а не на экспорт ресурсов и идей в «земли иные, отдаленные».

В этой связи следует отметить необходимость смены имиджа Сибири.

РАЗДЕЛ 6. СИБИРЬ НА КАРТЕ РОССИИ

Глава 22. «Сибирское» измерение образа России

Разговор о России невозможно вести вне ее «сибирского» измерения. Трудно сегодня помыслить Россию без сибирских просторов и людей, которые населяют этот край. Между тем прошло не так много времени с тех пор, как Сибирь стала восприниматься органичной частью России. Споры о том, является ли данный макрорегион «собственно Россией», ее частью или же колонией, не утихают до сих пор.

Для интеграции региона в социокультурное пространство страны чрезвычайно важными были не только территориальная экспансия и формирование границ, но и символическое присвоение новой территории. Как показали работы М. Бассина, А. Д. Агеева, Н. Н. Родигиной, восприятие Россией себя как особого рода географической целостности сопровождалось процессом конструирования границ между «внутренней» Россией и ее окраинами, в том числе Сибирью. Восприятие Сибири как «другой» России менялось на протяжении времени. Однако константой этого восприятия остается проекция реалий российской жизни на жизнь сибирскую. Данное обстоятельство было обусловлено, на наш взгляд, следующими предпосылками:

- Сибирь на протяжении нескольких веков оставалась регионом, зависимым от центральной власти в экономическом и социальном отношении;
- в Сибири довольно рано сформировалось региональное самосознание, при этом градус сепаратистских настроений был относительно невысок.

Если следовать методологическим посылам, идущим от классиков современной социологии и социальной антропологии, то необходимо признать справедливым методологическое положение, согласно которому центр конституирует периферию как своего «Другого». При этом край, граница как «Другое» становится условием возможности социальной целостности. «Другое» отвергается в центре, но в то же самое время оно становится инструментальной составляющей образных репертуаров доминантной культуры. Иными словами, без периферии, без «Другого» не может быть целостного социального организма, ибо конституирование целостности невозможно осуществить, не прибегая к процедуре самоописания через категории «Другой» и «граница». «Другой», помещенный на периферию в процессе самоописания культуры, является частью данной культуры. Как показало исследование Н. Н. Родигиной, Сибирь оставалась в XIX в. хоть и «другой», но все же «Россией». Этим и было де-

терминировано противоречивое восприятие Сибири в общественном сознании россиян.

В своей статье «Сибирь и Север как брэнды русской культуры» С. М. Казначеев раскрыл двусоставность образа Сибири: с одной стороны, Сибирь — это раздольный край, источники сырья, нетронутая экология, «сибирский характер» — символ естественности, крепости и чистоты духа, с другой стороны — это край с суровым климатом, удаленный от центра, закрытый для инноваций, комфортных условий труда и жизни, открытый для произвола со стороны власти. Обе стороны этого образа, как показывает автор, анализируя произведения русской художественной литературы, находятся в неразрывном единстве, «ибо говоря о плюсах, люди так или иначе имели в виду и минусы»¹.

«Постепенно выработались устойчивые клише для обозначения, куда именно направляются провинившиеся люди: *места отдаленные* (Сибирь, Дальний Восток) и *места не столь отдаленные* (Север). До сих пор эти идиомы обладают для русского языка вполне конкретной значимостью. Поскольку, по мнению многих, наказанию подвергались не всегда виновные и дурные люди, то сам факт массовой ссылки соотечественников в эти края не вызывал ярко выраженного негативного отношения к ним. Более того, складывалось мнение, что там трудно жить, но можно встретить очень интересных людей»².

В исследовании литературоведа В. И. Тюпы, посвященном «сибирскому тексту» русской классической литературы, образ Сибири интерпретируется как образ страны мифической смерти и последующего воскресения. «Ландшафт маргинального пространства каторги, ссылки и проживания различного рода “коммунитас” с его поражающими воображение лесами и реками (переправа через реку и углубление в лесную чащу — традиционные компоненты обряда инициации) с растягивающейся на полгода зимой и полярной ночью в наиболее северных районах оказался благодатной почвой для актуализации одной из наиболее архаичных культурных моделей. Уникальное взаимоналожение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни»³.

Выводы Тюпы, сделанные на основе сибирских текстов русской классической литературы, совпадают с выводами Н. Н. Родигиной, полученными на основе анализа разножанровых произведений тематического сибирского журнального дискурса второй половины XIX — начала XX в. Как и всякий «периферийный образ» национального самосознания, размещенный на границе

¹ Казначеев С. М. Сибирь и Север как брэнды русской культуры // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2005. Т. 3, вып. 2. С. 75.

² Там же.

³ Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о сибирском тексте русской литературы // Сиб. филол. журнал. 2002. № 1. С. 28.

самоописания «своей» культуры, образ Сибири имел черты противоречивости и антитетичности (антитезы противостояния «центру»):

– с одной стороны, «каторжный край», «царство холода и мрака», где все решает «право сильного», а злоупотребление властью не имеет границ;

– с другой стороны, «земля обетованная», место, где реальностью становится идеал народных утопий — мифическое Беловодье, «русская Америка» — край свободных людей, не знавших крепостнического гнета, «наше Эльдorado, Колондаик, золотое дно», «школа жизни», которую должен пройти каждый, кто тяготеет к ее «суровой правде»⁴.

Дуальность образа региона зафиксирована ею как в подавляющем большинстве информационных сообщений и аналитических статей, посвященных «сибирским» вопросам, опубликованных на страницах толстых журналов, столичных и местных газет, так и в текстах крестьянского происхождения пореформенного периода. «У вас — умереть, у нас — воскреснуть!» — типичная реплика из письма крестьянина-переселенца на родину, в Европейскую Россию⁵.

Любопытно, что антиномичные характеристики Сибири сопрягаются с антиномичностью образа самой России, подмеченной уже в XX столетии Н. А. Бердяевым, по мнению которого эта противоречивость проявляется в следующем:

– Россия — самая анархичная страна в мире, а русский народ — самый аполитичный народ. Тем не менее невозможно не заметить, что русские создали одну из самых крупных империй;

– Россия — самая нешовинистическая страна, а русские часто стыдятся того, что они русские. Однако это не становится препятствием на пути эксцессов национализма и национального бахвальства;

– Россия — страна свободы духа, «странничества и искания Божьей правды». Но одновременно очевидно, что Россия — «страна неслышанного сервилизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознания прав личности и не защищающая достоинства личности».

Эта двойственность обусловлена, с точки зрения русского философа, особым, «срединным» в географическом плане, местом России между Востоком и Западом. Бердяев предполагал, что реализовать свою «востоко-западную» миссию Россия обязана и в духовном плане.

Бердяев не был одинок: он имел предшественников и современников, которые мыслили сходным образом. «Россия, по моему крайнему разумению, — писал Д. И. Менделеев, сибиряк по происхождению, в 1906 г., — назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравнивания между передовым, но кичливым

⁴ Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX в. Новосибирск: НГПУ, 2006. С. 45.

⁵ Там же.

и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорной, даже отсталой и приниженной, но все же твердой государственно-социальной сплоченностью»⁶.

Между тем Сибирь утрачивала черты «другой России» в общественном сознании россиян (в том числе сибиряков) по мере включения ее образа в ядерные структуры российского и собственно русского национального самосознания как органической части самохарактеристики. На протяжении XIX в. происходит трансформация образа Сибири: от «чужого» к «своему иному». На смену пугающему образу «дикой земли», нуждающейся в цивилизационном «окультуривании», приходит представление о Сибири как о «русской Америке», стране предприимчивых людей, с сильным здоровым характером, которые при этом, как писал в конце XIX в. известный исследователь А. Н. Пыпин, лишены высокомерия по отношению к другим сибирским народам. Этому в немалой степени способствовало перенесение на ее образ присущих образу самой России черт первозданности, близости к первоистоку, мифической древности, подлинности и открытости для творчества.

Начало символического расширения ментального ядра российской культуры за счет включения «сибирского» измерения образа России хронологически совпадает с очередным социокультурным кризисом, который пришелся на XIX в. В переходные эпохи остро стоит проблема определения социокультурной идентичности. Россия — это Восток, Запад, или особый мир, несводимый ни к тому, ни к другому?

В то время как русская философская мысль была увлечена выяснением отношений православного Востока и латинского Запада, «забыв», что за ее спиной стоит азиатский Восток России, Ф. М. Достоевский с сожалением замечал, что русское общественное сознание мало обеспокоено ясным пониманием миссии России в Азии. «Да и вообще вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России все еще как будто существует в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться... Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе»⁷.

Преодоление европоцентризма произошло в трудах Н. Я. Данилевского. С позиций теории культурно-исторических типов Данилевский не просто подверг критике универсалистскую концепцию прогресса, но и показал методо-

⁶ Менделеев Д. И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002. Цит по: Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Сибири XVIII — начала XX века: империи- и нациостроительство на восточной окраине Российской империи // История. Антропология. Культурология: Программы и избр. лекции. Омск: Наука, 2004. Ч. 2. Избр. лекции. С. 37.

⁷ Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 27. С. 33.

логическую относительность идеи всемирно исторического процесса применительно к изучению истории конкретных народов. Примечательно, что в рассуждениях Данилевского появляется Сибирь как разнообразящий славянский культурно-исторический тип «этнографический материал».

Весь XIX в. прошел под знаком доминирования западноевропейского вектора в символическом расширении ментального ядра русской культуры. Однако уже в его второй половине наметилась альтернативная, «восточническая» тенденция.

Как показал в своей статье «Сибирские корни евразийства» Шиловский, активное участие в формировании альтернативной позиции сыграли идеологи сибирского областничества. Основу областнической концепции составляло положение о Сибири как о колонии и особая интерпретация процесса ее освоения. По мнению Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и других областников, в Сибири под влиянием природно-климатических факторов и взаимодействия с коренными сибирскими народами («инородцами») сформировался новый этнографический тип русского славянского народа⁸. Эта позиция позволила взглянуть на Сибирь как на «русскую» территорию, «родную землю», каковой она являлась для многих представителей русского старожильского населения («чолдонов»), к тому моменту уже более трех веков населяющего этот край.

Развитие Сибири в составе России областники оценивали противоречиво, полагая, что причиной отставания Сибири по сравнению с бывшими европейскими колониями, США, Канадой и Австралией, является отношение центральных властей России к Сибири как к колонии. Объектом критики была региональная политика самодержавия: русификация, пренебрежительное отношение к положению и перспективам развития аборигенов региона, система управления регионом, произвол властей. «Тяжко будет тогда, когда европейские друзья подкараулят Россию и заметят все ее слабые стороны, когда обнаружится все ее политическое ничтожество. Англия, Германия и теперь зорко следят за тем, что плохо привязано к России. Выждут минуту — оторвут Амур, Остзейский край, Польша сама уйдет. Явится расплата. Кто же будет виноват, что травил и раздражал народности?», — пишет Ядринцев в памфлете «Иллюзия величия и ничтожества. Россию пятят назад»⁹.

Концептуальная основа общественно-политической деятельности областников базировалась на научных исследованиях второй половины XIX в. Речь идет о комплексном изучении историко-культурного наследия и современного им состояния населения и территории региона. Изучалось все: люди, животные, климат, почвы, экономика, география, фольклор, письменность,

⁸ Шиловский М. В. Сибирские корни евразийства // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 105.

⁹ Ядринцев Н. М. Иллюзия величия и ничтожества. Россию пятят назад // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1979. Т. 4. С. 224.

религиозные верования и т. д. Г. Н. Потаниным и его коллегами, русскими географами, был осуществлен целый ряд экспедиционных исследований в северной и центральной части Евразии. Серия ярких научных открытий позволила выявить существование на территории Азии в древности городов, письменности и прочих атрибутов так называемой «цивилизации» в ее европейском понимании. Речь идет о находках орхонских рунических надписей и их последующей расшифровке, обнаружении тюрко-монгольских мифологических сюжетов в европейской эпической традиции, археологических раскопках древних городов и т. п.

Усилиями областников на рубеже XIX и XX в. **свершается научная революция**: Сибирь превращается в регион, сыгравший особую роль в истории Евразии — роль колыбели всех европейских и азиатских народов. Символический статус азиатской части России возрастает и в связи с развитием геополитики. В знаменитой работе «Географическая ось истории» Х. Маккиндера был сформулирован концепт «Хартленд», который обозначал ключевую область мирового организма (1904 г.). Одно из центральных положений этой теории можно сформулировать следующим образом: «Тот, кто контролирует Хартленд, имеет контроль над миром». Представляя мировую историю как историю соперничества стран моря и стран суши, Маккиндер выдвинул тезис, согласно которому народы, принадлежащие к периферии Мирового острова (континента Евразии), например, римляне, живут под постоянной угрозой завоевания со стороны сил Хартленда («варваров»). Для римлян это были германцы, гунны, аланы, для средневековой ойкумены — Монгольская империя.

Представление о России как «сердцевине» евразийского материка можно найти у евразийцев. Специфика континентальных территорий и народов связывалась ими с возможностью реализации Россией на разных исторических этапах альтернативных ориентаций — западной и восточной. Евразийство предложило свой ответ на вопрос о социокультурной идентичности России. Оно обратило внимание на роль неславянских народов — тюркских, монгольских и финно-угорских, населяющих единое с восточными славянами «месторазвитие» и постоянно взаимодействовавших с ними. И хотя евразийцы идеализировали «татарщину», рассматривая ее как «спасение» от другой, более серьезной опасности, исходящей от гегемонии агрессивного Запада, тем не менее в историческом опыте России можно найти некоторые обстоятельства, подтверждающие влияние «монгольского» фактора на формирование российско-евразийской цивилизации. Имперский принцип в практике государственного управления монгольской империи оставлял широкие возможности для региональной автономии, в том числе и в религиозной жизни, при условии лояльности к центральной власти. Россия, став геополитическим преемником монгольских ханов, сохранила этот принцип в управлении. Поэтому вполне естественно, что не только русские, но и другие народы, входившие в ее социокультурное пространство, внесли свой вклад в его развитие.

Обосновывая «азиатскую ориентацию» России, этнограф и лингвист Н. С. Трубецкой привлекает эмпирический материал из языкознания: он напоминает о генетическом родстве всех индоевропейских языков и этносов, показывает большую духовную близость русских культурем, нашедших отражение в языке, к древним индо-иранским понятиям, нежели к романо-германским¹⁰. В результате проведенного анализа лингвистического материала Трубецкой приходит к заключению о сугубо евразийском типе русских. Физическое взаимодействие посредством смешанных браков, долгая совместная жизнь в рамках одного государства скрепила связь восточных славян с угро-финнами и тюрко-монголами, что и обусловило, по мнению Трубецкого, тот факт, что русские вместе с тюрками и угро-финнами составляют особую культурную зону. Следовательно, подчеркивал он, русские являются евразийским народом и цементируют собой органичную им евразийскую культуру России, в то же время не представляя собой ни европейцев, ни азиатов. «Самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами»¹¹.

Таким образом, можно зафиксировать, что в национальной культуре в период с 30–40-х гг. XIX столетия по 20–30-е гг. XX столетия происходит переосмысление и образа самой России, и Сибири как одной из его структурных единиц. Если в XIX в. для русской культуры в процедурах самоописания единственным «значимым другим» оставался «Запад» (Европа) и русские интеллектуалы остро реагировали на оценки и мнения европейских политиков, деятелей науки и культуры в адрес России, то уже в XX в. «европейский» фактор теряет свое монопольное положение. На рубеже XIX и XX в. за статус «значимого другого» в процедурах конструирования собственных границ в русском менталитете начинают конкурировать Турция, Япония, США, в XX в. — Китай и Индия. Сибирь становится структурной единицей образа России с тенденцией смещения от периферийных к его ядерным основаниям.

Глава 23. «Другая Россия»: Сибирь и ее население в процессе социальной модернизации

Выражение «другая Россия» впервые было употреблено Н. Н. Родигиной в монографии, посвященной конструированию образа Сибири общественным сознанием россиян¹². Аналогично тому, как метафора «другой Европы» в заглавии монографии В. Г. Федотовой выражает инаковость России в сознании

¹⁰ Ожогин В. И. Парадигма евразийской культурософии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. С. 14.

¹¹ Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 59.

¹² Родигина Н. Н. «Другая Россия»...

европейцев и подчеркивает догоняющий характер российской модернизации, инаковость «другой России» акцентирует внимание на определенных чертах образа Сибири в общественном сознании россиян:

– биполярности образа, обусловленной, с одной стороны, его производностью от образа «корневой» России, с другой стороны, потребностью актуализации собственного «сибирского» потенциала, традиций и опыта в оппозиции ему;

– смешанной европейско-азиатской идентичности населения сибирского региона;

– претензии на повышение с периферийного до «ядерного» статуса макро-региона в рамках российской культуры;

– ориентации на традицию и неотрадицию как ресурс, позволяющий снимать напряжение между столичными анклавами, задающими вестернизированные модели образа жизни, и провинциями, вынужденными обращаться к этническим и региональным «корням» перед угрозой перспективы духовного опустошения.

Необходимость «переизобретения» имиджа Сибири остро осознается и экспертным сообществом — учеными, политиками, предпринимателями, озабоченными формированием позитивного имиджа Сибири для создания инвестиционно привлекательного климата региона, от которого зависит рост благосостояния его населения. По мнению В. И. Супруна, образ региона — вещь сложная и трудноопределимая, которую нельзя свести только к экономическим факторам. В то же время и обращения к былым успехам оказывается недостаточно. Необходимо, чтобы прошлое начало работать на будущее, на формирование привлекательного образа, без которого невозможно преодолеть демографический спад, добиться притока инвестиций, привлечения высококвалифицированных мигрантов, создать конкурентные преимущества для региона в условиях глобализации¹³.

Между тем, говоря о модернизации Сибири, следует заметить, что успех этого процесса напрямую зависел от того, в какой мере регион воспринимался частью России. Первым, исторически первичным имиджем Сибири, стал образ отдаленной окраины, освоение которой сулит, несмотря на значительные усилия и затраты, огромные, но неочевидные выгоды¹⁴. Россия и Сибирь — две существенно различные реальности, два разных мира, как Англия и Северная Америка, Португалия и Бразилия, как метрополия и колония¹⁵.

Примечательна в этой связи полемика, развернувшаяся на страницах «Отечественных записок» в 1841–1842 гг., о которой упоминает в одной из своих статей А. В. Ремнев. Публицист Н. Б. Герсеванов, будущий генерал-

¹³ Супрун В. И. Имидж региона — имидж страны // Имиджи Сибири / Под ред. В. И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2008. С. 23, 22, 15–16.

¹⁴ Антипов Г. А. Имиджи Сибири — по их сути // Там же. С. 86.

¹⁵ Там же.

майор российской армии, полагал, что вложение «капиталов, ума и предприимчивости» в Сибирь бесперспективны. «Сибирь, питаясь соками России, — утверждал он, — сама мало от того тучнеет, а отнимает силы у своей кормилицы». С возражениями на страницах тех же «Отечественных записок» выступил писатель А. А. Мордвинов, впоследствии забайкальский вице-губернатор, призвавший не требовать от Сибири слишком быстрой отдачи. В его статье содержался упрек в том, что еще ничего не было сделано для развития края¹⁶.

Полярные взгляды на перспективы развития Сибири были высказаны в марте-апреле 1861 г. на заседании политико-экономического комитета Русского географического общества. Академики, ссылаясь на историческую практику отделения колоний от метрополий, сходились во мнении, что Сибирь не будет исключением из этого правила. Академик Александр Миддендорф считал, что, поскольку Сибирь со временем неотвратимо отделится от России, не следует тратить на ее обустройство, пополнение населения, развитие промышленности и транспорта. Возражая ему, академик Карл фон Бэр призывал не бояться возможного отделения колоний, ссылаясь на опыт Англии, которая, по его мнению, экономически только выиграла от самостоятельности своих бывших заокеанских колоний. И Россия тоже должна заботиться о своих интересах в будущей независимой Сибири¹⁷.

Неспособность самодержавия к хозяйственному освоению региона порождала у местного населения ощущение неясности своего места в составе России. Недовольство сибиряков своим неравноправием в составе империи создавало в сибирском обществе ощущение отчуждения от Европейской России. С появлением сибирского областничества обозначился имидж Сибири как региона с огромным потенциалом прогресса. Этот имидж акцентировал ряд характеристик, среди которых — предприимчивость сибиряков, отсутствие помещичьей власти, опыт общинной демократической жизни, независимый дух первопроходцев, малочисленность бюрократии. Существенно и примечательно, что данный образ создавался не с позиций внешнего наблюдателя, но изнутри, с позиции «автохтона»¹⁸.

Во второй половине XIX в. имперская власть обозначила свой интерес к региону двумя проектами, ориентированными на экономическую и культурную модернизацию: созданием первого Сибирского университета в Томске, основанного в 1878 и открытого в 1888 г. в составе единственного — медицинского — факультета, и началом строительства в 1891 г. Великого Сибирского пути — Транссибирской магистрали, связавшей российские столицы с Дальним Востоком. Эти мероприятия, равно как и государственная переселенческая

¹⁶ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Сибири XVIII — начала XX века: империо- и нациостроительство на восточной окраине Российской империи. С. 14.

¹⁷ Ламин В. А. Лики Сибири — давние и близкие // Имиджи Сибири. С. 54.

¹⁸ Антипов Г. А. Имиджи Сибири — по их сути. С. 92.

политика по обустройству крестьян из европейской России на новых местах, исходили в значительной мере из геополитических соображений. Сибирь до середины XIX в. сохраняла буферную специализацию, которая со строительством Транссиба дополняется транзитной. Интересы и потребности сибирского населения приносились в угодую требованиям безопасности и обеспечения контроля границ империи. В политической же сфере государство ориентировалось в своих действиях на фискально-охранительную функцию. И в конце XIX — начале XX в. живучим оставалось представление о возможности отделения Сибири от России. А. В. Ремнев в одном из своих исследований приводит любопытный факт. Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин выискивал и вычеркивал в газетных статьях слова «Сибирь и Россия», заменяя их словами «Сибирь и Европейская Россия», вместо «сибиряки» требовал писать «уроженцы Сибири»¹⁹.

Экономическая модернизация во многом зависела от социальной инициативы, исходящей из «низов» общества, и осуществлялась в основном силами русских крестьян и купцов-промышленников, привнесших новые для региона хозяйственные, экономические и демографические практики: земледелие, товарный обмен рыночного типа, простое воспроизводство населения. Что касалось политической модернизации, то вплоть до революции 1917 г. все социально-политические реформы, осуществляемые во второй половине XIX в., запаздывали в регионе, а земства в Сибири так и не были образованы.

Кризис самодержавия и гражданская война усилили центробежные тенденции на окраинах страны, а также националистические и регионалистские настроения в Сибири. Восстановление единства централизованного государства в ранний советский период опиралось и на естественное желание россиян сохранить государственность и свою принадлежность к российской цивилизации, и на прямое насилие. Тем не менее в 1920–1930-е гг. в Сибири разворачивается мобилизационная модернизация, которая сочетала энтузиазм строителей коммунизма с принудительным трудом спецпоселенцев. Примечательно, что процесс модернизации региона в советский период переходит на плановые рельсы. В первое двадцатилетие советской власти формируется сырьевая компонента индустриального развития Сибири, развивается транспортная сеть. Согласно плану ГОЭЛРО, в 1920–1930 гг. формируется Урало-Кузнецкий угольно-металлургический комплекс с соответствующим тому времени уровнем электрификации железных дорог, разрабатывается проект Северного морского пути.

Для обеспечения потребностей промышленности квалифицированными кадрами разрабатывается человеческий ресурс. Особое внимание уделяется образованию. Сначала проводится компания по ликвидации безграмот-

¹⁹ Ремнев А. В. Призрак сепаратизма // Родина. 2000. № 5. С. 10–17.

ности, затем, в 1930–1933 гг., вводится всеобщее начальное образование, а в 1934–1937 гг. — всеобщее семилетнее образование. Процесс индустриализации меняет образ жизни бывших крестьян, переезжающих в города. На карте появляются новые города, растет число рабочих и служащих.

Несмотря на ряд существенных достижений в области индустриализации и развития культуры, особенно в годы первых пятилеток, следует иметь в виду, что одним из ресурсов мобилизационной модернизации являлся дешевый труд крестьян и ссыльных жертв коллективизации. Компания по «раскулачиванию» имела чрезвычайно масштабные по своим размерам последствия, в числе которых — переход крестьян в другие социальные слои, размывание трудовой этики, конфликт поколений и надлом традиционной культуры, принудительное прикрепление к территории, ущемление ссыльных в гражданских правах, отсутствие возможности горизонтальной и вертикальной мобильности по причине правовой и социальной дискриминации, маргинализация значительной части населения. Однако такая радикальная политика в отношении крестьянства не превратила Сибирь в индустриальный край. Вплоть до Великой Отечественной войны Сибирь оставалась аграрно-индустриальным макрорегионом.

Аграрно-индустриальная специализация Сибири меняется на индустриально-аграрную в годы Великой Отечественной войны. Следствием эвакуации промышленных предприятий за Урал стало оседание населения, в том числе и высококвалифицированных специалистов, в городах Сибири, значение которых в экономической жизни страны существенно возросло. Так, Новосибирск за счет приема трех десятков крупных эвакуированных заводов намного вырос и по численности населения, и по объему промышленного производства. Только с января 1941 г. по август 1942 г. число жителей города увеличилось с 463 до 578 тыс. чел. Объем промышленного производства за 1940–1945 гг. вырос в 5,4 раза²⁰.

В послевоенные годы индустриализация Сибири приобрела новый импульс в хрущевский период. Завершается разведка и начинается разработка нефтяных, газовых и других месторождений полезных ископаемых. Начиная с 1954 г. разворачивается строительство гидроэлектростанций на сибирских реках: Братской, Усть-Илимской, Красноярской, Саяно-Шушенской. Крупные ГЭС становятся основой территориально-производственных комплексов (ТПК), благодаря которым осуществлялось промышленное освоение регионов Сибири с использованием сырья и электроэнергии, выработанными собственными ресурсами региона.

ТПК были продуктом плановой экономики, которая в постсталинские годы стала уходить от эксплуатации принудительного труда. Ориентируясь на сти-

²⁰ Акулов М. Р. Изменение численности и состава рабочих Новосибирска в годы Великой Отечественной войны // Изменения в составе и культурно-техническом уровне рабочего класса и крестьянства Сибири: Тез. докл. и сообщений Всесоюз. симпозиума. Новосибирск, 1974. С. 65.

мулирование населения Сибири материальными надбавками, жильем, возможностями карьерного роста, созданием позитивного имиджа региона, советская экономика получила дополнительный экономический эффект от привлечения грамотного и высококвалифицированного населения. Так, по данным переписи 1959 г., на каждую тысячу рабочих — социальной группы, ставшей основой советской модернизации, — высшее и среднее (полное и неполное образование) имели в Западной Сибири 323, в Восточной Сибири — 331, на Дальнем Востоке — 357 чел. По переписи 1970 г., на каждую тысячу рабочих имели соответствующее образование в Алтайском крае — 475, в Красноярском — 513, в Приморском — 602 чел.²¹ В результате с 1959 по 1970 г. количество рабочих, имеющих среднее (включая неполное) и высшее образование, повысилось на 67,7%, а число лиц, имеющих только начальное образование, сократилось на 32%. Тюменская, Читинская области и некоторые национальные автономии Сибири (например, Бурятия) по темпам роста образования в этой группе населения обогнали средний по РСФСР показатель²².

Модернизация невозможна без «совмещения» трех элементов развития региона: качественного человеческого потенциала, развитой индустрии и инноваций. Именно инновационная составляющая изменила судьбу Сибири, преобразила облик сырьевого и транзитного региона, вдохнув новую жизнь в традиционный для русской культуры образ Сибири как «земли обетованной», где перед человеком открывается возможность проявить себя в свободной и творческой деятельности. С точки зрения новосибирских экономистов В. И. Сусллова и Б. Л. Лавровского, создание Сибирского отделения Российской академии наук фиксирует некоторые подвижки в изменении отношения Москвы к Сибири как к российской территории, имеющей весьма высокую ценность²³. В 1969 г. правительством принимается решение о создании в Новосибирске сельскохозяйственного научного центра (ныне — СО ВАСХНИЛ) в поселке Краснообск. Наконец, в 1970 г. в Новосибирске создается третий академический центр, Сибирское отделение Академии медицинских наук.

Создание трех научных центров способствовало формированию имиджа Сибири и ее интеллектуальной столицы, Новосибирска, как сосредоточия новаторской деятельности мирового уровня. Сочетание академической науки с высокотехнологичными отраслями ВПК выводило крупные сибирские города в ряд мировых не только индустриальных, но и инновационных центров. Си-

²¹ *Борисов Б. Л.* Повышение культурного уровня рабочего класса Сибири и рост его политической активности // *Изменения в составе и культурно-техническом уровне рабочего класса и крестьянства Сибири: Тез. докл. и сообщений Всесоюз. симпозиума.* Новосибирск, 1974. С. 13.

²² *Чусовитин Н. Г.* К вопросу о современном уровне образования рабочих // Там же. С. 15–16.

²³ *Суслов В. И., Лавровский Б. Л.* Имидж Сибири в зеркале экономической истории и стратегии // *Имиджи Сибири.* С. 119.

Сибирь также становится одним из культурных центров России. Сибирский текст позднего советского и постсоветского периодов репрезентирует современную русскую культуру в произведениях В. Шукшина, А. Вампилова, В. Астафьева, В. Распутина, Е. Гришковца, А. Звягинцева.

Распад СССР породил демодернизационные тенденции в развитии сибирского макрорегиона. Неудачи плановой экономики многие исследователи связывают с консерватизмом инструментов бюрократического планирования. Кризис советской экономической модели, вызванный исчерпанием ресурса «крестьянской» модернизации в условиях, когда инновационная модель еще не стала определяющей, негативно повлиял на перспективы развития социальной модернизации региона.

За годы рыночных реформ в экономике и социальной структуре населения Сибири произошли существенные изменения. Сложилась рыночная инфраструктура, изменились формы собственности, произошли изменения в структуре занятости. Далеко не всегда эти изменения имели положительные результаты. Как показывает анализ статистических данных, осуществленный Ю. В. Попковым и В. Г. Костюком на основе материалов «Российского статистического ежегодника» и статистического сборника «Сибирский федеральный округ в цифрах» за 2001–2003 гг., индекс промышленного производства в Российской Федерации последовательно падал с 1991 по 1999 г. Аналогичные процессы происходили и в промышленности сибирских регионов. Сельское хозяйство в сибирских регионах за годы реформ, судя по показателям индекса физического объема продукции сельского хозяйства, также испытало спад²⁴.

Авторы выявили следующие негативные тенденции экономического и социального развития, оказавшие существенное влияние на условия жизни народов Сибири. В промышленности и сельском хозяйстве сибирских регионов за годы реформ изменилась отраслевая структура. Эти изменения отразили переориентацию промышленности на внешний рынок в ущерб внутреннему. Разрушение предприятий коллективной и государственной форм собственности и увеличение числа частных и фермерских хозяйств далеко не во всех отраслях народного хозяйства имело положительный эффект.

Особенно это относится к сфере сельского хозяйства, где занято большинство представителей коренных сибирских народов. За годы реформ снизился удельный вес сельскохозяйственных предприятий и возрос вес домохозяйств. Такая натурализация вовсе не привела к росту объемов производства продукции. В суровых, почти экстремальных природных условиях Сибири сельское хозяйство может быть эффективным только при условии коллективной мобилизации труда. Малые предприятия и крестьянские фермерские хозяйства, как показывают данные «Российского статистического ежегодника» в 2002 г., раз-

²⁴ Попков Ю. В., Костюк В. Г., Тугужекова В. Н. Этнос Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск, 2003. С. 10–12.

вивались медленно. Их удельный вес в производстве продукции и занятости населения в Сибири в 2001 г. был невелик²⁵.

Некоторые из этих негативных изменений правомерно охарактеризовать как демодернизацию. Востребованность экспортно-сырьевой специализации Сибири породила в настоящее время ситуацию, при которой сибирский регион испытывает напряжение по всем трем из указанных выше показателей модернизации: индустрии, инновациям, качеству человеческого потенциала. Самая существенная проблема кроется в дефиците развития последнего из этих элементов. В этой связи можно выделить три существенных аспекта. Во-первых, демографические потери. Население Сибири и Дальнего Востока переживает существенное сжатие. Во-вторых, дефицит трудовых ресурсов. Год от года сокращается доля молодого поколения в составе рабочих. Средний возраст этой категории населения России близок к пенсионному. Специалисты, которых выпускала система ПТУ, работают где угодно, только не по специальности. Сама система ПТУ находится в настоящее время на издыхании. Труд же гастарбайтеров из стран ближнего зарубежья можно использовать, например, на строительстве. Однако далеко не каждого мигранта можно поставить к станку. В-третьих, остро стоит проблема «утечки мозгов» молодых ученых за рубеж, о которой сказано уже немало²⁶.

Сегодня сибирский регион нуждается в гибком сочетании рыночных инструментов и стратегического планирования развития территорий. Это требует от стратегов иного видения перспективы развития. Сибирский философ Г. Антипов завершает свой анализ эволюции образа Сибири в общественном сознании россиян вопрошанием: «Сибирь — это Россия»²⁷? Думается, что положительный ответ на вопрос о том, сложился ли «третий», «русский» имидж Сибири, уже дан в ряде отечественных исследований, посвященных современной российской внутренней геополитике. Так, в концепции М. Ильина Урал и Западная Сибирь выступают «второй Великороссией»²⁸. По его мнению, идентификация населения этих регионов с сибиряками и уральцами свидетельствует не об утрате связи с российским историческим ядром, а о самовосприятии себя россиянами «в квадрате».

В XX в. Сибирь становится Россией в полной мере. «Свое Иное» сибирских областников видится ныне урало-сибирским звеном российской цивилизации в концепции другого геополитика, В. Цымбурского, который полагал, что опора на эту «парадоксальную сердцевину», привычно относимую к периферии, позволила сохранить единство страны и предотвратить дезин-

²⁵ Попков Ю. В., Костюк В. Г., Тугужекова В. Н. Этносы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). С. 14–15.

²⁶ Рычков Н. Н. Сибирь: биполярность имиджа // Имиджи Сибири. С. 178.

²⁷ Антипов Г. А. Имиджи Сибири — по их сути. С. 94.

²⁸ Ильин М. В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3. С. 91

теграцию в условиях перехода от Российской империи к СССР, от СССР к современной РФ²⁹.

Такая оценка места региона требует пересмотра «сырьевой» составляющей образа Сибири и соответствующей государственной стратегии. Помимо вложений в производство требуется еще и инвестирование в человеческий капитал — в уровень квалификации населения и степень его устроенности. Благодаря преимуществу в образовании население Сибирского Федерального округа имеет довольно высокие показатели индекса развития человеческого потенциала на фоне среднероссийских показателей. К сожалению, в период с 1990 г. и по настоящее время не удастся сохранить демографический потенциал, что проявляется в сокращении численности населения, короткой продолжительности жизни, особенно мужчин, а также высокой заболеваемости и смертности. Добиться решения социальных проблем невозможно без перехода на инновационную модель развития экономики, которая позволит существенно увеличить эффективность труда и достойно оплачивать квалифицированный труд.

Глава 24. Геополитические проекции Сибири: три этапа статусной трансформации региона в общественном сознании россиян

Статус Сибири как одного из ядерных звеньев (урало-сибирского звена) в структуре внутреннего геополитического пространства России обусловлен ее ключевым значением как с точки зрения обеспечения коммуникации балто-черноморского и азиатско-тихоокеанского «флангов» друг с другом, так и с точки зрения «выхода» России на центрально-азиатские страны и народы. В этой связи возрастает необходимость обоснования инновационной модели развития региона, которая позволит сделать Сибирь привлекательной с демографической точки зрения, отодвинуть угрозу китайского «натиска» на Россию и исхода населения в европейскую часть, нарастить экономический потенциал, снизив масштаб региональных диспропорций³⁰.

Каждый из этапов геополитической трансформации статуса региона можно описать как процесс пространственного проектирования, обусловленный взаимным влиянием, с одной стороны, региональной структуризации социально-экономического пространства страны, с другой стороны, ментального конструирования образа региона в общественном сознании россиян. При общей повышающей направленности (от буферной зоны к внутренней периферии, от

²⁹ Цымбурский В. А. А знамений времени не различаете... // Национальные интересы. 1998. № 1. URL: <http://www.archipelag.ru/ht/authors/cimbursky/library=1285>

³⁰ См., например: Цымбурский В. Л. Народы между цивилизациями // Pro et contra. 1997. Т. 2, № 3. С. 154–184; Он же. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4. С. 141–175.

внутренней периферии к провинции, от провинции к «ядру») вектора трансформации наблюдается тенденция расширения функциональных характеристик геополитического объекта за счет дополнения новыми специализациями.

Каждый этап изменений хронологически укладывается между временными периодами, в рамках которых геополитический статус региона может быть зафиксирован в терминах, принятых в теоретической географии: буферной зоны (конец XV в. — первая половина 1850-х), внутренней периферии (1905–1921), провинции (1939–1959). Соответственно, смена статуса была обусловлена и сопровождалась не только ментальной трансформацией, но и сменой модели социально-экономического развития Сибири.

Первая ментальная трансформация образа Сибири от «чужого» к «своему иному» связана с осознанием недостаточности стихийной, по преимуществу крестьянской, колонизации для развития Азиатской России и удержания ее регионов (Сибири, Дальнего Востока, Степного края) в составе Российской империи. В 1860–1890-е гг. имперская власть переходит к формированию социальной инфраструктуры региона, включая строительство Транссиба, создание Томского университета. Она немало делает для формирования в Сибири сети школ и церквей, при которых получали начальное образование большинство россиян в конце XIX в.

Результатом этой трансформации стало изменение отношения к Сибири самих россиян, в том числе жителей региона. На смену пугающему образу «дикой земли», нуждающейся в цивилизационном «окультуривании», приходит представление о Сибири как о русской Америке, стране предприимчивых людей с сильным здоровым характером, которые при этом лишены высокомерия по отношению к другим сибирским народам. Сибирь более не рассматривается как «Иное», «не-Россия», отдаленная окраина, «которой будет прирастать могущество России». Сибирь становится «другой Россией», краем, освоение которого сулит в будущем немалые выгоды и для самих сибиряков³¹.

В этот период совокупное действие социальных и ментальных факторов изменяет геополитический статус макрорегиона. Сибирь из приграничной территории с присущими ей в этом качестве «буферными» функциями, прежде всего военно-оборонными, превращается во внутреннюю периферию, регион с преобладанием транзитных и сырьевых функций. Под буферной зоной понимается подвижная граница российской геополитической системы с соседними аналогичными системами (Центральной Азией и Китаем). Граница испытывает влияние противоборствующих центров и одновременно максимально дистанцирована от них, прежде всего в иерархическом отношении. Дистанция же между внутренней периферией и центром более сглажена. Статус внутренней периферии более высок, нежели статус буферной зоны, предмета тяжб грани-

³¹ *Антипов Г.А.* Имиджи Сибири — по их сути. С. 86; *Родигина Н.Н.* «Другая Россия»...

чащих друг с другом государств. Статус внутренней периферии обеспечивает приграничной провинции покровительство центра.

В то же время внутренняя периферия ни в экономическом, ни в политическом, ни в каком-либо ином отношении не является самодостаточной. Это обстоятельство создавало известное напряжение в отношениях между имперским центром и окраинами. С появлением сибирского областничества обозначился имидж Сибири, семантически ассоциируемый с идеями прогресса и свободы. Рост самоуважения способствовал формированию региональной идентичности и регионального патриотизма.

В истории идей эта ментальная трансформация оставила два проекта. Один из них — сибирский областнический проект. Второй — «Русская Евразия» В. П. Семенова-Тян-Шанского. Потребность выделения Русской Евразии в качестве самостоятельной экономико-географической единицы была вызвана необходимостью равномерного заселения и экономического развития территорий за пределами исторического ядра России. По мнению Семенова-Тян-Шанского, существующее «представление о Российской империи, искусственно делящейся Уральским хребтом на совершенно неравные по площади Европейскую и Азиатскую части», должно быть изменено³².

«Нам, более чем кому-либо на свете, не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединять ее в одно географическое целое... Следует выделить, на пространстве между Волгой и Енисеем от Ледовитого океана до самых южных граней государства, особую культурно-экономическую единицу в виде Русской Евразии, не считать ее никоим образом за окраину, а говорить о ней уже как о коренной и равноправной во всем русской земле, как мы привыкли говорить об Европейской России»³³. Выделение такой единицы должно было, по его мысли, компенсировать геополитический дисбаланс, обусловленный пространственной удаленностью столиц империи (Санкт-Петербурга и Москвы) от большинства регионов страны.

Вторая трансформация образа Сибири связана со сменой экономической специализации, с переходом от агроиндустриальной к индустриально-аграрной модели экономического развития региона в 1920–1940-х гг. Имидж Сибири дополняется новыми характеристиками молодого растущего социального организма. Сибирь перестает быть «другой Россией» и становится «просто Россией». Эта трансформация вновь меняет геополитический статус макрорегиона: из внутренней периферии с присущими ей транзитными и сырьевыми функциями Сибирь становится индустриальной кузницей и энергоресурсной кладовой. Это повысило ее геополитический статус до

³² Семенов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк по политической географии // Рождение нации. Серия альманахов «Арабески» истории / Сост. А. И. Куркчи. М.: ДИ-ДИК. 1996. Вып. 7. С. 593–616.

³³ Там же.

провинциального, т. е. до самодостаточного региона без сродства, но и без противостояния с центром.

В истории идей эта трансформация также оставила два проекта. Один из них — евразийский эмигрантский проект. Второй — проект строительства социализма в СССР. Реализация плана ГОЭЛРО, формирование промышленной инфраструктуры в годы первых пятилеток позволили создать за Уралом индустриальную базу, которая в период Второй мировой войны послужила экономическим и технологическим фундаментом независимости страны. Как утверждают историки В. В. Алексеев, М. М. Ефимкин, В. А. Ламин, советская индустриализация стала крупнейшей геополитической революцией XX в., на главном направлении которой все более прочное место занимали северо-восточные регионы Азиатской России, на которых неуклонно осуществлялась приоритетная для государства программа сдвига производительных сил на восток³⁴.

Мощным импульсом для развития народного хозяйства в этом крупнейшем макрорегионе страны стала Вторая мировая война, в ходе которой осуществлялась частичная реализация проекта создания индустриальной базы в Сибири. Предприятия-дублеры, созданные в крае в предвоенные десятилетия, приняли на свои площадки индустриальных эвакуаторов из оккупированных районов страны, послужив экономической базой восточного фронта. Эта база рассматривалась западными союзниками СССР в качестве гаранта прочности советского фронта в войне с нацизмом. Великая Отечественная война усилила геополитическое значение Азиатской России, ставшей вторым стратегическим фронтом страны. Образно характеризуя эту геополитическую трансформацию, сибирский историк М. М. Ефимкин так описывает этот процесс: «В который раз Россия, ... “оттолкнувшись ногой от Урала” (В. С. Высоцкий), вновь устремляется на Запад, ... искупая своей кровью его “вольность, честь и мир” (А. С. Пушкин)»³⁵.

Третья трансформация связана с формированием элементов экономики инновационного типа. Инновационная составляющая вновь изменила судьбу региона в 1960-х гг., вдохнув новую жизнь в традиционный для русской культуры образ Сибири как «земли обетованной», где перед человеком открывается возможность проявить себя в свободной и творческой деятельности. С точки зрения новосибирских экономистов В. И. Сулова и Б. Л. Лавровского, создание Сибирского отделения трех Российских академий наук фиксирует изменение

³⁴ *Ефимкин М. М.* Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация. Новосибирск: НГУ, 2009. С. 294. См. также: Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников; Ин-т истории и археологии. М.: Наука, 2004; *Ефимкин М. М., Ламин В. А.* Азиатский ход России — Сибирский геополитический вектор // Вестн. аналитики. М., 2006.

³⁵ *Ефимкин М. М.* Сибирская Россия. С. 294–295.

отношения Москвы к Сибири как к российской территории³⁶. Начиная с 60-х гг. XX в. транзитно-коммуникационная, энергосырьевая, индустриально-аграрная специализации региона дополняются инновационной. В настоящее время народное хозяйство региона включает весь спектр функциональных (кроме финансовой) специализаций.

Нетрудно убедиться, что каждая из этих трансформаций, исключая третью, хронологически совпадает с выделенными В. Л. Цымбурским периодами евразийских интермедий, отделяющих предыдущий «европохитительский» цикл от последующего. В концепции В. Л. Цымбурского понятие евразийской интермедии служит для обозначения смены геополитического вектора развития страны с европейского на внутренний. Связь между сменой геополитического вектора и повышением статуса восточных регионов России в структуре внутреннего геополитического пространства он иллюстрирует в статье «Циклы похищения Европы (Большое примечание к «Острову Россия»)» следующим образом: «Евразийская интермедия 1 охватывает срок со второй половины 1850-х по середину 1900-х. На это время пришлось покорение Средней Азии и первая попытка под 1885 г. продвинуться в Афганистан; многочисленные русские экспедиции в Монголию и Тибет; в начале этой интермедии стоит занятие русскими междуречья Усури и Амура, а под конец — экспансия в Корею и Маньчжурии и русско-японская война. Пределы интермедии кладут наши соглашения с Англией и Японией в 1907–1912 гг., установившие границы азиатским интересам России и отметившие наш поворот к Европе в контексте Антанты. В плане культурном об этом времени прозорливо писал Мандельштам, как о “домашнем периоде русской культуры”, который “прошел под знаком интеллигенции и народничества”, о поре “отпадения от великих европейских интересов, отторгнутости от великого лона, воспринимаемой почти как ересь”. Он датировал эту эпоху, “начиная с Аполлона Григорьева”, — для нас это значит: с Крымской войны. Это время горчаковского сосредоточения России и победоносцевской ненависти к Европе; время, когда народники прокламировали “некапиталистический путь”, Достоевский призывал русских найти себе новую судьбу в Азии, а Толстой потрясал православие проповедью своеобразного “буддизированного” христианства.

Евразийская интермедия 2 — это 20–30-е годы, время включения в уже созданный СССР Средней Азии, ее национально-территориального межевания и подавления басмачества, превращения Монголии в советский протекторат, ангажированности в Китае и дальневосточных битв с Японией, в том числе на монгольско-китайской границе. Как уж говорилось, это “эпоха социализма в одной стране”, — но в такой же мере золотой век эмигрантского евразийства. Все говорит об окончании этой евразийской интермедии где-то к началу 40-х:

³⁶ Суслов В. И., Лавровский Б. Л. Имидж Сибири в зеркале экономической истории и стратегии // Имиджи Сибири. С. 119.

и настороженное отношение Сталина к революции Мао Цзэдуна; и ограниченность вовлечения СССР в корейскую войну по сравнению с Китаем; и та легкость, с которой наши вожди шли в 1950-х на отказ от многих военных дальневосточных приобретений (уступка Китаю Дайрена и Порт-Артура, готовность вернуть Японии часть Южных Курил). Похоже, война с Японией в 1945 г. была войной “не по фазе”, оправданная лишь как реванш за 1905 г., но реванш скорее демонстративный, успокаивающий самолюбие, нежели материальный. Эта победа скорее должна была закончить незакрытые счета на Дальнем Востоке — никаких перспектив в то время она не открывала»³⁷.

Несколько особняком стоит период 1960-х гг., на который пришлось ускоренное освоение восточных регионов и формирование здесь крупных территориально-производственных комплексов. Это обстоятельство является в значительной степени результатом реализации государственной стратегии развития региона в советский период. Советский опыт содержал в себе много положительных сторон. Он заслуживает интереса хотя бы потому, что продемонстрировал возможности широкой социальной мобилизации вокруг общезначимых целей. В числе результатов этой мобилизации можно назвать появление предпосылок для становления Сибири в качестве «ядерного» для региона в 1960-х гг. Другим значимым результатом советского периода можно считать становление высоких национальных культур, без чего достижение современного, весьма высокого качества населения такого многонационального региона, как Сибирь, было бы невозможно.

Таким образом, в истории Сибири можно выделить следующие, весьма значимые с точки зрения внутренней геополитики России, периоды, каждый из которых можно охарактеризовать либо как эволюционный, либо как переходный.

1. Первый эволюционный период приходится на конец XV в. — первую половину 1850-х гг. Тартария становится Сибирью, регионом России с буферной специализацией. Начало этого периода совпадает с эпохой Великих географических открытий и становлением российской цивилизации на политической основе государственных институтов Московского царства. Геополитической платформой формирующейся цивилизации служит континентальный сектор Евразии. Социокультурной ее основой является межкультурный синтез народов — славян, финно-угров, тюрков, монгол, народов циркумполярного культурного круга, населяющих общее месторазвитие.

По мере развития процессов дивергенции народов цивилизации христианской средневековой Европы усиливается дистанция между русскими и европейцами, с одной стороны, и намечается сближение народов в рамках российской цивилизации, с другой стороны. Становление России как самобытной

³⁷ Цымбурский В. Л. Циклы «похищения Европы» (Большое примечание к статье «Остров Россия»... // URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/comment

цивилизации происходило параллельно с аналогичными процессами в Европе, которая после падения Византии становится самым значимым для России партнером в межкультурном диалоге.

Это обусловило целую серию западных культурных и политических заимствований, в числе которых — модель бюрократического абсолютистского полицейского государства Нового времени, содержащая в своей конструкции принцип национализма. Этот принцип усваивается вместе с проникновением на российскую культурную почву идей европейского просвещения и романтизма, под влиянием которых формируется геополитический образ России как всецело европейской страны (в XVIII в.) и как европейской славянской страны (в XIX в.). По мере того как характеристики, подчеркивающие «универсальность» и «европейское» качество геополитических атрибутов России, начинают вытесняться чертами уникальности и самобытности, усиливается собственно русский, национальный мотив ее образа, сопряженный с идеей универсальности и вселенской открытости русской культуры как культуры с проницаемыми границами. Сохранение наряду с национальным имперского, наднационального принципа легитимации обеспечивало доступ широким слоям представителей нерусских народов, в том числе народов Сибири, к достижениям русской культуры.

2. Первый переходный этап падает на 1856–1905 гг. Сибирь из буферной зоны становится внутренней периферией. Начало этапа хронологически совпадает с окончанием Крымской войны, а конец — с вступлением России в русско-японскую войну. «Первая евразийская интермедия» проходит под знаком интеллектуального доминирования философии русской идеи, в рамках которой формируются первые геополитические доктрины. Их авторами являются представители славянофильского направления русской философии, утверждающие идею особого, некапиталистического пути развития России. Под влиянием философии русской идеи возникает концепция народности, вокруг которой в последующем появляются различные варианты решения проблемы этнической гетерогенности страны.

Идея народности особым образом повлияла на формирование идеологии сибирского областничества, выступавшего от имени формирующегося в Сибири регионального сообщества. Отстаивая интересы сибиряков, областники продвигали в сознание правящей российской элиты идею осознания значимости региона в структуре страны.

3. Второй эволюционный этап приходится на 1905–1921 гг. Сибирь упрочивает свой статус внутренней периферии благодаря появлению новой, транзитной функции, дополняющей ее буферную, военно-стратегическую и аграрную специализации. В это период Россия вновь стремится к активному присутствию в Европе, однако Первая мировая война ставит ее на грань геополитической катастрофы с последующим распадом государственности. Из единого государства, Российской империи, она превращается в конгломерат

независимых государств. Сибирь, так же как и другие регионы России, втянута в гражданскую войну.

4. Вторым переходным этапом падает на 1921–1939 гг. В это период происходит восстановление российской государственности на федералистских принципах. «Вторая евразийская интермедия» проходит под знаком отказа от христианского социализма в пользу марксизма, от идей эволюционизма в пользу культурного релятивизма. Это обуславливает выход на первый план социалистических идей внутри страны и рождение евразийства в русском зарубежье.

С победой социалистической идеологии и образованием СССР утверждается некапиталистический вектор развития. Это означает принятие курса на выравнивание региональных диспропорций и этносоциального неравенства в рамках строительства социализма в одной «отдельно взятой стране». В соответствии с планом ГОЭЛРО, реализованным в годы первых пятилеток, аграрная и транзитная специализация Сибири дополняется энергосырьевой и индустриальной, а сам регион начинает приобретать провинциальный статус. В этот период функцию надэтнической интеграции, которую прежде выполнял имперский принцип, стал выполнять советский проект.

5. Третий эволюционный этап совпадает с 1939–1959 гг. Сибирь упрочивает свой провинциальный статус. Аграрно-индустриальная модель развития региона окончательно сменяется индустриально-аграрной в результате эвакуации предприятий из европейской части страны в годы Великой Отечественной войны.

6. Начиная с 1960-х гг. в Сибири, благодаря появлению на ее территории наукоемких отраслей производства и формированию Сибирских отделений АН СССР, РАМН и ВАСХНИЛ, появляются элементы инновационной экономики, на развитие потенциала которой направлены серьезные усилия, в том числе в сфере образования, повышения качества жизни, стимулирования мотивации работников всех сфер труда. В этот период Сибирь приобретает все, за исключением финансовой, функции «ядерного» для страны региона: биоресурсного, транзитного, энергоресурсного, военно-стратегического, индустриального, образовательного, инновационного. Это усилило и без того высокую геополитическую значимость региона. Между тем признание урало-сибирского компонента российской цивилизации в качестве одного из ее «ядерных» звеньев в советский период не состоялось. Нет осознания значимости региона элитами центра и сейчас.

Каждый «переходный» этап развития региона сопровождался имиджевыми трансформациями и повышением геополитического статуса Сибири в региональной структуре страны. Каждый из них был обеспечен усилиями государства по наращиванию человеческого потенциала, одним из трех важнейших показателей качества которого, наряду со средней продолжительностью жизни и показателем среднедушевого дохода, является уровень образования. В конце XIX в., с открытием Томского университета, у сибиряков появилась возмож-

ность получать высшее образование, не покидая регион. Советская власть сделала образование всеобщим. В 1960-е гг. в регионе была развернута целая сеть учебных заведений самого разного уровня.

Это позволяет говорить о взаимосвязи между модернизацией, повышением геополитического статуса Сибири и развитием человеческого потенциала в регионе. Так, индекс развития человеческого потенциала Новосибирской области составил в 2010 г., по данным Г.П. Гвоздевой, 0,811, что позволило ей войти в число регионов России с высоким уровнем развития³⁸. Присутствие в Сибири образованного населения, за счет чего обеспечивается высокий уровень развития региона, гарантирует стратегический приоритет России в выстраивании диалога между Востоком и Западом, позволяет ей удерживать геополитические позиции, достигнутые в советский период, несмотря на не преодоленные до настоящего момента негативные последствия распада СССР.

Между тем регион продолжает привычно быть относимым к периферии. Такая оценка его места требует пересмотра «сырьевой» составляющей образа Сибири и соответствующей государственной стратегии в отношении развития человеческого потенциала, главного ресурса инновационной экономики. Представляется, что вступление России в третью евразийскую интермедию после распада СССР может способствовать завершению начатого в 1960-е гг., на пике европохитительского цикла, структурного и ментального перелома, конституирующего «ядерный» статус урало-сибирского звена российской цивилизации в геополитической структуре России.

«Если исходить из того, — пишет В.Г. Костюк, — что в XXI в. судьба человечества будет определяться характером взаимодействия цивилизаций, особенно мегацивилизаций — восточных и западных, то Сибирь является не только геополитическим мостом между ними, но и их определенным социокультурным синтезом в рамках российской и шире — евразийской цивилизации. При позитивном использовании всех ресурсов российской цивилизации и этносы Сибири могут в свою очередь играть связующую роль во взаимодействии Востока и Запада.

Сибирь может стать локомотивом развития российской цивилизации в современный период, так как обладает значимыми для будущего ресурсами — территориальными, энергетическими, научными, культурными, образовательными. Либеральные реформы еще не до конца разрушили здесь потенциал наукоемких отраслей промышленности — оборонной, авиационной, электронной (с высококвалифицированными инженерами и рабочими). Многие этносы Сибири имеют развитую социально-профессиональную структуру, в которой

³⁸ *Гвоздева Г.П.* Развитие человеческого потенциала России: кросскультурный и региональный аспекты // *Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития* (Исследования Новосибирской экономико-социологической школы) / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. С. 298.

представлена научная, техническая и гуманитарная интеллигенция, разнообразную систему образования. В Сибири, несмотря на всплеск этнонационализма после развала СССР, относительно спокойными остаются межнациональные отношения. При разумной внешней и внутренней политике федеральных властей, учитывающей интересы народов России и специфику российской цивилизации при проведении внутренних реформ и в межцивилизационном взаимодействии, эти ресурсы могут стать факторами устойчивого развития России и всего мира»³⁹.

Этот вывод сибирского социолога, обобщающий результаты исследований новосибирской этносоциологической школы, оказался созвучен позиции авторов коллективной монографии «Имиджи Сибири» (2008), творческий коллектив которой составили не только ученые, но также политики и предприниматели, всесторонне рассмотревшие перспективы формирования позитивного имиджа Сибири. Что касается экспертов, то в качестве таковых выступили бизнесмены и ученые (философы, историки, экономисты и политологи): В. И. Супрун, В. А. Ламин, С. А. Красильников, Г. А. Антипов, О. А. Донских, В. И. Суслов, Б. Л. Лавровский, М. Голдман, А. Рар, М. Олмонд. Лейтмотивом их размышлений о динамике развития региона и трансформации его имиджа может стать высказывание научного редактора монографии, В. И. Супруна: «Сибирь должна перестать жить старыми и навязанными представлениями о себе и, как первопроходцы в те далекие времена, снова отправиться в путь в поисках нового имиджа»⁴⁰.

Такая постановка проблемы вновь обращает нас к вопросу о субъектности в геополитике, мере ответственности геополитических акторов: власти, отдельного человека и коллективных общностей — цивилизаций и их народов.

³⁹ Костюк В. Г., Ерохина Е. А. «Сибирское» измерение образа России // Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008. С. 73.

⁴⁰ Имиджи Сибири / Под ред. В. И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2008. С. 2.

РАЗДЕЛ 7. СИБИРЬ КАК ПРОСТРАНСТВО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СИНТЕЗА НАРОДОВ ЕВРАЗИИ В КОМПАРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Глава 25. Проблема этнокультурного многообразия в современном российском этнолого-антропологическом знании

Этнолого-антропологическое знание в России и дискурс этничности

В настоящее время перед РФ стоит проблема поиска новых оснований развития, совершенствования принципов федерализма и гражданской солидарности, позволяющих преодолевать этническую гетерогенность населения и решать проблему его управляемости. Проблемы, с которыми столкнулось современное российское общество, повышают степень ответственности не только властных структур, но и представителей научного сообщества. В этой связи уместно обратиться к опыту, накопленному в поле российского этнолого-антропологического знания.

Под этнолого-антропологическим знанием (в отличие от науки этнологии / антропологии) понимается междисциплинарный дискурс, посвященный проблеме этноса / этничности в этнографии / антропологии, этносоциологии, культурологии, этнопсихологии, этнодемографии и др. Каждая из этих дисциплин в большей или меньшей степени претендует на универсальное объяснение природы этноса (этничности) как культурного феномена. Каждая из них имеет свой предмет, что естественным образом ограничивает данные притязания.

Тематический охват этнолого-антропологической проблематики наиболее полно представлен совокупностью предметно-тематических рубрик баз данных ИНИОН (Института информации по общественным наукам РАН). Среди специальных разделов баз данных ИНИОН можно найти следующие: «Этнические общности. Национальный вопрос» (БД «Философия»), «Этнические общности» (БД «Социология»), «Население мира. Национальный и этнический состав» (БД «Демография»), «Этнология и историческая антропология» (БД «История. Археология. Этнология») ¹.

¹ Уварова Т.Б., Шемберко Л.В. Исследования по этнологии и социально-культурной антропологии в базах данных Института информации по общественным наукам РАН // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 97.

Библиографический анализ баз данных ИНИОН по этнологии и социально-культурной антропологии показал, что наиболее представительный массив сконцентрирован в базе данных «История. Археология. Этнология», а также в базах данных «Философия и социология», «Экономика и демография». Что касается баз данных «Лингвистика», «Литературоведение», «Религиоведение», то в них также содержится целый ряд разделов, соответствующих традиционной тематике этнолого-антропологических исследований². Охват информации о российских исследованиях в области этнологии и социально-культурной антропологии отражает, по мнению библиографов, тенденцию развития отечественного этнолого-антропологического знания — нацеленность на взаимодействие этнографии с широким кругом гуманитарных и общественных дисциплин (философии, культурологии, социологии, демографии, психологии, религиоведения)³.

Занимаясь исследованием этничности, сложно оставаться в границах определенной дисциплины, тем более что дебаты о предмете и границах общественных наук не прекращаются уже давно. Более плодотворным, нежели спор о границах исследовательских дисциплин, оказывается обмен достижениями. Например, довольно часто сегодня исследователи, формально относящиеся к разным научным дисциплинам, объединяются на конференциях, проводят научные семинары и школы, издают книги и вместе работают над проектами⁴.

Иллюстрацией этому может послужить одновременное отражение одних и тех же работ в двух, а иногда и более базах данных ИНИОН. Информационное пересечение отраслевых баз данных наглядно иллюстрирует процессы развития современного этнолого-антропологического знания: формирование в нем пограничных областей междисциплинарных исследований и появление на этой основе новых направлений, которые со временем могут стать самостоятельными научными дисциплинами. Показательным примером в этом отношении может считаться этносоциология, осуществляющая изучение этничности социологическими методами.

Ориентацией этносоциологических исследований остается (в подавляющем большинстве работ) нацеленность на изучение этнических особенностей социальной стратификации, труда и занятости, демографических, языковых, культурных процессов. В последнее время значительное внимание уделяется этническим аспектам политики и права, конфликта, агрессии и насилия. Особое место принадлежит исследованию культурной идентичности, социально-культурной дистанции, этнических границ. Социологические методы в этносоциологии — чаще всего строго формализованные (количественные, статистические) процедуры сбора и обработки эмпирической информации.

² Уварова Т. Б., Шемберко Л. В. Указ. соч. С. 97.

³ Там же. С. 101.

⁴ Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная антропология. Ростов н/Д: Феникс, 2004. С. 5.

Другой перспективной междисциплинарной областью сегодняшней исследовательской практики выступает социально-культурная антропология, в центре внимания которой также находится комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных (в том числе этнических) групп. Она концентрирует исследовательские усилия историков, этнографов, социологов, демографов. Главное отличие антропологии заключается в переносе исследовательского взгляда с социальных структур и процессов на изучение мотивов и стратегий поведения людей, их ментальности, повседневных установок. В исследованиях повседневности социальный мир предстает как пространство смыслов и интерпретаций думающих и действующих людей, а человек — как субъект деятельности, активно созидающий социальный мир⁵.

В то же время этнографы / антропологи не хотят ограничиваться изучением только этноса и этничности. Сейчас во всем мире происходит стремительное изменение объекта этнографического изучения. Времена, когда этнология / антропология концентрировала свое внимание исключительно на исследовании «примитивных» народов, миновали. Само понятие «примитивные народы» практически потеряло смысл, а термин «традиционное общество» имеет узко специальное значение и употребляется, скорее, в историко-культурном контексте. Традиционная культура модернизируется, народы мира становятся частью современного глобализирующегося общества. В современных обществах этнический фактор выступает на равных с другими культурно специфицирующими факторами (гендером, расой, возрастом). Поэтому этнография (как методология качественного исследования) в такой трактовке становится в некотором смысле социологическим подходом⁶.

Это изменение объекта неизбежно сближает этнографию (этнологию, антропологию) и социологию. Дрейф от этнографии в традиционном смысле, стремящейся к рациональной реконструкции социальных порядков в «аборигенных» сообществах, к «социальной этнографии», ориентированной на установление смыслов, скрытых за социальными порядками современного общества, с течением времени будет оказывать все большее влияние на деятельность этнографов и социологов в направлении их дальнейшей интеграции⁷.

Обнаруженные тенденции позволяют убедиться в динамичном развитии этнолого-антропологического знания в отечественной науке. Наиболее динамично здесь развиваются такие межпредметные исследовательские области,

⁵ *Пушкарева Н.Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3; *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.* Социальная антропология. С. 10.

⁶ *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.* Социальная антропология. С. 10; *Скворцов Н.Г.* Еще раз о предметной области социально-культурной антропологии. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/skvortsov/misc_22.html

⁷ *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Делать знакомое неизвестным: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 145–160.

как этносоциология и социальная антропология. Различия в методологии и методике исследования этносоциологов и социальных (культурных) антропологов только усиливают потребность во взаимодействии. Происходит расширение исследовательского поля за счет проблем, имеющих мультидисциплинарный статус, таких как идентичность и конфликт, гендер и сексуальность, детство и старость, здоровье и болезнь, раса и гражданство, семья и системы родства, профессия и организация. Однако исследование этноса и этничности продолжает оставаться одной из приоритетных тем.

Отечественная наука о феномене этноса

Понятия «этнос», «народ» и «нация» употреблялись в отечественной науке до начала 1990-х гг. как взаимозаменяемые. Истоки интерпретации отечественной наукой представления об этносе (народе) как о сообществе, сформированном на основе общности культуры, восходят к традициям немецкой философии. Так, немецкий философ второй половины XVIII в. Г. Гердер полагал, что нация выражает «народный дух», опираясь на культуру и общее происхождение. Принято считать, что представления о «народном духе» в романтизме и немецкой классической философии явились основанием примордиалистской трактовки этничности, согласно которой существование народов есть объективное качество, изначально присущее человечеству как виду, а сами этнические связи обладают свойствами априорности, иррациональной природой и носят принудительный для индивида характер.

Хотя К. Маркс и Ф. Энгельс выступали с материалистических позиций, тогда как их предшественники — И. Г. Фихте и Г. В. Гегель — с идеалистических, во взглядах немецких философов на «национальный вопрос» отразилось динамическое противоречие между логикой развития капитализма в Европе конца XVIII — XIX в., оставившей немецкие княжества на периферии Европы, с одной стороны, и субъективным стремлением немецких интеллектуалов к объединению Германии и ее процветанию, с другой стороны.

Мировая история предстает в философии Гегеля ареной деятельности самопознающего мирового духа. В ходе всемирной истории человеческое общество проходит ряд прогрессивных этапов «самораскрытия» «мирового духа», причем на каждом из них проявляется какая-то новая его сторона. Выразителем мирового духа на каждом данном этапе выступает какой-либо народ, который Гегель определяет как «исторический», т. е. народ, активно участвующий в мировом процессе, в то время как другие народы «прозябают» в некоем историческом бездействии и остаются «неисторическими».

Народом, принявшим «эстафету мирового развития», по мнению Гегеля, должны были стать немцы, а государством, готовым взять на себя историческую миссию прогресса, — прусское государство. Как народ становится «вместилищем» духа? Почему он вдруг начинает осознавать свою всемирно исто-

рическую миссию? Разъяснения, которые дает Гегель по этому поводу, носят скорее мистический характер, нежели рациональный.

Взгляды основоположников марксизма более прозрачны и оставляют меньше поводов для иррациональных построений. Маркс и Энгельс внимательно следили за политическими событиями и национальными движениями в Европе (в Ирландии, Италии, западных и южных славянских странах, Венгрии), антиколониальной борьбой народов Индии. Рассматривая положение ирландского крестьянства, зависимого от английской метрополии, или процесс разрушения традиционной общины в Индии как следствие британского владычества, Маркс и Энгельс вскрывали социальные корни противостояния ирландцев и англичан, индусов и британцев.

Однако абсолютизация принципа экономического детерминизма последователями марксизма ограничивала эвристические возможности исторического материализма в исследовании этнических феноменов. Так, психический склад этнофоров обуславливался спецификой материально-экономического уклада этноса — особым хозяйственно-культурным типом (ХКТ). Теория хозяйственно-культурных типов привязывала материальную культуру этноса и способы экономического поведения его представителей к формационной теории.

Наиболее разработанной научной концепцией в советский период следует признать теорию этноса Ю. В. Бромлея. Ее суть кратко сводилась к следующему: этнос признавался базовой единицей анализа, «этничность», если бы это понятие использовалось, понималась бы как разделяемая членами группы культурная общность, имеющая объективные характеристики⁸.

В период господства формационного подхода теория Ю. В. Бромлея закрепляла за этносом значение общеродового по отношению к понятиям «племя», «народность», «нация». Понятие «племя» характеризовало доклассовую этническую общность, находящуюся на первобытной стадии общественного развития. Понятие «народность» фиксировало наличие классового общества внутри этнического коллектива. Понятие «нация» обозначало высшую форму развития этнической общности, находящейся на капиталистической (или социалистической) стадии общественного развития. Тем самым в исследованиях по теории этноса реализовывался формационный принцип марксистского обществоведения.

Теория этноса постулировала ведущую роль социальных, прежде всего экономических, детерминант в развитии этноса. Определение нации, данное в свое время И. Сталиным, включало четыре существенных признака: общность экономической жизни, территории, языка и психического склада. Первый из четырех признаков был введен в определение самим Сталиным. Три послед-

⁸ Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 101.

них из указанного ряда были заимствованы им из работ О. Бауэра и К. Каутского. По аналогии с нацией отечественные исследователи фиксировали данные признаки при определении племени и народности.

С критикой разделения современных этнических общностей на народности и нации выступил в середине 1980-х гг. М. В. Крюков. Отвечая оппонентам, ссылавшимся на деление народов на нации и народности, он приводил примеры, демонстрировавшие его относительность⁹. Например, в 1960–1970-х гг. у хакасов, имевших автономную область и поэтому считавшихся народностью, доля занятых в промышленности, на транспорте и в связи (показатель, синтезирующий уровень урбанизации и долю промышленного рабочего класса) была не меньше, чем у белорусов — нации, имевшей государственность. В этом отношении не отличались от татар немцы. И это были не единственные случаи, свидетельствующие об искусственности такого разделения¹⁰.

Этническая принадлежность человека в концепции Бромлея рассматривалась как свойство личности этнофора, носителя этнических качеств, изначально приобретенных в результате наследования биологических особенностей своих предков и первичной социализации. При таком понимании природы этнической идентичности этнофора выступала как аскриптивный, т. е. предписанный, статус личности, детерминированный внешними по отношению к нему социальными факторами.

Этническое самосознание до начала 1970-х гг. не было включено в число основных признаков этнической общности, рассматривалось как этнический определитель, производный, вторичный признак, субъективное отражение этнообразующих факторов, «результанта», некий итог их действия¹¹.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. в связи с обсуждением проблемных аспектов теории нации на страницах журнала «Вопросы истории» развернулась дискуссия: большинство исследователей настаивали на включении самосознания в число основных признаков нации. Несмотря на то, что подавляющее большинство принимавших участие в дискуссии призывали рассматривать самосознание как этнообразующий фактор и признак национальной общности, и всего лишь один ее участник имел противоположную точку зрения, в итогах дискуссии подчеркивалось, что признак самосознания исключен как субъек-

⁹ Крюков М. В. Главной задачей остается проникновение в существо этнических связей // Советская этнография. 1986. № 5. С. 71.

¹⁰ Дробижева Л. М. Проблемы межэтнических отношений в постсоветской России // Социальные трансформации в России: теория, практика, сравнительный анализ: Учеб. пособие / Под ред. В. А. Ядова. М.: МПСИ, Флинта, 2005. С. 198.

¹¹ Кушнер П. И. Национальное самосознание как этнический определитель // Крат. сообщения Ин-та этнографии АН СССР. 1949. Вып. 8. С. 3–9; Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. 1967. № 4. С. 99.

тивный из числа основных признаков нации. Кроме того, там же отмечалось, что национальное самосознание в качестве составного момента включено в содержание понятия «психологический склад»¹².

Реальность показывала, что наличие общности экономической жизни не всегда является необходимым признаком существования многих этнических общностей, она может отсутствовать при утрате связи с первоначальной этнической территорией (в результате, например, дисперсного расселения), тогда как самосознание часто сохраняется. Данное обстоятельство ставило под сомнение однозначную зависимость существования и развития этнического самосознания от развития сферы материальных благ.

Это противоречие в рамках теории этноса было решено следующим образом. Ю. В. Бромлей ввел разделение этнических общностей на этносоциальные организмы и этникосы. Если для этносоциального организма, который представляет собой ячейку всемирно исторического процесса (племена или союза племен в доклассовом, государства в классовом обществе), определяющей является целостность, характеризующаяся единой социально-экономической системой и наличием национальной государственности, то для этникоса обязательными не являются ни общность экономической жизни, ни наличие территории и национальной государственности. Этникос представляет собой общность, определяемую прежде всего культурой и самосознанием. Этникос нередко входит в состав социального организма, образованного «другой» этнической общностью¹³.

Так появилось еще одно значение понятия «этнос»: этнос как этникос, общность, основанная на единстве культуры и самосознания. Ю. В. Бромлей ввел различие между представлением об этносе в узком и в широком смысле. Если в первом случае речь шла только об этникосе, то во втором случае это понятие объединяло этникос и этносоциальный организм.

Слабым местом данной теории можно считать фактическое игнорирование роли биологических факторов в этногенезе (хотя формально их значение признавалось). Кроме того, этническая история некоторых народов (к примеру, тех же немцев) содержит случаи, когда отсутствие общности экономической жизни не становилось помехой развития этнических процессов. Скорее напротив, процессы этнической консолидации послужили катализатором в складывании общенационального рынка и единого государства. Этническая группа может развиваться и в условиях утраты связи с первоначальной этнической территорией, что наглядно демонстрирует этническая история евреев. Эпохи смены этнической идентичности у тех или иных этносов мало коррелируют со сменой стадий их социального развития.

¹² К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации // *Вопр. истории.* 1970. № 8. С. 95; *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // *Советская этнография.* 1974. № 2. С. 83.

¹³ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. С. 37–53.

Последнее обстоятельство ставило под сомнение прямолинейную зависимость существования и развития этнической общности от влияния факторов экономической и социально-политической детерминации. Оно послужило источником аргументации противников бромлеевской теории этноса, среди которых наибольшим влиянием пользовался ученик П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилев, автор концепции этнической пассионарности.

Концепция этногенеза Гумилева стоит в ряду других культурно-исторических (циклических) концепций (Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби), возникших как противопоставление идеям прямолинейного прогрессизма. Гумилев придерживался натуралистической точки зрения на природу (сущность) этноса. По его мнению, этносы — коллективы людей, объединенных в природные системные целостности, неповторимость которых обеспечивается эффектом пассионарности как популяционным признаком. Процесс развития этноса детерминирован биологическими факторами. Он проходит, минуя последовательно стадии возникновения, подъема, упадка и умирания. Полагая, что этногенез — процесс природный, Гумилев признавал, что этническая история — процесс многофакторный (сочетание этногенеза, истории ландшафта и истории культуры).

Человек в его концепции не существует вне этноса. Пассионарность как наследственный признак способна оказывать, по мнению Гумилева, настолько сильное влияние на личность, что последняя не всегда может «заставить себя рассчитать последствия своих поступков»¹⁴.

В целом данная концепция оставалась «неофициальным» направлением в отечественной этнологии. Доминирующие позиции принадлежали сторонникам теории этноса Бромлея, занимавшего пост руководителя Института этнографии РАН. Эта ситуация сохранялась до момента смерти патриарха отечественной этнографии в 1990 г. В последнем десятилетии XX в. теория этноса утрачивает монополию в этнолого-антропологическом дискурсе, а эволюционный этап развития отечественной науки об этносе сменяется «революционным».

Утрата академических позиций сторонниками теории этноса во многом произошла под влиянием внешних по отношению к науке причин, среди которых распад СССР, повышение степени академической свободы, расширение информационных горизонтов. Все это способствовало появлению конкурирующих концепций. Значимость теоретических споров можно оценить, если вспомнить исторический контекст конца 1980-х — начала 1990-х гг., поскольку тогда признание какого-либо народа нацией открывало возможность повышения статуса до национально-государственного уровня или национально-территориального уровня. Именно в период «парада суверенитетов» директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков и многие его коллеги

¹⁴ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 266.

предложили пересмотреть понятие нации в пользу его гражданского содержания.

Идея нации как согражданства, основанного на свободном политическом выборе людей, впервые была высказана французскими просветителями XVIII в., которые рассматривали народ как целостный организм, составляющий единую личность (Ш. Монтескье, Ф. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо). Концепции общественного договора предусматривали, что индивид вправе добровольно и в одностороннем порядке расторгнуть свое соглашение с социальным обществом в результате переосознания себя, а, значит, если развить эту мысль, переопределить себя, свою национальную принадлежность. Понятие «нация» использовалось во времена Великой Французской революции конца XVIII в. для обозначения сообщества свободных граждан. Содержательный акцент был сделан на то, что каждый народ как сообщество граждан суверенен и в силу этого обстоятельства имеет право на образование своего государства.

Суть этой позиции в конце XIX столетия была удачно выражена Э. Рена-ном в меткой метафоре: «Нация — это ежедневный плебисцит». Ренан в своей знаменитой лекции «Что такое нация?» (1882) доказывал, что этнокультурные факторы (территория, язык, близость культурных и поведенческих образцов, этногенетическое родство) сами по себе не обуславливают выбора человеком своей национальной принадлежности.

Представление о том, что выбор национальной принадлежности представляет собой добровольный акт, осуществляемый индивидом вне зависимости от его этнокультурной принадлежности или влияния каких-либо других факторов, прочно вошло и в англосаксонскую политическую культуру. В ее традиции выбор индивидом национальной принадлежности означал признание политической лояльности государству и готовность разделять существующие в обществе гражданские ценности. Акцент на политическом понимании сущности этнонационального самоопределения оказался обусловлен и разворачивающимися на рубеже 1980–1990-х гг. социально-экономическими и политическими реформами, ориентированными на внедрение элементов либерализма в экономику и политическую систему.

Научная революция в этнологии и эволюция исследовательской парадигмы

Среди собственно научных причин смены этнологической парадигмы следует отметить заведомо неудачную стратегию выявления сущности этноса через указание на его свойства. В предложенных Ю. Бромлеем дефинициях были представлены все характеристики, которые могли быть использованы для описания этнической реальности, но не было главного — самой этнической субстанции. Неспособность дать удовлетворительное объяснение этническим конфликтам, развернувшимся на территории СССР и приведшим к возникно-

вению самостоятельных государств, побудила обратиться к разработке альтернативных концепций¹⁵.

В 1992 г. В. А. Тишков опубликовал в журнале «Этнографическое обозрение» статью «Советская этнография: преодоление кризиса» и пригласил коллег высказать свое мнение по поводу теоретико-методологического кризиса, который в той или иной степени осознавался почти всеми. Эта публикация послужила отправной точкой интереснейшей теоретической дискуссии, развернувшейся в первой половине 1990-х гг. Теоретическое противоборство не было столкновением новых, только что сформированных после ликвидации идеологической монополии позиций. Просто в условиях концептуальной свободы российские ученые переопределили себя в тех теоретических полях, которые к началу 1990-х гг. сложились в западной науке, а фигуры двух директоров Института этнологии РАН, старого и нового, персонифицировали собой наметившиеся концептуальные разногласия¹⁶.

Эта ситуация была интерпретирована С. Соколовским как «эпизод борьбы двух парадигм — позитивистской и постмодернистской, или в другом ракурсе, объективистско-универсалистской и релятивистской». Понятие парадигмы представилось ему уместным для описания данной ситуации, «поскольку позволяло увидеть научное знание как результат борьбы научных сообществ за гегемонию в определенной области исследования»¹⁷.

Свое понимание этничности В. А. Тишков сформулировал в концепции этнической процессуальности. Ее основные положения заключаются в признании того, что:

– этносы представляют собой социальные конструкты, возникающие в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов;

– признаками этнической общности являются не территория, язык или общность происхождения, а коллективно разделяемое представление или миф об общности территории, языка, общей исторической судьбы членов сообщества;

– этничность есть не что иное, как групповая идентичность, производная от имманентного человечеству социального инстинкта коллективности и «легитимизируемая» посредством представлений об общем происхождении и специфичности своей культуры;

¹⁵ *Филиппов В. Р., Филиппова Е. И.* Камо грядеши? // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 9; *Белков П. Л.* О методе построения теории этноса // Этносы и этнические процессы. Памяти Р. Ф. Итса. М.: Наука; Вост. лит., 1993. С. 48–62; *Чешко С. В.* Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 38.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Соколовский С. В.* Этнографические исследования: идеал и действительность // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 5.

– этническая идентичность индивида есть результат выбора в пользу той или иной группы, той или иной лояльности¹⁸.

Теория этнической процессуальности является сегодня одной из самых влиятельных этнолого-антропологических концепций. Ее последователи (В. Тишков, В. Малахов, С. Соколовский) позиционируют себя как социальных конструктивистов и сторонников методологии М. Вебера (в частности, теории социального действия). Идентифицируя себя в теоретическом поле науки как релятивистов (постмодернистов), они маркируют своих противников как эссенциалистов (позитивистов). Категория «этничность», полагают они, раскрывает содержание этнического в пределах конструктивистского подхода, тогда как категория «этнос» выполняет эту функцию в рамках примордиалистской парадигмы.

Однако оценивать теорию этноса Бромлея как «примордиалистскую» можно лишь с определенными ограничениями. Напомним, что среди перечисленных Бромлеем признаков этноса ни один не является обязательным, кроме этнического самосознания. И хотя в дискуссии 1970-х гг. (на страницах журнала «Вопросы истории») положение о решающей роли этнического самосознания в определении этноса не получило поддержки редакции издания, предоставившего площадку для дискуссии, тем не менее оно впоследствии было включено Бромлеем в теорию этноса. По сути, данное положение также шло вразрез с ортодоксальной позицией «общественное бытие определяет общественное сознание»: в его концепции этническое самосознание конституировало реальность этнического, далеко выходя за пределы «субъективного отражения объективно существующей общности».

Положение о социальной обусловленности этнических процессов, рассмотрение этнических явлений в процессе социальных изменений, внимание к границам и их символическому маркированию — это и многое другое позволяет увидеть, что теория этноса Бромлея содержала идеи, не чуждые парадигме конструктивизма.

Если оставить в стороне претензии философско-методологического характера, конструктивисты упрекали примордиализм в искусственной политизации этничности. С их точки зрения, примордиализм служит теоретическим оправданием существования в России такой модели федерализма, при которой часть субъектов конструируется по этническому типу и фактически является институциональной формой дискриминации «нетитульных» этнических обществ и административно-территориальных единиц в составе РФ.

В настоящее время примордиализм нельзя назвать ни научным направлением или школой, ни научной традицией, ни методологией. В номинацию «примордиальных» попали различные в своих основаниях и некомплементарные

¹⁸ Тишков В. А. Реквием по этносу. С. 114–115.

по отношению друг к другу концепции Бромлея и Гумилева¹⁹. Такое активное конструирование поля этнолого-антропологического знания явилось побудительным мотивом для продолжения дискуссии по вопросу о природе этничности (этноса). На сегодняшний день невозможно ответить однозначно на следующие вопросы: существует ли примордиализм как доктрина в отечественной науке? можно ли отечественную теорию этноса считать российским вариантом примордиализма; в какой мере заявленная теоретико-методологическая позиция отвечает реальной расстановке сил в отечественной этнологии; в какой мере этнологический конструктивизм соответствует социальному конструктивизму как социологической парадигме?

Современное состояние этнолого-антропологического знания
в контексте дискуссии о потенциале российской гражданской нации

В настоящее время степень остроты дискуссии по проблеме понимания природы этнического многообразия несколько снизилась. Тем не менее ее значение для развития этнолого-антропологического знания не уменьшилось. В современном научном дискурсе она остается связанной с обсуждением потенциала российской гражданской нации, ее совместимости с этнической, региональной и конфессиональной идентичностью, а также перспектив формирования новых ценностей, способных консолидировать общество на пути солидарности, согласия и противостояния экстремизму и ксенофобии.

Так, директор Института социологии РАН М. К. Горшков в предельно заостренной форме ставит следующие вопросы: какое гражданское общество существует в России; существует ли оно в России вообще? Указывая на отсутствие консенсуса по этим вопросам в российском научном сообществе, он остановился на специфических факторах, которые осложняют процесс консолидации российской гражданской нации. В их числе — непродуктивность модернизации «сверху», глубокое социальное неравенство, пренебрежение правами человека, копирование «западных» образцов модернизации, неадаптированных к российским реалиям и противоречащих социокультурным традициям народов России²⁰.

Вместе с тем, отмечает он, есть и положительные моменты в модернизационном развитии России. В научном сообществе утвердился взгляд на идентичность как ресурс общественного развития. Представление о России как о цивилизации восприняты властью и обществом. Современная российская идентичность сочетает в себе, как показали данные проведенных под его руководством

¹⁹ *Авксентьев В. А.* Этническая конфликтология. Ставрополь: Изд-во СевКавГУ, 2001. С. 25.

²⁰ *Ерохина Е. А.* Этническое развитие народов России и перспективы становления российской нации // Новые исследования Тувы. 2010. № 4. URL: <http://www.tuva.asia/persons/2127-erokhina>

исследований, несколько компонентов: новый российский, ностальгический советский, региональный, этнический и др.

По мнению Горшкова, российское общество сохранило единство, несмотря на поколенческие и региональные различия, что особенно наглядно демонстрирует позитивное отношение представителей разных поколений, жителей различных регионов, представителей разных национальностей к советскому «вкладу». В то же время возросло число людей, которые избирают основой идентификационной матрицы «Я» идентичность. По данным исследований, осуществленных сотрудниками Института социологии РАН, выросла доля россиян, которые определяют собственный социальный статус на основе самооценки. Все это дает основание полагать, что Россия «реформирующаяся» превращается в Россию «порезформенную».

По мнению директора Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишкова, в настоящее время в современном научном и общественном дискурсе равноправно сосуществуют две интерпретации понятия нация: этническая и гражданская. Вместе с тем он обращает внимание на специфический опыт использования в российском государственном дискурсе понятия «нация». Во всем мире национальные государства препятствуют процессу присвоения отдельным категориям своих граждан статуса наций (каталонцам и баскам в Испании, бретонцам во Франции и др.). До недавнего времени, точнее, до Олимпийских игр в Ванкувере, канадское правительство не поощряло использования представителями индейских племен в коммуникативном пространстве их статуса «первых наций». В России же, напротив, было принято употреблять понятие «нация» по отношению к отдельным группам граждан²¹.

Подчеркивая не взаимоисключающий характер двух интерпретаций понятия «нация», Тишков настаивает на приоритетности гражданского понимания с точки зрения безопасности и стабильности государства. Он определяет гражданскую нацию как сообщества свободных и равноправных граждан, говорящих на одном языке, имеющих общие ценности и лояльных к своему государству, т. е. в русле политической традиции либерализма в понимании гражданства.

С точки зрения руководителя Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН Л. М. Дробижевой, российская гражданская идентичность в настоящее время вовсе не миф, а реальность, вполне конкурентоспособная гражданской идентичности «советского» периода. В то же время она проблематична. Ее придерживаются, по данным осуществленных в 2008 г. Центром исследования межнациональных отношений ИС РАН опросов, практически 70% населения, а в более благополучных районах с доминирующим русским населением гражданская идентичность стала превалировать по отношению к этнической. В связи с формированием идеологии российской

²¹ Там же.

идентичности был поставлен вопрос о том, что российская идентичность не может быть интерпретирована как русская. Все русские в нашем государстве граждане России, но не все граждане России — русские. Обсуждая разные модели интеграции — ассимиляционную, «плавильного котла», мультикультурную, «свободную» культуру и интеграционную, наиболее предпочтительной для российского общества Дробизева выделяет интеграционную модель²².

По мнению директора Института социально-политических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН В. А. Авксентьева, в России гражданская идентичность тождественна цивилизационной идентичности. Ссылаясь на данные опроса, проведенного «Левада-центром» в 2007 г., и на данные собственного, осуществленного вместе с коллегами в 2009 г. в регионах Северного Кавказа исследования русского, карачаевского, черкесского, кабардинского и балкарского населения, он приходит к заключению о том, что россияне мыслят Россию как самостоятельную цивилизацию, не сводимую ни к Западу, ни к Востоку, имеющую собственный путь развития²³.

Он согласен с тем, что понятие нации отягощено опытом конфликтности в советской и постсоветской истории. Вместе с тем и в отечественной науке, и в общественном сознании россиян оно тесно связано с этническими смыслами. В этой связи идея российского народа (по аналогии с вполне удачным конструктом советского народа) и сопутствующая ей идея российской цивилизации могла бы быть гораздо более адекватно воспринята массовым сознанием россиян: как русских, так и нерусских. Эта идея, в отличие от идеи российской нации, не имеет конфликтного потенциала и несет консолидирующий мотив²⁴.

Логика деконструкции способна, полагает он, создать иллюзию, что теоретическое упразднение «нации» позволит лишить постсоветские конфликты этнической окраски и перевести их в иное правовое и регулятивное русло. Тем не менее такие «реалистические» концепции «имеют скорее нормативный, нежели аналитический характер, как и политические выводы, делаемые на их основе. Они фиксируют то, какой хотелось бы видеть этничность, чтобы с ней не были связаны тяжелейшие конфликты, чем то, какова она на самом деле»²⁵.

Признание различий и уважение прав личности в том виде, в каком они существуют в рамках либеральной политической традиции, не исключают «не-

²² Там же.

²³ *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В.* Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования (Социс). 2010. № 12. С. 25–25.

²⁴ *Авксентьев В. А.* Этнополитическая идентичность в постсоветской России как фактор конфликтности // Вестн. СевКавГТУ. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 1 (11). URL: <http://www.ncstu.ru>

²⁵ *Авксентьев В. А.* Становление подходов к изучению межэтнических конфликтов в приграничье // Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе. М., 2005. С. 59–60.

удобств с идентичностью». Рассмотрение этнических процессов с позиции методологического индивидуализма не объясняет, например, почему даже в стабильные эпохи люди предпочитают идентифицировать себя с определенными этническими группами или почему в реальной действительности люди редко стоят перед возможностью выбора своей этнической принадлежности.

Это заставляет обратиться к более широкому, нежели этнолого-антропологический дискурс, дискуссионному пространству, ввести в него, наряду с понятиями «этнос» и «нация», также понятия «цивилизация» и «геополитика», подключить теоретико-методологические средства для социологической рефлексии оснований межэтнической интеграции народов России.

Глава 26. Геополитическая и цивилизационная проблематика в опыте исследований новосибирской этносоциологической школы

Интеграция как особое состояние социокультурной системы

В своем анализе состояния проблемы этнической гетерогенности в этнолого-антропологическом знании мы отталкивались от парадигмы деятельностного подхода, который в социологии был развернут в работах В. А. Ядова и Т. И. Заславской. Сохраняющееся противостояние двух методологических установок в изучении этничности — «традиционной» (культурно-исторической) и «современной» (постмодернистской) — побуждает синтезировать в его русле новые методологии, объединяющие эвристические стороны обеих установок. Например, в полипарадигмальной модели Л. М. Дробижевой этнополе понимается, с одной стороны, как относительно устойчивая часть социального пространства, а с другой — как результат социального конструирования структуры самими людьми. «Если люди верят в то, что существуют народы, их культура, ценности, историческое прошлое, то они в той или иной мере будут строить в связи с этими представлениями свое поведение...» В начале XX в. У. Томас и Ф. Знанецкий, написавшие классическую работу «Польский крестьянин в Европе и Америке», которых стали считать родоначальниками этносоциологии на Западе, фиксировали: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям»²⁶.

Однако, обращаясь к этническому феномену, мы не можем обойти вниманием того факта, что этническая общность является компонентом другой, не менее сложной, чем она сама, структуры, цивилизации. Следовательно, оставаясь в рамках этносоциологии или социально-культурной антропологии, в луч-

²⁶ Дробижева Л. М. Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сб. в честь Юрика Вартановича Арутюняна. М.: Наука, 2005. С. 18–19.

шем случае можно претендовать на исследование культурной совместимости и социальной дистанции как факторов, способствующих или препятствующих сближению этнических групп в рамках социокультурного и геополитического пространства страны. Однако проблема социальной интеграции не может быть подменена вопросом о культурной совместимости или специфике этнических границ²⁷. Если под интеграцией понимать процесс, в ходе которого социальные субъекты приобретают новое качество через соединение различных компонентов социальных систем, то следует признать, что любая система интегративна настолько, насколько интеграцией обеспечены все ее уровни и порядки²⁸. В этой логике правомерно рассматривать российскую цивилизацию как интегративную систему, состоящую из суб-цивилизационных подсистем, или субэтнотосов: славян, тюрков, финно-угров, монгол, народов циркумполярной цивилизации и т. п. Компонентами этой системы на уровне элементарных единиц и будут выступать этносы.

Если опуститься в таксономическом анализе на ступеньку ниже и рассматривать в качестве интегративных систем этносы, то несложно выделить субэтнические и локальные уровни самоорганизации этих систем. Такая модель позволяет объяснить широкий диапазон типов самоопределения в идентификационной матрице личности. В этот диапазон укладываются локальный, субэтнический, этнический, региональный, гражданский, цивилизационный и общечеловеческий типы социальной идентификации.

Каждый организм, в том числе социокультурный, обладает причинностью своего существования. В качестве таковой по отношению к цивилизации следует признать наличие других подобных образований и обитаемое пространство. Следовательно, именно культурные границы и месторазвитие выступают внешними интеграторами цивилизационного единства. В этой связи заслуживает напоминания тезис В. де ля Блаша и П. Н. Савицкого о том, что обитаемое пространство есть пространство культурной интеграции, конституирующее культурную и политическую общность народов на основании признака принадлежности к одному месторазвитию, даже если в иных отношениях (расовом, этническом, лингвистическом, конфессиональном) они могут быть далеки друг от друга.

Данное рассуждение в полной мере применимо к народам России, по отношению к которым территория и природа выступали как среда обитания и жизнедеятельности, объект приложения их коллективных усилий. Не отрицая «воображенного» характера представлений о социальной идентичности и основанной на ней идее солидарности, следует признать, что в основании процессов социального конструирования лежат исторические, институциональные и социально-психологические факторы, которые задают веер возможных индивидуальных «выборов» социального деятеля. Именно «вписан-

²⁷ Малахов В. Культурный плюрализм *versus* мультикультурализм // Логос. 2000. № 5–6 (26). С. 5–8.

²⁸ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 15.

ность» актора через социальные группы и институты в геополитический и социокультурный контур на макроуровне создает интерьер его деятельности, в том числе и как носителя этнической и гражданской идентичности. Исторические и конкретно-социологические исследования, осуществленные отечественными учеными, позволяют с уверенностью утверждать существование социально-институциональных и аксиологических оснований, разрешающих вопрос о культурной совместимости народов российского мира в пользу их интеграции в единое социокультурное пространство²⁹.

В этой связи особый интерес вызывает заочная полемика, которая развернулась между новосибирскими этносоциологами и академиком В. А. Тишковым по вопросу о субъектности российской нации. Следует отметить, что все участники этой полемики разделяют общую озабоченность безопасным и стабильным развитием России, не последнюю роль в котором играет этнический фактор³⁰. Признавая этническую реальность нации, сибирские ученые предложили концепцию России не как гражданской нации, а как цивилизации.

Теоретико-методологические основания новосибирской школы этносоциологии

Новосибирск известен широкой социологической общественности своей экономико-социологической школой, которая развивалась на базе Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Однако это направление не являлось единственным в Новосибирском научном центре. Другим социологическим направлением является возникшая на базе Института истории, филологии и философии СО АН СССР сибирская этносоциология³¹.

Большую роль в организации новосибирской этносоциологической школы сыграл академик А. П. Окладников. Свое научное кредо он сформулировал следующим образом: «...Я стремился выявить общие закономерности исторического процесса, последовательность этапов, а вместе с тем и локальные черты этого процесса, отраженные в своеобразии конкретных культурных комплексов и их взаимодействии. За этими культурными комплексами ... стоят конкретные этнические общности, например, племена, родовые общины, народности»³². По его инициативе в рамках возглавляемого им института

²⁹ См., например: Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / Под ред. В. В. Трепавлова. М.: Наука, 2003; Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010.

³⁰ Пальцев А. К вопросу о методологической релевантности категории национальной безопасности // Власть. 2012. № 1. С. 120–121.

³¹ Костюк В. Г., Терещенко О. А. Новосибирская школа этносоциологии: этапы становления, основные результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1. С. 14–18.

³² Окладников А. П. Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1973. С. 5–10.

в 1968 г. был создан отдел социологии, куда входили сектор комплексных исследований проблем развития народов Севера (под руководством В. И. Бойко), применения математических методов в гуманитарных исследованиях (под руководством А. Ф. Фелингера), социальных проблем труда и образования молодежи (под руководством Д. Л. Константиновского). Руководителем школы в течение длительного времени оставался чл.-корр. В. И. Бойко, под руководством которого было осуществлено большинство конкретно-социологических исследований в 1968–2003 гг.

Идеи А. П. Окладникова о взаимосвязи этногенеза и культурогенеза, о постоянном взаимодействии этносов в мировой истории как едином культурно-историческом процессе получают социально-философскую разработку и конкретно-социологическую апробацию в работах В. И. Бойко, Т. О. Бажутиной, Г. С. Гончаровой, А. А. Гордиенко, С. Н. Еремина, Н. В. Исаковой, В. Г. Костюка, С. Г. Ларченко, В. В. Мархинина, О. В. Нечипоренко, Ю. В. Попкова, И. В. Удаловой³³. Тесная связь с социально-философскими исследованиями является отличительной чертой новосибирской этносоциологической школы. В своих методологических приоритетах представители данной школы опирались, во-первых, на комплексный подход, предполагающий освещение всех сторон образа жизни этнических общностей, во-вторых, на междисциплинарный синтез.

В этой связи необходимо упомянуть об идейном фундаменте школы, в качестве которого выступает парадигма социального взаимодействия в совокупности ее теоретических приоритетов: во-первых, диалектико-материалистического метода (Г. В. Гегель и К. Маркс), во-вторых, системного подхода Т. Парсонса, в-третьих, теории социальной деятельности В. П. Фоханова, в-четвертых, глобально-формационной концепции мировой истории Ю. И. Семенова. На базе их развития в рамках сибирской этносоциологической школы формируется системно-генетический подход в исследовании этносоциальных и этнокультурных процессов. Отличие новосибирской школы от других школ заключается, по мнению В. Г. Костюка, в том, что этническое исследуется не как особенное или отдельное, а как элемент более широкой подсистемы. Это позволяет конкретизировать доминирующую парадигму до уровня отдельных концептов.

Методологическая революция начала 1990-х гг. не обошла стороной новосибирских этносоциологов. В развитии школы появились новые тенденции. Ее методология дополнилась двумя новыми подходами: глобальным и цивилизационным. Глобальный подход развивался в трудах В. И. Бойко и Ю. В. Попкова. В исследованиях В. И. Бойко делается акцент на геополитический метод в оценке реалий и прогнозов развития России и Сибири как ее составной части.

³³ Концепция социального и экономического развития народностей Севера до 2010 г. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1989.

Полагая геополитику исходной базой для формирования национальной стратегии развития России в глобальном мире, Бойко настаивал на том, чтобы в числе ее ориентиров были сбалансированное развитие человека с окружающей средой, разумное ограничение человеком своих потребностей, справедливость в отношениях между развитыми и развивающимися странами на всех уровнях: цивилизационном, национально-государственном, этническом, индивидуальном³⁴.

В работах Ю. В. Попкова последовательно проводился глобалистский подход в исследовании отношений между народами, ориентированными на природопользующий характер жизнедеятельности (народами Севера Сибири), и народами, ориентированными на технологический тип отношений с окружающей средой. Свое понимание характера включения народов Севера в глобальный процесс развития Попков раскрыл, обратившись к концепту «интернационализация», что позволило ему показать логику закономерности человеческой истории в единстве ее локальных и всемирных форм. В его концепции глобальный этап развития человечества предстает как современный этап интернационализации, которая является неизбежным атрибутом исторического процесса. Глобализация, равно как и фрагментация, являются продуктами развития интернационализации на современном этапе развития³⁵.

В исследованиях В. Г. Костюка и Ю. В. Попкова новейшего периода развития сибирской школы начинает формироваться исследовательская ориентация на применение методов цивилизационной компаративистики. С середины 1990-х гг. этнические общности Сибири стали рассматриваться новосибирскими этносоциологами как часть российской цивилизации, входящей в евразийское сообщество народов. Занимая объективистские позиции в признании реальности существования этнических феноменов, представители сибирской школы полагают этносы социокультурными организмами, которые находятся в постоянном взаимодействии с окружающей средой и друг с другом, образуя более крупные образования, локальные цивилизации³⁶.

Базовым механизмом, интегрирующим народы в цивилизации, является межэтнический синтез народов, т. е. соединение народов, имеющих различные культурные и социальные характеристики, в единую социокультурную систему, пространством развития которой выступают определенные географические зоны. Например, пространством развития российской цивилизации стали зоны внутриконтинентального сектора материка Евразии, отделенные от приморских секторов Азии поясом гор и пустынь, а от атлантического сектора

³⁴ Бойко В. И. Россия — Сибирь в сценариях мироустройства XXI века // Сибирь в геополитическом пространстве XXI века. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1998. С. 12–13.

³⁵ Попков Ю. В. Интернационализация в традиционных и современных обществах. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000.

³⁶ Костюк В. Г. Новосибирская школа этносоциологии // Социс. 2009. № 3. С. 92.

материка — изотермой января (линией равных температур) в 0 градусов по Цельсию. На этом пространстве сформировалась геополитическая платформа народов российской цивилизации, ареал жизнедеятельности которой русские делили с другими этносами.

В рамках новосибирской школы этносоциологии развивались и теоретические исследования сущности этноса. Так, В. В. Мархинин сформулировал концепцию социально-биологической природы этноса, которая позволила объяснить единство дискретной и процессуальной сторон этнического развития³⁷. В исследованиях Е. А. Ерохиной была выявлена активная роль этнического самосознания в межэтнических взаимодействиях. В этой связи следует отметить еще один значимый теоретический приоритет в исследованиях данной школы, а именно учет рефлексивности как атрибута развития социальных систем³⁸.

Методологический дихотомизм в контексте дискуссии о культурных основаниях гражданского единства россиян

Квинтэссенцией концептуальных расхождений между московскими этнологами и новосибирскими социологами является представление о возможностях и ограничениях использования концепта «нация» применительно к этническим общностям. Если одна сторона убеждена в возможности и даже необходимости замены понятия национальности на понятие этнической принадлежности, то другая сторона полагает, что такая замена не изменит общей ситуации, сложившейся в сфере межэтнических отношений. Она лишь усилит методологический хаос в среде научного сообщества. Кроме того, она способна породить чувство неуверенности у многих этносов, которые в настоящее время уже считают себя нациями.

Исторический опыт развития национализма противоречив, а его практики далеки от идеальной модели гражданской нации, которая конструируется и пытается идеологически утвердиться в обществе усилиями членов академического сообщества. Достаточно вспомнить опыт двух мировых войн с их неисчислимыми человеческими жертвами. В последнее время стало не модно вспоминать о том, что нацизм, осужденный человечеством на Нюрнбергском процессе, был крайним проявлением национализма. К тому же каждый из мировых военных конфликтов, спровоцированных национализмом отдельных государств, заканчивался крушением мировой геополитической системы. Где гарантия того, что Россия выдержит еще один мировой политический кризис с применением силовых средств его решения? В этой связи возникает насущная необходимость критического осмысления методологических заимствований западного опыта

³⁷ *Мархинин В. В.* Дialeктика социального и биологического в процессе становления этноса (философско-социологический аспект). Томск: Наука, 1989. 242 с.

³⁸ *Ерохина Е. А.* Этническое самосознание в межэтнических взаимодействиях: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1999.

научных исследований и использования социокультурного опыта западных демократий в области прав человека и его применения в РФ.

Так, политолог А. Д. Богатуров, анализируя современный этап развития отечественного социогуманитарного знания, замечает: «Крайне болезненные трансформации, которые пережила и продолжает переживать Россия с момента начала реформ 90-х гг., обусловили острую потребность произвести в наших интеллектуальных исканиях поворот от преимущественного освоения западной теории к формулированию гипотез, которые объясняли бы фактическое развитие России в ее соразвитии с окружающим миром. И до него часть ученого сообщества, чудом сохранявшая способность к самостоятельному размышлению, выражала скептицизм по поводу возможности объяснить российский “феномен” только через призму западного опыта. Отечественная мысль в лучшем случае осмеливалась указать на несоответствия российских реалий “общемировым закономерностям” строительства демократий и смущенно “оправдывала” нашу действительность молодостью (?) российских реформ. Этот по-своему важный этап критического освоения западного знания был очень полезен и совершенно необходим. И все же кризис показал, что этот этап во многом — позади... От констатаций “несоответствия” нашей жизни той идеальной картине ожиданий, которая вырастала из изучения западной теории, началось движение к построению гипотез, которые объясняли бы фактическое развитие России в ее соразвитии с окружающим миром»³⁹.

В этом свете необходимо отметить первое методологическое расхождение между московской и новосибирской школами, которое намечается в понимании прав человека. Оно производно от ориентаций на разные нормативно-правовые парадигмы. Московская этнологическая школа опирается в своих исследованиях на политическую концепцию либерализма, тогда как новосибирская этносоциологическая школа — на теорию правового полицентризма. В политической традиции либерализма доминирует персоноцентрический взгляд на права человека, который предполагает постановку акцента на их индивидуальной стороне. Это соответствует исторически сложившейся в рамках европейско-североамериканской правовой культуры ориентации на личные и политические права в результате Великой Французской революции и американской борьбы за независимость. Ее идеологическим фундаментом является теория «естественных прав человека».

Однако уже после Второй мировой войны представление о правах человека расширяется за счет целого спектра социальных и культурных прав, в том числе на труд, отдых, образование, социальное обеспечение, достойный уровень жизни, доступ к культурным ценностям. Стало очевидно, что права че-

³⁹ Богатурова А. Современный мир: система или конгломерат? // Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2002. С. 129.

ловека не являются «естественными», так как для их реализации необходимо становление коллективной общности и ее понимание своих интересов. Коллективные общности неправомерно рассматривать как сумму индивидуальных лиц, входящих в нее. В то же время коллективные интересы не должны входить в противоречие с индивидуальными правами. Гармония индивидуальных и коллективных прав являлась приоритетом при разработке международным сообществом нормативных документов в области прав человека «второго поколения» в 1960-х гг.

Так, в Международных пактах о правах человека, принятых Генассамблеей ООН (1966), говорится о том, что все народы, а не только нации имеют право на самоопределение в пределах государств. Из них следует, что народы имеют право свободно устанавливать свой политический статус и обеспечивать свое развитие (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.). Народы вправе распоряжаться своими естественными богатствами без ущерба для международных обязательств, а государства обязаны поощрять реализацию их прав на самоопределение (Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.). Заключительный акт Хельсинкского совещания ОБСЕ (1975) обязывает все государства, подписавшие его (в том числе СССР, который преемствует Россия), соблюдать права национальных меньшинств.

Очевидно, что права человека «второго поколения» являются скорее ориентирами, нежели рекомендациями, требующими неукоснительного соблюдения. Однако их появление стало симптомом определенной тенденции, обусловленной активной ролью стран незападного мира в формировании правового полицентризма⁴⁰. Конец 1980-х гг. ознаменовался появлением новейшего поколения прав человека, коллективных прав, в числе которых право на мир и разоружение, на здоровую окружающую среду, на развитие отдельных категорий граждан в независимых странах. В этом ряду находится и Конвенция Международной организации труда № 169 «О коренных народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятая в г. Женеве на 76-й сессии Генеральной конференции МОТ в 1989 г. Хотя Россия не ратифицировала Конвенцию МОТ, тем не менее в Конституции РФ и ряде Федеральных законов РФ прописаны правовые нормы, реализующие некоторые ее положения.

Другим международным нормативно-правовым документом «третьего поколения», подписанным и реализованным в правовом пространстве РФ, является Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995), которую Россия подписала и ратифицировала в 1998 г. В соответствии с ней государство, принявшее ее требования, обязуется создавать условия для поддержания и развития культуры и основных элементов самобытности меньшинств, не

⁴⁰ Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Под ред. Е. А. Лукашевой. М.: Норма, 2002. С. 323–324.

принимать мер, нацеленных на ассимиляцию лиц, принадлежащих к меньшинствам, вопреки их воле.

Таким образом, система универсальных стандартов прав человека не исключает, но предполагает развитие наряду с индивидуальными коллективных прав. Из этого следует, что гармоничное сочетание персонализма и социотризма в обеспечении прав человека является нормативным идеалом, к которому должны стремиться все демократические государства.

По мнению В. Г. Костюка, насаждение либерального императива в интерпретации прав человека не оставляет возможности для развития правового полицентризма⁴¹. Утверждение в качестве универсальной ценности достижительной этики протестантского индивидуализма, через внедрение нормативно-ценностных регулятивов, односторонне понимаемых как индивидуалистические, деформирует целостность незападных социентальных систем.

Если рассматривать в качестве общечеловеческой основы единство индивидуального и коллективного начал развития прав и свобод человека, то европейско-североамериканская и российская модели оказываются двумя полюсами этого единства. Данное обстоятельство с необходимостью должно быть учтено в процессах конструирования гражданского сообществ россиян: ценности свободы, справедливости, демократии, прав человека и прав народа понимаются народами России, как следует из результатов этносоциологических исследований, предпринятых новосибирцами, социотрично⁴².

Отнесение человеком себя к той или иной этнонациональной номинации осуществляется в единстве внутреннего самоопределения (что для меня *значит быть кем-то* по национальности?) и внешнего определения (кого *называют кем-то* по национальности?) в соответствии с представлениями о правилах членства, существующих в этническом сообществе. Следовательно, и отнесение к национально-гражданской номинации также требует двойного признания: индивидуального и институционального. Одной лояльности общепринятым государственным и гражданским ценностям недостаточно. Необходимо осознание всей меры ответственности, которую принимает на себя индивид в связи с принятием гражданской идентичности, включая институциональное соответствие декларируемому самоопределению (следование законам РФ, готовность исполнять обязанности, накладываемые гражданством, и т. д.).

Это предполагает творческую рефлексию индивида в отношении своего самоопределения. Деятельностная парадигма утверждает активность сознания, порождаемую как самими усилиями человека, так и социокультурным интерьером, в который он вписан как часть социума и соответствующей ему культуры. Данное положение обнажает второе методологическое расхождение между московской школой, приоритетом которой остается методологический

⁴¹ Костюк В. Г. Цивилизационный подход в российской философии и социологии права // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2011. Т. 9, вып. 2. С. 50–52.

⁴² Там же.

индивидуализм, и новосибирской школой, ориентированной на принцип холизма. На холистическом принципе основан социокультурный подход к рассмотрению социальных систем в единстве человеческого (индивидуально-психического), культурного и общественного измерений.

Так, на основании социально-философских и философско-социологических исследований Ю. В. Попковым и Е. А. Тюгашевым делается вывод о том, что этносы и цивилизации как социокультурные системы должны рассматриваться процессуально, в единстве генетических и функциональных связей, в обусловленности антропогеографическим разнообразием и межкультурными взаимодействиями. Это особенно важно для сферы межэтнических отношений, регулирование которой оказалось не под силу ни ассимиляционной, ни мультикультурной модели. Между тем интегративный потенциал социокультурного подхода уже хорошо зарекомендовал себя в формировании межэтнических региональных гражданских сообществ на Ямале и в Ханты-Мансийском автономном округе (Югре)⁴³.

Представители новосибирской школы этносоциологии разделяют представление о нации как об этнокультурном явлении. С их точки зрения, такая методологическая позиция способствует сохранению в российском обществе благоприятного климата, подобного тому, который существовал в советский период.

В исследованиях новосибирских этносоциологов сохраняется известная доля идеализации советского периода в развитии национальных отношений. Это проявляется, в частности, в том, что современная ситуация сравнивается лишь с 1970 — первой половиной 1980-х гг., т. е. с наиболее благополучным с точки зрения экономического и социального развития СССР историческим периодом. В этом также наблюдается расхождение с представителями московской школы, которые склонны оценивать советский период противоречиво, а отдельные его этапы, такие как, например, период депортации народов, негативно.

Разделяя общеметодологические положения новосибирской этносоциологической школы, следует все же признать обоснованной критическую оценку того вектора национальной политики, который был задан советским государством в период расцвета режима личной власти И. Сталина. В то же время трудно не заметить сходства между установкой сталинского режима личной власти на культурную унификацию и гомогенизацию населения с принципом национализма, руководствуясь которым от имени «народного суверенитета» политические элиты европейских стран в первой половине XX в. осуществляли политику, далекую от соблюдения прав человека, дискриминирующую этнические меньшинства, препятствующую культурному сближению граждан

⁴³ Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Социокультурный подход в регулировании межэтнических отношений // Новые исследования Тувы: Электронный журнал. 2012. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_13/4471-popkov-tyugashev.

одной страны на основании их этнических различий. Это в полной мере относится и к таким развитым демократиям, как европейская и североамериканская, которые прибегали к практикам изоляции и перемещения своих граждан в концентрационные лагеря на основании их этнического происхождения в период Второй мировой войны. Если речь идет о дискриминации личности или народа, не имеет значения номинация политического режима как «тоталитарного» или «демократического»: в правовом поле должны квалифицироваться его деяния.

В этой связи необходимо признать следующее. Неважно, от имени этнической или от имени гражданской нации осуществляются преступления против человечности, развязываются вооруженные конфликты, страдают ни в чем не повинные люди. Сам по себе принцип национализма способствует социальному сближению антагонистических классов и слоев. Он делает социальную дистанцию между олигархами и неимущими иллюзорной. Национализм является «социальным клеем», который собирает в единое общество атомизированных индивидов индустриальной и постиндустриальной эпохи. Национализм дарит государству в эпоху «восстания масс» идею, возвышающую общество потребления до экзистенциального горизонта, соотносимого по силе с тем, что давали религии средневековому социуму. Однако национализм, как показала историческая практика, является обоюдоострым оружием. Это побуждает с осторожностью применять его даже в таких, казалось бы, благих целях, как формирование гражданского сообщества россиян.

Представляется, что формула Конституции РФ «многонациональный народ России», утверждающая принципы согражданства («соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества»), является наиболее гармоничным отражением целей гражданской интеграции.

Наконец, отметим третье методологическое расхождение московских и сибирских исследователей. Оно заключается в выборе различных моделей исторического развития при интерпретации этнических феноменов: для москвичей приоритетной остается линейная модель модернистской концепции, в основании которой лежит принцип универсализма, тогда как для новосибирцев — многофакторная, предполагающая, если воспользоваться термином

А. Богатурова, учет «равноположенного соразвития» типологически разнородных явлений и элементов в рамках одной социокультурной системы⁴⁴. Данная модель позволяет синтезировать линейный (системно-генетический) и нелинейный (социокультурный) принципы исследования. Результатирующей этого методологического выбора является цивилизационный подход, реализуемый в конкретно-социологических исследованиях последних лет⁴⁵.

Цивилизация трактуется новосибирскими этносоциологами как социокультурная общность, группа этносов, имеющих длительную историю совместного проживания в определенной природно-географической зоне, тесные хозяйственные, культурные, политические взаимосвязи, общие черты в образе жизни и менталитете. Развиваемый ими цивилизационный подход исходит из «мноуголинейной» концепции цивилизаций В. П. Фофанова и развитой Ю. В. Попковым и Е. А. Тюгашевым идеи рефлексивного взаимодействия цивилизаций как процесса обмена культурными достижениями. Согласно этой концепции, цивилизации представляют собой первый макроуровень дифференциации человечества как единого социального организма. Каждая цивилизация как относительно самостоятельная единица (подсистема) единого процесса развития человечества имеет свою собственную логику развития, определяемую внешними и внутренними, природными и социальными факторами становления⁴⁶.

Данный подход наиболее продуктивен в междисциплинарном варианте. Поэтому большинство исследований, предпринимаемых новосибирскими этносоциологами, осуществляется в единстве социально-философского и социологического аспектов. Основное внимание в конкретно-социологических исследованиях сибиряками уделяется изучению ценностей различных этнических групп населения Сибири и сопредельных с ней территорий Казахстана, Монголии, Севера Сибири, представителей основных субцивилизаций России. В методике изучения ценностей применяется дихотомный принцип, предполагающий выбор респондентами ценностей Запада или Востока, например, индивидуализма или коллективизма, ранжирование ценностей и другие методики.

Российская самобытная цивилизация представлена в этих исследованиях как часть евразийского мира. Многочисленные переселения народов интегрировали культурный мир материка Евразия. Как следствие, многие приморские цивилизации при всей локальной отчужденности и специфике в определенном

⁴⁴ Богатурова А. Современный мир: система или конгломерат? С. 144.

⁴⁵ Россия как цивилизация: сибирский ракурс / Костюк В. Г., Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Ерохина Е. А., Мархинин В. В., Удалова И. В., Ушаков Д. В.; Отв. ред. В. Г. Костюк. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008; Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Nonпарель, 2010.

⁴⁶ Костюк В. Г. Славяно-тюрко-монгольский синтез в евразийской цивилизации // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. С. 18–19.

смысле также являются евразийскими. Специфика же России видится в том, что объединение ценностей Запада и Востока в единый комплекс создало новое качественное явление, российскую цивилизацию, которая не есть «смещение культур», но есть органическое социокультурное единство народов. Анализ массовых и экспертных конкретно-социологических исследований ценностных ориентаций народов России зафиксировал факт доминирования ценностного комплекса, содержащего ориентации на «западные» и «восточные» ценности, что выражает синтетический характер российской культуры, в которой «евразийские» мотивы преобладают над евроатлантическими⁴⁷.

Постановка проблемы исследовательского выбора методологических ориентаций не отменяет факта доминирования линейной модели интерпретации исторического процесса, методологического индивидуализма в социогуманитарных исследованиях, либеральной традиции в трактовке прав человека. Методологический арсенал, выработанный западной наукой и ее институтами, продолжает активно апробироваться к социокультурным реалиям России. Не отрицая его эвристических возможностей, следует признать необходимость адаптации западных теоретических схем и подходов к социокультурным реалиям России. Это предполагает признание равноположенности индивидуальной и коллективной субъектности, индивидуальных и надиндивидуальных ценностей, мотивов и интересов акторов, объективирующей и субъективирующей стороны человеческой рефлексивности.

Выбор идентичности человека задается не только репертуаром возможных ролей, которые может играть человек как социальный деятель, но и сценарными ограничениями, которые позволяют или не позволяют ему реализовать индивидуальный ролевой диапазон в желаемой мере. Это уравнивает индивидуалистический и коллективистский приоритеты выбора актором той или иной социальной роли, делает этот выбор менее произвольным, менее зависимым лишь от одних его личных предпочтений.

Это означает, что при выборе идентичности индивид руководствуется не только личными представлениями, но и ожиданиями окружающих его людей, институциональными возможностями и ограничениями, нормами и ценностями культуры. Отказываясь от наднациональной модели государственно-гражданского устройства России в пользу национальной модели, российское общество может столкнуться с фрагментацией его членов, которые по устоявшейся традиции связывают национальное с этнокультурным, а гражданское с политическим развитием.

Двусмысленность толкования понятия «нации» может быть решена более корректным словоупотреблением, уточнением этнонационального либо национально-государственного контекста использования данного концепта.

⁴⁷ Попков Ю. В. Заключение // Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация. С. 387.

Обе смысловые интерпретации равноправно применяются сегодня в отечественной науке и общественном дискурсе. Представление о гражданстве не обязательно должно быть связано с нацией. Понятие «народ России» дает вполне однозначное представление о суверенном источнике политической власти в государстве. Проблема же природы субъектности гражданского сообщества россиян может быть адекватно решена в опоре на цивилизационный метод, что не исключает, но предполагает привлечение в качестве комплиментарных иных методов и подходов.

Глава 27. Российская цивилизация: опыт сравнительного исследования ценностных ориентиров Востока и Запада

Дискуссия о Востоке и Западе в современном научном дискурсе затрагивает принципиальную для самоописания российского общества и российской цивилизации проблему соотношения универсального и самобытного в историческом развитии. Так же как и в XIX в., эти категории продолжают оставаться инструментами поиска магистрального направления развития в многообразии его самобытных вариантов. Методологическая парадигма ориентализма Э. Саида утверждает метафизичность этих конструктов, производных от колониального дискурса, оправдывающего доминирование Запада как активного, субъектного, свободного начала над инертным, пассивным, зависимым Востоком.

Настойчивое возвращение к концепции ориентализма не случайно. Хотя Россия и примеряла на себя более двух веков атрибуты «европейской страны», ее невозможность стать Европой привела некоторую часть российского научного сообщества к признанию «недоразвитости», «рабства», «покорности» российского общества, его неспособности стать частью мирового сообщества. Такая оценочная фиксация отсылает к политическим практикам конституирования Западом своего «Иного», которое мыслится через негативные характеристики отсутствия: изменений, прогресса, свободы, разума, всех тех свойств, которые традиционно определяют и характеризуют Запад. Такие интеллектуальные практики создают предпосылки дискриминации и фиксации зависимого положения России в мировой системе отношений.

Критический анализ ориентализма как стиля мышления, который оправдывал доминирование Запада, уже дан Саидом. Признавая сконструированность концептов Востока и Запада, попытаемся при помощи пространственно-географических и социокультурных понятий, таких как природа, пространство, человек, коллектив, власть и абсолют, выявить те реалии, которые стоят за этими концептами. Предлагаемая теоретическая гипотеза заключается в том, что ценностные ориентации, задаваемые в сфере «человек — природа», «человек — человек», «человек — абсолют», создают аксиологическое ядро локальной цивилизации. Эмпирическая проверка данной гипотезы применительно

к России покажет несводимость ценностного ядра российской цивилизации ни к одному из этих оснований: ни к западному, ни к восточному. Это тем более важно, учитывая необходимость уточнения содержания концептов «Россия» и «Евразия» в современном научном дискурсе.

Евразия в географическом смысле — крупнейший материк Земли, на территории которого представлены все природно-климатические пояса: от арктического до экваториального. Одним из факторов, обусловивших природные различия, является положение гигантских территорий по отношению к окраинным океаническим бассейнам⁴⁸. Территорию Евразии омывают воды всех мировых океанов нашей планеты: Северного Ледовитого, Тихого, Атлантического, Индийского.

В каждой из природно-климатических зон (от Арктики до экватора) специалисты в области физической географии выделяют:

- 1) приатлантический сектор в Европе с господствующим западным переносом морского воздуха;
- 2) слабо увлажняемый континентальный сектор;
- 3) притихоокеанский муссонный сектор в Азии⁴⁹.

Несмотря на огромные территории, человечество заселяло Евразию неравномерно. В древние времена и даже в эпоху Средневековья неодинаковая плотность населения в разных регионах Евразии была обусловлена возможностями данной территории прокормить человеческий коллектив. От этих возможностей зависела численность населения, проживающего на той или иной территории.

Сам человек освоил практически все доступные экологические ниши на территории материка Евразия (кроме высокогорных ледников и безводных пустынь). Однако на способ ведения хозяйственной деятельности самое существенное влияние оказывали природно-климатические и ландшафтные особенности осваиваемой территории.

Наиболее благоприятной для поселения и хозяйствования зоной с точки зрения природно-климатических и естественно-географических условий является приатлантический сектор Евразии (Европа) — область мягкого морского климата с изотермой января (линией равных температур) в 0 градусов по Цельсию. Такая теплая зима даже в высоких широтах объясняется влиянием теплового течения Гольфстрим, которое смягчает климат Северной Европы. Географическая зона Европы характеризуется устойчивостью и мягкостью климата, достаточной увлажненностью, большим количеством солнечных и теплых дней в году, практическим отсутствием засушливых периодов, большой продолжительностью (около 8 месяцев) сельскохозяйственного года, высоким почвенным плодородием, позволяющим вести интенсивное хозяйство, в том числе

⁴⁸ Ермаков Ю. Г., Игнатьев Г. М., Куракова Л. И. и др. Физическая география материков и океанов: Учебник для геогр. спец. ун-тов. М.: Высш. шк., 1988. С. 68.

⁴⁹ Там же. С. 75.

семейное хозяйство на частнособственнической основе, оптимально сочетая растениеводство и животноводство. Рост продуктивности сельского хозяйства обеспечивал рост населения и его переселение в города, что, в свою очередь, увеличивало емкость внутреннего рынка, стимулировало накопление капитала. На этой основе утверждались индивидуализм и трудовая протестантская этика⁵⁰.

Хозяйственное освоение других частей Евразии имело свои специфические особенности в каждой из природно-климатических зон. В тропических и субтропических зонах приокеанских секторов Южной и Юго-Восточной Азии среднегодовая температура была достаточно высока — около +20 градусов по Цельсию. Обилие солнца и тепла, большое разнообразие флоры и фауны, высокий прирост биомассы на единицу территории делали эти территории привлекательными для проживания. И поныне эти регионы остаются самыми густонаселенными частями планеты. В то же самое время неблагоприятным средовым фактором оставались высокие горы, труднопроходимые джунгли, болотистая местность, населенная смертельно ядовитыми змеями и насекомыми, переносящими опасные для организма человека инфекции. До распространения плуга и пашенных орудий земледелие носило почти повсеместно примитивный ручной, палочно-мотыжный характер. Для того чтобы превратить дикие, почти непроходимые территории джунглей в плодородные поля, использовать те благоприятные почвы, которые дают жизнь тропическим растениям, для земледелия, требовался коллективный труд.

Высокий рост продуктивности сельского хозяйства дал переход к системам искусственного орошения, которые питались от рек Передней Азии, Индии, Китая. Ирригационные системы, которые имели почти круглогодичную отдачу, позволяли не только создавать запасы на случай неурожая, но и освободить часть общинников для занятия ремеслом. Это дало возможность для развития профессиональной дифференциации и интенсивного развития ремесел. Социальной базой этих обществ была сельская община, состоящая из лично свободных, связанных «круговой порукой», крестьян. Поддержание ирригационной системой требовало организации коллективного труда большого числа людей. Это делало труд крестьян зависимым от сильной централизованной власти, которая брала на себя организацию публичных работ и заставляла «держать ответ» каждую общину на своем участке общей ирригационной системы.

С одной стороны, высокая амплитуда сезонных колебаний выпадавших осадков, муссонный климат, неравномерная увлажненность приокеанских секторов Азии выступали неблагоприятными факторами в хозяйственной деятельности людей, требующими от них мобилизации и централизации коллективных усилий, направленных на создание и поддержание системы искусственного

⁵⁰ *Баскин А. С.* Экономика России как особый объект теоретико-экономического анализа // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия: Экономика. 2003. С. 22.

земледелия. С другой стороны, в случае эффективного функционирования ирригационной системы обилие теплых и солнечных дней и плодородные почвы позволяли получать несколько урожаев в год. Такая урожайность позволила создать уровень материального изобилия, необходимый для возникновения ремесел, искусства, городской культуры и самого феномена древних цивилизаций, более известных как «восточные» цивилизации.

На основе централизованной эксплуатации ирригационной системы в этих обществах возник, по К. Марксу, азиатский способ производства, для которого были характерны следующие черты: самообеспечиваемость общин, слабое разделение труда внутри общины, ограничение частной собственности на средства производства, политическая деспотия как особая форма монархического правления, огромный бюрократический аппарат, подавление личности формально свободного человека.

Следуя логике данного анализа, можно выделить два качественно различных способа освоения человеком окружающей реальности, детерминированных спецификой естественно-географической среды, которая опосредованно, через сферу материального производства на ранних этапах существования цивилизаций, влияла на характер религии, искусства, мировоззрения и других форм духовной культуры. Восток и Запад репрезентируют собой эти способы. В одном случае потребность выживания в экстремальных природных условиях диктовала мобилизацию и концентрацию усилий всего коллектива локальной общины даже для повседневных нужд. В другом случае члены семьи или коллектива родственников могли самостоятельно справиться с жизнеобеспечением тогда, когда не было необходимости прибегать к помощи центральной власти (как, например, в случае внешней угрозы). Поощрение индивидуальной инициативы способствовало становлению рационализма в деятельности и мышлении, дифференциации рационального и иррационального знания, появлению новых форм интеллектуальной деятельности (как, например, независимой от религии науки).

Если рассматривать Запад и Восток как идеальные типы, познавательные инструменты, необходимые для осуществления методологических процедур, то открывается возможность новой интерпретации указанных понятий. Оставаясь в рамках цивилизационной компаративистики, можно рассмотреть Восток и Запад как идеально-типические конструкции (методологические средства), служащие для репрезентации двух способов взаимодействия человека с окружающей природной средой и основанных на них самобытных локальных цивилизациях.

«Техника» (вещный мир, орудия труда, опосредующие взаимодействия человека и природы) в западном понимании — это инструмент, средство, которое служит установлению власти человека над природой. «Техникой» является не только орудие, механизм, но и само знание, утилитарное и «свободное» от ценностных ориентаций того, кто его использует. Такой прагматизм, трактуемый в логике Просвещения как освобождение человека от «тьмы невежества», воз-

ник как реакция на религиозные войны и потребность секуляризации общества от тотального вмешательства религиозных институтов в жизнь людей. Однако сам пафос Просвещения питался из христианской идеи личности как уникального и неповторимого создания Бога, наделенного им свободой оценивать, познавать, выбирать. Поэтому развитие индивидуализма и личной инициативы легло на почву христианского понимания особого, «богоподобного» статуса человека в структуре мироздания: потомку Адама Бог делегировал часть своих прав по переустройству существующего в природе порядка. Библия в первых стихах Ветхого Завета приводит мировоззренческое оправдание этой позиции⁵¹.

«Техника» в восточном понимании — это не столько инструмент, сколько методика самосовершенствования, работы над духом и телом человека. В религиозных системах Востока верховный абсолют был безличен, а самым «проблемным» противником человека являлся он сам. Установление контроля над собой является, согласно принципам восточных единоборств, непременным условием победы над внешним соперником. Победить себя невозможно без самопознания, а знание такого рода всегда лично ориентировано. Оно может быть универсальным, абстрактным и рациональным только в той мере, в какой интегрировано в общую систему представлений о мире. Поэтому действительность знания оценивалась не только исходя из рациональной логики, но также с позиции здравого смысла и религии, которые существовали синкретично и неразрывно вместе с наукой как единая система знаний о мире и человеке.

Такой характер познавательной и деятельной активности диктовал принципиально иной характер отношений коллектива людей с природой. Главным было понять суть природных явлений и предметов, поставить их себе на службу таким образом, чтобы не только извлечь пользу для себя, но и не нарушить природного порядка. Цена его нарушения приравнивалась к хаосу, ликвидация последствий которого становилась проблемой нескольких поколений. Сильной стороной познавательной и деятельной парадигмы Востока оставалось представление о человеке как органической части природы.

Наиболее полным и интересным из числа работ, посвященных мировоззренческим ориентациям философии Востока и Запада, является, на наш взгляд, исследование Т. П. Григорьевой «Дао и Логос», в котором она, анализируя образцы текстов из греческой и китайской философии, приходит к выводу о возможности существования двух типов логики:

– формальная логика древних греков, на которой основана европейская рациональность, предполагает, что из двух противоположных по смыслу суждений одно обязательно является истинным, а другое — неистинным;

– нелинейная логика древних китайцев предполагает, что оба этих суждения, противоположных по смыслу, могут быть истинными⁵².

⁵¹ Библия. Кн. 1. Бытие. Ст. 26, 28.

⁵² См., например: *Григорьева Т. Г.* Дао и Логос (встреча культур). М.: Наука, 1992.

В сфере отношений «человек — человек» Запад олицетворяет ориентацию на индивидуальные достижения как средство повышения своего статуса в глазах окружающих людей и общества. Атрибуты такой ориентации: высокая социальная мобильность, изменчивая и подвижная система идеалов, достижительная мотивация. Восток олицетворяет ориентацию на социальное служение как средство повышения человеком своего социального статуса. Восток не отрицает того, что есть в Западе, однако оставляет за человеком право на достижительную мотивацию как момент его личного выбора, в то время как для человека западного типа такая мотивация становится в эпоху Просвещения социальной установкой, аттитюдом, габитусом.

В сфере отношений «человек — абсолют» Восток олицетворяет стремление к слиянию человеческой личности с вечно сущим благим началом в посмертном существовании и отказ от цепи перерождений одной и той же души в разных сущностях. Данная ориентация наиболее отчетливо выражена в индуизме и буддизме. Человек Запада стремится к спасению души после смерти и к личному бессмертию, что находит выражение в христианстве, а также в более ранних и более поздних монотеистических религиях: иудаизма и исламе.

В то же время Запад и Восток в некотором смысле есть проявления активности человека как индивидуально-коллективного существа. Восток и Запад выработали свои ответы на эту двойственность. В том случае, когда конфликт неизбежен, Восток ориентирован на традицию, коллективный выбор и этитический принцип, тогда как Запад — на прогресс, индивидуальный выбор и либерализм. Это не исключает проявления инициативы в «восточных» обществах и «солидарных» основ жизни в «западных» обществах.

Всякая репрезентация в некотором смысле искажает реальность. Не являются исключением Запад и Восток, качественная противоположность которых демонстрирует диалектическое противоречие между коллективным и индивидуальным началом человеческой жизни, моральными и правовыми нормами регулирования общежития, этатизмом и либерализмом как политическими принципами. Восток и Запад предстают в этом контексте как логически непротиворечивые, рациональные теоретические конструкции, репрезентирующие способы материально-предметной деятельности человека и его включенности в макросоциентальные общности. В качестве таковых они выступают, например, в теории институциональных матриц О. Бессоновой и С. Кирдиной⁵³.

На наш взгляд, Запад репрезентирует европейско-североамериканскую цивилизацию, а Восток — несколько самостоятельных локальных цивилизаций Южной и Юго-Восточной Азии (Индия, Китай, Индокитай), каждая из которых при ближайшем рассмотрении оказывается специфичной во всем, что касается пройденного ею исторического пути, организации внутрицивилизаци-

⁵³ Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформацию. М.: РОССПЭН, 2006; Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.

ционных взаимодействий по линии «центр — периферия», базовых черт в экономике, социальной организации, образе жизни, психологии и ментальности людей. В то же самое время «Восток» и «Запад» намечают полюса методологической матрицы, в «зазоре» между которыми находится место другим самостоятельным культурным ойкуменам — арабо-исламской, латино-американской, российской — с присущими им чертами, несводимыми ни к «западному», ни к «восточному» содержанию. Однако без использования этих концептов задача описания специфики самобытности таких «промежуточных» локальных цивилизаций оказалась бы крайне сложной.

В сходной с вышеизложенной диалектической логике концепты Востока и Запада были применены новосибирскими этносоциологами при осуществлении конкретно-социологических исследований 2000-х гг. В опросах, проводимых в Хакасии, Тыве, на Алтае сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН (руководитель комплексного исследования Ю. В. Попков), изучались базисные ценностные предпочтения на основе выделения западно-восточных дихотомий.

Представляя результаты исследования в коллективной монографии «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация», Попков так характеризует дихотомный принцип выделения западных и восточных ценностей: «К числу восточных ценностей обычно относят традиционализм, приоритет духовного над материальным, приверженность к сельскому образу жизни, коллективизм, коллективную собственность, государственный патернализм и ценность общественного порядка, приоритет морали над правом, привычку к скромности и уважение к родовым этническим корням и природе. К западным ценностям относят ценности либерализма, рыночной экономики, где гарантиями выживания являются индивидуализм, частная собственность, рациональность, личная инициатива, доминирование материальных ценностей и права, а прогресс ассоциируется с модернизацией и покорением природы»⁵⁴.

В социологической анкете соответствующие вопросы были сформулированы в виде дихотомий, и респондентам предлагалось выбрать из полярно сформулированных положений те, которые отражают наиболее важные, на их взгляд, условия успешного развития своего этноса. Опросу подверглись хакасы, тувинцы, алтайцы, казахи, русские Хакасии, Тувы, Алтай, взрослое население и молодежь: 455 хакасов и 356 русских в Республике Хакасии, 430 и 269 русских в Республике Тыва, 285 алтайцев, 269 русских и 57 казахов в Республике Алтай⁵⁵.

Попков отмечает, что «западные либеральные ценности в настоящее время имеют определенное распространение среди народов Сибири. Среди русских они представлены в несколько большей степени, чем среди титульных этносов.

⁵⁴ Евразийский мир... С. 213.

⁵⁵ Там же. С. 212–213.

Молодежь сориентирована на эти ценности в целом сильнее, чем старшее поколение. Они также более популярны в среде городского населения, чем сельского. Но самое важное состоит в том, что западные ценности ни для одного из обследуемых этносов не являются преобладающими»⁵⁶.

Респонденты отдали приоритет коллективистским началам жизни над индивидуалистическими. Это проявилось в предпочтении коллективной ответственности над частной, коллективизма и взаимопомощи как факторов развития своего этноса над индивидуализмом и личной деловитостью. Заметно доминирование в общественном сознании представителей всех обследуемых этносов ориентаций на обеспечение общего порядка по сравнению с ориентациями на расширение личных свобод граждан, приоритета постоянства и устойчивости по сравнению с переменами и новизной, а также наличие государственного патернализма как важной ценностной ориентации большинства населения⁵⁷.

Таким образом, западные ценности в общественном сознании россиян, представителей народов Южной Сибири (русских и тюрков), оказались лишь одним из фрагментов их аксиологического ядра. Они тесно сплавлены с восточными при явном доминировании последних. Это позволило Попкову охарактеризовать социокультурный синтез как евразийский, т. е. смешанный тип ценностных ориентаций⁵⁸. «Сосуществование в массовом сознании ориентаций на западные и восточные ценности при безусловном приоритете вторых выражает синтетический характер евразийского социокультурного типа, конкретные комбинации ценностных ориентаций которого нуждаются в специальном эмпирическом выделении и дальнейшем исследовании»⁵⁹.

Подводя итог социально-философским и философско-социологическим исследованиям, осуществленным коллективом авторов монографии «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация», Попков признает: «Характерные для религиозно-философской рефлексии окраинно-приморских миров Евразии экзистенциальный нигилизм, перманентное самоотрицание, слегка смягченное аскезой и ритуалом, формируют, на первый взгляд, глобальную ситуацию, в которой у России — и в этом отчасти прав Александр III — среди наций-государств Евразии друзей нет»⁶⁰. Сохраняя в своих социокультурных основаниях евразийские ценности, Россия остается самостоятельной цивилизацией, Россией-в-Евразии. Отдельные народы Евразии, представляющие Восток и Запад, являются дальними родственниками, некогда расселившимися по материку. Это оставляет историческую надежду на взаимопонимание, которую Россия может приобрести в глобальной архитектуре современного мироустройства⁶¹.

⁵⁶ Там же. С. 217.

⁵⁷ Там же. С. 213–214.

⁵⁸ Там же. С. 219.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Попков Ю. В. Заключение // Евразийский мир... С. 385.

⁶¹ Там же. С. 385–386.

**Глава 28. Сибирский вектор в теории и практике
сравнительного изучения цивилизаций:
исторические и социологические аспекты исследования
российской цивилизации**

Несмотря на амбиции евразийского лидера, России приходится довольствоваться статусом полупериферийной, ориентированной на сбыт ресурсов, державы. Для того чтобы реализовать модернизационный и инновационный потенциал, России необходимо опереться на человеческий ресурс. Это обстоятельство делает Сибирь уникальным регионом, который располагает, помимо индустриально-сырьевой базы, еще и населением с высоким уровнем развития человеческого потенциала.

Сибирь — это не только основной энергетический, природно-ресурсный, важный геополитический регион России, но и своеобразная натуральная ее модель, в которой представлены все основные социокультурные составляющие российского общества — цивилизационные, этнические, конфессиональные. Это территория многовекового взаимодействия славянских, тюрко-монгольских, угро-финских, палеоазиатских народов, пространство диалога христианства, ислама, буддизма, шаманизма, взаимодействия земледельческого и кочевого хозяйственных укладов, доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ. Этносоциальные процессы, протекающие здесь, достаточно полно репрезентируют не только Россию, но и сопредельные территории Центральной Азии, с которыми народы Сибири имеют много общего в хозяйственной и культурной жизни. Сибирь — это Азия географически, но не только Азия социокультурно.

Этот факт можно интерпретировать двояко: в прямом смысле, оценивая Сибирь как регион, связующий Европу с Азией, и в переносном, рассматривая ее как некий «плавильный котел», благодаря которому стал возможен синтез социокультурных ориентиров народов Востока и Запада в рамках российской цивилизации. Европа взаимодействовала с Азией на протяжении всей истории развития российской цивилизации. Начальный период ее становления приходится на XV–XVII вв., когда происходило присоединение Сибири и Дальнего Востока к Московскому царству. Как для русского народа, так и для народов Северо-Восточной Азии это имело положительные последствия в геополитическом, экономическом, социальном и культурном плане. В процессе взаимодействия русской и аборигенных культур народов Сибири происходило их взаимообогащение как в материальной, так и в духовной сфере, что способствовало расширению цивилизационной платформы российской цивилизации и укреплению российской государственности.

Взаимодействие русской культуры с культурами сибирских народов не только обогащало последних, но и расширяло, как отмечает, в частности

Г. А. Аванесова, «вариативность отклика русской культуры на новые взаимодействия. Важным фактором социокультурной динамики выступала новая среда обитания. Заселяя обширные, но малоосвоенные и во многих случаях совсем не освоенные лесостепные, степные, таежные и тундровые пространства Сибири, русские были вынуждены расширять круг хозяйственных занятий в сравнении с их европейскими хозяйственными традициями»⁶².

Известно, что русские много переняли у аборигенов Сибири в средствах охоты, рыбной ловли, в одежде, жилище, в умении выживать в экстремальных условиях, а также в фольклоре и мифологии. Важную роль в интеграции Сибири в российское государство играла не только центральная власть, но и близость ценностных ориентиров взаимодействующих этносов, русских и аборигенов Сибири: умение уживаться друг с другом, выносливость, упорство и терпение в преодолении жизненных тягот. Это положительно сказывалось и на процессах государственного строительства, так и на формировании комплиментарных межэтнических отношений народов российской цивилизации⁶³.

Однако на протяжении XVII–XIX вв. для Европейской России Сибирь все же существовала, как отмечал Ф. М. Достоевский, «каким-то привеском», малоинтересным и малоизвестным. Инерция такого «привесочного» мышления сохраняется в сознании политической и научной элиты и сейчас. Поэтому имеет смысл хотя бы вкратце рассмотреть значение сибирского вектора в развитии внутреннего геополитического пространства России как гетерогенного в этнокультурном отношении.

Важным шагом в разработке цивилизационного подхода к сибирскому вектору как системообразующему в развитии России стали исследования российских ученых А. П. Щапова, Г. Н. Потанина, А. Н. Пыпина, Н. М. Ядринцева, С. В. Бахрушина, А. П. Окладникова, М. М. Громько, Н. Н. Покровского, М. В. Шиловского, Л. М. Горюшкина, В. А. Зверева, В. А. Ламина, Д. Я. Резуна, А. Д. Агеева, Н. С. Розова, А. В. Ремнева, Н. Н. Аблажей, Н. Н. Родигиной, Н. Г. Суворовой, а также современных зарубежных исследователей: географа М. Бассина и историка А. Каппелера.

Лейтмотивом их исследований стало признание неполноты «колониального» статуса Сибири в составе России. Следует согласиться с Ремневым и Суворовой, которые предлагают взглянуть на указанную проблему через призму превращения Сибири в Россию. «Основным отличием Российской империи от западных мировых держав считалось то, — пишут они, — что она представляет собой цельный территориальный монолит, и поэтому колонизационное движение из внутренней России не носило характера эмиграции...» Как заметил

⁶² Аванесова Г. А. Социокультурная динамика населения Сибири в рамках российского государства // Цивилизации и культуры. М.: ИВ РАН, 1995. Вып. 2. С. 157.

⁶³ Аванесова Г. А. Государство и власть как факторы культурно-цивилизационной интеграции российского общества: пример Сибири // Цивилизации и культуры. М.: ИВ РАН, 1996. Вып. 3. С. 190–206.

современный британский историк и политолог Д. Ливен: «Русскому колонисту было затруднительно ответить на вопрос, где, собственно, заканчивается Россия и начинается империя».

Хотя Российская империя, а затем и СССР рухнули, однако, как утверждает вслед за Ливеном Ремнев, России удалось «вобрать» в себя Сибирь и благодаря этому остаться великой державой, чего не удалось ни Турции, ни Австрии. Это произошло, по мнению исследователей, благодаря русским крестьянам-переселенцам, которые не только скрепили огромное имперское пространство, но и обеспечили России длительную перспективу национального строительства⁶⁴.

Как убедительно показал в своем исследовании А. Каппелер, в Сибири русские использовали модели межэтнического взаимодействия, приобретенные в результате знакомства с финно-угорскими и тюркскими народами, проживающими на территории Европейской России⁶⁵. Межэтническое взаимодействие было выгодно всем сторонам: с экономической точки зрения мирный торговый обмен между земледельцами и скотоводами открывал возможности для формирования региональных рынков; с точки зрения прогресса в социальных отношениях открывалась возможность познакомиться с передовыми технологиями и новыми социальными практиками при условии естественной эволюции традиционных норм и институтов; с точки зрения образования и духовного развития — обрести письменный способ передачи и сохранения информации, дать импульс развитию новых форм культуры. Межкультурный синтез в рамках российско-евразийской цивилизации открывал новые возможности всем сторонам межэтнического взаимодействия. Интеграция разных народов в социокультурное пространство России в основном соответствовала интересам этнического развития народов Евразии. Именно поэтому дезинтеграционные процессы, дважды сотрясавшие ее пространство на протяжении XX столетия, удавалось преодолевать.

Каковы объективные предпосылки, которые повлияли на формирование самобытной российской цивилизации? Во-первых, это пространственно-географическое положение страны: доминирование лесостепи, наличие огромных пространств свободной земли, которое открыло движение в сторону экстенсивного земледелия и колонизации, в то же время затрудняя возможности государства осуществлять контроль над населением на таких огромных территориях. Во-вторых, фактор внешней угрозы: отсутствие естественных границ сделало население России уязвимым по отношению к внешнему воздействию

⁶⁴ *Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Колонизация Сибири XVIII — начала XX века: империи- и нациостроительство на восточной окраине Российской империи // История. Антропология. Культурология: Программы и избр. лекции. Омск: Наука, 2004. Ч. 2. Избр. лекции. С. 53.

⁶⁵ *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997.

и потребовало особых мобилизационных усилий со стороны государства, направленных на защиту от внешних вызовов, нарушавших естественный ход развития. В-третьих, это природно-климатические условия Евразии: длинная зима, короткое лето, большие суточные и месячные колебания температуры, глубокое промерзание почвы, которые повлияли на тип хозяйствования и собственности, специфику развития капитализма и формы эксплуатации. В силу неблагоприятных природных условий размер совокупного прибавочного продукта, получаемого на значительной части территории России, был невелик, что послужило предпосылкой формирования самодержавно-крепостнической системы государственного управления. В-четвертых, это огромные территории и относительно низкая (по сравнению с Европой) плотность населения, которые затрудняли локальным и региональным сообществам возможность самостоятельно наладить такие способы коммуникации, которые бы обеспечили их членам доступ к самым передовым образцам культуры, новым технологиям, товарам и т. п. Данное обстоятельство обусловило доминирование патернализма и коллективизма над индивидуализмом в ценностных ориентациях россиян — представителей различных этносов. В-пятых, это конфликт между обществом и властью, которая перекладывала мобилизационную нагрузку на население, при этом распределяя ее далеко не равномерно между его отдельными слоями в силу сословного характера российского государства. Разнонаправленностью интересов государства и общества объясняется специфика политических процессов в России, которая может быть охарактеризована как маятниковое движение от авторитарных к либеральным началам в политическом управлении, от интеграционных к унитаристским ориентациям в отношениях «центр — окраина».

Среди социокультурных факторов, которые конституировали единство российского мира как цивилизационного целого, необходимо отметить следующие:

- 1) русский язык как язык межнациональной коммуникации;
- 2) православный фундамент общероссийской гражданской культуры;
- 3) активная позиция государства;

4) взаимная комплементарность и межэтническая толерантность народов России по отношению друг к другу.

Если предположить, вслед за А. Дж. Тойнби, что структурообразующим элементом цивилизационного единства является тип личности, сформированный определенной системой ценностей, то православие (как вера большинства) с его отрицанием идеи богоизбранничества отдельных людей и народов, представлением о труде как о служении, идеалом нестяжательства и соборности, ориентацией на коллективные начала общественной жизни оказалось созвучным фундаментальным основаниям других традиционных для России конфессий. Это не исключало, в ряде случаев, сопротивления со стороны народов России, придерживающихся иных религиозных ориентаций, проведению официальными властями политики православизации.

Вместе с тем высокая степень геополитической неопределенности, непредсказуемости результата вложенного труда, зависимость от институциональных структур, стоящих над личностью, существование в условиях полиэтничной и многоконфессиональной среды сформировали у россиян (прежде всего у русских) антиномичные ценностные установки:

– мировоззренческую интравертивность, созерцательность, терпимость, готовность жертвовать сиюминутными интересами ради долгосрочной перспективы, умение ждать результат, эмпатия в отношениях с представителями других народов и культур;

– хозяйственную экстравертивность и нацеленность на земледельческую экспансию, готовность идти на риск, не терять присутствия духа в самых неблагоприятных условиях, умение постоять за себя, отрицание этноцентризма.

Эту антиномичность можно рассматривать как результат развития российской многонациональной цивилизации⁶⁶, синтезировавшей интравертивные, ориентированные на признание своего «младшинства» по отношению к окружающей природной среде традиции, укорененные в культуре коренных сибирских народов, и экстравертивные, преобразовательные по отношению к земле и пространству установки русской культуры⁶⁷.

Эта антиномичность также является следствием того обстоятельства, что русская культура сохраняла на протяжении столетий тенденцию корректировать свой образ в процедурах самоописания, ориентируясь на «западные» оценки: сначала обусловленные влиянием Византии, впоследствии — влиянием западно-европейских образцов. Несмотря на свой особый статус в Старом Свете, Россия на международной арене предпочитала позиционировать себя как европейская держава. Поскольку образ России в европейской культуре обладает определенной противоречивостью и дуальностью, эти черты были усвоены «высокой» российской интеллектуальной традицией как «собственные», внутренне присущие России. Далее они транслировались на структурные составляющие образа России и ее регионов, в том числе и на Сибирь.

В какой мере Сибирь репрезентирует Россию? На основе междисциплинарного синтеза историко-философского, социально-философского, социологического и социально-психологического подходов с использованием материалов массовых опросов населения Сибири, Казахстана и Монголии, авторским коллективом монографии «Россия как цивилизация: сибирский ракурс» (2008) был сделан вывод о том, что Сибирь может в полной мере репрезентировать

⁶⁶ *Трепавлов В. В.* Введение // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М.: Наука, 2003. С. 5–20.

⁶⁷ *Ерохина Е. А.* Влияние мировоззренческих ценностей русского этнического сознания на характер восприятия иноэтнических культур Западной Сибири: XVII — сер. XIX в. // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 5–15.

российскую цивилизацию с точки зрения ее культурного многообразия, выбирающего «восточные» и «западные» начала⁶⁸.

Обратимся к результатам исследований новосибирских этносоциологов, обобщающим данные экспертных и массовых опросов, осуществленных с 1999 по 2008 г. В 1999–2001 гг. новосибирские этносоциологи под руководством Ю. В. Попкова провели по единой методике экспертные социологические обследования проблем развития народов Сибири в условиях российских реформ (на Алтае, в Туве, Хакасии, Эвенкии, Агинском Бурятском автономном округе). Экспертами выступали работники органов власти и самоуправления, науки, образования, культуры, здравоохранения, предприниматели, специалисты сферы материального производства и услуг — славяне (русские), тюрки (хакасы, тувинцы, алтайцы), монголы (буряты) и представители народов Севера (эвенки) — всего 780 чел.

Далее, в 2002–2006 гг. сотрудники сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН провели серию массовых опросов по проекту «Народы Евразии в условиях реформ начала XXI века» (авторы методики — Ю. В. Попков и В. Г. Костюк) в республиках Алтай, Тыва, Хакасия, Саха (Якутия) и Новосибирской области среди русских, алтайцев, казахов, тувинцев, хакасов, эвенов, эвенков, юкагиров в возрасте 16 лет и старше по представительной для соответствующих регионов выборке, а также в Ханты-Мансийском АО по проекту «Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Ханты-Мансийском автономном округе и пути их гармонизации» (авторы методики — В. В. Мархинин и И. В. Удалова) среди русских, ханты и манси соответственно. Хотя эти исследования проводились по разным методикам, тем не менее они содержали общее методологическое ядро, позволяющее выявить общественное мнение и мировоззрение представителей отдельных подсистем российской цивилизации — славянской (русских), тюрко-монгольской (алтайцев, бурят, казахов, тувинцев, хакасов), финно-угорской (ханты и манси), народов арктической (палеоазиатской) субцивилизаций (эвенов, эвенков, юкагиров).

В качестве социологических показателей цивилизационной общности народов России новосибирскими этносоциологами были отобраны, в числе прочих, однотипная системная реакция всех подсистем российской цивилизации на внешние воздействия (вестернизацию) и близость ценностных ориентаций ее народов, представляющих отдельные подсистемы⁶⁹. Так, в группу показателей, выявляющих отношение респондентов к вестернизации как либеральному варианту рыночных реформ, проводимых в постсоветской России, вошли оппозиции, выбор которых был способен отразить мировоззренческие приоритеты народов России: отношение к частной собственности и приватизации как

⁶⁸ Россия как цивилизация: сибирский ракурс. С. 73, 83.

⁶⁹ Там же. С. 83–84.

к проявлениям «западных» начал, с одной стороны, и отношение к коллективной собственности и традиционным занятиям как к проявлениям «восточных» начал, с другой стороны; отношение к индивидуализму и коллективизму как к этносоциальным ценностям; отношение к государству и институтам власти. Исследовалось также отношение респондентов в регионах Сибири, прежде всего в национальных, к результатам проводимых в 1990-х — начале 2000-х гг. либеральных рыночных реформ.

В ходе экспертного опроса 1999–2001 гг. респондентам предлагалось определиться во мнении по дискутируемому в научной среде вопросу о пути сохранения и развития народов Сибири и сделать выбор между «традиционалистской» моделью, ориентированной на преимущественное развитие традиционного хозяйства и культуры, «модернистской», предполагающей активное участие в рыночных преобразованиях, и «неотрадиционалистской», основанной на сочетании первых двух моделей. Как и предполагалось исследовательской гипотезой, большинство экспертов выбрали компромиссную, «неотрадиционалистскую» модель. «Модернистскую» же модель выбрало меньшинство, причем в Республике Алтай ее не выбрал никто: ни среди алтайцев, ни среди русских⁷⁰.

По результатам полученных после обработки экспертных опросов данных, был сделан вывод о том, что социальные последствия рыночных преобразований в абсолютном большинстве сфер жизни коренных народов Сибири — хакасов, тувинцев, алтайцев, бурят, эвенков — большинство экспертов из числа их интеллигенции оценивают как негативные. Лишь в социокультурной сфере ими отмечены позитивные тенденции подъема национального самосознания, усиления интереса к своей традиционной культуре и родному языку. Таким образом, эксперты отметили некоторый прогресс в духовной сфере при заметном регрессе в материальных условиях жизни⁷¹.

Тенденции развития социально-политической сферы характеризовались ими в целом как регрессивные, за исключением сферы межнациональных отношений, которые воспринимались как относительно устойчивые. За годы реформ усилилось отчуждение между народом и властью, снизилась возможность людей влиять на политику органов государственного управления и местного самоуправления. Реформы, по оценкам экспертов, не привели к декларируемой демократизации: отчуждение от власти стало еще большим, нежели в советский период. Как следствие, на основании этих данных Костюк делает вывод: если граждане по разным причинам не принимают участия в управлении и общественной жизни, то это означает, что существующая власть воспринимается как чуждая их интересам и отношение к ней не может не быть негативным⁷².

⁷⁰ Россия как цивилизация: сибирский ракурс. С. 100.

⁷¹ Там же. С. 101.

⁷² Там же. С. 95.

На основании результатов экспертного опроса, которые коррелируют с тенденциями изменения показателей в экономической, социальной и демографической сферах жизни россиян, фиксируемых государственной статистикой в общероссийском и региональном (сибирском) разрезе ⁷³, сибирские исследователи пришли к выводу о разрушительном влиянии на экономические и социальные основы жизни народов России базисных ценностей европейской цивилизации, под которыми подразумевались ориентации на рыночную модель экономики и приоритет частной собственности, «пересаженные» методом «шоковой терапии» реформаторами на российскую (сибирскую) почву ⁷⁴. Экспертный опрос показал ориентацию интеллектуальной элиты сибирских народов на модель государственного капитализма с элементами рыночной экономики. Модель же свободной рыночной экономики оказалась привлекательна лишь для каждого пятого, а «западные» ценности (либерализм, приоритет частной собственности и индивидуализм) привлекли менее трети представителей экспертного сообщества, русских и нерусских, в национальных регионах Сибири ⁷⁵.

В поисках оснований межэтнической интеграции народов Сибири, в качестве которых, согласно исследовательской гипотезе, были выделены признаки сходства менталитета и ценностных ориентаций народов России, славян и тюрок как представителей субцивилизационных подсистем, анализу подверглись результаты массовых опросов по анкете «Народы Евразии в условиях реформ начала XXI века». Так, в 2002 г. по репрезентативной (по полу, возрасту, месту проживания, социальной группе) районированной выборке в Республике Хакасия был проведен массовый опрос среди 843 респондентов (455 хакасов и 388 русских) в городах Абакан, Саяногорск, Черногорск, Абаза и 54 населенных пунктах 6 районов республики: Алтайского, Аскизского, Бейского, Таштыпского, Усть-Абаканского, Ширинского.

Одна из целей опроса заключалась в сравнении русских и хакасов по этническому и цивилизационному признакам. В российской цивилизации, согласно гипотезе авторов социологического инструментария, Ю. В. Попкова и В. Г. Костюка, основными подсистемами (субцивилизациями) являются славянская, тюрко-монгольская и циркумполярная, а Сибирь — пространство их наиболее тесного взаимодействия. Это предполагало проявление как этнически специфических, так и общецивилизационных черт у народов региона ⁷⁶.

⁷³ Попков Ю. В., Костюк В. Г., Тугужекова В. Н. Этнотипы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск, 2003. С. 10–12.

⁷⁴ Там же. С. 13–16.

⁷⁵ Россия как цивилизация: сибирский ракурс. С. 103.

⁷⁶ Костюк В. Г. Славяно-тюрко-монгольский синтез в евразийской цивилизации // Этносоциальные процессы в Сибири. Тематический сборник. Новосибирск, 2003. Вып. 5. С. 18–22; *Он же*. Возможности цивилизационного подхода в этносоциологии // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 22–24.

В условиях текущих рыночных преобразований, вестернизаторский вариант которых предложен «извне» по отношению к евразийскому социокультурному пространству, народы России, независимо от принадлежности к субцивилизационным подсистемам, должны были, по мысли исследователей, реагировать на него однотипным образом.

Респондентам предлагалось сделать выбор из 12 дихотомий, среди которых наиболее значимыми альтернативами были следующие: индивидуализм — коллективизм, личная инициатива — государственный патернализм, традиция — модернизация. Исследование показало доминирование в менталитетах русских и хакасов традиционных и коллективистских начал, ориентации на государственный патернализм⁷⁷. Только по одной позиции — предпочтение своей национальности в органах власти — мнения хакасов и русских оказались полярны: среди хакасского населения такое предпочтение есть, а среди русского — нет. По всему остальному набору дихотомий наблюдалось совпадение взглядов при некоторых количественных различиях по отдельным вопросам. В целом же дихотомное сопоставление социокультурных ценностей хакасов, представляющих тюркскую субцивилизацию, и русских, относящихся к славянской субцивилизации, подтвердило их принадлежность к российской цивилизации⁷⁸.

Таким образом, массовые опросы показали, что в менталитете и ценностях русских (славян) и хакасов (тюрков) наличествуют общие и типичные для российской цивилизации черты, весьма устойчивые, несмотря на все «шоковые терапии», проводимые в России в духе вестернизации. Это позволяет заключить, что антиномичность ценностей Запада и Востока не стала препятствием для межкультурного синтеза народов российской цивилизации. Сибирь наиболее полно репрезентирует Россию как единство с точки зрения многообразия составляющих российскую цивилизацию подсистем: этнических, субцивилизационных, конфессиональных. В этом единстве органично сочетаются культуры и ценности Востока и Запада.

Эмпирическая фиксация сходства ценностных ориентаций представителей разных народов, входящих в российскую цивилизацию, подтвердила наличие особого, несводимого ни к западному, ни к восточному, социокультурного типа. Его аксиологическое ядро имеет сложную структуру взаимодействия индивидуальных и коллективных начал, природо-преобразующих и экофильных приоритетов, традиционалистских и модернистских интенций. Однако существование этого особого типа само по себе не снимает вопроса о социокультурных предпосылках гражданской интеграции. Сходство ценностных ориентаций не предполагает автоматически гражданского единства, для которого требуется нечто большее, нежели наличие общих признаков в менталитете и поведении.

⁷⁷ Попков Ю. В., Костюк В. Г., Тугужекова В. Н. Этнос Сибири в условиях современных реформ. С. 97.

⁷⁸ Там же. С. 91.

Необходимо новое качество цивилизационной общности, выведенное на уровень осознанной рефлексии.

Глава 29. Проблема цивилизационной идентичности и социокультурные ориентации народов Сибири и юга России: глобальный контекст

Фиксация качественного своеобразия российской цивилизации, выведенная на уровень осознанной рефлексии, предполагает появление интеллектуальных конструктов, привлекательность которых является ориентиром для той или иной части российской элиты при выборе модели модернизации. Вопрос о цивилизационной принадлежности России остается сегодня одним из наиболее дискуссионных в контексте этого выбора. Россия — это часть европейской цивилизации или это самобытная страна и уникальная цивилизация? Традиционно выбор стратегии модернизации России зависит от ответа, который дают ее элиты. Европейски ориентированной части российской элиты предпочтительнее либеральная (европейская) модель модернизации. Консервативная часть, включающая в том числе и региональные элиты, ориентирована на самобытничество и модель развития, черты которой определяются этатизмом.

В развитии модерне и современности в России эта дискуссия предстает как спор о пути развития России между западниками и почвенниками, евроатлантистами и евразийцами. Сегодня Россия осуществляет переход в глобальный мир, еще более далекий от идеалов Просвещения и Великой французской революции (свободы, равенства, братства), чем мир модерна, мир, где конкурентное преимущество отдельных стран способно стать фактором долгосрочного развития макрорегионов. Данная ситуация остро ставит вопрос о выборе модели модернизации и стратегии развития России.

Огромное значение в процессе этого выбора играют две взаимосвязанные группы факторов: 1) внешнеполитические ориентации государства, национальные интересы страны, степень их осознания элитой; 2) интересы широких слоев населения страны, ценностные ориентации и идеалы ее народов, степень осознания единства и общности исторической судьбы гражданами государства. Исторически Россия осуществляла этот выбор через расхождение и сближение с Европой как собственным «значимым другим».

В этом свете Европа (Запад) предстает как языковой конструкт, отражающий реальность одной, европейско-североамериканской (северо-атлантической), цивилизации и ее аксиологических оснований. Данная цивилизация имеет двухядерную — англосаксонскую и романо-германскую — этническую структуру. Евразия же репрезентирует общность народов субконтинентального макрорегиона, находящегося в центре евразийского материка, исторически связанную с доминированием последовательно Монгольской и Российской импе-

рий, СССР. Ее этническая структура также содержит несколько ядер: славяно-финно-угорскую, тюрко-монгольскую, циркумполярную. До начала Нового времени исторические предшественники Российской империи — Древняя Русь, Великое княжество Литовское и Московское царство — составляли с цивилизацией средневековой Европы единое в социокультурном отношении пространство. Однако два обстоятельства обусловили дивергенцию России и Европы: Великие географические открытия и Реформация.

Реформация стимулировала накопление капитала, формирование национальных рынков, утверждение индивидуализма и трудовой этики капитализма, а в политике — утверждение политических субъектов нового типа — национальных государств. Великие географические открытия «растасшили» европейцев по всему свету: население Западной и Центральной Европы активно осваивало Америку, Восточной Европы — Сибирь и Центральную Азию. В процессе перехода к модерну цивилизация средневековой христианской Европы дала жизнь трем самостоятельным цивилизациям: евро-атлантической, латино-американской и евразийской. Впрочем, некоторые эксперты полагают их структурными единицами (субцивилизациями) единой цивилизации Запада.

Проблема выбора для современной России — это проблема определения приоритетов ее развития. Европейский ориентир означает выбор европейских и северо-американских партнеров в качестве стратегических, вестернизированную модель модернизации, сохранение «ресурсной» модели вхождения страны в глобализацию. Евразийский ориентир предполагает сохранение многовекторной международной политики страны, ее модернизацию с учетом региональной и этнической специфики населения, сохранение многоукладности экономики при усилении инновационной составляющей.

Научный конструкт «цивилизация» чрезвычайно многомерен. В своем онтологическом статусе цивилизация предстает как локальная цивилизация — предельно широкое относительно устойчивое социокультурное образование, формируемое на основе универсальных, т. е. сверхлокальных ценностей, получающих выражение в мировых религиях, системах морали, права, искусства. В своем эпистемологическом статусе цивилизация выступает как идеальнотипическая конструкция, репрезентирующая макроуровень дифференциации человечества как единого социального целого. В своем феноменологическом статусе это, прежде всего, индивидуальный и коллективный выбор социокультурных ориентиров развития, осуществляемый представителями элиты и широких слоев населения в социальных актах и практиках.

Такой подход позволяет увидеть, что Европа и Евразия — это еще и ценностные ориентиры, привлекательность которых задает жизненные установки для той или иной части населения страны, ее элит. Это обусловило интерес к оценочному сопоставлению европейского и евразийского ориентиров цивилизационной идентичности народов России. В основание социологического исследования легла гипотеза, согласно которой евразийский вектор цивилиза-

ционной ориентации должен пользоваться предпочтением у населения полиэтнических регионов и, прежде всего, у представителей региональных и этнонациональных элит. Данная гипотеза исходила из допущения о необходимости снятия противоположности европейского и азиатского начал в самоидентификации россиян, особенно представителей региональных межэтнических сообществ национальных республик, что и определило выбор регионов, в которых было проведено исследование (Сибирь и Юг России).

Потребность в снятии антагонизма «Азия — Европа» обусловлена не только необходимостью сохранения территориальной целостности, гражданского единства и межэтнической стабильности в России, но и артикуляции дальнейшей стратегии национально-государственного развития страны. Такая мобилизационная программа позволила бы связать судьбу молодого российского государства, каковым является РФ, с судьбой его граждан. Национальная программа модернизации страны обязательно должна опираться на традиции ее населения во всей полноте его этнического и регионального многообразия как ресурс (человеческий капитал) инновационного развития в новом, глобализирующемся мире.

Сам термин «евразийский», будучи двусоставным по своей морфологической структуре, указывает на граничность, переходность, промежуточность объекта, который атрибуцируется этими свойствами. Можно согласиться с авторами монографии «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация» в том, что бытие-на-границе (между Европой и Азией) является одной из сверхценностей народов Евразии, из которой вытекают такие качества, как активное совмещение граней разных культур в нравственном размежевании с ценностным «низом», кристаллизация собственной культуры в процессе взаимоотноумажительной межкультурной коммуникации⁷⁹.

Для российской цивилизации ценностными доминантами оказываются православие в симбиозе с исламом, буддизмом и языческими верованиями, приоритет морали над законом, интегративная роль русского этноса, коммуникативное пространство русского языка, этатизм, патернализм, коллективизм⁸⁰. Думается, что именно Азиатская Россия — Сибирь и прилегающие к ней территории — наиболее полно представляют российскую цивилизацию по следующим критериям:

- специфическое географическое (ландшафтно-пространственное и природно-климатическое) «месторазвитие»;
- транзитное положение между Европой и Азией;
- этническое (славяне, угро-финны, тюрко-монголы, народности Севера) и конфессиональное (православные, мусульмане, буддисты, шаманисты) многообразии;

⁷⁹ Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация. С. 79–83.

⁸⁰ Россия как цивилизация: сибирский ракурс. С. 80.

– хозяйственная многоукладность (индустриальный, аграрный, кочевой) и разнообразие типов политико-административного управления (республики, края, области, автономные округа);

– сочетание культур и ценностей народов Востока и Запада.

В смысловом отношении эти регионы видятся периферией России (во всяком случае из федерального центра). В то же время России навязывается положение периферии по отношению к евро-атлантическим структурам мирового политического влияния (НАТО, ЕвроСоюз). Между тем азиатские регионы России являются стратегическими не только с точки зрения геополитической, экологической и энергетической безопасности всей планеты, но и с точки зрения уникальности человеческого потенциала.

Например, население Сибири, несмотря на исторические вызовы XX в. и высокие темпы социальной динамики (изменение в структуре занятости, уровне образования, мобильности), сохраняет этническое и региональное своеобразие. Не менее важно и то обстоятельство, что Сибирь (благодаря Транссибу) не только фигурально, но и реально стала мостом между Европой и Азией. Именно наличие в этом регионе населения с высоким индексом человеческого капитала обеспечивает стратегический приоритет России в выстраивании диалога между Востоком и Западом. Таким образом, налицо противоречие между стратегическим положением сибирского макрорегиона в России и в мире и его периферийным статусом в глобальном мироустройстве.

Забегая вперед, отметим, что высказывания представителей экспертных сообществ национальных республик Сибири и Юга России — Алтай, Калмыкии, Тувы и Хакасии — несут на себе отпечаток этой двойственности. С одной стороны, эксперты высказывались как носители определенного, универсалистского типа мышления, сформированного в рамках классической (т. е. европейской) рациональности, навязывающей «ориенталистские» клише. С другой стороны, они вынуждены формулировать свою позицию от лица представителей соответствующих этнических и региональных сообществ и шире, как россияне, что вынуждает их «обозначить» периферийность образа их собственного региона при выстраивании образа России. Тем самым обнажилась проблема региональной и этнической многосоставности образа России, ускользающая при обыденном восприятии, растворяющем «российское» в «русском».

Экспертный опрос осуществлялся среди представителей гуманитарной интеллигенции и активистов общественных организаций тюркских республик Южной Сибири (Хакасия, Алтай, Тува) и Республике Калмыкия. Опрос проводился летом и осенью 2007 г. в столицах Республики Алтай и Республики Хакасия (гг. Горно-Алтайск и Абакан), осенью 2008 г. в Республике Тыва (г. Кызыл), осенью 2009 г. в Республике Калмыкия (г. Элиста). В качестве экспертов приглашались люди, достигшие определенных высот профессионального мастерства и признания в области науки и образования, СМИ, социально значимой деятельности, располагающие символическим подтверждением своих до-

стижений: лидерской позицией, высоким социальным статусом, «продуктами» собственной профессиональной деятельности в виде монографий, учебников, серии передач на телевидении.

В числе экспертов, согласившихся высказать свое мнение по указанной проблеме, оказалось 42 чел. различного пола, возраста (от 27 до 68 лет), статусного положения — журналисты, преподаватели вузов, деятели науки и культуры, общественные деятели. Большинство участников исследования — обладатели степени кандидата или доктора наук, представители различных областей знания: филологи, историки, философы, экологи. Этнический состав участников исследования, в числе которых — русские, хакасы, тувинцы, алтайцы, калмыки, казахи, татары и представители других национальностей, учитывает сложившуюся ныне этническую структуру экспертных сообществ Республики Алтай, Республики Хакасия, Республики Тува, Республики Калмыкия.

В ходе качественного интервью респондентам предлагалось:

– взглянуть на свой регион как на часть России, оценить степень его интегрированности в социокультурное и политико-административное пространство страны;

– определить свое отношение к промежуточному «европейско-азиатскому» / «евразийскому» положению России;

– высказать свое отношение к «евразийскому» определению специфики российского мира.

Естественно, что для удобства и интервьюера, и респондентов требовалась тематизация дискурса. Так или иначе вопросы интервью касались в основном следующих тем: отношения России с соседями, с другими супердержавами и / или региональными лидерами; типа личности, сформированного российской цивилизацией; дилеммы европейского и евразийского в выборе социокультурной идентичности России. Каждая тема раскрывалась в ответах на последовательный ряд вопросов полуформализованного интервью.

Экспертный опрос выявил следующие цивилизационные (социокультурные) ориентиры (векторы) у славян, тюрков и калмыков: 1) европейский (3 чел.); 2) евразийский (15 чел.); 3) самобытный (11 чел.). Евразийский вектор получил преимущество в сравнении с другими. Наименьшее число последователей оказалось у европейского вектора. 13 респондентов изложили авторский взгляд на эту проблему.

Высказывания экспертов подтвердили гипотезу, высказанную новосибирскими этносоциологами, о доминантных признаках российской цивилизации: межэтнической комплементарности, коллективизме, значимости православия в межрелигиозном диалоге, особой роли русского языка в общем коммуникативном пространстве. Общественное сознание приписывает им качество базовых, присущих славянским, тюркским и монгольским народам Евразии, общих ценностей. Эксперты полагают, что идеал коллективистского бытия, с которым связывается идея общности народов российского мира, продолжает играть важ-

ную роль в жизни российского общества. *«Коллективизм — это объективная потребность в наших условиях... Это осознанная потребность... Потому что объективно видно, что результат коллективных усилий выше, чем индивидуальных. И даже если сравнивать просто результат достижений, которые были в Европе и в Советском Союзе, именно коллективные условия позволили делать многое в разы за более короткий срок, чем в Европе. Европа шла долго к решению многих вопросов»* (м., 33 года, русский). *«Я не идеализирую коллективистские ценности, но тем не менее в этих природно-климатических условиях, в социальных трудных условиях всегда рассчитываешь на какую-то поддержку близких, ближних... Требуется помощь, прежде всего, семьи»* (ж., 45 лет, русская). *«“Розовые слюни” я по этому поводу не пускаю. Потому что у всего есть обратная сторона. У коллективизма есть обратная сторона: зависть, например, которая является такой же органичной чертой российского мироощущения, как толерантность и комплементарность»* (м., 45 лет, татарин).

Рассуждая об аксиологическом ядре культуры народов России, эксперты отмечали определяющее значение ее традиционных конфессий и, прежде всего, православия. *«Именно православие сформировало всю систему жизненных ценностей, в том числе оно повлияло и на систему ценностей нерусских народов России, особенно тех, которые принимали православие и, таким образом, входили в общую систему культурных ценностей. Правда, оставляя за собой целый ряд приоритетов в отношении с природой, систему межличностных, межобщинных, внутрисемейных отношений. Тем не менее, вот этот общий пласт нерусскими народами все же усваивался»* (ж., 45 лет, русская). *«Православие, все-таки, самое интуитивистское из всех религий христианства. Более сложную картину смысла нет, наверно, рисовать. Оно соответствовало жизнечувствованию и русского народа, и способствовало конструктивному контакту с другими... Это врожденная, интуитивная сострадательность. Перемежающаяся, естественно, периодами с эксцессами буйства всякого...»* (м., 27 лет, хакас).

Практически единодушно эксперты отмечали в качестве одной из самых существенных констант российской цивилизации русский язык — язык межнационального общения. *«Принадлежность к культурному кругу, к цивилизационному пространству определяется включенностью в коммуникативное пространство русского языка. Я как филолог полагаю, что язык является родным, хоть первым, хоть вторым, если человек относится к культуре, к основе, каковой является язык в любой культуре»* (м., русский, 25 лет). *«Насколько мне будет позволительно рассуждать о культурах народов Кавказа, я хотел бы сказать, что там веками существуют народы, которые очень сильно различаются в языковом отношении. Однако благодаря доминанте русского языка и русской культуры они могут существовать в тесном контакте»* (м., 47 лет, калмык).

Если при оценке специфики цивилизационной идентичности России мнения экспертов в Хакасии, Калмыкии и на Алтае разделялись между сторонниками европейской, самобытной и евразийской альтернатив, то в Республике Тыва впервые проявила себя азиатская альтернатива.

В высказываниях тувинских экспертов (тувинцев и русских) чаще, чем в высказываниях алтайцев, хакасов, калмыков и русских в Хакасии, Калмыкии и на Алтае, звучала оценка российского мира как конгломерата разрозненных в социокультурном отношении миров, объединенного усилиями государства. Отгороженность, обособленность, слабая интегрированность (практически во всех сферах жизни, кроме политики) жителей Тувы в российский мир усиливает, по мнению экспертов — тувинцев и русских, ощущение периферийности и зависимости от неких внешних по отношению к местному сообществу политических сил.

Образ России как мира, соединяющего в себе черты Европы и Азии, достаточно полно представлен в сознании экспертов. Эксперты видят российский мир как мир многоэтничный, поликультурный, являющийся системным единством, скрепленным скорее усилиями составляющих его народов, нежели силой государственной власти. Будучи сторонниками евразийской, самобытной и европейской точек зрения на цивилизационную идентичность страны, практически все эксперты полагают, что Россия обладает своей социокультурной спецификой. По их мнению, несмотря на распад СССР, она выступает на международной политической арене, по меньшей мере, как региональный лидер.

При оценке характера целостности российского мира доминирующей оказалась точка зрения, согласно которой Россия представляет собой органическое единство, целостность которого не исключает, но полагает многообразие геополитических векторов на разных цивилизационных направлениях: восточно-европейских, передне-азиатских, центрально-азиатских, азиатско-тихоокеанских и проч.

Проведенное исследование подтвердило привлекательность евразийской и самобытной моделей цивилизационного самоопределения. Признание экспертами органического единства российского мира позволяет сделать допущение о высокой степени коллективной рефлексивности российской цивилизационной общности. Опираясь на собственные исследования, а также результаты исследований новосибирских этносоциологов (В.Г. Костюка, Ю.В. Попкова, Е.А. Тюгашева), их южнороссийских (В.А. Авксентьева, Б.В. Аксюмова) и московских коллег («Левада-центр»), можно констатировать, что российская цивилизация есть объективный факт, антропогеографическая и социокультурная целостность которого является геополитическим приоритетом для народов, входящих в ее состав.

Социальным институтом, обеспечивающим вертикальные механизмы ее развития, является в настоящий момент система российского федерализма. Горизонтальными механизмами, отвечающими за воспроизводство ее единства,

являются экономические связи и отношения между регионами, унаследованные от предшествующих государственных образований, коммуникативное пространство русского языка, общая историческая память народов России, наличие особого ценностного ядра, ответственного за воспроизводство типа личности, чертами которого являются справедливость, нестяжательство, коллективизм и взаимовыручка, синтез ориентаций на личную достижительность и социальное служение, межэтническая кооплементарность.

Перечисленные свойства являются ценностями не только народов российской цивилизации. В этом проявляется общечеловеческий универсализм российской цивилизации. Ее же самобытность видится в утверждении справедливого идеала общественной жизни, выходящего за рамки агональной состязательности во имя достижения частных интересов, живущего христианской озабоченностью спасения каждого и всех вместе, а не только избранных для спасения индивидов⁸¹, социальным утопизмом Просвещения с его верой в активность, свободное целеполагание и сознательное творчество человека, субъекта разума и воли.

В эпоху «восстания масс» от имени либерализма проповедуется приоритет гедонизма, безграничного удовлетворения чувственных наслаждений, господства частного интереса в ущерб общему благу. Происходит вымывание представлений о правах и достоинстве человека, автономности его личного выбора и основаниях его свободы. Идеалы демократии и гражданской ответственности подменяются этикой общества потребления. Сохранение ценностного ядра российской цивилизации не приведет Россию к изоляции от Европы. Скорее, напротив, ускорит конвергенцию мыслящих в категориях свободы и ответственности людей, народов и цивилизаций перед наступлением глобальной «дикости».

⁸¹ *Межуев В. М.* Российская цивилизация — утопия или реальность? // *Россия XXI*. 2000. № 1. С. 44–69.

РАЗДЕЛ 8. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ СИБИРИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Глава 30. Этничность и межэтнические взаимодействия как факторы социокультурной и геополитической интеграции: теоретико-методологический анализ

Межэтнические взаимодействия народов России представляют собой фактор интеграции ее внутреннего геополитического пространства. Этот постулат логично вытекает из результатов предпринятых в предыдущих главах историко-философского анализа образа России как коллективного геополитического объекта в пространстве философских концепций, начиная с эпохи русского Просвещения, а также социально-философского анализа взглядов представителей русской геополитической школы: славянофилов, позитивистов, евразийцев. Данные результаты, дополненные сопоставлением с философскими идеями теоретиков французской школы внутренней геополитики, а также с выводами исследований современных геополитиков, историков, политологов, социологов позволили прийти к заключению о том, что этнокультурное развитие народов России, прежде всего русских, послужило предпосылкой ее становления как самостоятельной цивилизации. В качестве детерминант этого процесса были рассмотрены внешние (Великие географические открытия, становление капиталистической мир-системы и ее ядра — западноевропейской цивилизации, падение Византии и распад Золотой Орды) и внутренние (религиозные, геополитические, социальные, природно-климатические и естественно-географические, этнокультурные) причины ее становления на рубеже **XV–XVI вв. и последующего развития на пути от средневекового к современному государству, сохранившему традиции межэтнической толерантности.**

В досоветский период этому способствовало доминирование принципа династийной лояльности, безразличного к этнической принадлежности подданных Российской империи. Маргинальное же положение России среди других европейских государств создавало известную двойственность ее образа: с одной стороны, она стремилась самоутвердиться как европейская держава, что в XVIII–XIX вв. было невозможно без соответствующей колониальной атрибутики, с другой стороны, она всеми силами старалась уйти от оценки

своих действий как колонизаторских и эксплуататорских, т. е. несправедливых с позиции общественного мнения¹. В советский период традиции межэтнической толерантности были подкреплены как мероприятиями, направленными на поощрение восходящей социальной мобильности и развитие инициативы народов России, так и на формирование советской идентичности как надэтнической формы интеграции народов страны.

Всякое этническое развитие имеет две стороны: внутриэтническую и межэтническую. Внутриэтническая сторона обуславливает специфику процессов этнической консолидации / обособления, демографического воспроизводства и внутрисемейных отношений, роста традиционализма и неотрадиционализма в политической жизни и социальном поведении. Межэтническая же сторона развития (межэтническое общение, миграция, трансформация социально-профессиональной структуры этноса, статуса языка и культуры этнических меньшинств) не может быть обеспечена ресурсами самой этнической группы. Межэтническая сторона содержит, в свою очередь, сферу этнокультурного развития, взаимодействий двух и более коллективных акторов, этносов со своими потребностями и интересами, и сферу этносоциального развития, на которую, помимо коллективных субъектов — этносов, значимое влияние оказывают социальные институты общества: государство, СМИ, образование и т. д.

Ввиду особой роли межэтнических взаимодействий в сохранении стабильности внутреннего геополитического пространства России, а также с точки зрения их влияния на поддержание единства страны в многообразии представляющих ее регионов и этносов, уместно обратиться к научной дискуссии вокруг понимания этничности, которая проливает свет и на природу межэтнических взаимодействий. Проблема этничности обсуждается в рамках различных объяснительных моделей. На сегодняшний день в этнологии и социологии принято выделять три подхода к пониманию этничности: примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский. Примордиалисты (П. Ван ден Берге, Л. Н. Гумилев) исходят из представления о том, что этнические связи являются априорными, естественными, производными, предшествующими всякому опыту социальных взаимодействий. Привязанности (солидарность и чувство родства с соплеменниками), основанные на этнических чувствах, носят, с их точки зрения, принудительный для индивида характер, а сами эти чувства основаны на субъективно-эмоциональных проявлениях, имеющих аффективную природу. Такой подход в крайнем своем варианте вводит исследователя в мир априорных, не зависящих от социальной реальности эмоций и чувств. Личность при таком подходе оказывается «заложницей» мира объективированных, независимых от ее сознания, воли и желания, внешних по отношению к ней структур социальной реальности. Философские основа-

¹ Ремнев А. В. Внутренняя геополитика азиатской России конца XIX — начала XX века // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 203.

ния примордиализма лежат в немецком романтизме и немецкой классической философии.

Инструменталисты (А. Коэн, Р. Брубейкер, В. А. Тишков) полагают, что этнические чувства, включая этническую идентичность и солидарность, являются результатом социальных обстоятельств и рационального выбора индивида. С точки зрения инструментализма этничность играет репертуарную роль, сознательно и заинтересованно рассчитанную индивидом и группой. Идентичность у инструменталистов мотивирована и ситуативна, конструируется в интересах достижения личных или социально значимых целей. Философские основания инструментализма кроются в традициях французского Просвещения и идеологии нации как согражданства.

Социальный конструктивизм, получивший в последние годы бурное развитие под влиянием работ П. Бергера, Т. Лукмана, П. Бурдьё, исходит из представления о том, что сами этнические связи есть продукт социальных взаимодействий, что они производны от человеческих действий. Любое сообщество, в том числе этническое, обладает, по П. Бурдьё, набором механизмов «структурирующих практик» для своих членов. В процессе повседневного участия, взаимодействия с родственниками и другими членами группы конструируются привязанности и солидарность. Предтечами конструктивизма стали теория социального действия М. Вебера, «жизненного мира» Э. Гуссерля, феноменологическая социология А. Шюца. Принято связывать конструктивизм в этнологии с именем норвежского ученого Ф. Барта.

Творческий синтез указанных позиций, необходимый для прояснения сущности феномена межэтнических взаимодействий, может быть осуществлен с опорой на отечественную парадигму деятельностного подхода в социогуманитарном знании. С этой точки зрения наибольший интерес представляет культурно-историческая теория Л. С. Выготского, в рамках которой впервые удалось научно обоснованными, психологическими по преимуществу методами снять проблему непреодолимости барьера между внешним миром, в данном случае понимаемым как объективированная социальная реальность, и внутренним миром человека как социального агента, принимающего участие в ее конструировании. В психологии до Выготского сознание и психика человека понимались сугубо индивидуалистически. Выготский показал, что качества и характеристики социального мира создаются личностью, которая включается в социальные отношения. В свою очередь социальная реальность влияет на формирование качеств и характеристик человека².

Сам Выготский и его последователи изучали развитие сознания человека в связи с ролью культурных медиаторов, главным из которых является слово. С одной стороны, слово имеет исторически выверенное культурой и обществом

² См., например: *Выготский Л. С.* Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999.

значение, понимаемое всеми членами данного общества одинаково. С другой стороны, слово открыто для внесения индивидуальных смыслов.

Слово является единицей языка и речи. Если язык представляет своего рода объективную реальность, существующую независимо от сознания отдельного индивида, то речь всегда субъективна, всегда индивидуализирована и отражает внутреннюю, обусловленную сознанием индивида, субъективную реальность. Овладение языком вводит человека в мир культуры как коллективной памяти общества, овладение речью вводит человека в мир социальных взаимодействий с членами этого общества, его структурами и институтами.

Другой советский психолог, С.Л. Рубинштейн, опираясь на диалектические принципы философии марксизма, обосновал постулат о единстве сознания и деятельности. Он использовал концепт деятельность в дискуссии с бихевиористами для обозначения несводимой к совокупности рефлекторных и импульсивных реакций на внешние стимулы психической реальности. Деятельность он понимал как процесс, в котором происходит становление и развитие сознания³.

На основе теоретических разработок Выготского и Рубинштейна А. Н. Леонтьев сформулировал основы универсального по существу деятельностного подхода. Деятельность трактовалась им как специфически человеческая форма активности, как адаптирующая модель существования личности⁴. Деятельность открывает перед человеком возможность не только приспосабливаться к окружающему миру, подобно животным, но и приспосабливать его возможности, как природные, так и социальные, под свои нужды и потребности, самому изменять среду своего обитания и социальное окружение, а также собственную личность.

Эти фундаментальные идеи послужили ориентирами для всего социогуманитарного знания. Они были реализованы в диспозиционной теории саморегуляции социального поведения личности В. А. Ядова, структурно-деятельностной концепции социально-экономических процессов Т. И. Заславской, системной концепции социальной деятельности В. П. Фофанова⁵. Рассуждения в ключе деятельностной парадигмы позволяют взглянуть на этничность как на социокультурный феномен, предпосылкой которого выступают способности человека к знаковой коммуникации и самоорганизации. В отличие от животных, которые обладают только одной сигнальной системой и способны только к адаптации

³ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

⁴ Леонтьев А. Н. Становление психологии деятельности: ранние работы. М.: Смысл, 2003.

⁵ Ядов В. А. Личность и ее ценностные ориентации // Информационный бюллетень Советской социологической ассоциации. М., 1969. № 4. С. 34–45; Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981; Заславская Т. И. Социальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003.

(поведению), опираясь на обусловленные их биологической специализацией инстинкты и рефлексy, человек обладает речью и творческой способностью к самовыражению в индивидуальных и коллективных продуктах своего труда.

Деятельность позволяет человеку породить вокруг себя искусственную среду. Так, из всех живых существ лишь человек может преобразовывать природные ландшафты в антропогенные. Именно природа, среда обитания, с которой деятельностно взаимодействует человек, создает особую категорию культурных различий. Эти различия обусловлены характером связи человека и человеческого коллектива с обитаемым пространством. Во-первых, это различия, обусловленные многообразием хозяйственных укладов (кочевого, аграрного, индустриального), возникших из различных способов взаимодействия с вмещающим ландшафтом. Во-вторых, это языковое разнообразие, происхождение которого связано с генезисом конкретных человеческих сообществ, локализованных на определенных территориях. В-третьих, это этническая разнородность, первоначально обусловленная характером взаимодействия человеческого коллектива со средой обитания. Эти различия создают горизонтальную дифференциацию общества: собственно этническую, этноязыковую, этноконфессиональную и т. д. В ее основе так или иначе лежит культурно-хозяйственная ориентация на тот или иной тип связи со средой обитания. Разнообразие типов связи с вмещающим ландшафтом открывает простор для хозяйственной специализации этносов и последующего экономического обмена.

Собственно, на самом абстрактном уровне понимания того, что такое этнос, можно говорить о том, что этнос — это и есть культура. Атрибутами культуры являются деятельность и язык. Деятельность и язык предстают также и сущностными атрибутами этноса. Это означает, во-первых, признание того, что этнос как отдельная культура обладает системой взаимообусловленных способов взаимодействия с вмещающим ландшафтом, во-вторых, обладает собственными средствами знаковой коммуникации. Определение этноса как культуры на этом предельно абстрактном уровне позволит нам в дальнейшем характеризовать межэтническое взаимодействие как разновидность межкультурного взаимодействия.

При переходе от сущности этноса, каковой является культура, к формам его наличного существования, логика деятельностного подхода требует остановиться на сознании, точнее на коллективном самосознании, без которого невозможен социальный этап этнической самоорганизации. Основой социальной самоорганизации этноса является противопоставление по принципу «мы» — «они» на основе существующих между этносами культурных различий. Осознание отличий между «мы» и «они» способствует возникновению коллективных представлений об общих для всех членов данного этноса специфических чертах, зафиксированных в автостереотипах⁶.

⁶ Поршев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. С. 81–84.

Процесс сопоставления «мы» — «они» осуществляется путем выделения черт другого этноса через соотнесение с собственными этническими чертами. При этом за положительный эталон принимается собственный культурный багаж. Представители определенного этноса не просто суммируют те или иные черты «другого»: элементы сходства и отличия в образах «мы» и «они» приобретают значение сигналов ценностного характера.

В логике гегелевской методологии восхождения от абстрактного уровня к конкретному, применимой и в рамках деятельностного подхода, при переходе от рассмотрения сущности этноса как культуры к его наличному бытию правомерно зафиксировать два типа его бытования: коллективный и индивидуальный. В первом случае, когда мы рассматривает этнос как коллективный феномен, он предстает в качестве общности, основанной на единстве культуры и языка. Во втором случае он предстает в качестве референтной для индивида группы, идентификация с которой осознается им как ценность.

Возможно выделение нескольких исторических форм наличного бытия этноса как общности. Это, во-первых, **этническая сеть**, существующая как совокупность горизонтальных неформальных связей, поддерживаемых институтами родства и землячества. Это исторически первичная форма социального существования этнической коллективности. Она соотносима с этникосом, понятием, введенным Ю.В. Бромлеем для обозначения этнической группы в собственном смысле этого слова, т. е. как общности, основанной на единстве языка и культуры.

Общность культуры — это консенсус по поводу основных норм (институтов) и ценностей внутри данной сети, существующей на основе взаимного доверия и взаимной ответственности ее членов. Подчинение нормам и ценностям опирается не только на внешние, но и в значительной мере на внутренние инстанции социального контроля. Другими словами, человек, входящий в сеть, не может нарушить принятые в ней правила не потому, что боится осуждения, а потому, что не может этого сделать по моральным соображениям.

С появлением института государства появляются еще две формы бытия этноса: **государствообразующий этнос** и **этническая диаспора**. Под государствообразующим этносом понимается народ, который дает существование и название данному государству, этнос, культура которого доминирует в данном государстве. Под этнической диаспорой понимается этническое меньшинство, выполняющее в данном обществе специфические функции, обусловленные существующим разделением труда. В качестве примера можно привести таджикский этнос, представители которого выполняли специфические бюрократические и экспертные функции на государственной службе в среднеазиатских, тюркских по преимуществу, обществах в разные периоды Средневековья. Фарси был языком высокой средневековой культуры региона. Он был также языком управления в государствах региона: административного учета, налогообложения и др. Менялась этническая принадлежность властвующих династий, изменению

подвергалась этническая идентичность управляемого населения. Неизменным на протяжении длительного времени оставалась социальная структура среднеазиатских обществ Средневековья, управляемость которых обеспечивалась посредством языка фарси и таджикской городской элиты.

С переходом к модерну возникает еще одна форма наличного бытия этноса. Речь идет о **нации**. Независимо от того, в какой из конкурирующих в настоящее время интеллектуальных традиций интерпретируется это понятие, определяющим является такой взгляд на этничность, который предполагает учет ее «статусного» контекста, прочтение этого феномена через обращение к социологическим понятиям иерархии, неравенства, социальной дистанции. В силу этого обстоятельства говорить об этносоциальных различиях имеет смысл в том случае, когда происходит сравнение этнических группы по какому-либо из социальных оснований. В качестве таковых могут выступать и культурные различия, в том числе языковые.

В модерне культурные различия становятся инструментом статусной дифференциации. Культурные различия сами по себе номинальны. Нельзя сказать однозначно, чей статус выше: мужчины или женщины, православного или мусульманина, молодого человека или старика, русского или татарина. Однако мы можем сказать однозначно, что социальный статус образованного человека выше, чем статус неграмотного, а статус индивида, обладающего собственностью, властью, престижем, выше статуса индивида, не обладающего ничем из вышеперечисленных атрибутов, открывающих перспективы восходящей мобильности и доступа к ограниченным ресурсам. Если в основе горизонтальной дифференциации лежит культурное, в том числе этническое разнообразие, которое само по себе, непосредственно, не предполагает иерархии статусов, то в основе вертикальной дифференциации лежит неравенство, в том числе и такая его разновидность, как этносоциальное неравенство, которое имеет в качестве своей опосредованной причины культурные различия. Примеры такого рода неравенства: различие этнических статусов, престижности или непрестижности определенной этнической принадлежности, равного доступа представителей различных этнических, а также и расовых, групп к ограниченному материальным и духовным благам.

В модерне это неравенство обусловлено, в первую очередь, статусной дифференциацией языков. Обладание или необладание этнической группой собственного языка высокой культуры модерна влечет за собой неравный доступ к образованию как к социальному лифту для выходцев из разных этнических групп. Соответственно, в последующем это влечет неравенство в обладании собственностью, властью, престижем конкретных представителей этих групп.

Каждый из национальных языков, признанных в качестве государственных, собирает вокруг себя те диалекты, которые ему близки⁷. Соответственно,

⁷ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 68.

более удачливые диалекты становятся государственными языками, тогда как остальные подвергаются ассимиляции либо оказываются утраченными. Следовательно, любая борьба за сохранение языка какой-либо этнической группы может оказаться прологом широкой общественной мобилизации вокруг этнических символов.

Модерн знает два пути к нации, если понимать под ней переход к такому принципу легитимации власти, при котором источником власти становится «народ». Это путь сверху, которым в истории пошли представители французской и американской наций, путь от государства к широкой мобилизации населения, и путь снизу, через мобилизацию широких низовых движений к созданию собственной государственности. Это путь большинства славянских народов, выделившихся из состава империй в XIX–XX вв. Следует также выделить как самостоятельный путь советский опыт национального строительства, когда государство само способствовало созданию высоких культур недоминантных этнических общностей в период культурной революции, т. е. в 1920–1930-х гг. В этот период был создан целый ряд младописьменных языков, в том числе и языков тюркских народов Сибири, возникла профессиональная культура, основанная на владении данными языками⁸.

Итак, на уровне наличного бытия этноса как социального феномена этничность может быть представлена в обозначенных выше исторических типах коллективности: этносети, диаспоры, государствообразующего этноса, нации. Следует отметить, что две последние формы не стоит отождествлять друг с другом. Государствообразующий этнос существует на домодернизационной стадии, тогда как нация выражает содержание модернизационных трансформаций. Государствообразующий этнос, например, русский этнос в Московском царстве, не имел никаких преимуществ перед другими ее народами. Напротив, он потерпел существенное поражение в правах в сравнении с нерусскими этносами («иноземцами»), целый ряд которых находился в привилегированном по сравнению с ним положении. Иное дело, когда мы говорим о современном обществе. Перед человеком, не владеющим национальным языком, например, русским, закрываются каналы мобильности, доступные для большинства представителей доминирующей русской культуры и тех представителей этнических меньшинств, которые этой культурой свободно владеют.

На уровне наличного бытия индивида этничность предстает как идентичность, т. е. как индивидуально-психологический феномен. В процессе социализации личности ценности этнической группы становятся ценностными ориентациями личности, а стандарты поведения и общения — социальными установками. Межэтнические установки являются инструментальными цен-

⁸ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 121–145; Каппелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 276–277.

ностями, порожденными ценностями мировоззренческого характера. В основе межэтнических установок лежат авто- и гетеростереотипы, формирующие коммуникативную дистанцию с партнером по общению в межэтническом взаимодействии.

В ситуации совпадения личностной и групповой позиции включаются механизмы преувеличения межгрупповых различий и минимизации внутригрупповых различий, благоприятствования членам собственной группы, правило референтного группового членства. Они приводят к когнитивным искажениям, когда своя группа представляется исключительно с положительной точки зрения. Таким образом, результатом позитивной групповой идентичности оказывается неадекватное отражение. Инаковость партнера по взаимодействию становится трудностью, нуждающейся в преодолении. Преодоление происходит за счет стереотипизации и атрибуции, приписывания определенных черт представителям определенной культуры⁹.

Если же межкультурные контакты развиваются благоприятно, ситуация имеет тенденцию переходить с межгруппового уровня на межличностный. На межличностном уровне восприятия подключаются совсем другие механизмы, например, эмпатия, позволяющая рассматривать этнические характеристики партнера как часть его личности. В такой ситуации его инаковость становится ценностью. Здесь происходит переход с механизмов грубой настройки на механизмы тонкой настройки перцепции¹⁰.

Указанные рассуждения открывают для нас возможность рассмотреть межэтническое взаимодействие в трех качествах: как межкультурное, социальное (институциональное или межгрупповое) и межличностное. При этом модели межкультурного взаимодействия выступают наиболее общими по отношению к институциональным, межгрупповым и межличностным его аспектам.

Коммуникативный подход к межкультурному взаимодействию отсылает нас к теоретической модели семиозиса культуры, в рамках которой впервые удалось обосновать системный взгляд на его природу. Честь этого научного открытия принадлежит советскому литературоведу и теоретику культуры, основателю московско-тартусской семиотической школы Ю. М. Лотману. В 1960–1970-х гг. Лотманом было сформулировано учение о первичной и вторичных моделирующих системах. В качестве первичной моделирующей системы Лотман выделял естественный язык, содержащий структуры коллективной памяти культуры и систему кодов. По аналогии с естественными языками в других языках культуры, в мифе, религии, жанрах искусства, также были выделены структуры коллективной памяти и системы кодирования. Тео-

⁹ Солдатова Г. У. Установочные образования в этноконтактной ситуации // Духовная культура и этническое самосознание наций. М., 1990. Вып. 1. С. 221–240.

¹⁰ Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. М.: МГУ, 1990. С. 215–220.

рия семиозиса позволила рассматривать культуру как коллективную личность, а коллективные социальные представления как продукт коллективной памяти. В то же время она открыла возможность посмотреть на взаимодействие как на обмен информацией, в том числе и ценностного характера.

Лотманом были предложены модели межкультурного взаимодействия. Само межкультурное взаимодействие мыслилось им как акт коммуникации, суть которого заключается в том, что некоторое сообщение в результате кодирования / декодирования передается от адресанта к адресату. Нарушение адекватности передачи выступает не как дефект коммуникативной цепи, а как необходимое условие развития культуры. Сфера пересечения кодов адресанта и адресата обеспечивает необходимый уровень взаимопонимания. Сфера непересечения порождает ситуацию, в которой при переводе с одного языка на другой сообщение перестает быть тождественным исходному. Так возникает новая информация¹¹.

Например, элемент духовной культуры одного народа, будучи заимствованным культурой другого, приобретает в культуре-реципиенте значение иное, нежели то, которым он обладал в структуре культуры-донора, как это случилось, например, с образами христианских святых, трансформированных в культуре северных этносов Сибири в фигуры языческого пантеона¹².

Итак, чем плотнее сеть информационных связей внутри данной культуры, тем дальше культура помнит о нововведениях и идентифицирует вновь введенные в ее оборот элементы как нововведения¹³. Это наблюдение представляется чрезвычайно важным. Оно позволяет сделать вывод о том, что взаимодействие между этносами представляет собой обмен элементами культурного багажа и социального опыта сторон взаимодействия: предметами вещного мира, способами природопользования и жизнеобеспечения, социальными и мировоззренческими ценностями. Этот обмен, безусловно, способен обогатить все стороны взаимодействия.

Деятельностный и коммуникативный подход намечают методологическую перспективу, которая дает возможность перейти к характеристике специфики межэтнических взаимодействий в Сибири как фактора геополитической интеграции народов российской цивилизации. Досоветский контекст этого процесса и роль в нем межэтнических взаимодействий уже были частично представ-

¹¹ Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю. М. Избр. произведения. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 99; *Он же*. Феномен культуры // Там же. С. 34–36, 44–45; *Он же*. К построению теории взаимодействия культур (Семиотический аспект) // Там же. С. 112–115; Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Указ. соч. Т. 3. С. 328–329.

¹² Аблажей А. М. Межкультурные взаимодействия: методологический анализ в контексте проблемы этнической самоидентификации // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 1. С. 72–75.

¹³ Там же.

лены в Разделе 3. В текущем разделе будет представлена панорама советского и постсоветского периода развития интеграционных процессов.

Глава 31. Историко-региональная специфика межэтнических взаимодействий народов Сибири (на примере взаимодействия русских и народов Севера)

Определение межэтнического взаимодействия как коммуникативной системы исходит из широко распространенного в научной литературе философского понятия системы: система есть целостность, состоящая из элементов, находящихся во взаимных отношениях. Выделение элементов системы коммуникативного взаимодействия связано с методологическим правилом выделения парных относительно друг друга категорий субъекта и объекта, фиксирующих диалектическую противоположность. Непосредственным признаком объекта является его соотнесенность с субъектом. Объект — это то, что противостоит субъекту, на что направлена деятельность субъекта. Субъект и объект как диалектические противоположности не только различны, но и тождественны: субъект может выступать еще и как объект деятельности. В межэтническом взаимодействии объектами являются предметы и явления природного и социального мира, на которые направлена совместная деятельность субъектов взаимодействия. Субъекты взаимодействия в этноконтактной ситуации — этнические группы со своими потребностями, которые могут также быть объектами воздействия друг для друга или для третьей этнической общности.

Характер потребностей этнического развития обусловлен функциональными отношениями коллектива с природой. Системный анализ дает два фундаментальных вида таких отношений: природопреобразующий и природопользующий. В первом случае этнос ориентирован на трансформацию естественных сред обитания в антропогенные. Потребности народов, ориентированных на преобразование окружающей среды, требуют превращения природы в ресурс и инструмент хозяйственной деятельности человека. Речь идет о народах, в хозяйстве которых преобладают производящие элементы: скотоводах и земледельцах, преобразующих природные ландшафты в антропогенные. Индустриальное развитие усиливает эту ориентацию во много раз.

Специфика развития этносов, ведущих природопользующий образ жизни, обусловлена их ориентацией на поддержание баланса с экологической нишей, в которую они вписаны как верхнее, завершающее звено биоценоза. Речь идет о народах, в хозяйстве которых преобладают элементы присваивающего хозяйства: охотниках, рыбаках, собирателях. Потребности таких этносопупуляций могут быть удовлетворены только при условии сохранения традиционного для них природного ландшафта.

Взаимопроникновение ценностей и элементов в структуры культур контактирующих этносов может быть охарактеризовано как результат взаимодействия. Этническое самосознание и коллективные представления представляют собой продукт системы межэтнического взаимодействия, т. е. такой результат взаимодействия, который, будучи порожден им, сам становится фактором влияния.

Представляется правомерным выделение двух типов межэтнического взаимодействия, характеристики которых основаны на коммуникативных моделях Ю. М. Лотмана. Лотман выделил две модели коммуникативного взаимодействия: а) взаимодействие, ориентированное на передачу информации; б) взаимодействие, направленное на порождение новой информации.

В первой из указанных моделей взаимодействие ориентировано на прием и передачу аутентичной информации. Общий интерес отправителя и получателя информации заключается в том, чтобы трудности понимания были сведены к минимуму, следовательно, чтобы отправитель и получатель имели общий взгляд на сообщение.

Ориентация на передачу вторичной информации, информации ценностного характера, содержащей интерпретацию, представляет собой вторую модель коммуникативного взаимодействия. Здесь партнеры заинтересованы в том, чтобы контрагентом был именно другой. Не легкость, а трудность является полезным свойством такого взаимодействия. В данном случае акт коммуникации — не просто передача информации, а перевод с языка одной семиотической личности на язык другой; перевод, сопряженный с определенными трудностями и потерями, и в то же время это обогащение сведениями, несущими другую точку зрения¹⁴.

Применительно к межэтническому взаимодействию данные модели реализуются в асимметричном и симметричном типах коммуникации.

При первом (асимметричном) типе коммуникативной деятельности отправитель информации — этническая группа, доминирующая в данный момент времени в межкультурном диалоге, — выступает как субъект взаимодействия. Та сторона, которая соблюдает паузу и находится на приеме, представляет собой в этот момент одновременно и объект, и субъект. Культурный контакт для нее как для заимствующей стороны является внешним источником развития. Результат такого контакта — проникновение элементов культуры «другого» этноса (субъекта) в структуры культуры данного этноса (объекта). Доминирующая сторона взаимодействия, приписывая себе центральное положение в культурной ойкумене, навязывает ей положение периферии. В то же время необходимость творчески перерабатывать воспринимаемые культурные образцы, исходя из собственных потребностей, активизирует рефлексивные механизмы реципиента, наращивает его «субъектные» каче-

¹⁴ Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы. С. 99–100.

ства. В момент изменения направленности потока взаимодействия «новая» культура начинает утверждать свою «древность» и расширять пространство своего воздействия.

В рамках второго (симметричного) типа коммуникативной деятельности обе стороны выступают в качестве субъектов. Это предполагает оценку сторонами взаимодействия друг друга как равноправных партнеров. Воздействие культур контактирующих этносов друг на друга дополняется внутренним самодialogом участников. Благодаря наличию в этническом самосознании образа «другого» процесс взаимодействия приобретает новое качество: превращается из чисто внешнего источника развития этносов во внутренний, имманентный культуре источник саморазвития. Самодialog имеет самостоятельное значение для сторон взаимодействия. Результатом такого взаимодействия является взаимное проникновение элементов культуры субъектов взаимодействия в структуры друг друга.

Чем более близки контактирующие этносы по характеру своих потребностей, тем большей симметричностью обладает сам процесс взаимодействия. Взаимодействие в этом случае носит равноправный характер и таковым видится обоим его субъектам. Симметричный характер может сохраняться и в том случае, когда субъекты взаимодействия — этносы с традиционной социальной структурой независимо от характера их культурно-хозяйственной ориентации. Таков характер взаимодействий этносов Сибири на уровне традиционных культур: русской старожильческой и культур коренных сибирских этносов.

До прихода русских Сибирь населяли представители уральской и алтайской языковых семей. Уральская семья народов была представлена угорской (ханты, манси) и самодийской (ненцы, селькупы, нганасаны) группами, алтайская семья — тюркской (алтайцы, шорцы, сибирские татары) группой. Основу мировоззренческого ядра коренных народов Сибири составляло признание своего «младшинства» по отношению к окружающему природному миру. Согласно их представлениям, все существа природного мира выступали по отношению к коллективу людей в качестве старших родственников. Это родство означало, что человек не отделял себя от природы подобно тому, как род не отделял себя от занимаемой территории. В противоположность этим народам русский этнос формировался в процессе земледельческих миграций и преобразования природного ландшафта¹⁵. «Растекание» русских по территориям было возможно благодаря наличию большого количества резервных земель. Последнее обстоятельство открывало для русского человека «возможность движения в сторону экстенсивности», столь характерную для земледельческого хозяйства русских¹⁶. Появление в Сибири русских — результат экстенсивного

¹⁵ Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. С. 187.

¹⁶ Пытин А. Н. Россия и Европа // Метаморфозы Европы. М.: Наука, 1993. С. 120–121.

земледелия. Ориентация на преобразование экосферы проявилась в стереотипе Хозяина, получившем библейскую санкцию¹⁷.

Культурно-хозяйственная разнонаправленность осложнялась разницей стадийного развития, которая еще более усилила преобразовательные возможности русской культуры в Сибири¹⁸. Разницей стадийного развития обусловлено различие в уровне потребностей этносов, вступающих во взаимодействие. Уровень потребностей зависит от доминирующего в рамках данного этноса вида социальных связей. Социологи со времен Ф. Тенниса выделяют два вида социальности: 1) «община»; 2) «общество».

Под «общиной» Теннис понимал сообщество традиционного типа, экономически самостоятельную систему с замкнутым циклом воспроизводства, опирающимся на определенный вид деятельности. Это сообщество с константным объемом потребностей, уровень которых растет незначительно. Такое сообщество консервативно и медленно воспринимает инновации. Для него свойственна большая степень единства и однородности членов, товарищеские отношения между ними. «Общество» же основано на рациональном расчете, частной собственности и свободном обмене. Его структура более дифференцирована в сравнении с традиционным обществом. Общество индустриального и особенно постиндустриального типа ориентировано на инновации, и уровень потребностей его членов постоянно растет.

Взаимодействие этносов с противоположными видами социальных связей следует рассматривать как асимметричный процесс, ибо объем передаваемой одной из сторон культурной информации не равен объему заимствований. Русский этнос, содержащий оба вида социальных связей, в досоветский период представлял собой более сложный социальный организм в сравнении с большинством сибирских этносов, традиционных по характеру социальной структуры. Их взаимодействие приобрело многоуровневый характер. Имеет смысл выделить два уровня в системе межэтнических взаимодействий в регионах Сибири. Первый уровень, о котором корректнее говорить как о воздействии на традиционные культуры сибирских этносов носителей модернизационных процессов, соответствует первому, асимметричному типу взаимодействия. Таковыми были, например, взаимодействия аборигенных народов Сибири с имперскими чиновниками, промышленниками, купцами. Второй уровень — это уровень взаимодействия представителей традиционных культур: русской старожильческой и коренных сибирских этносов. Он соответствует второму, симметричному типу.

¹⁷ Библия. Бытие. Ст. 26.

¹⁸ *Ерохина Е. А.* Влияние мировоззренческих ценностей русского этнического сознания на характер восприятия иноэтнических культур Западной Сибири: XVII — сер. XIX в. // *Русские Сибири: культура, обычаи, обряды.* Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 13.

По мере развития модернизационных процессов в среде русского этноса степень асимметрии в отношениях между наиболее вовлеченными в них представителями доминирующего большинства (в настоящее время речь идет о предпринимателях, промысловиках, работниках госаппарата) и народами, ведущими традиционный образ жизни, усиливалась. Термин «доминирующее большинство» является общепринятыми в правовой практике международного сообщества по отношению к гражданам независимых государств, относящимся к категориям оседлого населения в рамках индустриального общества, в противоположность коренному населению этих государств, ведущему племенной или полуплеменной образ жизни. Именно в этих терминах следует определять суть воздействия техногенной цивилизации на развитие народов, ведущих природопользующий образ жизни.

Особый интерес в этой связи вызывает положение коренных малочисленных народов Севера. Этот район принадлежит к числу тех регионов планеты, без использования богатейших природных ресурсов которого невозможно обеспечить стабильное развитие мировой экономики, зависимой от энергоресурсов России. Запасы углеводородов являются сегодня весомым источником поступления финансовых средств в бюджет страны. Между тем процесс активного хозяйственного освоения Севера, начавшийся в XX столетии, сопровождался серьезными негативными изменениями в экосистемах, что не только способствовало разрушению традиционной культуры коренных народов как основы их существования, но и грозило колоссальным ущербом экологическому благополучию всей планеты¹⁹.

Результаты социологических и социально-психологических исследований особенностей образа жизни и культуры, психофизиологии представителей коренных народов Севера позволили сделать заключение о том, что народы циркумполярного круга — представители особой ветви развития, основанной на природопользующем характере хозяйства. Оба вектора развития — природопреобразующий и природопользующий — равноценны, ибо таков процесс естественного исторического развития тех или иных народов. Однако концепция прогресса со свойственным ей представлением об иерархии культур породила взгляд на культуру этих народов как на реликтовую.

Нетрудно убедиться, что происхождение экологических проблем, среди которых — загрязнение биосферы и истощение природных ресурсов, имеет социальные причины, связанные с воздействием на окружающую среду природопреобразующих популяций. Опыт традиционного природопользования аборигенных народов Сибири в контексте формирующегося сегодня нового подхода к осознанию глобальных проблем человечества рассматривается в качестве сбалансированного варианта хозяйствования. Поэтому он должен быть

¹⁹ Попков Ю. В., Бойко В. А. Политико-правовой статус коренных народов Севера. На пути в мировую цивилизацию. Новосибирск: ИФиП СО РАН, 1997. С. 13.

учтен при реализации программ промышленного освоения сибирских территорий.

Циркумполярные регионы оказались более «чувствительными» к технологическому воздействию, нежели другие районы планеты, еще и потому, что северная флора и фауна находятся на пределе диапазона своих возможностей и малейшие изменения окружающей среды могут оказать значительные последствия для жизни их обитателей. Говоря о проблеме сохранения традиционной культуры, в первую очередь надо иметь в виду сохранение традиционных форм природопользования, которые сложились в результате длительного приспособления к условиям Севера и являются наиболее рациональной формой хозяйствования на том уровне производства, который существовал до прихода «цивилизации». Ограниченная продуктивность северных экосистем объясняет низкую плотность населения Севера. Обеспечить достаточно надежные источники существования могло лишь чередование различных видов хозяйственной деятельности в зависимости от сезона и изменений климата. Внедрение товарно-денежных отношений без осуществления государственного контроля над развитием северных территорий разрушает подобную систему природопользования: когда один промысел становится преобладающим — нарушается баланс между этносом и средой обитания²⁰.

В процессе механического перенесения на Север европейского типа социальной организации и расселенческой структуры (строительство городов и рабочих поселков) искусственно была создана скученность людей и спровоцирован прессинг на среду обитания. В результате укрупнения производства и поселений, концентрации в крупных поселках институтов воспитания и образования молодежи, при пространственном и социокультурном отдалении этих поселков от производственной сферы, процессы маргинализации молодежи получили объективные основания. Произошел отрыв системы социализации — школьного образования, семейно-бытовых и культурно-досуговых структур — от производственной деятельности. Производственная сфера по своему технико-технологическому характеру оказалась ближе к традиционному уровню, а семейная и культурная сферы стали приобретать автономность, характерную для индустриального общества²¹.

Действительный масштаб негативных последствий такого способа взаимодействий малых народов с индустриальной цивилизацией проявил себя и в

²⁰ *Бойко В. А.* Традиционная культура в условиях активного промышленного освоения северных территорий // *Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур.* Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1995. Т. 2. С. 87–88.

²¹ См., например: *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. По материалам социологических исследований в ХМАО. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996; *Удалова И. В., Мархинин В. В., Выдрин Г. А.* Динамика межэтнических отношений в Югре. Новосибирск: Сиб. книж. изд-во, 2010.

процессе обустройства работников нефтегазового комплекса в районах массового освоения нефтегазовых месторождений. Оказавшись в экстремальной природной среде, они выбрали для себя урбанистический вариант закрепления на новой территории, погрузившись в урбанистические «капсулы», резко увеличив скорость миграционных процессов, зафиксировав себя здесь в виде популяции «временщиков» со всеми вытекающими отсюда последствиями для среды обитания, здоровья, экономики и культуры северных народов²². Соприкосновение аборигенов с современным индустриальным обществом имело ярко выраженные негативные последствия для их культуры и образа жизни. Сегодня практики приходят к выводу о необходимости ставить вопрос не об ускорении их социально-экономического и культурного развития, а об обеспечении условий их естественно-исторического проживания²³.

Прежний опыт взаимодействия двух ветвей развития имел негативные последствия не только для природопользующих этнических популяций, но и для народов, представляющих техногенную ветвь развития. Сохранение природы перед угрозой наступающего экологического кризиса — это та сфера, в которой сотрудничество представителей разных этносов может быть наиболее плодотворным и результативным.

Глава 32. Советская модель межэтнической интеграции в развитии сотрудничества и состязательности между этносами Сибири

Динамика развития культуры направлена на эмансипацию человека от природных детерминант. В этом же направлении лежит и динамика развития этнических коллективов. По мере прогресса технологий и совершенствования материально-технической среды все большую роль в процессе этнического развития играют социальные факторы. Речь идет о социальных сетях и социальных институтах, важнейшим из которых было и остается государство. Государство является в то же время самым сильным «игроком» на геополитической «площадке».

Данное обстоятельство объясняет, почему с распадом одного из государств так существенно возрастает непредсказуемость в межэтнических отношениях. Государство является, если так можно выразиться, долговременным игроком на геополитическом пространстве, задающим спектр возможностей и ограничений для развития взаимодействующих этносов. Его роль существенно возрастает в эпоху модерна, с которой типологически и хронологически совпадает и становление наций, и возникновение геополитики. В этой связи возникает

²² Гордиенко А. А. К концепции устойчивого развития малочисленных народов Севера Сибири // Управление, технологии и человеческие ресурсы в Арктике. Новосибирск, 1996. С. 217–218.

²³ Мерзосов Г. Г. Особая ветвь развития // Северный луч. 1995. № 44. С. 4.

насушная необходимость поставить в зависимость специфику этнокультурного и этносоциального развития народов Сибири от этнонациональной политики советского государства.

В соответствии с тенденциями ее развития А. А. Сусоколовым были выделены 4 этапа. На первом этапе, в 1918–1922 гг., независимые национальные государства на территории бывшей Российской империи объединяются в СССР. На втором этапе, в 1923–1936 гг., происходит национально-государственное (союзные республики) и национально-территориальное (автономные республики в составе союзных республик) размежевание. В начале 1930-х гг. образуются автономные округа для малочисленных народов Севера. В третий период, с середины 30-х гг. и до середины 50-х гг., усиливаются централизаторские и унифицирующие тенденции, что проявляется в сворачивании сфер использования национальных языков, массовом переходе к образованию на русском языке, перекраивании национально-территориальных границ, переименовывании отдельных народов, в ряде случаев их насильственной депортации в годы Великой Отечественной войны. Наконец, четвертый период, с середины 50-х гг. и вплоть до середины 80-х гг., характеризуется возвратом к тем принципам, которые осуществлялись на втором этапе: появлению возможности получать образование на родных языках, политике продвижения представителей титульных народов на статусные должности в региональных структурах власти, выравниванию социально-структурных параметров русских и нерусских народов в национальных республиках²⁴.

Динамика первых трех периодов прослеживается только по историческим документам. Четвертый период открывает возможность опереться на данные этносоциологических исследований. По оценке ведущих представителей этого направления, Ю. В. Арутюняна и Л. М. Дробижевой, этносоциология за истекшие с середины 1960-х гг. десятилетия приобрела междисциплинарный характер и выделилась в самостоятельное направление. Особо ценно, что эта новая и в этнографии, и в социологии сфера исследования появилась не за рубежом, а в нашей стране, и российские работы в этой области получили признание международного научного сообщества²⁵.

Толчком для развития собственно этносоциологических исследований послужила теория ценностных диспозиций личности В. А. Ядова, на методологическом каркасе которой в конце 1960-х — начале 1970-х гг. сотрудниками сектора этносоциологии Института этнографии АН СССР (Ю. В. Арутюняном, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой) был проведен ряд полевых исследований

²⁴ Сусоколов А. А. Социально-демографическое и этнополитическое развитие этносов // Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 63–65.

²⁵ Уварова Т. Б., Шемберко Л. В. Исследования по этнологии и социально-культурной антропологии в базах данных Института информации по общественным наукам РАН // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 101.

в союзных республиках СССР. Существенно, что этносоциология развивается не только в столичных, но также и в региональных научных и университетских центрах — Казани, Тюмени, Новосибирске.

На базе и в рамках этносоциологии — именно как целостного направления — новосибирскими исследователями (В. И. Бойко, Т. О. Бажутиной, Г. С. Гончаровой, Н. В. Исаковой, В. Г. Костюком, В. В. Мархининым, О. В. Нечипоренко, Ю. М. Плюсниним, Ю. В. Попковым, И. В. Удаловой, В. С. Шмаковым) были предприняты попытки раздвинуть обозримые пределы научного поиска. Эти попытки имели определенный эвристический эффект. Первый из них: комплексный подход к решению этнических проблем. Кроме того, двойное рассмотрение социальных феноменов — как фактов этнического образа жизни, имеющих детерминацию и производящих действие, выходящее за границы только этнического, — явилось шагом вперед по сравнению с предыдущим знанием²⁶.

Межэтнические взаимодействия народов России и Сибири как ее органичной части представляют собой фактор интеграции внутреннего геополитического пространства страны. Это положение является теоретическим основанием для последующего философско-социологического анализа результатов исторических и этносоциологических исследований, направленных на оценку степени стабильности межэтнических отношений.

Распад Российской империи и становление советской модели этнонационального развития

Становление советской модели этнонационального развития неразрывно связано со сквозной для отечественной общественной мысли идеей некапиталистического пути развития России. Неприятие капитализма как идеи, противоречащей русскому пониманию свободы, обусловлено, по мнению В. М. Межуева, несводимостью последнего к свободе частного лица в том смысле, в каком ее толкует либерализм. «Взяв под свою защиту права и свободы частного лица, — пишет он, — либерализм узаконил и главный принцип его существования, основанный на дележе общественного богатства в результате рыночной конкуренции и свободного предпринимательства. Ясно, что такой дележ не может быть равным. Даже если предположить, что на рынке побеждают наиболее достойные (что, конечно, крайне сомнительно), то и тогда отсюда не следует фактического равенства. Здесь как бы все свободны и наделены одинаковыми правами, но никто не равен друг другу. А неравенство в собственности влечет за собой и неравенство в свободе: каждый свободен лишь в меру доставшейся ему доли общественного богатства.

²⁶ Исакова Н. В. Культура и человек в этническом пространстве: этнокультурологический подход к исследованию социальных процессов. Новосибирск: НГПУ, 2001. С. 94–95.

Свобода частного лица не тождественна индивидуальной свободе. Последняя предполагает свободный доступ ко всему общественному богатству, как оно представлено в мировой культуре. Только в своем отношении к культуре индивид равен не части, а целому, т. е. является индивидуальностью. А там, где каждый равен целому, все равны между собой. Можно ли в основание цивилизации положить не отношения между людьми как частными индивидами, когда каждый равен лишь принадлежащей ему части, а их связь в сфере культуры, которая каждого уравнивает с целым и, следовательно, делает всех равными друг другу? В таком — может быть, несколько абстрактном — виде можно сформулировать то главное, что Россия искала для себя и для других в качестве «парадигмы» цивилизационного развития. Нетрудно заметить, что этот поиск и определил ее «левизну» по отношению к «правому» — либеральному — Западу, стал причиной последующей увлеченности социалистической идеей. Как бы эта идея ни трактовалась затем большевистскими вождями, она, несомненно, в значительно большей мере, чем либеральная, соответствовала культурной традиции России, заставлявшей ее искать иную, чем западная, формулу цивилизованной жизни»²⁷.

Интенция некапиталистического пути развития объединяла сторонников разных политических взглядов в спектре от монархистов до большевиков. Проявлением этой интенции можно считать принцип права наций на самоопределение, поддержанный большинством партий демократического толка после распада Российской империи. Этот принцип, понимаемый как коллективный, не исключал и добровольности выбора на личной основе.

Ориентация на некапиталистический путь развития сохранялась вплоть до распада СССР как внутри самого советского государства, так и у наших соотечественников за его пределами. Между тем в описываемый нами период гражданской смуты различным было понимание того, в чем заключается этот путь. Различия в понимании обнаружились уже в выборе ориентиров этнонациональной политики сразу же после Февральской революции 1917 г. В исследовании И. В. Нам прослеживается история политической дискуссии о двух вариантах решения «национального» вопроса в постимперский период: территориальном и экс-территориальном. С ее точки зрения, в исторический период 1917–1922 гг. у России был шанс реализовать универсальный проект, в рамках которого Россия могла стать федеративной демократической республикой с территориальной автономией национальных окраин и экс-территориальной автономией дисперсных этносов²⁸.

Под экс-территориальным вариантом понимается в данном случае проект персональной национально-культурной автономии, выдвинутый австрий-

²⁷ *Межуев В. М.* Российская цивилизация — утопия или реальность? // *Россия XXI*. 2000. № 1. С. 68–69.

²⁸ *Нам И. В.* Национально-культурная автономия в России: исторический опыт и современные проблемы // *Федерализм в России*. Казань, 2001. С. 195–206.

скими марксистами: К. Реннером, О. Бауэром, К. Каутским. Он предполагал, что «источником и носителем национальных прав должны служить не территории, борьба за которые лежит в основе большинства межнациональных конфликтов, а сами нации, точнее национальные союзы, конструируемые на основе добровольного личного волеизъявления. Персональную принадлежность граждан к тому или иному союзу должен был представлять институт так называемого кадастра (переписи), составленного на основе личных заявлений совершеннолетних граждан. В системе национально-персональной автономии кадастр получал не меньшее публично-правовое значение, чем территория для национально-отграниченной области»²⁹.

Национальные сообщества должны были обрести статус юридического лица и от имени своих членов заботиться о защите их прав и удовлетворении культурных потребностей, в том числе через законодательные и исполнительные институты власти. В соответствии с этим проектом национально-культурные автономии получали права на налогообложение своих членов для финансового осуществления своих обязательств. Поскольку данная модель не увязывалась с конкретной территорией, она получила название экс-территориальной. Она также имела название персональной и национально-культурной в силу того, что предполагала добровольный выбор личности и функционировала в сфере культуры³⁰.

В пользу национально-культурной автономии высказалось большинство партий российского политического спектра. Исключение составили лишь крайние политические силы: монархисты и большевики. Данная модель была реализована в практике национального строительства в сибирских и дальневосточных регионах в период между 1917 и 1922 г. В Сибири реализация этой модели национального строительства осуществлялась в практике Сибирского Временного правительства и Всероссийского Временного правительства (Директории). Развитие этой модели было остановлено с приходом к власти адмирала Колчака, последовательного сторонника идеи «единой и неделимой» России. С упразднением же Дальневосточной республики проект национально-культурной автономии был окончательно заброшен в силу его неприятия большевиками³¹.

Большевикам необходимо было заручиться поддержкой автономистских движений, чтобы обеспечить Советам расположение нерусских народов. До прихода к власти идея федеративного устройства страны была им чужда. Однако на практике им пришлось принять предложенную в политической программе эсеров идею федерации и объявить Россию в 1918 г. РСФСР с автономными республиками и автономными областями в своем составе. Таким образом, в России победил проект создания национально-территориальных

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

единиц. В 1922 г. на основе принципа национально-территориального деления был создан СССР, куда вошли также Украина, Белоруссия и Закавказье.

Вопросы «национального строительства» оказываются в ведении Народного комиссариата по делам национальностей, возглавляемого И. В. Сталиным. Именно в сфере этого ведомства оказываются полномочия по учету населения по этнической принадлежности и вопросы территориального размежевания границ автономий. В Сибири этнотерриториальное размежевание осуществлялось с 1921 по 1930 г. В 1921 г. образовалась Тувинская Народная Республика, которая до 1944 г. оставалась независимым государством. В 1922 г. в составе РСФСР образуется Якутская АССР. В том же году из части Алтайской губернии выделяется Ойратская автономная область. В 1923 г. формируется Бурят-Монгольская АССР. В тот же год по ходатайству Енисейского губисполкома перед ВЦИК в его составе выделяется Хакасский уезд, который в 1930 г. преобразован в Хакасскую автономную область. В 1925 г. в составе Сибирского края выделяется Горно-Шорский национальный район. На Севере в 1930–1931 гг. создаются национальные округа — Ямало-Ненецкий, Остяко-Вогульский (впоследствии Ханты-Мансийский), Таймырский, Эвенкийский, Чукотский, Корякский — и районы, родовые, туземные и кочевые советы.

С созданием СССР процесс институционализации этничности обретает юридические, установленные законом формы. Тогда же начинается работа над подготовкой Конституции СССР, которая принимается в 1924 г. Принцип права наций на самоопределение заменяется принципом равенства народов внутри союзного федеративного государства. Однако фактически Конституция законодательно закрепила соподчинение национально-территориальных образований, что создавало предпосылки для последующего неравенства этнических статусов представителей стоящих за этими образованиями народов. Права же дисперсных этнических меньшинств с ликвидацией всех форм национально-культурных автономий в СССР вовсе не были законодательно закреплены. Так, в Сибири существовали группы аборигенов, которые не получили в те годы никакого статуса. В их числе кумандинцы, телеуты, тофалары, чулымские татары и т. д.

Справедливости ради необходимо констатировать, что заключение Союзного договора 1922 г. и принятие Конституции 1924 г., равно как и меры национально-территориального строительства, пробудили социальную инициативу нерусских народов. С середины 1920-х гг. разрабатываются алфавиты для прежде бесписьменных народов, в том числе тюркских и монгольских народов Сибири. Письменность на национальных языках внедряется в управление, судопроизводство, в систему школьного образования.

Письменность вводилась в основном на латинице, символизируя разрыв с самодержавием, введившим активно русский язык. Такая мера была обусловлена, с одной стороны, ожиданием мировой революции и расширением СССР, с другой стороны, необходимостью демаркации нового, «советского» и старого,

традиционного. «Старый мир» не без основания вызывал опасение большевиков. Квинтэссенцией «старого мира» для большевиков оставалась религиозная традиция. По этой причине активно насаждалось атеистическое мировоззрение, которое в тот период нередко граничило с агрессивным безбожием. Образование на национальном письменном языке с основой на латинской графике предполагало, по мысли идеологов советской культурной революции, разрыв с традициями арабской и старомонгольской системы письма. Большевиками была проведена и реформа русского языка.

В 1920-е гг. ликвидируется массовая неграмотность, создается печать и литература на национальных языках. Формируются отряды национальной интеллигенции. Большое внимание уделялось развитию художественной литературы, и именно в советское время у многих народов СССР появились свои национальные писатели³². В 1930–1933 гг. вводится всеобщее начальное образование, а в 1934–1937 гг. — всеобщее семилетнее образование. Одновременно с этим форсировалось издательское дело на национальных языках. По данным А. Каппелера, в 1933 г. 37% всего газетного тиража по стране представляли собой газеты на нерусских языках, в 1938 г. периодическая печать выходила на 66 языках³³.

Весь маховик идеологической работы этого периода был направлен на формирование человека нового, социалистического типа, разрывающего с наследием самодержавной России и не принимающего «мещанства» буржуазной идеологии. Образованность была существенным, хотя и мало достижимым для многих выходцев из «низов» атрибутом формировавшегося новой властью образа. Этот образ культивировал черты аскезы, жертвенности, служения делу революции, что, в общем-то, соответствовало православному архетипу русской культуры за вычетом самой идеи этого служения. В качестве таковой выступала идея мировой революции³⁴.

В противоположность позднему имперскому периоду, который дискриминировал нерусские народы, центр отказывался от практики насаждения русских в управлении и административных органах. Он вновь искал сотрудничества с нерусскими элитами, которые были введены в руководящие коммунистические сферы³⁵. Советская власть в качестве социального идеала предлагала народам СССР принцип равенства, инструментом достижения которого, как предполагалось, должно было быть выравнивание социально-экономического и социально-культурного уровней развития народов и регио-

³² Алтатов В. Языковая политика в России и Франции // Диаспоры. 2003. № 1. С. 74–76.

³³ Каппелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 276–277.

³⁴ См., например: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

³⁵ Каппелер А. Россия — многонациональная империя... С. 274–275.

нов. Можно по-разному относиться к социальной и национальной политике советского государства того периода. Одно несомненно: если речь не шла о выходцах из социальных слоев, признанных советской властью как эксплуататорские, в отношениях между людьми, как и в отношениях между народами, безусловный приоритет отдавался принципу равенства. Это предполагало оказание помощи нуждающемуся в ней.

В этой трансформировавшейся под влиянием учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата установке проявились черты русского архетипа коллективизма и взаимовыручки. Применительно к национальной политике 1920-х — начала 1930-х гг. это означало веру в возможность совместными усилиями всех «братских народов» СССР «перескочить» капиталистическую стадию и попасть, минуя ее, в социализм. Такая возможность открывалась, в соответствии с советской идеологией того периода, не только перед теми народами, которые уже достигли капитализма, но и перед теми, кто находился, в соответствии с формационной теорией К. Маркса, на докапиталистической стадии своего развития.

В 1920-е — 1930-е гг. разворачивается компания по коренизации советской власти среди нерусского населения. Коренизация проводилась путем выдвижения на руководящие партийные и административные посты местных национальных кадров. «Коренизация» управления была частью разворачивающейся в первые десятилетия советской власти мобилизационной модернизации. Она также должна была решить проблему повышения квалификации среди нерусских народов для последующего привлечения их в промышленность.

По мнению А. Каппелера, национальная политика этого периода означала возврат к традициям донациональной толерантности по отношению к нерусским народам и культурам. Политика коренизации и либеральная языковая политика имели большие последствия. Помимо широкого привлечения на свою сторону нерусского населения, советская власть, как полагает Каппелер, достигла очень важного прорыва в ускорении образования наций среди нерусских этносов³⁶.

Это пришло в противоречие с набиравшим силу режимом личной власти Сталина. Конституция 1936 г. провозглашала построение социализма в СССР и изживание всех форм капитализма в советском обществе. На практике такая ликвидация означала искоренение определенных, так называемых мелкобуржуазных, слоев общества и физическое уничтожение их представителей. Такая участь постигла духовенство, казачество и широкие круги крестьянства, в том числе русского и украинского. В 1930-х гг. советская власть, стремясь к искоренению всякого упоминания о досоветском периоде российской истории и ее выдающихся деятелях, всячески подчеркивает разрыв советской государственности с предыдущим, имперским периодом ее развития.

³⁶ Там же. С. 276–277.

К концу 1930-х гг. стало очевидно, что надежды на мировую революцию не оправдались. Хотя СССР удалось избежать международной изоляции, он практически не получал никакой международной помощи для послевоенной реконструкции страны. Несмотря на это, СССР удалось в основном осуществить индустриализацию, в том числе и на некоторых окраинах. Это создавало определенные иллюзии у советской правящей элиты в отношении экономических и технологических возможностей страны в надвигающейся Второй мировой войне.

В конце 1930-х гг. начинают проявляться негативные стороны режима личной власти Сталина. В практике этнонациональной политики конца 1930-х — начала 1950-х гг. это означало возвращение к традициям позднего самодержавия. Формализации подверглись принципы федерализма. Под властным нажимом начинает осуществляться перевод национальных алфавитов с латиницы на кириллицу. Возвращается курс на унификацию и гомогенизацию населения.

Следует отметить, что такой курс, предполагавший ассимиляцию и искусственное «пересаживание» народов с территории их исконного проживания на другое, максимально географически удаленное от него место, практиковали не только в СССР. К таким практикам, за редким исключением, прибегали практически все национальные государства между двумя мировыми войнами. Например, результатом поражения Греции, развязавшей войну против Турции в 1919 г., стал принудительный обмен населением, имевший место в 1922 г. между греческой и турецкой сторонами. Обмен имел целью с обеих сторон гомогенизировать национальный состав государств для предотвращения сепаратизма со стороны потенциальных этнорелигиозных меньшинств и затронул около 2 млн чел.

Другой пример являет собой выдворение из стран Балтии в 1939–1940 гг. остзейских немцев, которые жили на их территории многие столетия. Принудительное выселение этого этнического меньшинства началось еще до советизации Прибалтики и вступления на территории этих стран советских войск. Оно осуществлялось по договоренности между Латвией, Эстонией и Германией. Вторая волна выдворения, которая охватила также польское и еврейское население стран Прибалтики, попала на 1940–1941 гг. На этот раз она уже осуществлялась между СССР и Рейхом. Только в этой националистической логике и следует понимать те мероприятия, которые проводила советская власть в период 1937–1953 гг., отступив от традиционных для российской цивилизации практик взаимодействия общества и власти в вопросе межэтнической интеграции.

Вот неполный перечень народов, которые, по данным В.Ю. Зорина, В.В. Степанова и В.А. Тишкова, подверглись депортации, в том числе в Сибирь. Из западных районов СССР в Казахстан и Сибирь в 1936 г. принудительно были переселены поляки и немцы. С Дальнего Востока в малообжитые районы Казахстана и Узбекистана в 1937–1938 гг. подверглись депорта-

ции корейцы, обвинённые в шпионаже в пользу Японии. С присоединением в 1939–1940 гг. к СССР новых территорий в Сибирь выслались эстонцы, латыши, литовцы, поляки, евреи и др. В 1941 г. ликвидируется автономия немцев Поволжья, а немецкое население Европейской России депортируется в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. С октября 1943 по май 1944 г. по обвинению в пособничестве немецким оккупантам были насильственно переселены в Сибирь и Среднюю Азию чеченцы, крымские татары, ингуши, калмыки, карачаевцы, балкарцы³⁷.

Молох сталинских репрессий затронул все народы СССР. В 1930–1940-е гг. он разворачивается в сторону и без того немногочисленной национальной интеллигенции сибирских народов. Многие ее представители были объявлены «буржуазными националистами». Под эту категорию попали, в частности, выходцы из среды тюрков Южной Сибири. Были расстреляны известный ученый, хакас С. Д. Майнагашев и выдающийся художник, алтаец Г. И. Чорос-Гуркин. Причиной стала их общественная деятельность и политические убеждения, не во всем совпадавшие с официальной линией советской власти. Власть преследует, в первую очередь, тех, кого подозревает в автономистских взглядах.

Вступление СССР во Вторую мировую войну заставляет советскую элиту пересмотреть отношение к основной этнической группе населения СССР, к русским. Став Великой Отечественной, война заставила советскую верхушку признать связь СССР с предшествующими государственными образованиями, включая Московское царство и Российскую империю. Большевикам пришлось начертать на советских знаменах и тем самым признать в лице Александра Невского, Александра Васильевича Суворова и участников Отечественной войны 1912 г. героев России досоветского периода. Власть делает послабления в отношении Русской Православной церкви. На рубеже 1940–1950-х гг. выходят публикации В. В. Мавродина и Д. С. Лихачева, посвященные истории и культуре Древней Руси. Усилиями С. А. Токарева и П. И. Кушнера (Кнышева) происходит реабилитация этнографии как науки, имеющей современное значение. Вместе с тем до самой смерти Сталина в 1953 г. то и дело возникали политические дела с «национальной» подоплекой. Их фактическая цель заключалась в поиске врага, на которого можно было бы возложить ответственность за просчеты, допущенные режимом личной власти Сталина в военные и послевоенные годы. Такова была, например, антисемитская компания в конце 1940-х — начале 1950-х гг.

Национальная политика этого периода советской истории противоречива. Социальная мобилизация первых десятилетий советской власти дала небывалый импульс социальной активности населения. Наиболее значительным его результатом стало резкое увеличение в 1940–1950-е гг. доли грамотных лиц,

³⁷ Зорин В. Ю., Степанов В. В., Тишков В. А. Этнокультурные процессы и этническая политика // Большая российская энциклопедия. М., 2004. Т. «Россия». URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/kollektivn3/bolshaya>

городского населения и промышленных рабочих среди всех народов СССР. Победа в войне и новый статус СССР, повышение его престижа позволили окончательно преодолеть международную изоляцию. Став членом сообщества Объединенных наций, Советский Союз после окончания Второй мировой войны принимает на себя обязательства по соблюдению норм международного законодательства, в том числе и тех, что касались прав человека.

Война сплотила людей, а память о жертвах, павших за независимость страны, скрепила общность народов СССР. Вокруг памяти о Великой Отечественной войне формируется представление о «герое своего времени». В этом качестве предстает на этот раз вполне достигаемый по своим моральным характеристикам «советский человек», прошедший войну. Именно вокруг этого образа в послевоенные годы формируется новый, советский, надэтнический тип гражданской идентичности.

Воспеваемый в художественных произведениях социалистического реализма, «советских по содержанию — национальных по форме», этот тип героя, как правило, являлся выходцем из «народа». Примечательно, что представление о «народе» утрачивает классовую пристрастность, свойственную революционному периоду советской истории. Сама принадлежность к «народу» уже не предполагала более обязательной принадлежности к благонадежной, с точки зрения советской власти, среде «эксплуатируемых низов».

Национальная политика СССР в период «расцвета и сближения наций»

Итак, базовыми чертами советской модели национального строительства можно считать идейные установки, проводимые советской властью в решении «национального вопроса»:

1) ориентацию на некапиталистический путь развития, что предполагало допущение возможности в относительно небольшом историческом отрезке «перепрыгнуть», т. е. сформировать и затем, в последующем целенаправленном развитии, преодолеть капиталистическую стадию общественных отношений;

2) фактическое признание коллективной субъектности в отношении определения вектора этнического развития народов СССР, логично вытекающее из понимания прав и свобод личности как части коллективного целого;

3) целенаправленное формирование гражданской общности, «советского народа», и соответствующего гражданского самосознания. Частью этой политики стало возникновение феномена советской идентичности и советского патриотизма.

После смерти Сталина начинается возврат к национальной политике раннего советского периода. По мере выхода из состояния международной изоляции после Второй мировой войны в сферу правового регулирования начинают

проникать нормы международного законодательства, в том числе и в области прав человека. Центральная власть от репрессий вновь возвращается к прагматичным методам государственного управления, к сотрудничеству с нерусскими коммунистами.

Как отмечает Л. М. Дробижева, одна из основательниц этносоциологии, ситуация коренным образом изменяется после XX съезда КПСС. По ее данным, в этнической структуре населения СССР в 1960-е гг. нерусские составляли 45 % населения³⁸. 14 народов (35 % населения страны) имели свои союзные республики, и в 12 из них титульный этнос составлял большинство³⁹. Кроме того, в административном делении имелось 20 автономных республик. В некоторых из них титульный этнос также составлял большинство⁴⁰.

Важную роль в разработке теории национальных отношений и реализации ее на практике принадлежала КПСС. В соответствии с декларируемыми ею принципами ленинской национальной политики использовались следующие подходы к решению проблемы межэтнической интеграции. Во-первых, это развитие национальных языков и расширение их социальных функций. При этом предполагалось, что использование родного языка будет дополняться использованием русского языка как языка межнационального общения. Во-вторых, это преодоление экономической отсталости окраин и выравнивание регионов и народов по социально-структурным параметрам. Советская власть осознавала, что без этого невозможно создать устойчивые внутренние экономические связи. Ей удалось создать в большинстве союзных и автономных республик индустрию и высокотехнологизированное сельское хозяйство. В-третьих, это пропаганда ценностей советского образа жизни и идеала советского человека, строителя коммунизма.

Образ «советского человека», выстраиваемый по лекалам советской идеологии, представлял собой идеологическую проекцию «народного» идеала, «раскрученного» кинематографом и литературой послевоенного периода. Чертами его личности считались сознательное отношение к труду, активная жизненная позиция, высокая дисциплина поведения, служение долгу, атеистическое мировоззрение, разносторонность материальных и духовных потребностей, интересов, запросов. Это предполагало значительный вклад государства в развитие человеческого потенциала, т. е. в рост экономической эффективности производства, в повышение качества медицинского обслуживания, в развитие всех форм и видов образования. Так, по материалам переписи 1959 г. на 1 000 человек якутской национальности (старше 10 лет) приходилось только 11 лиц с высшим образованием. Перепись 1970 г. показала значительный рост

³⁸ Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования). М.: Наука, 1986. С. 15.

³⁹ Там же. С. 34–35.

⁴⁰ Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. 2-е изд. М.: Финансы и статистика, 1982. С. 117–121.

числа лиц с высшим образованием: 33 человека на 1000⁴¹. Перепись 1979 г. опять продемонстрировала увеличение этого соотношения — на этот раз почти вдвое: 61 человек на 1 000⁴². В качестве отдачи государство в течение небольшого по историческим меркам периода получило улучшение качества жизни граждан, удлинение продолжительности жизни населения, рост образования и увеличение доли квалифицированных специалистов.

Как отмечали в своем реферативном обзоре С. Г. Климова и В. А. Чаликова, на рубеже 1950–1960-х гг. трудами историков на новую ступень было поднято историографическое изучение национальной проблематики. В 1967 г. создается Комиссия по изучению национальных проблем при Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР⁴³. Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. в СССР формируется этносоциология.

Рождению новой дисциплины, по воспоминаниям Дробижевой, помогли субъективные обстоятельства, в частности, вступление в середине 1960-х гг. Ю. В. Бромлей в должность директора Института этнографии АН СССР. Социология в тот период воссоздавалась усилиями историков, философов, психологов, экономистов и специалистов из других научных дисциплин. Так, Бромлей пригласил в Институт для развития нового научного направления Ю. В. Арутюняна, И. С. Кона, О. И. Шкаратана, которые основательно реанимировали социологию села, социологию личности и урбаносоциологию. «Первоначальные специальные интересы, — пишет Дробижева, — с которыми пришли эти и другие ученые в Институт этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде (ленинградцы Шкаратан и Кон впоследствии переехали в Москву), сыграли очень большую роль в формировании этносоциологии как научного направления, возникшего на стыке социологии и этнологии»⁴⁴.

Этносоциология, по мнению Дробижевой, «отпочковалась от исторической социологии, ибо и объект — современные народы, прежде всего урбани-

⁴¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1973. Т. 4. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. С. 433. Табл. 37. Уровень образования населения отдельных национальностей по РСФСР в 1959 и 1970 г. В указанной таблице данные о лицах с высшим образованием приводятся в соотношении на 1 000 человек в возрасте 10 лет и старше.

⁴² Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1989. Т. 4. Национальный состав населения СССР. Ч. II. Кн. 2. С. 41. Табл. 20. Уровень образования населения отдельных национальностей по РСФСР в 1970 и 1979 г. В указанной таблице данные о лицах с высшим образованием также приводятся в соотношении на 1 000 человек в возрасте 10 лет и старше.

⁴³ *Климова С. Г., Чаликова В. А.* Национальные отношения: Процесс осмысления в науке и общественном сознании // Межнациональные отношения в СССР: история и современность: Сб. реферативных обзоров. М.: ИНИОН, 1991. С. 17–44.

⁴⁴ *Дробижева Л. М.* Этническая социология в СССР и постсоветской России // Социология в России: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Высш. образование, 1998. С. 198.

зированные, — и предмет изучения у них существенно различались. Но в то же время исторический подход, стремление рассмотреть явления и процессы в исторической перспективе стали характерной чертой в этносоциологических исследованиях»⁴⁵.

В 1967–1973 г. происходит становление региональных этносоциологических школ, в том числе новосибирской школы этносоциологии. В 1967 г. на базе сектора математических методов в гуманитарных исследованиях, который находился в составе Института экономики Сибирского отделения АН СССР, формируется исследовательская группа под руководством В. И. Бойко. В дальнейшем эта группа при поддержке академика А. П. Окладникова была преобразована в сектор комплексных исследований проблем развития народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Первая этносоциологическая экспедиция была организована под руководством Окладникова для исследования образа жизни народов Амура в 1968 г.

В связи с 50-летием социалистической революции в 1967 г. был сделан вывод о построении в СССР развитого социалистического общества. В Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР» отмечалось, что за годы строительства социализма в СССР «на базе общественной собственности на средства производства, единства экономической, социально-политической и культурной жизни, марксистско-ленинской идеологии» сформировалась новая историческая общность, советский народ⁴⁶. В статье «Нация» Большой советской энциклопедии, которая создавалась в этот период, отмечалось: «В зрелом социалистическом обществе интенсивно протекает единый процесс расцвета и сближения наций. Подлинный расцвет происходит не на путях национальной обособленности, а на базе интернационализации экономики, политики и единой идеологии, а также формирования интернациональных черт в культуре, духовном облике социалистических наций. Поэтому расцвет наций способствует их сближению, а сближение наций усиливает их расцвет»⁴⁷.

В логике «расцвета и сближения наций» в СССР осуществлялась целенаправленная политика, направленная на уменьшение диспропорций между центром и периферией, на стирание различий в образовательном уровне и социально-профессиональном составе разных народов СССР. По воспоминаниям новосибирского этносоциолога Г. С. Гончаровой, в 1981 г. на базе Сибирских отделений Академии наук СССР, Академии медицинских наук СССР и ВАСХНИЛ была создана Региональная межведомственная комиссия по ко-

⁴⁵ Дробижева Л. М. Этническая социология в СССР и постсоветской России. С. 199.

⁴⁶ Об идеологической работе КПСС: Сб. документов. М.: Политиздат, 1977. С. 356–357.

⁴⁷ Калтахчян С. Т. Нация // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 17. С. 375–376.

ординации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народов Севера⁴⁸. Базовой организацией комиссии стал Институт истории, филологии и философии СО РАН. По признанию другого представителя новосибирской школы этносоциологии, И. В. Удаловой, в рамках Региональной межведомственной комиссии регулярно проводились заседания и научные конференции с участием исследователей и представителей власти регионального и общесоюзного уровня, в том числе Госплана, Совмина. «Руководители из автономий начинали рассказывать о своих проблемах, и тут же сидит министр, — вспоминает Удалова, — который за это отвечает, с которого за это можно спросить. А рядом сидит представитель Госплана, который эту деятельность должен распланировать. Создавалась исключительно благоприятная ситуация, которая позволяла создать вертикаль от теоретических посылов до конкретного приятия решений»⁴⁹.

Одним из самых ярких периодов в развитии новосибирской этносоциологии стал «бамовский» период. К его началу сибиряки уже имели опыт исследований на Нижнем Амуре (1968–1972), на Алтае (1972), в Хакасии (1973), Туве (1974). С середины 1970-х по середину 1980-х гг. были осуществлены исследования практически во всех регионах Сибири: в Читинской области, Якутии, Эвенкии, на Сахалине⁵⁰.

Между тем, как отмечал в тот период московский этносоциолог Ю. В. Арутюнян, непреодоленные различия, в первую очередь между городом и деревней, с возрастающей очевидностью обострялись с «запада» на «восток». Чем дальше на восток, тем острее ощущалась диспропорция в развитии между городом и селом⁵¹. Если в Прибалтике уже в советский период сложились агрогородские агломерации со сходной как в городе, так и в деревне структурой социальной и культурной жизни, то в других союзных республиках, особенно среднеазиатских, контраст между селом, в котором сосредотачивалась основная масса титульного населения, и городскими анклавами был чрезвычайно резок.

По его мнению, параметры национальной политики неискаженно выявлялись только через анализ социальной структуры наций⁵². По этому пути следовали в разработке социологического инструментария и новосибирские этносоциологи.

⁴⁸ История Новосибирской школы этносоциологии: Материалы «круглого стола» // Этносоциологию — молодым: Материалы Междунар. школы молодых этносоциологов / Под ред. Ю. В. Попкова, Е. А. Ерохиной. Новосибирск: Нонпарель, 2009. С. 14.

⁴⁹ Там же. С. 20.

⁵⁰ Там же. С. 19.

⁵¹ Арутюнян Ю. В. Выступление на круглом столе «Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы» // История СССР. 1987. № 6. С. 67.

⁵² Там же.

А. А. Сусоколов обратил внимание на следующую закономерность. В Советском Союзе социально-профессиональный состав национальностей имел следующую структуру: промышленные отрасли, особенно связанные с индустриальными и постиндустриальными технологиями, «осваивались» в основном представителями славянских народов: русскими, украинцами, белорусами. Активно участвовали в этом процессе также евреи и татары. Титульные этносы республик составляли большинство в сельскохозяйственных отраслях. В городах они концентрировались в управлении, культуре, науке, а также в таких престижных в то время сферах деятельности, как торговля и сфера обслуживания⁵³.

Как показали результаты исследований этносоциологов, сходство параметров социально-профессиональной структуры контактирующих этносов как результат выравнивания социально-культурного уровня и ускоренной социальной мобильности народов не всегда ведет к межэтнической солидарности. Оно может усиливать соперничество, поскольку выравнивает возможности наций в состязании. Поэтому естественно, что исторические результаты трансформации социальной структуры и интенсивной социальной мобильности народов — в силу их исключительной значимости для понимания национальных отношений — с самого зарождения отечественной этносоциологии были в центре ее внимания⁵⁴.

Другим значимым, представляющим интерес для социологов фактором, обусловившим особенности этнического развития народов СССР, явился демографический переход в воспроизводстве населения. Его ключевым механизмом стала трансформация семейно-брачных отношений от семьи патриархального типа к семье современного типа. В традиционном обществе, где преобладали простые и неспециализированные приемы труда, дети вовлекались в трудовой процесс относительно рано. Традиционный режим естественного воспроизводства был ориентирован на патриархальный тип семьи с многопоколенной структурой, высоким уровнем рождаемости и высоким уровнем смертности в раннем возрасте, всеобщей брачностью и низким уровнем разводимости, ранним вступлением в брак. В таких семьях ценилась многодетность и родственные связи, особо почитались старшие родственники — родители, деды, основатели рода.

В советский период режим демографического воспроизводства постепенно менялся в направлении принципиально иной семейной структуры — супружеской двухпоколенной семье (родители и малолетние дети), для которой характерны низкий уровень рождаемости и низкий уровень детской смертности,

⁵³ Сусоколов А. А. Социально-демографическое и этнополитическое развитие этносов. С. 57–58.

⁵⁴ Арутюнян Ю. В. Социальная мобильность и национальная вариативность в политическом сознании // Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: Учеб. пособие для вузов. М., 1998. С. 122–123.

средний уровень безбрачия мужчин и женщин, высокий уровень разводимости и повторных браков, относительно позднее вступление в брак. В обществе с высоким уровнем разделения труда и специализации семье экономически более выгодно вырастить меньшее количество детей, однако велико стремление дать им более высокопрофессиональную подготовку. Соответственно, в брак считается лучше вступить в более позднем возрасте, достигнув определенной статусной позиции и обеспечив детям более высокие стартовые позиции⁵⁵.

С точки зрения ученых-демографов, демографический переход сопровождается всеобщим процессом падения рождаемости и смертности в ходе урбанизации, модернизации и индустриализации общества. Условиями демографического перехода является стремительно возрастающий спрос на рабочую силу, потребность в эксплуатации женского труда, усиление специализации и увеличение срока получения образования, улучшение медицинского обслуживания и увеличение продолжительности жизни, «постарение» населения за счет падения рождаемости⁵⁶.

Существенно то, что демографический переход сопровождается рядом социальных процессов, в числе которых наиболее сильно влияют на изменение социальной структуры процессы урбанизации и миграций из села в город. Урбанизация — это процесс повышения роли городов в развитии общества, охватывающий изменения в размещении производительных сил, в населении, его социально-профессиональной и демографической структуре, образе жизни, культуре⁵⁷. Процессы урбанизации связаны с активным перемещением жителей сельской местности в города, распадом традиционных структур родства, формированием моделей поведения, ориентированных не на опыт старшего поколения, а на индивидуальные потребности и самостоятельный отбор оптимальной стратегии поведения в их удовлетворении.

Процессы урбанизации народов СССР и России отличались, по мнению А. А. Сусоколова, следующими особенностями. Бурный процесс экстенсивной урбанизация титульных этносов союзных республик протекал в 50–60-е гг. XX в., титульных этносов РСФСР — в 70–80-е гг.⁵⁸

К моменту распада СССР в завершающей стадии демографического перехода находились русские, евреи, татары и осетины⁵⁹. К настоящему времени эти этносы отличаются относительно высокой долей горожан (более половины в структуре этноса), низкими или средними темпами прироста их численности

⁵⁵ Сусоколов А. А. Социально-демографическое и этнополитическое развитие этносов. С. 66–69.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См.: Хорев Б. С., Смидович С. Г. Урбанизация // Демографический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985.

⁵⁸ Сусоколов А. А. Социально-демографическое и этнополитическое развитие этносов. С. 82.

⁵⁹ Там же.

(2 и менее ребенка в семье), относительно высокой долей лиц с высшим образованием.

Другую группу составили народы, близкие им по структуре демографического воспроизводства (финно-угорские народы, народы Поволжья, буряты, хакасы). Эта группа характеризуется тем, что доля городского населения в их структуре, состоящего из потомков горожан, а не сельчан, неуклонно увеличивалась на протяжении всего советского периода. Несмотря на высокий удельный вес горожан, их пропорциональное отношение не превышало половины в общей структуре этноса и поток приезжающих в город из сельской местности не исчерпан по настоящее время.

Третий тип составляют этносы, находящиеся на ранних стадиях урбанизации и начальной стадии демографического перехода. Численность горожан в их среде невелика (народы Средней Азии и Северного Кавказа, алтайцы, тувинцы). В советский период этот тип характеризовался слабым оттоком населения из сельского хозяйства в другие сферы деятельности при сохранении высокого уровня рождаемости. В постсоветский период, когда возникла проблема массовой безработицы на селе, сельское население начало стремительно мигрировать из сел в города, в том числе и за пределы своих государственных образований. Этим, в частности, объясняется высокий в настоящее время уровень миграции в российские города выходцев с Кавказа и стран Средней Азии.

Примечателен зафиксированный Сусоколовым у ряда этносов на рубеже 1980-х — 1990-х гг. рост в их структуре доли национальной интеллигенции и студенчества, превысивший рост доли горожан. К таким этническим группам относится большинство титульных этносов Кавказа, буряты, якуты, хакасы, калмыки⁶⁰. Данное обстоятельство представляется весьма существенным, если следовать ныне общепризнанной и весьма убедительной методологической установке французского исследователя М. Фуко, который полагал, что в современном обществе именно экспертное мнение, т. е. мнение людей с высоким образовательным уровнем, выступает в модусе обосновывающего социальные практики знания.

Уже в конце 1980-х гг. академик Бромлей вынужден был признать, что «расцвет» наций не предполагал их «сближения», а само оно подразумевает увеличение сходства, что не означает единства. Поэтому формула «сближения» должна быть заменена формулой «интеграции»⁶¹.

Следует согласиться с известным конфликтологом В. А. Авксентьевым в том, что результатами советской национальной политики стали следующие

⁶⁰ Сусоколов А. А. Социально-демографическое и этнополитическое развитие этносов. С. 84. Статистические таблицы составлены по материалам статьи: Захаров С. В. Демографический переход в России и эволюция региональных демографических различий // Семья и семейная политика. М.: ИСПЭН АН СССР, 1991. Вып. 1. С. 87–102.

⁶¹ Бромлей Ю. В. Выступление на круглом столе. «Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы» // История СССР. 1987. № 6. С. 53.

изменения: 1) создание этнических элит, заявивших о своем праве на власть в условиях кризиса советской государственности; 2) возникновение феномена титульных и нетитульных народов; 3) формирование обширного слоя интеллигенции в национальных регионах, занявших особую нишу в выражении этнического (национального) самосознания; 4) становление национального самосознания с акцентуацией проблемы национальной государственности; 5) становление особого рода этноэкономической стратификации (промышленное производство — преимущественно русские, особенно инженерно-технический потенциал, сфера управления, культура и образование, торговля и обслуживание — представители титульных наций или этнические меньшинства из других регионов)⁶².

Следствием этих процессов явилось формирование особого рода коллективного правосознания, получившего название этнической правосубъектности. Идея этнической правосубъектности была в значительной мере интегрирована в советскую идентичность. Пропаганда идеалов советского народа как новой исторической общности дала определенные плоды. Однако не всеми народами советская идентичность была воспринята равнозначно. Наиболее глубокий след она оставила у русских. Распад СССР поставил русских в ситуацию глубочайшего кризиса идентичности, который не преодолен до сих пор⁶³.

Пострадавшими от осуществления советской национальной политики осознали себя и репрессированные народы, разделившие «коллективную ответственность» с теми, кто случайно, а чаще всего по прямому принуждению оказался вынужден сотрудничать с немецкими властями в годы оккупации. Несмотря на реабилитацию, в их исторической памяти сохранились тяжелые воспоминания о годах депортации.

Особого разговора требует феномен нетитульных народов, а также тех народов, которые проживали дисперсно за пределами своих национально-территориальных образований. Ликвидация национально-культурных автономий дисперсных меньшинств в ранний советский период лишила эти народы возможности институциональной поддержки развития их культуры.

Конституция 1979 г. признала СССР «развитым социалистическим обществом», в котором национальный вопрос признавался решенным. Однако Всесоюзная перепись населения 1979 г. обнаружила резкое сокращение численности многих народов, в первую очередь коренных малочисленных народов Севера. Попытка, предпринятая в 1960-е гг., искусственными мерами, через укрупнение совхозов и переселение в крупные населенные пункты и райцентры населения из мелких сельских населенных пунктов, решить проблему раз-

⁶² Авксентьев В. А. Этнополитическая идентичность в постсоветской России как фактор конфликтогенности // Вестн. СевКавГТУ. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 1 (11). URL: <http://www.ncstu.ru>.

⁶³ Там же.

рыва в доступе к материальным и духовным благам горожан и сельчан привела к разрушению в ряде случаев ядра этнической культуры дисперсных и коренных малочисленных народов Сибири и Севера.

Деградация этнических культур проявилось в утрате интереса к традиционным занятиям и забвении традиционных знаний. Выросло целое поколение детей, прошедших обучение в школах-интернатах, которое оказалось не адаптированным к традиционным видам трудовой деятельности своих родителей. В то же время и к городской жизни не все из них смогли приспособиться. Обозначился межпоколенный разрыв в передаче знаний, имеющих этническую специфику.

Утрата опыта традиционного природопользования способствовала маргинализации представителей коренных малочисленных народов Севера. В постсоветский период в ряде регионов кризис крупных форм сельскохозяйственного производства и коллективной формы собственности не оставил людям никакой другой возможности заработка, кроме натурального хозяйства. Не все смогли приспособиться к такой ситуации. Это способствовало развитию форм социального иждивенчества, породило зависимость от социальных пособий и дотаций, которые полагаются представителям коренных малочисленных народов в силу тех обязательств, которые государство взяло на себя в соответствии с требованиями международного права в отношении этнических меньшинств.

Оценить однозначно последствия национальной политики в СССР невозможно. Эта политика представляет собой яркий пример институционализации и политизации этничности. В периоды эволюционного развития она выступала механизмом, инициирующим социальную инициативу. Однако в период кризиса советской системы проявился ее конфликтогенный потенциал. Разочарование в социальных идеалах, которыми жили поколения советских людей, поставило на грань кризиса советскую идентичность, которая в советский период уравновешивала гипертрофированный статус этничности. Однако наиболее роковым для советской системы обстоятельством стал отказ от принципа государственного патернализма. Не предложив внятных правил «игры» взамен прежних, государство в лице элит центра внезапно сняло социальную ответственность за будущее страны и переложило ее на плечи населения, которое жило ожиданием перемен к лучшему на рубеже 1980–1990-х гг.

Глава 33. Этнополитическое развитие народов России и формирование региональных моделей гражданской интеграции: опыт суверенизации (на примере Республики Саха (Якутия))

Выравнивание социально-структурных параметров развития народов СССР привело к усилению состязательности между представителями раз-

ных этнических групп, что в условиях кризиса советской модели развития стало дополнительным фактором социальной напряженности. Этнический ренессанс поставил под вопрос «советскость» как форму гражданской идентичности. Массовые национальные движения становились источником «возрождения» этнической и региональной идентичности. Не стали исключением и автономные республики Сибири. Свою роль в этих процессах сыграла «символьная» и властная элита национальных республик, сформированная за годы Советской власти. По данным Л. М. Дробижевой, подавляющее большинство представителей интеллектуальной элиты из числа представителей титульных наций в национальных республиках РСФСР были горожанами в первом поколении⁶⁴. У интеллигенции, имеющей сельское происхождение, этнический компонент самосознания более легко подвержен актуализации, тем более что в постсоветский период, когда этничность была легитимирована, владение национальным языком и культурой стало престижным ресурсом в новой социальной конъюнктуре⁶⁵.

Когда в 1990-е гг. пространство власти оказалось демонтированным Беловежскими соглашениями, функции центра, а вернее, множества центров, стали исполнять столицы «местного значения». Здесь, отеснив общественно-политические организации и национальные партии, аппаратная номенклатура взяла реванш как в отношениях с федеральным центром (представляя свои национально-территориальные образования), так и на местном уровне (выступая арбитром в локальных межэтнических и политико-идеологических конфронтациях)⁶⁶.

В этот период актуализация этнического и регионального самоопределения проходила в отрыве от отвергнутой в постперестроечные годы советской идентичности. В соответствии с социологической моделью интерпретации, берущей за основу теоретическое положение теории Э. Геллнера о конкуренции «высоких» культур за политическое доминирование в модернизирующемся обществе, плодотворной представляется гипотеза об асимметрии «высокой» общесоветской культуры и «высоких» национальных культур, сформированных в годы Советской власти, выдвинутая Л. В. Сагитовой. Эта гипотеза получила подтверждение в ее исследовании татарской этнической и татарстанской общереспубликанской гражданской идентичности в 1990-е гг.

⁶⁴ Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. С. 244.

⁶⁵ Сагитова Л. В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // ЭтноЖурнал. 2003. № 4. URL: <http://www.ethnonet.ru/lib/1003-01.html>

⁶⁶ Вьюницкий В. Национальные партии: конец начала или начало конца? // Этнополитический вестник (Этнополис). 1995. № 2 (8). С. 148–149.

Согласно этой гипотезе, напряжение между высокими темпами индустриализации и ориентацией выходцев из села на «традиционализм» в условиях асимметрии «высоких культур» проявилось в дискомфортном самочувствии представителей национальной интеллигенции — горожан в первом поколении — и выдвиженцев на административные должности — представителей титульной национальности из числа «коренных кадров», которые оказались в менее выигрышном положении в сравнении с русскоговорящими городскими жителями⁶⁷.

Действительно, образование и административная сфера в советское время были сильно русифицированы, что затрудняло доступ к быстрой карьере представителям национальных элит, для которых русский язык был неродным. Однако наличие универсального и общепонятного языка упрощало взаимодействие между элитами и властными институтами, в том числе и местными. Облегчало взаимопонимание и происходящее благодаря использованию русского языка подключение к общей, советской системе ценностей. Свободное владение русским языком обеспечивало доступ выходцам из различных этнических групп в эшелоны власти разного уровня, вплоть до самых высших.

Происходящая в условиях постмодерна реабилитация локальных культур рождает у элит стремление к обретению политического измерения своей самобытности. Получив «жизнь», «высокие» национальные культуры запускают собственные механизмы самовоспроизводства. Если в поисках объяснительной модели обратиться к другой концепции — теории семиозиса культуры Ю. М. Лотмана, обнаружится, что одним из ведущих механизмов указанного процесса является продуцирование смысловых конструкторов во взаимодействии со значимым «другим», образ которого является имманентным самосознанию данной культуры. В статьях, посвященных семиотике культуры, Лотман обратил внимание на существенное с точки зрения процесса межкультурного взаимодействия обстоятельство: доминирующая сторона взаимодействия приписывает себе центральное положение в культурной ойкумене, навязывая другой стороне положение периферии. В этой ситуации может проявляться неприязнь воспринимающего культурные образцы к тому, кто выступает источником заимствований. В момент изменения направленности взаимодействия «новая» культура начинает утверждать свою «древность» и расширять пространство воздействия, приписывая источнику заимствований атрибуты «недостойного хранителя» культурных ценностей, а себе — роль несправедливо обделенной «жертвы»⁶⁸.

⁶⁷ Сагитова Л. В. Указ. соч.

⁶⁸ Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю. М. Избр. ст. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 116–117; Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Избр. ст. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 329.

Данные процессы предполагают активную символическую деятельность локальных элит, которые начинают оспаривать сложившийся порядок⁶⁹. Изменение характера асимметрии по линии «господство — подчинение» в пользу национальной «высокой» культуры и в ущерб русскоязычной советской / российской нуждалось в легитимации населения национальных республик. Одним из способов такой легитимации стала эксплуатация этнической идентичности и формирование местными властями региональной гражданской идентичности титульного большинства населения национальных республик. Данные процессы коснулись и национальных республик Сибири — Республики Тыва и, как в рассматриваемом нами случае, Республики Саха (Якутия).

Специфика региона и особенности исследования

Республика Саха (Якутия) — субъект Российской Федерации, расположенный в северо-восточной части Азиатского континента. Ее территория составляет 3103,2 тыс. кв. км, что занимает 18% территории РФ. Более 2/3 территории республики находится за Северным полярным кругом. По данным переписи 2002 г., численность постоянно проживающего населения Республики Саха составила 949 280 человек. Несмотря на обширную площадь, территория Якутии слабо заселена. Плотность населения на ее территории в десятки раз ниже, чем в европейских регионах России.

Республика Саха является одним из национально-территориальных субъектов РФ. Хотя Конституция РФ гарантирует равноправие всех субъектов Российской Федерации, большинство из которых сформировано по административно-территориальному принципу, статус национальной республики или автономного округа дает больше полномочий в распоряжении землей и недрами, выстраивании самостоятельных отношений с субъектами РФ и международного права, в сфере налогообложения по сравнению, например, со статусом края или области. Последнее обстоятельство позволяет исследователям говорить об асимметричности федеративного устройства России⁷⁰.

Согласно Конституции Республики Саха (Якутия), данное образование является «демократическим правовым государством, основанным на праве народа на самоопределение» (ст. 1). Ст. 46 в качестве государственных языков называет якутский и русский (именно в такой последовательности). Ст. 41 Конституции РС(Я) позволяет приостановить действие федеральных законов и иных нормативно-правовых актов, если они нарушают федеральный или иной договор, регламентирующий распределение существующих между Россией и Ре-

⁶⁹ Каспэ С. И. Имперская политическая культура в условиях модернизации // *Полития*. 1998. № 3. С. 49–50.

⁷⁰ Иванов В. Н. Федерализм и безопасность государства // *Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сб. в честь Юрика Варгановича Арутюняна*. М.: Наука, 2004. С. 87–89.

спубликой Саха полномочий. В предыдущей Конституции Республики Саха (1992 г. с поправками и дополнениями от 1994 г.) характер отношений между Якутией и Россией и вовсе не вписывался в существующую правовую систему в отдельных, весьма принципиальных случаях. Так, согласно ст. 58 Конституции РС(Я) 1992 г., уже вступившие в силу законы РФ должны были проходить утверждение в Парламенте Республики Саха и вновь вступать в действие на территории Якутии.

Среди разных форм участия региональных властей в выборе курса развития РФ одной из важных является влияние на массовое сознание населения республики идеи «республиканизации». Исследования региональной прессы, проводимые В. К. Мальковой и ее коллегами, позволяют говорить об этой тенденции в распространении идеологием, отражающих позицию региональной элиты в отношениях с федеральным центром, в освещении СМИ. Первое, что обращает на себя внимание, это ориентация местного массового сознания не на всю Россию, а на собственную республику, отстаивающую свои права и достоинство перед федеральным центром, создание в этой связи и распространение определенных образов республики и России. Образ России — это уже не «мы», но и не «они». Довольно большое значение в прессе в 1990-е гг. придавалось информации о республиканских успехах в разных областях жизни. Идея гордости своими республиканскими успехами связывалась в пропаганде, как правило, с обретением республикой суверенитета⁷¹.

По этническому составу население республики старше 15 лет, согласно Переписи 2002, было представлено в основном якутами (саха) — 43,1 % и русскими — 42,6 %⁷². Среди других народов, проживающих на территории республики, довольно большими по численности группами представлены украинцы и коренные, в том числе и малочисленные, этносы Сибири (эвены, эвенки, татары, буряты, долганы, юкагиры). Сравнение показателей городского и сельского населения у якутов и у русских согласно переписи 2002 г. показало:

– преобладание русского городского над якутским городским населением (285 968 и 115 027 человек соответственно);

– доминирование якутского сельского над русским сельским населением (195 155 и 20 599 человек соответственно).

При этом в общей совокупности лиц с высшим образованием на территории Республики Саха доля лиц коренной национальности превышает аналогичные показатели у представителей русского этноса в регионе: 47,44 и 40,03 %

⁷¹ Малькова В. К. Республиканская пресса России: новая этнонациональная идеология // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня: Хрестоматия. Минск: Харвест, 2004. С. 10–13.

⁷² Население отдельных национальностей по уровню образования по субъектам Российской Федерации // Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. Т. 4. Кн. 2. Национальный состав и владение языками, гражданство. С. 1518. Статистика дана в отношении населения Республики Якутия старше 15 лет.

соответственно, если принять за абсолютную величину все население Якутии, имеющее высшее образование.

Статистические данные и предыдущие рассуждения позволяют говорить о якутском этносе как о стремительно урбанизирующемся, переживающем модернизационные процессы «переходного периода» в двойном смысле:

– от статуса автономной республики к статусу национальной республики в политико-правовом отношении;

– от традиционного общества к обществу, ориентированному на динамический идеал в социокультурном отношении.

Указанные процессы не обходят стороной и русское население края. Вытеснение русского языка из государственного управления и образования, конкуренция с языком титульной национальности наиболее чувствительно затрагивает интересы именно этой части населения национальных республик. В этой связи интерес вызывает проблема соотношения этнической и гражданской идентичности молодых жителей Республики Саха (русских и якутов), не затронутых идеологическим влиянием советского периода и в полной мере «вкусивших» плоды конструктивистской деятельности СМИ в 1990-х гг. Сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН в рамках проекта РГНФ № 04–03–00531а «Этносы Сибири в условиях современных трансформаций: этносоциологическая экспертиза» (руководитель — Ю.В. Попков) в 2004 г., по авторской методике Е. А. Ерохиной, было проведено социологическое исследование среди студентов Якутска. Его задачи заключались в оценке соотношения «национальной» и «этнографической» составляющих этнического самосознания студентов г. Якутска (русских и якутов), выявлении признаков, маркирующих этнические границы между двумя указанными группами респондентов, и актуальности этнического, сибирского регионального и гражданского общероссийского типов самоопределения в сравнительном аспекте.

Студентам вузов г. Якутска была предложена анкета социологического опроса, которая содержала открытые и закрытые вопросы. Опрос проводился методом случайной выборки. Всего в исследовании приняло участие 180 человек: 115 женщин и 65 мужчины. Все — студенты очных отделений вузов г. Якутска. В опросе приняли участие студенты педагогического (специальности «учитель начальных классов», «дошкольная психология и педагогика» — 14,6% респондентов) и физико-технического (специальности «радиофизика» и «энергетика» — 29,8%) институтов Якутского государственного университета, Московского (негосударственного) института современного искусства (специальность «дизайн» — 47,1%), педагогического колледжа (специальность «русский язык и литература» со специализацией по мировой художественной культуре — 8,5%). Таким образом, опросу подверглись студенты государственных высших и среднеспециальных учебных заведений, а также студенты негосударственного вуза.

По этническому составу участники опроса распределились следующим образом: саха (якуты) — 121 чел., русские — 42 чел., прочих национальностей — 17 чел. Среди студентов, попавших в последнюю из указанных в выборочной совокупности групп, были представители всех наиболее крупных этносов (кроме долган и татар), населяющих территорию Республики Саха.

Первая из указанных задач решалась посредством оценки значимости публичных и частных каналов трансляции информации о жизни своего народа, а также выявлением этноинтегрирующих и этнодифференцирующих характеристик, каждая из которых была отнесена к группе либо «этнографических», либо «национальных» признаков этноса, либо признаков смешанного типа (национальный характер, общие предки и история). Признаки, специфицирующие религиозные и биологические (внешность, цвет кожи, разрез глаз) особенности, не входили ни в одну из указанных групп признаков и анализировались отдельно.

В качестве публичных каналов трансляции информации были определены школа, литература и СМИ, т. е. институты вторичной социализации, посредством которых этническая информация передается опосредованно, через носителей профессиональной культуры. В качестве частных каналов выделились малая семья, старшие родственники и друзья семьи, сверстники (непосредственное неформальное окружение). Указанные каналы этнической информации были предложены участникам опроса на выбор в закрытом вопросе об источниках информации, из которых респонденты получают знания о жизни своего народа, его истории и традициях.

В качестве «национальных» признаков этноса были отобраны общность языка и единая территория, которые предлагались как варианты ответов на закрытый вопрос «Что объединяет Вас с представителями одной с Вами национальности?». Именно эти характеристики в наибольшей степени, по мнению ряда исследователей национализма (Э. Геллнер, Б. Андерсон), отражают суть национального принципа: «один народ — одно государство — одна культура». «Этнографические» же признаки этноса, уникально-специфические черты культуры, согласно исследовательской гипотезе, базируются на сходстве особенностей жилища, одежды и системы питания (система жизнеобеспечения), следовании одним обычаям и традициям (фольклор и обряд). Сходная логика анализа, хотя и в иной теоретической парадигме, присутствует в теории этноса Ю. В. Бромлея. Он говорил о необходимости различать этносоциальные организмы, для которых обязательными являются общность языка, территории и наличие государственности, и этникосы, для которых указанные признаки не обязательны. Общая история, особенности национального характера и поведения были отнесены в группу признаков смешанного типа. При этом мы исходили из представления о том, что многие из современных этносов являются одновременно нациями (в пределах своих государственных образований), диаспорами (вне их пределов) и сетями.

Вторая задача решалась посредством анализа ответов на открытый вопрос «Какие специфические особенности отличают представителей Вашего народа от представителей других народов?», которые сопоставлялись с ответами на закрытый вопрос о том, что объединяет респондентов с представителями «своего» народа. Кроме того, на эту задачу работал блок вопросов, связанных с языком (родной язык, язык обучения в средней школе, желаемый язык преподавания в вузе).

Третья из указанных задач решалась в проективном вопросе, который ставил респондента перед необходимостью определить, какие из предложенных на выбор типов идентичности (личностная, этническая, региональная, общероссийская) наиболее важны для него.

«Этнографическая» и «национальная» составляющие этнического самоопределения студентов Республики Саха (Якутия)

Для оценки того значения, которое имеют представители «высокой» национальной культуры в становлении этнической и региональной гражданской идентичности студенчества Республики Саха, в анкете был предложен следующий вопрос: «Из каких источников Вы получаете знания о жизни своего народа, его истории и традициях?». На этот вопрос были получены следующие ответы: средства массовой информации — 44,4% респондентов; книги — 40,5; семья — 37,2; школа — 33%; старшие родственники и друзья семьи — 16,6; сверстники — 8,8%. Как показывает статистика ответов, из шести указанных источников этнической информации явно доминируют публичные каналы ее трансляции: СМИ и книги занимают первое и второе места, с незначительным отрывом отстает школа. Среди приватных источников информации о жизни своего народа наиболее высок удельный вес значимости малой семьи. «Большая» семья и ровесники, судя по субъективным оценкам респондентов, играют в процессах этнической трансляции менее существенную роль.

При сопоставлении ответов респондентов, принадлежащих к различным этническим группам студенчества, удалось выявить некоторые интересные закономерности. Например, в группе русских студентов более половины опрошенных ориентировано на получение этнической информации из книг (52,4%) и СМИ (52,4%). Данные способы освоения этнической информации являются ведущими для русских участников опроса. СМИ и книги как источники информации о жизни своего народа имеют значение и для студентов саха: 43% упомянули медиаканалы; 39% — литературу. Указанные каналы трансляции этнической информации занимают 2-ю и 3-ю позиции для данной группы респондентов. Первое по значимости место студенты саха отводят «малой» семье — 44%.

В отличие от них лишь 16,6% русских респондентов из числа опрошенной студенческой молодежи ориентировано на «малую» семью как «кладезь» этнической информации. В этом смысле в более предпочтительном отношении оказывается школа: на нее ориентировались 21,4% русских. Школа для русских оказалась третьим по значимости источником получения знаний о жизни своего народа.

Тем не менее в процентном отношении доля русских респондентов, ориентированных на школу по данному вопросу, оказалась ниже аналогичной у студентов саха: 39% якутских студентов оценили школу как значимый канал этнической информации.

Статистика ответов показала, что такие private каналы трансляции этнической информации, как старшие родственники и сверстники имеют субъективную значимость для 16,6 и 8,8% респондентов. Якуты оценивают их выше, чем русские: старшие родственники и друзья семьи — 19% у якутов и 7,1% у русских, сверстники и друзья — 11 и 2,4% соответственно.

Интересно, что в группе представителей «прочих» национальностей дисбаланс между private и public сферой в трансляции этничности отсутствует. Так, 41% студентов в этой группе ориентирован на семью, тогда как 35,2% — на СМИ. Остальные каналы информации (кроме друзей и сверстников) имеют одинаковое влияние (23,5%). Отсутствие большого количества сверстников одной национальности среди студентов в указанной группе вовсе нивелирует значение данного института первичной этнической социализации.

Анализ ответов на поставленный в анкете вопрос позволяет зафиксировать следующие тенденции:

– неожиданно высокую значимость школы как канала трансляции этнической информации. Парадоксальность ситуации заключается в том, что учебной задачей школы является формирование универсальных, абстрактных, а не этноспецифических знаний;

– сравнительно узкий спектр каналов трансляции этнической информации у русских студентов в сравнении с другими группами респондентов. Ориентация на СМИ и литературу не предполагает обязательного неформального общения. Чтение, просмотр передач по ТВ, прослушивание радиопередач не влечет с необходимостью создания сетевых отношений межличностного взаимодействия. Это просматривается в низких показателях значимости private каналов этнической информации в этой группе респондентов.

– доминирование public каналов трансляции этнической информации над private. На этом фоне обращает на себя внимание то, что роль «малой» семьи как института первичной социализации продолжает сохранять довольно высокое значение.

Тезис о доминировании public сферы в трансляции этничности имеет особое значение. В его пользу говорит и преобладание совокупности ре-

спондентов, заявивших о том, что они получают информацию о жизни своего народа только в публичной сфере, над долей респондентов, получающих аналогичную информацию только в приватной сфере. И действительно, доля русских респондентов, получающих этническую информацию только по публичным каналам, значительно превышает долю русских участников опроса, пользующихся только приватными каналами: 76 против 12%. У якутов это соотношение также отражает указанную тенденцию, правда, в смягченном виде: 41 против 20,66%. Этот дисбаланс минимален в группе представителей «прочих» национальностей: 35 против 29,4%.

Значимость доминирования публичных каналов этнической коммуникации в оценках респондентов позволяет говорить о том, что культура русских и культура саха в Якутии в целом воспроизводятся усилиями профессионалов, прежде всего журналистов, учителей, работников культуры. «Высоким» культурам присущи авторский характер, профессиональное происхождение, высокая степень рефлексивности. Разумеется, этим они отличаются от традиционного творчества, анонимного по природе, фольклорного по происхождению, в высшей степени синкретичного.

Наличие «высокой» профессиональной культуры, обладание внешним «государственным» оформлением и трансляция в публичной сфере текстов, насыщенных этнической информацией, позволяет, в соответствии со сформулированной гипотезой, характеризовать в дальнейшем самосознание двух самых крупных этнических групп студенчества Республики Саха — русских и якутов — как самосознание представителей сформированных «высокой» культурой национальных общностей.

Значение русского языка как средства межнационального общения в Республике Саха в 1990-е гг. претерпело изменения в силу повышения статуса языка титульной национальности. Признание якутского языка в качестве государственного существенно подняло его престиж в республике. Так, по данным переписи 2002 г., якутским языком владели 446 704 жителей региона. Это чуть меньше половины населения республики, из числа которого якуты составляют 407 496 чел., русские — 9 662, эвенки — 15 428, эвены — 9 302, долгане — 1 217 чел.⁷³

И действительно, результаты опроса среди студентов Якутска показали, что для большинства его участников родным языком является якутский (60% респондентов). Для 54,4% опрошенных якутский язык является единственным родным языком. В качестве родного якутский язык был назван не только студентами саха (86% данной категории респондентов), но и немногочисленными в данной выборке представителями коренных малочисленных этносов.

⁷³ Итоги всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Кн. 1. Табл. «Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономным округам, автономным областям Российской Федерации».

Вместе с тем довольно значительная группа респондентов назвала в качестве родного русский язык — 42,2%. Родным считают русский язык практически 100% русских респондентов, 19% якутских респондентов (из которых 10,7% считают его единственным родным языком), а также большинство респондентов прочих национальностей (76,5% в этой группе).

Результаты опроса свидетельствовали о значительной роли русского языка в образовательном пространстве. Большинство студентов проходили обучение в школе на русском языке (52,2% всех респондентов). Таковых в нашей выборке оказалось 94 человека. Если принять это число за абсолютную величину (т. е. за 100%), то мы получим следующее распределение по этническому признаку: 43,6% русских; 42,5% якутов; 13,9% представителей прочих национальностей. Поскольку русские представлены в общей совокупности меньшим количеством респондентов, то указанные 43,6% — это практически все русские участники опроса. Что же касается якутов, то указанные 42,5% — это каждый третий респондент якут. На русском языке получили среднее образование и большинство участников опроса, которых мы условно отнесли в группу «представители прочих национальностей» — 76,5% от общего количества вошедших в эту группу респондентов.

Однако довольно значительная группа респондентов (39,4% всех участников опроса) проходила обучение в школе на двух языках: русском и каком-либо национальном (чаще всего на якутском). Таковых оказалось 71 человек. Если принять это число за абсолютную величину, то получим наибольшую долю в данной совокупности представителей якутского этноса — 95,7%. Остальные 4,3% — представители коренных малочисленных этносов.

Таким образом, более половины участников опроса якутской национальности получило среднее образование на двух языках (56% от общей численности респондентов саха). Каждый третий респондент саха получил образование на русском языке. Чуть более 10% опрошенных студентов саха обучались в школе только на родном языке.

Что касается русских респондентов, то большинство из них (97,6%) обучались в школе на русском языке. Только один русский респондент обучался в условиях двуязычия. Это позволяет предположить, что основная масса студентов саха — участников опроса — в школе обучалась отдельно от своих русских сверстников.

Хотя в системе высшего образования роль русского языка, по данным нашего исследования, возрастает, ориентация на двуязычие образования у молодежи титульного этноса красноречиво свидетельствуют о высокой роли национального языка в государственном строительстве, которое немислимо без соответствующего кадрового обеспечения. Свободное владение якутским языком, наряду с русским, расширяет спектр возможностей для более успешной карьеры молодого человека.

Однако родной язык способен выполнять не только утилитарно-прагматическую функцию. Конститутивные свойства национального языка в формировании наций достаточно полно освещены в исследовании Б. Андерсона «Воображаемые сообщества»⁷⁴. Он обращает внимание на то огромное влияние, которым обладает язык в процессе «воображения» символов национального единства.

Развитый национальный язык, способный обслуживать максимально широкий спектр общественных запросов, является признаком зрелости этнической общности в отличие, скажем, от совокупности диалектов, отражающих традиционное, «этнографическое» ее состояние. Критерием в этом случае является степень абстрактности, универсальности языковых средств, открывающих его носителям доступ в мир «высокой» культуры.

Примерно та же самая логика присутствует в дихотомии «родовая территория — административно-территориальное деление», когда речь идет о содержании такого значимого признака этнической общности, как единство территории. Дискурс власти символически преобразует физическое пространство в административную территорию, неоднородную по своим природно-ландшафтным и социокультурным характеристикам поверхность земли в однопорядковые и равнозначные единицы управления. Картографирование упрощает символизацию: территория государства предстает как силуэт, контуры границы которого очерчивают пространство власти.

Осознание единства языка и территории в самосознании отражает «национальную» степень развития этнической общности. В свою очередь, традиционные системы жизнеобеспечения и фольклор играют роль культурно-специфических индикаторов этнической общности в ее «этнографическом» (или «этническом», догосударственном) состоянии. Высказанные соображения позволяют интерпретировать ответы на вопросы анкеты, касающиеся выявления характеристик национального самосознания и маркеров этнических границ у русских студентов и студентов саха.

На вопрос «Что объединяет Вас с представителями одной с Вами национальности?» были получены ответы, которые наглядно демонстрируют значение общности языка и территории в качестве интегрирующих признаков этноса. 76% русских участников опроса и 65,2% саха отметили общность языка как признак, объединяющий их со своим народом. Языковой фактор занимает первую по значимости позицию среди других. Вторую по значимости позицию в распределениях ответов занимает общность территории: 58,6% якутов и 57% русских выбрали ответ «живем на одной земле».

⁷⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма: Пер. с англ. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 172.

Таблица 1

Что объединяет Вас с представителями одной с Вами национальности?
(данные приведены к % числу опрошенных)

	Саха, %	Русские, %	Другие, %	Всего, %
Говорим на одном языке	65,2	76	29,4	64,4
Имеем общих предков и общую историю	49,5	31	41	44,4
Обладаем сходными чертами характера	14,8	26	17,6	17,7
Обладаем сходными особенностями поведения	8,2	19	5,6	10,5
Живем на одной земле	58,6	57	70,5	59,4
Следуем одним обычаям и традициям	29	42,8	35,3	32,7
Исповедуем одну религию	8,2	21,4	23,5	12,7
Обладаем специфическими особенностями внешности	33,9	16,6	17,6	28,3
Обладаем специфическими особенностями одежды, жилища, кухни и т. п.	5,7	9,5	11,7	7,2
Всего	121 чел.	42 чел.	17 чел.	180 чел. 100%

«Этнографические» признаки этнической общности — специфика жизнеобеспечения, фольклор и обряд — в качестве объединяющих со своим народом получили в рейтинге респондентов 9-ю и 4-ю позиции. Вариант ответа «следуем одним обычаям и традициям» выбрали 42,8% русских и 29% саха. На специфику особенностей жилища, кухни, одежды обратили внимание 9,5% русских участников опроса и 5,7% саха.

Примечательно, что среди опрошенных не нашлось ни одного респондента, который бы идентифицировал себя со своим народом только на основании «этнографических» признаков этнической общности. В то же время 35 человек, что составляет 19,4% всех участников опроса, осуществляют процесс самоопределения только на основании «национальных» признаков, т. е. по общности языка и территории.

Этот показатель был получен следующим образом. Сначала были отображены респонденты, отождествляющие себя со своим народом только на основании общности языка. Затем была выявлена категория участников опроса, идентифицирующая себя только на основании общности территории. После этого

было определено число и этнический состав респондентов, которые осуществили самоопределение на основании только этих двух признаков в совокупности. Сумма численности в трех группах составила 35 человек: русские — 6 чел., саха — 24 чел., представители других национальностей — 5 чел.

Представляется, что у 19,8% респондентов саха (у 24 человек из 121 представителя якутского студенчества, попавших в выборку) этническое самосознание сформировано по типу национального, т. е. в опоре на общность языка и территории. Среди русских эти показатели ниже — лишь 6 человек из 42 русских студентов основывают свою идентичность только на «национальных» признаках этнической общности. Это 14,2% от общей численности русских участников опроса. В группе представителей «прочих» национальностей этот показатель составил 29,4%, т. е. 5 человек из 17. Впрочем, представленность последней группы в выборочной совокупности невелика, что уменьшает степень достоверности полученных по ней данных.

Табл. 1 отражает следующие тенденции в соотношении «этнографической» и «национальной» составляющих этнического самоопределения студенческой молодежи Республики Саха:

– этническое самосознание двух основных групп студенчества, якутов и русских, сформировано по смешанному типу. Оно опирается на концепты национальной общности языка и территории, этнографическую специфику обрядово-ритуальной деятельности и присущее для национальных и донациональных общностей в равной степени представление об общих предках и исторической судьбе. Однако доминирующим является национальный тип этнического самоопределения;

– сопоставление ответов русских респондентов и респондентов саха на указанный вопрос показало, что респонденты саха более единодушны в выборе интегральных характеристик своего этноса. Их видение собственной этничности более целостно. Ответы русских респондентов на этот вопрос отличаются плюрализмом мнений. Создается впечатление, что в этой группе участников опроса у каждого — свои критерии «русскости»;

– исследование показало невысокую значимость религии как признака самоидентификации представителей разных групп студенчества. Русские, правда, значение религии как интегрирующего признака своего этноса оценивают выше, чем якуты. В то же время расово-антропологические особенности представителей народа саха оказываются наполненными культурным содержанием, которое служит основанием для символического маркирования границ, позволяющих отличать «своих» от «других». Большинство же русских респондентов особенности своей внешности не оценивают как основу для солидарных отношений.

Оценка значимости признаков, обладающих дифференцирующим значением, представляется не менее важной задачей с точки зрения поиска символических маркеров этничности, чем поиск интегральных оснований «русскости»

и «якутскости». На открытый вопрос «Какие специфические особенности отличают представителей Вашего народа от представителей других народов?» были получены ответы, которые условно можно отнесены к одной из трех групп, о которых далее пойдет речь.

В первую группу были отнесены черты национального характера. Всего ответов было получено 37 (5 человек русских и 32 якута). Это означает, что каждый пятый пожелал провести границу на основании психологических особенностей представителей разных национальных групп. Это чуть больше, нежели доля респондентов, давших аналогичный ответ на вопрос о признаках, объединяющих представителей национальной общности. Полученные ответы на вопрос о дифференцирующих признаках «национальности» настолько различны, что делают проблематичной их типологизацию по каким-либо основаниям. Никакой определенной модели национального характера представителей той или иной группы в ответах не прослеживается.

Во вторую группу попали биологические особенности внешности: форма лица, цвет кожи, расовые особенности, цвет волос, разрез глаз, рост, телосложение. Всего подобных ответов на вопрос о дифференцирующих признаках своей национальной группы было получено 41 (12 русских и 29 якутов). Это составляет 22,7% от общего числа респондентов. Среди русских доля лиц, отметивших внешность как специфический признак отличия «своей» группы, составила 28,5%. Это больше в сравнении с долей ответивших аналогичным образом на предыдущий вопрос в этой группе (16,6%). Среди студентов саха доля лиц, отметивших признак внешности как дифференцирующий, составила 23,9%, что является более низким показателем в сравнении с ответами этой группы респондентов на вопрос о том, что объединяет их со «своим» народом (33,9%).

Самую большую группу ответов составили указания на культурную специфику национальных групп. Нет необходимости приводить все ответы. Достаточно упомянуть самые распространенные, среди которых указаны обычаи — 21,1% респондентов (24,8% якутов и 19% русских), традиции — 21,6% всех участников опроса (22,3% якутов и 28,5% русских), язык / речь — 15,5% студентов (16,5% якутов и 19% русских).

На основании приведенных данных можно прийти к следующим заключениям:

– признаками, очерчивающими границу между группами русского и якутского студенчества, являются употребление русского и якутского языков, особенности расово-антропологического строения (биологические признаки, приобретшие значение культурных характеристик) и традиционные обычаи;

– последний признак имеет, скорее всего, символическое значение, нежели нормативно-регулирующее, которое было ему присуще в традиционном обществе;

– на вопрос об индикаторах, отличающих представителей «своей» группы от «других», были получены примерно те же ответы, что и на вопрос о том,

что объединяет с представителями «своего» народа, правда, несколько в иных количественных соотношениях. Эти различия объясняются тем, что в одном случае был задан вопрос об этнодифференцирующих, а в другом — об этноинтегрирующих признаках. Кроме того, в первом случае был сформулирован открытый, а во втором — закрытый вопрос, что повлекло различия в алгоритмах формулировки ответов и, как следствие, в количественных показателях.

«У вас в России...»

Возможен ли конфликт гражданских лояльностей в вопросе о приоритете республиканского и общедоверительного? Может ли этот конфликт быть интерпретирован (на уровне «здравого смысла») в этнических терминах?

В одном из вопросов анкеты респондентам была предложена проективная ситуация, предполагающая знакомство с гражданином другого государства. В вопросе содержалась просьба рассказать о себе. Респондентам предлагалось разместить по степени значимости для них (в порядке убывания от 1 до 4) характеристики, связанные с личностной идентичностью (фамилия, имя, отчество), этничностью, региональной (сибирской) и общероссийской гражданской идентичностью. После соответствующей статистической обработки вторичному анализу подверглись самые значимые идентификационные характеристики, те, которые по степени важности респонденты поставили на 1-е и 2-е места (табл. 2).

Таблица 2

Иерархия идентичностей русских и саха
(данные приведены к % числу респондентов)

	Русские, %	Саха, %
Личностная идентичность на 1-й позиции	59,5	65,2
Личностная идентичность на 2-й позиции	14,2	8,2
Этническая идентичность на 1-й позиции	23,8	10,5
Этническая идентичность на 2-й позиции	28,5	22,3
Сибирская идентичность на 1-й позиции	7,1	9
Сибирская идентичность на 2-й позиции	26,1	25,6
Российская идентичность на 1-й позиции	9,5	9
Российская идентичность на 2-й позиции	23,8	31,4
Всего	42 чел.	121 чел.

Как видно из табл. 2, большинство показателей у русских и якутских студентов совпадают. Как одни, так и другие строят самоопределение исходя из

собственной индивидуальности. Представители обеих групп в равной мере ощущают себя сибиряками. В то же время у русских респондентов большая, в сравнении с группой студентов саха, доля участников опроса, пожелавших отметить этничность как приоритетную самохарактеристику. В данном вопросе 23,8% опрошенных русских поставили этническую идентичность на 1-ю по степени значимости позицию в самоидентификации. Среди саха таковых оказалось лишь 10,5%. Около 28,5% русских студентов отметили этничность на второй позиции при ответе на этот вопрос. Среди студентов саха так поступили 22,3%. Оказалось, что принадлежность к своему этносу значима для 52,3% русских участников опроса, присвоивших этничности 1-е и 2-е по личностной значимости места в рейтинге идентичностей, тогда как у студентов якутской национальности аналогичный показатель ниже — 33%.

Более высокая значимость этнической идентичности для русских студентов в Якутии сочетается с более низким, в сравнении с саха, стремлением к идентификации с Россией. Общероссийская идентичность оказалась более значимой для студентов саха, 31,4% которых поставили ее на 2-ю по значимости позицию. Принадлежность к России значима для 40,4% якутов, присвоивших общероссийской идентичности 1-ю и 2-ю по важности позиции в указанном рейтинге, тогда как у русских таковых оказалось 33,3%.

Таким образом, можно дать некоторые штрихи к портрету двух этнических групп студенчества Якутии: русских и саха. Студенты титульной национальности, судя по данным опроса, вполне комфортно ощущают себя и сибиряками, и гражданами России. Они не испытывают явного противоречия между идентичностями. Скорее, напротив, они ощущают преимущества, которые им дает «принадлежность» и к своему этносу, и к Сибири, и к России.

Русские же студенты в Якутии склонны отдавать приоритет этническому самоопределению среди прочих категорий социальной самоидентификации. Однако их представления о «русскости», оцениваемые по шкале «единство мнений — плюрализм мнений», тяготеют к последнему полюсу. Все это в сочетании с отсутствием широких сетевых отношений на этнической основе и доминированием публичных каналов трансляции этнической информации позволяет говорить о русских в Якутии как о национальной общности со слабой социальной самоорганизацией. В то же время титульный этнос в Республике Саха может быть описан в категориях и национальной, и этнокультурной общности.

В ответах русских респондентов не содержится проекции на всю Россию как родину, «отечество всех русских»: слишком она далека и в пространстве (как территория исторического ядра российского государства), и в горизонте социальных отношений (как пространство власти). «У вас в России...»: так нередко говорят русские, живущие в Якутии⁷⁵. По данным Л. М. Дробижевой,

⁷⁵ Дробижева Л. Н. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М.: Ин-т социологии, 2002. С. 220–221.

только треть русских является уроженцами республики. Еще примерно треть живет там менее 20 лет, остальные — еще меньше. Многие из них приехали туда за заработками и не всегда чувствуют себя местными жителями. В их идентификационной матрице, как считает известный этносоциолог, преобладает российская идентичность. В то же время Дробижева обращает внимание на интенсивность этничности, которая, судя по результатам исследований, проводимых ею вместе с коллегами в 2002 г. в Республике Саха, конкурирует с российской идентичностью практически на равных.

Результаты исследования, полученные новосибирскими этносоциологами в середине 2000-х гг., после завершения «парада суверенитетов», отчасти подтвердили выводы московской коллеги в отношении значимости этнической идентичности в системе самоопределения жителей данного региона. В то же время «студенческая» специфика избранной для исследования группы респондентов наложила определенный отпечаток, что проявилось, в частности, в доминировании личностной идентификации над социальными идентичностями, ориентации на «внутреннее», индивидуальное самосознание. Вместе с тем российская идентичность конкурирует с этнической только у студентов саха. У русских студентов явно лидирует этничность, оставляя российскую идентичность «в тени». Поэтому говорить о конкуренции локальной и общероссийской идентичности среди представителей различных этнических групп студенчества Якутии вряд ли уместно.

Пожалуй, корректнее всего будет предположить, что в идентификационной матрице представителей студенчества титульной национальности актуализированы в равной степени все типы идентичностей, предложенные участникам опроса разработчиками исследования: личностная идентификация и этничность, сибирская и общероссийская идентичности. У представителей же русского студенчества наиболее актуализирована этничность.

Имеется много общего в том, как транслируется этничность у русских и якутских студентов. Но есть и отличия, одно из которых заключается в том, что значительная часть русского населения в Якутии оказалась вне частных каналов трансляции этничности (вдали от малой родины, вне семейно-родственной структуры). Очевидно, институт «малой» семьи не мог в полной мере справиться с задачей этнической социализации молодого поколения русских. Отсутствие навыка позиционирования в структуре «большой» семьи в тех или иных семейных ролях, недостаток опыта символического участия в обрядах жизненного цикла (крестинах, инициациях, свадьбах, похоронах родственников), недооценка роли родственных связей в локальных сообществах — эти и другие причины объясняют слабую согласованность коллективной позиции русских участников опроса в выборе критериев собственной этничности. Данная тенденция проявилась в плюрализме их ответов на вопрос об этноинтегрирующих признаках.

Якутская молодежь в выборе критериев собственной этничности имеет возможность опереться и на авторитет своей традиционной культуры (инсти-

тут бабушек и дедушек), и на государственный ресурс суверенизации (в области языковой и кадровой политики). Дополнительным источником патриотизма является историческая память в лице конкретных представителей своего народа. Студенты саха могут знакомиться с образцами своей этнической культуры в спектре от фольклорных артефактов до продуктов профессионального творчества. Культурные же основания собственной этничности отбираются русскими студентами произвольно преимущественно из обширного фонда «высокой» российской культуры, профессиональной по характеру и авторской по происхождению.

Стремление дать образование детям за пределами Якутии, старение русского населения в республике отразилось и на численном соотношении представителей русского и якутского этносов в среде студенческой молодежи: хотя русские в Якутии незначительно уступают по численности представителям титульного этноса, соотношение русских и саха среди студентов составило в выборке данного исследования соотношение 1 : 3.

В новейших исследованиях, посвященных постсоветской истории, делается акцент на изучение «жизненного мира» отдельного человека и окружающей его социальной среды в «интерьере» социокультурных и геополитических «декораций». В какой-то мере удалось реализовать указанный подход в данном исследовании. Это проявилось, в частности, в выдвижении гипотезы, объясняющей относительно невысокую значимость гражданского патриотизма в отношении России у русских студентов, в сравнении со сверстниками саха, в той поддержке, которую власти Республики Саха, одного из самых северных субъектов РФ, оказывают студенческой молодежи. На эту помощь в большей мере рассчитывают студенты титульной национальности. На их стороне — ресурс суверенизации и многочисленные родственные связи в городах и улусах республики. Свободное владение ими якутским и русским языком, рекрутирование элит по земляческому и родственному принципу — вот преимущества, которыми располагают студенты саха в перспективе конкуренции за рабочие места с русскими сверстниками. Русские же студенты в Якутии должны рассчитывать в первую очередь на собственные силы и возможности своих родителей и родственников, в том числе и за пределами республики.

Молодежь титульного этноса имеет больше оснований смотреть в будущее с оптимизмом, чувствовать поддержку со стороны большой многопоколенной семьи, надеяться на содействие республиканских властей. Прагматический смысл наполняется символическим содержанием: родная земля, земля предков способна стать жизненным ресурсом в обстоятельствах «переходного» периода. Идентификационный потенциал гражданской составляющей самосознания базируется на представлении о ценности родины. Это не исключает принципа личностной, персональной национальной автономии. Однако по своей мобилизационной силе он не равен патриотизму, основанному на чувстве групповой солидарности.

Глава 34. Этносоциальное развитие народов Сибири в постсоветский период (1990-е — первая половина 2000-х)

Динамика и направленность изменений в условиях жизни народов Сибири в постсоветский период

Среди проблем, с которыми столкнулось российское общество в постсоветский период, наиболее значимыми, на наш взгляд, явились следующие:

– сохранение единства страны, совершенствование принципов федерализма и поиск новых оснований гражданской солидарности;

– демографическое «сжатие» русского этноса и «выталкивание» русских с национальных окраин. Эти процессы сопровождаются массовой миграцией соотечественников из России и стран СНГ за пределы пространства бывшего СССР;

– спад промышленного и сельскохозяйственного производства, изменение отраслевой структуры народного хозяйства, переориентация экономики на экспортно-сырьевую специализацию.

При существенном спаде производства трудоспособное население Сибири ради выживания в 1990-е — начале 2000-х гг. перемещалось в непродовольственные отрасли, домашнее хозяйство, торговлю, становилось безработным и жило на пособия по безработице. Как следствие, уменьшались поступления в местные и региональные бюджеты, регионы становились дотационными, компенсируя недостающие финансовые ресурсы за счет регионов-доноров, имеющих в основном экспортно-сырьевую ориентацию (например, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов). За годы реформ в Сибири сохранилась численность работников нематериальной сферы, в том числе работников здравоохранения, образования, культуры. Существенно возросло число студентов вузов и учащихся средне-специальных учебных заведений. Однако надо иметь в виду, что после их окончания большинство молодых людей сталкиваются с проблемой трудоустройства, вынуждены работать не по профессии либо переучиваться, пополнять армию безработных и временно работающих, становиться домохозяйками, теряя при этом свой образовательный потенциал⁷⁶.

Негативные тенденции спада в отраслях промышленного производства при некотором оживлении отдельных направлений в нематериальной сфере отразились на социальной сфере. Сократилось бюджетное финансирование культуры, образования, здравоохранения, что привело к уменьшению числа учреждений социальной сферы, возникновению феномена платного образова-

⁷⁶ Попков Ю. В., Костюк В. Г., Тугужекова В. Н. Этнотипы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск: Нонпарель, 2003. С. 20.

ния и коммерческих медицинских услуг, возросли расходы на оплату жилья, коммунальных и транспортных услуг. О снижении жизненного уровня населения за годы реформ можно судить по негативной динамике покупательной способности населения. В условиях социально-экономического кризиса усилились социальные аномалии: алкоголизм, преступность, суицид, психические расстройства, распад семей и т. п. В наибольшей мере эти негативные явления затронули молодежь⁷⁷.

Резкое снижение в годы реформ уровня жизни большинства населения Сибири и рост тревоги за свое будущее и будущее своих детей в период социальной нестабильности не могли не сказаться на здоровье населения, отношениях в семье и на демографических процессах в целом. Демографические процессы у народов Сибири за годы реформ также характеризуются преобладанием негативных тенденций: ростом смертности, снижением рождаемости, высокой младенческой смертностью, ухудшением здоровья взрослых и молодого поколения. Во многом они обусловлены социальным неблагополучием и нестабильностью, сопровождавшей российское общество на протяжении 1990-х — начала 2000-х гг.⁷⁸

Парадоксально, но эти обстоятельства стали источником не только социальной аномии и депрессии населения, но и роста его социальной активности, становления гражданской ответственности, формирования зрелой позиции по ряду существенных вопросов социальной жизни, в том числе и в этнической сфере. В социально-культурной сфере отмечаются позитивные изменения: подъем интереса к своей этнической принадлежности, возрождение интереса к родному языку, традиционным верованиям, духовной культуре своего народа. Представители коренных для Сибири народов получили возможность поддерживать свой интерес к родной культуре через национально-региональный компонент системы общего и среднего образования, систему дополнительного образования.

В 1996 г. Государственная дума Российской Федерации приняла закон «О национально-культурных автономиях», который позволил осуществлять задачи сохранения и возрождения этнических культур через систему общественных организаций, посредством которых начал реализовываться принцип персонального, экстерриториального самоопределения. Этот закон позволил дополнить территориальный принцип национально-культурной автономии экстерриториальным и, таким образом, в полноте осуществить нереализованную между 1917 и 1922 г. универсальную модель национального самоопределения. Кроме того, благодаря этому закону частично удалось «снять» проблему политизации этничности, гипертрофированную в период «парада суверенитетов». В условиях, когда объем миграционных потоков существенно возрос, национально-

⁷⁷ Попков Ю. В., Костюк В. Г., Тугужекова В. Н. Этнос Сибири... С. 21–28.

⁷⁸ Там же. С. 28, 41.

культурные автономии и национальные организации стали оказывать помощь землякам в обустройстве на новом месте, выступать в качестве посредников между представителями диаспор и органами государственной власти.

Определенный ренессанс пережили на новом этапе общественного развития родовые, традиционные для монгольских, тюркских и северных этносов, структуры. Они получили институциональный статус в национальных регионах в качестве общественных объединений, таких, например, как «Движение родов хакасского народа» в Республике Хакасии или зайсанат в Республике Алтай.

Ряд процессов трудно оценить однозначно. Так, согласно Всероссийской переписи 2002 г., расширился список национальностей, проживающих на территории Сибири. В целом по России Перепись 2002 выявила 68 новых этнических категорий. В частности, в Республике Алтай независимыми от алтайцев себя записали челканцы, кумандинцы, тубалары, телеуты, теленгиты.

По данным Р. Г. Рафикова, среди этнических меньшинств Сибири ускоренными темпами развивались урбанизационные процессы. Так, прибывающие в Красноярский край мигранты старались закрепиться в крупных городах, формируя анклавы по этническому признаку, в то время как численность проживающих на селе старожильческих народов Красноярья стремительно уменьшалась из-за отъезда молодежи в города и «старения» населения. Следствием этого стало неуклонное сокращение числа мест их компактного проживания⁷⁹.

Резко сократилась численность еврейского и немецкого сообществ Сибири. Такая убыль связана с миграционной политикой Израиля и Германии, открывших в 1990-е гг. возможность российским евреям и немцам вернуться на историческую родину. Не следует забывать и о том, что социально-экономическая ситуация в России этого периода буквально выталкивала не только стариков, но и молодежь в поисках лучшей доли за пределы страны.

Не обошел Сибирь и «парад суверенитетов». В этом смысле более других выделяются Республика Саха (Якутия) и Республика Тыва. Так, по данным исследований региональных СМИ, предпринятых В. К. Мальковой в 1995 г., в выступлениях региональных идеологов Саха (Якутии) и Тывы наблюдаются следующие тенденции. Во-первых, это ориентация массового сознания не на всю Россию, а на собственную республику. Во-вторых, освещение с определенных позиций процесса национального возрождения титульного народа. Утверждая идею своей государственности, идеологи акцентировали в массовом сознании признаки суверенизации — новые символы, новую конституцию, новые законы. Республиканские успехи связывались, как правило, с обретением суверенитета⁸⁰.

⁷⁹ Рафиков Р. Г. Этносоциальные процессы в Красноярском крае // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. Вып. 8. С. 298–304.

⁸⁰ Малькова В. К. Указ. соч. С. 10–12.

Однако, если не считать отдельных инцидентов в конце 1980-х гг., в целом национальные регионы Сибири отличала стабильная ситуация в межэтнических отношениях. Это не исключало латентной напряженности, которую фиксировали при проведении исследований Л. В. Анжиганова в Республике Хакасия, Р. Г. Рафиков в Красноярском крае, В. В. Мархинин и И. В. Удалова в Ханты-Мансийском автономном округе⁸¹.

Тем не менее даже в условиях перераспределения полномочий между республиканскими органами власти и федеральным центром местные элиты выступали от имени всего населения республики (региона) с позиций общегражданского единства всех народов того или иного субъекта РФ. Обращаясь по разным поводам к населению своих республик в начале 1990-х гг., региональные лидеры использовали консолидирующую лексику: «сограждане», «наш многонациональный народ», «жители нашей многонациональной республики» и т. п. Тем самым в массовом сознании утверждалась идея единого народа независимо от этнических и конфессиональных различий в республике или регионе⁸².

Таким образом, несмотря на негативные последствия социально-экономического кризиса, осложнившего и без того непростую этносоциальную ситуацию в ряде регионов Сибири, можно отметить сохранение стабильности в межэтнических отношениях в постперестроечный период, отсутствие локальных войн, становление локальных и региональных межэтнических гражданских сообществ.

Распад СССР и этносоциальные процессы у русских

Накануне распада СССР русские имели следующие социально-демографические показатели. Во-первых, в среде русских завершился демографический переход, снизились темпы естественного прироста, население в основном переместилось из села в город. Во-вторых, изменилась структура занятости русского населения. Если в начале XX в. сельское хозяйство представляло собой преимущественную сферу занятости русского населения, то уже в 50–60-е гг. XX в. доля занятых в этой сфере резко сократилась в связи с политикой так называемого «укрупнения» сельских населенных пунктов. В городе русские осваивали в основном сферы деятельности, связанные с промышленным производством и социально значимой деятельностью: образованием, культурой, СМИ, медициной. В-третьих, наметились изменения в миграционном поведении рус-

⁸¹ Анжиганова Л. В. Тюрки Южной Сибири: оценка исторического прошлого и перспектив развития // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. Вып. 8. С. 144–147; Мархинин В. В., Удалова И. В., Выдрина Г. А. Роль национально-культурных объединений в межэтническом сообществе Югры // Там же. С. 261–266; Рафиков Р. Г. Этносоциальные процессы в Красноярском крае // Там же. С. 298–304.

⁸² Малькова В. К. Указ. соч. С. 11.

ских: экстенсивный вектор миграции стал меняться на противоположный. В конце 1980-х гг. отток русского населения из РСФСР замедлился, а после распада СССР въезд из союзных республик в РФ начал преобладать над выездом.

Считается, что главным фактором, обусловившим процесс выезда русских из бывших союзных республик СССР, стало ухудшение межэтнических отношений. Действительно, выравнивание параметров социальной структуры разных народов создало ситуацию социальной состязательности между русским и титульным населением национальных республик. Несомненно, что для многих народов такая политика имела позитивное с точки зрения их этнического развития влияние. Однако русских в национальных республиках она ставила в менее выгодные условия.

Данная ситуация компенсировалась тем, что русским, занятым в основном в производстве и социально значимых областях деятельности, а также в армии и органах правопорядка, предлагались выгодные материальные условия труда и жизни (высокий заработок, социальные льготы). Однако в условиях чудовищной инфляции рубля и отказа от политики социального патернализма в перестроечный и постперестроечный периоды все эти выгоды оказались «съеденными» последствиями экономического кризиса.

Трансформация экономических основ социальной структуры изменила представления о престижном и непрестижном труде. Это отразилось на структуре отраслевой занятости населения. Если в Советском Союзе наибольшим престижем (по крайней мере среди мужской части населения) пользовались профессии инженера, высококвалифицированного рабочего, военного, то в постперестроечное время доминантой в профессиональной ориентации становится занятость в сфере коммерции, торговли и обслуживания. В постсоветское время интересом у населения пользуются профессии, ориентированные на извлечение коммерческой прибыли. Сферы занятости, связанные с социально значимой деятельностью, утрачивают свою привлекательность для значительной части населения из-за низкой оплаты труда. Спад производства привел к тому, что огромное число социально активного и трудоспособного населения бывшего СССР осталось не у дел, а его профессиональные навыки — невостребованными.

Перестроечные ожидания не оправдались. Напротив, многие столкнулись со значительными материальными трудностями. Это также послужило причиной общественного разочарования в разных социальных группах населения каждой национальности. Социальная депрессия, охватившая широкие слои населения на рубеже XX и XXI в., как показывают данные московских этносоциологов, наиболее заметно выражена за пределами России, и больше всего — у русских⁸³.

⁸³ Арутюнян Ю. В. Социальная структура // Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. С. 115; Арутюнян Ю. В. Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции // Социологические исследования (Социс). 2010. № 12. С. 42–48.

В постперестроечные годы стал меняться социальный климат в России и странах СНГ. Патриотизм и чувство гражданского достоинства, гордость за достижения советского периода были переведены в негативные оценочные категории, нередко осуждались как проявление «имперскости», «великодержавности» и «шовинизма». Что в этих оценках «русскости» было справедливым, а что служило поводом для дискриминации русских, сейчас трудно сказать. Отказ России как преемницы СССР от статуса супердержавы, принятие роли регионального лидера, которую далеко не всегда ей удавалось играть в постсоветских локальных конфликтах, — все это негативно отразилось на социальном самочувствии русских не только за пределами России, но и внутри нее.

Поскольку в структурах этнического и национального самосознания значительную роль играет не только психология, но и идеология, укрепление авторитета России на международной арене, забота о собственных гражданах, восстановление отраслей хозяйства, развитие которых было заморожено в 1990-е гг., стало во второй половине 2000-х гг. источником позитивных социальных ожиданий. Острые проблемы начинают постепенно разрешаться, однако «неприятный осадок» остался. Он обернулся ответным национализмом русских по отношению к нерусским гражданам России и выходцам с Кавказа и Средней Азии, в ряде случаев — расизмом по отношению к иностранным студентам из стран «третьего мира», появлением «языка вражды» в СМИ, регулированием миграционных потоков теневыми и коррупционными структурами. Эти и другие проблемы до настоящего момента не преодолены.

Этнические границы в межэтническом сообществе (на примере Республики Хакасия)

Проблема межэтнического согласия остается одной из самых актуальных проблем развития российского общества. В период середины 1990-х — начала 2000-х гг., когда она стояла наиболее остро, позитивную роль с точки зрения снижения потенциала межэтнического напряжения в ряде регионов сыграл процесс становления региональных гражданских сообществ и региональной идентичности. В этом плане определенный интерес представляет опыт регионального сообщества Республики Хакасия, полиэтничного субъекта РФ, национально-территориального образования на юге Сибири.

Под региональным сообществом понимается историко-культурная общность, существующая в территориальных границах, очерченных естественно-географическими и политико-административными либо государственными границами, и идентифицирующая себя на основании проживания на территории, границы которой очерчены на ментальной карте в сознании населения региона. Основанием для солидарности членов такого сообщества являются особенности индивидуальной биографии жителей региона: их жизненных историй, любви к малой родине, сходных практик поиска и обретения доступа

к доходам, образованию, профессиональной карьере. Особые условия жизни формируют стандартизированные повседневные практики и близкий на уровне предметов освоения обыденной реальности жизненный опыт.

Следуя традиции, сложившейся в изучении регионов, мы понимаем под региональной идентичностью совокупность культурных отношений, связанных понятием «малая родина»⁸⁴. С этой точки зрения определенный интерес вызывает позиция М. П. Крылова, который считает, что в региональной идентичности сочетаются аспекты собственно пространства и «силы» идентичности, где уместен термин «местный патриотизм». Полагая патриотизм априорной категорией, он подчеркивает, что успех российской модернизации может и даже должен опираться на укорененность, местное самосознание и региональные традиции⁸⁵.

Термин «межэтническое сообщество» был заимствован нами у В. В. Мархина и И. В. Удаловой — исследователей межэтнических сообществ Югры⁸⁶. И хотя этот термин использовался ими в отношении локальных сообществ, думается, что его эвристический потенциал может быть востребован и применительно к изучению региональных сообществ.

О границах в этнокультурном значении писали П. И. Кушнер, М. М. Бахтин, Ф. Барт, Дж. Армстронг, В. А. Тишков, Л. М. Дробижева. Общим постулатом как теоретических, так и эмпирических исследований этнических границ является положение, что выраженная этническая граница связана со снижением этнической толерантности и накладывает ограничение на межэтническое взаимодействие, тогда как «сглаженная» граница, предполагающая наличие контактных зон межэтнического взаимодействия и консенсуса по поводу базовых ценностей, формирует зону «согласия»⁸⁷. В то же время полное размытие этнической границы является негативным фактором, так как, с одной стороны, чревато ассимиляцией и полным исчезновением культурной группы, с другой стороны, может нарушить традиционно сложившуюся этносоциальную структуру, в рамках которой уже выработаны оптимальные модели гражданского консенсуса и которая сама по себе является символическим капиталом межэтнического сообщества.

⁸⁴ Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 13.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур (по материалам социологического исследования в районах традиционного северного природопользования коренного национального и русского старожильческого населения Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996.

⁸⁷ Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Теоретико-методологический подход к исследованию этнической толерантности в поликультурных регионах России // Толерантность в межкультурном диалоге. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2005. С. 12.

Региональное сообщество Республики Хакасия состоит из представителей многих этнических групп. Однако численно в его этнической структуре, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., доминируют два наиболее крупных этноса: русские (80 %) и хакасы (12 %). Именно среди этих двух групп населения в 2006 г. проводилось социологическое исследование в рамках экспедиционного проекта Президиума СО РАН «Историческая память этноса и формирование регионального патриотизма: на примере народов Республики Хакасия и Республики Алтай» (руководитель — Е. А. Ерохина).

На первом этапе сбор полевого материала проходил преимущественно в форме анкетирования школьников и студентов Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (200 чел.). В числе опрошенных были молодые люди — учащиеся старших классов средних школ (МОУ «Лицей», средние школы № 10 и 25, Опытненская средняя школа) и младших курсов ХГУ (Институт саяно-алтайской тюркологии, Центр социально-политического и гуманитарного образования, Институт истории и права, Медико-психолого-социальный институт) в возрасте от 16 до 22 лет. Исследование проводилось в г. Абакане и Усть-Абаканском районе методом непропорциональной стратифицированной выборки, где в качестве страт выступали этнические общности. И хотя доля хакасов в этнической структуре Республике Хакасия составляет не более 12 %, а в указанной возрастной группе и того меньше, тем не менее в нашем исследовании на нее приходится 31,3 % респондентов. Остальные респонденты являются представителями русского (64,7 %) и других (4 %) этносов.

На втором этапе исследование осуществлялось качественными методами, преимущественно посредством интервью с русскими и хакасскими экспертами (представителями научной элиты, преподавателями вузов и работниками органов управления), студентами Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (25 чел.).

Как показали результаты анкетирования школьников и студентов, «воображаемая» граница регионального сообщества Республики Хакасия не совпадает с административно-территориальной границей. «Воображаемая» территория этого региона в том виде, в каком ее символически обозначают молодые граждане Республики Хакасия — русские и хакасы — в ответах на вопрос о наиболее значимых с точки зрения исторической памяти местах на географической карте Республики Хакасия, несколько шире. Ментальные границы регионального сообщества включают юг Красноярского края и совпадают с территорией Хакасско-Минусинского края, историко-культурной области, сложившейся несколько столетий назад. Границы Хакасско-Минусинского края совпадают с территорией Хакасско-Минусинской котловины — специфической пространственно-географической и природно-климатической зоны.

Титульный этнос — хакасы — является самым древним населением Хакасско-Минусинского края. До прихода на эту территорию русских между разными субэтническими группами хакасов существовали довольно большие раз-

личия во внешнем облике, языковых диалектах, культуре. Появление русских в конце XVII — начале XVIII в. ускорило процессы этнической консолидации хакасов⁸⁸. В этот период появилось самоназвание «тадар», «тадарлар» (экзоэтноним от русского «татары»).

Появление русских на территории Хакасско-Минусинского края в начале XVIII в. связано с изменением геополитической обстановки в указанном регионе в пользу России. Первоначально этот регион привлекал «вольных» людей как объект пушного промысла. Российское государство преследовало те же самые цели, стремясь пополнить казну за счет пушного налога (ясака), который взимался с местного населения после приведения его в русское подданство. В XIX в. Хакасско-Минусинский край становится объектом крестьянской колонизации. Русские крестьяне селились черезполосно с хакасскими аалами, устанавливали торговые и экономические связи, нередко и родственные отношения. Основой межкультурного диалога русских и тюрков, земледельцев и скотоводов, стал принцип взаимной заинтересованности в обмене результатами своего труда. Хакасы стали называть русских «хазах-тар» или «оростар».

Наиболее значительные изменения в расселении и социальной структуре хакасов произошли в советское время, в 30–40-х гг. XX в. Начиная с этого времени русское население в Хакасии стремительно наращивает свою численность, а доля хакасского населения в этнической структуре Республики Хакасия (в 30-е гг. — Хакасского автономного округа) падает⁸⁹.

В начале XXI века русские живут в Республике Хакасия в основном в городах (Абакан, Саяногорск, Черногорск, Сорск, Абаза), а также в северных и центральных районах сельской местности. Хакасы также живут в городах и практически повсеместно в сельских районах республики. Однако чисто монотнические хакасские села расположены на юге, в Аскизском и Таштыпском районах, в отдельных поселках Ширинского, Алтайского и Бейского районов Республики Хакасия. Около 40% хакасов живут в городах, а 60% — в сельской местности. Среди горожан-хакасов довольно много тех, кто является горожанами уже в третьем поколении.

Ныне городское сообщество Абакана пополняется за счет молодых хакасов, прибывающих из сельской местности на учебу в вузы республики или в поисках работы. Это обстоятельство создает дополнительное напряжение в межэтнической сфере, так как возможности города принять мигрантов ограничены (количество бюджетных мест в вузах лимитировано, определенные трудности возникают и с поиском жилья, работы).

⁸⁸ Кривоногов В. П. Хакасы: Этнические процессы во второй половине XX века. Абакан: Центавр, 1997. С. 37–38.

⁸⁹ Кышпанакоев В. А. Национальный состав населения Хакасии в XX веке // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1998. С. 52–53.

Тем не менее в настоящее время хакасский этнос стремительно урбанизируется. Несмотря на то, что фамильно-родовая и соседско-территориальная основы его социальной структуры в традиционном обществе были деформированы еще в годы советской власти, в 1990-е гг. XX в. они пережили своеобразное «возрождение» и институционализацию в форме общественных организаций — Движения родов хакасского народа и Совета Старейшин родов хакасского народа.

Хакасы не относятся к категории малочисленных народов. Всероссийская перепись населения 2002 зафиксировала численность хакасов, проживающих на территории Республики Хакасия, на уровне 62 тыс. чел., на территории РФ — 80 тыс. чел. Однако в силу дисперсности их расселения на территории Республики Хакасия и за ее пределами, влияния ассимиляционных процессов и численного преобладания русских в регионе хакасы являются этническим меньшинством в том числе и в Республике Хакасия, на землях своего исконного проживания. Тем не менее символический ресурс хакасского этноса в региональном сообществе весьма значителен.

Определение внешней этнической границы и для русских («кого называют русским»), и для хакасов («кого называют хакасом») легко осуществляется по критериям европеоидности или монголоидности (разрез глаз, наличие / отсутствие эпикантуса, цвет волос, рост). Трудности начинаются при определении внутренних границ. Что значит «*быть русским*» для русских? Как показал анализ материалов интервью с русскими экспертами и студентами Хакасского государственного университета, для русских их этническая идентичность стала неотъемлемой частью гражданской идентичности. Быть русским — значит быть россиянином. Другим значимым показателем «русскости» является православие, которое в ряде случаев воспринимается не как религиозная вера большинства, а, скорее, как социокультурная традиция. Многие русские (как молодые люди, так и эксперты) своими этническими праздниками называют православные праздники, в разряд которых оказался отнесенным даже древний языческий праздник Масленица.

О том, что этническая составляющая в русской идентичности русских жителей Республики Хакасия минимальна, позволяет говорить тот факт, что многие русские знают этнические праздники хакасов. Однако часто они затрудняются назвать этнические праздники русских. В тех случаях, когда приходилось обращать внимание на православные праздники, некоторые русские собеседники замечали, что православные праздники у русских общие с хакасами. Поэтому все эксперты, как русские, так и хакасы, оказались единодушны в том, что «явочным порядком» функций, маркирующих этническую границу, православие не выполняет, так как многие русские и многие хакасы относят себя к православным.

Язык в качестве этноразделительного признака в отношениях русских и хакасов также утрачивает свое значение. Хакасы, как правило, двуязычны

и хорошо владеют русским языком. Лишь немногие студенты Хакасского государственного университета, которые согласились дать интервью, отметили значение языка как этнического индикатора. В публичной сфере и в повседневной жизни г. Абакана хакасская речь слышится крайне редко. Однако значительная часть экспертов — русских и хакасов — считают язык значимым фактором, подчеркивающим этнические различия, а угрозу утраты хакасского языка рассматривают как одну из самых острых проблем этнического развития хакасов.

Анализ материалов интервью с представителями хакасского этноса (экспертами и студентами) позволил выявить ядерные структуры хакасской идентичности: язык и фамильно-родовые связи, связанные своим происхождением с территорией рода (фамилии). Слабое владение языком, некомпетентность в отношении знакомства с хакасскими фамилиями и родами в определении собственной субэтнической и фамильно-родовой идентичности создают ощущение неуверенности в «своей» хакасской идентичности. «Быть хакасом» означает предъявлять определенные требования к себе. Однако для тех, у кого следование им вызывает трудности, переход в русское большинство все равно невозможен. Для русских такие «неуверенные» в своей хакасской идентичности остаются хакасами, так как внешность надежно фиксирует этническую границу между русскими и хакасами.

Один из самых существенных этнодифференцирующих признаков — это хакасские фамилии. И русские, и хакасы в Республике Хакасия могут определить, какая фамилия является русской, а какая — хакасской. Хакасские фамилии запоминаемы. Их спектр более ограничен в сравнении со спектром русских фамилий. Как правило, хакасы легко определяют свою фамильную принадлежность по отцовской и материнской линии, многие могут назвать свою субэтническую группу, помнят название местности, откуда произошли их предки, но не все уже помнят название своего рода.

Несмотря на неоднозначное отношение хакасов к такому общественному институту, как Движение родов хакасского народа, хакасские эксперты видят в его деятельности проявление субъектности хакасского этноса, способности гибко реагировать на вызовы времени. Деформация традиционных институтов родства у хакасов представляется им одним из самых острых вызовов его существованию. Хакасские эксперты связывают этот процесс с угрозой ассимиляции, реальность которой подтверждается и статистическими данными. Так, согласно переписи 2002 г., доля хакасского населения в этнической структуре Республики Хакасия остается на прежнем уровне (12%), при этом тенденция на абсолютное сокращение численности населения республики остается неизменной.⁹⁰

⁹⁰ Кышпанакоев В. А. Демографическая сфера Хакасии в начале XXI века // Алтай — Россия: через века в будущее: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2006. Т. 1. С. 225.

Религия, по единодушным оценкам большинства русских и хакасских экспертов, является сегодня зоной контакта в межэтнических отношениях русских и хакасов. Массовое представление о том, что хакас — это обязательно шаманист, а русский — обязательно православный, уходит в прошлое. Такая оппозиция была актуальна для XIX в., когда православие маркировалось как «русская» вера. Многие хакасы в настоящее время считают себя православными, а православную религию полагают традиционной религией своего народа. К тому же в современной России, значительная часть населения которой не является верующей, православие перестает быть только религиозным феноменом и становится важной частью светской общегражданской культуры.

Однако для значительной части хакасов православие представляет собой не только зону контакта, но и этническую границу. Среди них немало тех, кто ориентирован на восстановление традиционных, дохристианских верований хакасов. На поиск доктрины, в максимальной степени отвечающей духовной составляющей этнического развития хакасов, весьма сильное влияние оказывают ассимиляционные процессы и тенденция утраты родного языка. Стремление части хакасского общества игнорировать православие вызвано, по мнению экспертов, не отрицанием тех ценностей, которые несет православие, но стремлением уберечь свой этнос от размывания.

В то же время зоной межкультурного контакта становится традиционная ритуальная практика хакасов. Некоторые эксперты обращали внимание на то, что многие русские, так же как и хакасы, активно включаются в эти практики, в том числе и в «шаманском» исполнении. В 1990-е гг. в России и за ее пределами утвердилось представление о Саяно-Алтае как о родине шаманизма. Поэтому не только многие русские, которые живут в Хакасии, испытывают интерес к традиционной религии хакасов. С целью знакомства с этим культурным феноменом в регион приезжают люди из Москвы, Санкт-Петербурга, из-за границы. Русские участвуют в культовых дохристианских практиках наряду с хакасами.

Таким образом, выявленные в идентификационной матрице различия, как внешние (антропологический облик), так и внутренние (идентификация с государством и православной культурой у русских, с фамильно-родовыми структурами и родной землей, «территорией рода», у хакасов), позволяют говорить об устойчивой этнической границе между русскими и хакасами в региональном обществе Республики Хакасия. В то же время можно зафиксировать, что русскоязычное коммуникативное пространство и межконфессиональный диалог формируют зоны контакта и взаимопроникновения русской и хакасской культур.

Анкетирование школьников и студентов, интервью с экспертами позволили выявить те сферы межэтнических взаимодействий, которые аккумулируют позитивный потенциал: культура, наука, религия, образование, искусство, СМИ, медицина. Все эти сферы деятельности относятся к гуманитарной области («человек — человек», «человек — знаковая система»). Наиболее остро и русские, и хакасы реагируют на те сферы межэтнических взаимодействий,

отношения в которых складываются по поводу власти, доступа к ресурсам и влиянию. Хакасы в целом испытывают меньше оптимизма по поводу стабильности межэтнических отношений в регионе, тогда как русские скорее склонны оценивать их как стабильно положительные, если речь не заходит о миграции из стран СНГ и Китая.

К числу самых острых проблем, с которыми сталкивается их этнос, хакасские эксперты отнесли ассимиляционные процессы, утрату родного языка, деформацию фамильно-родовых структур, разрушение традиционного уклада и потерю связи с родной землей. Русские эксперты фактором, угрожающим этническому развитию народов своего региона, в том числе и собственному, назвали неконтролируемую миграцию. Права членства в региональном сообществе Республики Хакасия выходцев из стран ближнего и дальнего зарубежья остаются под сомнением: отличающиеся определенными фенотипическими особенностями, слабо владеющие русским языком или говорящие на нем с акцентом, они обращают на себя внимание коренного населения региона.

Итак, несмотря на устойчивость этнической границы между двумя самыми крупными группами населения Республики Хакасия — русскими и хакасами, русский язык, православие как часть фундамента общероссийской гражданской культуры, взаимный интерес к культуре друг друга, в том числе и к дохристианской составляющей, интегрируют русских и хакасов в единое региональное гражданское сообщество. Одним из факторов, консолидирующим это сообщество, остается этническая миграция из стран СНГ. Культурным фундаментом, на котором основано это единство, является любовь к «малой родине». В числе символов регионального патриотизма Республики Хакасия старшеклассниками г. Абакана и Усть-Абаканского района РХ, студентами ХГУ им. Н. Ф. Катанова были названы г. Абакан, р. Енисей, Уйбатская степь, Большой Салбыкский курган, Улуг Хуртуях-Тас, Саяно-Шушенская ГЭС, с. Шушенское и музей «Сибирская деревня», музей им. Мартыанова в Минусинске. Это позволило выявить следующие доминанты регионального самосознания молодых жителей Республики Хакасия — русских и хакасов: экофильность и бережное отношение к природе, сочетание традиционализма с ориентацией на динамический идеал, характерный для обществ инновационного типа, высокая оценка культурного наследия своей малой родины как части исторического наследия России, значимость культурного ландшафта для исторической памяти.

Обращаясь непосредственно к результатам анкетирования студентов Хакасского государственного университета и учащихся старших классов г. Абакана и Усть-Абаканского района РХ, следует отметить, что большинство русских и хакасских участников опроса, безусловно, испытывают чувство локального патриотизма — любви к своему городу или поселку (55,6%), чувство регионального патриотизма — любви к своей республике (52,8%), любви к своей стране — России (56,3%). Это позволяет предположить, что привязанность к «малой» родине и любовь к своей стране являются чувствами, взаимно обу-

славливающими друг друга, что на уровне идеологии открывает возможность (если такая задача будет поставлена) осуществить синтез общероссийского и регионального гражданского патриотизма.

Глава 35. Миграция и проблема этнического многообразия России: современное состояние (на примере межэтнических отношений в сибирском мегаполисе)

Миграция как фактор становления постсоветской идентичности россиян

Геополитические трансформации, произошедшие в связи с распадом СССР и появлением новых независимых государств, повлекли за собой глубокие изменения в жизни людей. Они коснулись и самочувствия населения России. Среди проблем, которые наиболее остро стоят перед россиянами, многие исследователи отмечают проблему гражданской консолидации. Несмотря на попытки конструирования новой гражданской идентичности «российский народ», можно отметить, что пока успехи в этом направлении остаются весьма скромными.

Чтобы не быть голословными, обратимся к результатам исследований по проблеме национальной идентичности россиян, уже осуществленных российскими социологами. Результаты одного из них, проведенного в 2007 г. коллективом сотрудников Института социологии РАН, были положены в основу аналитического доклада «Российская идентичность в социологическом измерении». Как отмечают сами авторы исследования, для них очень важно было понять, с кем отождествляют себя россияне сегодня, к кому они испытывают наибольшую близость? Не ответив на этот вопрос, нельзя оценить перспективы того или иного пути развития России. С кем и в какой степени россияне испытывают чувство общности?

Как показали результаты этого опроса, россияне чаще испытывают чувство общности с людьми своей национальности (54%), нежели с россиянами вообще (35%). При этом практически никогда не испытывали чувства общности с людьми той же национальности 8%. Это почти в два раза меньше по сравнению с теми респондентами, которые не ощущали никогда чувства общности с россиянами (15%). Рассматривая динамику идентификаций в сравнении с 2004 г., авторы доклада отмечают рост этнической самоидентификации у россиян на 7%, общероссийской гражданской идентичности — на 4%. Как видим, и по этому показателю можно наблюдать более интенсивный рост (почти в 2 раза) этнической идентификации по сравнению с российской общегражданской⁹¹.

⁹¹ Российская идентичность в социологическом измерении: Аналит. докл. / Авторский коллектив под рук. М. К. Горшкова. 2007. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Iden.html

Таким образом, противоречия между этнонациональной и общегражданской идентичностью преодолеваются в настоящее время в основном в пользу первой. Этому обстоятельству, как известно, способствовало геополитическое событие, изменившее судьбу современного мира. Речь идет о распаде СССР и сужении масштабов распространения такой формы надэтнической гражданской идентичности, как советский народ. Разрушение СССР и распад советской идентичности сопровождался двумя волнами национализма: 1) бурный «парад суверенитетов» в бывших союзных и автономных республиках СССР в начале 90-х гг.; 2) нарастающий с середины 1990-х гг. рост тревожности русского населения, увеличение числа сторонников идеи «Россия для русских».

За истекшие почти два десятилетия выросло новое поколение, представители которого никогда не жили в СССР и, следовательно, не имеют собственного представления о преимуществах, которые давала эта форма идентичности в полиэтничном мире. Если вспомнить о политизации этничности в постсоветских государствах ближнего зарубежья, фактах переписывания истории в школьных учебниках, политической ангажированности, в одних случаях, и некомпетентности журналистов, в других случаях, при освещении информационных поводов, имеющих специфическое этническое звучание, то несложно убедиться, что объемом работы, который предстоит проделать обществу и государству для того, чтобы был создан благожелательный фон вокруг консолидирующей представителей разных народов России идеи «российской идентичности», просто огромен.

Проблема формирования надэтнической идентичности, которая могла бы преодолеть конфликтный потенциал уже состоявшихся этнических лояльностей, остается весьма острой. Можно указать несколько причин, затрудняющих этот процесс.

Во-первых, это глубокие этносоциальные трансформации, которым оказались подвержены русские — доминирующее большинство РФ. При жизни одного поколения русские пережили небывалые по своим масштабам процессы сжатия границ и депопуляции. Это явление весьма контрастно по сравнению с предыдущим периодом, когда и физическое, и социокультурное пространство СССР / России осваивалось реально, создавалась общая с другими народами социальная среда. Эта среда была органичной и воспринималась русскими как своя.

С распадом СССР произошли глубокие изменения и характер этих изменений до сих пор не оценен. Одно из их последствий — дерусификация ближнего зарубежья. Падение престижа русской этничности привело к тому, что в регионах Кавказа и Средней Азии русских, которые на протяжении двух столетий являлись там носителями модернизационных установок, практически не осталось.

Усилился отток населения, в том числе и русского, с Дальнего Востока. Так, население российского Дальнего Востока в период между переписями 1989 и 2002 сократилось на 20%. По данным демографов, Россию ожидает су-

щественное сокращение ее населения в среднесрочной перспективе (к 2030 г. на 12 млн чел., или 1/6 трудоспособного населения). Несмотря на столь острую демографическую ситуацию, большинство русских, по данным социологических исследований, негативно относится к перемещению иноэтнического населения в Россию. Данные Европейского социального исследования, осуществленного в 2007–2008 гг. в России, показали, что интолерантные установки россиян по отношению к мигрантам весьма высоки. Ответ «никому не позволять приезжать в страну» поддержали около 24% россиян. Это усиливает влияние консервативной версии российской идентичности, отождествляющей «русское» и «российское», что, вполне естественно, затрудняет идентификацию этнических меньшинств с общероссийской культурой.

Во-вторых, это глобализационные процессы, влияние которых весьма противоречиво. Глобализация оказывает сегодня не только унифицирующее, но и фрагментирующее воздействие на российский социум: вслед за финансовыми и информационными потоками приходит рабочая сила, мигранты, люди со своими культурными установками, что усиливает культурную сравнимость, а значит, и сегментацию общества.

К числу последствий миграции можно отнести формирование этнических анклавов в странах с гомогенным в культурном отношении населением, создание транснациональных этнических групп, возникновение диаспорных сетей.

Диаспора, миграция и проблемы принимающего общества

Диаспорой называют устойчивую совокупность людей единого этнического или национального происхождения, живущих за пределами своей исторической родины и имеющих социальные институты для поддержания своей общности. Объективная сложность и разноплановость такого явления, как диаспора приводит к тому, что в научной среде нет единства в понимании этого феномена.

Как показывает практика, диаспоры связаны со страной своего выхода как с реальной и символической родиной. Тем самым приверженность к родине бросает вызов существующим в принимающем обществе государственным и гражданским институтам. С другой стороны, этническая диаспора является неотъемлемой частью гражданского сообщества на новой родине. Такой двойственный статус представителей диаспоры в процедурах выявления этнической стратификации позволяет обнаруживать границы социальной целостности, т. е. выделять тех, кто обладает символическими правами гражданства в сообществе в полной мере, являясь центром, или «ядром», сообщества, и тех, кто находится на периферии или за его пределами. В постсоветской России в регионах с преобладанием русского и русскоязычного населения на границе региональных сообществ оказываются выходцы из постсоветских республик, в основном Кавказа и Средней Азии. При этом представители старых этниче-

ских диаспор, сложившихся в советские годы, имеют более привилегированный статус в сравнении с новыми мигрантами.

Проблема этнической миграции активно стала обсуждаться после событий, связанных с уличными беспорядками 2005 г. во Франции, инициаторами которых выступили молодые люди, потомки выходцев из Северной Африки. Формально обладая правами французского гражданства, они в то же время испытывали определенные трудности социализации и адаптации, не воспринимались французским обществом как культурно близкие. В российских средствах массовой информации эта тема чаще всего всплывает в контексте нелегальной миграции. Бытует представление, что мигранты выступают конкурентами коренных жителей в борьбе за наиболее престижные сегменты этого рынка. Гораздо реже, и, в основном, в научных кругах, тема миграции всплывает в связи с демографическим кризисом. В этом случае миграция рассматривается как один из возможных инструментов преодоления последствий этого кризиса, средство сохранения позитивной динамики развития России, в том числе и экономического развития в среднесрочной перспективе⁹².

Как известно, население России убывает уже в течение многих лет, с 1992 г. Но до сих пор этот процесс не затрагивал трудоспособные возрастные категории. Так удачно складывалось соотношение поколений, входящих в трудоспособный возраст и выходящих за его пределы. В 2006 г. эта тенденция прекратилась, и с 2007 г. начинается процесс естественной убыли трудоспособного населения. Чтобы восполнить сжатие трудоресурсного потенциала, иммиграция должна быть увеличена.

По данным Ж. А. Зайончковской, Россия оказалась среди государств, принимающих наибольшее количество мигрантов. По переписи 2002 г., Россия приняла за 1989–2000 гг. 11 млн чел. и вышла на третье место по количеству приезжающих в страну иммигрантов после США и Германии. В 1975–1988 гг. в РСФСР, тогда еще в составе СССР, приняла 13 млн иммигрантов. Весь прошлый опыт свидетельствует о высокой абсорбционной способности России.

В советское время и первые годы после распада СССР в потоке мигрантов из республик, государств бывшего СССР, прибывающих на постоянное место жительства в РФ, были в основном русские и представители этносов, историческая родина которых находится в России (татары, башкиры и др.). Это обстоятельство не вызывало в обществе явной мигрантофобии. Считалось, что приезжают близкие нам в культурном отношении люди. Это отношение к мигрантам меняется в худшую сторону по мере того, как все более и более увеличивается число этнических мигрантов, людей, которые отличаются по

⁹² *Вишневский А. Г.* Альтернативы миграционной стратегии для России и политика идентичности // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России.* М., 2006. С. 305–321; *Зайончковская Ж.* Перед лицом иммиграции // *Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики.* 2005. № 3 (30). С. 72–87.

своим антропологическим и культурным характеристикам от доминирующего большинства. По мере усугубления трудного социального и экономического положения основной части населения России на рубеже столетий, слабость позиции государства и разрозненность действий гражданского общества стали факторами толерантного отношения россиян к распространению ксенофобских и расистских настроений.

Игнорировать проблему острой социальной напряженности в связи с большим наплывом мигрантов вряд ли представляется возможным. Нагнетание чувства страха и неуверенности у одной части населения и чувство гнева и ненависти у другой провоцируют агрессию, поддерживают межэтническое напряжение. Это не способствует спокойному существованию общества⁹³. Данные обстоятельства остро поставили проблему интеграции выходцев из бывших советских республик в структуру российского общества.

В поисках себя

Примечательно, что главный идеологический противник СССР в «холодной» войне — США — испытывает схожее, по определению В. Малахова, «неудобства с идентичностью». Пророчество о «конце истории», сделанное Ф. Фукуямой, оказалось преждевременным. Его оппонент С. Хантингтон, полемизируя с концепцией «конца истории», предложил свою концепцию «столкновения цивилизаций». Если Фукуяма настаивает на значении победы либерализма в качестве главного фактора, определяющего развитие мировой политики, то Хантингтон полагает, что противостояние либерализма и авторитаризма утратило свою актуальность. Одним из самых серьезных вызовов для западной цивилизации, в том числе и для США, является вызов национальному государству и национальной идентичности со стороны транс- и субнациональных идентификаций.

В качестве важнейших признаков упадка национальной идентичности Хантингтон назвал повышение внимания к расовым, этническим, конфессиональным идентичностям в ущерб национальной, углубление трещины между космополитизмом элиты и патриотическими настроениями широкой публики, ослабление факторов, прежде обеспечивающих ассимиляцию мигрантов, и одновременно усиление стремления иммигрантов к сохранению собственных традиций⁹⁴.

Между тем миграция сегодня — неотъемлемая составляющая развития современного глобального мира. Современная миграционная карта делит государства мира на две категории: 1) страны эмиграции, которые отдают свое

⁹³ Малькова В. К. Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М., 2004. С. 33–34.

⁹⁴ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. С. 218.

избыточное население более развитым экономически соседям; 2) страны иммиграции, концентрирующие капитал, но испытывающие дефицит трудовых ресурсов. Россия — принимающая страна, которая в условиях демографического кризиса частично компенсирует миграцией недостаток собственного населения. В условиях депопуляции своего населения Россия включается в гонку за человеческий ресурс.

Сегодня сокращение населения России происходит на фоне беспрецедентного миграционного прироста, полученного после распада СССР. $\frac{2}{3}$ миграционного потока составляет население в трудоспособном возрасте. Исходя из этой пропорции, по данным Ж. Зайончковской, для полного возмещения естественных потерь трудоресурсного потенциала России в предстоящие два десятилетия потребуется миграционный прирост более 25 млн иммигрантов. В этой перспективе миграция становится необходимым инструментом развития страны, без которого невозможно решить проблемы экономического развития, пенсионного обеспечения, регионального развития и многих других⁹⁵.

Приезжие представляют собой весьма разнородное сообщество. Если посмотреть внимательно, можно заметить, что его составляют не только люди самых разных стран, этносов и конфессий, но и индивиды, различающиеся уровнем образования, квалификационной подготовки, намерениями по отношению к странам исхода и принимающей стране. Государству необходимо учитывать намерения самих мигрантов, различать тех, кто приехал надолго и хочет интегрироваться в российское общество, пусть даже и сохраняя свою культурную самобытность, и тех, кто временно находится здесь и в перспективе намерен вернуться на родину.

Что касается практических стратегий реализации государственной политики, то можно наглядно зафиксировать тенденцию перехода от коллективизма и патернализма к индивидуализму, ориентированному на личностную свободу человека. Закон РФ о национально-культурной автономии 1996 г., который предполагает экстерриториальный и персональный (неколлективный) принцип реализации права на культурную самобытность, призван был разгрузить государство, «перегруженное» вызовами мобилизованной этничности. Этот закон, по мысли его создателей, должен был демонополизировать государственную национальную политику за счет делегирования части прав и обязанностей государства гражданам, наделенным свободой самостоятельно решать вопрос о своей национальной и языковой идентификации, о содержании и приоритетах национальной деятельности, о принадлежности к организациям, сформированным во имя решения задач развития этнической культуры и языка.

⁹⁵ Зайончковская Ж. А. Иммиграция: альтернативы нет // Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В. И. Мукомеля и Э. А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 7–30.

Однако выведение экстерриториальных национально-культурных объединений за скобки единой системы органов государственной власти оценивается обществом двояко: и как отказ от сверхцентрализации государственной власти в этносфере, и как снятие груза контроля и ответственности государства за эту сферу. Для этого есть определенные основания. Россияне ждут от государства ясных и недвусмысленных сигналов относительно перспектив развития страны. Куда идет Россия? Какое гражданское общество сложилось в России? Существует ли оно в России вообще?

Завышенные ожидания населения в отношении возможности власти влиять на повседневную жизнь россиян, атомизированность общества и отсутствие солидарности, дистанцированность граждан от государства, которое, по их мнению, стоит на страже интересов самых состоятельных членов общества, и, наконец, ослабленный иммунитет к ксенофобии — все эти факторы поляризуют общественное сознание. Любое государство способно состояться настолько, насколько состоялось гражданское единство страны. Это ставит перед обществом и государством целый ряд задач, в числе которых — поиск консолидирующей его идеологии.

Насколько реалистичен проект российской нации? На наш взгляд, при определенных условиях ответ на последний вопрос может быть положительным. В пользу этого говорят такие социокультурные факторы, как единое коммуникативное пространство русского языка, память об общем историческом прошлом, о его «прорывах» (таких как, например, освоение космоса) и чувстве гордости, связанных с ними, общая политико-административная и правовая система государства, которая в немалой степени задает доминанты повседневного существования россиян.

Однако для успешного поиска механизмов интеграции, взаимного социокультурного компромисса и сохранения социальной солидарности российского общества необходимо наладить диалог по целому ряду жизненных для нашего общества проблем. В их ряду должен находиться и вопрос, что значит быть / кого называют россиянином?

На этом пути придется находить консенсус между «традиционными» и «модернистскими» ориентациями полиэтничного населения России. Соотношением этих двух взаимосвязанных составляющих в истории России не раз определялся выбор пути развития. Поскольку вопрос о смысловом стержне российской идентичности остается открытым, можно предположить, что в его основании будет находиться синтез светской морали с этическими системами традиционных для России конфессий — православия, ислама, буддизма, иудаизма.

Общеизвестно, что на характер и степень включенности мигрантов из республик Кавказа и Средней Азии в российское социокультурное и экономическое пространство существенное влияние оказывает религия (ислам). Данное обстоятельство актуализирует необходимость оценки консолидирую-

щего / разъединяющего потенциала двух самых массовых для России традиционных конфессий: православия и ислама.

Идентичность и граница в межэтнических взаимодействиях
между мигрантами и местным населением в новосибирском мегаполисе
(по материалам социологического исследования)

Современная Россия позиционирует себя в отношениях с соседними государствами Ближнего зарубежья как «промышленный Север», «динамичный Запад», страну с христианскими традициями, что символически предполагает «отсталый Юг», «архаичный Восток», исламский мир. Это порождает определенные проблемы в самом российском обществе, в частности, когда возникает вопрос об идентификации этнических меньшинств с общероссийской культурой.

Между тем на наших глазах стремительно меняется этническая структура населения не только Центра и Поволжья, но и Сибири за счет миграции из стран Средней Азии и Закавказья, а также внутренней миграции из северокавказских регионов в крупные российские города и мегаполисы. Можно двояко оценивать эти изменения: с одной стороны, миграции расширяют социальное и культурное многообразие, позволяют решить проблему дефицита трудовых ресурсов там, где она остро стоит; с другой стороны, миграции обостряют межэтнические отношения, приводят в движение этносоциальные процессы столь стремительно, что принимающее сообщество не успевает к ним гибко адаптироваться. Россияне воспринимают миграцию как внешний процесс и, в подавляющем большинстве, негативно.

Кто такие «этнические мигранты»? К этой категории в настоящее время принято относить имеющих неславянские корни иностранцев и граждан РФ, выходцев из кавказских и среднеазиатских республик, прибывающих в центральные регионы России, Сибирь и на Дальний Восток по экономическим причинам, и членов их семей. В стране исхода это наиболее энергичная и экономически предприимчивая категория населения. В стране размещения мигранты также являются частью экономически наиболее активных слоев населения.

Рассмотрение межэтнического взаимодействия как системы предполагает выделение ее базовых элементов: 1) субъектов взаимодействия (каковыми являются этносы-резиденты и этнические диаспоры со своими потребностями); 2) объектов взаимодействия (предметы и явления природного и социального мира, на которые направлена активность субъектов); 3) результатов взаимодействия, в числе которых — межэтнические отношения. Эта логика позволит нам выделить субъекты межэтнического взаимодействия в новосибирском мегаполисе: резидентов (русских по преимуществу) и этнических

мигрантов (выходцев из среднеазиатских и кавказских республик), а также один из результатов — характер межэтнических отношений между мигрантами и резидентами.

Этнические группы, которые имеют статус резидентов на территории страны размещения (т. е. в России), представляют собой устойчивые группы, сохраняющие свои границы, принципы идентификации принадлежащих к ним индивидов и передающих эти принципы из поколения в поколение. Их формирование невозможно без взаимного доверия и взаимной ответственности всех членов этнической «сети». Используя терминологию сетевого подхода, можно заключить, что общность культуры — это консенсус по поводу основных норм и ценностей внутри данной сети. Подчинение нормам опирается на внутреннее и внешние инстанции контроля.

Несколько иной вариант социальной сети представляет собой этническая диаспора. С одной стороны, диаспоры связаны со страной выхода как с реальной и символической родиной. Тем самым приверженность к родине становится вызовом существующим в принимающем обществе государственным и гражданским институтам. С другой стороны, этническая диаспора является неотъемлемой частью гражданского коллектива на своей новой родине, и как часть этого коллектива имеет и определенные права, и определенные обязанности перед гражданским сообществом на новой родине. Такой двойственный статус этнической диаспоры позволяет зафиксировать ее периферийное положение по отношению к этносам-резидентам.

Согласно методологическим положениям, выдвинутым теоретиками чикагской школы Р. Парком и Э. Берджессом и концептуализированным Э. Богардусом, центр конституирует периферию как своего «Другого». При этом «Другой» становится условием возможности существующего социального порядка. «Другой» символически вытесняется из центра. В то же самое время он является составляющей доминантной культуры. Иными словами, без периферии, без «Другого» не может быть целостного социального пространства. «Другой» является необходимым условием существования данного сообщества⁹⁶.

Откуда возникает такая двусмысленность? Как утверждают социальные психологи, граница между «Своим» и «Чужим» — это тоже результат взаимодействия, ментальный результат социальной категоризации, который закрепляется в этнических стереотипах. Стереотипы интериоризируются и становятся частью идентификационной матрицы личности. Сдвиг в восприятии от центра к границе происходит на основе принципа перехода от тонкой к грубой настройке социальной перцепции. «Своих» мы воспринимаем как индивидуальности в совокупности как личностных, так и этнических черт. «Свой» — это нетипичное, индивидуально-особенное. «Чужак» — это всегда типизация, гру-

⁹⁶ Баньковская С. П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отеч. записки. 2002. № 6. С. 457–467.

бая настройка, символ неизвестного. «Чужой» — не друг и не враг. Поэтому он вызывает растерянность. «Чужой» не обладает индивидуальностью ни в личном, ни в этническом плане⁹⁷.

Согласно теории семиозиса культуры Ю. М. Лотмана, каждая культура стремится обрести некоторую степень автономности, достигаемую через самоописание. Располагая «Чужого» на границе круга, очерченного данной культурой в процессе самоописания, этническое самосознание доминантной группы обозначает собственные границы. Образ «Чужака» представляет собой часть культурного багажа доминантной культуры, что предполагает некоторую степень неадекватности в восприятии «другой» культуры⁹⁸.

О границах в этнокультурном значении писали в науке П. И. Кушнер, М. М. Бахтин, Ф. Барт, В. А. Тишков, Л. М. Дробижева. Общим постулатом как теоретических, так и эмпирических исследований этнических границ является положение, что выраженная этническая граница связана со снижением этнической толерантности и накладывает ограничение на межэтническое взаимодействие, тогда как «сглаженная» граница предполагает наличие контактных зон межэтнического «согласия»⁹⁹.

Следует согласиться с авторами коллективной монографии «Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России» (под ред. Л. М. Дробижевой) в том, что этническая граница является актом сознания, а важнейший способ её изучения заключается в исследовании этнической идентичности. Действительно, только если люди (личности) разделяют представления, которые становятся общими, и действуют на их основе, они становятся группой, а этничность приобретает организационные и институциональные формы. Этнические маркеры могут быть единичными или представлять некий набор, или, может быть, даже систему. И значение, и набор таких маркеров может меняться. Оппозиция «Мы — Они» является центральным компонентом различных концепций межгрупповых и межэтнических отношений. На эмпирическом уровне в качестве структурирующего принципа она используется в многочисленных исследованиях стереотипов, установок и ценностей как элементов этнического самосознания или идентичности¹⁰⁰.

⁹⁷ Гусев А. Н. Категория социальной дистанции в творчестве Г. Зиммеля // Социс. 2009. № 4. С. 123–130.

⁹⁸ Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Лотман Ю. М. Избр. произв. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 102–109; *Он же*. К построению теории взаимодействия культур (Семиотический аспект) // Там же. С. 110–120.

⁹⁹ Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Теоретико-методологический подход к исследованию этнической толерантности в поликультурных регионах России // Толерантность в межкультурном диалоге. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2005. С. 10–41.

¹⁰⁰ Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 4–11.

Новосибирск и Новосибирская область являются весьма притягательными местами для миграции из Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. Например, между переписями 2002 и 2010 в этнической структуре населения Новосибирской области выросла доля узбеков, таджиков, киргизов (табл. 3).

Таблица 3

Изменение этнической структуры населения Новосибирской области по материалам переписей, чел.

Народы	2002	2010	Изменение абсолютных значений
Новосибирская область, все население	2 692 251	2 665 911	-26 340
Русские	2 504 147	2 365 845	-138 302
Немцы	47 275	30 924	-16 351
Украинцы	33 793	22 098	-11 695
Узбеки	2 047	12 655	10 608
Татары	27 874	24 158	-3 716
Казахи	11 691	10 705	-986
Таджики	2 784	10 054	7 270
Армяне	7 850	9 508	1 658
Азербайджанцы	7 366	8 008	642
Киргизы	1 423	6 506	5 083
Белорусы	8 380	5 382	-2 998

В 2009–2010 гг., в рамках проекта РГНФ № 09–03–00491а «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество» (руководитель — Г. С. Солодова), сотрудниками отдела социологии Института философии и права СО РАН в Новосибирске было проведено конкретно-социологическое исследование среди мигрантов. Главный предмет исследования — характер включения мигрантов в социокультурное пространство принимающего общества.

В качестве одной из его значимых задач ставилось выявление признаков этнического различия, формирующих границу между доминирующим большинством и этнической «периферией» сибирского мегаполиса. Основным инструментом исследования — раздаточный формализованный вопросник (анкета) для самозаполнения, содержащий 58 вопросов. Опрос проводился методом случайной выборки среди выходцев из стран ближнего зарубежья. Общий объем выборочной совокупности составил 190 человек.

Поскольку в качестве объекта исследования были выбраны этнические мигранты из новых независимых государств Средней Азии и республик Кавка-

за, «мы» в данном конкретном случае представлено этническими мигрантами, тогда как «они» — местным населением, россиянами в целом.

Респонденты распределились по предыдущему месту жительства следующим образом: Киргизия — 39,8%; Узбекистан — 25,8; Таджикистан — 15,6; Азербайджан — 9,7; Казахстан — 3,8%.

Респондентам было предложено определить самостоятельно свою национальную принадлежность. Большинство из них — 44,8% — назвали свою этническую принадлежность (узбек, киргиз, таджик и т. п.). Примечательно, что численность русских респондентов оказалась искусственно преувеличенной: 17,8% опрошенных назвали себя русскими, хотя численность русских в выборке была незначительна. Некоторые из участников опроса искусственно приписали себя к русским. 16% опрошенных отнесли себя сразу к двум народам. 19,6% затруднились с выбором своей национальной принадлежности. Таким образом, можно зафиксировать значимость этнической составляющей идентификации. Для большинства мигрантов, так же как и для большинства россиян, их национальность — это, прежде всего, их этническая принадлежность.

В структурировании этнической границы определяющее значение имеют этноинтегрирующие и этнодифференцирующие признаки. В нашем исследовании они выявлялись в ответах на вопросы анкеты о том, что объединяет респондента с людьми одной с ним национальности, и о специфических особенностях, отличающих этих людей от представителей других народов.

В числе признаков, связывающих представителей диаспор со своими этническими общностями на основе группового членства, были выделены следующие (в порядке убывания по степени значимости): родной язык (64,8%), обычаи и традиции (43,6%), любовь к родине (42,4%), общая история (35,2%), общая религия (33,9%). «*Быть кем-то по национальности*» означает знать язык, знать и придерживаться обычаев и традиций своего народа (в том числе религиозных), любить свою родину и помнить ее историю.

Этноинтегрирующие признаки не столько фиксируют особенности «своей» культуры, сколько выступают свидетельством осознания группового единства. Неслучайным оказывается и то, что за небольшим исключением набор маркирующих признаков (язык, обычаи и традиции, история и религия) повторяется в ответах на вопрос о специфических особенностях, отличающих один народ от другого.

В числе значимых этнодифференцирующих признаков респондентами — представителями этнических диаспор — были названы язык и речь (65,4%), обычаи и традиции (43,6%), религия и отношение к семье (по 37,7%), история (26,5%). Значимость языка, а также обычаев и традиций в фиксации групповой идентичности были подтверждены не только качественно, первыми местами в рейтинге критериев идентичности, но и количественно: доля выбравших эти маркеры в качестве этноинтегрирующих совпала с долей отметивших их в ка-

честве этнодифференцирующих. «Называться кем-то по национальности» (киргизом, узбеком, таджиком и т. д.) означает быть компетентным в знании родного языка, обычаев и традиций своего народа (в том числе религиозных), по-иному относиться к своей семье, нежели представители доминирующего большинства, знать историю своей страны.

В то же время возрастает значимость внешнего вида (19,1%) и специфических особенностей одежды, жилища, кухни (17,3%) в качестве этнических разделителей. Доля выбравших эти признаки как этнообъединяющие существенно ниже: внешность — 7,3 против 19,1%, специфические особенности одежды, жилища, кухни — 12,7 против 17,3%.

Таким образом, получила подтверждение исследовательская гипотеза, которая была сформулирована благодаря методу включенного наблюдения на предварительном этапе исследования. Согласно ей, отличающиеся определенными фенотипическими особенностями выходцы из постсоветских стран ближнего зарубежья, слабо владеющие русским языком или говорящие на нем с акцентом, выделяются русскими. Этническая граница в отношении этнических мигрантов проходит для русских по языковому признаку и специфическим (антропологическим) особенностям внешности.

Еще одной важной исследовательской гипотезой послужило предположение, согласно которому позитивное отношение к своему статусу приезжего должно позитивно влиять на восприятие межэтнических отношений в сибирском мегаполисе. Респондентам предлагалось выступить в роли экспертов: оценить необходимость мигрантов для России и влияние миграции на социальную стабильность, выразить отношение к широко распространенному представлению о миграции как об угрозе национальной самобытности и культурному единству страны, а также оценить характер межэтнических отношений в городе. Забегая вперед, отметим, что эта гипотеза получила подтверждение.

При оценке характера межэтнических отношений в Новосибирске большинство участников опроса выбрали ответ «*межнациональные отношения в основном стабильны*» (61,5%). 14,3% полагают, что некоторая напряженность присутствует, а 2,7% оценивают межнациональную напряженность как значительную.

Показательно, на наш взгляд, что при оценке необходимости мигрантов для России не нашлось ни одного респондента, который бы согласился с мнением, что мигранты России не нужны. С мнением, что «*мигранты обязательно нужны*», согласились 40% опрошенных. Мнение о том, что «*мигранты нужны, но этот процесс должен регулироваться*», разделили 60%. При этом большинство тех и других (по 63,4% в обеих подгруппах) полагают, что межэтнические отношения в Новосибирске «*в основном стабильные (без напряженности)*». Доля тех, кто замечает напряженность в межэтнических отношениях, так же одинакова (12%), как и доля затруднившихся с оценкой (22,5%), для обеих подгрупп.

При оценке характера влияния миграции на социальную стабильность в российском обществе большинство респондентов предпочло уйти от ответа: 67% не ответили определенно на вопрос **«Влияет ли миграция на социальную (политическую, экономическую) стабильность в России?»**. Ими был выбран вариант ответа *«трудно сказать»*. В ответах респондентов данной подгруппы содержится весь спектр оценок межэтнических отношений: и отрицание напряженности в этой сфере, и признание ее в той или иной степени, и затруднение в оценке.

Остальные участники опроса разделились на две подгруппы: одни оценили миграцию положительно, другие — отрицательно. Большинство предпочло вариант ответа *«миграция влияет положительно — укрепляет социальную стабильность»* (30,7%). И лишь 2,3% согласились с мнением, что *«миграция влияет отрицательно — ослабляет социальную стабильность»*.

Следовательно, есть все основания предполагать, что сами мигранты прямо или косвенно осознают неоднозначность последствий миграции для принимающего общества. В каждой из подгрупп большинство при оценке характера межэтнических отношений выбрало вариант ответа *«межнациональные отношения в основном без напряженности»*. Однако в подгруппе затруднившихся с оценкой характера влияния миграции на социальную стабильность доля оценивших межэтнические отношения как стабильные была наименьшей в сравнении с остальными подгруппами (55 против 76,7% среди респондентов, выбравших положительный ответ и 100% выбравших отрицательный ответ). В то же время среди оценивших миграцию как положительный фактор, влияющий на стабильность в российском обществе, не нашлось никого, кто отметил бы напряженность в межэтнических отношениях в Новосибирске.

Наконец, определенный интерес представляет распределение ответов на вопрос **«Как Вы думаете, представляет ли приток мигрантов угрозу для сохранения национальных обычаев, традиционных религий, культурного единства страны в целом?»**. Большинство участников опроса отрицали наличие такой угрозы (54%). Остальные участники опроса либо затруднились с ответом (30,6%), либо согласились с наличием такой угрозы для принимающего общества (15,4%). И вновь доля выбравших вариант ответа *«межнациональные отношения в основном без напряженности»* в подгруппе затруднившихся с признанием / отрицанием миграции как угрозы самобытности и единства России была наименьшей в сравнении с остальными подгруппами.

Итак, положительное отношение к миграции и своему статусу мигранта вполне коррелирует с позитивным же восприятием межэтнических отношений на новом месте. Вместе с тем показательны и затруднения при оценке характера межэтнических отношений (21,5% респондентов вообще воздержались от нее), и затруднения с оценкой влияния миграции на принимающее общество. Желание уйти от ответа на эти непростые вопросы можно интерпретировать как косвенное признание своего проблемного статуса в принимающем сообществе.

Насколько выраженной является этническая граница между резидентами и приезжими? Как эта граница ощущается самими мигрантами в ситуации, когда они оказываются вынужденными сравнивать себя с россиянами — представителями того регионального сообщества, в которое они пытаются инкорпорироваться? На наш взгляд, эта граница оказывается весьма выраженной, что подтверждается субъективными оценками респондентов степени своего сходства с доминирующим большинством. Лишь 15,9% согласись с мнением о том, что россияне в целом и местное население, в частности, *«очень похожи»* на них. 26,2% не смогли ответить на вопрос о близости между ними и местным населением. 27,4% признали, что они *«значительно отличаются»* от россиян, и 30,5% сочли, что они *«немного похожи»* на последних.

Таким образом, наше исследование позволило выявить наличие границы, субъективно осознаваемой мигрантами как ощущение собственной непохожести с местным населением и россиянами в целом. Что значит быть «другим» в отношении к русскому большинству? Быть «нерусским» означает обладать определенными «восточными» фенотипическими особенностями, говорить по-русски с различным акцентом, в поведении реализовывать нормы, предписанные обычаями и традициями, корнями уходящие в ислам. Если в публичной жизни последнее оказывается, в ряде случаев, затруднительным, то в приватной сфере, особенно в кругу семьи, это вполне возможно и, с точки зрения доминирующего большинства, допустимо.

Даже если сменить идентичность и вовсе отказаться от обычаев и традиций своего народа, переход в этническое большинство для тех, кто выбрал ассимиляционную стратегию адаптации, все равно оказывается затруднен: от акцента избавиться крайне сложно, а изменить внешность практически невозможно. Это верно в отношении, по крайней мере, представителей первого поколения мигрантов.

В то же время определение маргинальности мигрантов допустимо лишь в смысле фиксации их периферийности по отношению к доминирующему большинству. Внутри самих этнических диаспор существуют совершенно определенные нормы определения «своего»: во-первых, знание родного языка, во-вторых, следование обычаям и традициям своего народа, в-третьих, ориентация на ислам. При этом верующими себя считают 94% респондентов. В зависимости от приверженности нормам «членства» внутри диаспорных сетей складываются собственные «ядра» и «периферии», что повышает степень вариативности адаптации мигрантов в принимающий социум.

Адаптация мигрантов к принимающему сообществу: проблемы и перспективы

Становление российской идентичности тесно связано с выработкой нового, отличного от советского, отношения к этническому и конфессиональ-

ному многообразию. Является ли определенное несовпадение социокультурных, конфессиональных и экономических установок мигрантов с традициями и практиками принимающего сообщества препятствием для интеграции в российское принимающее общество разнородных в культурном отношении мигрантов, многие из которых ориентированы на принятие российского гражданства?

Для успешного поиска взаимного компромисса и сохранения социальной солидарности в поликультурном российском обществе необходим диалог о приемлемых для всех условиях членства и оптимальной модели интеграции выходцев из стран ближнего зарубежья. Это обстоятельство актуализировало в качестве задач научного поиска оценку характера включенности мигрантов в социокультурное пространство принимающего общества, необходимость выявления объективных и субъективных предпосылок (факторов), влияющих на степень успешности «вхождения» мигрантов в принимающее сообщество.

Мигранты представляют собой наиболее мобильную часть населения стран выхода. Примечательно, что 30,2% респондентов не имеет своей семьи. Следовательно, для некоторых из них одним из значимых мотивов может быть устройство личной жизни на новом месте. В целом же определяющими причинами миграции являются экономические факторы. Например, в качестве основного мотива отъезда с прежнего места жительства 75,4% опрошенных указали стремление «обеспечить себя и свою семью», 19,6% — «получение образования», 8,9% — «ведение бизнеса». Среди других значимых причин отъезда респонденты назвали «личные причины» — 10,1% и «политические причины» — 3,9%.

И в общественном сознании, и в оценках экспертов широкое хождение имеет представление о невысоком человеческом потенциале мигрантов. Действительно, сегодня у многих из них присутствуют трудности в общении на русском языке с местным населением. Конечно, в качественном смысле они не замещают наших соотечественников, уезжающих на Запад. Однако для своих стран эта социальная категория достаточно «продвинутая» в отношении образования и профессиональной квалификации. Так, высшее образование имеют 20,7% участников опроса, среднее специальное — 20,2%, профессиональное техническое — 11,7%, полное среднее — 37,2%. При этом образовательный потенциал женщин-мигранток оказался выше, чем у мужчин: 30% респонденток имеют высшее образование, 30% — среднее специальное. Для сравнения, только 16,6% мужчин-мигрантов имеет высшее образование, 15,9% — среднее специальное.

Среди объективных предпосылок, успешно влияющих на характер адаптации, были выделены следующие:

1) хорошее знание русского языка (плохое знание языка рассматривалось как фактор, затрудняющий интеграцию);

2) опыт жизни в городской среде (опыт жизни в сельской местности оценивался как затрудняющий «вхождение» в среду мегаполиса фактор);

3) постоянный статус пребывания (временное пребывание рассматривалось как препятствующий фактор);

4) готовность принять российское гражданство (да / нет);

5) местопребывание семьи (в России / в стране выхода).

Оказалось, что русский язык как основной использует 60,4% респондентов. Среди них большинство легко говорит на русском языке (63,6%). Свой национальный язык как основной использует 37,4% мигрантов. Таким образом, можно заключить, что $\frac{2}{3}$ из них не испытывают языкового барьера в общении с местным населением, при этом достаточно активно пользуясь и родным языком. Поскольку статистически пригодными для сравнения оказались лишь две группы — выходцев из Киргизии и из Узбекистана, именно они были отобраны для оценки языковой дистанции с принимающим сообществом. Оказалось, что с выходцами из Узбекистана у местного населения языковая дистанция значительно меньше, чем с выходцами из Киргизии. Большинство выходцев из Узбекистана признали, что они легко говорят по-русски (75%), тогда как среди выходцев из Киргизии таковых оказалось чуть больше половины (54,7%).

Опыт жизни в городской среде может облегчить вхождение в социальный интерьер современного мегаполиса. Однако выходцы из города и села поделились в выборке примерно пополам: 52,2% мигрантов жили в стране выхода до приезда в Новосибирск в городе, 47,8% — в селе. Таким образом, значение этого фактора пока остается нейтральным с точки зрения инкорпорации мигрантов.

Значительная доля мигрантов рассматривает Новосибирск как место временного пребывания: 44,2% приехали сюда на время сезонной работы. Как место постоянного пребывания Новосибирск рассматривают только 41,4% респондентов, учебы — 7,2%.

Показателями, определяющими ориентацию на долгосрочное пребывание в России и, как следствие, необходимость инкорпорирования в российский социум, являются место пребывания семьи и готовность принять российское гражданство. На вопрос о месте пребывания семьи и готовности перевезти ее, в том случае, если она осталась в стране исхода, были получены следующие ответы «семейных» участников опроса: *«моя семья живет со мной»* — 31,8% респондентов, *«моя семья осталась на прежнем месте жительства, и я не планирую ее перевозить»* — 24,6%; *«моя семья осталась на прежнем месте жительства, но я собираюсь ее перевозить»* — 13,4%. Таким образом, большая часть тех, у кого есть семья (45,2%), связывает ее ближайшее будущее с Россией, и меньшая часть (24,6%) отказывается от такой перспективы.

Что касается гражданства РФ, то у 38,1% опрошенных оно уже имеется. Еще 34,1% планирует его получить. И, наконец, 27,8% мигрантов не планируют получать гражданство РФ. Таким образом, можно предположить, что примерно для четверти мигрантов Новосибирск является временным местом жиз-

ни и работы, и свой «сезонный» статус эти респонденты в ближайшем будущем менять не собираются. Для остальных из группы респондентов, прибывших на временную работу, вопрос о дальнейшем пребывании в статусе мигранта либо резидента остается, видимо, открытым.

Итак, три из пяти факторов — знание языка, место пребывания семьи и готовность принять гражданство — оказались, в принципе, благоприятными с точки зрения возможности и желания мигрантов в дальнейшем инкорпорироваться в российский социум. Влияние двух оставшихся факторов — опыт жизни в городском сообществе и постоянный / временный статус пребывания — можно рассматривать пока как нейтральное.

Сравнивая две группы — выходцев из Киргизии и из Узбекистана — с точки зрения их ориентаций на стремление стать частью российского социума, обращает на себя внимание тяготение к России киргизских мигрантов и сохранение устойчивой ориентации на страну исхода у выходцев из Узбекистана. Среди узбеков выше процент тех, кто оставил семью на прежнем месте жительства и не планирует ее перевозить (41,3%). Для сравнения, среди выходцев из Киргизии таковых оказалось лишь 10,9%. 39,7% киргизских мигрантов приехали в Новосибирск с семьей, 13,6% — планируют перевезти семью к себе.

Почти половина киргизских мигрантов уже имеет российское гражданство (47,2%). Планируют стать гражданами РФ 26,4% выходцев из Киргизии. Из опрошенных узбекских мигрантов только один имел российское гражданство. Большинство же выходцев из Узбекистана (54,5%) не планируют становиться гражданами России.

Оказалось, что степень определенности этнической идентичности выходцев из Узбекистана выше в сравнении с прибывшими в Новосибирск мигрантами из Киргизии. Так, в группе выходцев из Узбекистана почти 2/3 участников опроса обладают определенной этнической идентичностью (44,7% — узбекской, 18,4% — русской), тогда как в группе выходцев из Киргизии таковых оказалось меньше половины (32,8% назвали себя киргизами, 10% — русскими). Остальные участники опроса выбрали иные варианты ответа: либо «затрудняюсь ответить» (21% выходцев из Узбекистана и 26% из Киргизии), либо «считаю себя представителем сразу двух народов» (16% и 21% соответственно), либо «другое» (3% выходцев из Киргизии).

Можно предположить, что часть киргизской диаспоры избрала ассимиляционную модель интеграции в региональный социум Новосибирска, что предполагает размывание, а в ряде случаев и смену этнической идентичности. Наиболее последовательно связывают свою этническую принадлежность со страной выхода таджики (17 из 21 чел.), однако статистически выделить их для сравнения как самостоятельную группу представляется затруднительным.

Среди субъективных факторов (предпосылок), влияющих на характер инкорпорации мигрантов, были выделены следующие:

– представление о возможности укорениться на новом месте;

- ощущение похожести / непохожести с местными жителями;
- желание стать «своим» для местных жителей;
- ощущение «дома» на новом месте;
- чувство общности с Россией / СССР.

Представления о возможности укорениться на новом месте были получены из ответов на вопрос **«Сколько лет, на Ваш взгляд, нужно прожить здесь, чтобы считаться местным жителем?»**. Как показало распределение ответов на этот вопрос, возможность укорениться на новом месте в течение нескольких лет для большинства мигрантов представляется вполне реальной.

Что касается желания стать частью «большинства» на новом месте, то его испытывают 72,4% мигрантов. Меньшинство — 27,6% респондентов, ответивших на вопрос **«Хотели бы здесь стать “своим”, т. е. ближе к местным жителям, соседям?»** — выбрали ответ *«нет, не вижу в этом необходимости»*. Такое распределение ответов на данный вопрос косвенным образом подтверждает сделанный немного выше вывод о том, что примерно для четверти мигрантов крупный российский мегаполис (каков по своему статусу Новосибирск) является временным местом пребывания, и в ближайшем будущем они не изменят отношения к ситуации своего пребывания в нем.

«Считаете ли Вы, что местное население, россияне в целом, очень похожи на Вас?». На этот вопрос положительно ответили 15,9% респондентов. *«Немного похожи»*: так полагают 30,5% опрошенных. *«Местное население, россияне в целом, значительно отличаются от меня»*, — так считают 27,4%. Остальные участники опроса затруднились с ответом. Можно с определенной долей осторожности предположить, что для части мигрантов граница между ними и местным населением представляется как преодолимая, проницаемая, открытая.

Ключевым вопросом, определяющим отношение к новой родине, является вопрос об ощущении «дома». Лишь немногие из участников опроса ответили, что их дом здесь, на новом месте. Таковых оказалось 18,5%. Для 68,5% респондентов дом «остался там», в стране исхода. Влияние показателя «ощущение дома» можно оценивать как отрицательный фактор с точки зрения возможности инкорпорации в принимающее сообщество.

Наконец, при ответе на вопрос **«С кем Вы чувствуете наибольшую общность?»** были получены распределения, свидетельствующие о лояльности как к существующим ныне этническим и гражданским общностям, так и к уже оставшимся в прошлом (на этот вопрос можно было выбрать несколько вариантов ответа). Наибольшую лояльность опрошенные испытывают к современной России — 38,8% респондентов. Второе по значимости место в иерархии лояльностей к государственно-политическим образованиям занимает СССР — 34,1% испытывают с ним чувство общности. 20,6% испытывают чувство общности со страной своего исхода (табл. 4).

Таблица 4

Лояльность гражданским ценностям, %

Ощущают близость	%
С современной Россией	38,8
С СССР	34,1
С людьми «своей» национальности	26,5
Со страной исхода	20,6
С «малой» родиной	15,9
С единоверцами	11,2

Таким образом, три из пяти субъективных факторов (возможность «укорениться», желание стать «своим», чувство общности с Россией / СССР) оказались благоприятными с точки зрения возможности и желания мигрантов быть интегрированными в пространство российского социума. Однако ключевой фактор, фактор «дома», работает негативно в плане перспективы этой интеграции. Это означает, что многие мигранты не испытывают ощущения надежности и защищенности на новом месте, привязанности к новой родине, и следствием этого может быть отсутствие уверенности в завтрашнем дне, спонтанный рост тревожности и недоверия по отношению к местным жителям.

Определенный интерес представляло сопоставление лояльности к исламу с другими лояльностями, в частности, имеющими общегражданский характер. Наибольшей лояльностью, в сравнении с другими, пользуются государственно-политические лояльности: близость с СССР и с его преемницей Россией. Учитывая то обстоятельство, что более трети респондентов выбрали в качестве объектов лояльности и ислам, и Россию (либо СССР), можно предположить, что они не рассматривают ислам как препятствие для проявления лояльности по отношению к России.

Напомним, что верующими себя считает 94% респондентов. При этом ощущают свою принадлежность к исламу 96,6% участников опроса. Можно предположить, что ислам для большинства мигрантов является маркером их принадлежности к определенному культурному пространству и более чем третью респондентов (выбравших в качестве объектов лояльности и ислам, и Россию / СССР) не рассматривается как препятствие для проявления лояльности по отношению к России.

«Столкновение цивилизаций» и социокультурные аспекты проблемы миграции

Христианство, одной из ветвей которого является православие, и ислам принято относить к мировым религиям — наднациональным, распространенным поверх этнических и политических границ конфессиональным системам. Как утверждал С. Хантингтон, идеологическое противостояние, которое в про-

шлом становилось источником конфликтов, более не влияет на расстановку политических сил в мире. В наступившем веке определяющим, по его мнению, станет конфликт ценностей, культур, религий.

Зрелые, в терминах Хантингтона, страны Запада, к которым он относит и Россию, утратили «юношескую энергию к экспансии». Низкий уровень рождаемости и стареющее население характеризуют их демографический статус. Исламские же страны переживают демографический рост и так называемое «исламское возрождение». В 80–90-е гг. XX в. в исламском мире наблюдается отказ от вестернизации. Притязания на универсалистский характер своей культуры делают каждую из сторон этого противостояния потенциальной участницей затяжных локальных войн. При этом «столкновение цивилизаций», как прогнозирует Хантингтон, будет происходить уже не только между странами, но и внутри полиэтничных стран. Быстрее остальных, предрекает он, почувствуют на себе последствия этого процесса те страны, которые «принимают» население «окраин». Стремление обособиться и дистанцироваться — таковы в массе отношения между стареющим коренным населением и «пришельцами» с периферии глобального мира¹⁰¹.

В какой мере этот прогноз относится к России? История России, как утверждал В. О. Ключевский, это история колонизации. Исторически миграционные потоки возрастали по мере расширения России. Русские в межэтнических отношениях оставляли вновь включенным в состав Российской империи народам две возможности: культурную ассимиляцию и гражданскую натурализацию. Нерусские народы становились российскими подданными и, обретая новую родину, расселялись за пределы исторической родины.

На пике своего могущества, после Второй мировой войны, в СССР сменился колонизационный тренд. 60–70-е гг. XX в. наметили отрицательные тенденции в воспроизводстве населения страны. Тогда же начинается реколонизация — возвращение русских на территории, которые ранее продуцировали колонизационные волны, за счет которых происходило расширение границ государства. С конца 80-х гг. XX в. до 2003 г. демографы фиксировали сокращение населения на севере и востоке страны. Русские двинулись в свой исторический центр, а многие и на Запад, с которым у части народа произошла устойчивая культурная ассоциация. «Западный дрейф» — движение населения с востока на запад — пополнял население центральных округов России за счет притока с восточного (Восточная Сибирь и Дальний Восток), южного (Северный Кавказ) и северного (европейский Север) направлений¹⁰².

¹⁰¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переосмысление мирового порядка (The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order, 1996). URL: <http://lib.rus.ec/79038/read>. С. 343.

¹⁰² Выхованец О., Градировский С., Житин Д., Лопухина Т., Мкртчян Н. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития. Аналит. докл. 2005. URL: www.archipelag.ru/agenda/povestka/naturalization/doclad.

Однако к настоящему моменту ресурсы миграции внутри России исчерпаны. Подсчеты специалистов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН показали, что миграционного потенциала при нынешних масштабах внешней миграции недостаточно для того, чтобы остановить процесс сокращения численности населения РФ¹⁰³.

По своему геостратегическому статусу Россия представляет собой страну с территорией и объемом природных ресурсов, намного превышающими многие страны мира. Дальнейшее сокращение населения в азиатской части страны в будущем может пагубно сказаться на ее долгосрочном развитии, учитывая фактор динамично развивающегося, густонаселенного Китая. Втягивание в орбиту чужих интересов, навязанная сырьевая специализация, низкая степень интегрированности в единое социокультурное пространство — вот далеко не полный перечень тех проблем, которые необходимо решать уже сегодня. Не является ли в этой ситуации миграция «меньшим из зол» для России? Миграция могла бы стать средством восполнения недостатка трудовых ресурсов, утвердить Россию в роли регионального лидера, служить культурным каналом поддержки связи с бывшими соотечественниками.

В связи с такой перспективой возникает несколько вызовов. Не окажется ли гражданская составляющая российской идентичности нерусских народов, в том числе и тех, кто ориентирован на исповедание ислама, подавлена ее этнической компонентой? В СССР советская идентичность давала им возможность для преодоления локальной замкнутости и вхождения в общности более широкого, нежели этнические или локальные, порядка, открывала каналы для социальной мобильности, вела к изменению образа жизни. Распад СССР и интенсивное вхождение России в глобализационные процессы сузили и фрагментировали идентичность. Люди отказываются от абстрактной солидарности и ищут единения в «конкретных» формах идентичности. В этих условиях ассоциация со страной исхода может оказаться более сильной установкой в сравнении с перспективой гражданской натурализации.

Другим вызовом является отношение мусульман к национальному государству. Значимость национальной идентичности в разных культурах оценивается по-разному. Как отмечает С. Хантингтон, для мусульманского мира характерно *U*-образное «распределение идентичностей»: сильнее всего приверженность семье и роду, а также принадлежность к исламу; лояльность к нации и национальному государству находится между этими полюсами и проявляется достаточно слабо. В западном мире, напротив, распределение идентичностей в последние два столетия имело вид перевернутой *U*: нация в верхней точке фигуры подразумевала глубокую преданность, превосходившую преданность семье и вере¹⁰⁴.

¹⁰³ Вишневский А. Г. Альтернативы миграционной стратегии для России и политика идентичности. С. 305–321; Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции. С. 72–87.

¹⁰⁴ Хантингтон С. Кто мы? С. 42.

Какими ресурсами обладает российское общество для того, чтобы процесс интеграции разнородных в этническом и конфессиональном отношении культурных групп в единое социокультурное пространство протекал более органично и естественно?

* * *

Становление новой российской идентичности тесно связано с выработкой нового отношения к соотечественникам, как к русским, так и к нерусским. При это речь не должна идти только о репатриации. «Выскребание» русских из стран СНГ будет означать сворачивание геокультурного и геополитического присутствия России на ее периферии.

Работа с соотечественниками должна быть направлена на облегчение пересечения границ, процедур оформления виз и получения гражданства, возможность иметь двойное гражданство, широкий культурный обмен, включая знакомство с достижениями соседей. И конечно, при разработке культурной политики государства должен быть учтен фактор русского ислама, явления, которое возникло на пограничье русской и исламской культуры. Русский ислам — городское явление, комплементарное современному крупному городу с его многоукладностью, поликонфессиональностью, миграционной привлекательностью. Русским он назван по языку коммуникации и, в возможной перспективе, языку идентичности. Характеризуя это явление, С. Градировский выделил тенденции, сопровождающие его становление: массовый переход в городских мечетях на русский язык; переход исламского книгоиздательства на русский язык; принятие госстандарта по исламской теологии и разворачивание образовательного процесса преимущественно на русском языке в традиционном для России методологическом поле; становление исламских русскоязычных СМИ; появление исламских интеллектуальных сообществ, думающих и говорящих на русском языке¹⁰⁵. Русский ислам — это явление, которое принадлежит одновременно исламской и российской культуре. Он мог бы стать в будущем одним из тех дискуссионных подиумов, на котором обсуждаются новые смыслы понимания образа России.

Культурное и конфессиональное многообразие России в ближайшее время будет возрастать. «Кто мы?» и что стоит за этим «мы»? На эти вопросы вынуждены отвечать все страны постоянно и независимо от статуса «успешности» или «укорененности» в мировой геополитической структуре.

¹⁰⁵ Градировский С. Культурное пограничье: русский ислам. 2003. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/novie-identichnosti/islam/cultural-bound

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сибирь — сердце Северной Евразии — занимает особое место в истории России. Разговор о России невозможно вести сегодня вне ее «сибирского» измерения, включающего не только сырьевую составляющую и огромные территории, имеющие жизненное значение для экологии нашей планеты. Сибирь важна не только как транспортная артерия, соединяющая Европу и Азию. Самое главное ее богатство заключается в людях. Присутствие здесь населения с высоким индексом развития человеческого потенциала обеспечивает стратегический приоритет России в выстраивании диалога между Востоком и Западом.

Сибирское «измерение» образа России имеет собственные, глубоко органичные российской цивилизации истоки формирования и законы эволюции. Понятие «Сибирь» появляется на ментальных картах уходящего в прошлое средневекового мира одновременно с конструктом «Россия». Движение от Руси к России осуществляется параллельно с превращением Великой Тартарии в Сибирь.

Россия создавалась как государство через территориальное расширение, которое позволило обеспечить безопасность от внешних угроз в ее историческом центре. Это обусловило такую ситуацию, при которой народы, составлявшие ранее часть иных цивилизационных платформ, интегрировались в российский социум, обогащая его, но и испытывая в то же время влияние доминирующего русского этноса. Долгое время границы этого расширяющегося пространства не были маркированы на географических картах.

С распадом СССР наблюдается иная картина: пространство российской цивилизации оказывается шире геополитического пространства России как государства. С учетом этого обстоятельства весьма сложно провести на «дисциплинарной карте» демаркационную линию между внутренней геополитикой, понимаемой в данной работе как совокупность направленных на социокультурную интеграцию институциональных моделей и неформальных практик геополитических субъектов (людей, народов, государств), с одной стороны, и внешней геополитикой государств, с другой стороны.

В этом смысле обращение к Сибири, ее статусу и образу в общественном сознании россиян, локализации на ментальной карте России представляется чрезвычайно актуальной задачей. Выделение трех этапов структурной и ментальной трансформации региона, связанных с его транзитно-ресурсным, индустриальным и инновационным освоением, позволило выявить повышающую направленность данного тренда — от буферной зоны к внутренней периферии, от внутренней периферии к провинции, от провинции к «ядру» — при суще-

ственном расширении функциональных характеристик геополитического объекта за счет дополнения новыми специализациями.

В XX в. Сибирь стала Россией в полной мере. Появление такой субдисциплины, как внутренняя геополитика является косвенным свидетельством возросшего интереса научного сообщества к этому и другим регионам России, народам, населяющим их, в изменившемся глобальном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абашиш С. Н.* В. П. Наливкин: «...будь то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». Кризис ориентализма в Российской империи? // *Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. Г. Суворовой.* Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 43–96.
2. *Аблажей А. М.* Межкультурные взаимодействия: методологический анализ в контексте проблемы этнической самоидентификации // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2001. № 1. С. 72–75.
3. *Аванесова Г. А.* Социокультурная динамика населения Сибири в рамках российского государства // *Цивилизации и культуры.* М.: ИВ РАН, 1995. Вып. 2. С. 156–183.
4. *Аванесова Г. А.* Государство и власть как факторы культурно-цивилизационной интеграции российского общества: пример Сибири // *Цивилизации и культуры.* М.: ИВ РАН, 1996. Вып. 3. С. 190–206.
5. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
6. *Авксентьев В. А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь: Изд-во СевКавГУ, 2001. 267 с.
7. *Авксентьев В. А.* Этнополитическая идентичность в постсоветской России как фактор конфликтогенности // *Вестн. СевКавГТУ.* Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 1 (11). URL: <http://www.nsctu.ru>
8. *Авксентьев В. А.* Становление подходов к изучению межэтнических конфликтов в приграничье // *Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе.* М.: Научно-образоват. форум по междунар. отношениям, 2005. С. 53–71.
9. *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В.* Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // *Социологические исследования (Социс).* 2010. № 12. С. 18–27.
10. *Агеев А. Д.* Сибирь и американский запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005. 334 с.
11. *Агеев В. С.* Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. М.: МГУ, 1990. 239 с.
12. *Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников; Ин-т истории и археологии.* М.: Наука, 2004. 600 с.
13. *Аксютин Ю. М., Анжиганова Л. В.* Имперская культура: система ценностей, символы, ритуалы. Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2011. 188 с.

14. *Акулов М. Р.* Изменение численности и состава рабочих Новосибирска в годы Великой Отечественной войны // Изменения в составе и культурно-техническом уровне рабочего класса и крестьянства Сибири: Тез. докл. и сообщений Всесоюз. симпозиума. Новосибирск, 1974. С. 65–67.
15. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 290 с.
16. *Алпатов В. М.* Языковая политика в России и Франции // Диаспоры. 2003. № 1. С. 68–85.
17. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
18. *Андреев А. И.* Описания о жизни и упражнениях обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных иноверцах // Советская этнография. 1947. № 1. С. 84–103.
19. *Анжиганова Л. В.* Тюрки Южной Сибири: оценка исторического прошлого и перспектив развития // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. Вып. 8. С. 144–147.
20. *Антипов Г. А.* Имиджи Сибири — по их сути // Имиджи Сибири / Под ред. В. И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2008. С. 83–94.
21. *Антошенко А. В.* Россия в контексте всемирной истории (Евразийский проект Г. В. Вернадского) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 33–34.
22. *Арутюнян Ю. В.* Выступление на круглом столе «Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы» // История СССР. 1987. № 6. С. 67–70.
23. *Арутюнян Ю. В.* Социальная структура // Арутюнян Ю. В., Дробижеева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: Учеб. пособие для вузов. М., 1998. С. 120–132.
24. *Арутюнян Ю. В.* Социальная мобильность и национальная вариативность в политическом сознании // Арутюнян Ю. В., Дробижеева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: Учеб. пособие для вузов. М., 1998. С. 120–132.
25. *Арутюнян Ю. В., Дробижеева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1998. 271 с.
26. *Арутюнян Ю. В.* Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции // Социологические исследования (Социс). 2010. № 12. С. 42–48.
27. *Ахиезер А. С.* Архаичные ценности в современном этническом конфликте // Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ. Ежегодник. М.: РНИСиНП, Центр социол. анализа межнац. конфликтов (ЦСАМК), 1994. С. 36–38.
28. *Бабков А.* Иконографический подход в работах французских геополитиков // Власть. 2010. № 7. С. 69–73.

29. *Баньковская С. П.* Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // *Отеч. зап.* 2002. № 6. С. 457–467.

30. *Баскин А. С.* Экономика России как особый объект теоретико-экономического анализа // *Вестн. Удмурт. ун-та. Серия: Экономика.* 2003. С. 21–29.

31. *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // *Российская империя в зарубежной историографии: Антология.* М.: Новое изд-во, 2005. С. 277–310.

32. *Бекмаханова Н. Е.* Государственное законодательство и народы России // *Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия.* М.: Наука, 2003. С. 21–81.

33. *Белков П. Л.* О методе построения теории этноса // *Этносы и этнические процессы. Памяти Р. Ф. Итса.* М.: Наука; Вост. лит., 1993. С. 48–62.

34. *Бердяев Н. А.* Евразийцы // *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология.* М.: Наука, 1993. С. 292–300.

35. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.

36. *Берлин И.* Великая европейская страна // *Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России.* М.: РОССПЭН, 2003. С. 512–513.

37. *Бессонова О. Э.* Раздаточная экономика России: эволюция через трансформацию. М.: РОССПЭН, 2006. 143 с.

38. *Библия.* Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 1993. 298 с.

39. *Богатуров А. Д.* Современный мир: система или конгломерат? // *Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2002. С. 129–144.

40. *Бойко В. А.* Традиционная культура в условиях активного промышленного освоения северных территорий // *Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур.* Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1995. Т. 2. С. 87–88.

41. *Бойко В. И.* Россия — Сибирь в сценариях мироустройства XXI века // *Сибирь в геополитическом пространстве XXI века.* Новосибирск: Изд-во Инта археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 11–40.

42. *Борисов Б. Л.* Повышение культурного уровня рабочего класса Сибири и рост его политической активности // *Изменения в составе и культурно-техническом уровне рабочего класса и крестьянства Сибири: Тез. докл. и сообщений Всесоюз. симпозиума.* Новосибирск, 1974. С. 12–14.

43. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 124 с.

44. *Бродель Ф.* Что такое Франция? М., 1994. Кн. 1. Пространство и история. 406 с.
45. *Бродников А. А.* Сбор ясака: зависимость процесса объяснения от потестарно-политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 119–123.
46. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.
47. *Бромлей Ю. В.* Выступление на круглом столе. «Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы» // История СССР. 1987. № 6. С. 51–57.
48. *Валлерстайн И.* После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
49. *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.
50. *Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайтцер П.* Русские старожилы Сибири. М.: Новое изд-во, 2004. 291 с.
51. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произв.: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. С. 44–271.
52. *Вишневский А. Г.* Альтернативы миграционной стратегии для России и политика идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006. С. 305–321.
53. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999. 351 с.
54. *Выхованец О., Градиловский С., Житин Д., Лопухина Т., Мкртчян Н.* Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития: Аналит. докл. 2005. URL: www.archipelag.ru/agenda/povestka/naturalization/doclad.
55. *Вьюницкий В.* Национальные партии: конец начала или начало конца? // Этнополитический вестн. (Этнополис). 1995. № 2 (8). С. 143–154.
56. *Гвоздева Г. П.* Развитие человеческого потенциала России: кросскультурный и региональный аспекты // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития (Исследования Новосибирской экономико-социологической школы) / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина, О. Э. Бессонова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. С. 265–280.
57. *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. М.: Праксис, 2002. С. 146–200.
58. *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение: Учебник. М.: Гардарики, 2000. 382 с.
59. *Гордиенко А. А.* К концепции устойчивого развития малочисленных народов Севера Сибири // Управление, технологии и человеческие ресурсы в Арктике. Новосибирск, 1996. С. 218–221.

60. *Градировский С.* Культурное пограничье: русский ислам (2003). URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/novye-identichnosti/islam/cultural-bound/
61. *Григорьева Т. Г.* Дао и Логос (встреча культур). М.: Наука, 1992. 424 с.
62. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 496 с.
63. *Гумилев Л. Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Айрис-пресс, 2002. 320 с.
64. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
65. *Гусев А. Н.* Категория социальной дистанции в творчестве Г. Зиммеля // Социс. 2009. № 4. С. 123–130.
66. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому / Сост. и коммент. А. В. Белова / Отв. ред. О. А. Платонов. 2-е изд. М.: Ин-т рос. цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
67. *Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. 382 с.
68. *Дергачев В. А.* Геополитика: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 526 с.
69. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: 1984. Т. 27.
70. *Дробижева Л. М.* Межэтнические отношения // Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 184–212.
71. *Дробижева Л. М.* Этническая социология в СССР и постсоветской России // Социология в России: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Высш. образование, 1998. С. 195–214.
72. *Дробижева Л. М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М.: Ин-т социологии, 2002. С. 213–244.
73. *Дробижева Л. М.* Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 16–28.
74. *Дробижева Л. М.* Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сб. в честь Ю. В. Арутюняна / Отв. ред. М. Н. Губогло; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2005. С. 14–25.
75. *Дружинин А. Г., Суций С. Я.* Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 1994. 575 с.

76. *Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация* / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010.

77. *Ерасов Б. С. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., доп. и перераб.* М.: Аспект Пресс, 2000. 591 с.

78. *Ермаков Ю. Г., Игнатьев Г. М., Куракова Л. И. и др. Физическая география материков и океанов: Учебник для геогр. спец. ун-тов.* М.: Высш. шк., 1988. 562 с.

79. *Ерохина Е. А. О некоторых особенностях межэтнических взаимоотношений русских с аборигенами Западной Сибири* // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 1. С. 73–78.

80. *Ерохина Е. А. Влияние мировоззренческих ценностей русского этнического сознания на характер восприятия иноэтнических культур Западной Сибири: XVII — середина XIX вв.* // **Русские Сибири: культура, обычаи, обряды.** Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 5–15.

81. *Ерохина Е. А. Этническое самосознание в межэтнических взаимодействиях: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук.* Новосибирск: F1, 1999. 24 с.

82. *Ерохина Е. А. Этническое развитие народов России и перспективы становления российской нации* // Новые исследования Тувы. 2010. № 4. URL: <http://www.tuva.asia/persons/2127-erokhina>.

83. *Ефимкин М. М. Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация.* Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. 312 с.

84. *Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции* // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2005. № 3 (30). С. 72–87.

85. *Зайончковская Ж. А. Иммиграция: альтернативы нет* // Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В. И. Мукомеля и Э. А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 7–30.

86. *Замалеев А. Ф. Три лика России* // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 5–16.

87. *Замятин Д. Н. Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России* // Регионология. 1999. № 1. С. 163–173.

88. *Замятин Д. Н. Амальгама* // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 411–412.

89. *Замятин Д. Н. Географические образы: Словарь* // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 687.

90. *Замятин Д. Н. Славия* // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 482–483.

91. *Замятин Д. Н. Чувство Европы* // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 45–46.

92. *Замятин Д. Н.* Основные политико-географические и геополитические термины и понятия // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 688–689.

93. *Замятин Д. Н.* Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004. 352 с.

94. *Замятин Д. Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

95. *Замятин Д. Н.* Вообразить Россию: Географические образы и пространственная идентичность в Северной Евразии // Россия: воображение пространства / пространство воображения (Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Спец. выпуск) / Отв. ред. И. И. Митин; сост. Д. Н. Замятин, И. И. Митин. М.: Аграф, 2009. С. 13–23.

96. *Замятин Д. Н.* Метагеографические образы Сибири // Независимая газета. 2010. 22 сент. URL: http://www.ng.ru/science/2010-09-22/14_sibiria.html.

97. *Заславская Т. И.* Социентальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция. М.: Дело, 2003. 567 с.

98. *Зверев В. А., Зуев А. С., Кузнецова Ф. С.* История Сибири: Учеб. пособие для 8-го класса общеобразовательных учреждений. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1999. Ч. 2. Сибирь в составе Российской империи. 376 с.

99. *Зверев В. А., Кузнецова Ф. С.* История Сибири: Хрестоматия по истории Сибири: Учеб. пособие для общеобразовательных учреждений. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2003. Ч. 1. XVII — начало XX века. 296 с.

100. *Зорин В. Ю., Степанов В. В., Тишков В. А.* Этнокультурные процессы и этническая политика // Большая российская энциклопедия. М., 2004. URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/kollektivn3/bolshaya>.

101. *Иванов А.* Хребет России. СПб.: Азбука-классика, 2010. 272 с.

102. *Иванов В. Н.* Федерализм и безопасность государства // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сб. в честь Ю. В. Арутюняна / Отв. ред. М. Н. Губогло; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2005. С. 76–97.

103. *Изгарская А. А.* Методы объяснения и предсказания в геополитических теориях // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 52–62.

104. *Ильин М. В.* Проблемы формирования «острова России» и контуры его внутренней геополитики // Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия 12. Политические науки. 1995. № 1. С. 37–53.

105. *Ильин М. В.* Российский Дальний Восток в геополитической системе координат азиатско-тихоокеанского региона // Россия и Корея в меняющемся мире: Материалы науч.-практ. конф. Серия: Научные доклады. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1997. № 48. С. 33–47.

106. *Ильин М. В.* Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. №3. С. 82–94.

107. *Исакова Н. В.* Культура и человек в этническом пространстве: этнокультурологический подход к исследованию социальных процессов. Новосибирск: НГПУ, 2001. 343 с.

108. *Исмаил-Заде Д. И.* Система управления и российская бюрократия // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М.: Наука, 2003. С. 82–135.

109. *История Новосибирской школы этносоциологии: Материалы круглого стола // Этносоциологию — молодым: Материалы Междунар. школы молодых этносоциологов / Под ред. Ю. В. Попкова, Е. А. Ерохиной.* Новосибирск: Нонпарель, 2009. С. 10–24.

110. К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации // *Вопр. истории.* 1970. № 8. С. 86–98.

111. *Каганский В. Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. ст. М.: НЛЮ, 2001. 576 с.

112. *Казначеев С. М.* Сибирь и Север как брэнды русской культуры // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия.* Новосибирск, 2005. Т. 3, вып. 2. С. 75–80.

113. *Калтахчян С. Т.* Нация // *Большая советская энциклопедия.* М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 17. С. 375–376.

114. *Капелюшников Р. И.* Деконструируя Поланьи (заметки на полях «Великой трансформации»). М.: ГУ ВШЭ, 2005. Препринт. 40 с. URL: http://new.hse.ru/sites/infospace/podrazd/uvp/id/preprints/DocLib/WP6_2005_01.pdf

115. *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.

116. *Каспэ С. И.* Имперская политическая культура в условиях модернизации // *Полития.* 1998. № 3. С. 42–57.

117. *Кауфман А. А.* Население // *Сибирь // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.* СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.

118. *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП, 2001. 308 с.

119. *Киреевский И. В.* Избр. ст. М.: Современник, 1984. 383 с.

120. *Клевецкий М. Я.* Руководство к географии с употреблением земного шара и ландкарт. СПб., 1773.

121. *Климова С. Г., Чаликова В. А.* Национальные отношения: Процесс осмысления в науке и общественном сознании // *Межнациональные отношения в СССР: история и современность. Сб. реферативных обзоров.* М.: ИНИОН, 1991. С. 17–44.

122. *Ковалюшкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях государственной политики и областинической мысли: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 21 с.

123. *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 79–92.
124. *Козлов В. И.* Национальности СССР. Этнодемографический обзор. 2-е изд. М.: Финансы и статистика, 1982. 303 с.
125. *Козьмин Н. Н.* Г. Н. Потанин. Биографический очерк // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 132–141.
126. *Концепция* социального и экономического развития народностей Севера до 2010 г. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1989. 127 с.
127. *Корель Л. В.* Адаптация в меняющемся мире: от традиции к рациональности // Россия и россияне в новом столетии: Вызовы времени и горизонты развития: Исследования новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. С. 143–169.
128. *Королев С. А.* Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России. М.: ИФРАН, 1997. 234 с.
129. *Костинский Г. Д.* Географическая матрица пространственности // Изв. РАН. Сер. геогр. 1997. № 5. С. 16–32.
130. *Костюк В. Г.* Славяно-тюрко-монгольский синтез в евразийской цивилизации // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск, 2003. С. 18–22.
131. *Костюк В. Г., Терещенко О. А.* Новосибирская школа этносоциологии: этапы становления, основные результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1. С. 14–18.
132. *Костюк В. Г., Ерохина Е. А.* «Сибирское» измерение образа России // Россия как цивилизация: сибирский ракурс / Отв. ред. В. Г. Костюк. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008. С. 60–78.
133. *Костюк В. Г.* Новосибирская школа этносоциологии // Социс. 2009. № 3. С. 89–93.
134. *Костюк В. Г.* Цивилизационный подход в российской философии и социологии права // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2011. Т. 9. Вып. 2. С. 47–53.
135. *Кривоногов В. П.* Хакасы: Этнические процессы во второй половине XX века. Абакан: Центавр, 1997. 144 с.
136. *Кропоткин П. А.* Дневники разных лет. М.: Советская Россия, 1992. 462 с.
137. *Крылов М. П.* Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 13–23.
138. *Крюков М. В.* Главной задачей остается проникновение в существо этнических связей // Советская этнография. 1986. № 5. С. 66–80.
139. *Кузнецова Т. А.* Тема Сибири в периодических изданиях Императорского русского географического общества второй половины XIX — начала XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 28 с.

140. *Кушнер П. И.* Национальное самосознание как этнический определитель // Краткие сообщения ин-та этнографии АН СССР. 1949. Вып. 8. С. 3–9.
141. *Кышпанаков В. А.* Национальный состав населения Хакасии в XX веке // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1998. С. 52–53.
142. *Кышпанаков В. А.* Демографическая сфера Хакасии в начале XXI века // Алтай — Россия: через века в будущее: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2006. Т. 1. С. 224–226.
143. *Лаллукка Сеппо.* Предпосылки формирования национального самосознания финно-угорских народов в XIX начале — XX в. // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. Петрозаводск, 2011. С. 8–16.
144. *Ламанский В. И.* Три мира азийско-европейского материка. М.: Книга по требованию, 2011. 137 с.
145. *Ламин В. А.* Лики Сибири — давние и близкие // Имиджи Сибири / Под ред. В. И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2008. С. 44–66.
146. *Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Теоретико-методологический подход к исследованию этнической толерантности в поликультурных регионах России // Толерантность в межкультурном диалоге. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2005. С. 10–41.
147. *Леонтьев А. Н.* Становление психологии деятельности: ранние работы. М.: Смысл, 2003. 439 с.
148. *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 171–296.
149. *Летописи сибирские* / Под общ. ред. Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск: Новосиб. книж. изд-во, 1991. 273 с.
150. *Лотман Ю. М.* Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе. Предварительные замечания // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 5–20. URL: <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/mlotman02>
151. *Лотман Ю. М.* От редакции: К проблеме пространственной семиотики // Тр. по знаковым системам. 19. Семиотика пространства и пространство семиотики. Тарту: Изд-во ТГУ, 1986. Учен. записки Тартус. гос. ун-та. Вып. 720. С. 3–6.
152. *Лотман Ю. М.* Феномен культуры // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 34–45.
153. *Лотман Ю. М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 76–89.
154. *Лотман Ю. М.* Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 90–101.

155. *Лотман Ю. М.* Несколько мыслей о типологии культур // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 102–109.

156. *Лотман Ю. М.* К построению теории взаимодействия культур (Семиотический аспект) // Лотман Ю. М. Избр. произв.: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 110–120.

157. *Лотман Ю. М.* Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 121–128.

158. *Лотман Ю. М.* Устная речь в историко-культурной перспективе // Ю. М. Лотман. Избр. ст.: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 184–190.

159. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 326–344.

160. *Лотман Ю. М.* Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 344–356.

161. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре // Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб.: Искусство-СПб, 2003. С. 348–597.

162. *Лотман Ю. М.* Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9. С. 157–162.

163. *Люцидарская А. А.* От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. Междунар. науч. конф. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1995. Т. 2. С. 165–169.

164. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.

165. *Малахов В.* Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Логос. 2000. № 5–6 (26). С. 5–8.

166. *Малькова В. К.* Республиканская пресса России: новая этно-национальная идеология // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня: Хрестоматия. Минск: Харвест, 2004. С. 3–24.

167. *Малькова В. К.* Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М.: Информполиграф, 2004. 278 с.

168. *Мандельштам О. Э.* Барсучья нора // Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1993. Т. 2.

169. *Мархинин В. В.* Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса (философско-социологический аспект). Томск: Наука, 1989. 242 с.

170. *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. По материалам социологических ис-

следований в Ханты-Мансийском автономном округе. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. 191 с.

171. *Мархинин В. В., Удалова И. В., Выдрина Г. А.* Роль национально-культурных объединений в межэтническом сообществе Югры // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. Вып. 8. С. 261–266.

172. *Межуев Б. В.* «Остров Россия»: время место одной историософской концепции // Российское экспертное обозрение. 2006. № 5 (19). URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/ostrov

173. *Межуев В. М.* Российская цивилизация — утопия или реальность? // Россия XXI. 2000. № 1. С. 44–69.

174. *Межуев В. М.* Идея культуры: очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 406 с.

175. *Менделеев Д. И.* К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002. 559 с.

176. *Мерзосов Г. Г.* Особая ветвь развития // Северный луч. 1995. № 44. С. 4–5.

177. *Миллер А. И.* Империя и нация в воображении русского национализма: Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А. И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004. С. 263–285.

178. *Миллер Н. Н.* Понятие «регион» в международно-политических исследованиях // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Материалы Междунар. конф. (Пятигорск, 21–24 сентября 2004 г.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004. С. 71–74.

179. *Миненко Н. А.* Хождение за «Камень» // Родина. 2000. № 5. С. 64–71. URL: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php

180. *Милов Л. В.* По следам ушедших эпох: статьи и заметки / Отд-ние историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2006. 729 с.

181. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2006. 329 с.

182. *Мионов Б. Н.* Кому на Руси жилось хорошо? // Родина. 2003. № 7. С. 12–16.

183. *Монтескье Ш. Л.* Избр. произв. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. 463 с.

184. *Моро-Дефарж Ф.* Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996. 148 с.

185. *Найт Н.* Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии: Антология. М.: Новое изд-во, 2005. С. 155–198.

186. *Найт Н.* О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии: Антология. М.: Новое изд-во, 2005. С. 324–344.

187. *Нам И. В.* Национально-культурная автономия в России: исторический опыт и современные проблемы // Федерализм в России. Казань: Казан. ин-т федерализма, 2001. С. 195–206.
188. *Нефедов С. А.* Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // *Вопр. истории.* 2006. № 2. С. 113–123.
189. *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Введение // *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология.* М.: Наука, 1993. С. 3–23.
190. *Нурьшиев Г. Н.* Внутренняя геополитика России: исторические основания и современные вызовы // *Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки (философия, языковедение, литературоведение, культурология, история, социология, экономика, право).* 2005. № 5. С. 233–240.
191. *Нурьшиев Г. Н.* Регионы современной России в геополитическом измерении // *Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки (философия, языковедение, литературоведение, культурология, история, социология, экономика, право).* 2005. № 5. С. 240–254.
192. *Нурьшиев Г. Н.* Регионы России в ее геополитическом пространстве: Автореф. дисс. д-ра полит. наук. СПб., 2006. 32 с.
193. *Об идеологической работе КПСС: Сб. документов.* М.: Политиздат, 1977. 465 с.
194. *Окладников А. П.* Этногенез и культурогенез // *Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока.* Новосибирск: Наука, 1973. С. 5–10.
195. *Описание Тобольского наместничества.* Новосибирск: Наука, 1982. 318 с.
196. *Пальцев А.* К вопросу о методологической релевантности категории национальной безопасности // *Власть.* 2012. № 1. С. 120–121.
197. *Панарин А. С.* Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФ РАН, 1995. 262 с.
198. *Панарин А. С.* Юбилей Победы: итоги трех мировых войн для России // *Панарин А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»: Избранная социально-философская публицистика.* М.: ИФ РАН, 1996. С. 68–89.
199. *Панарин А. С.* Расколы и синтезы: конкурс цивилизационных проектов в Евразии // *Панарин А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»: Избранная социально-философская публицистика.* М.: ИФ РАН, 1996. С. 90–126.
200. *Панарин А. С.* «Вторая Европа» или «Третий Рим»: парадоксы европеизма в современной России // *Панарин А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»: избранная социально-философская публицистика.* М.: ИФ РАН, 1996. С. 127–153.
201. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
202. *Пелих Г. И.* Историческая концепция Г. Н. Потанина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 164 с.

203. *Плешаков К.* Сквозь заросли мифов // Pro et contra. Весна 1997. С. 59–70.
204. *Подорога В. А.* Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) // Власть. Очерки современной политической философии Запада. М.: Прогресс, 1989. С. 206–255.
205. *Подорога В. А.* Феномен власти: беседа с С. А. Королевым // Философские науки. 1993. № 1–3.
206. *Подосинов А. В.* Картографический принцип в структуре географического описания древности (Постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22–45.
207. *Поланьи К.* Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени: Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
208. *Попков Ю. В., Бойко В. А.* Политико-правовой статус коренных народов Севера. На пути в мировую цивилизацию. Новосибирск: ИФиП СО РАН, 1997. 52 с.
209. *Попков Ю. В.* Интернационализация в традиционных и современных обществах. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000. 200 с.
210. *Попков Ю. В., Костюк В. Г., Тугужекова В. Н.* Этносы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск: Нон-парель, 2003. 128 с.
211. *Попков Ю. В.* Роль академика А. П. Окладникова в формировании и развитии новосибирской школы этносоциологии // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. С. 8–10.
212. *Попков Ю. В.* Академик А. П. Окладников и сибирская этносоциология // «Номо Eurasicus» у врат искусства: Сб. науч. тр. / Под ред. Е. А. Окладниковой. СПб.: Астерион, 2009. С. 29–34.
213. *Попков Ю. В., Тюгашев Е. А.* Социокультурный подход в регулировании межэтнических отношений // Новые исследования Тувы. 2012. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_13/4471-popkov-tyugashev.
214. *Поршев Б. Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.
215. *Потанин Г. Н.* Областная тенденция в Сибири // Отечество. Краеведческий альманах. Сибирский краеведческий выпуск. 1995. Вып. 6. С. 84–98.
216. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1883. 1046 с.
217. *Права человека: итоги века, тенденции, перспективы* / Под ред. Е. А. Лукашевой. М.: Норма 2002. 448 с.
218. *Пушкарева Н. Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
219. *Пушкин А. С.* О народности и литературе // Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 7. С. 28–30.

220. *Пытин А. Н.* Россия и Европа // *Метаморфозы Европы*. М.: Наука, 1993. С. 74–126.
221. *Ратцель Ф.* Человечество как жизненное явление на земле. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 58 с.
222. *Рафиков Р. Г.* Этносоциальные процессы в Красноярском крае // *Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник*. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. Вып. 8. С. 298–304.
223. *Ремнев А. В.* Призрак сепаратизма // *Родина*. 2000. № 5. С. 10–17.
224. *Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Колонизация Сибири XVIII — начала XX века: империи- и нациостроительство на восточной окраине Российской империи // *История. Антропология. Культурология: Программы и избр. лекции*. Омск: Наука, 2004. Ч. 2. Избр. лекции. С. 4–58.
225. *Ремнев А.* Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX — начало XX века // *Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А. И. Миллера*. М.: Новое изд-во, 2004. С. 286–319.
226. *Ремнев А. В.* Внутренняя геополитика азиатской России конца XIX — начала XX века // *Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего*. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 184–203.
227. *Репина Л. П.* Образы прошлого в памяти и в истории // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*. М.: Кругъ, 2003. С. 9–18.
228. *Родигина Н. Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.
229. *Розов Н. С.* Колея и перевал. М.: РОССПЭН, 2011.
230. *Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р.* Делать знакомое неизвестным: этнографический метод в социологии // *Социологический журнал*. 1998. № 1/2. С. 145–160.
231. *Россия как цивилизация: сибирский ракурс / Костюк В. Г., Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Ерохина Е. А., Мархинин В. В., Удалова И. В., Ушаков Д. В.; Ин-т философии и права СО РАН, отв. ред. В. Г. Костюк*. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008. 262 с.
232. *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997. 191 с.
233. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1993. 565 с.
234. *Рычков Н. Н.* Сибирь: биполярность имиджа // *Имиджи Сибири / Под ред. В. И. Супруна*. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2008. С. 171–182.
235. *Савицкий П. Н.* Степь и оседлость // *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология*. М.: Наука, 1993. С. 123–130.
236. *Савицкий П. Н.* Географический обзор России-Евразии // *Мир России — Евразия: Антология / Сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская*. М.: Высш. шк., 1995. С. 219–232.

237. Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
238. Сагитова Л. В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // ЭтноЖурнал. 2003. № 4. URL: <http://www.ethnonet.ru/lib/1003-01.html>.
239. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 640 с.
240. Селиверстов С. В. Г. Н. Потанин: Сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 3. С. 107–115.
241. Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк по политической географии // Рождение нации. Серия альманахов «Арабески» истории / Сост. А. И. Курчки. М.: ДИ-ДИК. 1996. Вып. 7. С. 593–616.
242. Скворцов Н. Г. Еще раз о предметной области социально-культурной антропологии. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/skvortsov/misc_22.html
243. Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII в. и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии: антология. М.: Новое изд-во, 2005. С. 120–154.
244. Соколовский С. В. Этнографические исследования: идеал и действительность // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 3–13.
245. Солдатова Г. У. Установочные образования в этноконтактной ситуации // Духовная культура и этническое самосознание наций. М., 1990. Вып. 1. С. 221–240.
246. Соловьев В. С. Нравственность и политика. Исторические обязанности России // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 264–279.
247. Соловьев В. С. Русская идея // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 311–339.
248. Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. 388 с.
249. Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования). М.: Наука, 1986. 453 с.
250. Социальные трансформации в России: теория, практика, сравнительный анализ: Учеб. пособие / Под ред. В. А. Ядова. М.: МПСИ; Флинта. 2005. 584 с.
251. Страда В. Хронотоп России // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 5–8.
252. Стремоухов Д. Москва — Третий Рим: источник доктрины // Из истории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. Кн. 1. Московская и Киевская Русь. С. 425–441.

253. *Супрун В. И.* Имидж региона — имидж страны // Имиджи Сибири / Под ред. В. И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2008. С. 14–43.

254. *Суслов В. И., Лавровский Б. Л.* Имидж Сибири в зеркале экономической истории и стратегии // Имиджи Сибири / Под ред. В. И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2008. С. 108–134.

255. *Сусоколов А. А.* Социально-демографическое и этнополитическое развитие этносов // Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 55–85.

256. *Суспицын С. А.* Реалии и альтернативы развития Сибири // ЭКО. 2011. № 9. С. 11–33.

257. *Суций С. Я., Дружинин А. Г.* Геоэтнокультурная система // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 182–184.

258. *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

259. *Тойнби А.* Постижение истории: Сб. / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.

260. *Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка: Пер. с англ. М.: Весь мир, 2000. 296 с.

261. *Трепавлов В. В.* Введение // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М.: Наука, 2003. С. 5–20.

262. *Трепавлов В. В.* Многонациональная цивилизация России: поиски закономерностей // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М.: Наука, 2003. С. 343–377.

263. *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.

264. *Трубачев О. Н.* В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука, 2005. 286 с.

265. *Трубецкой Н. С.* Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 90–99.

266. *Трубецкой Н. С.* «Русская проблема» // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 48–58.

267. *Трубецкой Н. С.* Мы и другие // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 77–89.

268. *Трубецкой Н. С.* Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 36–47.

269. *Тюна В. И.* Мифологема Сибири: к вопросу о сибирском тексте русской литературы // Сиб. филол. журнал. 2002. № 1. С. 24–35.

270. *Уварова Т. Б., Шемберко Л. В.* Исследования по этнологии и социально-культурной антропологии в базах данных Института информации по общественным наукам РАН // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 95–111.

271. Удалова И. В., Мархинин В. В., Выдрин Г. А. Динамика межэтнических отношений в Югре (по материалам социологических исследований 1991–2009 годов в Ханты-Мансийском автономном округе). Новосибирск: Сиб. книж. изд-во, 2010. 176 с.
272. Улуян А. А. Новая политическая география: переформатируя Евразию. М.: ИВИ, 2009. 304 с.
273. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.
274. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФРАН, 1997.
275. Филиппов В. Р., Филиппова Е. И. Камо грядеши? // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 3–17.
276. Флоровский Г. В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 237–265.
277. Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981. 304 с.
278. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 уч. г. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
279. Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии: Антология. М.: Новое изд-во, 2005. С. 311–323.
280. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.
281. Хачатурян В. М. Христианские средневековые цивилизации. Византия // Хачатурян В. М. История мировых цивилизаций // Преподавание истории в школе. 1994. № 8. С. 65–78.
282. Хейзинга Й. Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV в. во Франции и Нидерландах. М.: Айрис-пресс, 2002. 537 с.
283. Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А. С. О старом и новом. М.: Современник, 1988. С. 82–103.
284. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум. Ювента, 1997. С. 16–60.
285. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.
286. Цымбурский В. Л. Циклы «похищения Европы» (Большое примечание к статье «Остров Россия» // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1995. Т. 2. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/comment
287. Цымбурский В. Л. Народы между цивилизациями // Pro et contra. 1997. Т. 2. № 3. С. 154–184.
288. Цымбурский В. Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4. С. 141–175.

289. *Цымбурский В. Л.* Земля за Великим Лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» // Цымбурский В. Л. Россия — земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 6–26.

290. *Цымбурский В. Л.* А знамений времени не различаете... // Цымбурский В. Л. Россия — земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 116–141.

291. *Цымбурский В. Л.* Остров Россия // Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5–28.

292. *Цымбурский В. Л.* Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения // Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 29–43.

293. *Цымбурский В. Л.* Зауральский Петербург: альтернатива для российской цивилизации // Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 278–285.

294. *Цымбурский В. Л.* Дважды рожденная «Евразия» и геостратегические циклы России // Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 441–463.

295. *Цымбурский В. Л.* «Остров Россия» за семь лет. Приключения одной геополитической концепции. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/symbur/67

296. *Цымбурский В. Л.* Дождались? Первая монография по истории российской геополитики. Рецензия на книгу: Алексеева И. В., Зеленев Е. И., Якунин В. И. Геополитика в России: Между Востоком и Западом. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. университета, 2001. URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/review/wait>

297. *Цымбурский В. Л.* ЗАО «Россия» // Русский журнал. URL: <http://old.russ.ru/politics/20020508-tzim>

298. *Цымбурский В. Л.* Откуда подует ветер? // Русский журнал. URL: <http://old.russ.ru/politics/20030410-tzim>

299. *Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 139–154.

300. *Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 139–154.

301. *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. 1967. № 4. С. 94–109.

302. *Челлен Р.* О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства // Полис. 2005. № 2. С. 115–126.

303. *Чешко С. В.* Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35–48.

304. *Чибилев А. А.* Евро-Азиатская граница: история вопроса и современные представления // Информационный портал Всероссийской общественной организации Русское географическое общество. URL: <http://www.rgo.ru/2011/02/evro-aziatskaya-granica-istoriya-voprosa-i-sovremennye-predstavleniya>
305. *Чусовитин Н. Г.* К вопросу о современном уровне образования рабочих // Изменения в составе и культурно-техническом уровне рабочего класса и крестьянства Сибири: Тез. докл. и сообщений Всесоюз. симпозиума. Новосибирск, 1974. С. 15–16.
306. *Шенк Ф. Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней: Обзор литературы: Пер. с нем. // Новое литературное обозрение. 2001. № 6 (52). С. 42–61.
307. *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2005. 312 с.
308. *Шерстова Л. И.* Этнографическая проблематика в труде Г. Н. Потанина «Очерки северо-Западной Монголии». Непреходящая актуальность и современное восприятие // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 2 (14). С. 15–18.
309. *Шиловский М.* Областники были бы против // Вечерний Новосибирск. 1995. 9 февр.
310. *Шиловский М. В.* Сибирские корни евразийства // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 102–111.
311. *Шлезингер А. М.* Циклы американской истории: Пер. с англ. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
312. *Шпенглер О.* Закат Европы: Пер. с нем. М.: Мысль, 1998. Т. 1. Образ и действительность. 671 с.
313. *Шпенглер О.* Закат Европы: Пер. с нем. М.: Мысль, 1998. Т. 2. Очерки морфологии мировой истории. 609 с.
314. *Щербина А.* Влияние интеграционных и модернизационных процессов на российскую империю // Логос. 2004. № 5. С. 201–215.
315. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость: Пер. с фр. СПб.: Алейтея, 1998. 249 с.
316. *Элиаде М.* Священное и мирское: Пер. с фр. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
317. *Ядов В. А.* Личность и ее ценностные ориентации // Информационный бюллетень Советской социологической ассоциации. М., 1969. № 4. С. 34–45.
318. *Ядринцев Н. М.* Иллюзия величия и ничтожества. Россию пятят назад // Литературное наследие Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1979. Т. 4. С. 209–226.
319. *Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В.* Социальная антропология. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 416 с.

-
320. Яценко К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
321. *Ansel J.* Geopolitique. Paris: Delagrave, 1936. 120 p.
322. *Armstrong J.* Nations before Nationalism. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. 411 p.
323. *Arutyunov S.A.* Ethnicity and Conflict in the Caucasus // Socio-Cultural Dimensions in the Slavic-Eurasian World. Sapporo, 1997. P. 56–86.
324. *Cohen A.* Introduction: The Lesson of Ethnicity // Urban Ethnicity. L., 1990. P. IX–XXII.
325. *Demangeon A.* Géographie politique // Annales de Géographie. 1932. P. 22–31.
326. *Demangeon A.* Introduction géographique a l'histoire, d'après le livre de Lucien Febvre // Annales de géographie. 1923. № 32. P. 165–170.
327. *Febvre L.* Problemes de géographie humaine. Paris: Armand Colin, 1942. 405 p.
328. *Foucher M.* Fronts et Frontieres. Un tour du monde geopolitique. Paris: Fayard, 1988. 528 p.
329. *Gottman J.* La politique des Etats et leur géographie. Paris: Armand Colin, 1952. 228 p.
330. *Harley J.B.* Maps, Knowledge and Power // The Iconography of Landscape. Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments / Cosgrove D., Daniels St. (Hg.). Cambridge, 1988. P. 277–312.
331. *Heisler M.* Ethnicity and Ethnic Relations in the Modern West // Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies. Massachusetts, Toronto: Lexington Books, 1990. P. 21–52.
332. *Lacoste Y.* Questions de geopolitique. Paris: Le Livre de poche, «Biblio-Essais», 1988. 146 p.
333. *Smith A.D.* National Identity. L.; N. Y.: Penguin Books, 1991. 231 p.
334. *Vidal de La Blache P.* La terre, géographie physique et économique. Paris: Delagrave, 1883. 304 p.
335. *Vidal de La Blache P.* États et Nations de l'Europe autour de la France. Paris: Delagrave, 1889. 568 p.
336. *Vidal de La Blache P.* La France de l'Est. Paris: Armand Colin, 1917. 280 p. (Réédition, Paris, La Découverte, 1994, avec une présentation d'Yves Lacoste).

Научное издание

Ерохина Елена Анатольевна

**СИБИРСКИЙ ВЕКТОР
ВНУТРЕННЕЙ ГЕОПОЛИТИКИ РОССИИ**

Монография

Редактор *К. В. Шмугурова*
Оригинал-макет *А. С. Терёшкиной*

Подписано в печать 10.12.2012 г.
Формат 70 × 100 1/16. Уч.-изд. л. 26,1. Усл. печ. л. 33,7.
Тираж 200 экз. Заказ №

Редакционно-издательский центр НГУ
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.